15498.

ковъ

Трудъ

15498
1878

ВОЙНА и ТРУДЪ.

15498

М. В. Аничковъ.

ВОЙНА и ТРУДЪ.

[ч. 1-3]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. «Издат. дѣло Брокгаузъ-Ефронъ», Прачешный пер., № 6.
1900.

39
Библиотека ИНФ СССР

79583

БИБЛІОТЕКА
УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИН. ЗЕМ.

Памяти отца моего

Виктора Михайловича

Аничкова

посвящаю я

эту книгу.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Девятнадцатый вѣкъ покончилъ въ рабствомъ. Двадцатый вѣкъ долженъ покончить съ войною. Мы надѣемся, что поколѣніе, которое вступитъ въ третью тысячу лѣтъ послѣ христіанской эры, такъ же мало будетъ тревожиться остатками военнаго времени, какъ мы не смущаемся остатками рабства въ отдаленныхъ и еще недоступныхъ странахъ.

На наступленіе поры вѣчнаго мира слѣдуетъ питать надежду, — но отнюдь не увѣренность.

Оптимистическій фатализмъ не разъ оказывался врагомъ прогресса. Увѣренность въ непремѣнномъ прекращеніи войнъ вредна именно для дѣла вѣчнаго мира.

Препятствія очень велики. Какъ ни распространена любовь къ миру въ наше время, при ложномъ направленіи коллективныхъ дѣйствій—національныхъ и международныхъ — война останется навсегда удѣломъ человѣчества. Истребительность современнаго оружія, со всѣми возможными успѣхами военной техники, какъ показано на послѣдующихъ страницахъ, нельзя считать — къ счастью или къ несчастью — факторомъ мира. Проекты вѣчнаго мира, проекты международныхъ судовъ и международной организаціи, какъ показалъ горькій опытъ, не подвигаютъ дѣла впередъ. Даже торжественные международные акты, оказываясь иногда благодѣтельными и смягчая бѣдствія войны, сами по себѣ не приближаютъ насъ къ совершенному прекращенію войнъ.

Фритредерская концепція, въ обычныхъ и извѣстнымъ своихъ формахъ, благодаря прискорбнымъ компромиссамъ, экономической кос-

ности и ложнымъ прдставленіямъ о роли государства, не въ силахъ была, какъ показали факты, побороть національный антагонизмъ.

Когда вопросъ будетъ перенесенъ на болѣе широкую почву, тогда только явятся симптомы лучшаго будущаго. Никакія единичныя усилія, ни даже починъ сильной государственной власти не могутъ дать замѣтныхъ результатовъ. Только тогда, когда вся правительственная дѣятельность, въ правовыхъ и самобытныхъ государствахъ, проникнется сознаніемъ необходимости свободной и энергичной кооперації, всемірной и соціальной, только тогда война исчезнетъ, какъ исчезло рабство. На этомъ пути потребуется всего больше жертвъ и усилій. Исторія учитъ, что предразсудки сохраняются сильнѣе, чѣмъ дѣйствительные интересы.

Наступающему вѣку предстоитъ тяжелая борьба. Издавая нашъ трудъ, мы стремимся содѣйствовать разъясненію вопроса и, по мѣрѣ силъ, принять участіе въ общей работѣ.

ρГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе

ЧАСТЬ I.

Глава I.

Два теченія въ современной жизни. Новѣйшая теорія: война убьетъ войну. Несостоятельность этой теоріи. Война въ древніе вѣка 1

Глава II.

Упадокъ военнаго искусства въ средніе вѣка. Его возрожденіе и войны новаго времени 29

Глава III.

Уроки новѣйшихъ битвъ 56

Глава IV.

Международная федерація и международная юстиція. Проекты вѣчнаго мира до конца первой половины XIX вѣка 81

Глава V.

Значеніе событій 1848 года для международныхъ отношеній. Агитація въ Англіи. Восточная война. Парижскій конгрессъ и новыя надежды 119

Глава VI.

Седьмое десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка. Новая эра 142

Глава VII.

Алабамскій споръ. Формы и особенности международнаго третейскаго разбирательства. Первые кодексы. Дѣятельность Института Международнаго Права 152

Глава VIII.

Общественное мнѣніе, національное и всемірное. Значеніе международнаго права 169

Глава IX.

Постоянный Международный Трибуналъ. Основное заблужденіе. Когда возникнетъ международная юстиція 190

ЧАСТЬ II.

Глава I.
Причина войнъ прежде и теперь 3
Глава II.
Причина международнаго антагонизма въ наше время 29
Глава III.
Французскіе тарифы и ихъ вліяніе на международныя отношенія въ концѣ XIX вѣка 41
Глава IV.
Тарифныя метаморфозы. Торговые трактаты. Таможенная практика. Фискальные тарифы 55
Глава V.
Свободная торговля и закрытыя границы. Война во время мира . . . 72
Глава VI.
Генезисъ идеи свободнаго общенія 87
Глава VII.
Свободная торговля и рабочій вопросъ въ концѣ XIX вѣка 119
Глава VIII.
Новѣйшіе аргументы враговъ и защитниковъ свободной торговли и итоги ихъ дѣятельности 143
Глава IX.
Заблужденія фритредеровъ и протекціонистовъ 177
Глава X.
Приростъ населенія и свободное переселеніе 196
Глава XI.
Свободное переселеніе и заработная плата 222

ЧАСТЬ III.

Глава I.
Система правительственнаго содѣйствія народному труду въ государствахъ съ свободными границами. Государственное содѣйствіе не есть государственное вмѣшательство. Личная и имущественная безопасность, какъ экономическій факторъ 3
Глава II.
Свобода промышленности и правительственная иниціатива. Кредитныя учрежденія, казенныя и частныя 38
Глава III.
Дѣятельность правительства по улучшенію быта рабочихъ классовъ, какъ факторъ подъема отечественнаго производства. Частныя предпріятія, кооперативныя общества и казенное хозяйство . . . 52

Глава IV.

Законы о капиталистической инициативѣ. Свобода капиталистическихъ ассоціацій. Иностранные капиталы и свободныя границы . . 67

Глава V.

Гармонія свободной всемірной и соціальной кооперации 91

Глава VI.

Образованіе. Починъ Германіи. Историческая миссія руководителей народнаго труда 101

Глава VII.

Всемірный рынокъ и національное производство. Основныя свойства современныхъ сообщеній. Государственный суверенитетъ и частныя компаніи 122

Глава VIII.

Постоянное возрастаніе ренты сообщеній и слѣдствія этого экономическаго закона 149

Глава IX.

Свободная торговля и желѣзныя дороги въ Англіи. Тарифы и казенное хозяйство въ Германіи 168

Глава X.

Аграрные законы и аграрная политика 180

Глава XI.

Спеціальныя мѣры для положительнаго содѣйствія національной промышленности 202

Глава XII.

Переходныя мѣры. Политическія отношенія и національная самобытность при режимѣ свободныхъ границъ 213

Часть I.

ГЛАВА I.

Два теченія въ современной жизни. Новѣйшая теорія: война убъетъ войну. — Несостоятельность этой теоріи. — Война въ древніе вѣка.

Во время Крымской войны, въ тѣ дни, когда борьба подъ Севастополемъ достигла наибольшаго ожесточенія, вышелъ первый томъ «Исторія цивилизаціи въ Англіи». Считая миръ высшимъ благомъ, а войну наибольшимъ бѣдствіемъ, которое можетъ постигнуть человѣчество, англійскій мыслитель усматривалъ въ происходившей тогда кровавой распрѣ утѣшительныя признаки. «Для характеристики современнаго общественнаго состоянія, писалъ Бокль,—въ высшей степени важно, что миръ, безпримѣрно продолжительный, прерванъ не такъ, какъ прежде, ссорой между двумя образованными народами, но нападеніемъ необразованной Россіи на еще болѣе необразованную Турцію».

Бокль надѣялся, что время большихъ войнъ между цивилизованными націями миновало. Изслѣдуя причины «ослабленія воинственнаго духа», онъ указывалъ, что изобрѣтеніе пороха имѣло послѣдствіемъ учрежденіе постояннаго войска, такъ какъ трудности войны и военные расходы увеличились, и явилась необходимость существованія особаго военнаго сословія.

Раньше вся Европа была громадною арміею, поглощавшею всѣ прочія занятія, между тѣмъ съ

учрежденіемъ регулярнаго войска «установилось рѣзкое отличіе между солдатомъ и гражданиномъ и появилось отдѣльное военное сословіе; такъ какъ оно состоитъ изъ сравнительно меньшей части общей суммы гражданъ, то остальные получили возможность заняться другими дѣлами».

Надежды Бокля оказались иллюзіями. Незадолго до его смерти «образованная» Франція напала на «образованную» Австрію, отняла у нея Ломбардію, оттогнувъ у своего союзника, объединяющейся Италіи, двѣ провинціи Савойю и Ниццу. Черезъ четыре года послѣ кончины Бокля, Пруссаки и Австрійцы ворвались въ Данію и завоевали Шлезвигъ и Голштейнъ. Два года спустя разразилась война 1866 года, и желѣзный канцлеръ объявилъ, что великіе вопросы должны рѣшаться кровью и желѣзомъ. Послѣ объединенія Италіи и Германіи миръ продолжался меньше четырехъ лѣтъ. Война 1870 года, начавшаяся по династическимъ предлогамъ, изъ-за династическихъ интересовъ, скоро обратилась въ массовое столкновеніе двухъ народовъ. Франція образовала нѣсколько армій изъ поголовныхъ ополченій. Германія двинула на театръ войны свой ландверъ въ подкрѣпленіе таявшихъ регулярныхъ силъ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ послѣ предсказанія Бокля «объ ослабленіи воинскаго духа», Европа была театромъ четырехъ войнъ, изъ коихъ послѣдняя по размѣрамъ опустошительнаго дѣйствія не уступаетъ наполеоновскимъ кампаніямъ, а по долговременности превосходитъ каждую изъ нихъ, за исключеніемъ Испанской войны.

Въ эти же пятнадцать лѣтъ за океаномъ разразилась война Южныхъ штатовъ съ Сѣверными. Когда интересы свободнаго Сѣвера и рабовладѣльческаго Юга столкнулись, широко распространившееся въ государствѣ образованіе не помѣшало грубой силѣ выступить на сцену. Уничтоженіе рабства и укрѣпленіе цѣлости

союза обошлось въ милліонъ жизней и въ нѣсколько милліардовъ долларовъ.

Если бы Боклю суждено было достигнуть нормальныхъ предѣловъ человѣческой жизни, то онъ конечно вынесъ бы много грустныхъ разочарованій. Его вѣра въ умиротворящую силу знанія быть можетъ поколебалась бы. Онъ увидѣлъ бы, что его несбывшееся предсказаніе — коллизія его ученія съ неумолимыми фактами — послужитъ виднымъ аргументомъ противъ надежды на наступленіе поры вѣчнаго мира.

Съ 1871 года до нашихъ дней европейскій миръ нарушенъ былъ новой войной Россіи съ Турціей. Хотя Россіи 1877 года нельзя уже придать того эпитета, который нашелъ умѣстнымъ англійскій мыслитель въ 1855 году, однако другая воюющая сторона, одержимая маразмомъ азіатской косности, мало ушла впередъ со дня Парижскаго мира. Военная сила Турціи прибавилась. Внутренній бытъ ея не улучшился. Болгарскія звѣрства показали Европѣ, что «больной человѣкъ» сохранилъ такіе же дикіе нравы, какъ и во времена великихъ султановъ. Войну 1877—1878 гг. можно причислить къ такимъ вооруженнымъ столкновеніямъ, которыя являются какъ бы насильственнымъ воздѣйствіемъ цивилизаціи на полудикіе народы. Такъ что эта война, предпринятая съ согласія европейскаго концерта, въ защиту угнетенныхъ, сама по себѣ быть можетъ и не вызвала бы разочарованія въ мыслителѣ, предсказывавшемъ недалекое прекращеніе войнъ между образованными націями.

За исключеніемъ Балканскаго полуострова на остальномъ пространствѣ Европы миръ не нарушался. Тучи на политическомъ горизонтѣ собирались не одинъ разъ. «Гроза военной непогоды» проносилась мимо. Въ 1875 году сильная партія при дворѣ и въ арміи побуждала императора Вильгельма къ нашествію на Францію.

вооруженія которой возбуждали тревогу въ старомъ фельдмаршалѣ. Узнавъ о сформированіи четвертыхъ кадровыхъ батальоновъ во всѣхъ французскихъ полкахъ, Мольтке выразилъ мнѣніе, что лучше доконать опаснаго сосѣда, покуда онъ не успѣлъ кончить реорганизацію своего войска. Предпріятіе показалось однако опаснымъ и было оставлено.

Въ 1879 году стараніями Бисмарка былъ заключенъ тройственный союзъ, мало похожій на «лигу мира». Отношенія Италіи къ Франціи обострились. Отношенія Россіи къ Германіи измѣнились не къ лучшему. На Эльзасской границѣ происходили инциденты, производившіе переполохъ на биржѣ. Болгарскія неурядицы разстраивали европейскій концертъ. Германія старалась пріобрѣсти, мирнымъ путемъ, нѣкоторое количество колоній, и эти старанія, не смотря на то, что нѣмцы занимали лишь земли, представлявшія «res nullius», эти стремленія привели къ непріятнымъ столкновеніямъ съ Англіей изъ-за африканскихъ земель, и съ Испаніей изъ-за Каролинскихъ острововъ.

Но войнъ, тѣхъ великихъ войнъ между образованными націями, войнъ, которыя должны были по мнѣнію Бокля прекратиться на всегда еще въ первой половинѣ истекающаго вѣка, но которыя ознаменовали двадцатилѣтіе съ 1859 по 1880, тѣхъ войнъ не было. Двадцать восемь лѣтъ арміи европейскихъ державъ не сталкивались между собою. Двадцать восемь лѣтъ Европа наслаждалась, какъ говорили старые дипломаты, благами мира.

Къ сожалѣнію продолжительный миръ сопровождается явленіями, имѣющими зловѣщій характеръ. Наблюдается нѣчто совершенно противуположное ослабленіе воинственнаго духа, которое англійскій мыслитель разсматривалъ какъ слѣдствіе учрежденія регулярной арміи, давшей будто бы народнымъ массамъ

и интеллигенціи возможность забыть про оружіе и предаться исключительно мирнымъ занятіямъ.

Арміи, казавшіяся 20—25 лѣтъ назадъ (въ эпоху, вовсе не мирную 1860—70 гг.) почти максимальными для даннаго государства, увеличены въ два и три раза. Отношеніе между мирнымъ и военнымъ населеніемъ показалось бы баснословнымъ Наполеону и Фридриху Великому. Во Франціи число тактическихъ боевыхъ единицъ теперь равняется утроенному числу сравнительно съ арміей передъ войной съ Германіей. Тогда на Рейнѣ вторая имперія, все время старавшаяся объ умноженіи войска, выставила въ видѣ такъ называемой «дѣйствующей» арміи двѣсти съ небольшимъ батальоновъ. Въ наши дни эта дѣйствующая армія, т. е. въ сущности боевая сила первой линіи, выражается цифрой шести сотъ сорока семи батальоновъ. Кавалерія и артиллерія возросли конечно въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. За этой силой стоитъ трехъ-милліонный резервъ; не тотъ резервъ, милліонный лишь по спискамъ, не то ополченіе, которымъ пугалъ Европу Наполеонъ III, не та національная гвардія, которая для внѣшней войны оказалась такимъ ненадежнымъ элементомъ; нынѣшній резервъ и территоріальная армія есть дѣйствительно грозная сила. Это обученные, уволенные изъ арміи солдаты; для нихъ полностью заготовлено оружіе, аммуниція и даже провіантъ.

Германія, глядя на соперницу, не осталась въ долгу. Вмѣсто прежнихъ пятнадцати корпусовъ, представлявшихъ казалось наивысшее развитіе вооруженной силы, имѣется двадцать (скоро будетъ двадцать три). Почти всѣ полки, въ подражаніе французамъ, скоро переформируются изъ трехъ-батальоннаго въ четырехъ-батальонный составъ. Для резервной арміи созданы новые кадры, съ цѣлью скопленія во второй боевой линіи новыхъ милліоновъ солдатъ для попол-

ненія выбывшихъ изъ строя и образованія новыхъ армій.

Австрія и Италія, не смотря на грозящее банкротство, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы не отстать отъ сосѣдей. Первая формируетъ пятнадцать, вторая двѣнадцать корпусовъ, не считая конечно милліоновъ резерва и ополченія. Кромѣ Россіи и Англіи четыре военныя державы усвоили такую систему военныхъ наборовъ, предъ которой конскрипція первой имперіи покажется дѣтской игрой. Все, рѣшительно все молодое поколѣніе поступаетъ въ ряды арміи. Статистическія цифры, показывающія число лицъ, достигающихъ ежегодно двадцатилѣтняго возраста, не служатъ, какъ прежде, предѣльной чертой, до которой можетъ дойти численность арміи, а прямо и хладнокровно берутся, какъ исходное положеніе для вычисленія: сколько слѣдуетъ сформировать тактическихъ единицъ, чтобы всѣ безъ малѣйшаго исключенія силы эти были влиты въ соотвѣтственное воинское русло.

Поколѣніе, переживающее такія вооруженія, склонно считать миръ исключеніемъ, а войны вѣчнымъ удѣломъ нашего земного существованія. Предсказаніе Бокля о прекращеніи войнъ не сбывшееся въ періодъ 1860—1870 гг., оказалось ошибочнымъ и въ періодъ мира. Войнъ не было, но вся Европа превратилась въ громадную армію. Рядъ великихъ европейскихъ войнъ и неимовѣрныя вооруженія, послѣдовавшія непосредственно за несбывшимся прорицаніемъ, заключаютъ эпоху.

Въ наше время слышны пророчества иного рода. Авторъ книги „Вооруженный народъ“ — Das Volk in Waffen“ — (первое изданіе вышло въ Маѣ 1883 года) баронъ Гольцъ, офицеръ прусскаго генеральнаго штаба, участникъ франко-германской войны и организаторъ

турецкой арміи, такъ заключаетъ свои изслѣдованія, посвященныя „вооруженному народу".

„Пока народы будутъ добиваться земныхъ благъ, пока они будутъ заботиться о томъ, чтобы обезпечить своимъ грядущимъ поколѣніямъ пространство для развитія, спокойствія и уваженія, пока они, руководимые великими умами, будутъ стремиться къ осуществленію, внѣ предѣловъ ежедневной потребности, политическихъ и культурно-историческихъ идеаловъ, — до тѣхъ поръ будутъ существовать войны . . . . .

. . . . . .

Война есть жребій человѣчества и неизбѣжная судьба народовъ. „Вѣчный миръ на этомъ свѣтѣ не дарованъ смертнымъ".

Если согласиться съ такимъ мнѣніемъ, то кровавыя столкновенія недалекаго прошлаго и постоянно возрастающія вооруженія въ концѣ XIX вѣка приводятъ къ убѣжденію, что прекращеніе войнъ, хотя бы и въ далекомъ будущемъ—есть утопія.

Наблюдаются однако и явленія иного порядка. Свѣжо преданіе о Седанѣ и Плевнѣ. Безъ устали идетъ формированіе милліонныхъ армій; но существуютъ факты, ослабляющіе грозное впечатлѣніе недавнихъ войнъ и современныхъ вооруженій.

Съ никогда невиданной силой развивается всесвѣтная кооперація. Въ нѣсколькихъ важнѣйшихъ сферахъ человѣческой дѣятельности прочно устанавливается солидарность общечеловѣческихъ интересовъ.

Съ наибольшей очевидностью единеніе замѣчается въ прогрессѣ научнаго знанія. Наука утратила національность. Достояніемъ всѣхъ и каждаго дѣлается всякое научное открытіе. Гдѣ бы ни жилъ мыслитель или ученый, его работами пользуются всѣ народы. Чрезвычайное развитіе удобства, скорости и дешевизны средствъ сношенія и способовъ передвиженія повело за

собою непрерывное общеніе дѣятелей науки, во всѣхъ странахъ земли. Въ прежнее время проходили мѣсяцы и годы прежде, чѣмъ французъ узналъ о работѣ нѣмца, прежде чѣмъ англичанинъ знакомился съ открытіями сѣверо-американца. Ньютонъ и Лейбницъ, открывшіе въ 1684 году дифференціальное исчисленіе, цѣлые годы спорили между собою, прежде чѣмъ изучающіе математику узнали долю каждаго изъ двухъ— въ совершившемся основаніи сверхъопытнаго символическаго анализа. Въ 1846 году также два ученыхъ, французъ и англичанинъ, почти одновременно и независимо другъ отъ друга открыли новую планету, безъ помощи телескопа, путемъ приложенія анализа къ изслѣдованію орбитъ небесныхъ тѣлъ. Чтобы списаться между собою и повѣдать всему читающему міру объ открытіи „Нептуна“, Леверрье и Адамсу достаточно было нѣсколькихъ дней.

Когда въ концѣ прошлаго вѣка, въ Соединенныхъ Штатахъ Робинсонъ предложилъ примѣнить паръ къ передвиженію тяжестей по сухому пути, то можетъ быть не ранѣе какъ черезъ годъ или два въ Англію пришло смутное извѣстіе о странной идеѣ американца, признаннаго особо назначенной коммисіей за сумасшедшаго. Пароходы и желѣзныя дороги распространялись съ трудно понятной для насъ медленностью. Фультонъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія проѣхался на своей паровой лодкѣ, а еще въ 1853 году сомнѣвались въ пригодности пара для военнаго флота.

Подобныя недомыслія и замедленія отошли въ область преданія.

Привилегія на изобрѣтеніе телефона выдана была Грегаму Беллю въ Сентябрѣ 1876 г. Черезъ три года надъ тысячей городовъ висѣла уже телефонная сѣть. Астрономическія изслѣдованія ведутся всѣми обсерваторіями сообща; прекратился въ послѣдніе годы и

пресловутый споръ о первомъ меридіанѣ. Науки философскія и политическія представляютъ еще болѣе объединяющее вліяніе. Историки и экономисты всѣхъ націй образуютъ, можно сказать, одну корпорацію.

Научныя изслѣдованія ведутся дружными усиліями цивилизованныхъ народовъ.

Всемірный союзъ науки утвердился незыблемо.

Въ мірѣ искусства единство идеаловъ торжествуетъ надъ самой живой національной непріязнью. Непрерывное общеніе наблюдается между художниками, поэтами, композиторами всего міра. Когда вліяніе разстояній исчезло, стало выясняться счастливое соотношеніе между духомъ національности, дающимъ искусству наилучшій импульсъ развитія, и общечеловѣческими стремленіями къ прекрасному и доброму, укрѣпляющими и освѣжающими творческія силы. Въ искусствѣ, съ удивительной ясностью выступаетъ въ наши дни одновременная дружная эволюція ряда самостоятельныхъ независимыхъ концепцій. Народное самосознаніе именно въ области высшихъ созданій человѣческаго духа достигло небывалой прежде чуткости; вмѣстѣ съ тѣмъ недавняя нетерпимость исчезла. Таланты, наиболѣе народные, ищутъ всего сильнѣе живого общенія съ чужеземнымъ творчествомъ. Различіе языковъ перестаетъ быть преградой.

Слѣдствіемъ являются такіе невѣроятные въ былые годы факты, какъ вліяніе русскихъ писателей на литературу Англіи, Франціи, Германіи. Тургеневъ, Достоевскій и въ особенности Гр. Левъ Толстой, повѣствуя, на мало доступномъ языкѣ, о чуждой жизни, заняли видное мѣсто среди современныхъ европейскихъ художниковъ-мыслителей. Трудность перевода преодолѣвается и для русскихъ писателей: несомнѣнный признакъ завершившагося общенія всѣхъ литературъ.

Въ пластическихъ искусствахъ, гдѣ несходство

языка не мѣшаетъ единенію — оно стало еще сильнѣе, еще очевиднѣе. Музеи и выставки всѣхъ столицъ образуютъ какъ бы отдѣленія міровой сокровищницы. Берлинъ, Мюнхенъ и Вѣна даютъ доступъ картинамъ и статуямъ французскаго Salon въ свои Austellungen. Въ музыкѣ исчезъ въ послѣдніе десять лѣтъ всякій слѣдъ національнаго антагонизма. „Лоенгринъ“ и Валькирія“ появились въ Grand Opéra. Представленіе „Лоенгрина“ сопровождалось непріязненными Германіи уличными манифестаціями, не имѣвшими никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Вторую оперу, въ Маѣ 1893 года, Парижъ встрѣтилъ спокойнѣе на бульварахъ и съ восторгомъ въ стѣнахъ театра. Народный германскій эпосъ, переложенный Вагнеромъ въ обаятельную музыкальную трилогію, совсѣмъ увлекъ пеструю и пресыщенную публику tout Paris. Вся горечь воспоминаній о нашествіи не помѣшала успѣху національнаго нѣмецкаго композитора.

Установившаяся окончательно въ области научнаго изслѣдованія и художественнаго творчества кооперація народовъ начала проявляться одновременно въ промышленной и административной дѣятельности. Съ наибольшей силой выясняется стремленіе къ единству въ тѣхъ функціяхъ государственнаго механизма, которыя посвящены ускоренію, удешевленію и усовершенствованію средствъ сношенія и путей международнаго сообщенія.

Всемірный почтовый и телеграфный Союзъ, съ общей таксой, съ общими правилами, пріучаетъ правительственные органы, завѣдующіе невидными, но важными дѣлами, относиться къ иностранной администраціи какъ къ сотруднику въ общей работѣ. Публика, за одну и ту же ничтожную плату пользующаяся услугами Союза при отправленіи письма въ ближайшіе города или отдаленные края земного шара, публика—

пріучается изо дня въ день къ мысли о солидарности всѣхъ странъ. Еще съ большей силой проявляется то же вліяніе при помощи паровыхъ путей. Кромѣ Россіи на одномъ концѣ Европы и Испаніи на другомъ, всѣ государства континента имѣютъ одну и ту же рельсовую колею. Одни и тѣ же вагоны циркулируютъ отъ береговъ Ла-Манша до Константинополя и отъ Варшавы до Пиреней. Французскія компаніи владѣютъ линіями, оканчивающимися въ Кельнѣ, Женевѣ, Генуѣ. Проѣздные купоны для поѣздокъ во всѣ города Европы выдаются на каждой значительной станціи. Въ Петербургѣ можно взять билетъ до Берлина, Вѣны, Парижа, Лондона. Пароходныя компаніи входятъ въ соглашеніе съ желѣзными дорогами Стараго и Новаго Свѣта и водяныя сообщенія сливаются въ одну сѣть съ рельсовыми.

Облегченные и удешевленные переѣзды содѣйствуютъ частому образованію международныхъ конгрессовъ, занятыхъ обсужденіемъ, при участіи представителей всѣхъ культурныхъ странъ, наиболѣе насущныхъ, жизненныхъ вопросовъ. Впереди всего стоятъ нужды народнаго здравія; собираются съѣзды, посвященные санитарному дѣлу. При совершенно расшатанной вѣрѣ въ спасительность карантиновъ, естественно является потребность въ другихъ мѣрахъ для обезпеченія отъ распространенія заразы.

Особый видъ сближенія между народами представляютъ всемірныя (преимущественно промышленныя) выставки, которыхъ не знали еще въ первой половинѣ XIX вѣка. Только въ новѣйшее время жизнь потребовала международныхъ мирныхъ состязаній на поприщѣ труда; состязаній періодическихъ, стремящихся къ наглядному выясненію достигнутыхъ въ томъ или другомъ періодѣ человѣческимъ знаніемъ и талантами результатовъ. Мы уже свыклись съ этими собраніями; но въ

первую четверть XIX вѣка рѣшительно всѣ усумнились бы въ возможности чего либо подобнаго.

Передъ нами два теченія. Въ современной жизни замѣчаются какъ-бы два противуположныхъ процесса; одинъ, накапливающій и питающій вражду, рознь, — другой, несущій миръ, соглашеніе, единеніе. Развиваются гигантскія вооруженія, грозящія въ грядущемъ всѣми бѣдствіями ожесточенной борьбы, и одновременно нарождаются невиданныя прежде явленія, обѣщающія какъ будто устранить мало-по-малу войны между цивилизованными странами.

Создались и два различныхъ ученія о путяхъ къ вѣчному миру. Сторонники перваго ученія надѣются, что вооруженныя столкновенія, дѣлаясь все гибельнѣе, все разрушительнѣе — станутъ наконецъ невозможными. Конечнымъ результатомъ формированія милліонныхъ армій и усовершенствованія орудій истребленія будетъ вѣчный миръ. Война убьетъ войну *).

Сторонники второго ученія, опираясь на многочисленныя свидѣтельства всемірнаго единенія, увѣрены, что правовыя отношенія, столь безповоротно укрѣпившіяся въ соціальной жизни, перейдутъ и въ область международныхъ отношеній. Неоднократный успѣхъ третейскаго разбирательства споровъ между государствами указываетъ на средство для окончательнаго прекращенія войны. Учрежденіе международнаго суда водворитъ миръ.

---

*) Гр. Комаровскій. О международномъ судѣ. Статья его же въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1895, II «О значеніи войнъ». Holzendorf. Die Idee des Ewigen Völkerfriedens.

Мы разсмотримъ подробно эти оба ученія о достиженіи вѣчнаго мира.

Еще герцогъ Веллингтонъ «опасался», что подводная мина сдѣлаетъ морское сраженіе немыслимымъ. Указанія на благодѣтельную роль усовершенствованныхъ ружей, пушекъ и бомбъ не разъ высказывались въ печати и съ каѳедры въ послѣднее время. Съ наибольшей опредѣлительностью и сжатостью такой взглядъ формулированъ Д. И. Менделѣевымъ.

«Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что введеніе общераспространеннаго пороха, найденнаго почти случайно китайцами и монахами, на столько урегулировало дѣло войны, что войны стали рѣже потому, что вмѣсто дѣйствія съ преобладаніемъ единицъ (довольно вспомнить Ахиллесовъ и Гекторовъ) наступила пора дѣйствія организованныхъ массъ, и личныя внѣшнія качества стали на второй планъ, такъ какъ сражающіеся удалились другъ отъ друга на разстояніе, опредѣляемое гибельностью огнестрѣльнаго оружія.

«Примѣчательно, что обращающіе на себя общее вниманіе новые виды бездымнаго пороха, какъ по своимъ матеріаламъ (нитроглицеринъ, пироксилинъ и т. п.), такъ и по своимъ окончательнымъ формамъ (напр. пороха Вьейля, Абеля и Дьюара и др.) обязаны открытіемъ и выработкою способовъ производства ученымъ изслѣдователямъ взрывчатыхъ веществъ. Это показываетъ, что здѣсь уже кончилась эпоха случайностей, и началось дѣло, какъ всякое научное, раціональное и развивающееся въ своихъ основахъ.

«И чѣмъ дальше будутъ стрѣлять ружья и пушки, тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, войны будутъ рѣже, и когда, что нынѣ уже очень близко, по времени, ружья

будутъ бить на разстояніяхъ, при которыхъ не видно стрѣлка и неслышно выстрѣла, тогда съ одной стороны каждому будетъ виднѣе, чѣмъ донынѣ, лотерейность войнъ, а съ другой стороны нагляднѣе выступитъ и въ этомъ дѣлѣ значеніе знанія, разумности, предусмотрительности и гуманности, которыя прекратятъ войны. Эти соображенія ведутъ къ тому заключенію, что изученіе взрывчатыхъ веществъ и усовершенствованіе силы огнестрѣльнаго оружія—одинъ изъ лучшихъ и вѣрныхъ путей къ достиженію общаго мира. Имѣвъ надобность вникнуть въ этотъ предметъ и случай узнать въ этомъ отношеніи мнѣніе многихъ передовыхъ людей, и будучи сыномъ своей страны, которой нельзя не пожелать вѣчнаго мира, я не обинуясь говорю: что изученіе взрывчатыхъ веществъ имѣетъ, между прочимъ, цѣлью упроченіе всеобщаго мира, что охота воевать обратно пропорціональна, по крайней мѣрѣ квадрату (если не кубу или еще высшей степени) разстояній или дальности боя оружія, что закономѣрно управляя скоростью горѣнія взрывчатыхъ веществъ и увеличивая начальную скорость выкидываемыхъ снарядовъ, современность содѣйствуетъ высшимъ сторонамъ просвѣщенія и прогресса, и что разработка знанія взрывчатыхъ веществъ отвѣчаетъ какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ цѣлямъ мирныхъ успѣховъ науки и промышленности» *).

Мы совершенно не раздѣляемъ взглядовъ такъ прямолинейно высказанныхъ Д. И. Менделѣевымъ. Мы постараемся показать, что онъ ошибается такъ же, какъ

*) Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ VI, вып. II, стр. 206—207.

ошибся герцогъ Веллингтонъ. По нашему мнѣнію война никогда не убьетъ войны.

Когда воины доисторическихъ временъ увидѣли въ первый разъ лукъ и стрѣлы, впечатлѣніе, которое произвело на нихъ это орудіе смерти, надо думать, далеко превышало нынѣшній страхъ передъ бездымными магазинками.

Какая сила и какое мужество могло устоять противъ искуснаго стрѣлка? Метнувъ копье могучею рукою, можно было сразить врага въ нѣсколькихъ шагахъ, но стрѣлы били дальше. Упругость тетивы, натянутой рукою, оказывалась сильнѣе розмаха мускуловъ. Ахиллесъ, божественный Ахиллесъ, побѣждавшій всѣхъ въ рукопашномъ бою и почти неуязвимый подъ выкованной Вулканомъ броней, погибъ подъ стрѣлою, пущенной женолюбцемъ Парисомъ. Успѣхъ въ битвѣ давали однако не стрѣлы, а храбрость бойцовъ, дружно бросавшихся съ мечемъ и копьемъ на вражескій строй. Стрѣлы иногда отравляли, чтобы самая легкая рана причиняла мучительную смерть. Къ концамъ стрѣлъ прикрѣпляли смоленую паклю, которую зажигали. Во время боя такое страшное оружіе оказывалось однако мало дѣйствительнымъ. Для Греціи временъ Перикла, для воиновъ Аттики и Спарты метательное оружіе представлялось не стоющимъ вниманія.

Въ IV вѣкѣ до Р. Х. изобрѣтены были катапульты и баллисты, машины для метанія стрѣлъ, камней и заостренныхъ бревенъ. Спартанскій царь Агезилай, увидавъ въ первый разъ баллисту, воскликнулъ: «теперь погибла воинская доблесть». Опасеніе царя оказалось напраснымъ. Только при осадахъ городовъ и можно было примѣнять страшныя машины. Въ полевыхъ бояхъ ихъ не видно. Александръ Македонскій побѣждалъ несмѣтныя полчища персовъ натискомъ густыхъ рядовъ своей фаланги, вооруженной копьями.

Кромѣ стрѣлъ для пораженія врага служили въ древности камни. Герои Иліады просто схватываютъ сильными руками камни, лежащіе на полѣ битвы и сокрушаютъ ими самые крѣпкіе панцыри и щиты. Позже появляется праща—оружіе, которымъ Давидъ убилъ Голіафа. Искусство бросанія камней процвѣтало на Балеарскихъ островахъ, гдѣ набирались цѣлые отряды ловкихъ пращниковъ. Самое названіе этихъ острововъ произошло отъ βάλλειν—метать, бросать. Балеарскіе стрѣлки участвовали въ войскахъ Аннибала, а позже въ римскихъ арміяхъ. Видное мѣсто занимали они въ арміи Цезаря, во время завоеванія Галліи.

Разсматривая пращу, наблюдая камнеметныя упражненія балеарцевъ, не могъ ли римлянинъ заключить подобно Агезилаю, что сила, мужество, стойкость не важны; все дѣло въ большомъ количествѣ искусныхъ пращниковъ, способныхъ перебить самыхъ доблестныхъ воиновъ.

На дѣлѣ оказывалось иное. Надежды и опасенія, связанныя со стрѣлами, баллистами, пращами, оправдывались въ слабой степени. Въ одиночной борьбѣ, въ какой либо незначительной схваткѣ или при особыхъ условіяхъ, при защитѣ или осадѣ городовъ метательное оружіе могло дать успѣхъ. Въ сраженіяхъ, гдѣ участвовали не шайки, не толпа, а сколько-нибудь организованное войско, метательныя орудія имѣли немного значенія. Не смотря на то, что древнія арміи не обладали тѣми превосходными, облекающими все тѣло латами, которыя появились только въ средніе вѣка, отъ стрѣлъ и камней гибли немногіе воины.

Анализъ древняго боя, сдѣланный на основаніи сохранившихся подробныхъ и достовѣрныхъ описаній битвъ при Каннахъ и Фарсалѣ, анализъ, сдѣланный талантливымъ французскимъ писателемъ, позволяетъ разсѣять заблужденія и недоразумѣнія относительно

БИБЛИОТЕКА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

сущности того явленія, которое представляетъ вооруженное столкновеніе двухъ враждебныхъ сборищъ людей. Полковникъ Пикъ (Prick), на основаніи сочиненій Полибія и Цезаря, доказываетъ съ неотразимой убѣдительностью, что и въ древнія времена, въ эпоху господства копья, меча, палицы, щита, стрѣлъ и пращей никогда не было массоваго и продолжительнаго рукопашнаго боя. Всеобщая сѣча или свалка, т.-е. множество одиночныхъ боевъ, въ которые будто бы вступаютъ перемѣшавшіяся между собою толпы воиновъ — существуютъ только въ воображеніи поэтовъ и художниковъ.

Лучники и пращники представляли легкую пѣхоту, дружины стрѣлковъ. Они завязывали бой. Ѳукитидъ характеризуетъ бой легкихъ войскъ, говоря: «по обыкновенію легкія войска взаимно обратили другъ друга въ бѣгство».

Стрѣлы и камни носились и поражали какъ стрѣлковъ, такъ и стоявшихъ за ними воиновъ. Но потери, которыя несли при этомъ оба войска, число убитыхъ и раненыхъ такъ не велико, что историки признаютъ его нестоющимъ упоминанія. Взаимное бѣгство легкой пѣхоты часто было намѣренно. Поле очищалось, чтобы дать мѣсто сомкнутымъ фалангамъ и легіонамъ. Пустивъ свои пилумы, строй воиновъ дружно нападалъ на врага. Начинался рукопашный бой переднихъ рядовъ, но длился недолго. Скоро одно изъ столкнушихся воинствъ поворачивало тылъ и начинало отступать. Мужество заднихъ рядовъ таяло по мѣрѣ гибели первыхъ шеренгъ. Тотъ, кто выдерживалъ бой хотя минутой долѣе, дѣлался и побѣдителемъ и истребителемъ, потому что отступающіе, бѣгущіе не оказывали сопротивленія, и послѣ удачи наступала cöedes—бойня, массовое убійство оробѣвшихъ, спасающихся и бросающихъ оружіе людей. Въ рѣшающемъ бою передовыхъ бойцовъ погибало, съ той и съ другой стороны, ничтожное число людей, во

79583

время же бѣгства—побѣжденныхъ истребляли поголовно. При Эксѣ, Марій нападаетъ на тевтоновъ неожиданно съ тыла. Страшная рѣзня; убито 100.000 тевтоновъ и только 300 римлянъ. При Пиндѣ легіоны Павла Эмилія побѣждаютъ фалангу Персея; избиваютъ 20.000, берутъ въ плѣнъ 5.000, теряютъ самое незначительное число.

Легіоны раздѣлялись на манипулы или когорты, отдѣльные батальоны, строившіеся въ шахматномъ порядкѣ. Когорты первой линіи нападали; если имъ не удавалось сломить мужество врага, а наоборотъ они сами начинали колебаться и утомляться, ихъ отводили назадъ, въ интервалы, и ихъ смѣняли когорты второй линіи, ранѣе выжидавшія на разстояніи, безопасномъ отъ стрѣлъ, камней и дротиковъ. Вторую линію смѣняла третья. Такая тактика и дисциплина торжествовала надъ непріятелемъ, не только болѣе многочисленнымъ, но и болѣе мужественнымъ. Легіоны почти всегда обращали въ бѣгство и страшно стремительныя лавины варваровъ и эллинскія фаланги, съ ихъ лѣсомъ копій. Изобрѣтеніе легіона основано на знаніи человѣческаго сердца. Когда сталкиваются двѣ сомкнутыя во едино массы вооруженныхъ людей, то ни одна изъ нихъ не можетъ держаться долго. Дѣйствительное самоотверженіе, дѣйствительное презрѣніе къ смерти—представляетъ рѣдкое качество и есть удѣлъ немногихъ избранныхъ натуръ. Тактика и дисциплина римлянъ одолѣвала громадныя скопища варваровъ (изъ которыхъ каждый силой и мужествомъ превосходилъ легіонеровъ) именно потому, что смѣна линій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ манипулъ или когортъ, связанныхъ дисциплиной—истощала силы противника. Римскій легіонъ держался достаточно долго, чтобы храбрость дикихъ враговъ испарилась. Либо держась съ фронта, либо нападая съ фланговъ или съ тыла, нужно было добиться не истребленія противника (что возможно только въ бою одинъ на одинъ), не умень-

шенія его численности, не нанесенія ему громадныхъ «потерь»; нѣтъ — нужно было чувство стаднаго мужества превратить въ чувство стадной паники.

Если войска варваровъ или фаланги были предводимы полководцами, умѣвшими заставить ихъ держаться дольше противъ римскихъ когортъ или если удавались внезапные охваты и нападенія съ тыла, тогда бѣжавшими и истребляемыми оказывались побѣдоносные легіоны.

При Каннахъ 86.000 римлянъ сражаются съ пятидесятитысячною сборною арміею Аннибала, состоявшею изъ карѳагенянъ, нумидійцевъ, испанцевъ и галловъ. Послѣ того какъ безплодная борьба легкой пѣхоты окончилась, Аннибалъ пустилъ впередъ испанцевъ и галловъ, которые, болѣе мужественные вѣроятно, чѣмъ римскіе легіонеры, твердо держались подъ напоромъ тяжелыхъ и стройныхъ манипулъ, но вскорѣ, какъ говоритъ Полибій, «уступили напору» и стали отступать. Это отступленіе входило въ разсчеты полководца. Когда римская пѣхота вообразила врага побѣжденнымъ, она пустилась преслѣдовать и, разрывая вражескую линію, сплошной массой напирала на отступавшій центръ карѳагенянъ; тогда справа и слѣва на римлянъ нападали тяжело вооруженныя африканскія фаланги. Легіоны останавливаются. Бѣжавшіе галлы и испанцы возвращаются и нападаютъ съ фронта на римлянъ, атакованныхъ уже съ обоихъ фланговъ. Бой возобновился, но длился недолго. Кавалерія Аннибала успѣваетъ опрокинуть римскихъ всадниковъ и нападаетъ на легіоны съ тыла. Тогда, увидѣвъ себя окруженною, вся масса объята паникой и бѣжитъ: бѣжать некуда. Наступаетъ страшное coedes. «Оружіе выпало изъ рукъ римлянъ» заключаетъ Полибій.

При Фарсалѣ легіоны Цезаря сражаются съ легіонами Помпея. У Помпея было свыше 55.000, у Цезаря

не болѣе 22.000. Съ той и другой стороны основу арміи составляли дисциплинированныя когорты, испытанныя въ предшествующихъ бояхъ. Въ числѣ войскъ Помпея было 7.000 кавалеріи и 4.200 лучниковъ и пращниковъ, грозившихъ «засыпать» врага стрѣлами и камнями.

Кавалерія и легкія войска предназначались Помпеемъ для охвата болѣе слабой непріятельской арміи съ ея праваго крыла. Цезарь предвидѣлъ это намѣреніе, выставилъ справа свою немногочисленную кавалерію, и въ то же время приготовилъ особый резервъ изъ отборныхъ и самыхъ надежныхъ когортъ, поставивъ ихъ въ четвертой линіи, за тройнымъ строемъ своихъ главныхъ силъ. Битва началась. Двѣ линіи легіоновъ Цезаря бросились впередъ. Легіоны Помпея храбро встрѣтили атаку. Что случилось дальше — ясно видно изъ сжатаго и точнаго разсказа великаго римлянина. .

«кавалерія Помпея, согласно полученному приказанію, бросается съ лѣваго крыла и толпа лучниковъ разсыпается во всѣ стороны. Наша кавалерія не выдерживаетъ атаки и нѣсколько отступаетъ. Кавалерія Помпея, вслѣдствіе этого, сильнѣе насѣдаетъ, начинаетъ развертывать свои эскадроны и охватываетъ насъ съ открытаго нашего фланга. Лишь только Цезарь замѣчаетъ это намѣреніе, онъ даетъ сигналъ своей четвертой линіи, составленной изъ шести когортъ. Послѣднія тотчасъ же приходятъ въ движеніе и атакуютъ съ такой силой и такъ рѣшительно всадниковъ Помпея, что они не выдерживаютъ и всѣ, давъ тылъ, не только отходятъ, но, ускоряя бѣгство, быстро скрываются въ самыя высокія горы. По уходѣ ихъ, лучники и пращники, покинутые безъ защиты, всѣ перебиты. Тѣмъ же шагомъ когорты устремляются за лѣвое крыло Помпея (армія котораго держится и все еще не уступаетъ) и охватываютъ его съ тыла.

«Въ то же время Цезарь выдвигаетъ свою третью

линію, которая до тѣхъ поръ спокойно стояла на своемъ мѣстѣ. Когда эти свѣжія войска замѣнили усталыхъ, то солдаты Помпея, съ другой стороны охваченные въ тылъ, не могутъ долѣе держаться и обращаются въ бѣгство».

«Цезарь потерялъ въ этомъ сраженіи всего 200 солдатъ; но около 80 храбрыхъ центуріоновъ были убиты. Изъ арміи Помпея погибло около 15.000 человѣкъ, а слишкомъ 24.000, бѣжавшихъ въ горы, которыхъ Цезарь велѣлъ окружить окопами, сдались на слѣдующій день».

Описанія Полибія и Цезаря показываютъ намъ характеръ боя древнихъ. Прежде всего видно ничтожное матеріальное дѣйствіе метательнаго оружія. Искусный пращникъ или стрѣлоносецъ, взятый отдѣльно, убилъ бы навѣрное легіонера, вооруженнаго мечемъ и копіемъ. Арміи, обладающія нѣсколькими тысячами стрѣлковъ, могли ли надѣяться истребить мужественнаго врага? Нѣтъ. На самомъ дѣлѣ оказывалось, что Парисъ могъ убить Ахиллеса, но тысяча Парисовъ ничего не могла бы сдѣлать съ сотней Ахиллесовъ. Условія одиночной схватки оказываются несходными съ столкновеніемъ массъ. 4.000 лучниковъ и пращниковъ перерѣзаны нѣсколькими сотнями дисциплинированныхъ ветерановъ Цезаря. Миріады камней и стрѣлъ убиваютъ у римлянъ только нѣсколькихъ воиновъ. Мѣткость одиночнаго прицѣла исчезаетъ въ битвѣ. Тѣмъ не менѣе пращи и луки сопутствуютъ всѣмъ древнимъ арміямъ. Стрѣлы и камни убивали немногихъ, но страхъ внушали почти всѣмъ. Нужно было немало мужества и дисциплины, чтобы двигаться впередъ подъ градомъ стрѣлъ и камней. Агезилай былъ не правъ, думая, что метательная машина обратитъ въ ничто воинскую доблесть; дѣйствіе метательныхъ снарядовъ древности было ничтожно. Но нравственное вліяніе ихъ было весьма значительно. Только тогда, когда на помощь къ муже-

ству является дисциплина, внутренняя спайка, привычка къ повиновенію, воинскіе пріемы, вошедшіе въ плоть и кровь еще въ мирное время, — только тогда строй воиновъ, вооруженныхъ мечемъ и копьемъ, подвигается впередъ среди града камней и сноповъ стрѣлъ. Первая линія легіона принимала ихъ на себя. Вторая и третья (иногда четвертая) строились дальше полета стрѣлъ и потому вступали въ бой какъ свѣжіе резервы на смѣну первой линіи.

Если пилумы, стрѣлы, камни имѣли такъ мало матеріальнаго вліянія и являлись второстепеннымъ средствомъ побѣды, то не оказывалось-ли истребительнѣе рукопашное оружіе: пика, мечъ, сѣкира, кинжалъ, палица? Приведенныя описанія, точный разсказъ, дошедшій до насъ о великихъ битвахъ древности даютъ отрицательный отвѣтъ.

При Фарсалѣ происходитъ бой, длящійся нѣсколько часовъ, и 45.000 человѣкъ отличнаго войска Помпея, послѣ борьбы, въ которой они не могли потерять больше 200—300 человѣкъ (ибо при равной храбрости, равномъ оружіи и равномъ умѣніи владѣть имъ они не могли потерять больше легіоновъ Цезаря, гдѣ убито было не болѣе 300) — 45.000 бѣгутъ. Массовое убійство (coedes) бѣгущихъ и бросившихъ оружіе, и плѣнъ остальныхъ является уже результатомъ побѣды, т.-е. наступаетъ послѣ окончанія боя. Легіонеры Помпея, сталкиваясь съ линіями враговъ съ фронта, въ то же время услышали сзади клики атаки шести когортъ Цезаря. Тогда мужество исчезло, паника превозмогла дисциплину и сорока пятитысячное войско побѣжало. Тогда только мечи и копья могли начать свою истребительную работу.

При Каннахъ римская армія, вооруженная лучше карѳагенской, встрѣтила отпоръ тамъ, гдѣ предполагала побѣду; въ то же время увидѣвъ врага со всѣхъ сторонъ,

послѣ недолгаго боя переднихъ шеренгъ армія объята паникой, бросаетъ оружіе и даетъ себя перерѣзать.

Слѣдовательно не только стрѣлы и камни, но и мечи и копья оказываются смертельно опасными только для побѣжденныхъ. Пораженіе происходитъ не отъ худшаго оружія, не отъ меньшаго искусства фехтованія, не отъ превосходства въ числѣ. Побѣду давало сочетаніе мужества, дисциплины, воодушевленія, довѣрія къ вождямъ; наконецъ таланты полководца, т.-е. сочетаніе рѣшимости съ осторожностью, ясности мысли съ воображеніемъ, предусмотрительности и спокойствія съ внутреннимъ огнемъ. Недостатокъ дисциплины и искусной тактики ведетъ къ тому, что войско болѣе многочисленное, отлично вооруженное и болѣе доблестное— разбито послѣ недолгаго и, что всего изумительнѣе, послѣ рукопашнаго боя. Такъ и было со стотысячнымъ скопищемъ галловъ при Эксѣ, бѣжавшимъ предъ нѣсколькими легіонами Марія. Такъ случалось во всѣхъ другихъ бояхъ. Грозный феноменъ – столкновеніе двухъ вооруженныхъ массъ – развивается и оканчивается по совершенно инымъ стадіямъ, чѣмъ одиночный бой. Есть люди совершенно безстрашные; они представляютъ рѣдкое исключеніе. Есть люди абсолютно трусливые; въ доблестныхъ арміяхъ ихъ очень мало. Въ общемъ, каждое войско имѣетъ нѣкоторый запасъ мужества, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, держащійся долго — тогда одерживается побѣда; при неблагопріятныхъ – быстро испаряющійся: тогда наступаетъ пораженіе и гибель. Древній бой, происходившій на небольшомъ пространствѣ и всегда въ открытомъ мѣстѣ (при чемъ каждый сражающійся могъ видѣть всю армію), древній бой полонъ интереса именно ради возможности изучать наростаніе и уменьшеніе коллективной стойкости, которая во всѣ времена была и будетъ рѣшающимъ факторомъ успѣха на войнѣ.

Древній бой даетъ истинное понятіе и о вліяніи оружія, метательнаго и рукопашнаго, на побѣду или пораженіе. Лучшее вооруженіе было важно только по своему нравственному дѣйствію. Участь многотысячнаго войска рѣшалась боемъ немногихъ, и даже не боемъ, а впечатлѣніемъ этого боя на массу. Слѣдовательно съ чисто матеріальной точки зрѣнія было безразлично, чѣмъ было вооружено войско, лишь бы оружіе вселяло увѣренность въ своихъ и страхъ въ противникахъ. Пращи и луки были полезны не потому, что выводили изъ рядовъ много противниковъ, а потому, что грозя наступающей арміи градомъ стрѣлъ и камней, расхолаживали первый пылъ храбрости, уменьшали стремительность перваго импульса. Мечъ, копье и щитъ были необходимы; но не для того, чтобы въ общей рукопашной свалкѣ (никогда не имѣвшей мѣста) переколоть и перерубить большинство враговъ, а для того, чтобы съ бодрымъ духомъ, въ сомкнутыхъ когортахъ напирать на врага и либо стремительной фронтальной атакой, либо неожиданнымъ охватомъ, превратить массовое мужество враждебной арміи въ массовую панику. Галлы передъ рѣшительною битвой, по словамъ Полибія, въ знакъ презрѣнія къ ударамъ раздѣвались голыми и съ длиннымъ мечемъ въ рукахъ бросались впередъ, съ доблестною стремительностью, до какой римляне быть можетъ никогда не доходили. Видъ нагихъ храбрецовъ съ длинными волосами наводилъ ужасъ на легіоны. Но дисциплина и тактика римлянъ вообще оказывались сильнѣе, потому что порывъ варваровъ скоро проходилъ. Постоянная смѣна усталыхъ когортъ (т. е. нѣсколько разстроенныхъ и оробѣвшихъ) свѣжими, нападеніе линіи за линіей съ фронта и съ фланговъ, приводили дикихъ храбрецовъ въ отчаяніе и они бѣжали. Когда ими предводительствовалъ Аннибалъ, они побѣждали римлянъ. Преисполненные слѣ-

пого довѣрія къ искусному и хладнокровному вождю, они держались дольше, и бѣжать или сдаваться приходилось тяжело вооруженнымъ легіонерамъ.

Конное войско также имѣло только моральное вліяніе до побѣды и матеріальное послѣ нея. Когда конница бросалась на пѣхоту, то все зависѣло отъ присутствія духа и дисциплины послѣдней. Человѣкъ во всѣ времена сильно опасался быть раздавленнымъ лошадью. Если строй пѣхотинцевъ, видя несущуюся на него массу всадниковъ, начиналъ отступать и стремился укрыться, отступленіе превращалось въ бѣгство, и пѣхотинцы истреблялись, т. е. бѣгущихъ настигали, кололи, топтали, рубили.

Если же налетъ конницы выжидался съ бодрымъ духомъ и выставленнымъ впередъ копьемъ, тогда конница поворачивала обратно, не достигнувъ до непріятельскаго строя, или видя предъ собою грозные ряды щитовъ, пикъ и мечей, всадники постепенно замедляли аллюръ передъ столкновеніемъ и послѣ слабаго и неопаснаго натиска давали тылъ. При разныхъ обстоятельствахъ сущность успѣха заключалась единственно въ сохраненіи хладнокровія и бодрости. Со стойкой пѣхотой всадники ничего не могли сдѣлать, несмотря на то, что въ древности кавалерія могла бояться только меча и копья и почти не могла быть поражаема на разстояніи. При Фарсалѣ пѣхотныя когорты бросились на конницу Помпея, которая не выдержала натиска и разсѣялась. Наоборотъ, при Каннахъ, появленіе Карѳагенскихъ всадниковъ въ тылу римской арміи рѣшаетъ ея пораженіе. Ударъ конницы былъ вовсе не опасенъ для стройной дисциплинированной пѣхоты. Опасность страшно возрастала, когда пѣхотные ряды «были поколеблены», бодрость духа ихъ была сомнительна или когда впечатлѣніе коннаго налета увеличивалось нападеніемъ съ фланга или тыла. Опасность

превращалась въ совершенную гибель, когда пѣхота бѣжала послѣ пораженія. Тогда копья и мечи работали. Происходила многотысячная «Coedes». Въ сохраненіи мужества заключалась вся тайна успѣха.

Цезарь разсказывалъ, что «его кавалерія не могла сражаться съ бриттами, не подвергаясь опасности, такъ какъ послѣдніе показывали видъ, что бѣгутъ, чтобы отвлечь конницу отъ пѣхоты, и затѣмъ, соскочивъ со своихъ боевыхъ колесницъ, сражались съ ней успѣшно пѣшкомъ».

Когда конница дралась противъ конницы, тоже никогда не было свалки, рѣдко доходило до столкновенія. Римская кавалерія пускалась галопомъ противъ непріятельской кавалеріи; затѣмъ съ разстоянія дальняго полета стрѣлы (если непріятельская кавалерія не поворачивала назадъ, при видѣ стремительнаго коннаго налета) аллюръ уменьшался, выпускалсь нѣсколько дротиковъ и заѣхавъ назадъ, римскіе всадники возвращались на прежнее мѣсто, чтобы вновь повторить аттаку. Также поступала кавалерія другой стороны и подобная игра могла возобновляться, пока одной изъ кавалерій не удавалось убѣдить противную, что она одолѣла ее своей стремительностью, тогда менѣе стойкая давала тылъ и побѣдители гнались за нею.

Ураганы сталкивающихся конницъ есть поэзія, а не дѣйствительность.

Если бы происходило, говоритъ Пикъ, столкновеніе во всю прыть, то люди и лошади расшиблись бы, а этого не желали ни тѣ ни другіе. У кавалеристовъ есть руки, инстинктъ, присущій имъ и конямъ, чтобы замедлить аллюръ, остановиться, если самъ непріятель не остановится, и повернуться, если онъ продолжаетъ стремительно нестись.

Если случалось столкнуться, то удара, собственно говоря, не было, а была остановка лицомъ къ лицу.

Нѣсколько ударовъ копьемъ и мечемъ, и весьма скоро одна сторона поворачивала назадъ.

Такимъ образомъ, даже такое грозное орудіе, какъ обученная лошадь, въ массовомъ бою имѣла только моральное значеніе.

Картина древнихъ битвъ будетъ для насъ ясна, когда мы признаемъ, что сущность успѣха при столкновеніяхъ армій не могла заключаться въ матеріальномъ дѣйствіи числа, оружія, тактики, дисциплины, а опредѣлялась единственно, такъ сказать, моральнымъ состязаніемъ. Истреблять врага можно было только послѣ побѣды, а не до нея. Во время же боя, для достиженія успѣха, нужно было устрашить его.

Когда мы проникнемся этими простыми понятіями, тогда мы поймемъ многія съ перваго взгляда непонятныя явленія. Станетъ яснымъ, почему тридцать тысячъ копейщиковъ Александра Македонскаго побѣдили въ десять разъ сильнѣйшее воинство. Азіятскій властелинъ разсчитывалъ на численность своихъ полчищъ. Когда наступила минута боя, армія въ нѣсколько сотъ тысячъ конницы и пѣхоты увидѣла фалангу, мѣрно напиравшую своимъ лѣсомъ копій, не обращая вниманія ни на стрѣлы, ни на дротики, не устрашаясь конныхъ аттакъ. Нравственнаго впечатлѣнія, который оказывалъ непреоборимый натискъ фаланги, было достаточно, чтобы милліонная масса бѣжала. Пораженіе обусловливалось не реальной силой этихъ рядовъ и копій, незначительной сравнительно съ большимъ числомъ прекрасно вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ арміи Дарія Кодомана. Какъ мало значилъ, въ побѣдахъ Александра дѣйствительный рукопашный бой, видно изъ того, что за всѣ свои міровые походы имъ потеряно не болѣе 700 человѣкъ убитыми копьями.

И такъ успѣхъ на войнѣ въ древніе вѣка давало нравственное превосходство. Отличное оружіе, насту-

пательное и оборонительное, а также и обладаніе боевымъ конемъ, имѣло въ сущности одинъ смыслъ — устрашить (а не истребить) вражеское войско и поддержать бодрость въ своихъ. Смертоносность же всѣхъ орудій истребленія проявлялась лишь послѣ побѣды.

ГЛАВА II.

Упадокъ военнаго искусства въ средніе вѣка.—Его возрожденіе и войны новаго времени.

Когда на развалинахъ древняго міра возникъ средневѣковой строй, тогда вмѣстѣ съ упадкомъ науки, пониженіемъ культуры, упало и военное искусство.

Съ образованіемъ ѳеодальнаго общества умалились и цѣли, ради которыхъ люди вооружались для смертельной борьбы. Александръ Македонскій, Аннибалъ, Юлій Цезарь сражались за обладаніе міромъ. Милліонныя полчища варваровъ, сокрушившихъ Римъ, смели съ лица земли всесвѣтное могущество и завоевали тѣ самыя страны, гдѣ грядущимъ поколѣніямъ суждено было основать, въ позднѣйшіе вѣка, ряды цивилизованныхъ государствъ. Не то мы видимъ въ ту эпоху, когда возникли ѳеодальные замки и утвердились ѳеодальныя отношенія. Война сдѣлалась безпрерывной, но велась между мелкими деспотами, засѣвшими въ крѣпкихъ замкахъ, покрывшихъ все пространство между океаномъ и Вислою. Въ восточной Европѣ велись удѣльныя усобицы. Цѣли средневѣковыхъ побоищъ заключались въ отвоеваніи сосѣдняго лена или удѣла; дрались ради личныхъ или ѳамильныхъ интересовъ мел-

кихъ князьковъ. Самымъ блестящимъ и труднымъ считалось овладѣніе небольшими зубчатыми башнями, построенными на трудно-доступныхъ мѣстахъ и занятыхъ сотней-другой латниковъ. Мимо подобныхъ укрѣпленныхъ гнѣздъ, древняя армія прошла бы, не замѣчая ихъ. Города также походили на большія, обнесенныя стѣною, деревни. Римъ, Карѳагенъ, Пальмира, Аѳины, Александрія лежали въ развалинахъ. Вмѣсто храмовъ, портиковъ, термъ, колоннадъ появились кучи приземистыхъ темныхъ строеній, которыя жались къ землѣ сеньора. Названіе города пріобрѣталось сооруженіемъ собственной ограды, дававшей нѣкоторую безопасность и отъ внѣшнихъ враговъ и отъ суровыхъ ѳеодаловъ — правителей. Взятіе замковъ и городовъ съ тогдашними средствами было дѣломъ труднымъ. Непрерывныя войны происходили между ѳеодальными дружинами. Преобладаніе предохранительнаго вооруженія (латъ, кольчугъ), покрывавшихъ не только рыцарей, но и ихъ коней, характеризуетъ средневѣковыя сраженія. Глядя на стальные доспѣхи, дававшіе надежную защиту противъ стрѣлъ, копій и мечей, можно подумать, что тогдашнія войны были мало кровопролитными. На самомъ дѣлѣ ни древніе, ни позднѣйшіе вѣка не представляли такой истребительной борьбы. Вмѣсто многочисленныхъ армій, сходившихся на великія побоища, мы видимъ схватки небольшихъ отрядовъ, но схватки ежедневныя. Сотнѣ сражающихся легче потерять при борьбѣ третью часть воиновъ, чѣмъ десятитысячному войску утратить десятую долю. Если мелкіе бои повторялись изо дня въ день, то уносили гораздо болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ большія битвы, которыя по необходимости должны быть относительно рѣдки. Чѣмъ меньше бойцовъ участвуетъ, тѣмъ меньше вліяетъ на исходъ столкновенія тактика, и тѣмъ важнѣе имѣть на своей сторонѣ матеріальное превосходство оружія. При

равномъ числѣ и равной храбрости двухъ бьющихся небольшихъ шаекъ, болѣе крѣпкіе мечи, болѣе длинныя копья, прочность панцырей, дальность метательныхъ орудій дадутъ побѣду. Оружіе тогда дѣйствуетъ не устрашая, а истребляя, и для достиженія успѣха, обращенія враговъ въ бѣгство, нужно ихъ убить относительно много и потерять немалую долю своихъ. Разъ такія побоища происходятъ часто, убыль въ людяхъ, количество погибшихъ, должно быть неимовѣрно велико. Для самыхъ счастливыхъ воиновъ вѣроятность долгой жизни была очень слаба. Смерть на полѣ битвы почиталась какъ естественный удѣлъ мужчины, и всякій иной конецъ земного бытія считался позоромъ.

Въ XI столѣтіи Сигвардъ, великій герцогъ Нортумберландскій, заболѣвъ воспаленіемъ желудка и чувствуя приближеніе смерти, сказалъ: «Какой стыдъ для меня, что я не съумѣлъ умереть въ столькихъ войнахъ и теперь оканчиваю жизнь смертью коровъ! По крайней мѣрѣ надѣньте на меня латы, опояшьте мечемъ, надѣньте мнѣ на голову шлемъ, дайте въ лѣвую руку щитъ, а въ правую позолоченную сѣкиру, чтобы такой великій воинъ, какъ я, умеръ воиномъ». Приказаніе его было исполнено и онъ умеръ такимъ образомъ съ честью и во всеоружіи.

Ежедневная опасность до такой степени обратилась въ привычку, что только участникъ недавней рѣзни могъ разсчитывать на уваженіе. Дочь датскаго графа, при видѣ рыцаря Эгилла, который желалъ сѣсть подлѣ нея, отталкиваетъ его съ презрѣніемъ, упрекая въ томъ: «что онъ рѣдко доставлялъ волкамъ теплую добычу и неслыхивалъ въ теченіе осени карканія воронъ надъ грудою труповъ». Но Эгиллъ удерживаетъ ее и успокоиваетъ такой пѣснью: «Я шелъ съ окровавленнымъ мечемъ и вороны сопутствовали мнѣ. Мы бѣшено дрались, огонь подымался высоко надъ жильемъ людей,

и мы утопили въ крови тѣхъ, кто сторожилъ городскія ворота» *)

Истребительныя мелкія войны проходятъ черезъ всѣ средніе вѣка. Большая часть ихъ не могла даже быть занесена въ лѣтописи и семейныя хроники. Гибельность тогдашняго оружія, чрезвычайная смертоносность этихъ схватокъ, закованныхъ въ желѣзо воиновъ видна по генеалогіямъ дворянскихъ фамилій до XIV столѣтія. Большою рѣдкостью была непрерывность мужской линіи. Мужское поколѣніе погибало въ безпрерывныхъ схваткахъ и феодальные удѣлы должны были переходить, посредствомъ браковъ, въ другіе роды. Стоитъ просмотрѣть генеалогическія изданія, чтобы убѣдиться въ томъ, что древность громаднаго большинства родовъ основана на наслѣдованіи по женской линіи.

Губительныя мелкія феодальныя войны страшно опустошали Европу. Человѣко-истребительныя непрерывныя усобицы уменьшились только съ усиленіемъ центральной власти и съ возникновеніемъ болѣе крупныхъ городскихъ поселеній. Рядъ столѣтій, прошедшихъ въ постоянной рѣзнѣ, лучше всего показываетъ и тщету надеждъ, что чрезвычайное увеличеніе опасности погибнуть въ битвахъ въ силахъ создать всеобщее отвращеніе къ войнѣ.

Опасность феодальныхъ войнъ увеличивалась доблестью рыцарей. Трусость представлялась для обладателя золотыхъ шпоръ такимъ крайнимъ порокомъ, что даже малодушные удерживались лицомъ къ лицу съ

---

*) Сага объ Эгиллѣ.

непріятелемъ, страхъ позора превозмогалъ ужасъ передъ неминуемой гибелью. Вѣрные вассали стремились подражать сеньорамъ. Свѣтлой чертой этихъ мрачныхъ вѣковъ слѣдуетъ признать гордое сознаніе личнаго достоинства, питаемое фамильными традиціями, сознаніе, давшее возможность обычно проявлять такое геройство, которое въ древности было удѣломъ немногихъ. Самоотверженность, требуемая въ наше время отъ офицеровъ, ихъ готовность постоянно быть первыми въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, составляетъ наслѣдіе рыцарства. Изъ описанія древнихъ битвъ видно, что стойкость сражающихся увеличиваетъ число павшихъ больше, чѣмъ свойство оружія. Дальше мы увидимъ, что и въ новѣйшія времена ничего въ сущности не измѣнилось и повторяется та же зависимость.

Когда феодальнымъ дружинамъ приходилось, покинувъ на время постоянныя мелкія усобицы и нашѣзды, собираться въ большія ополченія и принимать участіе въ великихъ битвахъ, тогда судьба сраженія рѣшалась безусловно тѣмъ же самымъ превосходствомъ духа войска, которое, какъ мы видѣли, давало успѣхъ легіонамъ и фалангамъ древнихъ. Въ Битвѣ при Гастингсѣ саксы встрѣтили нормандцевъ за палисадами. Приблизившись на разстояніе полета стрѣлы, войско Вильгельма Завоевателя стало поражать саксонскіе ряды изъ луковъ. Одна изъ стрѣлъ нанесла рану королю Гарольду и смущеніе распространилось среди саксовъ. Затѣмъ Вильгельмъ приказалъ своей пѣхотѣ отступить. выманивъ противниковъ изъ-за укрѣпленій. Когда саксы съ сѣкирами въ рукахъ, преслѣдуя нормандцевъ, вышли на равнину, тогда Вильгельмъ устремилъ на нихъ всю массу своихъ конныхъ латниковъ. Увидѣвъ несущуюся на нихъ конницу, саксы были охвачены паникой и обратились въ бѣгство, и началась бойня, ничѣмъ не отличающаяся отъ тѣхъ coedes, которыя слѣ-

довали за битвами при Каннахъ и Фарсалѣ. Въ этотъ роковой день немного значило хорошо ли пробивали саксонскія сѣкиры непріятельскія латы, и довольно ли длинны были нормандскія копья. До побѣды легло немного воиновъ и съ той и съ другой стороны. Послѣ побѣды побѣжденные истреблялись или сдавались массами. Успѣхъ дня достался той арміи, гдѣ было превосходство дисциплины и увѣренность въ побѣдѣ. Несчастная случайность, рана вождя, могла имѣть мѣсто при всякомъ оружіи.

Венгерскія полчища, противъ дикаго натиска которыхъ не могли устоять предшественники Генриха I Птицелова, были разбиты этимъ государемъ въ 933 году, при Ріаде. Побѣда Генриха объясняется неодолимымъ натискомъ, тяжело вооруженныхъ, покрытыхъ панцырями всадниковъ, которые понеслись на венгровъ сомкнутыми рядами.

Средневѣковыя большія сраженія имѣли характеръ древнихъ битвъ. Оружіе усовершенствовалось введеніемъ арбалета, вмѣсто прежняго лука. Стали искуснѣе выдѣлывать латы и кольчуги, отъ которыхъ отскакивали пилумы и стрѣлы. Мечи и копья сдѣлались болѣе надежными. Появляются сѣкиры, сокрушающія самыя крѣпкія латы; алебарды соединяютъ пику и сѣкиру.

Восточные завоеватели нападаютъ на христіанъ съ кривыми саблями. Всѣ эти перемѣны не имѣютъ однако большого значенія. Матеріальное вліяніе оружія ничтожно. Свалокъ, о которыхъ разсказывали поэты, въ дѣйствительности не происходило. Въ рукопашномъ бою участвуютъ только первые ряды. Побѣда остается за той вооруженной массой, которая вслѣдствіе храбрости, дисциплины, довѣрія къ вождю, больше имѣла коллективной увѣренности въ успѣхѣ.

У Герберштейна приведено мнѣніе очевидца о русскомъ войскѣ временъ московскаго единодержавія.

«Москвитяне обладали храбростью, отъ встрѣчи съ непріятельской ратью не уклонялись, при началѣ боя всей массой дружно брасались на враговъ; но бой, прибавляетъ очевидецъ, длился недолго; столкнувшись съ рядами противниковъ—они какъ будто говорили: «бѣгите, или мы побѣжимъ».

Весьма знаменательно это наблюденіе, сдѣланное въ XVI столѣтіи надъ боевыми качествами нашихъ предковъ. Изъ того, что нами сказано о побѣдѣ грековъ и римлянъ надъ полчищами мужественныхъ варваровъ, можно съ увѣренностью заключить, что тотъ же очевидецъ, будь ему суждено увидѣть, за шестьнадцать вѣковъ раньше, битвы кимвровъ, тевтоновъ и галловъ съ римскими легіонами, или еще раньше походы Александра въ Персіи, нашелъ бы ту же неустойчивость мужества, которая дѣлаетъ изъ вооруженной толпы, очень впечатлительный организмъ, сллонный воодушевленіе мѣнять на панику. Среди сражающихся находятся люди, незнакомые съ чувствомъ страха, или подавляющіе въ себѣ это чувство изъ сознанія долга, но это рѣдкія исключенія. Если бы армія могла состоять лишь изъ подобныхъ храбрецовъ, то битва, при любомъ оружіи, деревянной дубинѣ или магазинной винтовкѣ, была бы столь истребительна, что побѣдителей осталось бы немного, вліяніе превосходства оружія и искусства фехтованія было бы фатально, а при равномъ оружіи вмѣсто побѣды получалось бы почти поголовное взаимное истребленіе. На самомъ дѣлѣ масса не можетъ состоять изъ героевъ. И потому побѣда или пораженіе наступаетъ для двухъ вступившихъ въ бой армій, прежде, чѣмъ одна изъ нихъ можетъ скрестить свое оружіе съ противникомъ, или прежде, чѣмъ понесетъ огромный уронъ отъ любого оружія.

До эпохи введенія огнестрѣльнаго оружія картина

большихъ сраженій мало измѣнилась. Когда началась эпоха возрожденія, то наравнѣ съ другими искусствами и науками усовершенствовалась и военная наука и военное искусство.

Съ появленіемъ постоянныхъ армій возрождается собственно говоря, римская тактика. Является дисциплина, похожая на тѣ установленія, которыя были приняты въ древнихъ легіонахъ. Варварскіе и феодальные порядки постепенно исчезаютъ. Вмѣсто раздѣленія на феодальныя дружины, вмѣсто народныхъ ополченій, мы видимъ полки и батальоны, предварительно совмѣстно объученные и строившіяся для боя, подобно римскимъ когортамъ.

Только въ XVII столѣтіи являются подъ вліяніемъ усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія способы боя, неизвѣстные до тѣхъ поръ и характеризующіе войны новѣйшихъ временъ. Раньше, когда извѣстное число пѣхотинцевъ было вооружено длинной, тяжелой, первобытной аркебузой, слабость ихъ огня вынудила Монтеня сказать (разумѣется со словъ тогдашнихъ военныхъ людей): «огнестрѣльное оружіе столь мало дѣйствительное, поражало только однѣ уши, отъ употребленія его придется отказаться».

Прототипомъ современныхъ ружій былъ арбалетъ, т. е. лукъ, съ которымъ была соединена трубка для направленія стрѣлы: страшно опасное оружіе, весьма мѣтко попадавшее на двѣсти шаговъ и дробившее кости даже не пробивая панцыря; только очень крѣпкія латы предохраняли отъ арбалета; не даромъ преданіе надѣлило имъ Вильгельма Телля. Съ изобрѣтеніемъ пороха, сохранили трубку, чтобы направлять снарядъ, вмѣсто стрѣлы приняли кусокъ металла, свин-

цовую пулю, а упругость пороховаго газа замѣнила упругость тетивы. Въ первоначальномъ видѣ, безъ приклада и съ фитилемъ, огнестрѣльное оружіе обладало ничтожной мѣткостью.

Порохъ, оказавшійся грознымъ элементомъ при осадѣ замковъ и городовъ, долго послѣ своего введенія не вліялъ на характеръ большихъ сраженій въ открытомъ полѣ. При Франциск‍ѣ I только пятая доля пѣхоты вооружается огнестрѣльнымъ оружіемъ. Пика еще преобладаетъ.

Въ теченіи XVII столѣтія является рядъ усовершенствованій. Для противодѣйствія отдачѣ, къ концу ствола придѣлывается крючекъ, который во время стрѣльбы опирается на неподвижный предметъ и такое оружіе получаетъ названіе arquebuse à croc. Для обезпеченія прицѣла каждый стрѣлокъ получаетъ вилку, на которую можно опереть стволъ. Вводится прикладъ, удлинняется стволъ и увеличивается калибръ пуль. Наконецъ фитиль замѣняется замкомъ, сначала курковымъ, потомъ колеснымъ и впослѣдствіи кремневымъ. Аркебуза превращается въ мушкетъ. Густавъ Адольфъ вводитъ въ употребленіе патроны.

При Людовик‍ѣ XIII въ 1643 г. на одну пику приходилось одно огнестрѣльное оружіе. Въ 1688 г. уже имѣлась одна пика на 4 мушкета. Наконецъ пика исчезаетъ. Мушкетный стволъ увѣнчивается штыкомъ.

Когда всѣ солдаты обратились (за исключеніемъ кавалеріи) въ стрѣлковъ, тогда явилось коренное измѣненіе въ самомъ способѣ веденія боя.

Мы видѣли, что въ древности, когда македонская фаланга сокрушала азіатскія толпы, то дѣйствительное участіе въ сраженіи пришлось принимать весьма немногимъ бойцамъ. Во времена господства легіоновъ дрались только тѣ, кому приходилось занимать первый или второй рядъ когорты. Участь остальныхъ заклю-

чалась либо въ гибели подъ ударами побѣдоноснаго врага, либо въ рѣзнѣ бѣгущихъ. Никакихъ особыхъ перемѣнъ въ этомъ роковомъ соотношеніи не произошло и не могло произойдти въ средніе вѣка и во всѣ тѣ войны, гдѣ главнымъ оружіемъ оставались копье и мечъ.

Когда каждый изъ солдатъ получилъ ружье, тогда въ битвѣ могли принимать участіе всѣ безъ исключенія, всѣ кто попалъ въ боевую линію. Требовалось такое построеніе, которое давало бы возможность дѣйствовать каждому ружью. Густые боевые порядки мало по малу уступили мѣсто длиннымъ и тонкимъ линіямъ. Въ употребленіе входятъ такъ называемыя стрѣлковыя цѣпи, т. е. солдаты разсыпаются въ одинъ рядъ съ цѣлью лучшаго обстрѣла противника и чтобы избѣжать большого урона. Такія боевыя построенія оказываются весьма эластичными. Все менѣе, съ усовершенствованіемъ техническихъ пріемовъ, требуется открытая мѣстность, необходимая для полей битвъ прежняго времени. Сраженіе принимается на всякой мѣстности: на равнинѣ, въ горахъ, среди полей и среди лѣсовъ.

Первымъ слѣдствіемъ совершившейся перемѣны было увеличеніе продолжительности сраженій. Введеніе всѣхъ солдатъ большой арміи одновременно въ боевую линію было затруднительно и невыгодно. За тонкими линіями, вступившими въ бой, стали помѣщать резервы, которые выдвигались мало по малу впередъ. Обыкновенно сраженіе рѣшалось не раньше введенія въ дѣло одною изъ сторонъ всѣхъ или почти всѣхъ резервовъ. Продолжительность сраженій обусловливалась также величиной пространства, на которомъ происходило столкновеніе. Когда дрались на открытой мѣстности, каждый могъ видѣть всѣхъ сражающихся, и массовые импульсы страха или мужества распро-

странялись быстро на всю армію. Когда же боевыя линіи, весьма длинныя, стали захватывать высоты, лѣса, овраги, деревни, то всякое большое сраженіе какъ бы распадалось на рядъ отдѣльныхъ боевъ. Мѣстныя препятствія, изгибы почвы скрывали одинъ отрядъ отъ другого; два неподалеку сражающихъ полка могли одновременно обнаружить, не видя другъ друга, спокойствіе и колебаніе.

Успѣхъ остается за той арміей, которая одерживаетъ верхъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ схватокъ — батальона съ батальономъ, полка съ полкомъ, или одолѣваетъ противника въ рѣшительномъ пунктѣ въ то время, когда по остальной линіи бой колеблется.

Участіе всѣхъ въ дѣйствительномъ бою и увеличившаяся во много разъ продолжительность сраженій, какъ прямое слѣдствіе обусловили большую потерю обѣихъ сторонъ отъ метательнаго оружія независимо отъ его системы, отъ всякихъ мелкихъ и крупныхъ снарядовъ, бросаемыхъ съ нѣкотораго, большаго или меньшаго, разстоянія. Покуда бой велся съ обѣихъ сторонъ густыми массами, многорядными фалангами, до тѣхъ поръ метательное оружіе не могло наносить замѣтныхъ потерь, такъ какъ большинство не въ состояніи было имъ воспользоваться. Недоставало мѣста, недоставало времени. Когда же, со введеніемъ ружья, тонкія боевыя линіи и цѣпи разсыпанныхъ стрѣлковъ стояли цѣлые часы передъ непріятелемъ, тогда потери и побѣжденныхъ и побѣдителей, еще до рѣшенія побѣды, естественно увеличились.

Побѣда, какъ и раньше, оставалась за тѣми войсками, которыя меньше боялись противника, отличались лучшей выдержкой и дисциплиной, имѣли самоотверженныхъ вождей и талантливаго полководца. Нападеніе, стремительный натискъ сулилъ успѣхъ вѣрнѣе, чѣмъ оборона. Пули и штыки, замѣнившіе стрѣлы и

мечи, не пошатнули рѣшающаго значенія нравственнаго элемента; но самый механизмъ столкновенія двухъ вооруженныхъ массъ существенно измѣнился. Короткій по времени, но важный по впечатлѣнію, рукопашный бой переднихъ шеренгъ—исчезаетъ. Атака начинается съ болѣе дальняго разстоянія, а успѣхъ или неудача опредѣляется безъ непосредственнаго удара на непріятельскіе ряды. Натискъ отбивается огнемъ, т. е. массой пущенныхъ въ подвигающагося противника снарядовъ стремятся заставить атакующаго повернуть назадъ. Если же противникъ, не смотря на потери и бѣглый огонь, подходитъ близко и стремится ударить въ штыки, то всего чаще, не дожидаясь столкновенія, обороняющійся покидаетъ свою позицію, отступаетъ или бѣжитъ.

«Огнестрѣльное оружіе,—говоритъ Гольцъ *), наноситъ непріятелю потери, а штыкъ, т. е. энергичное стремленіе впередъ увеличиваетъ своимъ ужасомъ впечатлѣніе потерь. Обѣ эти формы должны идти рука объ руку, ибо дѣло идетъ не столько объ истребленіи непріятельскихъ бойцовъ, сколько объ уничтоженіи ихъ мужества. Побѣда одержана, какъ только удалось вселить въ противника убѣжденіе, что его дѣло проиграно. Но этого убѣжденія, несмотря на весь ужасъ свинцоваго дождя, онъ никогда не пріобрѣтетъ, если долго останется въ томъ же почтительномъ удаленіи отъ него. Движеніе же впередъ доказываетъ ему, что противникъ не даетъ себя удержать огнемъ отъ намѣренія добраться до него. Опасность начинаетъ ему угрожать непосредственно. Если наконецъ наступаетъ послѣдняя, рѣшительная перебѣжка, для которой нѣтъ промежуточной остановки, то непріятель, въ большинствѣ случаевъ, сочтетъ себя побѣжденнымъ и отступитъ. Эту

*) «Вооруженный народъ», стр. 291.

перебѣжку называютъ штыковымъ ударомъ, хотя обыкновенно штыкъ тутъ мало работаетъ *). Его все еще неодолимая сила заключается въ томъ внушенномъ противнику убѣжденіи, что войсковая часть, обладающая энергіею наступать подъ смертоноснымъ огнемъ, тѣмъ скорѣе будетъ имѣть энергію, въ случаѣ необходимости, истребить его холоднымъ оружіемъ, если онъ не отступитъ. Страхъ смерти прогоняетъ его тогда».

Изъ этого описанія современной атаки видно, что послѣ введенія и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, бой начинается и заканчивается на разстояніи, безъ дѣйствительнаго столкновенія между сражающимися. За исключеніемъ особыхъ случаевъ и положеній, напр. ночного боя, мелкихъ засадъ, партизанскихъ дѣйствій небольшихъ отрядовъ—штыку не приходится сталкиваться со штыкомъ. Если противникъ, осыпанный градомъ пуль, подошелъ близко, единственная возможность отбитія нападенія заключается въ контръ-атакѣ, передъ которой противникъ отступаетъ, также не дожидаясь дѣйствительной схватки. Если же атакованный не рѣшается броситься на встрѣчу противнику, то самъ непремѣнно побѣжитъ. Оставаться на позиціи и вступить въ рукопашную схватку съ насѣвшимъ непріятелемъ превосходитъ и всегда превосходило человѣческія силы. Укрѣпленія, окопы нимало не измѣняютъ дѣла. Шеренга, не успѣвшая отбить штурма выстрѣлами, не въ состояніи встрѣтить ворвавшагося въ укрѣпленіе врага холоднымъ оружіемъ. Въ учебникѣ тактики требуется, чтобы для этой цѣли были свѣжія войска, такъ называемый резервъ. Подразумѣвается, что тѣ ряды, которые передъ этимъ защищали окопы, не способны къ оборонѣ, разъ противникъ, преодолѣтъ огонь, перешагнулъ черезъ валъ.

---

*) Въ бояхъ за мѣстные предметы — въ деревняхъ и лѣсахъ, гдѣ бойцы неожиданно сталкиваются, штыкъ еще идетъ въ употребленіе—прибавляетъ Гольцъ.

Колоть и рубить можно только побѣжденнаго непріятеля, если только можно его догнать. Какъ въ древности и въ средніе вѣка, конница страшна именно способностью настигать, бѣгущаго, оробѣвшаго противника. Если же пѣхота не разстроена, то кавалерія, атакуя, стремится сломить мужество пѣхотныхъ рядовъ ужасомъ своего натиска. Но отбивается атака не плотными рядами копьеносцевъ, а частыми выстрѣлами изъ ружей. Несущаяся въ атаку конная масса таетъ отъ пуль, люди и лошади падаютъ. Отъ храбрости, отъ дисциплины коннаго войска зависитъ успѣхъ атаки. Въ случаѣ неудачи, поворотъ назадъ совершается еще далеко отъ непріятеля. Въ случаѣ удачи, доскакавъ до противника, кавалерія находитъ свое дѣло сдѣланнымъ; пѣхота, потрясенная неотразимымъ натискомъ, противъ котораго оказались безсильными ея пули, приходитъ въ смятеніе и бѣжитъ. Если бы современная пѣхота, выпустивъ въ атакующую кавалерію извѣстное количество пуль, послѣ этого была бы въ состояніи встрѣтить приближающихся всадниковъ, подобно древнимъ когортамъ, то никакая кавалерійская атака не была бы мыслима. На самомъ дѣлѣ состязаніе въ современномъ бою всадника съ пѣхотинцемъ кончается на томъ разстояніи, гдѣ раньше только начиналось. Нужно, чтобы каждый солдатъ, отдѣльно взятый, не боялся конницы,—говоритъ генералъ Драгомировъ, «т.-е. былъ пріученъ въ одиночку вынести впечатлѣніе несущагося на него кавалерійскаго урагана и утвержденъ въ томъ убѣжденіи, что, пока онъ остается лицомъ къ кавалеристу, этотъ послѣдній ничего сдѣлать ему не можетъ»... «Самая встрѣча атакующей конницы дѣлается такъ: подпустивъ ее на прямой выстрѣлъ, а еще лучше если ближе, напр. шаговъ на 100—150, сомкнутыя части даютъ залпъ и берутъ на руку (т.-е. выставляютъ впередъ штыкъ). Кон-

ницѣ, — добавляетъ генералъ Драгомировъ, — страшна не та пуля, которая выпущена, а та, которая въ стволѣ».

Такое уставное правило соблюдается рѣдко. Конницу встрѣчаютъ бѣглымъ огнемъ или рядомъ залповъ. Если же эти выстрѣлы оказываются не дѣйствительными, то пѣхотѣ приходится плохо. Военная исторія знаетъ однако случай, когда кавалерійская атака отбивалась почти безъ выстрѣла. Въ 1812 г. дивизія Невѣровскаго отбила 14 августа, подъ Краснымъ, рядъ атакъ всей кавалеріи Мюрата, выпустивъ очень мало пуль и спокойно выдерживала нападеніе, держа ружья у ноги. Съ такими войсками можно отбивать налеты конницы, не стрѣляя совсѣмъ. Мы уже говорили, какъ мало боялась конницы пѣшая фаланга, не знавшая огнестрѣльнаго оружія и не прибѣгавшая вовсе къ стрѣламъ, пилумамъ и пращамъ.

Такая стойкость и такое сочетаніе дисциплины и мужества, которые позволяли бы встрѣчать кавалерійскія атаки съ заряженными ружьями, въ современныхъ арміяхъ встрѣчаются очень рѣдко и исходъ конныхъ атакъ рѣшается на далекомъ разстояніи. Полковникъ Пикъ говоритъ, что съ увеличеніемъ дальнобойности ружья, ходъ кавалерійской атаки измѣнился лишь въ томъ отношеніи, что предъ кавалеріей «будутъ бѣгать на большемъ разстояніи». Если обстрѣливаніе атакующей конницы пѣхота начнетъ издалека (въ противность приведенному наставленію генерала Драгомирова), то атака можетъ быть отбита, т.-е. конница, потрясенная гибелью всадниковъ и лошадей, повернетъ назадъ, еще далеко не доскакавъ до непріятельскихъ рядовъ; за то если конница, попавъ подъ далекій огонь, будетъ геройски нестись впередъ, то смятеніе можетъ овладѣть пѣхотными рядами въ то время, когда сабли и копыта еще не угрожаютъ и находятся на такомъ разстояніи,

съ какого вѣроятно конница Александра Македонскаго, Аннибала, Цезаря только строилась бы для нападенія.

Въ современномъ бою, кромѣ пѣхоты съ ружьями и кавалеріи съ саблями и пиками, участвуютъ еще и боевыя машины: пушки съ ихъ прислугою. Артиллерійскіе снаряды дѣйствуютъ на большей дистанціи сравнительно съ ружьями. Эти снаряды весьма разнообразны. Ядра, бомбы, гранаты, картечь давно уже изобрѣтены для осадной и полевой войны. У артиллеріи и прежней, и новѣйшей есть одна особенность, извѣстная каждому военному: полное безсиліе противъ кавалерійской атаки. Поражая весьма мѣтко укрѣпленія и войска, когда до нихъ разстояніе извѣстно или опредѣлено пристрѣлкой, артиллерія не можетъ дѣйствовать по быстро двигающейся цѣли, какою является атакующая конница. Для охраненія баттарей отъ захвата конными налетами, имъ придается нѣкоторое количество пѣхоты, такъ называемое прикрытіе, отбивающее атаку ружейнымъ огнемъ.

Побѣда остается за той арміей, которая среди града смертельныхъ снарядовъ, извергаемыхъ ружьями и пушками, сближается съ врагомъ и заставляетъ его бѣжать той же силою нравственнаго вліянія, какъ и въ древности, но безъ непосредственнаго удара, замѣняемаго ужасомъ гибели отъ огня и штыка. Преслѣдованіе теперь рѣдко столь гибельно для побѣжденныхъ армій, какъ древнія coedes. Правда, кромѣ холоднаго оружія конницы—въ рукахъ побѣдителя имѣются еще пули и гранаты, бьющія далеко, и убѣжать отъ которыхъ мудрено. Но истребленіе и плѣнъ постигаютъ разбитую армію только тогда, когда искусство и многочисленность побѣдителя и ошибки побѣжденныхъ поведутъ къ совершенному окруженію разбитой арміи. Въ противномъ случаѣ побѣжденный успѣваетъ спастись. Истребленъ можетъ быть отдѣльный батальонъ, попав-

шій послѣ неудачной атаки подъ перекрестный огонь, или какая-либо часть, бѣгущая въ паникѣ и преслѣдуемая многочисленною кавалеріей. Большая же армія, испытавъ пораженіе, успѣваетъ уйти, потому что бой слишкомъ продолжительный, прекращается лишь съ наступленіемъ ночи. Побѣдитель слишкомъ утомленъ и, оттѣснивъ врага, долженъ поневолѣ думать объ отдыхѣ, а не о преслѣдованіи. Поле битвы такъ обширно, что сохраняются большею частью среди побѣжденной арміи еще неразстроенные полки, отступающіе только по приказанію главнаго начальника, увидѣвшаго, что общій итогъ дня противъ него, и что возобновленіе боя не обѣщало бы ничего хорошаго. Если спасаться приходится еще при дневномъ свѣтѣ, а побѣдитель сильно насѣдаетъ, то часть еще бодраго войска предназначается для охраны отступленія, образуя такъ называемый аріергардъ. Если побѣдитель будетъ задержанъ боемъ съ аріергардомъ, хотя бы на часъ или два, то побѣжденная армія успѣетъ безопасно удалиться, а наступившая темнота дастъ уйти и аріергарду. Такой порядокъ былъ немыслимъ, когда битва на небольшомъ пространствѣ рѣшалась между громадными арміями въ короткій промежутокъ времени, когда побѣжденнымъ уйти было некуда и некогда, и они всѣ гибли поголовно. Истребительность преслѣдованія уменьшилась съ тѣми перемѣнами, которыя связаны съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія.

Итакъ современный бой, сравнительно со всѣми битвами древнихъ и среднихъ вѣковъ, и перваго столѣтія эпохи Возрожденія, отличается въ томъ отношеніи, что происходитъ на разстояніи большемъ или меньшемъ, безъ непосредственнаго столкновенія сражающихся.

Орудіемъ смерти вмѣсто меча и копья, палицы, лука, явилось дѣйствующее порохомъ ружье и пушка—

приборы, въ которыхъ пользуясь упругостью газовъ, являющейся при сгораніи пороха, мечутъ въ противника, одинъ за другимъ снаряды, убивающіе и ранящіе, разрушающіе закрытія и ограды. При каждомъ ружьѣ имѣется носимый на себѣ запасъ пороха и пуль, запасы по мѣрѣ надобности возобновляются. Со временъ Густава-Адольфа пули и порохъ стали носить въ видѣ патроновъ. Нормальное число ихъ, въ войскахъ Фридриха Великаго уже достигаетъ шестидесяти. Способъ веденія боя совершенно измѣнился. Размѣщенные въ тонкихъ линіяхъ, вмѣсто прежнихъ сплошныхъ массъ, солдаты имѣютъ возможность всѣ и каждый участвовать въ пораженіи врага. Съ перваго взгляда отсюда можно заключить, что при старыхъ мушкетахъ начала прошлаго вѣка, сраженія должны бы повидимому кончаться взаимнымъ разстрѣляніемъ. Тысяча человѣкъ, выпустивъ по шестидесяти выстрѣловъ, должна перебить десять тысячъ враговъ, если только хотя одна изъ шести пуль попадетъ въ цѣль. При противникахъ равной силы, взаимное разстрѣливаніе, хотя бы въ теченіе часа времени, должно оставить въ живыхъ весьма немногихъ воиновъ съ той и съ другой стороны, если хоть одна изъ шестидесяти пуль пущена мѣтко. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Потери отъ ружейнаго огня во много разъ превосходили убыль отъ дротиковъ, лука, пращи и арбалета. Тѣмъ не менѣе о полномъ истребленіи не можетъ быть и рѣчи. Для отрядовъ въ нѣсколько тысячъ солдатъ потеря десятой части считается очень большой, а убыль отъ непріятельскаго огня въ 20 процентовъ кажется огромной. Чѣмъ многочисленнѣе армія, тѣмъ меньше относительное количество выбываетъ изъ строя, хотя бы бой длился съ утренней зари до самой ночи. Отношеніе числа выпущенныхъ пуль къ числу попавшихъ представляетъ нѣчто невѣроятное, и если бы не было на лицо ряда опы-

товъ, то всякій, видѣвшій стрѣльбу на учебномъ полѣ, усомнился бы въ возможности такой малоуспѣшной стрѣльбы.

Заимствуемъ у Пика *) любопытныя показанія военныхъ авторитетовъ:

«Гиберъ полагалъ, что милліонъ выпущенныхъ въ бою пуль убивалъ или ранилъ не болѣе 2.000 человѣкъ».

«Гассенди увѣряетъ, что на 3.000 выстрѣловъ, одинъ поражаетъ».

«Піоберъ говоритъ, что по результату продолжительныхъ войнъ оказалось, что расходовалось отъ 3.000 до 10.000 пуль на одного убитаго или раненаго».

Рядъ показаній заставляетъ принять неизбѣжный выводъ, который можетъ объяснить эти краснорѣчивыя цифры: почти всѣ выстрѣлы посылаются на удачу, не цѣлясь, или весьма плохо цѣлясь. «Стрѣлокъ сохраняетъ, при желаніи, способность вѣрно прицѣливаться; но волненіе крови, нервной системы противится неподвижности ружья въ его рукахъ; если бы даже оружіе опиралось на что-нибудь, то часть его всегда воспринимаетъ волненіе человѣка. Кромѣ того, послѣдній инстинктивно спѣшитъ выпустить выстрѣлъ, который можетъ задержать пулю, предназначенную ему. И если огонь живой, то это смутное разсужденіе, хотя и не формулированное въ умѣ солдата, господствуетъ со всею силою, всѣмъ могуществомъ инстинкта самосохраненія, даже надъ храбрѣйшими и самыми твердыми солдатами, которые тогда стрѣляютъ зря; и большинство стрѣляетъ, не упирая ружья въ плечо».

Слова эти принадлежатъ человѣку, обладавшему большимъ боевымъ опытомъ. Участникъ Алжирскихъ экспедицій, Крымской и Итальянской кампаній полковникъ Пикъ былъ убитъ 18 августа 1870 г. въ бою

*) См. Монографію генерала А. К. Пузыревскаго: «Атака пѣхоты».

подъ Віонвилемъ. Наблюденія, переданныя въ приведенной выпискѣ, производились надъ испытанными полками французской арміи. Чуждыя оффиціальнаго краснорѣчія реляцій и условной достовѣрности корреспонденцій, написанныхъ на три четверти съ чужихъ словъ, эти строки передаютъ факты въ ихъ дѣйствительномъ неприкрашенномъ видѣ. Становится понятнымъ, почему масса пуль летитъ на вѣтеръ. Выясняется съ полной очевидностью, что ружейный огонь не есть средство истребленія, а способъ воздѣйствія на нравственное состояніе противника. Дѣйствіе пушекъ, артиллерійскихъ снарядовъ оказывается менѣе матеріально-истребительнымъ, но болѣе дѣйствительнымъ по моральному вліянію. Неопровержимыя статистическія данныя показываютъ, что отъ артиллерійскаго огня убитыхъ и раненыхъ бываетъ во много разъ меньше (войны 1870—71 гг.), чѣмъ отъ ружейныхъ пуль. Артиллерію нѣкоторые военные писатели называютъ «оружіемъ впечатлѣнія». Гольцъ изъ своихъ личныхъ наблюденій передаетъ, что стрѣлковыя части, засѣвши за хорошія прикрытія, напр., каменныя стѣнки, стрѣляютъ весьма мѣтко; но достаточно одной гранаты, попавшей въ ряды стрѣлковъ, чтобы огонь послѣднихъ сталъ не столь опаснымъ. Значительная доля артиллерійскихъ снарядовъ уходитъ на борьбу съ артиллеріей непріятеля. Пушки преобладаютъ по матеріальному вліянію въ осадной войнѣ, гдѣ приходится сокрушать разнаго рода загражденія, окопы, постройки. Въ полевой войнѣ мы видимъ иное. Для кавалерійскихъ натисковъ пушечный огонь не опасенъ. Противъ пѣхоты артиллерійскіе снаряды считаются средствомъ такъ называемой подготовки атакъ и вообще какъ средство устрашенія, но не истребленія.

Ружейная пуля для солдата оказывается несравненно опаснѣе. Какъ ни плохо стрѣляютъ въ дѣйстви-

тельномъ бою, какъ ни далекъ боевой огонь отъ упражненій учебнаго плаца, тѣмъ не менѣе сотни тысячъ человѣческихъ жизней погибли за послѣдніе три вѣка отъ пораненій небольшими кусками свинца, брошеннаго изъ ружейныхъ стволовъ силой упругости пороховыхъ газовъ. Причина опасности этого оружія ясна: пуль направляется въ противника слишкомъ много и пребываніе подъ этимъ свинцовымъ градомъ длится слишкомъ долго, чтобы самый небольшой процентъ попаданія не убивалъ и не ранилъ.

Посмотримъ теперь, насколько вліяли на смертоносность ружейнаго огня измѣненіе системы вооруженія и успѣхи науки.

Введеніе желѣзныхъ шомполовъ Фридрихомъ Великимъ было перемѣной, грозившей (какъ могло показаться современникамъ) увеличить неимовѣрно истребительность ружейнаго огня. Въ первый разъ боевое состязаніе желѣзнаго шомпола съ деревяннымъ произошло въ сраженіи при Мольвицѣ. «Австрійцы употребляли еще деревянный шомполъ; выстрѣлы ихъ слѣдовали медленно одинъ за другимъ, тогда какъ прусскіе залпы гремѣли какъ громъ по шести въ минуту». Сраженіе было проиграно австрійцами. Невиданная по скорости стрѣльба была, какъ думаютъ историки, если не единственною причиною побѣды, то все-таки одной изъ причинъ успѣха хитраго Фрица. Въ рядахъ австрійской пѣхоты распространилось смущеніе, потому что на нѣсколько выстрѣловъ непріятеля ружье съ деревяннымъ хрупкимъ шомполомъ допускало только одинъ выстрѣлъ. Кто хотѣлъ стрѣлять скорѣе, ломалъ деревянный шомполъ и оставался безоружнымъ. И не смотря на безусловное неравенство оружія побѣдители и побѣжденные понесли почти равныя потери. Общее число выбывшихъ изъ строя подъ Мольвицемъ оказывается: у австрійцевъ около 5.000, у пруссаковъ болѣе 4.000,

въ частности въ рѣшающій моментъ боя было убито у однихъ 960, у другихъ 966 человѣкъ.

Очевидно, что болѣе частая стрѣльба производилась въ ущербъ относительной мѣткости *). При большемъ числѣ выстрѣловъ процентъ попаданія, какъ оказалось, понижается и число попавшихъ пуль осталось то же самое. Войско, имѣвшее лучшія, съ бо̀льшею скоростью стрѣльбы, ружья, быть можетъ получило нравственный элементъ успѣха; но надежда на матеріальное истребленіе врага частымъ огнемъ не сбылась.

Истребительность оружія неимовѣрно усилилась въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Большихъ измѣненій въ конструкціи ружья не было, если не считать уширеннаго отверстія затравки (лучшій способъ сообщенія огня снаряду). Въ то время ружья были у всѣхъ приблизительно одной и той же системы. Не было слышно опасеній, что побѣда достанется обладающему болѣе смертоносными метательными приборами. Никто не признавалъ за тогдашнимъ вооруженіемъ той степени совершенства, которая грозила взаимнымъ истребленіемъ сражающимся арміямъ. Вся пѣхота всѣхъ націй была вооружена гладкоствольнымъ ружьемъ съ круглой пулей. Между тѣмъ битвы этого времени отличались невиданнымъ кровопролитіемъ. Особенно выдѣляются по массѣ убитыхъ и раненыхъ сраженія при Прейсишъ-Эйлау и Бородинѣ. Въ снѣжную мятель, 8-го февраля 1807 года, армія Наполеона столкнулась между Вислой и Кенигсбергомъ съ русскими войсками. Битва

*) По поводу побѣдъ Фридриха маршалъ Морицъ Саксонскій, полководецъ и военный писатель, говорилъ: «Быстрота, съ которой пруссаки заряжаютъ свои ружья, выгодна въ томъ отношеніи, что занимаетъ солдата и мѣшаетъ ему думать въ виду непріятеля. Ошибочно считать, что пять послѣднихъ одержанныхъ пруссаками побѣдъ были результатами ихъ стрѣльбы, такъ какъ замѣчено, что въ большинствѣ этихъ дѣлъ было убито больше пруссаковъ огнемъ ихъ противниковъ, нежели этихъ послѣднихъ прусскимъ огнемъ».

отличалась необычайнымъ ожесточеніемъ, десятки тысячъ пали и не дали побѣды ни той, ни другой сторонѣ. Страшныя потери такъ разстроили обѣ арміи, что на другой день послѣ сраженія французы и русскіе разошлись въ разныя стороны и военныя дѣйствія пріостановились.

Громадное число погибшихъ съ обѣихъ сторонъ объясняется необыкновенной стойкостью, съ которой держались обѣ арміи. Солдаты Наполеона были воодушевлены рядомъ недавнихъ побѣдъ. Въ войскахъ Бенигсена было не мало участниковъ Суворовскихъ компаній, бившихъ турокъ, поляковъ и французовъ. Кровавая гекатомба, которой кончилась нерѣшительная битва при Эйлау, показала, что взаимное упорство сражающихся увеличиваетъ истребительность боеваго столкновенія въ гораздо большей степени, чѣмъ какое бы то ни было усовершенствованіе холоднаго или огнестрѣльнаго оружія.

Пять лѣтъ спустя подъ Бородинымъ произошло еще болѣе губительное побоище. Наполеонъ привелъ съ собою около 130.000; у Кутузова было, если считать казаковъ и не считать ополченія, около 110.000. Когда темнота прекратила сраженіе, то число убитыхъ и раненыхъ французовъ и русскихъ, дошло до невѣроятной цифры восьмидесяти тысячъ. Вооруженіе было прежнее. Истребительность Бородинскаго боя порождена также какъ и при Эйлау необыкновеннымъ упорствомъ сражающихся. Солдаты Наполеона видѣли въ этой битвѣ завершеніе долгихъ трудовъ и надѣялись, разбивъ противника, достигнуть Москвы, гдѣ казалось имъ, кромѣ славы ихъ ждетъ успокоеніе и полное довольство; перезимовавъ въ легендарной Москвѣ, они послѣ заключенія мира съ торжествомъ вернутся вмѣстѣ съ любимымъ вождемъ на родину. Еще болѣе сильныя чувства одушевляли армію Кутузова. Врагъ

пришелъ въ сердце русской земли. Каждый солдатъ понималъ, что онъ защищаетъ родной очагъ. Въ сотнѣ верстъ были московскія святыни, которыя во что бы то ни стало нужно было отстоять.

При одинаковой приблизительно тактической организаціи, противники не уступали другъ другу въ дисциплинѣ и одинаково довѣряли своему высшему руководителю въ смертной борьбѣ. Столкновеніе такихъ сильныхъ побужденій вело за собой безропотную гибель цѣлыхъ полковъ, многократный переходъ изъ рукъ въ руки недоконченныхъ окоповъ, отстаиваніе позицій при страшныхъ потеряхъ, повторенныя атаки безъ подкрѣпленій. Медленно заряжавшіяся гладкоствольныя ружья, бившія едва на четыреста шаговъ, имѣвшія малую настильность и мѣткость, оказались, въ день Бородина, губительнѣе любыхъ снарядовъ, такъ какъ каждый выстрѣлъ испытывалъ на себѣ вліяніе того подъема чувства и самоотверженія, которымъ отличалась эта битва; не мало было работы и штыку въ отчаянной и безпримѣрной борьбѣ.

Спустя сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ наполеоновскія войны закончились, – явилось нарѣзное оружіе и коническая пуля; дальность выстрѣла утроилась. Мѣткость значительно увеличилась. Оставшіяся еще латы въ кирасирскихъ полкахъ обратились въ парадное украшеніе, такъ какъ новый снарядъ уже не плющился о тонкіе металлическіе листы, а пробивалъ ихъ насквозь.

Когда въ 1854 году союзники высадились въ Крыму и, разбивъ корпусъ кн. Меншикова при Альмѣ, осадили Севастополь, въ русскомъ обществѣ стали приписывать постигшую неудачу превосходству нарѣзного оружія французовъ и англичанъ надъ гладкоствольными ружьями (и частью кремневыми) нашихъ войскъ. Обладаніе дальнобойнымъ и мѣткимъ ружьемъ конечно давало не малыя преимущества экспедиціонному кор-

пусу, но съ теченіемъ времени выяснилось, что паденіе Севастополя и всѣ неудачи крымской кампаніи имѣли другія причины. Черноморскій флотъ долженъ былъ укрыться въ гавани и не могъ помѣшать высадкѣ союзниковъ. Послѣдовавшее за тѣмъ сраженіе при Альмѣ должно было кончиться неудачей для русскихъ уже въ силу двойного превосходства непріятеля въ силахъ. Защита Крыма поручена была не такому генералу, который могъ бы своимъ военнымъ талантомъ восполнить слабую численность арміи.

Когда началась памятная осада, сейчасъ же оказались трудности сообщенія для севастопольскаго гарнизона и сравнительная легкость ихъ для союзниковъ. Пароходы безостановочно и быстро подвозили осаждающимъ подкрѣпленія, военные припасы и продовольствіе. Защитники же Севастополя должны были довольствоваться для сообщенія съ источниками своего снабженія плохими грунтовыми дорогами. Косность до-реформеннаго режима задержала постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ Западной Европѣ постройка рельсовыхъ путей была въ полномъ ходу въ то время, какъ въ Россіи отъ Москвы до береговъ Чернаго моря, на пространствѣ 2.000 верстъ; почтовая тройка и тяжелый обозъ исчерпывали всѣ средства сообщенія.

Господство непріятеля на Черномъ морѣ и его лучшія сообщенія достаточно объясняютъ всѣ наши неудачи въ Крыму и нѣтъ причинъ ссылаться на худшія качества вооруженія. Нѣкоторое количество винтовокъ успѣли доставить и въ нашу армію, но вскорѣ послѣ начала осады противники такъ сблизились, что передовыя траншеи русскихъ и союзниковъ были на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Преимущество нарѣзного оружія умалилось. Невѣроятныя потери, которыя несли обѣ стороны, объясняются чрезвычайно близкимъ и долгимъ нахожденіемъ противниковъ лицомъ

къ лицу и равнымъ мужествомъ обѣхъ сторонъ. Число убитыхъ и раненыхъ не уменьшилось бы, если бы осаждающіе и осажденные обошлись бы безъ штуцеровъ, бомбъ и боевыхъ ракетъ.

Два большія сраженія подъ Инкерманомъ и Черной Рѣчкой еще менѣе связаны съ перемѣной оружія. Относительный уронъ побѣдителей и побѣжденныхъ былъ не больше, чѣмъ въ предшествовавшихъ войнахъ съ гладкоствольными ружьями. Неудачи русскихъ зависѣли главнымъ образомъ отъ грубыхъ тактическихъ ошибокъ и отсутствія иниціативы среди начальствующихъ: безъ приказанія никто не смѣлъ и не хотѣлъ ничего предпринять. На ряду съ геройскимъ поведеніемъ войскъ, восточная война характеризуется съ нашей стороны вялостью и безсвязностью распорядительныхъ дѣйствій. Россія испытывала нѣчто въ родѣ той немощи, которая погубила Пруссію въ 1806 году. Севастопольскіе дни считаются по справедливости великой искупительной жертвой. Скорбные порядки дореформенной эпохи ослабили и военную силу государства; но худшее оружіе было еще только меньшимъ грѣхомъ.

Итальянская кампанія 1859 г. между французами и сардинцами съ одной стороны и австрійцами съ другой окончилась послѣ двухъ проигранныхъ австрійцами сраженій при Маджентѣ и Сольферино. Вооруженіе обѣихъ сторонъ состояло изъ винтовокъ, заряжающихся съ дула. Успѣхъ одержанъ благодаря французской арміи, для которой также какъ и для венгерскихъ и славянскихъ полковъ Франца Іосифа эта война была только дѣломъ славы и высшаго долга. Особаго ожесточенія не было и не могло быть; поэтому и цифра погибшихъ въ бою была не велика. По заявленію полковника Пика въ этой компаніи новая система ружей не оказалась губительнѣе гладкостволокъ.

Скорострѣльныя ружья, заряжающіяся съ казны,

игольчатой системы Дрейзе, были предложены еще въ 1896 году, а въ 1841 году введены во всей прусской арміи. Ни въ одной изъ европейскихъ армій не сочли полезнымъ послѣдовать примѣру пруссаковъ. Если не считать гражданскихъ смутъ въ 1848 году, то первый боевой опытъ новыя ружья получили въ 1864 году, во время совмѣстнаго похода прусскихъ и австрійскихъ войскъ противъ Даніи. Ни побѣжденные, въ неравной борьбѣ датчане, ни участники побѣды австрійцы не сочли нужнымъ, послѣ заключенія мира, ввести скорострѣльнаго ружья. Успѣхъ датской войны объяснялся численнымъ превосходствомъ союзниковъ.

Черезъ два года союзники сдѣлались врагами. Война 1866 года поразила всѣхъ рѣшительностью и быстрымъ окончаніемъ. Всѣ арміи, выставленныя Австріей, Южной Германіей, Ганноверомъ и Саксоніей были совершенно разбиты, меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ времени.

Въ противоположность семилѣтней войнѣ прошлаго вѣка разыгралась съ большими результатами почти семидневная война. Когда стали искать причинъ столь быстраго успѣха, тогда начало распространяться мнѣніе, что вся суть заключается въ игольчатыхъ ружьяхъ, заряжающихся съ казенной части, стрѣляющихъ до десяти разъ въ минуту. До тѣхъ поръ государства, успѣвшія перевооружить арміи винтовками, заряжающимися съ дула, спокойно смотрѣли на извѣстное всѣмъ прусское Zündnadelgewehr. Послѣ Кениггреца всѣ какъ будто прозрѣли. Самъ Дрейзе, говорятъ, сильно разочаровался въ своемъ ружьѣ, когда узналъ скромную, по его мнѣнію, цифру погибшихъ отъ него датчанъ и австрійцевъ. Публика была иного мнѣнія. Думали, что пруссаки побѣдили потому, что просто разстрѣляли противниковъ свинцовымъ градомъ.

Въ военныхъ кружкахъ не могли не видѣть, что пруссаки побѣдили бы и при другомъ вооруженіи.

Тѣмъ не менѣе скорострѣльныя ружья, пренебрегаемыя въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, признавались важнымъ элементомъ успѣха на войнѣ. Во всѣхъ оружейныхъ заводахъ закипѣла лихорадочная дѣятельность. Дрейзе умеръ въ 1867 году. Его слава породила сотню изобрѣтателей. Правительство Наполеона III прилагало всѣ усилія по перевооруженію арміи. Во французской арміи было принято ружье системы Шасспо, стрѣлявшее столь же часто, какъ и игольчатое, но отличавшееся бо́льшей дальнобойностью и большей простотой устройства. Свое новое вооруженіе французы испробовали въ 1867 г., при защитѣ Рима противъ волонтеровъ Гарибальди. Одержавъ побѣду при Ментанѣ, командиръ французской дивизіи, генералъ Фалльи доносилъ Наполеону III, что ружья Шасспо «дѣлаютъ чудеса» (font des merveilles).

ГЛАВА III.

Уроки новѣйшихъ битвъ.

Когда весною 1870 г. Франція и Германія готовились къ войнѣ и стягивали на Рейнѣ свои войска, повсюду ожидали, что предстоящія сраженія должны быть невиданно истребительными. Въ первый разъ двѣ громадныя арміи со скорострѣльными ружьями выступили одна противъ другой. Всесметающія массы снарядовъ посыпятся теперь съ обѣихъ сторонъ.

Въ помощь ружьямъ «производящимъ чудеса» французы получили страшно-истребительную машину — картечницу, родъ смертоноснаго органа, непрерывно сѣявшаго пули. Изъ картечницъ были составлены цѣлыя батареи.

Война началась. Три прусскія арміи вторглись во Францію. Оттѣснивъ французовъ у Шпихерена и истребивъ подъ Вейссенбургомъ дивизію Дуе, нѣмцы двинулись внутрь страны. Подъ Вертомъ ихъ лѣвое крыло — армія наслѣднаго принца — столкнулось и вступило въ бой съ корпусомъ Макъ-Магона. Со стороны французовъ участвовало въ сраженіи около 45.000; со стороны пруссаковъ—свыше 100.000. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о совершенномъ разбитіи Макъ-Магона до Парижской публики дошли и первыя разочарованія относительно тѣхъ орудій смерти, которыми разсчитывали сокрушить непріятельскую военную силу. Правда ружье Шасспо оказалось лучше игольчатыхъ ружьевъ пруссаковъ. Но дѣйствительныя потери ихъ были не

больше, чѣмъ во время ружей, заряжавшихся съ дула. Картечницы, обѣщавшія такъ много, на дѣлѣ оказались наименѣе опасными изъ всѣхъ артиллерійскихъ орудій. Почти всѣ пули, по нѣкоторымъ даннымъ рѣшительно всѣ, летѣли на вѣтеръ. До франко-прусской войны одни европейскія арміи завели по примѣру Франціи батареи картечницъ, другія собирались сдѣлать то же самое. Послѣ войны картечницы были брошены повсюду.

Ружейныя пули оказывались наиболѣе смертоносными снарядами. Самыми кровопролитными битвами явился рядъ сраженій подъ Мецомъ, въ особенности послѣднее изъ нихъ, при Гравелоттѣ, послѣ котораго армія Базена оказалась запертою въ Мецѣ.

Участники этого сраженія не могли конечно предвидѣть *всѣхъ* послѣдствій побѣды и пораженія въ этотъ знаменательный день. Но сознаніе чрезвычайной важности боя должно было быть у большинства сражающихся съ той и съ другой стороны. Каждый французъ до послѣдняго рядоваго видѣлъ, что непріятельская армія встала на пути отступленія; что потеря и защищаемыхъ позицій ведетъ къ бѣгству въ Мецъ, гдѣ ихъ ждутъ бѣдствія блокады, лишеній, голодъ и въ концѣ концовъ позорная капитуляція. Французскіе офицеры знали очень хорошо, что съ окруженіемъ ихъ арміи, между непріятелемъ и Парижемъ остались только разбитыя при Вертѣ войска Макъ-Магона; предполагая, что къ нимъ успѣютъ подойти подкрѣпленія, все же не останется силы, способной заслонить доступъ къ столицѣ.

Германцамъ еще легче было усвоить себѣ всю важность успѣха. Они сражались съ обратнымъ фронтомъ, т. е. лицомъ къ Германіи. Въ случаѣ побѣды они загонятъ врага въ крѣпость, откуда ему уже не выбраться безъ капитуляціи. Въ случаѣ неудачи, они,

недавніе побѣдители, могутъ быть отрѣзаны отъ родины. Вожди германскихъ войскъ стремились овладѣть непріятельской позиціей какою бы то ни было цѣною. Изъ нихъ генералъ Штейнмецъ довелъ усердіе до явнаго ослушанія и посылалъ свои войска въ одну фронтальную аттаку за другой, послѣ того какъ Мольтке предписалъ выждать дѣйствія начавшагося обходного движенія. Въ изъятіе отъ правила: побѣдителей не судятъ—Штейнмецъ послѣ побѣды былъ отстраненъ отъ должности.

Бой при Гравелоттѣ долженъ былъ быть и былъ до неимовѣрности упорнымъ. Съ обѣихъ сторонъ обстрѣливаніе производилось изъ скорострѣльныхъ дальнобойныхъ ружей. Сраженіе длилось не менѣе восьми часовъ сряду. Участвовало въ бою болѣе трехсотъ тысячъ человѣкъ и болѣе тысячи пушекъ.

Какія же потери понесли 18 августа 1870 года нѣмцы и французы? Вотъ точныя цифры:

Убито и ранено у француз. 609 офицер. и 11705 солд.
» » » » нѣмцевъ 809 » » 19260 »

Абсолютно потери весьма большія. Относительно—обѣ арміи потеряли менѣе десятой части. Ружья игольчатыя, ружья Шасспо, нарѣзныя скорострѣльныя пушки, разрывныя гранаты, продолжительное взаимное разстрѣливаніе во время упорной обороны крѣпкихъ позицій и рядъ фронтальныхъ атакъ оказались въ конечномъ результатѣ менѣе истребительными, чѣмъ прежніе штуцера и гладкоствольныя, съ круглой пулей и кремневымъ замкомъ, ружья.

Другіе бои кампаніи 1870 года, будучи менѣе упорными, сопровождались еще меньшими относительными потерями. Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ этой кампаніи, служившій съ начала до конца въ главной квартирѣ принца Фридриха-Карла, весьма убѣди-

тельно опровергнулъ, пользуясь личнымъ боевымъ опытомъ и глубокимъ знаніемъ военной исторіи, ходячее мнѣніе о чрезвычайной силѣ огня пѣхоты при современномъ оружіи. «Значеніе этой силы преувеличено», — говоритъ Гольцъ *).

«Врага побѣждаютъ не полнымъ разрушеніемъ его существованія, а только уничтоженіемъ въ немъ надежды на побѣду. Для успокоенія сердецъ мы можемъ прибавить, что выраженіе: «драться до послѣдняго человѣка» — есть только фраза, придающая намѣренію храбро сражаться несколько сильный оттѣнокъ. Странно звучало бы, если бы какая нибудь армія дала бы обѣтъ сражаться до потери 20% своего состава, хотя, въ сущности, этого было бы болѣе, чѣмъ довольно. Большею частью достаточно вдвое меньшихъ потерь съ той или другой стороны, чтобы рѣшить побѣду. Истребленіе части собранной боевой силы удерживаетъ прочихъ отъ дальнѣйшихъ напряженій и прекращаетъ борьбу. Чѣмъ внезапнѣе и могущественнѣе дѣйствіе оружія, тѣмъ оно скорѣе устрашитъ, и мы видимъ, что съ усовершенствованіемъ боевыхъ машинъ, сраженія становятся, въ общемъ, все менѣе кровопролитными».

Послѣдніе мѣсяцы кампаніи 1870 года, затянувшейся неожиданно для германцевъ до 1 февраля 1871 г., дали возможность очевидцу наблюдать весьма любопытное явленіе: слабое дѣйствіе всякаго рода боевыхъ машинъ, когда общее утомленіе и желаніе отдыха устраняетъ главный элементъ смертельности всякой битвы — упорство сражающихся.

Настала зима. Германцы пресытились побѣдами; приближался новый годъ, а сопротивленіе все еще не прекращалось.

Тогда энергія побѣдителей стала ослабѣвать. Въ

*) «Вооруженный народъ». Стр. 10.

концѣ продолжительной войны вообще предпріимчивость и бодрость духа войскъ какъ бы истощаются. «Сраженія обращаются», говоритъ Гольцъ, «въ канонаду, производящую много шуму, тратящую массу пороха, но не покрывающую поля битвы трупами и кончающаяся безъ всякихъ значительныхъ результатовъ. Для отечества, конечно, это измѣненіе остается неизвѣстнымъ, такъ какъ сознаніе уменьшившейся дѣятельности возбуждаетъ въ участникахъ потребность помочь дѣлу яркимъ описаніемъ ея. Чѣмъ долѣе продолжается война, тѣмъ гуще становятся въ отечественной печати краски, являющіяся нѣкотораго рода эквивалентомъ дѣятельности. На Лизенѣ весь корпусъ Вердера въ продолженіе всѣхъ трехъ дней боя понесъ столько же потерь, сколько каждая изъ трехъ бригадъ 3-го корпуса въ сраженіи при Віонвилѣ въ теченіи 8-ми часовъ; менѣе, нежели пятитысячная 38-я бригада, и одинаково съ 16-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ томъ же сраженіи въ продолженіи одного часа. Несмотря на это, въ газетахъ, сраженіе на Лизенѣ было изображено не менѣе кровопролитнымъ и напряженнымъ, какъ и битва при Віонвилѣ».

Затѣмъ Гольцъ цитируетъ любопытный приказъ по арміи принца Фридриха-Карла 10 декабря 1870 г., гдѣ настойчиво требуется сбереженіе артиллерійскихъ снарядовъ, которые начали расходоваться на совершенно недѣйствительный огонь.

Для того, чтобы боевыя машины стали губительными, нужно слѣдовательно такое ихъ примѣненіе, которое исключало бы пользованіе ихъ предѣльными свойствами—скоростью и дальностью. Когда боязнь врага, нежеланіе съ нимъ сблизиться и уклоненіе отъ жаркаго боя приводятъ къ стремленію поражать не мѣтко, но возможно чаще и съ самаго дальняго разстоянія, тогда наилучшее оружіе становится мало

опаснымъ. На стрѣльбищѣ рѣшительное значеніе имѣетъ степень совершенства оружія. Въ бою почти все зависитъ отъ нравственнаго алемента.

Когда кампанія длится долго, войска, сильно уменьшаются въ числѣ. При запаздавшемъ пополненіи, въ декабрѣ 1870 года, большинство германскихъ баталіоновъ, выступившихъ въ походъ въ обычномъ тысячномъ составѣ, считали въ своихъ рядахъ не болѣе трехсотъ штыковъ. Не отъ сраженій является такая убыль. Войска гораздо больше теряютъ отъ болѣзней всякаго рода, чѣмъ отъ непріятельскаго оружія.

«Невольно ужасаешься, – говоритъ Гольцъ *), — когда видишь, какъ ежедневно отправляются изъ арміи цѣлые поѣзда съ больными, а между тѣмъ пополненія съ родины прибываютъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ, и не видишь никакого средства остановить этотъ разрушительный процессъ; припоминаешь войска Сеннахериба передъ Іерусалимомъ. Потери отъ болѣзней почти невѣроятны и довольно одного примѣра, чтобы убѣдиться въ томъ, что эти потери могутъ поставить на карту всякій успѣхъ. Санитарное состояніе германской арміи во Франціи въ 1870 году было весьма благопріятно; не было никакихъ опасныхъ заразныхъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе кампаніи поступило въ лазареты 400.000 человѣкъ (кромѣ опасно раненыхъ)».

Въ такой богатой странѣ, какъ Франція и въ такомъ счастливомъ климатѣ армія вчетверо больше теряла отъ болѣзней, чѣмъ отъ сраженій. Очевидно, что сила современнаго оружія, которому ходячее мнѣніе приписываетъ всеразрушающую истребительность, на самомъ дѣлѣ, для каждаго солдата въ отдѣльности и для арміи въ цѣломъ, представляетъ меньше опасности,

---

*) «Вооруженный народъ». Стр. 376.

чѣмъ заразные и иные недуги, неразлучные съ походной и бивачной жизнью большого войска. Засыпая у тлѣющаго костра, завернувшись въ промокшую шинель, солдатъ молитъ Провидѣніе избавить его отъ ранъ и смерти, которыя начнутъ грозить съ наступленіемъ разсвѣта, когда раздастся тревога и начнется правильный бой. Между тѣмъ тѣ часы воображаемаго спокойствія, часы отдыха и походныхъ движеній, гораздо болѣе чреваты невзгодами, чѣмъ пребываніе подъ непріятельскимъ огнемъ.

Такая невѣрная оцѣнка относительной опасности является и при дебатахъ о количествѣ запасныхъ войскъ. Убѣдительнымъ аргументомъ для военныхъ министерствъ, во время преній по этому предмету въ представительныхъ собраніяхъ, служатъ разрушительныя свойства новѣйшаго оружія, якобы вынуждающія готовить массы людей, могущихъ идти на пополненіе рядовъ, страшно рѣдѣющихъ въ современныхъ сраженіяхъ. Требованіе основательно, но аргументъ страдаетъ неполнотой и даетъ невѣрное представленіе о существѣ дѣла. Резервы дѣйствительно необходимы громадные, потому что громадна армія, а процентъ больныхъ, выбывающихъ изъ строя, даетъ громадную убыль, которую надо пополнить. Потери собственно въ бояхъ, при общихъ, на всю армію, разсчетахъ, можно прямо не принимать въ соображеніе. Если только удастся замѣстить всѣхъ больныхъ — это уже будетъ наилучшимъ успѣхомъ военной организаціи.

Когда весной 1877 года русскіе войска готовились перейдти Дунай, не было слышно о какихъ-либо новыхъ усовершенствованіяхъ огнестрѣльнаго оружія, которыя грозили произвести переворотъ въ усвоенныхъ

уже тактическихъ пріемахъ. Война началась на Кавказѣ взятіемъ Ардагана, въ Болгаріи знаменитой переправой генерала Драгомирова у Систова.

Первыя побѣды обѣщали скорое окончаніе кампаніи. Вооруженіе русской пѣхоты состояло изъ скорострѣльнаго, но во многихъ отношеніяхъ плохого, ружья системы Крынка. Несравненно лучшія «берданки» были розданы гвардейскимъ полкамъ, остававшимся вначалѣ въ столицѣ, тогда какъ въ дѣйствующей арміи берданки розданы были только стрѣлковымъ баталіонамъ. Турки поражали насъ изъ превосходныхъ ружей Пибоди, Ремингтона, а турецкая кавалерія была снабжена въ первый разъ появившимися магазинными ружьями Винчестера. Покуда съ театра войны приходили радостныя извѣстія, вовсе не говорили о чрезвычайной губительности огня турокъ. Послѣ неудачъ подъ Плевною, въ газетахъ начали появляться разсказы о страшной истребительности огня турецкой пѣхоты. Говорили, что, засѣвъ за окопы, турецкіе стрѣлки, снабженные патронами въ необыкновенномъ изобиліи, стрѣляли не цѣлясь, но выпускали столько пуль, что буквально сметали русскіе баталіоны. Никакая храбрость не въ силахъ будто бы одолѣть такую машинообразную тактику.

Заявлялись однако и другіе взгляды на причины неудачъ. Кромѣ безспорно прекраснаго вооруженія турокъ, оказалось, что ихъ армія организована недурно и была многочисленнѣе, чѣмъ ожидали. На обоихъ театрахъ войны обнаружились явно недостаточныя силы, съ которыми началась кампанія. Первая и вторая атаки на Плевну были предприняты слишкомъ слабыми отрядами. Третій общій штурмъ позиціи Османа-паши 30-го августа былъ отбитъ, какъ думаютъ очевидцы-историки, вслѣдствіе недостаточной взаимной поддержки. Въ томъ единственномъ пунктѣ, гдѣ исключительно таланты и мужество военачальника обѣщали полную

побѣду, не видно было недоразумѣній. Плевна пала бы 30 августа, еслибы Скобелевъ былъ во время поддержанъ на Зеленыхъ горахъ. Потери наши были весьма велики. Число выбывшихъ изъ строя было около шестнадцати тысячъ. Но приписывать громадный уронъ невиданнымъ раньше свойствамъ непріятельскаго оружія нелогично.

Если мы заглянемъ въ лѣтописи войнъ, то найдемъ немалое сходство между побѣдою Османа-паши въ памятный день третьей Плевны и побѣдой Бенигсена надъ Наполеономъ при Гейльсбергѣ 29 мая (10 іюня) 1807 года.

Въ этомъ сраженіи французы атаковали позицію русскихъ, усиленную временными укрѣпленіями и, послѣ упорнаго боя, были отбиты по всей линіи съ потерею двѣнадцати тысячъ убитыхъ и раненыхъ изъ числа 50.000, принимавшихъ участіе въ атакахъ. Сравнивая уронъ французовъ при Гейльсбергѣ съ урономъ русскихъ подъ Плевною 30 августа, можно видѣть, что при неудачномъ форсированіи упорно-защищаемыхъ оконовъ въ 1807 году, противъ гладкоствольныхъ ружей и пушекъ легла четвертая часть арміи; въ 1870 г. противъ нарѣзного и скорострѣльнаго оружія погибло до 20% (Плевну атаковали не меньше 70.000 человѣкъ).

Спустя двѣнадцать дней послѣ третьей Плевны, русскимъ войскамъ при взятіи турецкихъ редутовъ у Горнаго Дубняка пришлось преодолѣвать огонь противника въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ дальнобойность, мѣткость и быстрота заряжанія обѣщали необычайныя потери. Редутамъ, возведеннымъ на высотѣ, успѣли придать сильную профиль. Впереди укрѣпленій были устроены ложементы и ровики для стрѣлковъ. Весь склонъ мѣстности вокругъ окоповъ былъ расчищенъ и, что весьма важно, разстоянія вымѣрены и отмѣчены.

Бой начался въ 9 часовъ утра. Послѣ ряда неудачныхъ атакъ на главный редутъ, русскіе полки подавались впередъ мало-по-малу. Предъ наступленіемъ сумерекъ удалось придвинуться ближе: нѣкоторые баталіоны залегли въ ста шагахъ отъ непріятеля. Тогда послѣдовалъ дружный натискъ со всѣхъ сторонъ и редуты были взяты. Въ штурмѣ пришлось участвовать больше 20.000 чел.; убито и ранено около 3.300. Потери конечно тяжелыя. Но нельзя забывать, что бой длился полные девять часовъ, въ теченіи всего этого времени русскія войска находились подъ огнемъ, непріятель отлично приготовился къ защитѣ, и полной побѣдѣ предшествовалъ рядъ неудачныхъ порывовъ впередъ. Оцѣнивая уронъ при Горномъ Дубнякѣ сравнительно съ другими боями, нѣтъ основанія заключать, чтобы смертельность боя увеличилась съ новымъ оружіемъ.

Продолжительный миръ между культурными націями сопровождается усиленными военными приготовленіями. Успѣхи техники вообще, и въ особенности прогрессъ въ изученіи взрывчатыхъ веществъ, на который, Д. И. Менделѣевъ возлагаетъ столько надеждъ, привели къ изобрѣтенію огнестрѣльнаго оружія новой системы. Вмѣсто пороха изъ сѣры, селитры и угля предложено и принято болѣе сильное взрывчатое начало, по составу и приготовленію приближающееся къ ранѣе извѣстному пироксилину. Выгодность его заключается въ бо́льшей силѣ и малодымности.

Калибры ружья и пули уменьшены. Послѣдней придана твердая металлическая оболочка (обволакивающая свинцовую сердцевину и уничтожающая сплющиваніе о твердые предметы). Къ ружейному замку присоединенъ такъ называемый магазинъ, позволяющій

произвести рядъ выстрѣловъ одинъ за другимъ на подобіе стрѣльбы изъ револьвера.

Въ артиллеріи найденъ способъ начинять снаряды не порохомъ, а динамитомъ или составами, равными ему по силѣ.

Сраженіе, какъ думаютъ, представляетъ теперь ужасы, неизвѣстные нашимъ предкамъ. Въ сравненіи съ новымъ оружіемъ, недавно казавшіеся столь истребительными однозарядныя ружья, стрѣлявшія порохомъ, и хотя скорострѣльныя, но не магазинныя, признаются неудовлетворительными. Облаковъ дыма, застилавшихъ цѣль отъ стрѣлка, теперь не будетъ. Хорошо прицѣлившись, можно сыпать пулями, пользуясь магазиннымъ устройствомъ, съ промежутками между выстрѣлами въ одну-двѣ секунды. Патроновъ, при томъ же общемъ вѣсѣ, каждый солдатъ получаетъ вдвое и втрое больше.

Дальность новаго ружья просто баснословна. На разстояніи четырехъ верстъ оно поражаетъ на смерть. На нѣсколько меньшихъ разстояніяхъ его маленькая твердая пуля можетъ прострѣлить нѣсколькихъ человѣкъ. Новое ружье грозитъ все смести передъ собою. Воинскія доблести имъ какъ будто упраздняются. Нужно только раньше намѣтить врага и начать сыпать пулями, тогда будутъ уничтожены и храбрые и трусы. При одинаково удачномъ употребленіи огня, испуганное воображеніе рисуетъ бой въ ближайшемъ будущемъ, какъ взаимное разстрѣливаніе и кажется, что изъ побѣжденныхъ не уцѣлѣетъ ни одного человѣка, а изъ побѣдителей весьма немногіе.

Страшныя, бездымныя и невѣроятно дальнобойныя, малокалиберныя магазинки нашего времени и есть то оружіе, которое, по мнѣнію многихъ, сулитъ человѣчеству суровую, но въ концѣ концовъ спасительную перспективу полнаго прекращенія войнъ, вслѣдствіе ихъ

неимовѣрной губительности. Надежды, повидимому основаны не на гибельности всѣхъ послѣдствій войны, взятыхъ въ совокупности, а на чрезмѣрной смертности каждаго сраженія, взятаго отдѣльно. Исторія намъ говоритъ съ безпощадной убѣдительностью, что войны кончались поголовнымъ истребленіемъ покореннаго племени, даже въ высококультурныя времена, въ древней Греціи. Самолюбіе и корысть побуждали образованные народы, ни мало не колеблясь, рѣшаться на войну съ убѣжденіемъ, что при неудачѣ смерть еще лучшая участь, которая предстоитъ каждому; уцѣлѣвшимъ грозила вѣчная, позорная, принудительная и смертельно изнурительная работа. Старики и дѣти прирѣзывались; жены и дочери шли на потѣху побѣдителю. Такъ оканчивались войны въ теченіе ряда вѣковъ, при весьма высокомъ уровнѣ цивилизаціи воюющихъ сторонъ. Слѣдовательно призрачна надежда на прекращеніе войнъ ради чрезмѣрныхъ бѣдствій, слѣдующихъ за ними.

Новѣйшая теорія о томъ, что «война убьетъ войну» разсчитываетъ, что техническія усовершенствованія и смертоносность метательнаго оружія сдѣлаютъ маловозможнымъ *самый бой*, столкновеніе вооруженныхъ массъ между собой.

Сравнивая новѣйшее оружіе съ тѣми ружьями, которые недавно были приняты во всѣхъ арміяхъ, можно видѣть, что новыя системы истребительныхъ боевыхъ приборовъ даютъ преимущество, и то не матеріальное, а нравственное, когда эти приборы усвоены одной стороной. Въ противномъ случаѣ, когда обѣ сражающіяся арміи успѣли закончить перевооруженіе, условія боя остаются въ сущности тѣми же, какъ и во времена Наполеона и Фридриха.

Отсутствіе дыма при выстрѣлахъ устраняетъ завѣсу, которая (за исключеніемъ вѣтренныхъ дней), мѣшала стрѣлять вѣрно цѣлясь въ непріятеля, особенно послѣ ряда залповъ. Для стрѣльбища усовершенствованіе несомнѣнно. Въ бою другое дѣло. Во первыхъ, мы видимъ какъ плохо цѣлится пѣхота, вокругъ которой начали свистѣть пули и разрываться гранаты. Во вторыхъ, при употребленіи обѣими сторонами бездымныхъ магазинокъ приходится стрѣлять въ лежащія цѣпи и больше нѣтъ той цѣли, которую прежде представляли отдѣльные дымки или линіи дыма. Сближеніе съ непріятелемъ становится на извѣстномъ разстояніи безопаснѣе. Говорятъ, на маневрахъ около Берлина это свойство бездымной перестрѣлки начало уже чувствоваться. Бездымность вообще случайно оказавшееся свойство новаго пороха. Ни одинъ изобрѣтатель не искалъ этого свойства. Въ будущемъ есть вѣроятіе комбинированнаго употребленія обоихъ видовъ пороха — дымнаго и бездымнаго, съ тѣмъ, чтобы возможно меньше обнаруживать свои силы и поперемѣнно, то пользуясь дымной завѣсой, то избавляясь отъ нея, подаваться впередъ съ меньшими потерями. Кажется, подобные опыти уже начаты въ Англіи.

Увеличеніе дальнобойности ручного оружія до той степени, которая раньше казалась недостижимой для артиллеріи, (т.-е. до нѣсколькихъ верстъ) повліяетъ серьезно развѣ на осадную войну. Обстрѣливаніе далекихъ неподвижныхъ и обширныхъ цѣлей, при извѣстныхъ болѣе или менѣе разстояніяхъ, облегчается. Осажденные или блокированные города защищаются обыкновенно далеко вынесенными впередъ малыми фортами, не слишкомъ опасающимися перекиднаго и дальняго ружейнаго огня. Въ полевой войнѣ дальность дѣйствительнаго выстрѣла ограничивается свойствами того отличающаго всегда постоянными свойствами инстру-

мента, который называется человѣческимъ глазомъ. Поэтому въ новомъ ружьѣ важно не столько увеличеніе наибольшей дальности, что пригодится рѣдко, сколько увеличеніе такъ называемой настильности, т.-е. дальности прямого (а не перекидного) выстрѣла.

Вмѣсто прежнихъ трехсотъ шаговъ достигнутъ прямой выстрѣлъ на восемьсотъ шаговъ. Такъ какъ такое разстояніе находится въ предѣлахъ яснаго зрѣнія, то только настильность новаго ружья, повидимому, должна измѣнить тактическіе пріемы атаки и обороны. Увеличеніе потерь, въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ для обстрѣливанія условіяхъ можетъ имѣть мѣсто для отдѣльныхъ частей, въ отдѣльные моменты сраженія. Въ общемъ сомнительно усугубленіе матеріальной истребительности огня, даже отъ такого неоспоримаго улучшенія. Упорная оборона будетъ заключаться въ стрѣльбѣ на близкомъ разстояніи и затѣмъ въ контръ-атакѣ. Успѣшная атака по прежнему будетъ состоять въ рѣшительномъ стремленіи впередъ.

Подготовка атаки артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, пользованіе мѣстностью для возможнаго укрытія отъ непріятельскихъ ядеръ и пуль, движеніе цѣпи и резервовъ, все это по прежнему должно заканчиваться дружнымъ массовымъ натискомъ, штыковымъ ударомъ, какъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ одолѣть врага. Когда ни та, ни другая сторона не желаетъ сближаться съ противникомъ и бой сводится на стремленіе метать возможно большее число снарядовъ съ возможно большаго разстоянія, тогда сраженія принимаютъ, какъ удостовѣряетъ Гольцъ, своеобразный характеръ; реляціи становятся преувеличенно краснорѣчивыми, боевые приборы обрекаются на максимальную работу, патроновъ тратится бездна, потери рядомъ съ этимъ уменьшаются, цѣли и результаты сраженія мельчаютъ.

Изобрѣтенію магазиннаго механизма ружейнаго замка ходячая молва способна приписать наиболѣе губительныя свойства. Въ глазахъ военныхъ авторитетовъ эти ежесекундные выстрѣлы fusils à répétition, скорость стрѣльбы изъ ружья, даже равная скорости стрѣльбы изъ револьвера, всегда будутъ имѣть наименьшее значеніе. Большее число пуль, выпущенныхъ въ тотъ же промежутокъ времени, не увеличиваетъ числа пораженій. Эпохи введенія желѣзнаго шомпола и эпоха изобрѣтенія скорострѣльной винтовки одинаково выяснили глубокое различіе между стрѣльбищнымъ плацомъ и полемъ битвы. Кромѣ того, опорожнивъ магазинъ, т.-е. выпустивъ въ непріятеля всѣ патроны, которые вложены въ повторительный механизмъ, приходится дѣлать довольно длинную паузу, необходимую для наполненія магазина новыми патронами. Вслѣдствіе этого, если взять періодъ времени, нужный, чтобы израсходовать нѣсколько десятковъ патроновъ, то скорость стрѣльбы изъ однозарядnаго ружья и изъ магазиннаго сравнивается.

Увеличеніе числа патроновъ, носимыхъ солдатами въ сумкахъ, оказывается возможнымъ вслѣдствіе уменьшенія калибра пули и представляетъ можетъ быть самое цѣнное улучшеніе послѣднихъ годовъ. Улучшеніе однако не въ смыслѣ смертоносности. Армія, которой не хватаетъ сотни патроновъ на стрѣлка для одного, хотя бы и долгаго боя, производитъ навѣрное оживленную, но сравнительно менѣе опасную пальбу. Большее же количество патроновъ важно въ смыслѣ облегченія ихъ подвозки (такъ называемаго питанія патронами). Слѣдовательно это улучшеніе мало вліяетъ на характеръ самого боя, а относится какъ бы къ разряду усовершенствованій въ тыловыхъ и обозныхъ средствахъ арміи.

Преимущество бездымной магазинки надъ дым-

нымъ однозарядным ружьемъ крайне относительно. Тѣмъ не менѣе всѣ государства порѣшили вопросъ о перевооруженіи и съ лихорадочной поспѣшностью стремились ввести новѣйшіе образцы оружія. Не матеріальныя преимущества оружія служатъ здѣсь иногда побудительнымъ стимуломъ.

Если вѣроятный противникъ и могущественный сосѣдъ успѣлъ снабдить армію ружьями новой, лучшей системы, то слѣдовать его примѣру заставляетъ опасеніе за неблагопріятное вліяніе худшаго оружія на духъ войска.

Для военныхъ управленій и штабовъ ясно, что данное различіе въ вооруженіи мало способно увеличить общую сумму боевого урона и вѣроятность быть убитымъ или раненымъ для каждаго рядового едва ли увеличится отъ того только, что вмѣсто пуль изъ ружей Дрейзе и Шасспо въ него будутъ летѣть пули Маузера или Лебеля. Но для простодушнаго сознанія крестьянина, собравшагося на войну, важна увѣренность, что тотъ боевой приборъ, который онъ держитъ въ рукахъ, не уступаетъ въ видимой смертоносности непріятельскому. Когда же послѣ утомительнаго перехода и послѣ нѣсколькихъ часовъ истощающаго нравственныя силы боя, солдатъ, лежа въ цѣпи подъ непрерывной угрозой смерти или увѣчья отъ цѣлыхъ сноповъ снарядовъ, свистящихъ со всѣхъ сторонъ, будетъ удручаемъ скорбнымъ чувствомъ, что врагъ поражаетъ изъ лучшаго оружія, то стойкость войска можетъ сильно потерять, все равно велика или мала будетъ убыль.

Новѣйшее оружіе имѣло уже боевой опытъ. Въ 1891 году, въ Чили, посягательство президента Бальмаседа вызвало ожесточенную междуусобную войну,

въ которой съ обѣихъ сторонъ сражались войска, хотя и милиціонныя, но правильно организованныя. Борьба между арміей самозваннаго диктатора и силами, собранными партіей конгресса, длилась съ перемѣннымъ счастіемъ нѣсколько мѣсяцевъ (съ января по августъ). Большая часть военнаго флота приняла сторону конгрессистовъ и это давало имъ большія преимущества.

Главнокомандующему войсками конгресса, генералу Канто, удалось въ августѣ собрать и обучить десять тысячъ человѣкъ и организовать небольшую армію изъ всѣхъ родовъ оружія. Съ этими силами генералъ Канто высадился въ сорока верстахъ къ сѣверу отъ Вальпарайсо и двинулся противъ главныхъ силъ диктатора, занявшихъ сильную позицію близъ устья рѣки Анангуа, впадавшей въ океанъ на полпути между мѣстомъ высадки конгрессистовъ и главнымъ портомъ страны.

Одна изъ трехъ пѣхотныхъ бригадъ конгрессистовъ, силою около 3.500 человѣкъ, была вооружена малокалиберными магазинками Манлихера. Когда началось сраженіе, и войска диктатора, имѣвшія однозарядныя ружья, засѣвъ за двухъярусные окопы, открыли огонь по конгрессистамъ, ставшимъ за рѣкой, то генералу Канто явилась неожиданная помощь.

Посланный на развѣдки, крейсеръ конгрессистовъ «Эсмеральда» случайно подошелъ къ устью рѣки Анангуа, именно въ тотъ моментъ, когда началось сраженіе. Замѣтивъ линію непріятельскихъ войскъ вдоль лѣваго берега рѣки, командиръ крейсера тотчасъ началъ ихъ обстрѣливать изъ своихъ дальнобойныхъ орудій. Выстрѣлы должны были вызвать, и вызвали большое опустошеніе и смятеніе въ рядахъ противника, ибо самъ крейсеръ не подвергался ни малѣйшей опасности, слѣдовательно стрѣльба могла производиться вполнѣ хладнокровно и кромѣ того огонь былъ анфиладный, т. е. снаряды летѣли вдоль поражаемыхъ линій.

Полтора часа длилась весьма тяжелая для войскъ диктатора перестрѣлка, причемъ отвѣчать они могли противнику только съ фронта, а съ лѣваго фланга и съ тыла просто разстрѣливались гранатами, летѣвшими съ недоступнаго и неуязвимаго военнаго корабля. Наконецъ генералъ Канто приказалъ переправиться черезъ рѣку, бродъ которой сталъ глубокъ, вслѣдствіе недавнихъ дождей. Переправа и затѣмъ атака укрѣпленныхъ высотъ, несмотря на сильный огонь противника, увѣнчались успѣхомъ.

Первая линія окоповъ скоро была очищена бальмаседистами. Ни мало не медля, генералъ Канто началъ атаку второй линіи. Тогда главнокомандующій войсками диктатора не призналъ возможнымъ дольше держаться и приказалъ отступать, бросивъ укрѣпленія. Отступленіе началось въ порядкѣ, но нѣсколько кавалерійскихъ атакъ превратили его въ безпорядочное бѣгство. Тогда бригада конгрессистовъ, вооруженная малокалиберными магазинками, «провожала» бѣгущихъ огнемъ.

Жалкія толпы явились въ Вальпарайсо. Оправдываясь въ пораженіи передъ диктаторомъ, главнокомандующій все объяснялъ вооруженіемъ противника. Всему виной, объяснялъ онъ, ружья Манлихера. Согласно реляціи побѣжденнаго генерала «бальмаседисты потеряли около 1.000 человѣкъ убитыми и 1.700 раненными; кромѣ того 1.500 взято въ плѣнъ и 1.500 безъ вѣсти пропало, т.-е. разбѣжались».

Плѣнные бальмаседисты (немедленно перешедшіе въ ряды побѣдителей) подтвердили мнѣніе своего предводителя. Лучше быть разстрѣленными, говорили они, чѣмъ сражаться съ однозарядными ружьями противъ неимовѣрно мѣткой, дальнобойной, столь быстро стрѣляющей магазинки. Такія показанія укрѣпили вѣру конгрессистовъ въ свое оружіе. Степень истребитель-

ности магазинокъ Манлихера видимо особо заинтересовала штабъ генерала Канто. Послѣ побѣды было сосчитано, какая доля павшихъ бальмаседистовъ убита или ранена манлихеровскими пулями. Оказалось, что потери, нанесенныя магазинками, составили около 56%, тогда какъ, по относительному числу вооруженныхъ ими, нормальная пропорція должна была составить не больше 33%.

Опытъ войны на берегахъ Тихаго Океана признается въ военной литературѣ неполнымъ и односторонимъ (для оцѣнки боеваго значенія магазинки). Тѣмъ не менѣе приведенныя нами данныя навѣрное значатся въ числѣ поводовъ для ускоренія перевооруженія вездѣ, гдѣ еще сохранились однозарядныя винтовки.

Изъ десяти тысячъ убито и ранено 2700 человѣкъ, т. е. 27%, - показаніе скорѣе преувеличенное, чѣмъ уменьшенное, по понятному желанію представить бой упорнымъ и непріятельскій огонь непреодолимымъ. Сраженіе кончилось общимъ бѣгствомъ побѣжденныхъ еще засвѣтло (въ четыре часа). Въ преслѣдованіи участвовали и кавалерійскій натискъ и дальнобойныя пули. При такихъ условіяхъ для разбитаго на голову десятитысячнаго отряда, потери четвертой части убитыми и ранеными не представляютъ ничего необыкновеннаго: любая глава военной исторіи послѣднихъ двухъ вѣковъ представитъ рядъ случаевъ, гдѣ было не меньшее отношеніе погибшихъ къ числу уцѣлѣвшихъ.

Нѣкоторая часть изъ 2700 бальмаседистовъ истреблена была вначалѣ огнемъ съ обстрѣливавшаго ихъ военнаго корабля. Не мало должна была изрубить и конница, когда преслѣдовала объятыя паникою толпы. Если положить число несчастныхъ погибшихъ отъ корабельныхъ гранатъ, сабель и копытъ хотя въ нѣсколько сотенъ, то на долю огня—ружейнаго и артиллерійскаго—наступавшей съ фронта арміи генерала Канто

придется никакъ не больше двухъ тысячъ. За вычетомъ урона, нанесеннаго пушками конгрессистовъ, можно видѣть, что отъ самого страшнаго въ современной войнѣ истребительнаго фактора—ружейныхъ пуль—побѣжденная чилійская армія потеряла 1700—1800 человѣкъ. Изъ нихъ манлихеровскія магазинки вывели изъ строя, говорятъ намъ чилійскія реляціи, не 33%, какъ можно было бы ожидать по числу вооруженныхъ магазинками, а 56% и приписываютъ поэтому новому оружію большую истребительность. Описаніе сраженія даетъ однако другое объясненіе этому высшему проценту убыли. Мы видимъ, что бригада, вооруженная магазинками, стрѣляла въ беззащитныя толпы разбитаго непріятельскаго войска. Преслѣдованіе противника, бѣгущаго съ поля битвы безъ прикрытія аріергардомъ, всегда должно дать всякому оружію обильную жатву смерти и ранъ *).

---

*) Въ 1893 году, когда написана была эта глава, чилійская компанія была единственнымъ боевымъ опытомъ бездымныхъ магазинокъ. Вотъ почему мы позволили себѣ войти въ нѣкоторыя подробности и разсчеты. Съ тѣхъ поръ разыгрались войны: Абиссинская, Японско-Китайская, Греко-Турецкая, Испано-Американская. Обработанныхъ и провѣренныхъ данныхъ объ этихъ кампаніяхъ еще нѣтъ, но нѣкоторые факты весьма назидательны и сотый разъ подтверждаютъ ложность той надежды, что война способна убить войну.

Итальянцы при Адуѣ были вооружены всѣми лучшими образцами новѣйшихъ смертоносныхъ орудій. Магазинныя ружья, бездымный порохъ, начиненныя новыми взрывчатыми веществами гранаты, шрапнели дальняго боя,—все было на лицо. Результаты извѣстны. Войска Менелика имѣли что-то называющееся артиллеріею. Послѣ сраженія всѣ итальянскія батареи составили добычу африканскихъ побѣдителей. Ружья и патроны послѣднихъ не могли ни по количеству, ни по качеству идти въ сравненіе съ вооруженіемъ итальянцевъ. Но рѣшающимъ элементомъ явилась конница галласовъ, вооруженная также какъ и во времена фараоновъ, нападавшихъ на Эфіопію еще до постройки пирамидъ.

Относительно Японско-Китайской войны не было извѣстій о чрезвычайной истребительности пѣхотнаго и артиллерійскаго огня. Фронтальныя атаки и откры-

Успѣхи науки такъ велики, скажутъ намъ, что въ недалекомъ будущемъ слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго усовершенствованія орудій истребленія. Если данныя примѣненія метательнаго оружія въ дѣйствительномъ бою разсѣиваютъ надежды изобрѣтателей, то дальнѣйшіе шаги техники въ томъ же направленіи приведутъ, быть можетъ, къ открытію невиданныхъ міромъ разрушительныхъ средствъ и приборовъ.

Вѣра въ быстрый и безпредѣльный ростъ точныхъ наукъ заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія. Необходима однако и здѣсь нѣкоторая умѣренность упованій. Какъ ни много мы ждемъ отъ грядущихъ поколѣній, мы должны воздержаться отъ тѣхъ неопредѣленныхъ предвидѣній, которыя страдаютъ пустой мечтательностью.

Ретора, въ которой былъ изготовленъ химическимъ процессомъ искуственный человѣкъ —Гомункулъ, Фауста, аппаратъ для путешествія въ междупланетномъ пространствѣ, туннель подъ Атлантическимъ океаномъ, предложенная великимъ сатирикомъ колбаса изъ еловыхъ шишекъ для продовольствія армій и флотовъ, развитіе гипнотизма до ясновидѣнія и леченія на разстояніи, – вотъ созданія человѣческаго вымысла.

тые штурмы удавались, вслѣдствіе ничтожной стойкости и дезорганизаціи китайскихъ войскъ. Очевидно, что плохое войско можно вооружить чѣмъ угодно—и оно не будетъ опаснымъ противникомъ. Вѣрно одно: результаты войны желтыхъ расъ не измѣнились бы, если бы даже японцы были вооружены ружьями стараго образца.

Греко-Турецкая война началась неожиданно и прервана спасительнымъ и властнымъ вмѣшательствомъ. О первомъ большомъ сраженіи извѣстно, что греки, перейдя границу на Сѣверѣ Θессаліи, остановились, встрѣтивъ первое серьезное сопротивленіе. Покуда турки не перешли въ наступленіе, цѣлый день длилась перестрѣлка, канонада и ружейный огонь, въ которыхъ участвовали отряды, кажется по 15, 20 батальоновъ съ каждой стороны, вооруженные ружьями новѣйшей системы и имѣвшіе «грозную» артиллерію, поставленную на лѣсистыхъ высотахъ. Потеря – 300 человѣкъ съ той и другой стороны.

О бояхъ, благодаря которымъ Куба завоевана американцами, свѣдѣній имѣется мало, но извѣстно, что Сантъ Яго взятъ открытой силой.

Поэты, люди науки, сатирики, даютъ рядъ полезныхъ предостереженій.

Мы думаемъ, что чрезмѣрно исстребительное оружіе грядущихъ вѣковъ должно быть отнесено къ тому же ряду иллюзій. Если остаться въ области разумныхъ ожиданій, то предстоящее въ будущемъ усовершенствованіе оружія вѣроятно въ отношеніи еще большей дальности, еще большей настильности, большаго количества снарядовъ, болѣе легкихъ и столь же дѣйствительныхъ, наконецъ большей быстроты стрѣльбы и большей простоты и меньшей тяжеловѣстности самого оружія. Способны-ли такія перемѣны усугубить истребительность сраженій, можно судить по тому ряду фактовъ изъ исторіи войнъ, которые приведены выше. Особо убѣдительно окажется сопоставленіе упорныхъ битвъ Наполеоновской эпохи съ ихъ ружьями, бившими на 300 шаговъ, и съ потерями третьей части сражающихся, съ недавними боями франко-германской кампаніи, боями, стоившими смерти и увѣчья менѣе, чѣмъ пятой части введенныхъ въ дѣло частей, тогда какъ ружья стали стрѣлять въ десять разъ скорѣе и дальше.

Вотъ что говоритъ о настоящемъ совершенствованіи огнестрѣльнаго оружія генералъ Драгомировъ.

«Кажущееся уменьшеніе значенія штыка происходитъ именно отъ того, что онъ несовершенствуется. Само собою понятно, что если изъ двухъ сопряженныхъ данныхъ одна остается постоянною,—другая же мѣняется, и притомъ развивается все болѣе, то поверхностнымъ наблюдателямъ и кажется будто постоянная данная умаляется. При этомъ упускается изъ виду то простое обстоятельство, что огонь, совершенствуясь, ни въ чемъ не измѣняетъ своихъ истинныхъ свойствъ и между прочимъ главнѣйшаго,—именно того, что результатъ имъ достигаемый рѣшительнымъ не бываетъ теперь, какъ не бывалъ рѣшительнымъ и прежде; и

что для достиженія цѣли нужно кончать тѣмъ, чѣмъ и прежде кончали, т. е. атакою въ штыки". *)

По мнѣнію другого авторитета военнаго дѣла, въ будущемъ условія боя могутъ кореннымъ образомъ измѣниться, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ предполагаетъ разбираемая нами теорія прекращенія войнъ.

По мнѣнію Гольца, чрезмѣрное увеличеніе численности армій должно, наконецъ, вызвать реакцію.

„Нѣкогда настанетъ",—говоритъ онъ, „день, въ который господствующія теперь на войнѣ явленія исчезнутъ, формы, способы употребленія и взгляды опять перемѣнятся; предчувствется то время, когда милліонныя арміи настоящаго времени также сыграютъ свою роль. Явится новый Александръ, который съ маленькой горстью превосходно вооруженныхъ и обученныхъ людей прогонитъ эти безчисленныя массы, если онѣ, въ своемъ стремленіи постоянно увеличиваться, потеряютъ внутреннюю доблесть и какъ китайскіе воины зеленаго знамени, обратятся въ многочисленную, но миролюбивую толпу мѣщанъ".

Въ предъидущемъ изложеніи мы старались показать, что результаты вооруженныхъ массовыхъ столкновеній зависятъ гораздо въ большей степени, чѣмъ отъ любой системы вооруженія—отъ иныхъ факторовъ, преимущественно отъ нравственнаго, а не отъ матеріальнаго элемента. Дисциплинированное войско, хотя бы и плохо вооруженное, навѣрное одолѣетъ многочисленную, превосходно вооруженную, но лишенную внутренней спайки толпу. Вѣка прошли, ничего не измѣнивъ. Въ эпоху магазинныхъ ружей и мелинитовыхъ бомбъ побѣда зависитъ отъ тѣхъ же коренныхъ условій, какъ и въ тѣ времена, когда фаланги и легіоны

*) Учебникъ тактики, изд. 1881 г., стр. 9.

гнали милліонныя орды мужественныхъ, но плохо обученныхъ военному строю варваровъ. Если сознательная дѣятельность будущихъ поколѣній цивилизованныхъ народовъ изберетъ ложный путь къ вѣчному миру, и войнѣ не суждено будетъ прекратиться, то картина сраженій измѣнится не отъ введенія новой системы вооруженія, а отъ крупнаго прогресса въ искуствѣ формированія, обученія и веденія войскъ. Стрѣльбище и маневренное поле останется недосягаемымъ идеаломъ. Но быть можетъ широкое распространеніе образованія, которое дастъ солдатамъ будущаго степень развитія, доступную теперь лишь для избранныхъ, поможетъ „новому Александру“ Гольца создать небольшую армію, въ которой дисциплина возвысится сознательнымъ повиновеніемъ единой волѣ, армію, дѣйствіе которой на ученіи и въ бою представитъ гораздо меньше разницы, чѣмъ то наблюдалось до нашихъ дней.

Извѣстное выраженіе, что «подъ Кениггрецомъ побѣдилъ школьный учитель» въ будущемъ вѣкѣ получитъ въ сто разъ большее значеніе. Побѣда станетъ удѣломъ того, кто съумѣетъ достигнуть гармоническаго сочетанія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, утраченнаго міромъ послѣ гибели эллинской культуры.

Свободный духъ въ здоровомъ тѣлѣ — вотъ элементы, съ которыми смутно предугадываемый геній одолѣетъ милліонныя полчища, вооруженныя всѣми грозными орудіями разрушенія, созданнаго современной наукой.

Разоблаченіе иллюзіи сторонниковъ ученія о суровой, но спасительной роли новѣйшаго оружія, должно оказать дѣлу мира весьма полезную услугу. Ложная теорія, утверждающая, что война способна устранить войну, безъ всякихъ сознательныхъ усилій человѣчества къ ея прекращенію, принадлежитъ къ наиболѣе правдоподобнымъ, съ перваго взгляда, изъ тѣхъ логи-

ческихъ построеній, которыя имѣютъ девизомъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Этого рода теорія исполнена поистинѣ разслабляющаго, развращающаго, сугубо вреднаго фатализма.

Чѣмъ полнѣе будетъ убѣжденіе въ неразумности такого рода надеждъ въ великомъ вопросѣ, который долженъ быть разрѣшенъ наступающимъ вѣкомъ, тѣмъ будетъ лучше. Мы твердо увѣрены, что прекращеніе войнъ возможно. Онѣ исчезнутъ также, какъ исчезло рабство; но не отъ такихъ причинъ, которыя мало или совсѣмъ не зависятъ отъ человѣческой воли, а только благодаря другимъ сознательнымъ усиліямъ, направленнымъ на измѣненіе вредныхъ теченій въ современной жизни, порождающихъ и питающихъ вражду между цивилизованными націями.

ГЛАВА IV.

Международная федерація и международная юстиція. — Проекты вѣчнаго мира до конца первой половины XIX вѣка.

Съ чувствомъ большого облегченія переходимъ къ разбору совершенно иного ученія о средствахъ прекращенія войнъ.

Путь, предлагаемый сторонниками международной федераціи и международной юстиціи также отличается отъ пути, указаннаго поклонниками прогресса орудій разрушенія, какъ легальныя реформы отличаются отъ разныхъ формъ насилія. Поистинѣ надо высоко цѣнить благородныя усилія избавиться отъ гибельнаго явленія прямыми, честными средствами, когда сопоставимъ эти условія съ фаталистическими упованіями. Хотя учрежденіе международныхъ органовъ и судовъ также не обѣщаетъ, какъ мы покажемъ, вѣчнаго мира и для прекращенія войнъ долженъ быть избранъ иной путь, тѣмъ не менѣе, не соглашаясь съ цѣлесообразностью благихъ, но не вѣрно направленныхъ начинаній, мы должны признать ихъ исполненными глубокаго значенія, для воспитанія человѣческаго самосознанія.

Говоря о тѣхъ невзгодахъ, которыя приносятъ войны нынѣшняго вѣка, нельзя впасть въ преувеличеніе. Въ прошломъ, войны могли быть истребительнѣе, самый актъ боя былъ смертоноснѣе. Сумма страданій и разрушенія несомнѣнно была больше. Но въ минувшіе вѣка наблюдались нынѣ исчезнувшія или исчезающія причины всеобъемлющихъ бѣдствій не менѣе, чѣмъ са-

мыя свирѣпыя войны, связанныя съ избіеніемъ и опустошеніемъ.

Рабство, произволъ, невѣжество, нравственное и умственное, такъ отягчали участь человѣка, что не разъ война приносила несомнѣнное улучшеніе и облегченіе. Для конца же XIX и начала XX вѣка, для тѣхъ знаменательныхъ дней, въ которые мы имѣемъ счастье жить, періодическія, разрушительныя, вооруженныя схватки цивилизованныхъ народовъ представляются наиболѣе тягостнымъ міровымъ бѣдствіемъ.

Мы дошли до той степени культуры, при которой всѣ затрудненія и всѣ невзгоды, удручающія человѣка и общество, могутъ и должны разрѣшиться мирными правовыми путями безъ насилія, безъ нарушенія спокойнаго теченія личной и государственной жизни.

Вѣроятность внутреннихъ кровавыхъ смутъ въ цивилизованныхъ государствахъ падаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Самые тяжкіе соціальные недуги, всѣ «проклятые» вопросы не зовутъ къ себѣ на помощь революцію. Спасительность насильственныхъ потрясеній, eo ipso, проповѣдуется лишь крайними отщепенцами. Но ихъ дѣятельность и логическія построенія совершенно исключительны и имѣютъ столь мало привлекательнаго для самыхъ снисходительныхъ этическихъ воззрѣній, что при сужденіи о современномъ положеніи цивилизованныхъ націй, едва ли ихъ нужно принимать въ разсчетъ. Правовой порядокъ—отчасти въ учрежденіяхъ, а еще болѣе въ нравахъ, привычкахъ и потребностяхъ, укоренился у первенствующихъ народовъ достаточно прочно; для будущаго развитія и для необходимыхъ реформъ политическихъ и соціальныхъ обезпеченъ широкій, торный путь. Осталось только одно, великое препятствіе, одно тяжкое наслѣдіе былыхъ временъ—война. Именно живущее теперь поколѣніе должно сознавать, что послѣдствія войны тягостны въ особенности для

нашего времени. Человѣчество дожило до того состоянія, которое въ будущемъ обѣщаетъ самыя счастливыя перемѣны — если войны исчезнутъ. Необоротъ при войнахъ сомнителенъ прогрессъ въ его истинномъ значеніи улучшенія матеріальныхъ благъ всей массы населенія съ тѣмъ, чтобы всѣ и каждый могли имѣть ту не малую долю счастья, которая по природѣ дана человѣку. Теперь больше, чѣмъ когда-либо съ войною будутъ связаны бѣдность и страданіе, а съ миромъ матеріальное довольство и нравственное совершенствованіе.

Громадные расходы на содержаніе арміи и флота въ мирное время и постоянно усиливающіяся вооруженія растутъ изъ года въ годъ, а бюджеты доходовъ тогда только успѣютъ расширяться, когда искусство и смѣлость финансистовъ во время изобрѣтаютъ способы натянуть и безъ того уже напряженную платежную способность населенія.

Тяжесть жертвъ на военныя надобности и введеніе почти во всѣхъ государствахъ натуральной воинской повинности — удѣлъ всего молодого поколѣнія — породила въ послѣдніе годы странное мнѣніе, что этотъ вооруженный миръ *хуже* самой войны; пусть лучше, говорятъ, война разрядитъ эти массы заряженнаго оружія и прекратитъ тяжелое, удручающее и такъ дорого стоющее ожиданіе нападенія врага.

Такого рода расчеты, къ величайшему сожалѣнію, почти не встрѣчающіе возраженій, сильно погрѣшаютъ забвеніемъ фактовъ и цифръ. Вспомнивъ недавнее прошлое и сопоставивъ былыя и нынѣшнія народныя жертвы, можно прямо сказать, что война ни мало не улучшитъ тягостей вооруженнаго мира. Справедлива или нѣтъ теорія «si vis pacem — para bellum» — она имѣетъ мало значенія. Усиленныя вооруженія — отдаляютъ онѣ или приближаютъ войну — во всякомъ случаѣ не уменьшаются ни мало и послѣ того, когда война пожнетъ свою жатву...

Напряженное состояніе Европы послѣ Люксембургскихъ пререканій 1867 года разразилось наконецъ войной на Рейнѣ. Кончилась война, распустили резервистовъ. Но число военныхъ единицъ, батальоновъ, эскадроновъ и батарей немедленно за подписаніемъ мира стало увеличиваться во Франціи, гдѣ армія была, какъ думали, слаба; въ Германіи, гдѣ армія признавалась сильною, ее старались еще усилить. Число солдатъ подъ ружьемъ сократилось конечно противъ арміи военнаго положенія, но арміи мирнаго состава, содержимыя Франціею и Пруссіею въ 1869 году оказываются много слабѣе армій 1872 года.

Такъ было раньше, такъ было и позже. На чрезмѣрность вооруженій Европы жаловался еще сорокъ пять лѣтъ тому назадъ Кобденъ.

Въ засѣданіи парламента 12 іюня 1849 года онъ представилъ ходатайство, чтобы британское правительство заключило съ другими государствами договоры объ обращеніи къ третейскому разбирательству въ тѣхъ случаяхъ, когда возникшія несогласія нельзя будетъ покончить путемъ «дружественныхъ переговоровъ» (by amicable negociation). Поддерживая свое предложеніе, Кобденъ сказалъ, что вооруженія все усиливаются и надо положить имъ предѣлъ. Отвѣчая затѣмъ на рѣчь лорда Пальмерстона, высказывавшагося противъ предложенія, Кобденъ поставилъ на видъ, что тогдашнее положеніе Европы не можетъ быть названо миромъ, а лишь вооруженнымъ перемиріемъ, такъ какъ 2 милліона солдатъ содержится подъ ружьемъ и около 200 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ тратится ежегодно европейской промышленностью на этотъ непроизводительный классъ людей.

О тяжести вооруженій говорилъ и Джонъ Брайтъ 13 октября 1853 года въ Эдинбургѣ, въ засѣданіи англійскаго общества мира. Военные расходы и возрас-

тающія затраты на крѣпости и флотъ Брайтъ считалъ едва выносимыми.

Ни Кобденъ, ни Брайтъ не считали конечно войну средствомъ избавиться отъ напряженнаго положенія. Проклиная бѣдствія вооруженнаго мира, они считали войну еще худшимъ зломъ.

Сторонники противоположнаго мнѣнія скоро могли видѣть послѣдствія разразившейся грозы, которая, по ихъ мнѣнію, могла «очистить воздухъ». «Les canons de Votre Majesté ont parlé», писалъ послѣ Альмы маршалъ Сентъ-Арно Наполеону III. Оружіе слѣдовательно загремѣло. Война кончилась прежде всего немалымъ истощеніемъ воюющихъ государствъ. Но кромѣ увеличившихся долговъ и налоговъ замѣчается немедленно послѣ окончанія войны дальнѣйшее «развитіе» вооруженій... Заключивъ миръ, побѣдители и побѣжденные перевели войсковыя части изъ военнаго состава въ мирный и поставили корабли въ доки и гавани, но ни на одинъ батальонъ, ни на одну роту не сокращается армія, которая содержалась до войны; ни на одинъ рубль, франкъ или шиллингъ не урѣзанъ военный бюджетъ. Напротивъ Россія мало по малу удвоила число дивизій, Франція увеличивала армію, унаслѣдованную отъ времени Луи-Филиппа. Турція старалась не безъ успѣха воспользоваться услугами иностранныхъ инструкторовъ. На эллингахъ Англіи и всѣхъ морскихъ державъ появились броненосцы.

Въ болѣе близкое къ намъ время то же вліяніе войны можно наблюдать надъ судьбою «больного человѣка», Турціи, послѣ войны 1877—1878 г.г. Совершенное пораженіе, явное сокращеніе политическаго значенія, отсутствіе надежды что-либо вернуть назадъ, финансовое банкротство—не мѣшали Портѣ приняться, на сколько было возможно, за усиленіе арміи и увеличе-

ніе числа тактическихъ единицъ, не взирая на потерю многихъ провинцій.

Призывъ войны, какъ избавленія отъ тяжестей вооруженнаго мира, есть въ полномъ смыслѣ слова преступное ученіе.

По истинѣ можно подивиться легкомыслію или жестокости его сторонниковъ, когда встрѣчаешься съ подобными воззваніями на страницахъ серьезныхъ органовъ и ученыхъ трудовъ. Истинныя и устойчивыя послѣдствія современной войны заключаются въ усиленіи того зла, которое они должны были излечить, въ еще большемъ напряженіи народныхъ силъ для военныхъ цѣлей. Милліарды долга дополняютъ картину.

Мы видѣли, что война никогда не убьетъ войны. Точно также мы утверждаемъ, что война не смягчаетъ, а усиливаетъ бѣдствія вооруженнаго мира.

Глядя на жертвы, приносимыя этому ненасытному Молоху, всякій долженъ видѣть, что широкая дверь, которое человѣчество успѣло къ нашему времени пробить къ лучшему будущему, наглухо захлопнута.

Безмолвныя цифры государственныхъ росписей больше говорятъ сердцу, чѣмъ отчеты о кровопролитныхъ сраженіяхъ.

Выясненіе матеріальнаго и нравственнаго ущерба, наносимаго войнами культурнымъ націямъ, представляетъ положительную сторону дѣятельности всѣхъ обществъ мира, всѣхъ пропагандистовъ третейскаго суда, всѣхъ организаторовъ международной юстиціи, всѣхъ сторонниковъ сліянія народовъ въ общую федерацію. Половина ихъ усилій, ихъ чистаго одушевленія тратилась на борьбу съ ученіями и тезисами, пытающимися узаконить, оправдать, превознести войну, — на борьбу съ теоріями, отнимающими надежду на самую возможность прекращенія хоть бы въ отдаленномъ будущемъ, вооруженныхъ столкновеній между независи-

мыми государствами. «Война есть освѣжающая гроза». «Война необходима для подъема духа, падающаго въ долгіе періоды спокойствія и безопасности». «Вѣчный миръ не дарованъ смертнымъ». «Война составляетъ естественный результатъ независимости націй». «Война есть юридическій институтъ, возстановляющій нарушенное право». «Война есть меньшее изъ золъ, мѣшающихъ водворенію благосостоянія». Вотъ какіе афоризмы, имѣющіе не малый кредитъ и популярность, приходится опровергать защитникамъ мира. Борьба съ апологетами и попустителями войны составляетъ лучшую и какъ бы положительную отрасль дѣятельности всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ установленію мира учрежденіемъ того или другого юридическаго института, который водворилъ бы принципы права тамъ, гдѣ теперь рѣшаетъ дѣло сила меча.

Слабость, несостоятельность, неопредѣленность, неувѣренность являются, когда сторонники международной юстиціи начинаютъ излагать средства для достиженія великой цѣли, указывать путь къ вѣчному миру.

Въ учебникахъ по международному праву, ранѣе изложенія такъ называемаго «права войны», приводятся и классифицируются способы прекращенія несогласій, возникающихъ между цивилизованными государствами.

На первомъ планѣ стоитъ дипломатія, какъ постоянное учрежденіе. Затѣмъ слѣдуютъ «добрыя услуги» нейтральныхъ правительствъ и посредничество, конгрессы и конференціи и третейское разбирательство. Наконецъ реторсіи, репрессаліи, эмбарго и мирная блокада. Въ послѣдніе три вѣка не мало войнъ предотвращено, какъ думаютъ, этими путями. Но только третейское разбирательство представляется средствомъ, обѣщающимъ будто-бы постоянный миръ. Отъ всѣхъ другихъ родовъ «международнаго принужденія» никто и не ду-

маетъ ожидать, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, прекращенія войны.

Въ самой сѣдой древности можно отыскать случаи рѣшенія споровъ между независимыми государями и народами посредствомъ третейскаго суда. Гр. Комаровскій считаетъ прототипомъ третейскаго разбирательства дельфійскаго оракула *). Профессоръ Мартенсъ считаетъ первыми арбитрами, извѣстными исторіи — «recuperatores», — суды для иностранцевъ въ Римѣ **). Въ средніе вѣка Папа и Германскій Императоръ, короли и парламенты Франціи призывались, по добровольному соглашенію спорящихъ, для рѣшенія самыхъ разнообразныхъ несогласій. Среди частыхъ войнъ бывали, время отъ времени, случаи мирнаго исхода споровъ ***). Въ новые времена съ не столь частыми войнами число третейскихъ рѣшеній увеличивается. Въ XIX столѣтіи г. Мартенсъ считаетъ около 50 споровъ, разрѣшенныхъ третейскимъ судомъ, по различному толкованію трактатовъ, нарушенію правъ территоріальной власти или неисполненію центральнымъ правительствомъ своихъ обязательствъ, по принесенію ущерба или убытковъ государству частными лицами и т. п.

Рядомъ съ учащеніемъ случаевъ третейскаго суда въ христіанской Европѣ, по мѣрѣ приближенія къ новымъ вѣкамъ, нарождается движеніе въ пользу мира, или вѣрнѣе въ пользу союзовъ. Крестовые походы уже свидѣтельствуютъ о сознаніи единства между государствами.

---

*) О международномъ судѣ, стр. 106, 107.

**) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, томъ II, стр. 454.

***) Бонифацій VIII (Папа) въ 1298 году между Франціей и Англіей; король Филиппъ VI (Валуа) между Богеміей и германскими князьями и герцогомъ Брабантскимъ (въ 1334), императоръ Карлъ IV, въ 1378 году между Франціей и Англіей; Парижскій парламентъ, въ 1244 г., между императоромъ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ и Папою; и др.

Далекая, великая цѣль дружила народы, заставляла забывать раздоры и пріостанавливать вооруженныя нападенія на сосѣдей ради корысти, обиды или политическихъ стремленій.

Дѣятельная пропаганда въ пользу прекращенія усобицъ между христіанами велась въ XIII вѣкѣ въ Италіи. Первообразъ современныхъ конгрессовъ и митинговъ мира ясно виденъ въ многолюдномъ сборищѣ 28 августа 1233 года, на берегу рѣки Адижа, близь Вероны, гдѣ собрались четыреста тысячъ человѣкъ слушать проповѣдь доминиканца Іоанна противъ войны.

Собраніе разошлось съ самыми свѣтлыми надеждами на прекращеніе вооруженныхъ усобицъ Италіи. Годъ спустя суровая дѣйствительность разсѣяла мечты.

Въ Германіи нескончаемыя феодальныя войны и господство кулачнаго права, невыносимые для народа, ослаблявшіе власть императора и курфюрстовъ, мало по малу привели къ учрежденію такъ называемаго Земскаго Мира (Landfrieden).

Мелкіе раздоры-усобицы пріостанавливались и ограничивались. Миръ объявлялся на извѣстный срокъ. Наконецъ въ 1495 году Императоръ Максиміліанъ и Швабскій Союзъ добились созванія въ Вормсѣ сейма, установившаго вѣчный Земскій Миръ (Landfrieden). У мелкихъ вассаловъ въ Германіи право войны отнято, благодаря усиленію центральной власти. Въ Англіи къ началу шестнадцатаго вѣка прекратились династическія распри и военная автономія мѣстныхъ феодаловъ умаляется и исчезаетъ. Во Франціи королевская власть, укрѣпившись, усмирила и поглотила постоянно опустошавшихъ страну крупныхъ и мелкихъ династовъ. Для средневѣковаго уклада умиротворяющее вліяніе государства долго казалось недостижимымъ идеаломъ. Авторъ «Die Idee des ewigen Völkerfriedens» Гольцендорфъ, ошибочно считаетъ государство,

какъ таковое, первой формой прекращенія вооруженной вражды между людьми. Феодальные обычаи и феодальные законы считали, что нападеніе одного барона на владѣнія другого совершается въ силу неотъемлемаго правоваго института. Сюзеренъ, верховный повелитель государства, въ силу ленной присяги, могъ требовать вассаловъ съ ихъ контингентами, когда начиналась внѣшняя война или когда съ мятежниками нельзя было справиться силами фамильныхъ владѣній сюзерена. Но запрещать войну одного лена съ другимъ сюзереномъ, не только не имѣлъ возможности,— онъ не имѣлъ права. Покуда королевская власть не сокрушила свирѣпыхъ владѣтелей, сражаться другъ съ другомъ вольному рыцарству позволяли и древніе обычаи, и пергаменты, въ законности которыхъ сошлись бы составители Юстиніанова кодекса и доктора Сорбонны. Гольцендорфъ смѣшиваетъ вліяніе государства съ вліяніемъ подчиненности. Когда толпа людей повинуется единой волѣ, въ ея средѣ прекращаются или уменьшаются вооруженныя ссоры. Передвигающаяся орда, разбойническая шайка не составляетъ государства. Между тѣмъ они представляютъ именно ту первичную форму замиренія, которую Гольцендорфъ видитъ въ государствѣ. Относительная безопасность и спокойствіе въ азіятскихъ деспотіяхъ не имѣетъ другого источника какъ подавленіе личной воли всѣхъ и каждаго и произволъ деспота. Франція временъ Филиппа Августа, Германія въ началѣ XV вѣка, Польша въ періодъ шляхетскихъ вольностей, доходившихъ до права наѣзда на сосѣднія помѣстья, — были несомнѣнно государствами. Замиренія, „Friedenstiftung“, онѣ не давали ни de facto, ни de jure. Въ Китаѣ были времена, когда разбойники образовывали цѣлые полки, маршировали правильными рядами по улицамъ города, имѣли организацію, признаваемую властями. Слабость Московскаго Государства

имѣла слѣдствіемъ обращеніе грабительскихъ бандъ въ родъ вооруженной силы для распространенія русскаго владычества за Уральскимъ хребтомъ.

Замиреніе на опредѣленной территоріи, серьезная надежда на защиту власти отъ грубаго насилія, прекращеніе открытыхъ нападеній вооруженныхъ скопищъ, — есть слѣдствіе усиленія государственной власти и извѣстныхъ соціальныхъ условій. Послѣ паденія Рима замиреніе было удѣломъ одной Англіи. Въ другихъ государствахъ западной Европы достаточная степень безопасности внутри сложившихся государствъ была достигнута только къ началу XVI вѣка.

Со вступленіемъ на престолъ Франціи Генриха IV, монархическая власть, совершенно сокрушившая феодализмъ, избавилась временно и отъ религіозныхъ усобицъ. Къ 1610 году король и его министръ Сюлли успѣли снарядить сильное войско и накопить большую военную силу. Была объявлена война Габсбургскому дому, ослабленіе могущества котораго составляло постоянную заботу короля.

Споръ о Юлихскомъ наслѣдствѣ послужилъ предлогомъ, и французская армія вступила въ рейнскія епископства. Кинжалъ Равальяка положилъ конецъ предпріятію. Послѣ оказалось, что съ начатой компаніей были связаны великіе замыслы. Въ своихъ мемуарахъ Сюлли разсказываетъ, что его государь составилъ обширный планъ умиротворенія Европы, посредствомъ учрежденія христіанской федераціи.

Согласно плану, составленному королемъ (или его министромъ), въ союзъ принимались 15 европейскихъ государствъ, католическихъ и протестантскихъ. Царство Московское не принималось въ федерацію.

Политическая карта западной Европы должна была подвергнуться большимъ измѣненіямъ: Нидерланды раздѣлялись между Франціей и Англіей. Испанія получала

Португалію. Австрія лишалась Богеміи и Венгріи, пріобрѣтавшихъ полную независимость. Изъ Савойи и Милана должно было быть образовано нѣчто въ родѣ Ломбардскаго королевства, и т. п.

Для осуществленія плана не только была приготовлена армія и деньги, но со многими государствами, въ особенности съ англійской королевой Елизаветой, были начаты переговоры. Въ случаѣ удачи всего предпріятія образовывался изъ 60 уполномоченныхъ высшій совѣтъ для рѣшенія мирнымъ путемъ несогласій между государствами. Членами «христіанской республики» не допускалось тираническое правленіе и требовалось охранять одинаково терпимость католическаго и протестантскаго исповѣданія. Высшій совѣтъ долженъ былъ руководить всеобщимъ ополченіемъ противъ мусульманъ до совершеннаго ихъ изгнанія изъ Европы. Для дѣлъ меньшей важности учреждались шесть мѣстныхъ совѣтовъ.

Дѣло мира Генриха IV началось съ большой войны, которая могла кончиться удачно и дать прочные результаты только при умѣренныхъ агрессивныхъ замыслахъ. Завоеваніе же Нидерландовъ и Рейнскихъ епископствъ, отторженіе Богеміи и Венгріи отъ Австріи и передѣлъ Италіи — были мало возможнымъ дѣломъ безразлично отъ конечныхъ намѣреній завоевателя.

Потребовался бы рядъ побѣдоносныхъ кампаній; постепенно образовалась бы подъ главенствомъ Австріи коалиція, одолѣть которую было бы не по силамъ Франціи. Англія временъ Елизаветы и Іакова I *) не согласилась бы нападать на Нидерланды, только что сбросившіе съ себя испанское иго. Семьдесятъ лѣтъ спустя весьма реальный планъ Людовика XIV принесъ Фран-

*) Сюлли два раза ѣздилъ въ Лондонъ для переговоровъ по дѣлу объ образованіи христіанской лиги.

ціи пораженіе и униженіе. Проектъ замиренія, сопровождавшій политику Генриха не далъ бы ни одного лишняго шанса побѣды его арміи; и въ то время и позже никто не вѣрилъ обѣщаніямъ мира, начинавшагося съ войны.

Реальная сила полковъ, двигающихся къ Рейну и бочекъ золота въ погребахъ Лувра представляла наиболѣе губительные элементы для великаго замысла французскаго короля (son grand dessein).

Какъ правитель, Генрихъ IV оставилъ по себѣ хорошую память. Его сострадательность, вѣротерпимость, открытый нравъ, умѣніе выбирать и цѣнить людей, его одаренная вообще натура, его военные таланты, заставляли французовъ забывать недостатки человѣка и ошибки государя. Немудрено, что и посмертныя идеи Генриха породили немало проектовъ вѣчнаго мира. Одинъ изъ панегиристовъ короля, Emorie de Lacroix написалъ книгу въ 1623 году, названную «le nouveau Cynée», гдѣ предлагаетъ планъ, отличающійся отъ «grand dessein» отсутствіемъ всеобщей европейской войны, какъ перваго шага къ образованію «христіанской республики».

Обаяніе имени Генриха распространялось и на иностранцевъ. Въ 1598 году прибыло въ Парижъ посольство отъ Генеральныхъ Штатовъ Голландіи. Въ числѣ посольской свиты находился пятнадцатилѣтній юноша изумительныхъ способностей, писавшій латинскіе стихи, имѣя восемь лѣтъ. Поговоривъ съ нимъ, король всегда и со всѣми привѣтливый, сказалъ своимъ придворнымъ: «Вотъ, Гуго Гроцій, чудо Голландіи».

Трактатъ «De jure belli ac pacis» появился въ 1625 году, т. е. пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Генриха. Не сказалось-ли вліяніе «Христіанской республики» въ томъ, что Гроцій, старавшійся больше всего о смягченіи ужасовъ войны, вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ «полез-

нымъ и даже необходимымъ между христіанскими державами нѣкоторыя собранія, въ которыхъ споры рѣшались бы третьими безпристрастными государствами, а также принимались бы мѣры для принужденія сторонъ къ миру на справедливыхъ основаніяхъ».

Въ столѣтіе, послѣдовавшее за смертью Генриха, его «легенда» должна была увеличиваться въ литературѣ и въ преданіи. Возобновившіяся религіозныя распри, суровый деспотизмъ Ришелье, Фронда, недоступность Людовика XIV, его расточительность, страшныя драгонады,—все болѣе возвышали въ сердцахъ народа образъ творца Нантскаго эдикта. Въ тѣ дни, когда изнурительная борьба за испанское наслѣдство приходило къ концу и дипломаты начали мирные переговоры, аббатъ Сенъ-Піеръ представилъ Утрехтскому конгрессу выработанный имъ проектъ вѣчнаго мира подъ слѣдующимъ названіемъ:

«Projet de traité, conclu pour rendre la paix perpétuelle entre les souverains chretiens, pour maintenir toujours le commerce entre les nations et pour affermir beaucoup davantage les maisons régnantes sur les trônes».

Всѣ христіанскія государства Европы (въ томъ числѣ и Россія) должны были образовать лигу или союза по образцу Германіи, но безъ подчиненія Императору. Высшая законодательная власть, а также и судебная, сосредоточивались въ общемъ сеймѣ, дѣйствующемъ на основаніи общей конституціи, измѣнять которую допускалось только по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ союза.

Чтобы облегчить согласіе европейскихъ правительствъ на установленіи лиги, аббатъ Сен-Піеръ предлагалъ вмѣнить сейму въ обязанности подавлять внутреннія возстанія. Только что кончившаяся война за испанское наслѣдство также отозвалась на проектѣ. Сеймъ при присужденіи открывающихся наслѣдствъ,

долженъ былъ имѣть въ виду политическое равновѣсіе и не допускать чрезмѣрнаго усиленія одной державы на счетъ другой.

Книга Сен-Піера и его пропаганда въ пользу учрежденія христіанскаго союза произвела большое впечатлѣніе. Правда Вольтеръ и Лейбницъ встрѣтили ее крайне жестокими насмѣшками. Однако Лейбницъ самъ высказалъ мысль, что европейскіе народы должны образовать, для упроченія мира, общую конфедерацію, главами которой признать одновременно папу и императора австрійскаго.

Послѣ кончины аббата Сен-Піера (въ 1743 г.), его идеи вызывали менѣе пренебреженія. Его племянникъ, графъ де-Сен-Піеръ, передалъ его рукописи Жанъ-Жаку Руссо, который цѣнилъ въ аббатѣ Сенъ-Піерѣ беззавѣтную вѣрность идеѣ и полное самоотверженіе. «Этотъ человѣкъ дѣлалъ честь своему времени и своему народу, пишетъ Руссо, «съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческій родъ только онъ одинъ не имѣлъ иной страсти, кромѣ преданности разуму (le seul, peut-être, qui n'eût d'autre passion, que celle de la Raison) и тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой и писалъ для людей воображаемыхъ, а не для современниковъ». Руссо имѣлъ терпѣніе внимательно прочитать всѣ сочиненія аббата, что представляетъ большой трудъ, вслѣдствіе длинноть, повтореній и тяжелаго слога *).

Руссо рѣшилъ переработать два сочиненія Сенъ-Піера: «Проектъ вѣчнаго мира» и «Polysynodis». Въ третьемъ томѣ сочиненій Руссо помѣщенъ «Extrait du projct de rendre la paix perpétuelle de Mr. l'abbé de St. Pierre» съ эпиграммою изъ Лукана:

Tunc genus humanum positis sibi consulat armis,
Inque vicem gens omnis amet.

*) «Les Confessions», Part. II, livre IX (1756).

«Jugement de la paix perpétuelle» У самого Руссо есть яркая филиппика противъ правителей восемьнадцатаго вѣка. Европейскіе монархи ни за что не согласятся, говоритъ онъ, ограничить власть общимъ сеймомъ по проекту Сен-Піера. Единственное стремленіе ихъ заключается въ увеличеніи своей власти внутри государства и расширеніе его предѣловъ. Общее благо, счастье подданныхъ, слава отечества провозглашаются только для прикрытія своекорыстныхъ дѣйствій и династическихъ цѣлей. «Для министровъ самое слово миръ ненавистно». Война и народныя бѣдствія необходимы сановникамъ, столь же мало заботящимся о благѣ народа, какъ и объ интересахъ государя; министрамъ необходимо увеличивать въ свою пользу тягости населенія и пристраивать своихъ многочисленныхъ клевретовъ. Чѣмъ больше опасности и затрудненій, тѣмъ вѣрнѣе они надѣются упрочить свое положеніе и овладѣть волей правителя».

«Аббатъ Сенъ-Піеръ одной книгой, говоритъ далѣе Руссо, хочетъ достигнуть той цѣли, для которой Генрихъ IV собралъ громадныя средства и началъ бы войну, послѣднюю войну, послѣ которой насталъ бы миръ вѣчный. Смерть Генриха унесла навсегда всѣ надежды человѣчества».

Въ будущемъ Руссо предполагалъ возможнымъ возникновеніе федеративной лиги, не иначе, какъ послѣ революціи, которая одна принесетъ столько зла, что перевѣситъ все созданное ею благо для грядущихъ вѣковъ.

Имя Руссо увеличило извѣстность проекта Сенъ-Піера. У многихъ писателей и политическихъ дѣятелей XVIII столѣтія замѣтно вліяніе идей аббата. Молинари, написавшій біографію (L'abbé de Saint-Pierre, sa vie et ses oluvres. 1857 г.), находитъ въ сочиненіи Некера, изданномъ предъ самой революціей, о француз-

скихъ финансахъ, размышленія о мирѣ и войнѣ, внушенныя чтеніемъ трудовъ Сенъ-Піера.

Въ самые дни созыва Генеральныхъ Штатовъ закончилъ Іеремія Бентамъ, изданный много позже, свой «Планъ общаго и вѣчнаго мира». (A plan for a perpetual and universal peace). На глазахъ Бентама началась и кончилась ожесточенная борьба Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за независимость. Извѣстно, что многіе англичане открыто выражали сочувствіе возставшимъ колоніямъ. Великій Питтъ, графъ Чатамъ, сказалъ въ парламентѣ, что онъ очень радъ, что Америка устояла въ борьбѣ, такъ какъ духъ, руководившій сподвижниками Вашингтона,—есть тотъ же духъ, который создалъ англійскую свободу.

Бентамъ раздѣлялъ воззрѣніе Чатама и смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на братоубійственную распрю за океаномъ, въ которую вмѣшалась Франція.

Войны изъ за колоній стоили всѣмъ народамъ много силъ въ теченіи полутораста лѣтъ, предшествовавшихъ рожденію Бентама. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ условіемъ для достиженія вѣчнаго мира освобожденіе всѣхъ колоній отъ власти метрополіи. Вторую причину войны онъ видѣлъ въ большихъ постоянныхъ арміяхъ, ставшихъ въ рукахъ Людовика XIV и Фридриха II элементами, побуждающими къ захватамъ, ничѣмъ неоправдываемымъ, или къ грубымъ нарушеніямъ безопасности слабыхъ сосѣдей. Когда европейскія государства бросятъ колоніи и уменьшатъ арміи, тогда должно учредить постоянный конгрессъ изъ представителей европейскихъ государствъ для рѣшенія международныхъ споровъ. Конгрессъ распоряжается международными войсками, составленными изъ небольшихъ контингентовъ отъ каждаго государства. Конгрессу кромѣ того даруется право исключенія изъ союза государствъ, не повинующихся его приговорамъ.

Ту націю, которая начнетъ дѣло разоруженія, ожидаетъ, по словамъ Бентама, высшая безсмертная слава.

Настала пора революціонныхъ войнъ. Французская гегемонія, идея общей федераціи, призывъ народовъ къ миру послѣ ряда побѣдъ надъ противниками Франціи, изъ области книгъ, проектовъ, воззваній и пропаганды перешли въ область дѣйствительности. Парижскій конвентъ, отразивъ нашествіе и двинувъ свои арміи въ Бельгію, Швейцарію, на Рейнъ, въ Италію — объявилъ, что воюетъ съ тиранами во имя правъ человѣка. Когда тираны будутъ сокрушены, всѣ націи могутъ образовать республики по образцу Франціи, въ союзѣ съ нею, или просто могутъ соединиться съ нею. Революціонныя арміи и революціонныя прокламаціи имѣли сходство, по своимъ идеальнымъ цѣлямъ, съ планомъ Генриха IV. По стремительности, агрессивная политика Конвента походила на Людовика XIV съ его реюньонными камерами.

Предсказаніе Руссо, о роли революціи въ установленіи большой европейской лиги, какъ будто сбывалось. Все предпринималось въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ не могли и мечтать ни Генрихъ IV, ни Людовикъ XIV, ни аббатъ Сен-Піеръ. Вмѣсто охраны христіанской вѣротерпимости провозглашали полную свободу совѣсти. Арміи, собранныя противъ Австріи и ея союзниковъ въ десять разъ превосходили силы, организованныя Сюлли и Лувуа. Расширеніе могущества Франціи перешло далеко за предѣлы захватовъ, о которыхъ мечтали ея короли. Были присоединены: Бельгія, всѣ земли между Мозелемъ и Рейномъ (въ томъ числѣ и Кельнъ), Савойя, Ницца, Туринъ и Генуя. Былъ образованъ рядъ республикъ по образцу и подъ патрона-

томъ République-Mère»: Батавская въ Голландіи, Гельветическая въ Швейцаріи, Парѳенопейская, Римская, Цизальпинская и Лигурійская въ Италіи. Французскіе законы были введены повсемѣстно. При отмѣнѣ прежнихъ порядковъ не дѣлалось никакого различія между Голландіей и Швейцаріей, съ ихъ древними республиканскими вольностями, Миланомъ, Неаполемъ и Римомъ—съ ихъ мертвящимъ деспотизмомъ, Генуей – съ ея своеобразной олигархіей. Всѣмъ дарована была одинаковая конституція, весьма схожая съ французской. Въ глазахъ пылкихъ патріотовъ будущее представлялось въ видѣ постепеннаго превращенія Европы, избавленной отъ власти «тирановъ», въ союзъ большихъ и малыхъ республикъ. Вѣчный миръ долженъ настать, когда военная сила все болѣе расширяющагося союза освобожденныхъ націй кончитъ свою миссію. Ядромъ всепобѣждающей силы должна была остаться армія Франціи, а руководство революціоннымъ нашествіемъ принадлежать Парижу.

Событія послѣдняго года XVIII вѣка положили конецъ столь розовымъ иллюзіямъ. Въ Швейцаріи вспыхнуло возстаніе, которое не безъ труда было подавлено войсками генерала Массены, защищавшаго юнную Гельветическую республику противъ австрійцевъ и русскихъ. Въ Италію вступилъ Суворовъ и разбилъ французовъ въ рядѣ сраженій. Цезальпинская республика была уничтожена. Когда французскія войска оставили Неаполь и Римѣ, спѣша на сѣверъ на помощь арміи, вытѣсненной изъ Ломбардіи и Піемонта, то чернь южной Италіи возстала за короля и папу; еще двѣ эфемерныя республики исчезли. Окончательный ударъ всѣмъ надеждамъ на приближеніе золотого вѣка мира и свободы былъ нанесенъ Наполеономъ. Снова побѣдивъ монархическую коалицію, онъ не пощадилъ слабыхъ союзниковъ. Голландіи и Швейцаріи было предписано

принять конституцію, приспособленную къ деспотическому управленію перваго консула.

Цизальпинская республика была возстановлена и переименована въ Италіанскую. Депутаты были вызваны въ Ліонъ и тамъ узнали, что президентомъ республики будетъ генералъ Бонапартъ. Между Италіей и Швейцаріей образована отдѣльная республика, Валисъ, вскорѣ потерявшая свою самостоятельность въ наказаніе за неисправное содержаніе Симплонскаго шоссе.

Когда консульство превратилось въ Имперію только Гельветическій союзъ сохранилъ свою номинальную независимость. Въ Италіи, на Рейнѣ, въ Голландіи были образованы фамильные удѣлы самого Наполеона и его родственниковъ, въ видѣ королевствъ, герцогствъ и княжествъ.

Войны Наполеона имѣли цѣлью, по заявленію самого завоевателя, новое устройство Европы. Вмѣсто стремленій, связанныхъ съ революціоннымъ освободительнымъ движеніемъ, Наполеонъ желалъ, будто бы, достигнуть вѣчнаго мира основаніемъ союза европейскихъ народовъ, подъ эгидою французской Имперіи. Націи, сначала побѣжденныя, не замедлили бы получить блага условной нсзависимости и полнаго мира. 22 апрѣля 1815 г. Наполеонъ объявилъ (Préambule de l'Acte Additionnel), что война велась ради устройства большой европейской федеративной системы, которую императоръ считалъ согласной съ духомъ вѣка и «favorable à la civilisation».

Нужно было только закончить дѣло, сломивъ сопротивленіе Россіи и Англіи.

Если бы походъ 1812 г. удался, Англія принуждена была бы покориться. Пораженіе и гибель великой арміи слѣдовательно были несчастьемъ не только для Франціи, но для всего человѣчества.

На островѣ Св. Елены Наполеонъ писалъ, что война

1812 г. должна считаться наиболѣе народною («populaire») изъ всѣхъ войнъ новыхъ временъ; «c'était la guerre du bon sens et des vrais interêts, celle du repos et de la sécurité de tous; elle était purement pacifique et conservatrice».

Настали бы общее благополучіе и безопасность. Политическая система Европы была бы упрочена. Нужно было бы только создать организацію. Собраніе государей полюбовно рѣшило бы всѣ дѣла націй.

«Европа представляла бы такимъ образомъ по истинѣ одинъ народъ. Я бы выговорилъ, чтобы... постоянныя арміи были уменьшены, съ оставленіемъ силы, достаточной только для охраны особъ монарховъ... границы Франціи я провозгласилъ бы неизмѣнными.

«Сколько крови... въ будущемъ будетъ пролито для достиженія этого блага, которое я хотѣлъ даровать человѣчеству» (Mémorial de Sainte-Hélène).

«Чтобы связать европейскій союзъ, говорилъ Наполеонъ III *), Императоръ заставилъ бы принять общій европейскій кодексъ и учредилъ бы кассаціонный европейскій судъ. Единство монеты, вѣса, мѣръ, единство законовъ были бы достигнуты властной иниціативой».

Искренность Наполеона I весьма сомнительна. Если бы Россія и Англія обратились въ его вассаловъ, то надо было ожидать обширныхъ предпріятій на Востокѣ, гдѣ ненасытное честолюбіе рисовало ему планы высочайшаго могущества. Даже если дать полную вѣру всѣмъ обѣщаніямъ «Acte Additionnele» и «Mémorial» — ex post facto — если допустить возможность полнаго пораженія Россіи и Англіи, вѣроятность осуществленія Наполеоновской европейской лиги и наступленіе поры всеобщаго мира послѣ 1812 г. нисколько не увеличивается.

---

*) Des idées napoléoniennes. Ch. V.

Громадная сила Наполеоновскаго господства, выросшая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, несла въ самой себѣ вѣрную, ничѣмъ не отвратимую, гибель. Если Наполеонъ, покоряя Европу, шелъ къ вѣчному миру, то чѣмъ ближе онъ подвигался къ цѣли, тѣмъ больше возрастало число тѣхъ, которые готовы были всѣмъ рискнуть, но ополчиться на общаго притѣснителя. Всѣ сословія, всѣ партіи, государи и народы, арміи и кабинеты, дворяне и купцы, свободные мыслители и испанское духовенство—соединились дружно въ общемъ чувствѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ малодушныхъ германскихъ князей и обманутой польской шляхты, у Наполеона не было искреннихъ союзниковъ. Меттернихъ и Каннингъ, неаполитанскій Бурбонъ и севильскіе либералы, датчане и португальцы стали чувствовать взаимныя симпатіи.

Нашествіе „двунадесяти языковъ“ показало, что походы Суворова въ Италію, Аустерлицъ и Эйлау были прелюдіей къ отечественной войнѣ; военачальникъ, побѣжденный при Требіи, осаждалъ Ригу; противникъ Кутузова при Кремсѣ на Дунаѣ оказался семь лѣтъ спустя военнымъ губернаторомъ сожженной Москвы; одни и тѣ же маршалы сражались подъ Фридландомъ и Бородинымъ. Всякая политика оказалась цѣлесообразной и популярной, кромѣ союза съ Наполеономъ. Едва его престижъ пошатнулся, его собственныя креатуры измѣнили ему.

Немало разочарованій принесло время между взятіемъ Бастиліи и Ватерлоо. Событія приснопамятной эпохи дали грядущимъ поколѣніямъ великій урокъ, за который заплочено слишкомъ дорого, чтобы можно было его забыть.

Въ самосознаніи народовъ и въ убѣжденіи мыслителей безусловно и навсегда осуждено было насиліе, какъ путь къ вѣчному миру. Упованія дѣятелей Кон-

вента и посмертныя грезы Наполеона, независимо отъ того, сколько осуществимости и искренности было въ тѣхъ и другихъ, слились въ понятіи англичанъ, германцевъ, испанцевъ, русскихъ, голландцевъ съ бѣдствіями нашествія и съ лишеніями континентальной системы.

Ни въ какія времена не было и не будетъ такого стеченія благопріятныхъ условій для покоренія цивилизованныхъ націй энергическими и настойчивыми усиліями одной націи. Но даже въ кульминаціонный моментъ французскаго натиска проницательный наблюдатель предвидѣлъ, что земной рай Наполеона не можетъ настать,— изъ-за неодолимыхъ препятствій въ видѣ особенностей расъ, племенъ, исторіи. Принудительный миръ оказывался невозможнымъ изъ за свойствъ человѣческаго характера. Послѣ 1815 года стало яснымъ, что любой изъ плановъ прекращенія войнъ, изложенный въ трудѣ одинокаго писателя, имѣетъ большую вѣроятность осуществиться сравнительно со стремленіями создать всесвѣтную державу рядомъ побѣдъ.

Великая цѣль не достигалась матеріальнымъ принужденіемъ. Нравственное вліяніе давало больше надеждъ. Слабость мыслителя и проповѣдника оказывались преимуществомъ при отысканіи путей къ такому порядку вещей, который могъ установиться во имя добровольнаго соглашенія и мирнаго единенія независимыхъ соціальныхъ организмовъ.

Въ дни наибольшаго разлива революціоннаго потока, идея вѣчнаго мира останавливала на себѣ вниманіе великаго Кенигсбергскаго философа. Въ 1795 году появилось сочиненіе Канта „Zum ewigen Frieden“. Защищая мысль о европейской федераціи, Кантъ настаивалъ на

возможности постояннаго мира между правовыми государствами. Онъ вѣритъ, что человѣчество все болѣе и болѣе приближается къ вѣчному миру, по мѣрѣ подчиненія сношеній между людьми опредѣленнымъ законамъ. Разумъ требуетъ мира. Великая цѣль достигнется, когда дѣйствительность поднимется до требованій разума. Прогрессъ человѣчества Кантъ считаетъ аналогичнымъ съ ускорительнымъ движеніемъ. „Періоды,—говоритъ онъ,—въ которые достигаются равные успѣхи, дѣлаются все короче и короче. „Die Zeiten, in denen gleiche Fortschritte geschehen, werden immer kürzer", Наука права должна считать конечною цѣлью своею прекращеніе войнъ.

По истинѣ знаменательно, что глубокій и трезвый, анализирующій умъ творца «Критики чистаго разума» считалъ достиженіе вѣчнаго мира возможнымъ.

Его сочиненіе о вѣчномъ мирѣ содержитъ «приложеніе», гдѣ указываются тѣ средства, которыми установленный миръ будетъ обезпеченъ отъ нарушенія. Высказанныя въ „приложеніи" идеи не принадлежатъ къ тому теченію человѣческой мысли, которое мы теперь разсматриваемъ и потому мы ниже вернемся къ Канту.

Черезъ два года послѣ Канта за европейскую федерацію высказался Фихте*). Онъ отрицаетъ, чтобы какая бы то ни была война могла опредѣлять право. Правовыя отношенія между государствами могутъ установиться только въ мирномъ общеніи. Такое воззрѣніе германскаго идеалиста осуждаетъ выводы современныхъ намъ интернаціоналистовъ, считающихъ войну возстановленіемъ нарушеннаго права. Относительно мѣръ противъ нарушителя установившейся, по приложенному плану, федераціи—Фихте сходится во взгля-

*) «Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre».

дахъ съ дореволюціонными тезисами Бентама: непокорное государство лишается самостоятельности.

Федерація, по мнѣнію Фихте, должна быть заключена добровольно. Необходимо основать не союзное государство, а союзъ государствъ.

На рубежѣ двухъ столѣтій, въ годъ Маренго и Гогенлиндена, юноша Шеллингъ предсказалъ, что въ будущемъ возникнетъ правовое государство, какъ единственная цѣль историческаго процесса; произволъ исчезнетъ навсегда и наступитъ пора вѣчнаго мира, охраняемаго единымъ закономъ и единой федераціей всѣхъ государствъ («System des transcendentalen Idealismus»).

Въ суровыя времена Наполеона I государства, незыблемо стоявшія нѣсколько вѣковъ, по волѣ завоевателя рушились и возстановлялись декретами, по юридическому содержанію сходными съ дневными приказами по арміи. Сила явно попирала право. Трудно было ожидать въ такую пору мирныхъ воззрѣній. Съ паденіемъ Наполеоновской имперіи движеніе возобновляется. Послѣ заключенія парижскаго трактата являются почти одновременно два проекта международной организаціи: Сен-Симона *) и Липса **). Потребность успокоенія сказалась и въ возникновеніи первыхъ обществъ мира—въ 1815 году въ Америкѣ и въ 1816 году—въ Англіи.

Агитація въ пользу мира начинаетъ поддерживаться періодическими организованными собраніями, имѣющими конечно не малое преимущество передъ личными усиліями. Когда борьба превышаетъ силы одного поколѣнія, тогда преемство удовлетворительно обезпечивается традиціями и статутами обществъ, товариществъ, кружковъ. Начинанію столь трудному

*) О международномъ судѣ, стр. 421.

**) *Sant-Simon.* De la réorganisation de la Société Européenne. *Lips.* Der allgemeine Frieden. Проектъ Гандона появившійся въ 1807 г. есть печальный образецъ угодливости Наполеону.

было важно поставить свою дѣятельность насколько возможно внѣ случайности смерти, болѣзни, личнаго разочарованія, измѣны.

Третье общество мира образовалось въ Женевѣ въ 1830 году, т. е. въ томъ году, когда іюльская революція нанесла тяжкій ударъ союзамъ, которые заключались, подобно договорамъ въ Троппау и Лайбахѣ, съ цѣлью угнетенія и вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія отношенія слабыхъ государствъ. Революція 1830 года дала Франціи завоеванія, оказавшіяся прочнѣе захватовъ Наполеона. Французская армія предприняла только двѣ экспедиціи для взятія Антверпена и Анконы. Обѣ крѣпости были заняты временно и затѣмъ очищены. Границы Франціи не измѣнились. Но вліяніе іюльскаго переворота почувствовалось во всей Европѣ и привело вездѣ къ кореннымъ перемѣнамъ. Бельгія, освободилась и образовала нейтральное королевство. Въ Германіи, въ Ганноверѣ, Саксоніи, Брауншвейгѣ, Гессенъ-Кассельѣ деспотическая система пала. Возстаніе въ Италіи хотя и было подавлено австрійскими войсками, но освободительное движеніе пошло по тому пути, которое должно было превратить Маццини изъ изгнанника въ національнаго героя. Въ Англіи борьба за билль о реформѣ выиграла въ энергіи, когда пришло извѣстіе о торжествѣ трехцвѣтнаго знамени надъ бѣлымъ. Чуждый террора и внѣшней войны переворотъ 1830 года очистилъ преданіе о дняхъ великой революціи.

Правительства и народы перестали опасаться, что вслѣдъ за новыми идеями увидятъ французское нашествіе. Принципы 1789 года предстали тогда въ новомъ свѣтѣ. Въ самыхъ жизненныхъ вопросахъ народы почувствовали свою солидарность. Итальянецъ, которому постоянно грозила опасность переселиться въ австрійскіе казематы, богатый и образованный житель Манчестера, лишенный права голоса изъ за представительства „гни-

лого“ бурга, гейдельбергскій профессоръ, преслѣдуемый Меттернихомъ, бельгіецъ, считавшій тяжкой долей зависимость отъ Голландіи,—всѣ они считали борьбу около Тюльери и Ратуши Парижа своимъ дѣломъ. Для Германіи и Италіи французскія идеи свободы и равенства соединились теперь съ идеями національности. Не поддержанныя военной силой – идеи выиграли въ прочности и вліяніи на умы. За избавленіе отъ внутренняго гнета не приходилось платить ту цѣну, которую требовали Конвентъ и Наполеонъ—утрату политической независимости.

Безъ боязни, безъ горечи, безъ жертвъ можно было подчиняться иноземному вліянію. Іюльская революція дала Франціи болѣе прочную гегемонію въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ побѣды великой арміи дали лишь скоропреходящее преобладаніе. На англійскую почву наполеоновскіе солдаты ступали только въ качествѣ военноплѣнныхъ. Послѣ Іюльскихъ дней Франція объединила англійскую реформу съ гуманитарными стремленіями континента.

Первая революція и Имперія породили вражду и унизили Францію, пытаясь достигнуть единенія Европы съ помощью коллосальной военной силы, руководимой величайшими полководцами. Среди попытокъ установленія вѣчнаго мира эпоха съ 1792 по 1815 годъ даетъ отрицательный примѣръ. Наоборотъ 1830 годъ показалъ положительные результаты интелектуальнаго вліянія, чуждаго принужденія.

Отъ освободительныхъ народныхъ движеній къ дѣятельности *обществъ мира* переходъ нерадостный.

Попытки этихъ обществъ въ то время страдали по большей части чрезмѣрнымъ представленіемъ о силѣ своего вліянія и малой цѣлесообразностью въ выборѣ плана дѣйствій. Нѣкоторыя начинанія имѣютъ просто отпечатокъ наивности. Въ 1835 году Амери-

канское общество мира рѣшило, что война должна быть замѣнена «Court of Nations», постояннымъ или временнымъ, «по мудрому разсужденію и рѣшенію народовъ». Благотворное и столь коренное измѣненіе въ жизни человѣчества должно было быть введено мѣстной политикой Штата Массачузетсъ. Успѣхъ былъ полный. Въ Сенатѣ былъ составленъ докладъ въ пользу петиціи. Особо назначенная Коммиссія одобрила петицію, постановивъ, чтобы было послано надлежащее увѣдомленіе всѣмъ штатамъ, послѣ чего все дѣло имѣло поступить въ Конгрессъ. Сенатъ Массачузетса утвердилъ предложенія Коммиссіи. Чтобы войти въ силу, дѣло должно было перейти въ Нижнюю Палату. Но сессія была закончена. Только этому случайному недостатку времени приписывается неудача спасительнаго для всѣхъ народовъ земли проекта, не возобновленнаго, очевидно, по недоразумѣнію, когда Массачузетскіе законодатели вернулись съ каникулъ.

Въ штатѣ Мэнъ и въ штатѣ Вермонтъ подобныя же начинанія погибли, какъ разсказываетъ историкъ *) единственно вслѣдствіе «происковъ партій», имѣвшихъ таинственный интересъ въ томъ, чтобы не допускать прекращенія войнъ. Черезъ два года Массачузетская палата получила новую петицію мѣстныхъ обществъ мира, поддержанную какимъ-то литераторомъ Томсономъ. На этотъ разъ дѣло пошло дальше.

Сенатъ постановилъ большинствомъ 35 голосовъ противъ 5, а Нижняя Палата единогласно пришла къ заключенію, что «цивилизованныя государства должны уничтожить войны и учредить конгрессъ или судъ народовъ». Въ томъ же году три общества мира, замѣтивъ, надо полагать, что благопріятныя резолюціи мѣстныхъ палатъ на самомъ дѣлѣ препятствуютъ ихъ

*) Графъ Комаровскій (о международномъ судѣ).

петиціямъ дойти до федеральныхъ властей, рѣшили (что могли сдѣлать и раньше) обратиться непосредственно въ Вашингтонъ. Петиція, предлагающая учрежденіе международнаго суда (безъ принудительной власти), составлена категорично, и заключительный тезисъ поставленъ вполнѣ прямолинейно: «Если обратить вниманіе на то, съ какимъ упорствомъ народы отстаиваютъ свою честь и что они никогда не предпринимаютъ войны безъ достаточнаго основанія, то можно придти къ заключенію, что рѣшеніе международной распри, согласно съ правами, исходящее отъ авторитетнаго международнаго суда, основанное на постановленіяхъ такихъ же кодексовъ, подкрѣпленное мотивами и обращающееся лишь къ чувству народной чести и справедливости – будетъ принято благопріятно обѣими сторонами. Утверждать противоположное значитъ приписывать народамъ въ вопросахъ чести гораздо худшія свойства и намѣренія, чѣмъ даже отдѣльнымъ лицамъ».

Получивъ наивную аргументацію (исходившую изъ предположенія, что народы борятся между собою изъ за вопросовъ самолюбія и національной чести), Конгрессъ постановилъ неблагопріятное рѣшеніе на основаніи странныхъ, чтобы не сказать больше, доводовъ, приведенныхъ въ докладѣ Комитета иностранныхъ дѣлъ.

Нелѣпость доклада превосходитъ нелѣпость петиціи. Третейскій судъ между народами выставленъ *опаснымъ* учрежденіемъ. Имъ воспользуется *деспотизмъ*. Въ рукахъ честолюбцевъ судъ будетъ орудіемъ насилія. Амфиктіоніи древней Греціи, феодальные порядки и германскіе императорскіе суды послужили поводомъ докладчику показать свою эрудицію и придти къ заключенію, что вступивъ въ сношенія съ европейскими правительствами о домогательствахъ общества мира, Правительство Соединенныхъ Штатовъ можетъ создать

отношенія, при которыхъ войны будутъ часты, упорны, ужасны. Другое дѣло, если взамѣнъ губительнаго суда явится обычай прибѣгать къ «посредничеству». Тогда докладчикъ надѣется на постепенное распространеніе идеи мира.

Въ слѣдующемъ году Конгрессъ получилъ новую петицію, въ которой побѣдоносно разбивался этотъ докладъ и выяснялось, вполнѣ убѣдительно, что между третейскимъ судомъ и посредничествомъ разница не столь велика и что международный судъ и международный кодексъ не представляетъ «опасности».

Это новое ходатайство оставлено Конгрессомъ безъ разсмотрѣнія «по краткости сессіи» *).

Покуда въ Америкѣ агитація въ пользу мира неудачно пыталась перейти отъ словъ къ дѣлу, въ старой Европѣ появился трактатъ швейцарскаго профессора Сарторіуса («Organon des vollkommenen Friedens, Zürich, 1837 г.). Въ трудѣ Сарторіуса отразились всѣ положительныя и всѣ отрицательныя стороны того литературнаго и общественнаго теченія, которыя наиболѣе ярко начинаютъ проявляться въ обществахъ, митингахъ и конгрессахъ мира. Логична и плодотворна первая часть сочиненія, гдѣ доказывается, что война есть великое и абсолютное зло, избавиться отъ котораго человѣчество должно тѣмъ или другимъ путемъ.

Совершенно неосновательна другая часть, гдѣ возвѣщается государственное устройство, которое дастъ вѣчный и совершенный (vollkommenen) миръ. Международный судъ и международный кодексъ по мысли Сарторіуса, дадутъ справедливость, когда всѣ народы примутъ республиканскій образъ правленія и всѣ государства сольются въ одну всемірную представительную республику. Нѣкоторая оригинальность мысли куплена

*) Тамъ же, стр. 326.

видимо цѣною полной несбыточности. Странно читать, какъ республиканскій Völkertribunal будетъ имѣть высшій надзоръ надъ пятью мѣстными юстиціями «по числу частей свѣта»; трудно понять, какъ могъ дойти ученый профессоръ, въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, до предложенія образовать въ не особенно далекомъ будущемъ африканскій и азіатскій штаты свободнаго всесвѣтнаго народовластія съ единой судебной властью «ein eigenes ständiges Gericht». Сказочная часть труда Сарторіуса состоитъ въ попыткѣ доказать, что республиканскій строй болѣе другихъ политическихъ формъ способствуетъ сохраненію мира.

Послѣ Руссо и Канта, Сарторіусъ вновь поставилъ вопросъ о вѣроятности мира въ зависимости отъ формы правленія.

Мы видѣли выше, что въ глазахъ автора «Contrat Social» неограниченныя монархіи восемнадцатаго вѣка представлялись подозрительно-аггрессивными. Сарторіусъ видитъ гарантію мира въ одной республикѣ представительной и демократической и не довѣряетъ конституціонной монархіи. Послѣдовательный трактатъ швейцарскаго профессора и ревнителя мира навсегда останется доказательствомъ того, что никакой умъ и никакой талантъ не въ силахъ удовлетворительно защитить этотъ тезисъ. Самый глубокій и остроумный анализъ любого политическаго устройства не подвинетъ дѣла. Исторія даетъ лучшій и убѣдительный отвѣтъ. Послѣ Руссо и Канта рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ показалъ, что абсолютизмъ, конституціонная монархія, республика, (олигархическая, демократическая или федеративная) – *сами по себѣ* не заключаютъ органической необходимости миролюбія или воинственности. Существенно аггрессивный характеръ имѣла Прусская автократія до 1815 г., первая французская республика и конституціонная Англія временъ Геор-

говъ. Достаточнымъ войнолюбіемъ отличались Соединенные Штаты *). Южно-Американскія республики съ весьма различной исторіей, но довольно однородныя по демократической конституціи (весьма схожей съ Сѣверо-Американской) извѣстны всему міру кровавыми раздорами и всегда расположены напасть на слабаго сосѣда.

Наоборотъ, политику, чуждую аггрессивныхъ замысловъ, вели: Пруссія между 1815 и 1864 годами; королевство Голландія и Скандинавскія монархіи. Нейтрализованныя же государства: Бельгія и Швейцарія, послѣ франко-германской войны начали усиленно развивать вооруженія, одинаково пригодныя для обороны и для наступленія. Ни въ историческомъ прошломъ, ни въ переживаемой эпохѣ не видно почвы для признанія того или другого режима существенно мирнымъ или существенно воинственнымъ. Діалектическія разсужденія на эту тему не убѣдительны и безцѣльны.

Въ 1842 году явились два новыхъ проекта вѣчнаго мира. Marchand подробно объяснилъ, какія обширныя и коренныя измѣненія необходимы въ картѣ Европы, чтобы эта часть свѣта успокоилась отъ потрясеній. Pecqueur **) предложилъ всѣмъ народамъ слиться въ одно государство.

„Должно установить высшую юридическую власть, которая направляла бы и санкціонировала примѣненіе понудительной общественной силы съ тѣмъ, чтобы эта

---

*) Кромѣ войны за независимость, война съ Англіей 1812 г., двѣ войны съ Мексикой, междуусобная война, угрозы Наполеону III и наконецъ война съ Испаніей 1898 года.

**) Pecqueur. De la paix, de son principe et de sa réalisation. 1842. Paris.

сила дѣйствовала только во имя справедливости. Всемірная полиція (La police cosmopolite) должна замѣнить войну; высшая власть народовъ должна быть судьей-примирителемъ: полководцы должны сдѣлаться служащими и уполномоченными всемірной полиціи, а солдаты—предназначенными для поддержанія общаго мира".

Путь къ установленію такого порядка вещей несложенъ: пусть нація, считающая себя наиболѣе справедливой и наиболѣе передовой, начнетъ съ объявленія, что готова принять обязанность подчиненія международной конституціи и что приглашаетъ торжественнымъ воззваніемъ всѣ народы присоединиться къ этому неслыханному еще договору (ce pacte inouï).

Самое раздѣленіе на народы Pecqueur считаетъ остаткомъ варварства, а патріотизмъ вреднымъ и пагубнымъ чувствомъ. Человѣчество должно стремиться къ установленію единой мировой власти; самый тѣсный союзъ самостоятельныхъ народовъ есть только полумѣра, переходная ступень къ полному упраздненію національностей.

Сочиненіе Пекера произвело въ свое время впечатлѣніе. Его теоріи нельзя отказать въ послѣдовательности и смѣлости мысли, не отступившей предъ крайними выводами.

Космополитическое ученіе исходитъ изъ той же идеи, какъ и всемірная монархія. Пусть всѣ народы покорятся мнѣ, говоритъ завоеватель, и война прекратится. Пусть каждый народъ отречется отъ національности во имя общечеловѣческаго идеала, и единое государство, упрочившись, дастъ вѣчный миръ,—говоритъ проповѣдникъ-космополитъ. И тотъ и другой заблуждаются. Конечная цѣль того и другого недостижима.

Бо́льшая вѣроятность успѣха, какъ показываетъ исторія, можетъ достаться космополитической проповѣди. Свободное слово и призывъ къ добровольному возсоединенію не несутъ еще съ первыхъ шаговъ задатковъ неизбѣжной гибели, какъ вооруженная сила. Въ этомъ начинаніи, какъ и во многихъ другихъ, вдохновенная рѣчь и книга окажутся сильнѣе милліонной арміи. Но никакому генію, никакому дару убѣжденія не превозмочь трудностей на этомъ пути. Раздѣленіе на народы навсегда сохранится на землѣ.

Чувство и разумъ, любовь и эгоизмъ, безсознательные предразсудки и свободная мысль одинаково взываютъ къ необходимости національнаго самодовлѣющаго развитія.

Единое міровое правительство, въ какихъ бы формахъ ни было оно учреждено, будетъ представлять или безсиліе или гнетъ. Если децентрализація будетъ доведена до широкихъ размѣровъ, то государственная власть обратится въ статистическую инстанцію, постоянно будетъ грозить распаденіе, отчужденіе частей отъ цѣлаго будетъ увеличиваться. Всѣ страны будутъ лишены всѣхъ тѣхъ благъ, которыми правительства дарятъ каждую цивилизованную націю. Придется отказаться отъ тѣхъ соціальныхъ перемѣнъ, которыя въ будущемъ ожидаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственнаго суверенитета, перемѣнъ, которыя должны наконецъ прогнать съ лица земли матеріальныя невзгоды и духовную немощь.

Если же всесвѣтное правительство будетъ вѣдать главнѣйшими, жизненными функціями развитія народовъ, то крайній бюрократизмъ будетъ единственнымъ способомъ, которымъ будетъ проявляться государственная дѣятельность, какъ бы ни было широко развитіе представительнаго начала въ органахъ центральной власти. Только мѣры запретительнаго, ограничитель-

наго характера будутъ доводиться до конца. Вся положительная, созидательная сторона правительственнаго воздѣйствія осуждена будетъ на безплодный формализмъ. Если міръ будетъ терпѣть такой порядокъ вещей, послѣдствія будутъ гибельны.

Всемірное государство не только не принесетъ тѣхъ благъ, которыя обѣщаетъ космополитическая теорія, но и государства слишкомъ большія заключаютъ въ себѣ элементы разложенія или внутренней слабости. Англія и Россія еще не достигли, но быть можетъ недалеки уже отъ предѣловъ, за которыми увеличеніе объема пойдетъ въ ущербъ благопріятнымъ условіямъ надъ—органическаго развитія. Единство традицій, ассимиляція, присоединеніе малыхъ частей къ успѣвшему достигнуть внутренней спайки ядру, медленное возрастаніе населенія, господствующая количественно или качественно національность—смягчаютъ тягость чрезмѣрной территоріи и населенія. При противоположныхъ элементахъ, при сліяніи нѣсколькихъ, великихъ, прошлыми судьбами и народнымъ самосознаніемъ, націй, не будетъ ни одного изъ могучихъ вліяній, смягчающихъ рознь.

Идеалъ космополитизма даже для отдаленнаго будущаго обѣщаетъ быть гибельнымъ стимуломъ. Современной цивилизаціи болѣе не грозитъ опасность отъ натисковъ внѣшней грубой силы. Нѣтъ больше неизвѣстныхъ странъ, нѣтъ болѣе неизмѣримыхъ степей, откуда нахлынули бы, какъ въ минувшія времена, дикія орды, силы которыхъ могли бы преодолѣть сопротивленіе культурныхъ націй и смести цвѣтущіе города и селенія, со всѣми ихъ матеріальными и духовными сокровищами.

Опасность предвидится отъ внутреннихъ враговъ. Разъяренная нищета, подъ наущеніемъ циничныхъ и варварскихъ ученій, можетъ ополчиться разомъ на пра-

вительства, богатство, порядокъ, свободу и право. За анархіей, на развалинахъ, ею нагроможденныхъ, явится ея родной братъ— деспотизмъ.

Раздѣленіе человѣчества на самостоятельные соціальные организмы не позволитъ опустошенію или маразму охватить весь міръ. Разлитіе варварскаго потока будетъ локализировано. Культура погибнетъ во многихъ мѣстахъ, но не вездѣ и не навсегда. Если борьба за существованіе не смягчится во время и если всему зданію общественныхъ отношеній предстоитъ быть разрушеннымъ, то останется свѣтлое упованіе, что сѣмена культуры, вырванные въ одномъ мѣстѣ, сохранятся въ другомъ. Въ самыя мрачныя времена произойдетъ нѣчто аналогичное съ событіями конца восемнадцатаго вѣка. На Западѣ Европы съ одной стороны революція успѣла выродиться въ дикій терроръ, безправіе и деспотизмъ; съ другой просвѣщенный абсолютизмъ, въ борьбѣ съ новыми идеями, проявилъ невыносимый произволъ. Прибѣжищемъ угнетенныхъ правъ и угнетенной мысли явились Англія и Америка. Тамъ не было ни революціонныхъ трибуналовъ, ни шпіоновъ директоріи, ни нѣмецкихъ династовъ, ни австрійскихъ казематовъ, ни агентовъ – подстрекателей, ни испанской инквизиціи, ни префектовъ Наполеона I. Оказался пріютъ, гдѣ сошлись дворяне-легитимисты, нѣмецкіе либералы, итальянскіе рефюжіе.

Вѣра въ будущія великія судьбы человѣчества окрѣпляется сознаніемъ незыблемости благъ науки и искусствъ.

Если міру суждено перенести потрясенія, подобныя парижской коммунѣ, увеличенныя во много разъ, то нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы цивилизація рухнула разомъ повсемѣстно. Политическая независимость въ соединеніи съ естественными преградами, предохранитъ отъ гибельныхъ переворотовъ не одну націю, и драго-

цѣнныя сокровища науки и искусствъ, накопленныя въ теченіе минувшихъ вѣковъ, сохранятся. Часть образцовъ пластическихъ искусствъ конечно можетъ быть истреблена. Все остальное сохранится нетлѣннымъ.

Опасность, менѣе грозная по формѣ, но тягостная по послѣдствіямъ и гораздо болѣе правдоподобная, чѣмъ торжество анархіи, надвигается съ другой стороны. Современная жизнь, какъ указалъ авторъ «On Liberty», имѣетъ тенденцію положить уровень индивидуальной самобытности; увеличивается сходство между умами, характерами, привычками людей. Милль предостерегалъ цивилизованные народы отъ участи Китая, гдѣ цивилизація, весьма высокая въ древнѣйшія времена, мало по малу замерла, и одно поколѣніе за другимъ, въ теченіи тысячелѣтій, стало повторяться въ жизни, въ привычкахъ, въ идеалахъ.

Независимость государства, раздѣльное развитіе народовъ, составляетъ наиболѣе вѣрное препятствіе, спасительную охрану отъ подобнаго маразма. Самобытность національнаго генія и живой обмѣнъ идей между народами даютъ два оживляющія вліянія.

Личность, семья, государство и человѣчество призваны къ гармоническому развитію. Устраненіе расплывающагося объективизма и разсмотрѣніе мірового процесса съ точки зрѣнія наибольшаго блага, наибольшаго числа свободныхъ человѣческихъ существъ — совершенно необходимо для рѣшенія основныхъ вопросовъ жизни. Отношенія личности къ семьѣ служатъ первою ступенью соціальной жизни. Тотъ типъ семьи, который представляетъ страдательное подчиненіе единой главѣ, какъ показываетъ исторія и ежедневныя наблюденія, не даетъ благъ ни властелину, ни угнетеннымъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ господствуетъ взаимное уваженіе, гдѣ видно съ одной стороны преклоненіе всѣхъ предъ личной свободой каждаго и каждый считаетъ нрав-

ственнымъ долгомъ служить взаимнымъ интересамъ,— гдѣ даже воспитаніе основано на минимальныхъ стѣсненіяхъ, — тамъ семья преисполнена прочной нравственной спайки, а родственныя связи служатъ неисчерпаемымъ источникомъ жизненныхъ радостей. Отношенія личности къ государству должны исходить изъ союза свободныхъ, свободолюбивыхъ (и уважающихъ свободу другихъ) людей. Поглощеніе личности государствомъ въ концѣ концовъ ведетъ къ политической слабости, вырожденію и гибели. Сильнѣйшими, процвѣтающими и долговѣчными дѣлаются тѣ страны, гдѣ граждане являются «верховными повелителями надъ своимъ собственнымъ тѣломъ и духомъ», гдѣ поступившись частью своего достоянія и времени на общее благо, всѣ и каждый получаютъ защиту своей индивидуальной свободы. Въ наше время та же идея взаимнаго уваженія проникаетъ и въ ту область, гдѣ исключительность и попираніе чужихъ правъ считались естественными, допустимыми. Своекорыстная политика, стараніе возвысить отечество, попирая другіе народы, все менѣе признается дальновидной.

Творецъ «Фауста» показалъ, что никакія утѣхи эгоизма не могутъ дать тѣхъ наслажденій, которыя даруетъ созерцаніе плодовъ труда, беззавѣтно потраченнаго на благо ближнихъ. Счастье человѣка возможно только среди счастливыхъ и свободныхъ людей. Процвѣтаніе и могущество государствъ прочно только среди независимыхъ и дружественныхъ народовъ.

ГЛАВА V.

Значеніе событій 1848 года для международныхъ отношеній. — Агитація въ Англіи.—Восточная война.—Парижскій конгрессъ и новыя надежды.

Въ 1843 г., 22 Іюня, собрался въ Лондонѣ первый всеобщій конгрессъ мира. Съѣхались представители англійскихъ и американскихъ обществъ мира и, выбравъ предсѣдателемъ Чарльза Гиндлея, приступили къ занятіямъ. Въ результатѣ состоялись циркулярныя воззванія ко всѣмъ цивилизованнымъ правительствамъ Стараго и Новаго Свѣта (числомъ пятьдесятъ четыре). Правительства приглашались «вводить въ мирные и союзные договоры обязательство: могущія возникнуть несогласія рѣшать путемъ обращенія къ безпристрастному посредничеству. «Особая делегація представила циркуляръ королю французовъ. Чрезвычайно радушно встрѣтивъ депутатовъ, Людовикъ-Филиппъ высказалъ, что «миръ есть потребность всѣхъ народовъ и, благодаря Бога, война стоитъ теперь слишкомъ много, чтобы можно было воевать часто. Онъ увѣренъ, что настанетъ день, когда война совершенно исчезнетъ между образованными націями». Делегаты вышли изъ Тюльери, восхищенные пріемомъ. Въ этотъ день начались періодическія свиданія ревнителей мира съ представителями власти.

Наивность съ одной стороны, лицемѣріе съ другой проявлялись въ полной мѣрѣ. Только первый шагъ былъ стѣснителенъ. Дальше не было уже препятствій. Съ

1843 года установился условный ритуалъ для адресовъ и встрѣчъ въ подобныхъ случаяхъ. Прежняя робость апостоловъ мира исчезаетъ, а гордое пренебреженіе къ нимъ выходитъ изъ обычая. На паркетѣ дворцовъ, на министерскихъ пріемахъ, на страницахъ оффиціальныхъ органовъ представители конгрессовъ и обществъ мира стали встрѣчать одобрительные отзывы, изысканную вѣжливость, наилучшія пожеланія.

По внутреннему достоинству эти обмѣны пылкихъ надеждъ и льстивыхъ словъ представляли одно изъ самыхъ возмутительныхъ зрѣлищъ. Топчутся въ грязь самые лучшіе помыслы, плохо скрытая насмѣшка отдаетъ на позоръ самые святые идеалы, самыя свѣтлыя упованія.

Тотъ адресъ, который Людовикъ-Филиппъ выслушалъ de vive voix былъ отосланъ въ Америку по почтѣ. Черезъ пять лѣтъ, въ Январѣ 1848 г., секретарь „центральнаго“ Американскаго общества мира Беквитъ (Beckwith) съ товарищами представилъ лично ту же бумагу Президенту республики.

Произошла сцена, трогательно схожая съ парижскимъ пріемомъ. Президентъ замѣтилъ „делегатамъ“, что «поддержаніе мира — естественное стремленіе всѣхъ народныхъ правительствъ. Если народъ образованъ и пользуется своимъ правомъ,—онъ потребуетъ мира, необходимаго для его благоденствія».

Событія 1848 года сдѣлали для цѣлей обществъ мира гораздо больше, чѣмъ всѣ ихъ конгрессы и переговоры съ правителями государствъ. Великія народныя движенія создаютъ стремленія, недоступныя доктринерамъ. Какъ и въ 1830 году, накопившіеся повсюду горючіе матеріалы вспыхнули разомъ отъ парижской искры. Во Франціи политическое движеніе соединилась съ соціальной революціей. Въ Берлинѣ началась борьба на баррикадахъ. Въ Австріи, откуда абсолютизмъ,

устами Меттерниха, изрекалъ больше тридцати лѣтъ сряду грозныя «veto» всѣмъ народнымъ надеждамъ и подкрѣплялъ свои приговоры силою штыковъ, — въ Австріи одновременно началось возстаніе въ Вѣнѣ, Пештѣ, Прагѣ, Венеціи, Миланѣ. Франкфуртскій сеймъ уступилъ мѣсто Германскому парламенту. Пьемонтскій король выступилъ въ походъ.

Потрясенія были громадны. Смѣнившая ихъ лютая реакція могла лишь ненадолго задержать гибель осужденныхъ въ эти памятные годы учрежденій. Внимательно всматриваясь въ ходъ революціи, мы замѣчаемъ, что тѣ идеалы, ради которыхъ европейскіе народы пришли тогда въ движеніе и ниспровергли обвѣтшалые общественные устои, должны были по природѣ вещей, укрѣпить мирную связь между цивилизованными націями.

Во Франціи была провозглашена республика, основанная на всеобщей подачѣ голосовъ. За Рейномъ стали опасаться новаго революціоннаго нашествія. Опасенія были напрасны. Ни фервальское временное правительство, ни друзья Ламартина, ни друзья Кавеньяка не думали о завоеваніяхъ. Гейдельбергъ и Брюссель, Бернъ и Туринъ не увидятъ французскихъ знаменъ. Нѣмцы, итальянцы, венгры, славяне должны управиться своими силами, пользуясь даннымъ сигналомъ, но не ожидая помощи, которая, какъ показалъ горькій опытъ, способна служить угнетенію и подавленію національнаго чувства.

Въ Германіи вѣсть о паденіи Орлеанской монархіи была встрѣчена съ энтузіазмомъ. Но сочувствіе французамъ укрѣпилось только съ того дня, когда всѣ узнали, что французская армія не перейдетъ границы. Когда революція была побѣждена, а надежды патріотовъ 1848 года погибли, тогда оглядываясь назадъ, друзья и враги германскаго единства должны были, какъ надо думать, отдать справедливость сдержанности,

которая выказалась въ стихійскомъ почти порывѣ народныхъ массъ.

Когда въ Берлинѣ пришло извѣстіе о нападеніи князя Виндишгреца на Вѣну, въ прусскую палату депутатовъ, гдѣ революціонная партія имѣла большинство, внесено было предложеніе послать войска на помощь конституціонному австрійскому правительству. Предложеніе было отвергнуто; рѣшено было ограничиться приглашеніемъ франкфуртскому парламенту выступить посредникомъ между императоромъ и его подданными. Сознаніе общихъ интересовъ европейскихъ народовъ, страстный патріотизмъ соединялись съ уваженіемъ къ независимости прилегающихъ государствъ. Начало невмѣшательства, ученіе весьма новое во время Меттерниха даже для ученыхъ интернаціоналистовъ, обратилось для народа и его представителей въ неоспоримый, руководящій тезисъ.

Второй конгрессъ мира собрался въ Брюсселѣ 20, 21 и 22 сентября 1848 года подъ названіемъ „Congrès des amis de la paix universelle“ подъ предсѣдательствомъ Фишера. Иниціатива принадлежала американскому рабочему Берриту (Elihas Burrit). Пренія происходили и печатались на французскомъ языкѣ, но большинство участниковъ были англичане и сѣверо-американцы. Заключенія конгресса склонялись въ пользу необходимости точныхъ инструкцій третейскимъ судьямъ. Правительства должны, вѣщалъ конгрессъ, передавать свои споры для рѣшенія уполномоченнымъ, временнымъ или постояннымъ, образующимъ верховный международный судъ. Устройство судовъ и обязанности ихъ членовъ необходимо предвидѣть и опредѣлить въ договорахъ. Эти положенія брюссельскаго конгресса страдаютъ плачев-

ной неясностью, но по крайней мѣрѣ пренія были свободны.

Менѣе, чѣмъ годъ спустя, въ августѣ 1849 года, американецъ Берритъ и англичанинъ Генри Ричардъ устроили новый конгрессъ уже въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго. Составлена была программа, или вѣрнѣе правила, въ силу которыхъ „никакія рѣчи въ пользу войны не допускались". Чтобы объяснить столь нелѣпое ограниченіе, нужно сказать, что къ этому времени уже началъ вырабатываться шаблонный типъ рѣчей, постановленій и ходатайствъ, отступать отъ которыхъ не хотѣли иниціаторы. Живое и страстное обсужденіе могло прежде всего затянуть дѣло и затѣмъ удручить добровольныхъ делегатовъ. Требовался рядъ панегирическихъ воззваній съ заранѣе опредѣленнымъ содержаніемъ, наборъ общихъ мѣстъ, не способныхъ нарушить хорошаго расположенія духа собравшихся въ столицѣ веселья поборниковъ мира. Если кто-либо и высказывалъ оригинальную мысль, то навѣрное общій характеръ не измѣнялся.

Въ парламентахъ по крайней мѣрѣ не стѣснялась свобода преній. Мы уже говорили о томъ засѣданіи въ англійской палатѣ общинъ, 12 іюня 1849 года, гдѣ Кобденъ указывалъ, что вооруженія невыносимы. Кобденъ кромѣ того защищалъ третейское разбирательство, какъ средство къ уменьшенію войнъ. Онъ предложилъ предоставить «Ея Величеству всеподданнѣйшій адресъ» о томъ, чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ началъ переговоры съ державами о заключеніи договоровъ объ обращеніи къ третейскому разбирательству въ вопросахъ, не могущихъ быть рѣшенными «дружественными переговорами» (wihch cannot be arranged by amicable negotiation). Парламентъ пришелъ въ волненіе. Возраженія начались нѣсколькими болѣе пылкими, чѣмъ разсуди-

тельными друзьями министерства. Министръ Кокренъ объявилъ предложеніе достойнымъ смѣха. Мистеръ Уркухертъ наоборотъ находилъ, что принятіе его грозитъ гибелью сначала Англіи, а потомъ и другимъ государствамъ, которыя примкнутъ къ нему. Сторонники Кобдена распространились о безполезности и разрушительности войнъ, а мистеръ Hobhouse рѣшительно объявилъ, что третейскій судъ есть только первый шагъ къ федераціи Европы, по мысли Генриха IV. Наконецъ всталъ лордъ Пальмерстонъ. Свою рѣчь онъ началъ увѣреніемъ, что питаетъ величайшее отвращеніе къ войнѣ. Но по его мнѣнію, предлагаемое Кобденомъ средство — третейскій судъ — именно для Англіи, больше, чѣмъ для другихъ націй, оказывается опаснымъ. При третейскомъ разбирательствѣ, спрашивалъ онъ Палату, кому можно довѣрить британскіе интересы? По своему политическому и торговому положенію, по своимъ вѣчнымъ столкновеніямъ съ большинствомъ народовъ, Англія естественно часто вызываетъ непріязнь. Англію боятся. Англіи завидуютъ. Трудно для ея правительства пріискать другое правительство или частное лицо, которое безпристрастно постановило бы третейское рѣшеніе. Единственную возможную форму примирительнаго направленія спорныхъ дѣлъ лордъ Пальмерстонъ видѣлъ въ посредничествѣ, которому надо желать возможно болѣе частаго примѣненія.

Въ Палатѣ не больше третьей части членовъ дослушали пренія до конца. Въ голосованіи участвовали 273 коммонера. Изъ нихъ 176 выступили противъ Кобдена и предложеніе было отклонено.

Лѣтомъ 1851 года открылась въ Лондонѣ первая всемірная выставка. Новизна и блескъ всесвѣтнаго мирнаго соревнованія произвели большое впечатлѣніе. Общества мира рѣшились воспользоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и созвать новый конгрессъ.

Громадную залу Exeter Hall наполняли 22, 23 и 24 іюля больше трехъ тысячъ участниковъ и зрителей. Тридцать одно общество мира Америки прислали делегатовъ; шесть духовныхъ корпорацій имѣли оффиціальныхъ представителей; присутствовали двадцать два члена англійскаго парламента. Послѣ трехдневнаго состязанія въ краснорѣчіи, конгрессъ, при оглушительныхъ аплодисментахъ, пришелъ къ слѣдующей резолюціи:

1) Вмѣняется въ обязанность всѣмъ духовнымъ сановникамъ, наставникамъ юношества, писателямъ и публицистамъ употребить все свое вліяніе для пропаганды началъ мира и искорененія изъ человѣческаго сердца наслѣдственной, политической и промышленной вражды, служившей источникомъ столь многихъ опустошительныхъ войнъ;

2) въ случаѣ споровъ, таковые да будутъ оканчиваться миролюбиво и да вмѣнится въ непремѣнный долгъ правительствамъ подчиняться третейскому рѣшенію компетентныхъ и безпристрастныхъ судей;

3) постоянныя арміи, которыя, одновременно съ заявленіями, исполненными мира и дружбы, порождали при каждомъ несогласіи между народами чувства безпокойства и возбужденія, были причиной несправедливыхъ войнъ, народныхъ страданій, разстройства государственныхъ финансовъ, должны быть уничтожены; конгрессъ настаивалъ на необходимости вступить на путь разоруженія;

4) конгрессъ осуждаетъ займы, выпускаемые съ цѣлью веденія войны и поддержанія разорительныхъ вооруженій;

5) конгрессъ осуждаетъ всякое вмѣшательство, въ видѣ вооруженной силы или посредствомъ угрозъ, во внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ; ибо каждый народъ долженъ свободно рѣшать свои дѣла;

6) конгрессъ приглашаетъ всѣхъ друзей мира вліі-

ять на общественное мнѣніе своего отечества съ тѣмъ, чтобы достигнуть улучшенія международнаго права;

7) конгрессъ осуждаетъ систему нападеній и насилій, примѣняемую цивилизованными народами къ полудикимъ племенамъ; таковыя насильственныя дѣйствія должны быть признаны противными религіи, цивилизаціи и торговымъ интересамъ;

8) признавая, что лучшее средство обезпечить и облегчить миръ состоитъ въ умноженіи и облегченіи мирныхъ сношеній между народами, конгрессъ выражаетъ свое глубокое сочувствіе той великой идеѣ, которая привела къ устройству Всемірной выставки.

Переворотъ 2 декабря того же года во Франціи и послѣдовавшее за нимъ воцареніе новаго Наполеона должны были укрѣпить свѣтлое настроеніе лондонскихъ гостей. Новый императоръ, объѣзжая государство, сказалъ въ Бордо, вскорѣ послѣ принятія титула, знаменитую рѣчь: «Нѣкоторые говорятъ, что имперія — это война. Я же говорю, что имперія—это миръ («L'Empire c'est la paix»); потому что Франція желаетъ мира; а когда Франція довольна, весь остальной міръ спокоенъ. Намъ предстоитъ еще обрабатывать обширныя территоріи, открыть новые пути, устроить новыя гавани, довести до конца сѣть желѣзныхъ дорогъ; мы должны установить сообщеніе съ Америкой черезъ всѣ наши большіе западные порты и увеличить быстроту передвиженія между ними. Мы видимъ предъ собою развалины, которыя мы должны возстановить, фальшивыхъ боговъ, которыхъ мы должны ниспровергнуть, истины, которыя мы должны заставить признать. Вотъ что я понималъ подъ именемъ Имперіи; вотъ побѣды, къ которымъ я стремлюсь».

Почти одновременно съ этой рѣчью Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ (въ Февралѣ 1853 г.) обратился къ президенту съ посланіемъ, рекомендуя предвидѣть въ бу-

дущихъ договорахъ третейское разбирательство, вводя такое условіе «насколько окажется возможнымъ». Оговорка, показывающая, что рядомъ съ желаніемъ удовлетворить общества мира, не считали нужнымъ стѣснять дипломатовъ.

Приближалось время, когда всѣ должни были познать цѣну этихъ постановленій, рѣчей, заявленій и воззрѣній. Распря между Россіей съ одной стороны, Турціей, Франціей и Англіей съ другой, могла бы и не начинаться, если бы дипломаты думали больше объ интересахъ своей родины, чѣмъ о личныхъ успѣхахъ и блескѣ своей карьеры.

Ни Николай I, ни англійскій премьеръ не желали войны. Когда представители четырехъ державъ съѣхались въ Вѣнѣ и составили извѣстную ноту 28 Іюля, принятую Россіей, все обѣщало мирный конецъ дѣла. Потомъ опять неожиданно начались пререканія и отношенія все болѣе обострялись. Споръ, грозившій перейти въ войну, какъ бы предназначенъ былъ, по сущности своей, для полюбовнаго разбирательства, тѣмъ болѣе для третейскаго суда. Воевать повидимому никто не хотѣлъ. Султана до послѣдней минуты не покидали сомнѣнія на счетъ его союзниковъ. Николай I съ самаго начала желалъ уладить дѣло по соглашенію съ Англіей, не безъ основанія разсчитывая на старую симпатію лорда Абердина къ Россіи. Наполеонъ III только къ концу года сталъ находить выгоды въ наступательномъ союзѣ съ Англіей и въ побѣдахъ на Востокѣ; раньше его династическая дальновидность удовлетворилась бы крупнымъ дипломатическимъ успѣхомъ. Не смотря на это, въ послѣдніе критическіе дни, проявились тѣ качества дипломатовъ и тѣ особенности кабинетныхъ переговоровъ, которыя, наперекоръ здравому смыслу, создали безвыходное положеніе, запутали дѣло и превратили непріязнь въ ожесточеніе.

Всего печальнѣе поучительное сплетеніе причинъ, приведшихъ къ войнѣ Англію. Въ 1853 году рѣшительнаго парламентскаго большинства не было ни у виговъ, ни у торіевъ. Страной управляло коалиціонное министерство, во главѣ котораго стоялъ Нобльменъ, начавшій свою карьеру въ 1814 г. миссіей въ лагерь русской арміи и пользовавшійся уже тогда дружбой великаго князя Николая Павловича, дружбой еще болѣе скрѣпленной въ 1844 году, — во время Высочайшаго посѣщенія Лондона.

Законныя власти Англіи были за миръ. Темныя вліянія и тайныя подстрекательства были за войну. Лордъ Пальмерстонъ занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Не неся прямой отвѣтственности за иностранную политику, онъ беззастѣнчиво подстрекалъ главу Foreign Office, лорда Кларендона, на такія дѣйствія, на такія заявленія, на такія назначенія, которыя раздражали русское правительство и возбуждали турецкій шовинизмъ. «Величайшее отвращеніе и даже ужасъ къ войнѣ, которые Пальмерстонъ высказалъ при преніяхъ о биллѣ Кобдена, оказались въ той же степени правдивы, какъ и фраза: «l'Empire c'est la paix». Еще менѣе отвѣтственнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ былъ принцъ-супругъ, находившій, что пора было взяться за мечъ. Но истинно злымъ геніемъ выступилъ британскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Стаффордъ Редклифъ. Онъ съумѣлъ уговорить князя Меньшикова отдѣлить вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ отъ вопроса о протекторатѣ надъ христіанами. Это дало возможность выставить передъ представителями другихъ державъ, что Россія имѣетъ намѣреніе посягнуть на независимость Порты. Онъ поощрялъ турокъ отвергнуть русскія требованія. Онъ убѣдилъ лорда Абердина, что передвиженіе мальтійскаго флота въ Безикскую бухту оста-

нется простой демонстраціей. При помощи дворовъ парижскаго и вѣнскаго онъ получилъ флотъ въ свое распоряженіе. Послѣ занятія русскими Валахіи, онъ подстрекалъ турокъ перейти Дунай. Затѣмъ онъ перевелъ часть эскадры въ Константинополь, подъ предлогомъ охраны европейцевъ отъ турецкой черни. А когда за нападеніемъ Омера-Паши на русскія позиціи послѣдовало уничтоженіе турецкаго флота при Синопѣ, лордъ Стаффордъ объявилъ, что нанесено страшное оскорбленіе англійскому флагу, на томъ основаніи, что Синопъ былъ неподалеку отъ Дарданеллъ, которыя къ тому времени миновали уже британская и французская эскадры. Въ Англіи партіи войны оставалось только воспользоваться дѣятельностью дипломатіи. Англійскому народу было объявлено, что честь и интересы ихъ отечества попираются, что упорство Россіи довело до необходимости послать въ Петербургъ ультиматумъ, что ультиматумъ оставленъ безъ отвѣта. Пресса забила тревогу; «общественное мнѣніе» объявило войну неизбѣжною; парламентъ выразилъ довѣріе и далъ деньги; а народъ согласился платить, терпѣть и умирать.

Исторія признала безполезною начавшуюся кровопролитную войну. Исторія можетъ и занести испытанныя Англіей тяготы, какъ великій урокъ. Свободный народъ былъ втянутъ въ войну по интригамъ своихъ заграничныхъ агентовъ и закулисными придворными кознями. И то, и другое оказалось возможнымъ, вслѣдствіе нелѣпыхъ традицій, которыя позволяютъ важнѣйшіе дипломатическіе переговоры вести въ тайнѣ, а въ докладахъ, представляемыхъ палатамъ подъ именемъ синихъ, зеленыхъ и желтыхъ книгъ, допускать умалчиванія и пропуски, граничащіе съ подлогомъ. Благодаря тайнѣ, плохой дисциплинѣ, безотвѣтственности и обманамъ, — дипломаты оказываются для народа опаснѣе деспотическаго правленія.

Въ настоящее время опасность самовольныхъ заграничныхъ интригъ къ счастью уменьшается, съ улучшеніемъ сообщеній. Желѣзныя дороги и въ особенности телеграфъ обязываютъ посланниковъ быть въ ежечасномъ, можно сказать, сношеніи съ центральною властью. При какихъ либо осложненіяхъ—можно регулировать депешами, инструкціями, весь ходъ переговоровъ. Можетъ быть Крымской войны не было бы, если бы въ 1853 году проволока связывала Босфоръ съ берегами Темзы. Надежнѣйшимъ обезпеченіемъ должна служить полная гласность. Династическіе интересы исчезаютъ изъ политики, а интересы народа не нуждаются въ тайнѣ. Когда всеобщій миръ изъ химеры превратится въ близкую возможность, тогда никто не позволитъ, чтобы, по вредной традиціи, тайна покрывала международные переговоры.

По мѣрѣ того какъ война надвигалась, заявленія и петиціи англійскихъ обществъ мира слабѣли. Къ 27 Марту эти протесты совершенно смолкли.

Остался одинъ человѣкъ, билось одно сердце, не уступавшее до конца, во имя девиза «be just and fear not» (будь справедливъ и не бойся). На Эдинбургскомъ митингѣ въ Октябрѣ 1853 года раздалась безстрашная рѣчь Джона Брайта.

«Слушайте-же: если вы ввяжетесь въ войну, то, пожалуй, ваши церкви и соборы украсятся многими знаменами. Англичане будутъ драться и теперь также, какъ всегда, и высылать въ поле новыхъ героевъ станетъ весьма легкимъ дѣломъ, когда вся страна будетъ взволнована и одурачена. У васъ явятся великіе полководцы, у васъ будетъ другой Велингтонъ, другой Нельсонъ, потому что здѣсь родятся люди, способные на всякое предпріятіе. Вы станете расточать почести и пенсіи, настроите мраморныхъ монументовъ для увѣковѣченія людей, сдѣлавшихся великими. Но что ста-

нется съ вами, съ вашей родиной, съ вашими дѣтьми... Кто жилъ съ 1815 до 1822 года тотъ припоминаетъ, что никогда страна не находилась въ такомъ напряженномъ положеніи, какъ въ эту эпоху. Бѣдствія рабочаго класса превзошли всякое описаніе . . . . . Вы называете себя христіанской націей... Между вами родилась великая мысль озарить всю землю, до самыхъ отдаленныхъ и мрачныхъ ея концовъ, свѣтомъ религіи, каждая страница которой написана словами мира. Въ предѣлахъ одного этого острова каждую субботу двадцать тысячъ храмовъ открываются для всѣхъ стекающихся принести моленіе Господу мира.

Такъ-ли это? Или ваше христіанство — безсодержательный призракъ, ваша религія — мечта?...

Когда война была рѣшена и всѣ митинги и собранія обществъ мира прекратились, тотъ же ораторъ сказалъ въ англійскомъ парламентѣ:

«Мнѣ говорятъ, что война популярна, что глупо и эксцентрично противиться ей. Я сомнѣваюсь, чтобы войны были очень популярны въ этой палатѣ, но во всякомъ случаѣ позвольте васъ спросить, было ли когда что популярнѣе войны съ Американскими колоніями? Недавно еще жили въ Манчестерѣ люди, видѣвшіе въ своей юности, какъ вербовщики рекрутовъ ходили толпами по улицамъ города, въ сопровожденіи духовенства, которое въ полномъ облаченіи уговаривало народъ идти въ военную службу для усмиренія мятежниковъ въ американскихъ колоніяхъ. Но что же сталось съ популярностью этой гибельной, позорной войны, и будетъ ли теперь хоть одинъ человѣкъ ее защищать?... Точно также была ли война популярнѣе французской войны?... Что касается меня, то мнѣ рѣшительно все равно, популярны-ли мои дѣйствія въ парламентѣ или нѣтъ. Я забочусь только о томъ, чтобы онѣ были разумны и справедливы въ отношеніи основныхъ инте-

ресовъ моего отечества. Я отъ глубины души презираю всякаго, кто говоритъ въ пользу этой или какой-либо другой войны, избѣгнуть которой онъ считаетъ невозможнымъ лишь потому, что печать и часть общества поддерживаютъ правительство въ этомъ нечестивомъ дѣлѣ».

Во время преній по военнымъ кредитамъ лордъ Пальмерстонъ хотѣлъ смертельно поразить одинокаго врага и язвительно замѣтилъ: «что квакерское миролюбіе не составляетъ главной задачи государственныхъ людей». Онъ услышалъ слѣдующій отвѣтъ, который исторія сохранитъ навсегда:

«Я не государственный человѣкъ и никогда не имѣлъ претензій быть государственнымъ человѣкомъ; это званіе стало въ наше время слишкомъ двусмысленнымъ и запятнаннымъ, чтобы честный человѣкъ могъ къ нему стремиться. Я не пользовался въ теченіи тридцати лѣтъ, подобно благородному лорду, почестями и крупнымъ содержаніемъ, доставляемымъ государственной службой. Я не шелъ всюду, куда дулъ попутный вѣтеръ. Я — простой гражданинъ, присланный сюда однимъ изъ первыхъ избирательныхъ округовъ государства и представляю, быть можетъ, слабо, но честно, мнѣнія многихъ и истинные интересы всѣхъ моихъ избирателей. Не думайте, что я одинъ осуждаю эту войну и наше неспособное, преступное правительство. Но если бы я и былъ одинъ, если бы мой голосъ одиноко раздавался среди бряцанія оружія и возгласовъ подкупной печати, то я все же утѣшился бы мыслью, что я ни однимъ словомъ не содѣйствовалъ разоренію своей страны и пролитію крови моихъ соотечественниковъ».

Какъ западали въ сердца эти простыя, полныя любви, слова, можно было судить по той ненависти, которая загорѣлась къ неутомимому оппоненту среди воинствующей партіи. Въ то время, когда спокойствіе

всѣхъ членовъ общества мира ничѣмъ не нарушалось, изображеніе Джона Брайта торжественно было сожжено въ Манчестерѣ въ ноябрѣ 1854 года; а подъ градомъ клеветъ, оскорбленій и издѣвательствъ его крѣпкое здоровье пошатнулось, и онъ долженъ былъ на время покинуть родину и искать успокоенія среди швейцарскихъ горъ и итальянскихъ озеръ.

Севастопольская эпопея развертывалась предъ глазами Европы. Разбитыя надежды на третейское разбирательство побудили искать какихъ-либо новыхъ видовъ международной юстиціи. Профессоръ Боннскаго университета Кауфманъ выпустилъ въ 1855 году брошюру: «Die Idee und der praktische nutzen einer Welt-Akademie des Völkerrechts». Отчаявшись въ возможности судебной инстанціи на международной почвѣ, Кауфманъ предложилъ учредить «всемірную академію международнаго права», въ видѣ совѣта изъ ученыхъ разныхъ странъ для «познанія и провозглашенія права». Первоначальный составъ «академіи» опредѣлялся изъ 36 человѣкъ, по 12 отъ Франціи, Англіи и Германіи, изъ числа «первоклассныхъ талантовъ» по международному праву.

Впослѣдствіи къ участію въ академіи должны допускаться и другія націи. Академія должна: 1) вообще заботиться о распространеніи и развитіи международнаго права; 2) составить международный кодексъ и 3) предотвращая войны между пятью державами, разрѣшать ихъ споры и провозглашать свои рѣшенія, которыя, по мнѣнію автора, будутъ имѣть поддержку въ общественномъ мнѣніи.

«Не обладая никакимъ земнымъ могуществомъ, академія и не ограничиваетъ матеріальной силы государствъ. Свое мнѣніе она высказываетъ либо по собственной иниціативѣ, либо по приглашенію правительствъ. Рѣшенія ея, которыя вмѣстѣ съ мотивами

печатаются, исполняются заинтересованными государствами, по ихъ усмотрѣнію».

Проектъ, предложенный боннскимъ профессоромъ во время военныхъ событій 1855 года можно считать первымъ проявленіемъ идеи, которая впослѣдствіи выразилась въ учрежденіи Института Международнаго Права. Какъ средство къ умиротворенію Европы, академія Кауфмана не выдерживала критики. Только лишній разъ выяснилось, въ назиданіе будущихъ ревнителей того же дѣла, къ какой прискорбной несостоятельности приводитъ игнорированіе политическаго уклада и узкое доктринерство. Соединенные Штаты «за отдаленностью», Россія за «отсталостью» — исключены изъ «всесвѣтной академіи». За то германскій союзъ представленъ однороднымъ составомъ двѣнадцати нѣмцевъ, выбираемыхъ, надо полагать, франкфуртскимъ сеймомъ, собраніемъ, пользовавшимся ненавистью всѣхъ лучшихъ людей Германіи и презрѣніемъ тѣхъ, кто его возстановилъ въ 1850 году.

Интересно знать, какую роль должны были играть двѣнадцать нѣмецкихъ депутатовъ при столкновеніи интересовъ Австріи и Пруссіи, кончившихся въ свое время войною?

Общества мира, не подававшія признаковъ жизни, заявили о себѣ, когда война окончилась и въ Парижѣ собрался конгрессъ. Собраніе это возбудило большія надежды по своему международному характеру и до сихъ поръ пользуется благосклонностью интернаціоналистовъ.

На самомъ дѣлѣ торжественная обстановка и громкія фразы прикрывали рядъ безполезныхъ, неисполнимыхъ и нелѣпыхъ постановленій. Нейтрализація Чернаго моря — запрещеніе держать военные корабли въ его водахъ и возводить укрѣпленія на его берегахъ — зиждились на томъ предположеніи, что Россія поми-

рится съ унизительнымъ и тяжелымъ ограниченіемъ ея вѣковыхъ правъ.

Устраненіе державъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи и совокупная гарантія цѣлости и независимости «Блистательной Порты» явились слѣдствіемъ слѣпой вѣры въ фирманъ, который объявилъ султанъ «въ своей неусыпной заботливости о благѣ своихъ подданныхъ», — фирманъ, «высказывавшій великодушныя намѣренія Его Величества относительно христіанскаго населенія имперіи».

Едва умѣстились на трехъ страницахъ обѣщанія Порты. Одно изъ нихъ вскорѣ было сдержано. «Для достиженія этихъ цѣлей должны быть изысканы средства воспользоваться наукою, искусствомъ и фондами Европы»: фондами Турція воспользовалась.

Дунайскія княжества, послужившія главнымъ предметомъ раздора, были поставлены подъ просвѣщенный протекторатъ Порты. Молдавія была отдѣлена отъ Валахіи.

Выработавъ столь долговѣчныя положенія, дипломаты почувствовали приливъ силъ. Они рѣшили воспользоваться своимъ международнымъ характеромъ. Торговля рабами вызывала всеобщее осужденіе. Право морской войны было пересмотрѣно. Каперство было отмѣнено. «La course est et demeure abolie». Частная собственность въ морѣ, во время войны могла быть добычей непріятельскихъ военныхъ судовъ, но не вольныхъ каперовъ, снабженныхъ свидѣтельствомъ на право захвата. Отъ Великобританіи добились согласія на отказъ отъ такъ называемаго «права осмотра». Англія всегда требовала для себя право захватывать въ открытомъ морѣ непріятельскіе товары, хотя бы они находились на нейтральныхъ судахъ и обыскивать съ этою цѣлью торговые корабли нейтральныхъ государствъ,— и всегда пользовалась этимъ правомъ. Было

единогласно постановлено, что всѣ непріятельскіе товары, исключая, конечно, военной контрабанды, не подлежатъ захвату, пока находятся подъ охраной нейтральнаго флага. Нейтральные товары, найденные на непріятельскомъ кораблѣ, также не могли быть захвачены.

Парижскій конгрессъ своими постановленіями открылъ кодификацію болѣе мягкихъ обычаевъ войны. Иногда высказываются надежды, что добровольныя ограниченія, налагаемыя на себя воюющими, приближаютъ насъ къ вѣчному миру. Мы считаемъ, что никогда не было болѣе вредныхъ иллюзій. Бѣдствія войны смягчаются не потому, что гуманность преобладаетъ надъ своекорыстіемъ, а въ силу того, что своекорыстіе взяло верхъ надъ дикими инстинктами.

Въ современныхъ войнахъ нѣтъ уже той безсознательной всеистребляющей ненависти, которая проявлялась въ древности. Врагу желаютъ какъ можно больше внушить страха и какъ можно меньше ожесточенія. Страхъ полезенъ, ибо боящійся скорѣе признаетъ себя побѣжденнымъ. Ожесточеніе же и въ слабыхъ можетъ породить отчаянное мужество, которое, пожалуй, обратитъ побѣду въ пораженіе, и во всякомъ случаѣ увеличитъ трудность полнаго успѣха. Пощада мирныхъ жителей и хорошее обращеніе съ плѣнными выгоднѣе. Дикія опустошенія и избіеніе бѣгущихъ, обезоруженныхъ, просящихъ пощады, было бы равносильно созданію противъ себя новыхъ армій, съ которыми пришлось бы сражаться, и новыхъ трудностей, которыя нужно было бы преодолѣвать. «Сдайся мнѣ,—говоритъ воюющій вооруженному врагу,—и я не только пощажу, но охраню и укрою тебя»; воюющій въ каждомъ бросившемъ оружіе видитъ уменьшеніе для себя шансовъ страданія смерти, трудовъ. «Не бѣги отъ меня и пріюти,—говоритъ побѣдитель мирному жителю, – и не только ты самъ, твоя семья, но и твое жилище и иму-

щество безопасны». Забота о непріятельскихъ больныхъ и раненыхъ, уходъ и попеченіе о нихъ обременительны, но вознаграждаются сторицею.

Господствующіе обычаи морской войны также соотвѣтствуютъ хладнокровному и разумному эгоизму. Гуманности и чувству права здѣсь мало мѣста. Отказъ отъ каперства и права осмотра нейтральныхъ кораблей недаромъ явились одновременно. Каперы наносили конечно не малый вредъ непріятельской торговлѣ. Но контроль надъ каперами труденъ, а разъ они уйдутъ изъ подъ надзора, то все время нужно ожидать «осложненій» съ нейтральными правительствами. На просторѣ океана мудрено услѣдить, чтобы всѣ вольные каперы строго воздержались отъ ловли нейтральныхъ кораблей. Забота о лучшей организаціи призовыхъ инстанцій и постоянная готовность властей совѣщаться съ знатоками международнаго права по этому предмету отнюдь нельзя считать слѣдствіемъ заботы о правѣ. Лучшая организація призовыхъ судовъ желательна для воюющихъ также ради огражденія отъ ссоръ съ нейтральными державами, ссоръ, могущихъ дойти до пріобрѣтенія противной стороной могущественнаго союзника. По тѣмъ же соображеніямъ, Англія отказалась отъ «права осмотра» нейтральныхъ кораблей, права, которое возбудило противъ нея знаменитую морскую лигу 1800 года.

Дни Парижскаго конгресса, весною 1856 года, отличались какой то заразой пылкихъ упованій. Лордъ Страффордъ Редклифъ, главный виновникъ безполезной и губительной войны, получилъ адресъ отъ англійскихъ миссіонеровъ, увѣровавшихъ въ наступленіе золотого вѣка для турецкихъ христіанъ, послѣ широковѣщательныхъ обѣщаній султана. «Императорскій гатти-шерифъ убѣдилъ насъ, писали наивные люди,—что наши дорогія надежды будутъ повидимому вскорѣ осуществлены.

Свѣтъ озаритъ тѣхъ, кто такъ долго находился во мракѣ, и наслаждаясь общественнымъ благоденствіемъ и религіозною свободою, милліоны турецкихъ подданныхъ будутъ еще долго жить подъ тѣнью своихъ виноградниковъ и смоковницъ».

Почва для эффектнаго появленія на политической аренѣ *обществъ мира* была расчищена. Лондонское общество рѣшило выступить впередъ и избрало трехъ депутатовъ: предсѣдателя конгресса 1840 г. Чарльза Гиндлея (Charles Hindley), Джозефа Стерджа (Joseph Sturge) и Генриха Ричарда (Henry Richard). Депутація явилась къ представителю Англіи, лорду Кларендону, съ просьбою внести на конференцію проектъ обязательства о рѣшеніи споровъ посредничествомъ дружественныхъ державъ. Гиндлей предложилъ лорду Кларендону принять резолюцію конгресса 1843 года.

Лордъ Кларендонъ сразу рѣшилъ, что при гибкости дипломатическаго языка, можно удовлетворить просителей и заслужить славу миротворца безъ всякаго стѣсненія для своего правительства и безъ всякихъ непріятностей для самого себя.

Въ только что подписанномъ парижскомъ трактатѣ 8-я статья гласила, что «если между Блистательною Портою и державами, заключившими трактатъ, возникнутъ несогласія, то прежде чѣмъ прибѣгать къ силѣ, должно обратиться къ посредничеству другихъ государствъ, въ ссорѣ не участвовавшихъ *). Статья была въ сущности направлена противъ Россіи, которая какъ бы обязывалась, при столкновеніяхъ съ Турціей, обращаться къ европейскому концерту. Тѣмъ не менѣе туманныя

*) S'il survenait entre la Sublime Poste et l'une ou l'autre ou plusieurs des autres puissances signataires un dissentiment qui menaçat le maintien de leurs relations, la Sublime Porte et chacune des pulssances, avant de recourir á l'emploi de la force, mettront les autres parties conractantes en mensnre de prévenir cette extrêmite dar leur action médiatrice.

и общія выраженія представляли статью въ видѣ умиротворяющей и спасительной для всѣхъ формулы международныхъ сношеній. Ссылаясь на эту статью и выразивъ тотъ же «ужасъ къ войнамъ», который отличалъ его благороднаго друга и начальника, лордъ Кларендонъ обратился къ представителямъ, подписавшимъ протоколъ съ предложеніемъ выработать резолюцію, которая дала бы европейскому миру большую прочность, «не нанося ущерба независимости правительствъ».

Представитель Франціи, графъ Валевскій, видимо переговорилъ раньше съ англійскимъ дипломатомъ и имѣлъ инструкцію отъ Наполеона. На совѣщаніи онъ заявилъ, что не видитъ препятствій, чтобы въ протоколъ было включено «желаніе («voeu»), которое «соотвѣтствовало бы современнымъ стремленіямъ, но ни въ чемъ однако не стѣсняло бы дѣйствія правительствъ».

Дѣло принимало явно платоническій оборотъ, тѣмъ не менѣе защитникъ интересовъ Австріи усумнился. На всякій случай онъ—графъ Буоль—высказалъ, что не можетъ отъ имени своего правительства принять абсолютное обязательство, которое стѣснило бы политику Вѣнскаго кабинета.

Кларендонъ успокоилъ графа и объявилъ, „что каждая держава остается по прежнему единственнымъ судьею, въ вопросахъ, касающихся ея чести и интересовъ, и что онъ чуждъ мысли ограничить власть правительствъ, а желаетъ только дать имъ возможность не прибѣгать къ оружію при тѣхъ несогласіяхъ, которыя могутъ быть покончены иными путями.

Представитель Пруссіи, баронъ Мантейфель, имѣлъ слишкомъ хорошій случай воспользоваться своей привычкой къ лицемѣрію, которое отъ 1850 до 1860 годовъ составляло преобладающее свойство внутренней и внѣшней политики Берлина. Мантейфель возвѣстилъ торжественно членамъ конференціи, что король Прусскій

преданъ миру и потому онъ, Мантейфель, исполняя волю своего государя, вполнѣ присоединяется къ предложенію лорда Кларендона.

Графу Кавуру все это не нравилось. Принужденный много притворяться и интриговать ради крутыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась его родина, онъ не желалъ увеличенія количества оффиціальной лжи, безъ всякой необходимости. Она послалъ своихъ сардинцевъ въ Крымъ умирать за чуждое имъ дѣло лишь бы заручиться могущественнымъ союзникомъ для предстоящей борьбы съ Австріей. Онъ сидѣлъ въ дипломатической конференціи въ Парижѣ, разсуждая объ огражденіи интересовъ Англіи рядомъ съ графомъ Буолемъ, не подозрѣвавшимъ, что надъ Австріею собирается гроза. Онъ дружилъ съ республиканцами, которыхъ ненавидѣлъ, преклонялся предъ Наполеономъ III, котораго презиралъ. Теперь ему, все время считавшему число баталіоновъ и пушекъ, которыя Пьемонтъ можетъ двинуть на Миланъ,—ему подносятъ воззваніе о мирѣ, правда, въ туманной и неосязательной формѣ, но которую желательно было бы подписывать съ искреннимъ чувствомъ. Онъ предпочелъ бы избѣгнуть новой сдѣлки съ совѣстью. Онъ осторожно попытался отклонить товарищей отъ затѣи Кларендона. Но графъ Валевскій рѣшилъ, что церемонія не будетъ полна, если лондонскіе депутаты уѣдутъ недовольные и настаивалъ на своемъ. Кавуръ побоялся упорствовать, чтобы преждевременно не потревожить враговъ. И резолюція была составлена и подписана 16 апрѣля 1856 г. въ такомъ видѣ:

„Messieurs les Plénipotentiaires n'hesitent pas à exprimer au nom de leurs gouvernements *le voeu* que les Etats entre lesquels s'éleverait un dissentiment sérieux, avant d'en appeler aux armes eussent recours, tant que les circonstances l'admettent, aux bons offices d'une puissance amie".

Кромѣ *желанія* уполномоченные выразили надежду, что правительства „не принявшія участія въ Парижскомъ конгрессѣ, присоединятся къ желанію, внесенному въ протоколъ".

Гиндлей, Стерджъ и Ричардъ, восхищенные успѣхомъ, вернулись въ Лондонъ и были приняты на засѣданіяхъ Общества съ радостной торжественностью. Парижская резолюція доставила матеріалъ для многихъ засѣданій Общества, такъ какъ мало по малу до сорока правительствъ, съ весьма различными степенями силы и воинственности, заявили о присоединеніи къ протоколу.

Писатели по международному праву включили парижскій протоколъ въ свои курсы, высказывая весьма различныя мнѣнія по этому поводу. Для историка не трудно оцѣнить по достоинству актъ, наполненный хвалой миру и не отвратившій ни одной войны.

Дипломатическое лицемѣріе одержало печальную побѣду надъ наивными подвижниками гуманности. Подобно тому какъ чрезвычайное проявленіе лжи и зла часто служитъ спасительнымъ и вѣчнымъ предостереженіемъ, такъ позорный трактатъ 1856 года долженъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что пергаменты съ печатями и подписями посланниковъ никогда не дадутъ вѣчнаго мира.

ГЛАВА VI.

Седьмое десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка.—Новая эра.

Съ 1859 года по 1870 г., въ теченіе десяти-двѣнадцати лѣтъ, плоды вѣковыхъ усилій создали такой переломъ въ человѣческой жизни, который раньше не имѣлъ себѣ подобнаго въ теченіе всѣхъ минувшихъ вѣковъ. Въ эти памятные годы произошли политическія и соціальныя измѣненія, создавшія новую эру въ исторіи человѣчества. Ихъ совокупность имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ грани, отдѣляющія древнюю исторію отъ среднихъ вѣковъ и средніе вѣка отъ новаго времени.

Освобожденіе и объединеніе Италіи совершилось между Виллафранкскимъ миромъ 1859 года и занятіемъ Рима въ 1870 году. Итальянцы получили отечество.

Названіе полуострова изъ географическаго термина стало обозначать великую державу.

Міровое значеніе событія выразилось, прежде всего, въ уничтоженіи свѣтской власти папъ, преимущества мало полезнаго для цѣлей религіи, но прямо превращавшаго великую силу католицизма въ постоянное орудіе угнетенія, тяготѣвшее надъ христіанскими народами болѣе тысячи лѣтъ. Громадное значеніе для всей Европы получило сліяніе многихъ мелкихъ областей, служившихъ добычей могущественныхъ сосѣдей и случайныхъ династовъ, въ одно государство. Въ теченіе шести вѣковъ постоянные передѣлы Италіи служили вѣчнымъ источникомъ неразрѣшимыхъ политическихъ коллизій, а области, служившія объектомъ завоеванія, мѣны, наслѣд-

ства, завѣщаній, купли и продажи были населены племенемъ, имѣвшимъ живое національное чувство и одушевленнымъ одинаковой ненавистью къ разношерстнымъ чужеземнымъ и туземнымъ деспотамъ. Бѣдствія и гнетенія Италіи служили источникомъ вражды для другихъ народовъ. Европа до 1859 года и Европа послѣ 1870 года—двѣ разныя части свѣта.

Объединеніе Германіи дало не меньшія послѣдствія. Страна между Рейномъ и Вислой болѣе тысячи лѣтъ служила то приманкой завоевателей, то сама высылала арміи, нападавшія на французовъ, итальянцевъ, славянъ. Впредь до того дня, когда Германскій рейхстагъ собрался въ 1871 г. въ Берлинѣ. Германскіе государи, начиная съ Фридриха Барбароссы, поперемѣнно играли то роль страдательную и унизительную, подобно итальянскимъ правительствамъ, то стремились создавать смѣшанныя государства изъ небольшихъ осколковъ нѣмецкой земли и крупныхъ захватовъ за рубежомъ. Начинанія династій Саксонской, Франконской и Гогенштауфеновъ погибли. Священная Римская Имперія, существовавшая до 1806 года, была, какъ вѣрно замѣчено, ни священной, ни римской, ни имперіей.

Если сравнить сборное государство, павшее подъ ударами Наполеона, съ тѣмъ зданіемъ, которое воздвигнулъ Бисмаркъ, то не трудно уяснить весь объемъ совершившейся перемѣны. Законное право всѣхъ и каждаго было сохранено — отъ короля Баваріи до князя Рудольфштадскаго, отъ медіатозированнаго графа до берлинскаго поденщика. Во главѣ государства сталъ монархъ, владѣвшій наибольшей долей нѣмецкой земли. Въ союзномъ совѣтѣ мелкія государства преобладали. Фикція личной уніи земель имперскихъ и внѣимперскихъ болѣе не существовала. Въ Рейхстагѣ большинство имѣла, конечно, Пруссія, но Рейхстагъ былъ пред-

ставителемъ народа, гдѣ консерваторы, католики, радикалы и соціалисты сидѣли на однѣхъ скамьяхъ.

Побѣда, создавшая единую Германію, облегчила прочное водвореніе правового порядка въ Австріи. Духъ терпимости, свободолюбія, невмѣшательства укрѣпились въ той столицѣ, гдѣ находилась издавна власть, считавшаяся присяжнымъ врагомъ всякихъ либеральныхъ начинаній. Канула въ вѣчность та политика, цѣль которой заключалась въ поддержаніи лютой реакціи, вездѣ и повсюду—отъ Петербурга до Буэносъ-Айреса. Образовавшееся дуалистическое федеральное государство свое право на существованіе выводитъ изъ правъ народностей, его составляющихъ, на широкую автономію, объединяющая же власть основана на парламентскомъ началѣ. Полное отреченіе произнесено относительно Италіи и Германіи. Съ этой стороны никто не ожидаетъ ни аггрессивныхъ поползновеній, ни вмѣшательства. Габсбурги въ нѣсколько лѣтъ отреклись отъ вѣковыхъ традицій.

Во Франціи послѣ 1870 г. образовалась «республика безъ республиканцевъ». Всѣ принципы 1789 г. были проведенывъ жизнь безъ тѣхъ насилій и ужасовъ, которые были слѣдствіемъ перваго великаго революціоннаго взрыва. Въ первый разъ явилась все8бщая подача голосовъ безъ всякаго оффиціознаго давленія. Возстаніе 4 Сентября 1870 г. было безкровнымъ движеніемъ и результаты оказались прочнѣе всѣхъ перипетій, пережитыхъ страною въ теченіе ста лѣтъ. Демократическая республика все болѣе утверждалась, отстраняя монархическіе и реакціонные элементы посредствомъ избирательной урны. Собственность и личность пользовались безопасностью, которой позавидовали бы имперіи и реставрація. Благосостояніе средняго класса упрочилось. Участь народа была хороша на сколько допускалъ соціальный строй и военныя тягости. Пресса и трибуна

пользовались неограниченною свободою. Рѣчи непримиримыхъ въ палатѣ не мѣшали праздной знати беззаботно веселиться въ наслѣдственныхъ замкахъ. Самыя пламенныя воззванія соціалистическихъ газетъ спокойно читались и блузниками въ кабакахъ, и франтами въ Grand Opéra, среди красавицъ, выставлявшихъ на показъ свои прелести, покрытыя драгоцѣнными каменьями. Никогда на бульварахъ Парижа не видно было столь многочисленной и блестящей толпы иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Установившійся во Франціи, послѣ войны, демократическій, правовой режимъ вызываетъ не мало нареканій. Свобода иногда является здѣсь въ отвратительныхъ формахъ и невольно припоминается извѣстная метафора Маколея, уподобившаго свободу благодѣтельной феѣ, принимающей подчасъ уродливый видъ, но надѣляющей наибольшими благами тѣхъ, кто не отталкиваетъ ее ради ея временнаго уродства. Жалкія интриги политическихъ партій, подкупы депутатовъ, наемныя газеты, шантажъ, эксцессы плутократіи, безпрестанная смѣна министерствъ, подозрительные расходы, господство посредственности и оппортунизма—производятъ тягостное впечатлѣніе. Изъ классовъ народа выдѣляется группа отчаянныхъ и злобныхъ безумцевъ, рѣшившихся обновить общество посредствомъ кинжала и бомбы. Панама и динамитъ—бросаются упрекомъ третьей республикѣ ея врагами. Упрекъ – преувеличенный. Французская конституція и вскормленный ею политическій строй раздѣляетъ несовершенство всего земного. Франція испытываетъ, среди доступнаго при современныхъ соціальныхъ отношеніяхъ сравнительнаго благоденствія, нѣкоторыя невзгоды, обычныя для странъ съ худшими формами государственнаго устройства. Себялюбіе, корысть и лицемѣріе правящихъ классовъ, страданія значительной доли народа, бѣдность

массы на ряду съ возростающимъ богатствомъ меньшинства—наблюдаются во всѣхъ культурныхъ странахъ. Излеченіе всякихъ соціальныхъ недуговъ — дѣло будущаго. Нельзя надѣяться, чтобы силами одного поколѣнія совершились такія перемѣны, которыя изгнали бы матеріальныя лишенія изъ числа жизненныхъ тягостей. Для тѣхъ же отрицательныхъ явленій, которыя заставляютъ кричать о близкой гибели и разложеніи Франціи,— ея общественный строй заключаетъ въ себѣ надежнѣйшіе элементы исцѣленія. Фея скоро сброситъ уродливую маску и протянетъ свой могучій жезлъ. Французская хартія семидесятыхъ годовъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, избавила народъ отъ произвола, установила политическую свободу на широкихъ основахъ и обезпечила внутреннее спокойствіе. Ни конвентъ, ни Бурбоны, ни Бонапарты не посмѣли бы содержать такой арміи, которую выносятъ безропотно французы конца вѣка и будутъ выносить ее до той поры, покуда лучшія условія міровой жизни не сдѣлаютъ арміи ненужными. Внѣшняя политика въ первый разъ стала на единственный разумный путь. Тѣсный союзъ съ отдаленной монархіей, союзъ, такъ неискренно проэктированный обоими Наполеонами, союзъ неудававшійся ни королю Франціи, ни королю французовъ, заключенъ, благодаря патріотизму и здравому смыслу демократовъ-республиканцевъ, представителей «правительства адвокатовъ».

Англичане имѣли нравственное право оставаться спокойными зрителями континентальныхъ событій. Право и свобода, только что одновременно побѣдившія насиліе и гнетъ въ Италіи, Германіи, Австріи и Франціи, давно уже утвердились въ Соединенномъ Королевствѣ. Но и въ Англіи шестидесятые годы были знаменательной эпохой. Въ 1867 г. расширены были избирательныя права, и дѣло реформы было довершено дальнѣйшимъ

пониженіемъ ценза; на скамьяхъ парламента впервые появляются представители рабочихъ классовъ. Старая олигархія виговъ поглощается народнымъ элементомъ. Еще большее значеніе имѣетъ уничтоженіе вѣковыхъ несправедливостей въ Ирландіи, тяготѣвшихъ цѣлые вѣка, терпимыхъ обѣими англійскими партіями и исчезнувшими только подъ вліяніемъ всесвѣтной побѣды, одержанной гуманитарными идеями. Въ 1869 г. упразднена Ирландская національная церковь, взимавшая «десятину» съ католиковъ на содержаніе протестантскихъ храмовъ и священниковъ. Въ 1870 г. прошелъ биллъ, защитившій Ирландскихъ земледѣльцевъ отъ произвола ланд-лордовъ.

Часть англійскаго народа основала за океаномъ государство, политически самостоятельное, принявшее самобытныя формы государственнаго устройства, но по сущности народнаго характера явившееся плоть отъ плотью Англіи. Въ сопротивленіи, которое колоніи въ концѣ XVIII вѣка оказали правительству Георга III, великій Питтъ, графъ Чатамъ, признавалъ тотъ же самый духъ, который когда-то въ Англіи противился притѣсненіямъ Стюартовъ; — «это тотъ самый духъ, который установилъ существенный, основной и великій принципъ нашей свободы... этотъ славный духъ виговъ одушевляетъ въ Америкѣ милліоны людей, предпочитающихъ раззореніе и свободу—раззолоченнымъ цѣпямъ и позорному благоденствію:.. защищая свои права, они умрутъ завидной смертью свободныхъ людей». Маколей, Брайтъ и даже сторонники Южныхъ Штатовъ считали сѣверо-американцевъ британцами. Лучшіе люди Англіи объявляли, что великая республика есть гордость Англіи, ея созданіе. Но эта свободная страна, во многомъ опередившая свою бывшую метрополію, вслѣдствіе мѣстной обособленности и ложно понятаго принципа провинціальнаго самоуправленія, должна была терпѣть

рабство негровъ, отмѣненное въ англійскихъ колоніяхъ законами 1815, 1824 и 1833 годовъ. Невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ тяжко чувствовалось во всемъ мірѣ, такъ какъ давало въ руки поборниковъ угнетенія и враговъ свободы живой аргументъ противъ всѣхъ правовыхъ учрежденій. Когда началась междуусобная война, то по степени непріязни къ дѣлу Линкольна можно было сосчитать въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ темныя силы обскурантизма. Великая ставка, на которую рѣшились съ почти безумной смѣлостью, была выиграна. Сѣверная Америка обратилась въ незыблемый оплотъ всего, связаннаго съ неотчуждаемыми правами личности. Со сдачей послѣднихъ армій возставшихъ штатовъ, въ приснопамятный 1865 г., самая мрачная туча, висѣвшая надъ будущностью человѣчества, исчезла навсегда.

Одновременное торжество новыхъ вѣяній въ разныхъ концахъ земли нельзя признать случайнымъ совпаденіемъ. Взаимное вліяніе одного народа на другой сказалось въ 1848 году съ полной очевидностью. Десять, пятнадцать лѣтъ позже повсюду общественное сознаніе окрѣпло. Тяготѣвшія надъ развитіемъ народа обветшалыя учрежденія явно утратили остатокъ нравственной силы и держались лишь по рутинѣ. Идеалы передовыхъ людей, идеалы погибшіе во время ряда революцій, были усвоены въ однѣхъ странахъ народными массами; интеллигенціей – повсюду. Новизна перестала пугать государственныхъ людей; свобода личности и правовой порядокъ изъ боевого клика обратился въ названіе жизненной потребности—въ совершенно необходимый элементъ для нормальнаго роста культурнаго государства.

Параллельность начавшейся борьбы проявилась въ единствѣ идеаловъ и въ сходствѣ духовнаго обличья враговъ. Австрійскіе реакціонеры, римскіе монахи,

префекты второй имперіи, прусскіе юнкера, ирландскіе ландлорды должны быть поставлены въ одну линію... Борьба съ ними оказалась въ седьмомъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка исторической необходимостью.

Въ судьбахъ Россіи въ тотъ же періодъ отразились тѣ же вліянія. Западныя революціи конечно чувствовались слабо, но гуманитарныя идеи неслышно проникали въ интеллигенцію. Литература сдѣлала для Россіи не меньше, чѣмъ народныя движенія для остальной Европы. Годъ за годомъ отъ временъ Пушкина и Грибоѣдова до временъ Некрасова и Салтыкова совершалось перевоспитаніе общества. Каждое великое имя ознаменовало собою какъ бы цѣлую эпоху. Народъ создалъ литературу, литература подняла самосознаніе народа. Рядъ коренныхъ преобразованій, болѣе важныхъ, чѣмъ дѣло Петра Великаго, измѣнившихъ прежнюю жизнь и даже нравы, совершился, какъ извѣстно, между 1860 и 1870 годами. Связь преобразовательной эпохи въ Россіи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ несомнѣнна. Совпаденіе во времени не было случайно. Также какъ и на Западѣ полвѣка, истекшихъ послѣ 1815 года, хватило на побѣду надъ реакціей. Движеніе, которое на Западѣ можно было уподобить все захватывавшему и все заливавшему потоку, въ Россіи можно было сравнить съ подземной рѣкой, секретно накоплявшей силу и пробившейся на свѣтъ Божій въ годъ освобожденія Италіи.

Послѣ преобразовательной эпохи въ Россіи семья культурныхъ народовъ увеличилась на сто милліоновъ душъ. Значеніе совершившихся реформъ сказалось всего яснѣе на перемѣнѣ традицій внѣшней политики Россіи. Насильственное противодѣйствіе народнымъ стремленіямъ, вооруженная поддержка реакціи—отошли въ область исторіи. Начиная съ этой поры, Россія,

внушая еще боязнь правительствамъ, не внушаетъ больше страха народамъ.

Совершившіеся перевороты усугублялись событіемъ, значеніе котораго вѣроятно не меньше, чѣмъ открытіе Америки. Въ 1869 году оконченъ Суэцкій каналъ. Послѣдствія дѣла Лессепса оставляютъ въ тѣни всѣ подвиги завоевателей. Всѣ части свѣта оказались сплоченными во едино. Громадныя пространства, недоступныя до сихъ поръ для цивилизаціи, примкнули къ ней, какъ разъ въ то время, когда струя свѣжаго воздуха пронеслась надъ Европой и Америкой. Индія, Австралія, Китай и Японія приблизились вчетверо. Паровой флотъ развился до невиданныхъ размѣровъ. Стоимость фрахта между берегами Великаго океана и сѣверными портами Европы упала въ двадцать разъ. Желѣзныя дороги стали пролагаться среди тропическихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Фабрики и заводы устраивались въ сосѣдствѣ дикарей, еще покрывавшихъ свою наготу листьями и перьями. Рынокъ обмѣна сталъ единымъ и всемірнымъ. Продукты земледѣлія стало выгоднымъ привозить изъ далекихъ странъ, гдѣ дѣвственная почва даетъ три жатвы. Колонизація и эмиграціонное движеніе удесятерились.

Вліяніе событій 1858 и 1870 годовъ на міровую жизнь увеличились еще взаимодѣйствіемъ совершившихся перемѣнъ. Освобожденіе Италіи, упроченіе республики во Франціи, объединеніе Германіи, паденіе международной реакціи, освобожденіе крестьянъ и другія реформы въ Россіи, уничтоженіе рабства, Суэцкій каналъ,—событія, имѣвшія громадную важность въ отдѣльности—произошли почти одновременно и весь итогъ происшедшаго измѣненія въ условіяхъ человѣ-

ческаго существованія вѣрнѣе выразить, говоря математическимъ языкомъ, какъ произведеніе, а не какъ сумму новыхъ вліяній. Менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ все измѣнилось до такой степени, что обитатель земли, сравнивая пятидесятые и семидесятые годы, имѣлъ право считать себя какъ бы перенесеннымъ на другую планету. Вѣщія слова Канта объ ускорительномъ движеніи впередъ сбылись въ полной мѣрѣ.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, на сколько новая эра повліяла на тысячелѣтній вопросъ о вѣчномъ мирѣ, вопросъ, который предсталъ въ новомъ свѣтѣ послѣ 1870 года, мы должны закончить разсмотрѣніе тѣхъ начинаній, которыя въ послѣдніе тридцать лѣтъ XIX вѣка были связаны съ системой международной юстиціи, временной или постоянной, и международной организаціи.

ГЛАВА VII.

Алабамскій споръ. — Формы и особенности международнаго третейскаго разбирательства. — Первые кодексы. — Дѣятельность института международнаго права.

Въ 14 день Сентября (н. ст.) 1872 года жители города Женевы услышали со стороны городской ратуши многократные пушечные выстрѣлы. Торжественнымъ салютомъ привѣтствовалось заключительное тридцать второе засѣданіе международнаго третейскаго суда, разрѣшившаго, послѣ восьмимѣсячныхъ занятій, знаменитый Алабамскій споръ, между Англіей и Соединенными Штатами. Десять лѣтъ пререканій по поводу гласной и негласной поддержки, оказанной британскими властями Южнымъ Штатамъ, во время междоусобной войны, десять лѣтъ пререканій окончились судебнымъ рѣшеніемъ, которому обѣ стороны подчинились и англійское правительство, признанное виновнымъ въ несоблюденіи обязанностей нейтральнаго правительства, уплатило, точно исполняя судебное рѣшеніе, 15.500,000 долларовъ вознагражденія.

Вѣсть о мирномъ окончаніи спора разнеслась и произвела большое впечатлѣніе. Особую важность придали исходу защитники международной юстиціи. Найденъ, наконецъ, способъ мирнаго разрѣшенія несогласію между могущественными государствами, найденъ и примѣненъ на дѣлѣ. Возможность международнаго трибунала получила доказательство. Общества мира начали усваивать побѣдительный тонъ. Еще нѣсколько

шаговъ, говорили ораторы, по пути развитія третейскихъ судовъ и миръ упроченъ навсегда.

Скоро раздались однако же голоса скептиковъ. Германскій юристъ Гефкенъ первый указалъ (Alabama Frage), что Женевскій приговоръ представляетъ разрѣшеніе такого несогласія, которое ни коимъ образомъ войны не вызвало бы. Гефкенъ находитъ, что Соединенные Штаты были истощены недавнимъ междоусобіемъ, а Англія занята была коренной реорганизаціей своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Графъ Комаровскій, оспаривая мнѣніе Гефкена *), говоритъ, что много войнъ вызывались меньшими поводами, и что несмотря на то, что обѣ стороны серьезно желали мира, Алабамскій споръ создалъ бы между Англіей и Соединенными Штатами, такія же опасныя и скрытнонепріязненныя отношенія, какія существуютъ между Франціей и Германіей послѣ 1871 года.

По нашему мнѣнію утвержденіе Гефкена **) совершенно вѣрно. Только невозможность войны изъ-за Алабамскихъ пререканій отнюдь не обусловливалась истощеніемъ Америки и военной реорганизаціей Англіи. Переговоры по Алабамскому дѣлу начались въ Ноябрѣ 1862 года. Возстаніе Южныхъ Штатовъ было подавлено въ 1865 году. Въ 1872 году, въ Іюнѣ успѣхъ третейскаго разбирательства былъ еще сомнителенъ, такъ какъ американскіе дипломаты предъявили чрезмѣрныя требованія и добивались вознагражденія въ размѣрѣ едва-ли не половины всѣхъ военныхъ расходовъ. По ихъ мнѣнію, поддержка, оказанная Англіей Южнымъ Штатамъ продлила усобицу на два года и потому имъ причитается получить около пяти милліардовъ франковъ. Требованія объ этихъ, такъ называемыхъ, косвен-

*) О международномъ судѣ, стр. 222.

**) Мнѣніе котораго раздѣляетъ Эдинбургскій профессоръ Лорймеръ

ныхъ убыткахъ, было отвергнуто судомъ; тогда только затянувшееся дѣло приняло конкретный характеръ. Если бы споръ дѣйствительно могъ привести къ войнѣ, то было довольно времени, чтобы С. Штаты оправились отъ послѣдствій возстанія, а Англія привела въ готовность свои флоты и армію. Войны мудрено было ожидать по такому спору, переговоры о которомъ длились десять лѣтъ, съ длинными перерывами, въ годъ и болѣе. Третейскій судъ въ Алабамскомъ дѣлѣ, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, вовсе не былъ средствомъ избѣгнуть войны, а также какъ и во всѣхъ второстепенныхъ несогласіяхъ государствъ между собою,—былъ принятъ сторонами, какъ удобный способъ рѣшенія вопроса, нерѣшеніе котораго было одинаково непріятно и отвѣтчику и истцу. Британскіе министры сильно желали взносомъ необременительной для богатой Англіи суммы покончить надоѣвшій всѣмъ споръ. Справедливость американскихъ требованій отчасти признавалась многими англичанами.

Дипломатическіе переговоры (въ видѣ обмѣна депешъ и личныхъ вѣжливо-безплодныхъ переговоровъ) для даннаго случая страдали техническими недостатками. Сущность спора сводилась къ тому, насколько виновно англійское правительство въ небрежномъ и пристрастномъ надзорѣ мѣстныхъ своихъ агентовъ за кораблями, которые будучи построены въ Англіи, обращались затѣмъ въ опаснѣйшихъ каперовъ, топившихъ и захватывавшихъ сѣверо-американскія купеческія суда. Вопросъ представился въ такомъ видѣ, что даже война не могла бы ничего рѣшить. Дѣло шло о погашеніи сдѣланной несправедливости.

Самой природой третейскій судъ созданъ для окончанія подобныхъ пререканій между сторонами, весьма могущественными, весьма богатыми и постоянно заботящимися о томъ, чтобы ихъ поступки, хотя бы съ

внѣшней стороны, не грѣшили противъ справедливости. Трактатъ о третейскомъ судѣ былъ заключенъ, а въ Женевѣ было заявлено, что «Великобританія готова принять приговоръ, — будетъ ли онъ для нея благопріятенъ или нѣтъ. Она желаетъ только, чтобы онъ былъ справедливъ и основанъ на вѣрномъ пониманіи международнаго права и тѣхъ принциповъ, которые она и другія державы, въ качествѣ ли нейтральныхъ или воюющихъ, могутъ принять охотно и руководиться ими на будущія времена».

Постановленія суда дѣлаютъ честь дальновидности его членовъ. Отказавшись разбирать грандіозный искъ Соед. Штатовъ о косвенныхъ убыткахъ, т. е. о милліардномъ вознагражденіи за всю совокупность дѣйствій Англіи по плохому соблюденію нейтралитета, судъ спасъ себя отъ безвременнаго исчезновенія и въ то же время, съ великодушнаго согласія обѣихъ сторонъ, могъ приписать себѣ оборотъ дѣла, который долженъ былъ бы составить предметъ сепаратнаго соглашенія. Разобравъ вопросъ о попустительствѣ англійскихъ властей при постройкѣ каперовъ, судъ оправдалъ Англію во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ и безусловно обвинилъ ее по отношенію къ тремъ кораблямъ («Алабама», «Флорида» и «Шенандо»). Самая цифра присужденнаго вознагражденія 15.500.000 долларовъ золотомъ была опредѣлена съ мудрой умѣренностью. Сумма не была такъ мала, чтобы вызвать презрительные протесты. Прямые неоспоримые убытки, причиненные подвигами одной «Алабамы» — 60 потопленныхъ торговыхъ судовъ и одинъ военный пароходъ — оплачивались, примѣрно въ половинномъ размѣрѣ, съ умѣренными процентами. Для англійскаго казначейства уплата была ощутительна, но вовсе не могла явиться серьезнымъ отягощеніемъ. Для С. Штатовъ, получившихъ денегъ много меньше противъ самыхъ скромныхъ ожиданій, оставалось нрав-

ственное утѣшеніе: приговоръ произнесенъ былъ въ ихъ пользу.

Осторожныя дѣйствія суда повели къ тому, что Англія отправила требуемое количество золота въ Америку, а Соед. Штаты признали лучшимъ удовлетвориться окончаніемъ долголѣтняго спора и объявить, что вполнѣ удовлетворены. Представители Штатовъ удачно разыграли роль, которую французы называютъ: «faire bonne mine à mauvais jeu». По сю сторону океана рядъ краснорѣчивыхъ декларацій въ Палатѣ Общинъ показалъ, что стремленіе достигнуть, цѣною произведенной уплаты, всемірныхъ похвалъ англійскому безкорыстію, было очень сильно.

Нѣкоторые періоды рѣчей касались и тѣхъ надеждъ, которыя основывались на полюбовномъ разрѣшеніи Алабамскаго спора.

«Вѣчный миръ недалекъ, лишь бы всѣ политическія распри разрѣшались постановленіями, подобными тому, въ честь котораго прогремѣли холостые выстрѣлы съ древняго парапета «la Treille».

Прискорбнымъ преувеличеніямъ предавались ораторы. Никакимъ счастливымъ прецедентомъ женевскій приговоръ не былъ и не могъ имъ быть. Приговоръ не отстранилъ опасности войны, потому что такой опасности не существовало. Вѣчнаго мира приговоръ не обѣщалъ, потому что всѣ сужденія и рѣшенія вращались около одного вопроса: надлежащаго соблюденія нейтралитета. Судьи стремились выработать нормальныя отношенія государства нейтральнаго къ государству воюющему. Много труда ушло на опредѣленіе понятія о «должномъ стараніи» (dûe diligance) по соблюденію нейтралитета. Усилія суда въ этомъ направленіи не вносили ничего новаго въ практику международнаго права. Не быть втянутымъ въ войну помимо своего желанія — вотъ секретъ вниманія сильнѣйшихъ прави-

тельствъ къ дебатамъ и сочиненіямъ по поводу «обязанностей» нейтральной державы. Не уваженіе къ правамъ нейтральныхъ государствъ, а боязнь пріобрѣсти лишняго врага—вотъ подкладка преклоненія повелителей армій и флотовъ передъ совѣтами ученыхъ.

Торжественность, при которой велись засѣданія, высокій тактъ, съ которымъ судьи поддерживали свое достоинство, содѣйствіе швейцарскаго правительства, искусная діалектика, съ которой судьи избѣгли черезчуръ прямолинейныхъ выводовъ изъ данныхъ имъ полномочій,—все содѣйствовало къ сокрытію неприглядной истины. Иллюзіи поддались многіе. Судъ разобралъ споръ между двумя могущественными государствами; объясненія давали два правительства, располагающія милліонами жизней и милліардами золота. Судъ изрекъ авторитетнымъ тономъ свой взглядъ на права и обязанности сильнѣйшихъ военныхъ державъ. Приговоръ суда былъ исполненъ. Этого было достаточно, чтобы общества мира всѣхъ странъ привѣтствовали Женевское событіе какъ первую вѣсть о скоромъ прекращеніи войнъ.

Въ 1875 году состоялось въ Парижѣ (6 и 7 Сентября) засѣданіе соединеннаго союза представителей рабочихъ классовъ въ Англіи и Франціи. Иниціаторы конгресса стремились дать идеѣ третейскаго суда поддержку четвертаго сословія. Союзъ высказался «съ энергіею и отъ души въ пользу международнаго третейскаго суда, какъ практическаго способа приложенія въ международной области идей мира и справедливости, составляющихъ необходимое условіе современной цивилизаціи. Рабочіе всѣхъ народовъ приглашаются принять участіе въ этомъ движеніи, цѣль котораго—установленіе вѣчнаго мира и имъ дается совѣтъ избирать въ палаты лишь лицъ, преданныхъ идеѣ третейскаго суда“ *).

*) О международномъ судѣ, стр. 317.

Во время всемірной выставки въ Парижѣ въ 1878 году собрался, конечно, и конгрессъ мира. Явились делегаты отъ пятнадцати обществъ разныхъ странъ. Образованъ былъ всеобщій союзъ мира: „Fédération universelle de la paix“, и принята декларація близко схожая съ Лондонскими постановленіями 1851 года.

Про апостоловъ мира будущій историкъ скажетъ, что за двадцать семь лѣтъ они „ничему не научились и ничего не забыли“. Всѣхъ проявленій агитацій нѣтъ возможности и нѣтъ надобности перечислять. Сказаннаго, надо думать, достаточно, чтобы понять, какъ мало плодотворны были совѣщанія друзей мира...

Безплодность пышныхъ заявленій увеличивается отъ малаго знакомства ораторовъ съ литературой вопроса. Въ то время, какъ подписывались заключенія о составленіи правилъ третейскаго разбирательства, люди труда и знанія сдѣлали уже все, что могли. Въ 1872 году Дедлей Фильдъ составилъ требуемый кодексъ, который графъ Комаровскій называетъ превосходнымъ *). Кодексомъ проектированы двѣ третейскія инстанціи: верховная смѣшанная коммиссія и верховный третейскій судъ. Въ коммиссіи участвуютъ вступившія въ споръ страны, не успѣвшія достигнуть соглашенія дипломатическимъ путемъ. Для окончанія занятій, коммиссіи дается полгода срока. Если рѣшеніе не состоится, или если состоявшееся рѣшеніе не будетъ утверждено обѣими сторонами, то дѣло откладывается еще на полгода. Наконецъ собирается „High Tribunal of Arbitration“,—выборы въ который, съ весьма сложной продедурой, длятся три мѣсяца. Приговоръ верховнаго суда признается окончательнымъ. На каждое дѣло потребуется, какъ видно, около двухъ лѣтъ времени, предполагая даже, что судъ будетъ вести дѣло быстрѣе

*) Тамъ же, стр. 433.

Алабамскаго. Приведеніе въ исполненіе обезпечивается военной силой державъ, подписавшихъ кодексъ. Сила армій опредѣляется разъ навсегда весьма точно: одинъ солдатъ на тысячу обывателей.

На сколько и въ какой мѣрѣ кодексъ Фильда осуществимъ—мы разбирать не будемъ. Представляя весьма почтенный и систематическій трудъ—этотъ кодексъ во всякомъ случаѣ внесъ большую опредѣленность въ слишкомъ общія пожеланія, надежды и резолюціи конгрессовъ. Въ одномъ отношеніи вмѣстѣ съ опытомъ Алабамы, кодексъ Фильда несомнѣнно (хотя можетъ быть и ненамѣренно) содѣйствовалъ разъясненію истины. Періодическая разработка тезисовъ о международномъ разбирательствѣ съ первыхъ шаговъ показала необходимость весьма длинныхъ сроковъ отъ возбужденія дѣла до его окончанія... Составленіе доклада, обмѣнъ возраженій между сторонами, всегда возможная задержка ради дополненія слѣдствія, сроки обжалованія—естественно отдаляютъ рѣшеніе спора. Алабамское дѣло, рѣшенное въ одной инстанціи, потребовало на однѣ только судебныя засѣданія—восемь мѣсяцевъ (съ 15 декабря 1871 года до 14 сентября 1872 года). Передъ судомъ пять мѣсяцевъ прошли въ переговорахъ; только 8 мая 1871 года былъ подписанъ Вашингтонскій договоръ; отъ подписанія договора до перваго засѣданія суда прошло почти полгода. Всего: отъ дня взаимнаго согласія сторонъ на третейское разбирательство до исполненія рѣшенія прошло *не меньше 20 мѣсяцевъ*. Сроки Фильда оказались бы недостаточными для Алабамскаго дѣла, предварительные переговоры по которому тянулись нѣсколько лѣтъ.

Роковая необходимость терпѣливаго двухлѣтняго выжиданія сама по себѣ уже ограничиваетъ развитіе третейской практики. *Одной этой особенности* достаточно, чтобы сдѣлать третейскій судъ *совершенно*

непримѣнимымъ именно къ тому роду несогласій, которыя въ настоящее время способны вызвать и дѣйствительно вызываютъ войны между цивилизованными народами. Политическій горизонтъ омрачается неожиданно и быстро. Подобно грому при ясномъ еще небѣ доносится вѣсть объ опасныхъ усложненіяхъ... Какъ мало можно разсчитывать на человѣческое предвидѣніе, показываютъ *мобилизаціонные планы* военныхъ державъ. Ни одно правительство не надѣется предугадать близкую войну, хотя бы за нѣсколько недѣль. Какъ только проявится коллизія интересовъ, ради которой рѣшаются на войну, всѣ отношенія перемѣняются почти мгновенно. Разгорѣвшаяся непріязнь, на почвѣ противоположности интересовъ и обособленности, которыя составляютъ сущность современныхъ отношеній одного государства къ другимъ,—ждать не можетъ или не будетъ. Подогрѣваемое прессою, играющею печальную роль въ дни раздора, общественное мнѣніе требуетъ скораго соглашенія или немедленнаго воззванія къ Богу воинствъ. Политическое своекорыстіе имѣетъ рѣшительное основаніе не откладывать рѣшенія „ad calendas grecam“. Жизнь и событія идутъ теперь такъ быстро. Въ полтора, два года, требующихся для того, чтобы третейскій судъ сказалъ свое вѣское слово, утечетъ слишкомъ много воды, чтобы рѣшеніе могло быть пригодно. Количество времени, требующееся на рѣшеніе третейскаго суда, показываетъ, что этотъ судъ можетъ имѣть мѣсто въ особыхъ случаяхъ, отнюдь не угрожающихъ миру въ спорахъ, подобныхъ Алабамскому, ради которыхъ войны все равно не было бы.

Въ 1873 г. германскій юристъ Гольдсмитъ составилъ еще болѣе полный кодексъ и внесъ его на разсмотрѣніе только что основаннаго Института Международнаго Права.

По всеобщему признанію трудъ Гольдсмита пред-

ставляетъ талантливо написанный сводъ всего, „что до сихъ поръ сдѣлано жизнью и наукой“ *) по вопросу о третейскомъ международномъ судѣ.

Рядомъ статей подробно опредѣлены: возникновеніе, составъ полномочія и порядокъ занятій суда... Положивъ столько усилій на свое произведеніе, Гольдсмитъ—что дѣлаетъ ему величайшую честь—не предается иллюзіямъ относительно вліянія третейскаго суда на отношенія между самостоятельными государствами. Какіе споры подлежатъ международному третейскому суду? Только споры юридическаго характера, отвѣчаетъ Гольдсмитъ. Сложные политическіе вопросы, говоритъ онъ, вопросы, въ которыхъ замѣшаны интересы національные, пререканія о равенствѣ правъ или о превосходствѣ, такіе вопросы, представляющіе иногда скрытую, но дѣйствительную, причину столкновеній между государствами, не могутъ быть рѣшаемы судомъ. Это вопросы не права, а могущества. Государства, обладающія хотя нѣкоторою силою сопротивленія, никогда не преклонятся передъ судомъ, если рѣчь зайдетъ объ ихъ высшихъ интересахъ, даже предполагаемыхъ. Бывшіе случаи третейскихъ рѣшеній показываютъ, что они состоялись по такимъ несогласіямъ, которыя были удобны для судебнаго разбирательства по опредѣленному характеру спорнаго вопроса...

Предлагая свой кодексъ, Гольдсмитъ прямо объявляетъ, что всякое подробное сепаратное соглашеніе между странами о третейскомъ судѣ должно быть поставлено выше любого общаго правила. Свой кодексъ, какъ и всякій другой подобный, онъ считаетъ какъ бы дополнительнымъ руководствомъ, хотя бы онъ былъ одобренъ всѣми государствами. Оказывается, замѣтимъ мы, что въ международномъ третейскомъ судѣ дѣй-

*) Тамъ же, стр. 353.

ствуетъ принципъ обратный основному юридическому положенію jus publicum privatorum pactis mutari non potest. Непригодный для рѣшенія политическихъ споровъ, третейскій судъ имѣетъ и юридическій характеръ весьма своеобразный. Вѣрнѣе можно сказать, что международный третейскій судъ имѣетъ одну внѣшность юридическихъ институтовъ, а не ихъ сущность. Только тогда, когда коллизія интересовъ въ международной области сгладится, явится возможность международной юстиціи.

Кодексъ Гольдсмита подтверждаетъ еще болѣе предшествовавшихъ работъ другую печальную, но неотвратимую особенность третейскаго суда въ международной области: крайнюю медленность производства. На судебныя дѣйствія Фильдъ считаетъ полтора года; Гольдсмитъ требуетъ два года, и шесть мѣсяцевъ—вмѣстѣ съ сроками обжалованія (ст. 20 и 34).

Институтъ Международнаго Права, первыя засѣданія котораго были посвящены составленію регламента третейскаго суда (удобной канвой для чего послужилъ трудъ Гольдсмита), образовался въ 1873 году по иниціативѣ бельгійскаго ученаго Роленъ-Жакмена. Институтъ основанъ и до сихъ поръ дѣйствуетъ какъ закрытая академія, съ ограниченнымъ числомъ членовъ, печатающая свои труды, протоколы и заключенія, но не допускающая публики на свои засѣданія: „чтобы устранить всякое давленіе чувства и стремленія времени, всякіе соблазны краснорѣчія“. Институтъ Международнаго Права поставилъ себѣ цѣлью: 1) формулировать основныя начала науки и содѣйствовать кодификаціи международнаго права; 2) стремиться къ признанію этихъ началъ на практикѣ. Въ Международномъ Институтѣ о пути къ вѣчному миру не было до сихъ поръ и рѣчи. Сразу было рѣшено, и рѣшеніе твердо поддержано, образовать учрежденіе, вовсе не

похожее на шумныя собранія обществъ мира. У основателей Института проглядываетъ опасеніе подражать краснорѣчію и пріемамъ членовъ этихъ обществъ. Эффектные дебаты при многочисленныхъ слушателяхъ, рѣшительныя обѣщанія, пышныя надежды, выраженныя пылкимъ языкомъ, мало привлекали ученыхъ. Рядъ конгрессовъ мира далъ въ этомъ отношеніи отрицательные результаты.

Начавъ съ регламента третейскимъ судамъ, Институтъ не нашелъ никакихъ возраженій на заявленіе Гольдсмита объ ограниченномъ числѣ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію этихъ судовъ. Третейское разбирательство въ трезвыхъ умахъ ученыхъ сразу предстало въ своемъ истинномъ свѣтѣ.

Конецъ проекта Гольдсмита посвященъ довольно естественному для каждаго юриста вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ рѣшеніе суда можетъ быть отмѣнено. Одиннадцать поводовъ кассаціи (съ подраздѣленіями), предложенные въ проектѣ, показали въ авторѣ стремленіе вполнѣ исчерпать вопросъ.

Дальше неизбѣжно явилась надобность указать способъ образованія новаго суда, для разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ. Гольдсмитъ предлагалъ образовать международный кассаціонный судъ (постоянный или временный) или же дать соотвѣтственныя права одному изъ верховныхъ національныхъ судовъ. Сто восемьдесятъ дней, т.-е. полгода, пришлось добавить къ двухгодичному разбирательству первой инстанціи.

Послѣ долгихъ преній Институтъ отвергнулъ всю заключительную часть проекта объ аппеляціи и кассаціи и удовольствовался одной статьею слѣдующаго содержанія (ст. 27 и послѣдняя):

„Рѣшеніе третейскаго суда недѣйствительно, если недѣйствителенъ самый компромиссъ, если судьи пре-

высили сами полномочія или одинъ изъ нихъ дозволилъ себя подкупить, и это будетъ доказано, или если они впали въ существенное заблужденіе .

По заявленію Гольдсмидта и защитниковъ двухъ инстанцій, отсутствіе указанія на порядокъ аппеляціи или кассаціи лишаетъ права третейскій судъ на названія юридическаго учрежденія. Заключеніе вѣрное въ одномъ отношеніи: при современныхъ отношеніяхъ между народами, дѣйствительно юридическій органъ въ международной области невозможенъ. Постановленіе Института дѣлаетъ ему величайшую честь. Рѣшится-ли дѣло въ одной или многихъ инстанціяхъ, гарантія его исполненія ни мало не увеличится. Все основывается на доброй волѣ обѣихъ сторонъ. Если бы въ регламентѣ Института появились кассаціонные поводы и проектировались аппеляціонныя третейскія инстанціи, весь проектъ превратился бы въ неимѣющій значенія кусокъ бумаги. Если бы, однако, сверхъ ожиданія, въ какомъ либо международномъ спорѣ зашла рѣчь о двухъ инстанціяхъ, приговоръ никогда не былъ бы исполненъ. Если бы въ спорѣ по „Алабамѣ“, послѣ Женевскаго вердикта, одна изъ сторонъ нашла нужнымъ аппелировать на рѣшеніе, для всѣхъ стало бы яснымъ, что третейскій судъ потерпѣлъ неудачу.

Издавъ проектъ регламента, Институтъ уже не возвращался болѣе къ вопросу о международномъ судѣ. Въ теченіи двадцати лѣтъ Институтъ далъ рядъ важнѣйшихъ работъ по гражданскому и торговому праву. Состоялись постановленія о національности, о правоспособности, о наслѣдованіи иностранцевъ, объ обязательной силѣ законовъ, о бракѣ и разводѣ, объ опекѣ и попечительствѣ, о вексельномъ уставѣ, объ акціонерныхъ обществахъ. По уголовному праву Институтъ занимался вопросомъ о выдачѣ преступниковъ; по морскому праву — о страхованіи кораблей и грузовъ,

объ общей инструкціи для предотвращенія столкновенія судовъ, о торговлѣ невольниками, о нейтрализаціи Суэцкаго канала, объ охранѣ подводныхъ телеграфныхъ кабелей. Наконецъ по тому печальному отдѣлу науки, который именуется „правомъ войны", Институтъ высказалъ рядъ сужденій о призовыхъ трибуналахъ. Значеніе работъ Института аналогично съ внѣшнимъ видомъ его занятій. Вліяніе по наружности малозамѣтное и неопредѣленное, но въ сущности болѣе сильное и глубокое, чѣмъ многіе томы трактатовъ и дипломатическихъ нотъ. Едва-ли издается хотя одинъ законъ, касающійся частнаго и публичнаго международнаго права безъ предварительнаго изученія высказанныхъ Институтомъ воззрѣній. Для законодателя, дипломата, администратора, и полководца многоцѣнны листы съ дервизомъ: «Iustitia et pace». Быть избраннымъ членомъ Института Международнаго Права для юриста представляется величайшею чѣстью.

До сихъ поръ (1895 г.) Институтъ воздерживался «увѣнчать зданіе» своихъ работъ, какъ надѣялись черезъ чуръ пылкіе друзья мира, какимъ-либо проектомъ постоянной международной юстиціи. Тѣмъ не менѣе поставленный девизъ оправдывается. Эти тихія собранія людей, извѣстныхъ знаніями и талантами, укрѣпляютъ идею права. Война исчезнетъ благодаря вліяніямъ иного рода. Но по крайней мѣрѣ здѣсь не указывается ложныхъ путей и не поддерживаются иллюзіи, отвращающія насъ отъ истины. Гольцендорфъ въ 1876 г. черезъ два года послѣ опубликованія кодекса Института, высказался весьма категорически: «Два важныя препятствія, говоритъ онъ, — существуютъ для всеобщей примѣнительности третейскаго суда. Съ одной стороны начала международнаго права слишкомъ еще неопредѣленны, ихъ трудно распознать и установить. Съ другой, — мнѣнія народовъ, въ вопросахъ, касаю-

щихся претензій иностранныхъ государствъ, находятся еще слишкомъ подъ вліяніемъ ихъ одностороннихъ интересовъ и симпатій. Въ нашъ вѣкъ все бо̀льшаго переплетенія политическихъ и экономическихъ интересовъ между народами, невозможно ожидать отъ нихъ равнодушія ни по одному вопросу общей политики, а вслѣдствіе этого какая сторона способна, въ качествѣ третейскаго судьи, изрекать рѣшенія, равно чуждыя пріязни или ненависти?»

Въ первой половинѣ 1882 года появилось первое изданіе книги профессора Ф. Мартенса: «Современное Международное Право цивилизованныхъ народовъ».

Громадная эрудиція автора соединяется съ талантливымъ изложеніемъ. Трезвая оцѣнка прискорбныхъ фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло всякому писателю его спеціальности, соединяется съ гуманнымъ чувствомъ, съ тѣмъ здоровымъ субъективизмомъ, который исходитъ изъ признанія неотчуждаемыхъ личныхъ правъ человѣка. По отношенію къ международному третейскому суду г. Мартенсъ, изложивъ въ сжатомъ видѣ современное положеніе дѣла, ставитъ прежде всего вопросъ (изд. второе, томъ II, стр. 461): «Какая будущность принадлежитъ международному третейскому суду?» и даетъ нижеслѣдующій отвѣтъ: «Можно относиться съ двоякой точки зрѣнія къ этому способу рѣшенія международныхъ несогласій: съ точки зрѣнія благихъ пожеланій и съ точки зрѣнія существующаго порядка международныхъ отношеній. Никто не станетъ спорить, что было бы хорошо, если бы споры между государствами рѣшались не фактическими средствами и не войною, а третейскимъ судомъ. Но другой вопросъ, насколько при современныхъ отношеніяхъ между государствами, позволительно считать это средство практическимъ или даже возможнымъ для рѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ. Для будущ-

ности самаго третейскаго суда необходимо избѣгать иллюзій въ этомъ вопросѣ. Дѣйствительность показываетъ, что существуетъ множество такихъ споровъ и поводовъ къ международнымъ столкновеніямъ, выяснить которые при помощи юридическаго анализа рѣшительно невозможно. Многіе изъ нихъ накоплялись въ теченіи исторической жизни народовъ и устранимы только силою и путемъ нарушенія существующаго порядка и права. Трудно предположить, чтобы стороны согласились отдать свой историческій споръ на рѣшеніе какого либо третейскаго трибунала, или чтобы этотъ послѣдній могъ отыскать какую-нибудь юридическую почву для его разрѣшенія.

Во всѣхъ международныхъ спорахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только по такимъ, по большей части несущественнымъ, разногласіямъ государствъ, въ которыхъ замѣшаны главнымъ образомъ интересы юридическаго свойства, когда надо выяснить права, принадлежащія сторонамъ.

Изъ уваженія къ международному третейскому суду не слѣдуетъ расширять его компетенцію и ставить ему задачи, неразрѣшимыя съ точки зрѣнія права».

Эдинбургскій профессоръ Лоримеръ, членъ Института, авторъ двухъ проектовъ международной федераціи, которые мы ниже разберемъ, высказалъ собственно о третейскомъ судѣ весьма нелестное мнѣніе (1884 года The ultimate problem of international jurisprudence). Онъ сравниваетъ рѣшеніе третейскихъ судовъ съ примирительными поученіями, произносимыми съ кафедры учеными и священниками. Покуда рѣшенія третейскихъ международныхъ судовъ не будутъ опираться на матеріальную силу, подобно третейскимъ судамъ внутри государства, до тѣхъ поръ онѣ имѣютъ факультативное значеніе, не болѣе. Не стоитъ

передавать судамъ и менѣе важные споры между государствами; дипломатія лучше и съ меньшими расходами справится съ такими дѣлами.

Относительно Алабамскаго дѣла, какъ мы уже говорили, Лоримеръ вмѣстѣ съ Гефкеномъ отрицаетъ, чтобы Женевскій приговоръ могъ предотвратить войну. Вопросъ окончился мирно благодаря Вашингтонскому трактату и еще болѣе, вслѣдствіе рѣшительной склонности общественнаго мнѣнія Великобританіи къ полюбовному улаженію спора.

Приведенныя нами мнѣнія ученыхъ о третейскомъ судѣ достаточно разъясняютъ истину и находятся къ сожалѣнію, въ прискорбномъ противорѣчіи съ агитаціей, которую ведутъ постоянно общества мира и ихъ печатные органы и періодическіе конгрессы мира. Хорошо было бы если бы убѣдительные аргументы и убѣдительные факты постоянно стояли на виду у этихъ собраній: много силъ сохранилось бы. Движеніе утратило бы свой почти безцѣльный и обезкураживающій характеръ. И, кто знаетъ, мало по малу усилія направились бы по иному пути и энергія затратилась бы наконецъ на плодотворную борьбу.

ГЛАВА VIII.

Общественное мнѣніе, національное и всемірное. Значеніе международнаго права.

Вѣчнымъ недостаткомъ международнаго третейскаго суда, по горькому сознанію его защитниковъ, является отсутствіе матеріальной силы, которая подкрѣпляла бы его рѣшенія, подобно тому, какъ въ національныхъ судахъ, общихъ и третейскихъ, матеріальная сила государства обезпечиваетъ исполненіе приговоровъ. Сторонники международныхъ судовъ забываютъ еще, что эти суды не могутъ опираться даже на *нравственную* силу, на популярность, на общественное мнѣніе. Достаточно сравнить разбирательство третейское международное съ разбирательствомъ третейскимъ національнымъ, чтобы понять, что кромѣ полиціи, штыковъ, пушекъ, рѣшеніе національнаго арбитража имѣетъ нравственный престижъ, котораго совершенно лишены суды международные.

Значеніе, которое имѣетъ въ наше время общественнсе мнѣніе въ цивилизованномъ государствѣ, трудно преувеличить. При разныхъ политическихъ формахъ, популярность остается необходимымъ элементомъ, безъ котораго гибнутъ всѣ начинанія. Массовая поддержка и массовое осужденіе въ итогѣ побѣждаютъ все и вся. Частная даже жизнь, личныя дѣйствія, которыя власть не имѣетъ ни желанія, ни возможности контролировать, испытываютъ безапеляціонные и часто неправосудные вердикты того божества, которое въ

свободной Англіи извѣстно подъ именемъ «Cant'a». Публичные акты и правительственныя дѣйствія тѣмъ паче не могутъ никуда укрыться. Для нихъ вліяніе общественнаго мнѣнія часто страшнѣе политическихъ усложненій и проявленій грубаго насилія.

Два гражданина, обратившись къ третейскому суду, обязываются, по законамъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, подчиниться безусловно приговору. Уклоненіе отъ исполненія рѣшенія затрудняется не только санкціей закона, но и господствующимъ убѣжденіемъ, что отказъ отъ исполненія третейскаго рѣшенія есть нечестный поступокъ, кладущій клеймо на уклоняющагося.

Правомѣрное отношеніе къ спорамъ чувствительно ослабѣваетъ, когда въ дѣлѣ участвуютъ иностранные подданные. При вчинаніи же исковъ къ національному правительству со стороны чужестранцевъ является презумпція, что только безспорныя домогательства этого рода подлежатъ удовлетворенію. Если бы не боязнь, своекорыстная боязнь дальновиднаго эгоизма — подорвать государственный кредитъ, то обсчитываніе иностранныхъ кредиторовъ явилось бы мѣрой завидной популярности.

Но всякая надежда на справедливость и на гармонію между юстиціей и народнымъ настроеніемъ исчезаетъ, когда вмѣсто безспорныхъ и денежныхъ исковъ частныхъ лицъ, являются спорныя и политическія домогательства иностраннаго правительства. Общественное мнѣніе двухъ сосѣднихъ странъ приходитъ въ рѣзкую и неустранимую коллизію. «То, къ чему примѣшивается что либо національное, говоритъ Тренделенбургъ («Lücken im Völkerrecht» 24) «дѣлается до такой степени индивидуальнымъ, что каждый народъ отказываетъ другому даже въ способности понять это». Одновременно надѣяться на поддержку общественнаго мнѣнія двухъ, пришедшихъ въ столкновеніе, народовъ

немыслимо. Популярность по одну сторону границы непремѣнно совпадаетъ съ ненавистью съ другой. На мнѣніе нейтральныхъ націй разсчитывать трудно; либо интересы связываютъ ихъ съ однимъ изъ противниковъ, либо является индиферентизмъ.

Возрастаніе вліянія національнаго общественнаго мнѣнія при увеличивающемся самосознаніи народовъ и коллизіи интересовъ -- естественно ведетъ къ политическому разладу. Противоположныя вліянія, сознаніе общечеловѣческихъ идеаловъ, увеличившіяся сношенія между народами смягчаютъ національную непріязнь между личностями; они недостаточны для устраненія соперничества націй.

Старинная поговорка: «homo homini lupus» можетъ быть несправедлива; въ наше время можно сказать: «populus populo lupus».

Естественное проявленіе міроваго политическаго компромисса, *всесвѣтное общественное мнѣніе* выражается въ томъ необязательномъ, но отчасти соблюдаемомъ обычномъ кодексѣ, который именуется *международнымъ правомъ*. Легко показать, что эти всемірные статуты не могутъ дать нравственнаго обаянія какимъ бы то ни было вердиктамъ, произносимымъ надъ сталкивающимися національными интересами. Строжайшее *соблюденіе* международнаго права совершенно *уживается съ безпрестанными войнами*. Величайшій изъ интернаціоналистовъ. Блюнчли, изложилъ международное право цивилизованныхъ государствъ въ видѣ кодекса. Если бы этотъ кодексъ подписали всѣ рѣшительно правительства, то ни одна война не была бы предотвращена, пора вѣчнаго мира не приблизилась бы ни на одинъ день, а скрытый антагонизмъ цивилизованныхъ народовъ не понизился бы ни на одинъ градусъ.

Знаменитый германскій юристъ Іерингъ, съ его послѣдователями, отрицаетъ существованіе международ-

наго права. По его мнѣнію сила представляетъ такой необходимый элементъ права, что при ея отсутствіи самое право немыслимо, что международныя отношенія, въ которыхъ сила, т. е. принужденіе не находитъ мѣста, будутъ отношенія моральныя, а не юридическія. Мнѣніе это. говоритъ г. Мартенсъ *), имѣетъ много сторонниковъ.

Ученикъ Іеринга, гейдельбергскій профессоръ Іеллинекъ наоборотъ доказываетъ, что международное право также твердо обосновано, какъ и положительные законы. Источникомъ того и другого одинъ—самообязываніе, самоограниченіе полноправной юридической личности, каковою является самостоятельное государство. Создавая нормы, обязывающія подданныхъ, государство въ то же время само налагаетъ на себя обязательства, ограничиваетъ свою волю, какъ внутри государства по отношенію къ гражданамъ, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ. Трактаты съ сосѣдними странами и неписанныя правила международнаго права охраняются тою же нравственною гарантіею, какъ и государственное право, представляютъ результатъ самоограниченія суверенитета. Какъ тотъ, такъ и другой родъ самообязыванія (аналогичнаго съ тѣмъ добровольно налагаемымъ на себя стѣсненіемъ свободной воли человѣческой личности въ области этики),—никакъ нельзя считать абсолютнымъ. Внѣшнія и внутреннія отношенія измѣняются. При столкновеніи съ высшими цѣлями государства, тѣ или другія ограниченія внутренняго законодательства или внѣшнихъ сношеній отмѣняются или измѣняются и накладываются на себя другія. Аналогія между самообразованіемъ индивида и самообязываніемъ государства, между областью этики и областью права должна быть допол-

*) Современное Международное право, т. I, стр. 8.

нена понятіемъ о правѣ крайней необходимости, одинаково принадлежащей личности и государству; послѣднему одинаково въ сферѣ государственнаго права и въ сферѣ права международнаго.

Изъ представителей русской науки г. Мартенсъ, не вѣрящій въ международную юстицію и, какъ мы видѣли, не дѣлающій себѣ никакихъ иллюзій на счетъ третейскаго суда, полемизируетъ со школой Іеринга. Графъ Л. Комаровскій сторонникъ расширенія третейской практики и авторъ особаго проекта международнаго суда объявляетъ, что «какъ ни заманчива для юриста» теорія Іелинека, онъ не можетъ съ ней согласиться.

Вся эта полемика имѣетъ, какъ говорится, чисто академическое значеніе. Пусть правъ Іелинекъ съ его отраднымъ ученіемъ объ идеальномъ господствѣ правоваго порядка внутри и внѣ государства. Все это ни мало не улучшаетъ современнаго порядка вещей. Въ кодексѣ международнаго права самый видный отдѣлъ составляетъ «право войны», право вооруженнаго нападенія, право насилія, право грабежа, право массоваго убійства. А регламентъ мирнаго времени исходитъ изъ молчаливаго предположенія, что интересы государствъ противоположны. Завоеванія – результаты насилія—международное право пріурочиваетъ къ правамъ пріобрѣтателей государственной собственности. Международное право несомнѣнно смягчаетъ бѣдствія войны. Но мы выше указывали истинную причину отмѣны каперства и установленія тѣхъ обычаевъ, слѣдуя которымъ побѣдитель старается внушить страхъ и избѣгаетъ доводить до отчаянія и ожесточенія. Не больше нравственнаго достоинства заключается и въ мягкости тѣхъ правилъ международныхъ отношеній, которыя запрещаютъ грубое обращеніе съ посланниками и богатыми туристами, и регулируютъ ранги дипломатовъ.

Военныя инструкціи и приказы по арміи сдѣлали шагъ впередъ. Дикій завоеватель былыхъ временъ также относится къ современному полководцу, какъ тупоумный мучитель-инквизиторъ къ образованному лорду Борлею, который, давая приказъ пытать виновнаго, приказывалъ соблюдать „возможное въ подобномъ дѣлѣ милосердіе".

Пусть международное право смягчаетъ нравы и обуздываетъ страсти; пусть оно является выразителемъ всесвѣтнаго общественнаго мнѣнія. Все равно; его нравственная сила не поддержитъ мирныхъ начинаній и не дастъ престижа какому бы то ни было правовому международному институту. Слова примиренія останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, пока не исчезнутъ или неумалятся въ народахъ враждебныя чувства.

Какъ мало опоры для всеобщаго замиренія даетъ международное право, видно съ полной наглядностью изъ спеціальныхъ отдѣловъ его: о призовомъ судопроизводствѣ и изъ свода обязанностей воюющихъ по отношенію къ раненнымъ и больнымъ.

Постановленіе Парижской декларації объ отмѣнѣ каперства постигла странная участь. Соединенные Штаты объявили (нота статсъ-секретаря Мерси), что не могутъ присоединиться къ декларації раньше, чѣмъ частная собственность на морѣ будетъ также уважаться воюющими, какъ и на сушѣ, что охота за «призами» должна быть одинаково запрещена какъ каперамъ, такъ и крейсерамъ. Предложеніе Штатовъ, извѣстное подъ именемъ «поправки Мерси», встрѣтило рѣзкіе протесты со стороны Англіи и провалилось. С. Штаты, не подписавшіеся подъ афоризмомъ «la course est et demeure abolie», имѣли полное право выдавать каперскіе патенты. Тѣмъ не менѣе во время междуусобной войны они ихъ не выдавали, не смотря даже на то, что противная сторона, сооружая суда, во время своихъ подвиговъ

забыла про обязанность представлять захваченные корабли въ призовые суды. Крейсеры южанъ отличались отъ морскихъ разбойниковъ обладаніемъ куска бумаги съ печатью и подписью мятежнаго правительства. Воздержаніе Штатовъ отъ выдачи каперскихъ патентовъ никакъ нельзя объяснить гуманностью. Опасеніе быть втянутыми въ ссору съ европейскими морскими державами рѣшило дѣло. Прямая выгода заставила присоединиться къ парижской декларації de facto, отказавшись отъ обычнаго права репрессалій.

Въ 1860 году Парижская декларація была нарушена совершенно наглымъ образомъ. Объявивъ войну Чили, Перуанская республика, подписавшая декларацію, стала выдавать каперскіе патенты. Удостовѣренія получались въ городѣ Лимѣ, столицѣ республики, гдѣ въ университетѣ процвѣтала извѣстная каѳедра международнаго права. Для правительства растакуеровъ было весьма пріятно присоединиться къ всемірному гуманитарному акту и оказаться, на бумагѣ, впереди «отсталыхъ» Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Исполненіе обязательства дѣло другое. Долги нравственные также мало смущали растакуеровъ, какъ мало заботили ихъ долги матеріальные. Подпись представителя Перу на краснорѣчивой декларації, смягчавшей ужасы морской войны, стоила равно столько же, сколько грифъ ихъ президента на бумагахъ національныхъ фондовъ.

Общественное мнѣніе Европы не обратило вниманія на перуанское вѣроломство. Опаснѣе оказалась чилійская военная сила, въ конецъ сокрушившая перуанскія армію и флотъ. Отдаленность Тихоокеанской войны 1879—1881 годовъ повела вѣроятно къ тому, что появленіе каперовъ было объяснено «исключительнымъ» случаемъ. Къ тому же, какъ разъ въ это время началась въ наукѣ и въ прессѣ агитація противъ отмѣны

каперовъ, агитація, которая, по свидѣтельству г. Мартенса, проявляется сильнѣе всего въ Англіи и Россіи *).

Регулировать дѣйствія каперовъ и военныхъ крейсеровъ, во время промысла ихъ за коммерческими кораблями непріятельской страны, призвана призовая юстиція. Если злополучный корабль не утопленъ, а приведенъ въ портъ, то начинается своеобразное разбирательство, которому присвоивается названіе «международнаго». Призовые судьи должны разсматривать, принадлежитъ-ли грузъ и корабль непріятелю, «законенъ» ли захватъ, не произведено-ли посягательство на торговлю нейтральныхъ державъ, соблюдены ли обычаи морской войны и морского «права». Международный характеръ призовыхъ судовъ, ради котораго они нѣкоторыми разсматриваются какъ первое проявленіе международной юстиціи **), пріобрѣтено не дешевой цѣной. «Право морской военной добычи говоритъ г. Мартенсъ, не имѣетъ юридическаго основанія». — «Въ основаніи призового судопроизводства лежитъ крайне несправедливая мысль, что потерпѣвшіе обвиняемые-собственники обязаны доказать незаконность захвата. При этомъ, какъ показываетъ практика, достаточно одного недоразумѣнія, чтобы призъ былъ присужденъ въ пользу взятеля». (Назван. соч. стр. 529 и 533).

Институтъ Международнаго права попытался ввести въ эти грубыя дѣйствія какой либо видъ справедливости. Въ 1882 году Институтъ выработалъ „Регламентъ призовыхъ судовъ“ (по проекту Бульмеринга), а въ 1887 году, въ засѣданіи въ Гейдельбергѣ, предложилъ, чтобы призовой судъ первой инстанціи оставался національнымъ; вторая же инстанція должна быть международнымъ трибуналомъ.

*) Современное Международное право, т. I, стр. 519.

**) Гр. Комаровскій. О международномъ судѣ, стр. 150.

«Такое предложеніе, весьма резонно замѣчаетъ г. Мартенсъ, серьезнаго значенія не имѣетъ и трудно себѣ представить, чтобы воюющія государства когда либо согласились признать своихъ командировъ военныхъ судовъ подсудными нейтральному суду».

Печальна роль юристовъ въ призовыхъ судахъ. Тамъ требуются никакъ не представители идеи права, а эксперты по международнымъ отношеніямъ. Всего хуже, когда призовые трибуналы составлены исключительно изъ юристовъ. Лицемѣрный обликъ усугубляется и международное право обращается въ собраніе юридическихъ фикцій, придуманныхъ для оправданія результатовъ насилія. Смѣшанныя собранія изъ морскихъ офицеровъ, дипломатовъ, негоціантовъ и одного только юрисконсульта лучше подходятъ къ существу разбираемаго дѣла.

Богатство литературы по призовымъ судамъ, подробная и талантливая разработка вопроса особенно знаменательны для новѣйшаго времени, когда правовыя учрежденія крѣпнутъ во внутренней жизни народовъ, а во внѣшнихъ отношеніяхъ господствуетъ угроза войны. Право и война существуютъ одновременно и право не тѣснитъ войны, а надѣляетъ ее правовыми аттрибутами. Союзъ права съ войной нѣсколько уменьшаетъ причиняемыя ею страданія, но едва ли приближаетъ день ея исчезновенія. Исторія научаетъ насъ, что регламентація бывала иногда препятствіемъ для упраздненія тягостныхъ отношеній и удручающихъ учрежденій. Рабство въ Америкѣ и крѣпостное право въ Россіи сохранились до поздняго времени, потому что обратились въ юридическій институтъ правоваго государства.

Во время Испанско-Американской войны 1898 года, обѣ стороны, Парижской декларації не подписавшія, тѣмъ не менѣе отказались отъ услугъ вольныхъ капе-

ровъ. Истинная причина воздержанія скоро выяснилась. Каперы должны быть хорошими большими морскими пароходами; иначе они мало наловятъ призовъ. На парусномъ суднѣ нельзя догнать ни одного купца, а придется охотиться за рыбачьими судами, съ малой вѣроятностью успѣха. Дѣйствительно цѣнная морская добыча представляется въ образѣ большихъ паровыхъ судовъ, догнать которыя трудно импровизированному каперу, а между тѣмъ вѣроятность попасть подъ пушки или мины непріятельскихъ крейсеровъ весьма велика. Такимъ образомъ прогрессъ морской механики лучше всякихъ декларацій препятствуетъ развитію каперства. Выдавать каперскіе патенты можно, но охотниковъ ими воспользоваться будетъ не много.

На эти новыя условія, выясненныя Испано-Американской войною, почему то мало обращено вниманія въ Англіи, а между тѣмъ очевидно, что морская торговля Англіи въ сущности безопасна отъ каперовъ, хотя бы Парижская декларація и не соблюдалась.

Еще болѣе призоваго права подъ защиту общественнаго мнѣнія всѣхъ народовъ поставлены охрана и попеченіе о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ былъ законченъ Алабамскій споръ, — подписана 22 Августа (нов. ст.) 1864 г. международная конвенція, въ силу которой раненые и больные, безъ различія національностей, пользуются одинаковымъ покровительствомъ воюющихъ сторонъ. Перевязочные пункты и военные госпитали признаются нейтральными и неприкосновенными. Красный Крестъ на бѣломъ полѣ, поставленный рядомъ съ національнымъ флагомъ, защищаетъ страждущихъ и заботящихся о нихъ отъ непріятельскаго огня.

Если перевязочный пунктъ или госпиталь окажется во власти непріятеля — не только раненые и больные, но весь медицинскій и вспомогательный персоналъ, а также духовенство, пользуются правами нейтральныхъ и не подлежатъ военному плѣну. Безусловный нейтралитетъ распространяется на эвакуацію раненыхъ и больныхъ.

«Мѣстные жители, оказывающіе помощь раненымъ, пользуются неприкосновенностью и за ними сохраняется свобода» («seront respectés et demeureront libres»).

Военныя власти воюющихъ обязаны, обращаясь къ человѣколюбію жителей страны, объявить, что послѣдствіемъ вниманія къ нуждамъ раненыхъ будетъ нейтрализованіе ихъ жилищъ. Каждый раненый, принятый и пользующійся уходомъ въ какомъ либо домѣ, служитъ охраною этому дому («y servira de sauvegarde»). По выздоровленіи отъ ранъ, лица, неспособныя къ военной службѣ, отправляются обратно на родину; всѣ другія могутъ также освобождаться на честное слово, съ обязательствомъ не служить до окончанія войны.

Авторъ книги «La Croix Rouge, son passé et son avenir» (Moynier) считаетъ, что Женевская конвенція и Красный Крестъ, т. е. всѣ многочисленныя общества попеченія о раненыхъ, — «пробили непоправимую брешь въ стѣнѣ людского эгоизма. Послѣдствія этой побѣды неисчислимы. Мало по малу всѣ общественныя отношенія, такъ часто переполненныя враждою и ненавистью, почувствуютъ вліяніе этой новой крови, влитой въ жилы цивилизованнаго человѣчества».

Всѣ европейскія государства, одно за другимъ, присоединились къ Женевской конвенціи. Присоединеніе Турціи и основаніе въ Константинополѣ общества вспоможенія раненымъ, составляетъ по мнѣнію Муанье великое событіе въ исторіи культуры. «Въ комитетѣ, возникшемъ на берегахъ Босфора, участвовали не

только всѣ подданные Султана, безъ различія религіи, но и мусульмане Индіи и христіане Европы».

Насколько надежда организатора «Краснаго Креста» исполнена была преувеличенія, свидѣтельствуетъ рядъ знаменательныхъ фактовъ. Женевская конвенція имѣла, конечно, благія послѣдствія. Общая сумма страданій сократилась замѣтно. Немало юныхъ жизней спасено «Краснымъ Крестомъ», среди увѣчныхъ и больныхъ, ввѣренныхъ его попеченію. Но никакъ нельзя разсматривать военные обычаи, связанные съ Женевской конвенціей какъ предвѣстниковъ уменьшенія числа войнъ. Соблюденіе воюющими державами принциповъ, провозглашенныхъ 22 Августа 1864 г., нисколько не умаляетъ чувствъ національной розни и не измѣняетъ тѣхъ отношеній, того порядка вещей, при которомъ съ каждой весной можно ждать массоваго взаимнаго избіенія и раззоренія.

Милосердіе къ раненымъ и врачамъ не ново. Въ три послѣдніе вѣка г. Мартенсъ насчитываетъ болѣе трехсотъ договоровъ между различными государствами Европы «какъ о неприкосновенности раненыхъ, такъ и относительно одинаковаго за ними ухода. «Неприкосновенность» въ прежнее время часто давала вмѣсто скорой смерти долгія мученія. Раненыхъ не подбирали послѣ кровопролитныхъ сраженій по цѣлымъ днямъ. Извѣстно, что изъ человѣколюбія, раненые иногда по ихъ собственной просьбѣ «прикалывались». Одинаковое отношеніе къ раненымъ обѣихъ сторонъ обозначало тогда одинаковое пренебреженіе. Причиною было однако не намѣренное жестокосердіе, а недостатокъ медицинскаго и санитарнаго персонала. Еще въ концѣ XVIII вѣка цѣлая австрійская армія въ Нидерландахъ имѣла одного врача. Военногоспитальное дѣло развивалось съ прискорбной медленностью. Въ 1859 году, во время войны между Франціей и Австріей, Женев-

скій врачъ «Dumont» описалъ безпомощное состояніе обѣихъ армій, послѣ кровопролитнаго боя. Благодаря его брошюрѣ «Souvenirs de Solférino», начались крупныя улучшенія военно-санитарной организаціи, расширеніе общественной помощи и была заключена Женевская конвенція.

Къ Женевской конвенціи первоначально присоединились Франція, Англія, Пруссія, Соединенные Штаты, Италія, Бельгія, Данія, Голландія, Швеція, Испанія, Португалія, Швейцарія и нѣсколько германскихъ государствъ.

Война 1866 года застала Австрію не присоединившуюся къ конвенціи. «Съ каждой идеей, съ каждой арміей Австрія опаздываетъ», говоритъ Наполеонъ, Пруссія наоборотъ объявила, передъ началомъ кампаніи, что будетъ во всякомъ случаѣ соблюдать конвенцію. Австрійскія же власти вѣроятно опасались, что Красный Крестъ и Женевскіе статуты помѣшаютъ побѣдѣ. Послѣ пораженія подъ Садовой оказалось, что кромѣ захвата въ плѣнъ нѣсколькихъ прусскихъ докторовъ, Австрія не получила никакихъ выгодъ отъ своей свободы дѣйствій. Немедленно послѣ войны Австрійское Правительство присоединилось къ конвенціи. Въ 1867 году общему примѣру послѣдовала Россія; 20 Октября 1868 г. состоялось, также въ Женевѣ, подписаніе «проекта» дополнительнаго договора, разъяснявшаго нѣкоторыя статьи конвенціи и распространявшаго дѣйствіе однородныхъ началъ на морскую войну. Проектированные санитарные, пользующіеся нейтралитетомъ корабли, поднимающіе на мачтѣ флагъ Краснаго Креста, кромѣ больныхъ и раненыхъ предназначались для спасенія утопающихъ. Въ силу § 13 санитарныя суда, дѣйствуя на свой страхъ во время морскаго боя и послѣ его окончанія, ни въ какомъ случаѣ не должны были «стѣснять сражающихся».

Проектъ подписали Сѣверо-Германскій союзъ, государства Южной Германіи, Франція, Австрія, Англія, Италія, Швейцарія, Турція, Бельгія, Голландія, Данія и Швеція. Соглашеніе 1868 г. считалось только проектомъ, одобреннымъ лишь въ принципѣ и «не имѣвшимъ обязательной силы» *).

Когда началась война 1870 г. между Франціей и Германіей, обѣ воюющія державы, объявили, что не только будутъ соблюдать конвенціи 1864 г., но и проектъ 1868 г. Разница между словами и дѣломъ не замедлила сказаться. Германскіе госпитали, санитарные поѣзда, перевязочные пункты были устроены и дѣйствовали съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и вся образцовая воинская организація. Плѣнные содержались съ суровой пунктуальностью. Но дозволительно сомнѣваться, повліяла-ли Женевская конвенція на германскую администрацію. Рядъ нарушеній конвенціи былъ допущенъ безъ всякаго стѣсненія. Статья 5, освобождающая отъ поборовъ жителей, принявшихъ раненыхъ, не соблюдалась вовсе. Слова конвенціи: «всякій раненый, принятый въ домъ, служитъ охраной этому дому»—остались фразой, на которую никто не обращалъ никакого вниманія. Раненые отъ плѣна не освобождались. Во особую заслугу поставили себѣ германскія власти освобожденіе 2000 совершенно изувѣченныхъ французовъ.

Изъ Франціи пришли еще менѣе радостныя вѣсти. Наполеонъ III, великій охотникъ до всякихъ международныхъ соглашеній, былъ въ числѣ иниціаторовъ Женевскаго акта. Когда Французскія войска выступили въ походъ, выяснилось, что Военное Министерство не позаботилось даже ознакомить офицеровъ и солдатъ съ конвенціей. Что такое Красный Крестъ—мало кто изъ нихъ слыхалъ.

---

*) Этотъ «проектъ» утвержденъ только въ 1899 г., въ Гаагѣ.

Терпѣніе Центральнаго женевскаго Комитета истощилось. Были посланы вѣжливыя, но категорическія представленія въ Берлинъ и Парижъ. Нѣмецкій отвѣтъ пришелъ скоро и гласилъ, что обстоятельства не дозволяли поступать иначе. Французское правительство не отвѣчало ничего.

Послѣ заключенія мира г. Муанье представилъ 3 Января 1872 г. докладъ о необходимости создать какія либо гарантіи исполненія Женевской конвенціи. По его авторитетному заявленію, нравственная санкція оказалась недостаточной. Онъ предложилъ учредить международный постоянный судъ, на подобіе временнаго Алабамскаго, изъ пяти членовъ (изъ коихъ трое отъ нейтральныхъ державъ). Судъ долженъ былъ разбирать жалобы на нарушеніе Женевскихъ статутовъ, производить слѣдствіе, постановлять рѣшенія, приговаривать къ наказаніямъ и уплатѣ убытковъ.

Со стороны правительствъ проекту Муанье не было оказано вниманія. Спеціалисты по международному праву, одинъ за другимъ, выяснили полную не примѣнимость проекта, даже и въ томъ случаѣ, если-бы правительства пожелали бы что-либо сдѣлать. Какъ судъ будетъ производить слѣдствіе? Нарушенія конвенціи случаются передъ лицомъ непріятеля; своевременно нельзя допросить ни виновнаго, ни свидѣтелей. Послѣ окончанія войны возстановленіе фактовъ крайне затруднительно.

Когда дойдетъ дѣло до наложенія наказанія, то какъ согласовать подсудность международному суду съ основными законами о личныхъ гарантіяхъ? Основатель Института Международнаго Права Роленъ-Жакменъ указываетъ, что государства должны будутъ совершенно измѣнить свои конституціи, прежде чѣмъ обязать своихъ подданныхъ подчиниться юрисдикціи суда, въ числѣ пяти членовъ котораго будутъ четыре

иностранца. По мнѣнію Вестлека, судъ только ухудшитъ дѣло, такъ какъ ослабитъ отвѣтственность главнокомандующихъ (нравственную) за нарушеніе конвенціи. Изъ всѣхъ возраженій оказывается, что Женевская конвенція должна остаться, какъ и въ 1870—1871 гг., подъ охраной нравственнаго престижа, общественнаго мнѣнія, международнаго права...

Но худшее было еще впереди. Франція и Германія нарушали тѣ или другіе женевскіе статуты, но нѣкоторые параграфы конвенціи соблюдались. Обращеніе съ больными и ранеными, попавшими въ плѣнъ, не носило и слѣда какого-либо варварства. Въ 1876 г., когда началась война Турціи сначала съ Сербіей и Черногоріей, а потомъ съ Россіей, всѣ увидѣли, чего стоитъ подпись турецкихъ уполномоченныхъ на международныхъ соглашеніяхъ. Подписавъ Женевскую конвенцію безъ всякихъ оговорокъ въ 1865 г., турецкое правительство только чрезъ одиннадцать лѣтъ спохватилось, какъ говоритъ г. Мартенсъ, о невозможности Краснаго Креста для мусульманскихъ войскъ. Когда Румынія, будучи еще нейтральной, предложила Турціи свои услуги по помощи раненымъ отъ имени своихъ обществъ вспоможенія, Турція не постѣснилась отвѣтить отказомъ, основываясь на томъ, что «не приняла никакихъ мѣръ для внушенія войскамъ ея уваженія къ «Красному Кресту». Дѣйствительно, кромѣ турецкихъ изящныхъ дипломатовъ, ни одинъ турокъ не имѣлъ понятія о новомъ регламентѣ гуманности. До конца 1877 г., т. е. до дней перехода русскихъ черезъ Балканы, не имѣлось вовсе перевода конвенціи на турецкій языкъ. Затѣмъ по настоянію Турціи вмѣсто Краснаго Креста для нея былъ допущенъ санитарный флагъ съ краснымъ полумѣсяцемъ. Но ни крестъ, ни полумѣсяцъ не повели ни къ чему. Войска стали совершать дикія звѣрства надъ русскими ранеными. Обычнымъ

пріемомъ баши-бузуковъ было разведеніе костровъ на груди несчастныхъ.

Общественное мнѣніе Европы возмутилось. По почину Германіи, великія державы, чрезъ своихъ представителей, обратили «вниманіе Порты на поведеніе ея арміи». Дикость и лицемѣріе турецкихъ администраторовъ хуже всего отозвалась на участи турецкихъ раненыхъ и больныхъ. «Красная луна» имѣла ничтожныя средства, а нейтральныя государства естественно направили свою помощь къ русской арміи, соблюдавшей женевскую конвенцію.

Турецкія амбулаторіи представляли крайнюю степень человѣческихъ страданій. Кисть Верещагина изобразила ужасы госпиталей въ Плевнѣ. Смерть была желаннымъ исходомъ для тѣхъ, кто лежалъ подъ защитой бѣлаго знамени съ «Красной луной».

Степень гуманности «humanité relative», съ которой ведется вооруженная борьба между образованными націями въ новѣйшее время, виднѣе не изъ Женевской конвенціи, постоянно нарушаемой, а изъ другого договора, заключеннаго въ Петербургѣ 29 Ноября (11 Декабря) 1868 г. и до сихъ поръ соблюдаемаго.

«Принимая во вниманіе, что успѣхи цивилизаціи должны имѣть своимъ слѣдствіемъ возможное смягченіе бѣдствій войны; что единственная законная цѣль, которою должны задаваться государства во время войны, есть ослабленіе военныхъ силъ непріятеля; что для этого достаточно лишить возможности участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ какъ можно большее число солдатъ; что употребленіе такого оружія, которое безполезно увеличило бы страданія людей, лишенныхъ уже возможности участвовать въ военныхъ дѣй-

ствіяхъ, или влекло бы за собой ихъ неизбѣжную смерть —преступаетъ предѣлы, поставленные военной цѣлью, и въ силу этого противно законамъ гуманности,—договаривающіяся стороны обязуются взаимно отказаться, на случай возникновенія между ними войны, отъ употребленія ихъ войсками, сухопутными и морскими, всякихъ разрывныхъ или начиненныхъ горючими или воспламеняющимися матеріалами метательныхъ снарядовъ вѣсомъ ниже 400 граммовъ».

Крупные снаряды, будутъ они разрывные или простые, почти всегда несутъ смерть. Граната и бомба и безъ разрыва убиваетъ наповалъ. Другое дѣло разрывныя пули: вмѣсто легкой иногда раны, выводящей изъ строя, но излечимой — онѣ навѣрное калѣчатъ, а чаще всего мгновенно отнимаютъ жизнь. Согласившись не употреблять разрывныхъ пуль, цивилизованныя государства вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціально разъяснили сущность того «относительнаго человѣколюбія», которымъ отличается современная вооруженная борьба образованныхъ народовъ отъ войны былыхъ временъ и отъ нападенія дикарей. Актъ боя регулярной арміи долженъ состоять въ ослабленіи непріятельскаго войска «посредствомъ» лишенія возможности участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ возможно большаго числа солдатъ. Не нужно «безполезныхъ страданій», не нужно «лишнихъ смертей». Обернувъ фразу, мы видимъ, что смерть и страданія законны въ весьма большемъ количествѣ, когда они полезны; тогда ихъ допускаютъ «успѣхи цивилизаціи, гуманность и «право войны».

Не давать пощады мирнымъ жителямъ; насиловать и уводить женщинъ; грабить города и деревни; рѣзать сдавшихся и бросившихъ оружіе непріятелей; избивать плѣнныхъ,—какъ показалъ опытъ вѣковъ—невыгодно. Побѣда дѣлается болѣе трудною. Сопротивленіе врага возрастаетъ. Жители зарываютъ запасы и жгутъ дома.

Сплошная бойня и грабежъ кромѣ того опасны. Народы нейтральные увидятъ въ варварскомъ опустошеніи свою собственную участь и предпочтутъ заблаговременно ополчиться противъ общаго врага.

Соблюденіе военнаго права зиждится прежде всего на личныхъ выгодахъ воюющихъ. Объяснять болѣе мягкіе военные законы какими либо нравственными вліяніями трудно. Успѣхи цивилизаціи и смягченіе нравовъ имѣли второстепенное вліяніе. Право войны предоставляетъ отнять у непріятеля самое драгоцѣнное и невозвратимое благо - жизнь; лишить его здоровья; увести его въ плѣнъ; на сушѣ щадить собственность только цѣною контрибуцій; на морѣ не щадить собственности вовсе. При такихъ дозволенныхъ дѣйствіяхъ, основанныхъ при томъ почти исключительно на холодномъ своекорыстіи, та доля гуманности и права, которую государство изъ своихъ внутреннихъ правовыхъ отношеній и мягкихъ нравовъ переноситъ на врага въ тяжелую годину войны, принимаетъ своеобразный характеръ. Нравы смягчились. Смягченіе выражается, какъ можно замѣтить, въ уменьшеніи силы страстей и въ болѣе интенсивномъ преслѣдованіи интересовъ. Во внутренней жизни долгая соціальная эволюція и вліяніе гуманитарныхъ идей привели къ созданію современнаго уклада цивилизованныхъ государствъ, съ личными гарантіями и могучимъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Внѣ государства, періодическія войны испытали на себѣ только пониженіе страстей и усиленіе интересовъ. Основная мысль Петербургской конвенціи (единственно положительнаго международнаго акта, не нарушеннаго до сихъ поръ) глубоко вѣрна. Цивилизованный человѣкъ не находитъ удовольствія причинять «безполезныя» страданія; но въ силу интереса, дѣйствительнаго или ложнаго, онъ согласенъ на любое количество смертей, страданій и разоренія для чужестранцевъ.

Мы украшаемъ флагами свои дома, когда узнаемъ, что послѣднее сраженіе, стоившее нашему войску двѣ-три тысячи убитыхъ и десять-двѣнадцать тысячъ раненыхъ, обошлось врагу въ сорокъ тысячъ смертей и увѣчій. Наше удовольствіе возрастаетъ, когда позднѣйшія подробности увеличиваютъ потери непріятеля и сообщаютъ, что его армія загнана куда-то въ опустошенную область, гдѣ голодъ и болѣзни докончатъ пораженіе и выгодный миръ, сопряженный съ невѣроятнымъ униженіемъ народа, еще недавно полнаго достоинства,—выгодный миръ доставитъ намъ милліарды контрибуціи, новыя территоріи, политическую гегемонію.

Въ поискахъ за аналогіей, выясняющихъ гуманность, съ которой цивилизованный народъ ведетъ войну, мы невольно наталкиваемся на прискорбное сравненіе. Убивая съ пользою, щадя, когда польза исчезаетъ, избѣгая наносить страданія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя наносить выгодно, мы приравниваемъ непріятелей къ животнымъ. Законы и общественное мнѣніе одинаково осуждаютъ ненужное избіеніе звѣрей и причиненіе имъ напрасныхъ страданій.

Весьма схожимъ правомъ гуманность конца XIX вѣка надѣляетъ войска враждебнаго сосѣда. Въ этомъ одномъ тезисѣ общественное мнѣніе всѣхъ образованныхъ націй соединяется и караетъ нарушителя „относительной гуманности“.

Караетъ слабо и нерѣшительно. Каждая война сопровождается болѣе или менѣе вопіющими фактами. Тамъ мирные жители грабятся. Въ другомъ мѣстѣ оккупантъ изобрѣлъ дополнительные параграфы къ кодексу профессора Блюнчли и заставляетъ гражданскія власти отвѣчать жизнью за безопасность дорогъ и телеграфовъ отъ нападеній непріятельскихъ партизановъ. Капитуляціи толкуются произвольно. Плѣнные,

отпущенные на слово, появляются въ рядахъ войска. Крейсера не всегда помнятъ про призовые суды. Непріятельскіе раненые горько чувствуютъ, что Женевская конвенція часто остается мертвой буквой. При заключеніи мира всѣ подобныя правонарушенія подразумѣваются въ общей амнистіи и оффиціально предаются забвенію. Сужденія о нихъ общественнаго мнѣнія въ воюющихъ государствахъ діаметрально противоположны. Нейтральные народы, общественное мнѣніе которыхъ должно образовать ту нравственную санкцію, на которую возлагается столько надеждъ сторонниками международной юстиціи, высказываются за или противъ нарушителя, смотря по тому,—побѣдилъ онъ или побѣжденъ. Для перваго - снисхожденіе и похвала, для второго—строгость и презрительные отзывы.

«Побѣдителя не судятъ», изреченіе это имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Военные обычаи побѣдителя—вотъ источникъ права войны.

ГЛАВА IX.

Постоянный международный трибуналъ. Основное заблужденіе. Когда возникнетъ международная юстиція.

Безсиліе третейскаго суда для предотвращенія войнъ сознавалось даже такими писателями, которые были горячими сторонниками международной юстиціи. Они предлагаютъ иной планъ. Судъ случайный, рядъ единичныхъ компромиссовъ можетъ быть бѣденъ результатами; не благотворнѣе-ли окажется постоянная международная организація? Соціальныя отношенія радикально измѣнились къ концу вѣка. Не своевременно-ли, при новыхъ условіяхъ, возобновить попытки, терпѣвшія прежде только неудачи и встрѣчавшія одно пренебреженіе? Быть можетъ въ новѣйшія времена, когда передовые народы избавились отъ многихъ темныхъ силъ, отъ столькихъ тлетворныхъ вліяній, быть можетъ въ новѣйшія времена вѣчный вопросъ о вѣчномъ мирѣ рѣшится созданнымъ на началахъ государственнаго и международнаго права постояннымъ органомъ юстиціи, учрежденнымъ по общему соглашенію и постепенно упрочивающимся. Не исчезнетъ ли война если вмѣсто ряда случайныхъ третейскихъ разбирательствъ будетъ придумано такое устройство верховнаго постояннаго трибунала, которое прекратитъ вражду между цивилизованными государствами?

По оригинальности мыслей, по обширности эрудиціи, по таланту изложенія, выдѣлились три труда,

посвященные вопросу о международной юстиціи. Эдинбургскій профессоръ Лоримеръ, высоко-авторитетный интернаціоналистъ Блюнчли и нашъ соотечественникъ графъ Л. Комаровскій (профессоръ Московскаго Университета), всѣ трое — выдающіеся члены Института Международнаго Права, вложили каждый свой вкладъ въ богатую литературу вопроса.

О томъ, что третейскій судъ цѣнится Лоримеромъ невысоко, мы уже говорили. Объ Алабамскомъ вердиктѣ и о надеждахъ съ нимъ связанныхъ Лоримеръ отзывается почти презрительно. Несостоятельности третейскихъ судовъ онъ противополагаетъ свою систему международнаго представительства и пропорціональнаго уменьшенія вооруженной силы *).

Ни одно государство въ отдѣльности, ни всѣ вмѣстѣ никогда не согласятся, разсуждаетъ онъ, приступить къ разоруженію. Общій трактатъ, о доведеніи армій до размѣра, необходимаго для охраны внутренняго спокойствія — химера. Слишкомъ много искушеній представится, послѣ подписанія трактата, для любого сильнаго государства нарушить обязательство и разрушить всю обезоруженную федерацію. А если распущеніе военной силы соединить съ введеніемъ международнаго правительства, и если международному правительству придать такую армію и флотъ, противъ которыхъ не будутъ уже въ состояніи бороться отдѣльныя государства, съ ихъ доведенными до ничтожества средствами защиты и нападенія, то такая организація будетъ постоянной угрозой свободѣ и независимости націй. Результаты окажутся столь зловѣщими, что нынѣшній вооруженный миръ и періодическія войны представляются сравнительно лучшей долей.

---

*) «The ultimate problem of International Jurisprudence».

Иное дѣло—разоруженіе пропорціональное и одновременное въ силу общаго соглашенія. Лоримеръ думаетъ, что не предвидится никакихъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы, повинуясь какому либо давно желанному почину, всѣ государства рѣшились бы на *относительное* уменьшеніе своихъ военныхъ силъ. Ссылаясь на Сэра Роберта Пиля и Пальмерстона, Лоримеръ указываетъ, что не всегда общее усиленіе вооруженій мѣняетъ отношеніе могущества одного къ слабости другого. Лоримеръ настаиваетъ на томъ соображеніи, что если два смежныя государства прибавили каждое по сотнѣ батальоновъ и десятку броненосцевъ, то разница въ силѣ того и другого измѣнится мало; одновременныя усилія и затраты поглотили безплодно массу средствъ. Если бы былъ принятъ общій принципъ для сокращенія арміи и флота (но сокращенія не абсолютнаго, какъ предлагали ревнители разоруженія, а сокращенія относительнаго), то тягости бюджетовъ сократились бы, положеніе стало менѣе напряженнымъ, и современное отношеніе силы великихъ державъ и второстепенныхъ государствъ приблизительно сохранилось бы.

Такое пропорціональное разоруженіе Лоримеръ считаетъ возможнымъ однако же только въ связи съ международной организаціей, для которой имъ составленъ былъ проектъ вскорѣ послѣ войны 1870—1371 г. Спустя шесть лѣтъ онъ далъ другой болѣе выработанный планъ, выразившій всѣ его воззрѣнія на «конечную задачу международнаго права», изученіемъ которой долженъ завершаться каждый курсъ этой науки.

По мнѣнію Лоримера, устройство международнаго союза и его органическіе законы должны быть построены на тѣхъ же началахъ, на которыхъ зиждится положительное законодательство. Вмѣсто постоянной дипломатіи и временныхъ представителей на конгрес-

сахъ, пусть международные интересы государства будутъ вѣдаться цѣлой группой лицъ выбранныхъ собраніемъ народныхъ представителей или назначенныхъ верховной властью (тамъ, гдѣ нѣтъ парламента).

Всѣ эти делегаты должны образовать общеевропейское правительство, засѣдающее на нейтральной территоріи, напримѣръ въ Женевѣ. При такомъ устройствѣ исчезаетъ опасность дипломатическихъ интригъ, втягивающихъ народы въ войны, часто помимо ихъ воли, и установится тѣсная связь между управленіемъ внутреннимъ и управленіемъ обще-европейскимъ. Проектъ Лоримера имѣлъ въ виду только Европу, по крайней мѣрѣ на первое время.

Кромѣ нижней палаты проектировался «Сенатъ» изъ представителей государей или верхнихъ палатъ.

Палата и Сенатъ выбираютъ на годъ органъ власти исполнительной, «международное министерство» изъ пяти сенаторовъ и десяти депутатовъ». Министерство назначаетъ пожизненно членовъ верховнаго трибунала, которыхъ числомъ пятнадцать; шесть изъ нихъ должны быть выбраны изъ высшей судебной магистратуры Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи отъ каждой великой державы по одному. При судѣ состоитъ интернаціональный генералъ-прокуроръ. Постепенно учреждается международная адвокатура, изъ которой впослѣдствіи замѣщаются открывающіяся въ судѣ вакансіи.

Международное правительство, организованное по этому плану, содержитъ международное войско изъ пропорціональныхъ контингентовъ государствъ, съ отнесеніемъ расходовъ на соотвѣтственные взносы каждаго изъ нихъ. Войско предназначается для усмиренія нарушителей договора, которые самовольно начнутъ войну или увеличатъ свою армію свыше установленнаго предѣла. Въ распоряженіи президента междуна-

роднаго правительства (избираемаго на годъ, но пользующагося правомъ переизбранія) состоитъ особый охранный отрядъ.

Лоримеръ изобрѣлъ даже титулы, какіе получали бы сенаторы и ихъ потомство. Указано, когда, по мнѣнію автора, французскій языкъ долженъ замѣняться англійскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ и даже (какъ desiderata) латинскимъ, представляющимъ, какъ думаетъ Лоримеръ, то преимущество, что устранитъ привиллегированное положеніе французовъ, языкъ которыхъ обратился въ международный.

Устроенные по такому плану Судъ и Палата будутъ рѣшать, по мысли Лоримера, возникающія несогласія и споры. Юридическіе споры будетъ вѣдать Судъ. Политическія несогласія, для которыхъ нельзя отъискать основаній въ принципахъ права — будетъ рѣшать Палата. Къ юридическимъ искамъ Лоримеръ вообще относитъ иски о вознагражденіяхъ, исправленіе границъ и т. п. Къ политическимъ «международное удостовѣреніе успѣховъ, достигнутыхъ внутренней жизнью государства». Вопросы о примиреніи колоніальныхъ интересовъ, столкновенія заокеанскія, не подлежатъ юрисдикціи органовъ, которые предлагаются Лоримеромъ какъ средство умиротворенія. Наконецъ оставляя подавленіе мятежей заботамъ и силамъ каждаго государства въ отдѣльности, Международное Правительство должно, какъ думаетъ Лоримеръ, выступить суперъ-арбитромъ, когда мятежъ разростется въ междоусобную войну.

Блюнчли предложилъ организацію гораздо менѣе сложную. Проектъ Лоримера онъ считаетъ утопіей, нисколько не большаго практическаго достоинства чѣмъ проектъ аббата Сен-Піера. По мнѣнію Блюнчли нельзя и думать соединять международную организацію съ международнымъ войскомъ. Общеевропейская

конституція, предложенная Эдинбургскимъ профессоромъ, повела бы къ утратѣ государствами своей самостоятельности. Такое устройство Блюнчли не признаетъ ни возможнымъ, ни даже желательнымъ. Онъ отвергаетъ союзное государство, но предлагаетъ союзъ государствъ (Staatenbund).

Вступая въ такой союзъ, государства сохраняютъ полную самостоятельность. Союзъ долженъ создать общіе органы международнаго управленія, чтобы изданные международные законы охраняли миръ, разрѣшали споры, согласовали политическія стремленія. Восемнадцать государствъ Европы выбираютъ Совѣтъ Союза, въ которомъ шесть великихъ державъ представляются двумя уполномоченными; прочія государства однимъ. Черногорія, Монако, Сан-Марино, Андора не имѣютъ представителя. Совѣтъ, имѣя 24 члена, является органомъ правительствъ. Народы и представительныя собранія выбираютъ членовъ другой болѣе многочисленной коллегіи, которую Блюнчли называетъ Сенатомъ. Великія державы выбираютъ 8—10 сенаторовъ, другія государства 4—5. Всего, Сенатъ будетъ состоять изъ 100—120 членовъ. Большая многолюдность нежелательна.

Маловажные споры Блюнчли предоставляетъ третейскимъ судамъ. Болѣе важные интересы должны вѣдаться Постояннымъ Международнымъ Трибуналомъ (Festes Völkerrechtliches Tribunal). Наконецъ вопросы и коллизіи высшей политики разрѣшаются Совѣтомъ и Сенатомъ, которые имѣютъ власть законодательную.

Отвергая особую военную силу для исполненія постановленія международныхъ органовъ, Блюнчли предлагаетъ исполнительную инстанцію въ видѣ Коллегіи великихъ державъ, санкціонирующихъ экзекуціи противъ непокорныхъ членовъ, отказывающихся подчиниться приговору Совѣта съ Сенатомъ. Самое при-

нужденіе, т. е. нападеніе одной изъ великихъ державъ на осужденное и упорствующее государство будетъ, какъ думаетъ Блюнчли, весьма рѣдко имѣть мѣсто. Едва-ли какое либо правительство доведетъ дѣло до такой крайности, когда противъ него явится тройной авторитетъ большинства: европейскихъ правительствъ—въ Совѣтѣ, народовъ—въ Сенатѣ и великихъ державъ—въ Коллегіи.

Графъ Комаровскій предлагаетъ учредить международный судъ для Европы и Америки и признать за каждымъ самостоятельнымъ государствомъ право на равное число голосовъ въ трибуналѣ. Только весьма мелкія государства, каковы Монако, Сен-Марино, Андора въ Европѣ лишены права представительства, а пять небольшихъ американскихъ республикъ (Гватемала, Гондурасъ, Сан-Сальвадоръ, Никарагуа и Коста Рика) соединяются для коллективныхъ выборовъ отъ имени центральной Америки. Турція исключается изъ европейскаго союза, а Черногорія считается (вопреки Блюнчли) полноправнымъ членомъ.

Такимъ образомъ восемнадцать европейскихъ и двѣнадцать американскихъ государствъ каждое посылаютъ въ собраніе одинаковое число судей и никакъ не менѣе двухъ, а всего неменѣе шестидесяти. Союзъ слѣдовательно образуютъ европейскія государства: Англія, Франція, Италія, Германія, Россія, Испанія, Бельгія, Швейцарія, Голландія, Швеція, Данія, Португалія, Греція, Румынія, Сербія, Черногорія и Болгарія и американскія: Соединенные Штаты, Мексика, Центральная Америка, Бразилія, Венецуела, Колумбія, Эквадоръ, Перу, Чили, Аргентина, Уругвай и Парагвай. Впослѣдствіи желательно, чтобы образовались отдѣльные суды для каждой изъ остальныхъ частей свѣта: Азіи, Африки и Австраліи въ отдѣльности. Судъ, по мысли графа Комаровскаго, представляетъ институтъ,

куда государства обращаются *по добровольному соглашенію* за разрѣшеніемъ несогласій, но обратившись къ нему они принимаютъ на себя обязательство повиноваться его рѣшенію, по скольку оно состоялось въ предѣлахъ права (т. е. международнаго и процессуальнаго).

Вмѣсто неопредѣленнаго, случайнаго третейскаго суда, внушающаго, какъ сознается графъ Комаровскій, мало довѣрія, явится учрежденное постоянное, «управляемое юридическими принципами и дающее относительно своихъ членовъ всѣ желательныя гарантіи». «Ходомъ самой жизни опредѣляется кругъ вѣдомства» суда: который «постепенно обниметъ все большую и большую массу дѣлъ».

Судъ раздѣляется на четыре Департамента: а) дипломатіи; б) военныхъ и морскихъ дѣлъ; в) частнаго международнаго права; г) соціальнаго международнаго права.

Каждое дѣло разбирается первоначально въ соотвѣтственномъ Департаментѣ. Общее собраніе представляетъ апеляціонную инстанцію. Если третейскіе суды сохранятся, то постоянный судъ можетъ постепенно пріобрѣсти право аппеляціоннаго трибунала для этихъ судовъ.

Выражая надежду, что практика постояннаго международнаго суда и его иниціатива поведутъ къ созданію международныхъ законовъ, графъ Комаровскій—въ трудномъ вопросѣ относительно приведенія въ исполненіе рѣшеній въ случаяхъ отказа въ повиновеніи—готовъ допустить вооруженную силу въ распоряженіе суда подобно Лоримеру, или возложить принужденіе на великія державы подобно Блюнчли, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ рядъ средствъ, предшествующихъ санкціи меча: 1) удаленіе изъ суда на все время противодѣйствія членовъ отъ непокорнаго государства; 2) общее прекращеніе съ нимъ дипломатиче-

скихъ сношеній; 3) уничтоженіе съ общаго совѣта тѣхъ трактатовъ съ нимъ, которые для него особенно выгодны; 4) запрещеніе его подданнымъ вступленія на территорію остальныхъ государствъ; 5) закрытіе рынковъ и мѣсто сбыта его товаровъ; 6) блокада его береговъ; 7) наконецъ далѣе, война.

Въ заключеніе графъ Комаровскій высказываетъ, что изъ международной юстиціи можетъ развиваться и международная организація.

Таковы три новѣйшихъ проекта международнаго устройства. Нельзя сказать, чтобы они встрѣтили благосклонный пріемъ. Той скоропроходящей популярности, тѣхъ эфемерныхъ восторговъ, которые достаются на каждомъ новомъ «Конгрессѣ мира» третейскому суду, авторы не могли и ожидать и, вѣроятно, не ожидали. Но представители науки, преисполненные уваженія къ самимъ творцамъ новыхъ умиротворяющихъ начинаній, ни мало не поддержали этихъ идей. Институтъ Международнаго Права до сихъ поръ не только не склоненъ «увѣнчать» зданіе своихъ трудовъ проектомъ всеобщаго мира (о чемъ гр. Комаровскій недавно высказалъ сожалѣніе), но даже воздерживался (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) отъ разсмотрѣнія такихъ проектовъ, при чемъ чувство, руководившее такимъ упорнымъ игнорированіемъ, похоже на отношеніе академіи наукъ къ квадратурѣ круга и вѣчному движенію. Въ подробномъ курсѣ Международнаго права г. Мартенсъ о проектахъ Лоримера и Блюнчли далъ отзывъ такого содержанія: „Противъ всѣхъ этихъ проектовъ можно возразить, что они придаютъ международному общенію государственную организацію и потому едва-ли когда нибудь получатъ практическое осуществленіе“ *).

*) Томъ I, стр. 222—223.

О проектѣ графа Комаровскаго г. Мартенсъ не лучшаго мнѣнія; онъ сомнѣвается, «чтобы когда нибудь международный судъ могъ быть учрежденъ по этому проекту», который, какъ онъ думаетъ, «слишкомъ сложенъ и мало примѣнимъ».

На проектъ Лоримера нападаетъ предсѣдатель Института Международнаго Права, Роленъ-Жакменъ. «Никогда, говоритъ онъ, государства Европы (Revue du Droit International, 1886), столь несходныя между собою по своей исторіи и своимъ конституціямъ, не согласятся подчиниться такому правительству, какое придумалъ Лоримеръ. Весь его проектъ долженъ считаться фантастическимъ измышленіемъ, не имѣющимъ никакихъ задатковъ жизнеспособности».

Приведенные отзывы, еправедливы они или нѣтъ, грѣшатъ однакожъ чрезмѣрно литературнымъ, если можно такъ выразиться, отношеніемъ къ вопросу, и оцѣниваютъ послѣднія попытки выработать международную организацію, съ той же точки зрѣнія, какая вполнѣ понятна по отношенію къ предпріятіямъ Генриха IV, аббата Сен-Піера или даже къ трудамъ по тому же вопросу, явившимся въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Мы думаемъ, что въ наше время, послѣ событій, пересоздавшихъ жизнь человѣчества къ концу третьей четверти столѣтія, между 1860 и 1870 годами, великая проблема представляется въ пневиданномъ раньше свѣтѣ. Міровыя событія, совершившійся переворотъ—требуютъ совершенно иного отношенія къ проектамъ международнаго суда.

Нельзя отказать Лоримеру въ остроуміи и оригинальности. Предлагаемое имъ пропорціональное разоруженіе какъ будто одновременно удовлетворяетъ партію войны и партію мира. Суровымъ поклонникамъ меча онъ обѣщаетъ сохраненіе санкціи силы. Отношеніе военнаго могущества каждаго государства къ могуще-

ству всѣхъ другихъ остается какъ будто прежнее, если армія и флотъ будутъ вездѣ уменьшены одновременно съ математической пропорціональностью.

Сокративъ свои контингенты и корпуса, положимъ, въ пять разъ, Германія, въ случаѣ надобности, можетъ воевать «на два фронта» съ тѣми же шансами успѣха, такъ какъ Россія и Франція также уменьшатъ въ то же время въ пять разъ число боевыхъ частей. Съ другой стороны повсемѣстное уменьшеніе числа солдатъ и громадное сокращеніе расходовъ *) на содержаніе арміи должны порадовать всѣхъ, какъ облегченіе податныхъ и личныхъ тягостей.

Болѣе внимательная оцѣнка предложенія о пропорціональномъ радикальномъ разоруженіи покажетъ, что нѣкоторыя неотъемлемыя свойства военнаго дѣла не позволяютъ надѣяться, чтобы ариѳметическое уменьшеніе силы совпало съ ея дѣйствительнымъ ослабленіемъ.

Облегченіе явится только временно, до первой войны, которая по прежнему поглотитъ большую часть народнаго достоянія.

Армія сокращенная въ нѣсколько разъ, при отличной организаціи можетъ выиграть въ качествѣ то, что потеряетъ въ количествѣ. Измѣненіе сроковъ службы, строгая браковка, отборный составъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ дадутъ войско весьма опасное, не смотря на малочисленность. И по мѣрѣ сокращенія численности будетъ возростать вліяніе дисциплины, организаціи, традицій высшаго управленія, и увеличится то преимущество, которое баталіонъ одной державы дѣлаетъ сильнѣе баталіона другой.

Доведя свои арміи до нѣсколькихъ милліоновъ, приблизительно при одинаковомъ устройствѣ, основан-

*) Обѣщающихъ больше, чѣмъ скромная программа Конференціи 1899 года.

номъ на постоянномъ взаимномъ ознакомленіи съ административными и техническими улучшеніями, вводимыми всѣми вообще и каждымъ въ отдѣльности, военныя державы Европы могутъ безъ большихъ ошибокъ исчислять силы свои числомъ армейскихъ корпусовъ. Не то было и не то будетъ при малочисленныхъ арміяхъ.

Наполеонъ заставилъ Пруссію, послѣ Іенскаго погрома, сократить число дѣйствующей, находящейся подъ ружьемъ, арміи до сорока тысячъ человѣкъ. Не нарушая обязательства, Пруссія съумѣла сократить срокъ службы и, создавъ ландверъ, объучить военному дѣлу все мирное населеніе, и, по объявленіи войны, неожиданно для противника, двинула въ поле громадныя полчища. Въ будущемъ, если война не прекратится, какая либо европейская армія, по предсказанію, о которомъ я уже говорилъ (предсказанію такого авторитета какъ Гольцъ), можетъ повторить древніе подвиги Александра Македонскаго и побѣдить, съ горстью испытанныхъ воиновъ, милліонныя арміи, по своимъ качествамъ легко могущія обратиться въ ненадежную милицію.

Вѣчныя свойства каждаго сборища вооруженныхъ людей, обученныхъ и организованныхъ, не дадутъ возможности *пропорціональнаго* уменьшенія военной силы, созданной народами для защиты и нападенія.

Призрачными окажутся и сбереженія въ бюджетѣ. Когда наступитъ часъ войны, все равно государство во имя принципа «salus patriae suprema lex» готово будетъ истратить всѣ сбереженія и истощить весь свой кредитъ.

Сбереженіе въ военныхъ расходахъ въ продолженіе мира выразится въ нѣсколькихъ сотняхъ милліоновъ. Милліарды, которые будутъ поглощены войной, заставятъ забыть про экономію. Мало того, если ослабленіе войска и флота будетъ произведено безъ задней мысли,

то результатами явятся малая готовность къ войнѣ и необходимость быстраго импровизированія большой арміи въ тяжкія минуты войны и лихорадочной заготовки снарядовъ и припасовъ. Крайняя поспѣшность поведетъ навѣрно къ удвоенію затратъ и всѣ не безъ основанія будутъ проклинать недальновидную скаредность, послѣдствія которой окажутся, въ критическій моментъ, весьма раззорительными.

Какъ путь къ вѣчному миру радикальное разоруженіе не годится, если даже къ нему и будетъ приступлено. Оно должно явиться не причиной прекращенія войнъ, а слѣдствіемъ ихъ прекращенія, не стимуломъ мира, а его признакомъ.

Когда вооруженія перестанутъ возростать и арміи начнутъ сокращаться безъ всякихъ договоровъ подъ вліяніемъ вѣры въ мирное настроеніе сосѣда, тогда, и только тогда, уменьшеніе армій и меньшіе военные бюджеты будутъ свидѣтельствовать о наступленіи новой радостной эпохи. Ни къ чему подобному не приведетъ выработанный съ такимъ трудолюбіемъ и талантомъ планъ шотландскаго профессора *).

Когда приходится высказывать мнѣніе о томъ планѣ международнаго управленія, подъ которымъ стоитъ подпись Блюнчли, нельзя не вспомнить тѣ дарованія и ту энергію, которыя придали этому имени неоспоримый авторитетъ. Не мало талантовъ найдется среди преемниковъ Гуго Гроціуса. Но авторъ Кодекса международнаго права выдѣляется всего больше своей неустрашимой защитой гуманности и справедливости.

Ученость и глубокій анализъ — въ его рукахъ оружіе для отстаиванія правъ человѣческой личности. Отъ каждой страницы его сочиненій вѣетъ любовью къ

---

*) Который, повторяемъ, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ здравымъ предложеніемъ *ограниченія возрастанія вооруженій*.

ближнему, скорбью о страданіяхъ и лишеніяхъ, неразлучныхъ съ современными отношеніями между націями. Никто лучше Блюнчли не умѣетъ предавать всеобщему презрѣнію нарушителей права. Никто не высказываетъ съ такой авторитетною, чуждой компромиссовъ твердостью, гуманныя начала, смягчающія національный антагонизмъ. Онъ оставался вѣренъ себѣ во всю свою чистую жизнь. На своей родинѣ, въ Цюрихѣ, въ Мюнхенѣ, въ Гейдельбергѣ, онъ ни разу не измѣнилъ себѣ.

Вопросомъ о международной организаціи онъ занимался на склонѣ дней.

За три года до смерти, въ 1878 г., въ отдѣльной статьѣ въ журналѣ «Gegenwart» и въ послѣднемъ изданіи своего Кодекса въ томъ же году, семидесятилѣтній интернаціоналистъ далъ свою, изложенную выше, систему международной юстиціи, какъ конечный итогъ всей своей дѣятельности. Достоинство его плана заключается въ зрѣлой оцѣнкѣ того несомнѣннаго положенія, что международная организація должна зиждиться во всякомъ случаѣ на самостоятельности государствъ и свободѣ народовъ, а принудительную функцію немыслимо возложить на особую силу, организованную внѣ національныхъ армій.

Его проектъ европейскаго союза также, какъ и его кодексъ, не былъ принятъ ни однимъ государствомъ. Со времени его кончины прошло достаточно времени, чтобы признать, что неудача лучшаго изъ проектовъ международныхъ организацій произошла по той же причинѣ, которая дѣлала безразличнымъ—будетъ ли всѣми отвергнутъ или всѣми принятъ «Кодексъ» «das moderne Völkerrecht» того же автора.

Въ сгустившейся, какъ принято говорить, международной атмосферѣ немыслимо ожидать соглашенія, необходимаго для образованія учрежденій, предложенныхъ Блюнчли. Наоборотъ, когда пронесется струя

свѣжаго воздуха, мечты легко могутъ обратиться въ дѣйствительность. Туманный миражъ превратится въ роскошный оазисъ.

Если между культурными націями народится достаточная сумма сближающихъ народы чувствъ, то принятіе кодифицированнаго международнаго права послужитъ *признакомъ* начинающагося прочнаго замиренія и тогда международная организація—въ той или другой формѣ—станетъ возможна. «Staatenbund» Блюнчли союзъ, заключаемый равноправными народами, безъ какихъ либо воинственныхъ цѣлей, безъ опасенія и безъ угрозъ, возможенъ среди такихъ условій, до которыхъ великій интернаціоналистъ не дожилъ и о которыхъ не смѣлъ мечтать. Чѣмъ больше таланты и знанія Блюнчли будутъ оцѣнены по ихъ истинному достоинству, чѣмъ болѣе потомство признаетъ его заслуги, тѣмъ болѣе должно упрочиваться сознаніе, что развитіе науки международнаго права не въ силахъ, само по себѣ, дать народамъ миръ. Мы остались глухи къ такимъ словамъ; такой трудъ, въ концѣ XIX столѣтія, послѣ переворота 1860—1870 гг. получилъ только академическое значеніе; пусть по крайней мѣрѣ это будетъ отрицательнымъ, но цѣннымъ урокомъ.

Ученикъ Блюнчли, графъ Комаровскій, не былъ чуждъ завѣтамъ своего учителя. Сочиненіе Графа Комаровскаго «О международномъ судѣ» для внимательнаго читателя имѣетъ своеобразный интересъ. Авторъ прекрасно сознаетъ какую неодолимую твердыню зла представляетъ война; онъ помнитъ, какъ прискорбно неудачны были попытки его предшественниковъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, съ какимъ ледянымъ «non possumus» имѣлъ дѣло каждый сторонникъ международной организаціи. Тѣмъ не менѣе величіе идеала заставляетъ его направить свои силы на борьбу; какъ ни неприступна твердыня, онъ старается найти въ ней

слабѣйшія мѣста. Графъ Комаровскій какъ бы говоритъ сильнымъ земли: — вы отвергаете возможность международной юстиціи, но нѣкоторыя явленія показываютъ начатки такой юстиціи; неужели нельзя дать развиться этимъ первымъ росткамъ? Нельзя ли связать идею права, естественно и несомнѣнно проникающую всѣ отношенія цивилизованныхъ народовъ,— нельзя ли связать идею права съ нѣкоторыми примирительными и объединяющими вліяніями,—связать съ фактами, свидѣтельствующими, что при извѣстныхъ условіяхъ государства поступаются своимъ суверинитетомъ и даютъ согласіе на международныя учрежденія. О третейскихъ судахъ Графъ Комаровскій болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ Лоримеръ. Если Алабамскій судъ не предотвратилъ войны, говоритъ Графъ Комаровскій, то его неудача могла создать опасное для мира настроеніе (стр. 222). Въ судахъ третейскихъ, въ судахъ призовыхъ Графъ Комаровскій видитъ начало международнаго разбирательства. Онъ указываетъ, что и тѣ, и другіе суды, какъ бы не смотрѣть на непосредственные результаты ихъ дѣятельности, вѣдаютъ споры между суверенными націями и имѣютъ вполнѣ юридическій характеръ. Подробно разбираются графомъ Комаровскимъ смѣшанныя комиссіи по пограничнымъ спорамъ, постоянныя комиссіи по надзору за международными рѣчными сообщеніями и въ особенности смѣшанные суды въ Египтѣ. Эти суды открытые (послѣ семилѣтнихъ споровъ и пререканій) 15 февраля 1876 года, представляли дѣйствительно судебную инстанцію, учрежденную на срокъ въ нѣсколько лѣтъ и образованную изъ уполномоченныхъ отъ Европейскихъ государствъ и отъ Египта, и дѣйствующую подъ международной охраной.

Въ концѣ сочиненія приведенъ «проектъ международнаго суда», проектъ о которомъ профессоръ Мар-

тенсъ далъ весьма нелестный отзывъ; г. Мартенсъ сомнѣвается въ его осуществленіи *даже въ далекомъ будущемъ* и признаетъ проектъ «слишкомъ сложнымъ».

Нужно согласиться, что въ проектѣ графа Комаровскаго есть особенности, которыя сильно уменьшаютъ и ту малую степень вѣроятности, которую имѣли за себя другія предложенія того же рода. Упрочить торжество идеи права должно, по его мнѣнію, правовое учрежденіе, основанное на равномъ правѣ каждаго государства, сильнаго и слабаго, участвовать въ разрѣшеніи международныхъ споровъ и столкновеній. Исходя изъ такого положенія, авторъ включилъ въ свою систему почти всѣ государства Европы и Америки. Получился вслѣдствіе этого странный трибуналъ.

Допустимъ, что планъ графа Комаровскаго принятъ. Делегаты равноправныхъ государствъ собираются въ Брюсселѣ. Первое серьезное дѣло, которое нужно уладить, состоитъ въ спорѣ между правительствами Лондона и Парижа. Въ пользу одной стороны подали голоса Россія, Австрія, Германія, Италія, Бельгія, Голландія, Швейцарія; но рѣшеніе произносится въ пользу противника, такъ какъ къ Испаніи и Португаліи присоединились *компетентныя* мнѣнія представителей Перу, Боливіи, Аргентины, Парагвая, Уругвая, Бразиліи, Венецуелы, Колумбіи и такъ далѣе.

Долго ли просуществуетъ такой трибуналъ, призванный прекратить войны? Вмѣсто вооруженнаго нападенія — надо согласиться подчиниться арбитражу экзотическихъ юристовъ *). Изъ трибунала исключены республики Андорра, Санъ-Марино, княжество Лихтенштейнъ, великое герцогство Люксенбургъ.

Справедливость навѣрное будетъ болѣе обезпечена за вердиктомъ такихъ малыхъ государствъ, чѣмъ за

*) Которыхъ весьма мудро исключили изъ Конференціи 1899 года.

рѣшеніемъ большинства, образовавшагося, благодаря коалиціи десятковъ растакцеровъ. Чего стоятъ посольства, конгрессы, правительственныя обязательства всѣхъ народовъ Новаго Свѣта (за однимъ великимъ исключеніемъ), -- можно видѣть изъ ряда краснорѣчивыхъ фактовъ, мало нуждающихся въ компентаріяхъ. Впослѣдствіи графъ Комаровскій надѣется на образованіе трибуналовъ «по частямъ свѣта». Лучше было бы, если бы Соединенные Штаты вошли бы въ Европейскій союзъ и на ихъ мѣсто были бы допущены къ участію въ «Американскомъ собраніи» Румынія, Сербія, Греція, Португалія - имѣющія немалыя черты сходства съ заатлантическими республиками.

Разница между однимъ государствомъ и другимъ заключается не въ одной степени внутренняго богатства и внѣшняго могущества. Есть нравственный престижъ, который ставитъ Бельгію и Швецію неизмѣримо выше Бразиліи и Аргентины; существуетъ маральное паденіе, низводящее Грецію и Португалію ниже нѣмецкаго княжества.

Настаивая на необходимости юридическихъ институтовъ вмѣсто дипломатическихъ установленій, графъ Комаровскій забываетъ, странно сказать, объ общеизвѣстныхъ прискорбныхъ отступленіяхъ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ правительствъ отъ принциповъ чести, отъ вѣрности своему слову, отъ всего, что составляетъ истинную сущность идеи права.

Построить что либо прочное на международной организаціи при наличныхъ условіяхъ немыслимо. Въ будущемъ предлагаемые суды для каждой части свѣта составляютъ по меньшей мѣрѣ географическій абсурдъ. Сколько войнъ и передѣловъ, сколько крови нужно, чтобы Азія и Африка стали пригодны для образованія собственнаго международнаго суда. Австралія принадлежитъ одному правительству. Сомнительно, чтобы даже

черезъ много лѣтъ образовалось столько австралійскихъ республикъ или королевствъ, чтобы общая ихъ организація явилась средствомъ къ уменьшенію ихъ споровъ.

Проекты Лоримера, Блюнчли и графа Комаровскаго вмѣстѣ взятые, доказываютъ несомнѣнно, что наилучше обдуманныя системы международной организаціи либо остаются безпочвенными и не могутъ зиждиться ни на одномъ изъ новыхъ теченій, измѣнившихъ на нашихъ глазахъ человѣческую жизнь; либо впадаютъ въ неотвратимыя противорѣчія съ этнографическими и политическими условіями.

Они попадаютъ въ заколдованный кругъ; то, что должно дать миръ, не можетъ явиться иначе какъ слѣдствіемъ мира. Печально, когда знанія, таланты и пламенный энтузіазмъ рождаютъ теорію, которая именно въ наше время оказывается хуже утопій прошедшаго, какою-то фантазіей, годной можетъ быть для другой планеты.

Смутное сомнѣніе, какъ въ своемъ собственномъ, такъ и въ другихъ планахъ международной юстиціи, проходитъ красной нитью по всему сочиненію графа Л. Комаровскаго. Цитируя воззрѣніе Лавеле на международный судъ и кодексъ (стр. 431), онъ видимо соглашается съ бельгійскимъ экономистомъ въ томъ, что ни кодексъ, ни судъ не уничтожатъ всѣхъ войнъ, но было бы хорошо, если бы удалось суду предупредить «изъ двадцати войнъ одну»; даже для этого слѣдуетъ учредить, по мнѣнію Лавеле и графа Комаровскаго, международный судъ. Время возникновенія такого суда отлагается довольно далеко, ad calendas graecam; судъ возникнетъ, надѣется графъ Комаровскій, «когда того потребуетъ юридическая совѣсть народовъ» (стр. 459).

«Когда наконецъ международная юстиція учредится, то она не удалитъ изъ міра злую волю, но мало по мало создастъ правильную юрисдикцію для тѣхъ,

кто на самомъ дѣлѣ и добросовѣстно будетъ желать мира» (стр. 525).

Въ позднѣйшемъ сочиненіи «Обзоръ современной литературы по международному праву», графъ Комаровскій, полемизируя съ г. Мартенсомъ, снова высказываетъ, что международная юстиція (стр. 60) какъ и вообще реформа международнаго права не уничтожитъ войнъ, но сократитъ область ихъ примѣненія и во всякомъ случаѣ дастъ государствамъ возможность рѣшать свои взаимныя недоразумѣнія и споры «способомъ болѣе справедливымъ и разумнымъ, нежели посредствомъ дипломатіи и войнъ».

Разбирая далѣе сочиненіе Гольцендорфа: «Handbuch des Völkerrechts» (1885 г.) (который не видитъ, чтобы кодификація международнаго права «весьма трудно достижимая», могла бы повліять на прекращеніе войнъ) графъ Комаровскій высказываетъ (стр. 75): «кодификація составляетъ и для международнаго права высшую конечную цѣль. Только она дастъ ему ясность и авторитетность вполнѣ положительнаго права. Ею будетъ создана и твердая почва для международной юстиціи. Но эта работа—многотрудная, которая можетъ быть исполнится усиліями лишь многихъ поколѣній».

Въ 1873 году 8 іюля Генри Ричардъ внесъ въ Палату Общинъ билль о представленіи «почтительнѣйшаго адреса Ея Величеству, съ ходатайствомъ поручить Министру Иностранныхъ Дѣлъ войти въ переговоры съ иностранными правительствами, объ учрежденіи, въ видахъ содѣйствія развитію международнаго права,— Общаго постояннаго Международнаго Третейскаго Суда».

Защищая свое предложеніе, Ричардъ произнесъ рѣчь, въ которой нападалъ на тезисъ. „si vis pacem, para bellum“ и высказалъ, что постоянныя вооруженія и періодическія кровопролитныя войны, рѣшающія столкновенія между народами посредствомъ убійства

и грабежа, являются нарушеніемъ разума, справедливости, цивилизаціи и особенно христіанства—религіи мира и любви. Чтобы прекратить войны, «которыми народы просыщены» нужно свести въ строгую систему и кодифицировать международное право и учредить международный трибуналъ. Ричардъ закончилъ свою рѣчь, призывая Англію взять «въ свои руки дѣло упроченія мира на землѣ» на твердыхъ основахъ закона и справедливости. «Не въ кровавыхъ дѣяніяхъ слава христіанскихъ народовъ. Даже допуская это, слѣдуетъ сознаться, что Англія въ прошломъ такъ богата ими, что можетъ удовлетворить вкусу наиболѣе прихотливому по отношенію къ военнымъ подвигамъ. Важнѣйшая слава Англіи въ томъ, что она выдвинула и укрѣпила въ политической жизни свободу и порядокъ. Она расковала цѣпи невольникамъ, даровала свободу угнетеннымъ и стремится распространять блага цивилизаціи и христіанства до отдаленнѣйшихъ предѣловъ земли».

Послѣ Ричарда говорилъ Гладстонъ, въ то время бывшій первымъ министромъ. Золотыми буквами должны бы записать его рѣчь ревнители мира. Въ войнолюбіи нельзя конечно упрекать того, кто былъ одного мнѣнія съ Брайтомъ о Крымской войнѣ, и рѣзко обличалъ шовинизмъ Биконсфильда Но онъ считалъ благовременнымъ представить Палатѣ тщету надеждъ на третейское разбирательство.

Высказавшись съ совершеннымъ сочувствіемъ о стремленіяхъ Ричарда и его друзей избавить цивилизованныя націи отъ войнъ и военныхъ бюджетовъ, Гладстонъ указалъ на только что затихшіе въ то время громы франко-германскаго побоища и на неудачу, которую потерпѣла Англія, старавшаяся примирить правительства Наполеова III и Вильгельма.

Если былъ когда либо споръ, наиболѣе подходящій

къ третейскому разбирательству, то таковымъ должно считать пререканіе, возникшее на водахъ, въ Эмсѣ, между французскимъ посломъ и королемъ Пруссіи – по поводу кандидатуры Гогенцоллернскаго принца на Испанскій престолъ.

Британское министерство напомнило сторонамъ въ самый критическій моментъ о знаменитомъ „voeu“ Парижскаго конгресса 1856 года и о томъ, какъ всецѣло подходило бы начало «International Arbitration» къ спору. Результатъ извѣстенъ. Въ заключеніе Гладстонъ просилъ Палату отклонить предложеніе «такъ какъ ненужная торопливость въ этомъ дѣлѣ скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ дѣлу».

Затѣмъ слѣдовала рѣчь члена, поддерживавшаго Ричарда и доказывавшаго, что принятіе предложенія Ричарда создастъ всемірное общественное мнѣніе, которое замѣнитъ международному трибуналу матеріальную силу.

Наконецъ приступили къ голосованію. За предложеніе и адресъ Ричарда было подано 98 голосовъ противъ 88. Билль слѣдовательно получилъ большинство въ десять голосовъ. Изъ 670 членовъ менѣе двухъ сотъ соблаговолило участвовать въ голосованіи. Остальные консерваторы и либералы, большинство и меньшинство, депутаты правительства и оппозиція, покинули залу, справедливо разсудя, надо полагать, съ англійскимъ здравымъ смысломъ, что пройдетъ или непройдетъ билль – дѣло останется въ прежнемъ положеніи. Черезъ восемь дней дѣйствительно все выяснилось. Палата Общинъ получила 17 іюля 1873 года отвѣтъ Ея Величества на ихъ адресъ. Неизвѣстно, кто писалъ этотъ отвѣтъ, который состоитъ изъ благосклонной оцѣнки миролюбивыхъ стремленій Британскаго Парламента и обѣщаній, по прежнему стараться, *на сколько возможно*, улаживать споры между народами,

а также содѣйствовать приведенію гуманныхъ началъ въ международное право... Кажется вліяніе Гладстона и его отвращеніе ко лжи, даже и оффиціальной, выразились въ томъ, что въ отвѣтѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о третейскомъ международномъ судѣ.

Голосованіе 9 іюля 1873 года, предшествовавшія ему пренія и отвѣтъ королевы должны были бы показать обществамъ мира печальную истину. Знаменательно было для всякаго непредубѣжденнаго свидѣтеля, что парламентъ безъ единаго протеста удовлетворился общими похвалами, и никто не заявилъ неудовольствія, на необычный въ Англіи отказъ правительства исполнить желаніе палаты, отказъ—безъ особаго старанія маскированный вѣжливыми выраженіями. Вѣжливость—сильно напоминающая языкъ французскихъ королей XVIII вѣка, когда приходилось оставлять безъ послѣдствій «remontrances» парламентовъ. Ни въ какомъ другомъ дѣлѣ англійскій министръ не осмѣлился бы составить подобную тронную рѣчь. Въ этомъ вопросѣ, по молчаливому соглашенію, всѣ остались довольны, памятуя, что безцѣльное, безпочвенное начинаніе не заслуживаетъ ничего лучшаго.

Присно-памятный праздникъ парламентскаго лицемѣрія состоялся въ томъ же 1873 году, 24-го Ноября, въ итальянской Палатѣ депутатовъ. Депутатъ Манчини, извѣстный профессоръ и писатель по международному праву, внесъ предложеніепо становить: «Палата выражаетъ желаніе, чтобы правительство старалось обратить третейское разбирательство въ обычный способъ рѣшенія несогласій между націями; чтобы въ трактаты вводилось условіе объ ихъ толкованіи третейскими судьями и чтобы были заключены договоры для возможнаго объединенія началъ частнаго международнаго права».

Рѣчь, произнесенная Манчини въ защиту его

предложенія показала, что его надежды на третейскій судъ умѣреннѣе надеждъ Ричарда. Манчини полагалъ, что когда вопросъ идетъ о жизненныхъ интересахъ народа, о томъ, быть или не быть государству, тогда третейскій судъ непримѣнимъ. Но большая часть несогласій, вызывавшихъ войны, касаются коллизій меньшей важности. «Войны не могутъ совершенно прекратиться по постановленіямъ Палатъ. Война оборонительная есть священное право каждаго народа».

Министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Висконти-Веноста пришлось высказать взглядъ правительства на предложеніе Манчини. Осыпавъ похвалами иниціатора, министръ заявилъ, что правительство, оставляя за собою „свободу дѣйствій“, *ничего не имѣетъ противъ* предложеній Манчини.

Еще нѣсколько похвалъ и пренія закончились. Предложеніе принято единогласно.

Порадовалъ-ли столь блестящій успѣхъ друзей мира? Дальше идти, кажется, некуда. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ и мы видимъ, какъ въ той же палатѣ поклонники оборонительныхъ войнъ порѣшили, что если на Рейнѣ вновь загремятъ пушки, — напасть на Францію и захватить Савойю, Ниццу, Провансъ и Корсику. Военный бюджетъ Италіи, разсчитанный на 12 армейскихъ корпусовъ, вотировался безъ замѣтнаго протеста, въ то время, когда народъ нищалъ, а казначейство не увѣрено было въ платежѣ по слѣдующему купону государственныхъ облигацій. Для обороны страны было бы достаточно вдвое меньшей силы. Предоставленной ему „свободой дѣйствій“ по отношенію къ третейскому суду, — правительство воспользовалось такъ широко, что съ тѣхъ поръ не было вовсе слышно, чтобы съ кѣмъ либо начались переговоры во исполненіе тезисовъ г. Манчини.

Лондонская комедія отозвалась и въ Гаагѣ. Мѣстное

общество мира, ссылаясь на успѣхъ Ричарда, требовало аналогичныхъ постановленій. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что англійскій починъ, очень важенъ и что если Италія предложитъ какія либо совмѣстныя дѣйствія, правительство «серьезно займется этимъ».

Два члена Общества, van Eck u Bredius, какъ депутаты, потребовали въ Палатѣ 19 ноября 1877 года объясненія по поводу такого уклончиваго отвѣта. Они настаивали, чтобы Голландія, не дожидаясь сосѣдей, первая начала бы переговоры о третейскомъ судѣ. Къ счастію для министерства и къ чести голландскаго представительства нашлись какіе то два депутата, которые усумнились въ пользѣ предложенія и убѣдили Палату не утруждать болѣе министровъ.

Черезъ годъ, 27 ноября 1874 года, въ той же палатѣ вопросъ возбуждается тѣми же лицами, которыя ссылались уже не на одного Ричарда, но и на Манчини, лавры котораго видимо лишали ихъ сна. На этотъ разъ голландскіе «апостолы мира» добились своего. Голландская палата выразила «пожеланіе», чтобы Правительство вступило въ переговоры съ иностранными державами съ цѣлью достигнуть того, чтобы третейское разбирательство и т. д., и т. д.

Нельзя было не удовлетворить друзей мира: въ 1864 и 1875 гг. парламентскіе «*veux*» стали рѣшительно въ модѣ. Шведы предупредили голландцевъ и еще въ мартѣ вотировали соотвѣтственный адресъ. Въ Бельгіи въ началѣ 1875 года вопросъ блистательно прошелъ чрезъ обѣ камеры, при чемъ сенатъ высказался за «voeu» единогласно. Въ Даніи, въ мартѣ 1875 года, Ригсдагъ если не послѣдовалъ заразительному примѣру, то единственно „по недостатку времени“: сессія закрылась раньше, чѣмъ особая коммиссія изготовила докладъ.

Повѣтріе прошло скоро. Вотированныя резолюціи

могущественныхъ собраній оставлены были безъ всякихъ послѣдствій. Правительства пользовались «свободой дѣйствій». Приверженцы арбитража не возобновляли своихъ попытокъ. Только въ Голландіи г. Ванъ-Эккъ имѣлъ наивность напомнить министерству, что голландское «voeu» игнорируется министерствомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ ни мало не смутился. Онъ заявилъ, что Правительство приступитъ къ дѣйствіямъ, но: «при первой возможности».

Дѣйствующія во всѣхъ этихъ перепетіяхъ лица напоминаютъ героевъ сатиры Свифта: „Искусство льгать въ политикѣ“.

Лицемѣріе, проявленное народными представителями въ этихъ дебатахъ и постановленіяхъ, смягчалось развѣ только тѣмъ, что къ друзьямъ мира относились съ плохо скрытымъ глумленіемъ... Нельзя быть достаточно рѣзкимъ, чтобы осудить завѣдомо лживыя и высокопарныя словоизліянія, записанныя въ законодательные акты. Чѣмъ труднѣе дѣло замиренія народовъ, тѣмъ нужнѣе во всѣхъ начинаніяхъ *правда*,—правда прежде всего. Опасно не ясное представленіе о великихъ препятствіяхъ, а сбивчивыя поученія и пожеланія, которыми филистерство, боязнь свѣта и лицемѣріе сбиваетъ съ прямого и вѣрнаго пути. Эти обнадеживающія тирады въ сущности хуже суровыхъ «non possumus», высказанныхъ по тому же поводу парламентами Германіи и Австріи, которыя отвергли предложенія о разоруженіи безъ преній.

Умѣренная и сдержанная программа конференціи 1899 года представляетъ еще болѣе отрадный примѣръ.

Ничего не было бы хуже, если бы при современномъ антагонизмѣ націй, учредился постоянный международный трибуналъ. Его авторитетъ, слабый въ началѣ, скоро исчезъ бы совсѣмъ и ему достались бы ненависть со стороны слабыхъ и презрѣніе со стороны

сильныхъ. Если же войны продолжались бы, а судъ продолжалъ свои дебаты, какъ предлагалось нѣкоторыми сторонниками постепеннаго введенія международной юстиціи, то роль трибунала приблизилась бы къ комизму. Всѣ, кому дорога идея права, должны опасаться такихъ скорбныхъ послѣдствій. Учрежденіе суда присяжныхъ во внутренней Африкѣ, или «Habeas Corpus» въ кочевьяхъ бедуиновъ, съ цѣлью испытать свойства этихъ институтовъ—въ сущности близко подходятъ къ близорукимъ проектамъ учрежденія международной юстиціи,—при тѣхъ отношеніяхъ между цивилизованными народами, когда благосостояніе одного признается равносильнымъ бѣдствію другого, и наоборотъ.

Всесвѣтный трибуналъ, интернаціональный органъ права явится и долженъ явиться *слѣдствіемъ*, а не *причиною* прекращенія войнъ. Когда народы земли вступятъ на тотъ путь, который упрочитъ чувство солидарности между самобытными и независимыми соціальными организмами, и когда войны сдѣлаются маловѣроятными, тогда и *тогда только* настанетъ пора возникновенія такихъ учрежденій, которыя облегчали бы соглашенія между правительствами, улаживали бы споры, служили бы высшими проявленіями идеи права, и олицетворяли всемірное общественное мнѣніе. Силу такимъ учрежденіямъ будетъ давать нравственная санкція, которая явится неизбѣжно, когда возникнетъ нравственная связь между культурными націями. Всеобщее замиреніе будетъ достигнуто помимо международной юстиціи и международныхъ кодексовъ. Но когда полный миръ настанетъ, когда нападенія одного народа на другой будутъ также маловѣроятны какъ междуусобная война въ свободныхъ и благоденствующихъ государствахъ, тогда международная юстиція будетъ призвана, чтобы укрѣпить такія отношенія навсегда,

чтобы достигнутый всеобщій миръ обратился въ вѣчное и незыблемое царство права.

Международная юстиція не въ силахъ сама по себѣ прекратить войнъ, но она будетъ поддерживать и охранять замиреніе между націями, когда войны прекратятся вслѣдствіе тѣхъ коренныхъ перемѣнъ въ международной жизни, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Причины войнъ прежде и теперь.

Причины войнъ до сихъ поръ мало изслѣдованы. Гр. Комаровскій, ссылаясь на Лорана*) справедливо замѣчаетъ, что до сихъ поръ этотъ вопросъ мало разработанъ въ исторіи. Необходимо однако признать, что культурные народы достигли къ послѣдней четверти XIX вѣка такого состоянія, при которомъ нѣкоторыя импульсы и вліянія, обусловливавшія въ былыя времена вооруженную борьбу, исчезли. Великія перемѣны, подготовлявшіяся усиліями многихъ поколѣній, пересоздали міръ въ знаменательное десятилѣтіе 1860—1870 годовъ. Было бы необъяснимымъ высокомѣріемъ со стороны будущаго историка включить въ одну эпоху время до всеобъемлющаго перелома и послѣ него. Болѣе всего перемѣны отозвались на причинахъ войнъ.

Династическія войны прекратились совсѣмъ. Національная слава и національная корысть не соединяются болѣе съ фамильными интересами царствующихъ домовъ. Англія равнодушно допустила въ 1866 году завоеваніе Ганновера, незадолго до того находившагося въ личной уніи съ Соединеннымъ королевствомъ и престолъ котораго былъ занятъ англійскимъ принцемъ. Родственныя связи монарховъ не играютъ никакой роли при всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ. Часто тѣсная дружба соединяетъ державныхъ родственниковъ

*) О междунар. судѣ, стр. 43.

и увеличиваетъ вліяніе семейныхъ традицій. Тѣмъ не менѣе союзы, войны, договоры, отнюдь не зависятъ отъ этихъ личныхъ чувствъ.

Время кабинетныхъ войнъ, какъ говоритъ Гольцъ *), также миновало. Маловѣроятны теперь тѣ загадочныя комбинаціи, кончавшіяся кровопролитіями, которыя предпринимались еще въ пятидесятыхъ годахъ Наполеономъ III. Весьма трудно въ наше время ожидать, чтобы предпринято было вооруженное нападеніе на дружественное государство, въ силу секретныхъ соображеній и неизвѣстныхъ цѣлей какого-либо министра.

Самыя завѣтныя національныя надежды не подвинутъ современное государство на предпріятіе, подобное участію Сардиніи въ Крымской экспедиціи.

Забота о политическомъ равновѣсіи перестала доходить до готовности взяться за оружіе, если сосѣдняя держава чрезмѣрно усилится. Между тѣми государствами, которыя заслуживаютъ названіе европейскихъ націй, немыслимо нападеніе по тѣмъ же импульсамъ, которые вызвали недавно нападеніе сербовъ на болгаръ. Шесть великихъ державъ и Соединенные Штаты рѣшительно неспособны рѣшиться на войны по подобнымъ поводамъ. Горькій опытъ показалъ, что увеличеніе населенія и даже увеличеніе арміи не всегда обозначаетъ увеличеніе военной силы. Различный приростъ населенія и болѣе или менѣе удачная организація войска, улучшеніе или ухудшеніе финансовъ постоянно измѣняютъ сравнительную опасность, грозящую изъ за рубежа. Вмѣсто войны стараются примѣнять «уравнительныя мѣры» въ видѣ прибавленія числа тактическихъ единицъ въ разныхъ родахъ оружія, постройки военныхъ кораблей, сооруженія крѣпостей и стратегическихъ рельсовыхъ путей.

---

*) «Вооруженный народъ».

Дипломатическія коллизіи, пограничные инциденты, нарушенія частнаго международнаго права, обиды посольствъ, притѣсненія иностранцевъ, всякія маловажныя пререканія едва-ли могутъ дать въ наше время предлогъ къ войнѣ, и никогда не бываютъ истинной ея причиной.

Когда же дѣло идетъ дѣйствительно только о такихъ несогласіяхъ, тогда выработанный вѣковыми обычаями арсеналъ приличныхъ средствъ исправно приводитъ все къ благополучному концу. Самое большое, если вмѣсто переговоровъ, добрыхъ услугъ, посредничества,—прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству и достигаютъ, какъ мы видѣли, окончанія надоѣвшаго обѣимъ сторонамъ спора; и каждый разъ при этомъ слышатся новые восторги на ближайшемъ конгрессѣ мира.

Сравнительное миролюбіе, при постоянныхъ вооруженіяхъ, произошло отъ того, что будущая война воздвигаетъ не правительство противъ правительства, не армію противъ арміи, а народъ противъ народа. Если мобилизація успѣла завершиться, если войска первой, второй и третьей линіи выступили въ походъ, если ландверъ и ландштурмъ, ополченіе и территоріальныя войска организовались, то среди мирнаго поселенія едва ли остается кто-либо кромѣ женщинъ, дѣтей и стариковъ. Къ тѣмъ своекорыстнымъ побужденіямъ, которыя заставляютъ побѣдителя быть гуманнымъ съ «не-комбатантами» присоединяется еще то ясное представленіе о незначительномъ числѣ жителей, способныхъ превратиться въ «комбатантовъ». Въ Германіи при пятидесяти-милліонномъ населеніи подъ знамена вмѣстѣ съ ландштурмомъ можетъ быть призвано до пяти милліоновъ (послѣ закона 15 іюля 1893 года). Когда дѣло идетъ о народной войнѣ, сомнительно, чтобы дипломатическія комбинаціи во вкусѣ былыхъ

временъ, или случайная прихоть, или узкое своекорыстіе могли имѣть рѣшающее значеніе. Лицо, власть имѣющее, начинающее войну, должно необходимо опираться на всеобщіе насущные интересы и на неподдѣльное возбужденіе народнаго духа. Еще въ прошломъ столѣтіи говорили, что война есть дѣло государей и до народа не относится; съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Война стала народнымъ дѣломъ. Вражда обращается въ вооруженную борьбу, вслѣдствіе столкновеній двухъ «общественныхъ мнѣній» и разгорѣвшагося національнаго антагонизма.

Но, скажутъ намъ, народъ можетъ быть возбужденъ, противъ другого народа рядомъ неудачныхъ и необдуманныхъ политическихъ начинаній, послѣ чего война можетъ быть объявлена въ силу коронной прерогативы, а разъ начавшись, война будетъ разгораться и поддерживаться невольно даже миролюбивыми народами. Не можетъ ли талантливый и малосовѣстливый министръ даже въ такой странѣ, какъ Англія, постепенно и незамѣтно втянуть свое отечество въ такія коллизіи, что только мечъ явится рѣшителемъ? Популярный трибунъ въ родѣ Буланже развѣ не въ состояніи рискнуть судьбой націи, ставя на карту и свою дешевую жизнь и случайно достигнутое обаяніе? Монархъ военной державы, рѣшивъ начать войну, чтобы избавиться отъ внутреннихъ неудачъ своей политики не можетъ ли избрать покорныхъ министровъ, рядомъ вызывающихъ дѣйствій подготовить настроеніе, а затѣмъ прямо воспользоваться своимъ правомъ объявленія войны?

По поводу всѣхъ такихъ опасеній невольно вспоминаются слова Маміани, который сказалъ (по поводу тайныхъ дипломатическихъ переговоровъ), что «отнынѣ и политика, и дипломатія должны будутъ обитать въ хрустальныхъ дворцахъ», въ которыхъ каждое дѣйствіе и поступокъ будутъ видимы для всѣхъ и поэтому

сдѣлаются болѣе правильными и устойчивыми. Дѣйствительно гласность проникла во всѣ поры современной жизни. И ни за чѣмъ пресса и публика не слѣдятъ съ такимъ пытливымъ вниманіемъ, какъ за вопросами иностранной политики. Всякій шагъ министра иностранныхъ дѣлъ, всякая встрѣча посланниковъ подвержены ежеминутному надзору. Какъ бы не былъ искусенъ правитель, задумавшій одинъ (на свой страхъ и для своихъ цѣлей) довести два народа до вооруженной борьбы, ему придется подготовлять свое рискованное предпріятіе на глазахъ парламента и газетъ, передъ многочисленными всѣхъ націй репортерами, доведшими искусство проникновенія тайнъ до виртуозности. Надо признаться, что въ сферѣ внѣшней политики назойливые корреспонденты и утомительныя „интервью“ оказываютъ немалыя услуги дѣлу мира, не позволяя политическимъ авантюристамъ оставаться въ маскахъ. Приходится невольно раскрывать свои карты гораздо раньше, чѣмъ они бы желали.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „l'Evolution politique et la Revolution“ Молинари (M. d. de Molinari) въ главѣ, посвященной внѣшней политикѣ современныхъ государствъ, анализируетъ вѣроятность вооруженныхъ нападеній со стороны государствъ съ различными формами правленія и приходитъ къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ. По его мнѣнію, представители сильной монархической власти, конституціонные государи, диктаторы въ демократіяхъ, правящая партія въ республикахъ — имѣютъ якобы сильный интересъ воевать по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ двадцать лѣтъ. Молинари признаетъ, что народныя массы могутъ желать мира и только мира. Но масса безгласна. Въ монархіи высшіе классы утратили, правда, свои прежнія привилегіи; за то эти классы получаютъ изъ государственнаго бюджета «въ видѣ жалованья, наградъ и пенсій,

вдвое по крайней мѣрѣ, большую сумму, сравнительно съ уплаченными налогами». Чѣмъ болѣе увеличиваются расходы политическіе, административные и военные, тѣмъ болѣе увеличивается число выгодныхъ мѣстъ и окладовъ, тѣмъ болѣе слѣдовательно возрастаютъ доходы высшихъ классовъ. Какъ только возгарается война, — военная карьера обѣщаетъ въ избыткѣ разныя преимущества и выгоды: кампанія считается за двойную службу, повышенія быстры; если война увѣнчивается успѣхомъ, всѣ начальствующіе до младшихъ офицеровъ пользуются всеобщимъ вниманіемъ и необыкновеннымъ почетомъ, не говоря уже объ обычныхъ выгодахъ, которыя даетъ занятіе непріятельской страны. Вотъ почему, помимо традицій и естественной склонности, глава царствующаго дома вынужденъ вести войну—и настолько часто, какъ позволяютъ обстоятельства, дабы дать удовлетвореніе интересамъ, которые служатъ опорой трона и поддержкой тѣмъ болѣе необходимою, чѣмъ болѣе грозитъ революція».

Продолжая далѣе свою аргументацію, Молинари находитъ, что правленіе конституціонное — монархическое или республика съ всеобщей подачею голосовъ нисколько не меньше чистыхъ монархій обладаютъ вліятельнымъ и могущественнымъ классомъ, который держитъ въ рукахъ всѣ дѣла и который, ради собственныхъ выгодъ, побуждаетъ періодически затѣвать войны съ сосѣдними государствами. При ограниченномъ избирательномъ правѣ власть находится въ рукахъ факціи, вліяющей на выборы и всячески стремящейся, изъ корыстныхъ видовъ, увеличить государственный бюджетъ.

«Вотъ почему даже въ нейтральныхъ государствахъ военный бюджетъ повышается постоянно, такъ какъ военныя должности помогаютъ властному сословію пристроить (servent dé debouché) своихъ дѣтей и

родственниковъ и доставить имъ почетное и обезпеченное положеніе».

Война начинается при первой возможности «правящіе классы не приминутъ воспользоваться какимъ нибудь благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы начать войну; . . . . побужденіемъ будетъ служить гораздо лучшая возможность дать выгодныя мѣста въ политической, административной и военной сферѣ, гораздо болѣе обильныя выгодами сравнительно съ занятіями, доставляемыми земледѣліемъ, промышленностью и торговлею. «Le debouché politique, administratif et militaire aura plus d'importance en comparaison du débouché agricol, industiel et commercial».

Воинственность италіанскихъ политиковъ, управляющихъ миролюбивой, какъ и во всѣхъ странахъ, народной массой, не имѣющей права голоса на выборахъ, Молинари объясняетъ именно такими стремленіями къ выгодному débouché.

Когда страна достигаетъ всеобщей подачи голосовъ, то создаются ли болѣе могущественные интересы въ пользу мира? Молинари отвѣчаетъ отрицательно. По его мнѣнію кандидаты на выборахъ во всемогущее національное собраніе стараются надавать избирателямъ какъ можно больше обѣщаній, въ томъ числѣ и засвидѣтельствовать, что миръ не будетъ нарушенъ. Mais on sait ce que valent les promesses électorales! съ горечью восклицаетъ авторъ. Миролюбивыя завѣренія избирательныхъ манифестовъ соблюдаются менѣе всѣхъ другихъ. Война сопровождается временной диктатурой, — слѣдовательно болѣе легкимъ способомъ управленія; кромѣ того противная партія будетъ матеріально сокрушена посредствомъ чрезвычайныхъ полномочій и нравственно дискредитирована, какъ причастная якобы въ государственной измѣнѣ. И если

война удачна, какое преобладаніе получаютъ единомышленники!

Когда государство со всеобщей подачей голосовъ подпадаетъ подъ власть постояннаго диктатора, что Молинари считаетъ неизбѣжнымъ,—то искушеніе воевать дѣлается еще сильнѣе. Диктаторъ можетъ держаться, только опираясь на цѣлый классъ общества, жаждущій имѣть свой débouché. Диктаторъ долженъ имѣть въ рукахъ громадныя средства, чтобы охранять себя отъ нападокъ оппозиціи. Война даетъ и большое débouché и абсолютную власть.

Сопоставляя невѣроятную разорительность современныхъ войнъ съ ихъ выгодностью для правящихъ классовъ, Молинари выводитъ, что войны въ настоящемъ и будущемъ имѣютъ тенденцію повторяться одинъ разъ въ теченіи одного поколѣнія. Чаще — не хватаетъ средствъ. Надо дать странѣ и фиску оправиться. Рѣже воевать—опасно. Если изъяны, нанесенные предъидущей кампаніей, отчасти заглажены и забыты, то сохраненіе мира должно привести къ революціи, такъ какъ правящій классъ ниспровергаетъ правительство, не дающее ему débouché. Іюльская монархія, какъ думаетъ Молинари, погибла жертвой своего миролюбія.

Въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ Молинари ссылается на Лавеле, который въ своей книгѣ «Les causes actuelles de guerre en Europe» приводитъ весьма схожія соображенія.

«Несовершенство формы правленія, говоритъ бельгійскій экономистъ, служило и еще часто служитъ причиною войны. Деспотизмъ (?), который позволяетъ одному человѣку, государю, объявлять войну, долженъ вести къ учащенію войнъ. Въ самомъ дѣлѣ абсолютный монархъ весьма мало терпитъ отъ войны, даже несчастной. Его доходы нисколько не уменьшаются, а

его спокойствіе быть можетъ не нарушается. Съ потерей территоріи развѣ только его гордость затрагивается . .

«Въ республикѣ выборы президента могутъ привести къ войнѣ. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ, во время избирательной кампаніи 1872 года, обѣ партіи при борьбѣ между собою разжигали раздраженіе толпы противъ Англіи, по поводу Алабамскаго спора, и старались воспользоваться этимъ страстнымъ возбужденіемъ какъ возмутительнымъ средствомъ популярности».

«Конституціонное правленіе съ безвластнымъ королемъ, какъ въ Англіи, или президентомъ, какъ въ Швейцаріи, болѣе надежная гарантія мира; но чтобы такой режимъ препятствовалъ войнѣ, недостаточно, чтобы существовала выборная палата, обсуждающая и постановляющая. Нужно, чтобы эта палата состояла изъ людей настолько независимыхъ и настолько разумныхъ, чтобы было оказано сопротивленіе воинственнымъ воззваніямъ исполнительной власти. Ничего подобнаго (?) нигдѣ не видно, по крайней мѣрѣ на нашемъ материкѣ».

Напрасно конституціи постановляютъ, что право объявлять войну принадлежитъ исключительно парламенту. Если общественное самосознаніе назрѣло, а общественное мнѣніе всемогуще, парламентъ вотируетъ войну, какъ только того пожелаетъ министерство. Я не знаю примѣра, чтобы палата вотировала миръ, когда правительство желало войны» *).

Безотрадный взглядъ Молинари и Лавеле отчасти и похожъ на мысли Руссо, высказавшагося по поводу проекта аббата Сен-Піера, относительно непреодолимой будто бы склонности абсолютныхъ монарховъ къ войнѣ. Оба современные мыслители идутъ еще дальше. Они

*) Emile de Lavelaye. Des causes actuelles de querre en Europe (59—61).

утверждаютъ въ концѣ XIX вѣка, что всѣ современныя формы правленія не гарантируютъ отъ періодическихъ нарушеній мира.

Разбирая выше проектъ Сарторіуса, мы уже показали, что форма правленія сама по себѣ не обусловливаетъ войны или мира. Сущность воззрѣній Молинари и Лавеле заключается однако въ томъ, что всѣ республики и монархіи нашего времени должны воевать ради интересовъ правителей и правящихъ классовъ, не смотря на неизмѣнно миролюбивую, повсюду и всегда, народную массу.

Относительно этихъ проникнутыхъ пессимизмомъ аргументовъ можно сказать, какъ выражаются американскіе публицисты «сіе было бы важно, если бы было вѣрно».

Прежде всего какъ Молинари, такъ и Лавеле исходятъ изъ весьма шаткаго предположенія, что интересъ правителя не затрагивается войною, что онъ можетъ безразлично относиться къ бѣдствіямъ войны и даже къ пораженію и что вообще правители холодные, бессердечные, трусливые и недобросовѣстные люди. Факты не согласуются съ такими презумпціями. Чтобы найдти подобныхъ правителей, придется отправиться на азіатскій востокъ, въ Африку или южную Америку. Въ старой Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ, послѣ гибели второй имперіи, во всѣхъ тѣхъ соціальныхъ организмахъ, которые держатъ въ рукахъ судьбы всего міра— и наслѣдственные монархи, и избранные сановники, могутъ совершать по человѣческой слабости ошибки, но неправдоподобно, чтобы среди нихъ отыскались личности, способныя ввергнуть управляемый народъ въ войну, помимо его интереса или желанія. Члены царствующихъ фамилій получаютъ гуманитарное воспитаніе и постоянно находятся подъ вліяніемъ идеи народнаго блага, какъ высшей цѣли,—при весьма раз-

витомъ чувствѣ чести. Важною гарантіею служитъ затѣмъ сознаніе нравственной отвѣтственности и постоянная публичность жизни. Потомокъ королей въ наше время видитъ постоянно себя какъ бы предъ глазами всего свѣта. Какъ дѣйствителенъ этотъ контроль показала судьба Милана Сербскаго. Избранный правитель во Франціи, Швейцаріи и Сѣверной Америкѣ не всегда къ сожалѣнію оказывался способнѣйшимъ изъ гражданъ, но всегда однимъ изъ извѣстныхъ патріотовъ; малѣйшее пятно на репутаціи, во время выборовъ раздувается непомѣрно. Рискъ войны, какъ и признаетъ Молинари, возросъ до чрезвычайности. Какой же интересъ можетъ имѣть король или президентъ, объявляя войну? Неудача грозитъ часто его власти или трону; всегда грозитъ его популярности, самолюбію, спокойствію. Немало близкихъ ему людей поплатятся жизнью или здоровьемъ. О многихъ придется позаботиться и принести личныя, быть можетъ, жертвы, чтобы обезпечить вдовъ и сиротъ. Лавеле едва-ли правильно утверждаетъ, что доходъ монарха не уменьшается послѣ войны. Доходъ этотъ во всякомъ случаѣ не увеличивается. Слѣдовательно даже допуская бездушный эгоизмъ на высшихъ ступеняхъ власти, сколько приходится допустить безумія, согласнаго рискнуть весьма многимъ, иногда всѣмъ, чтобы не получить ничего. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній авантюристъ сошелъ съ французскаго престола, — личность правителя государства перестала быть угрозою миру.

Нельзя считать особенно распространеннымъ равнодушіе къ опасностямъ поля битвы и похода. Выгоды, которыми война надѣляетъ нѣкоторыхъ представителей „правящаго класса“, неразлучна съ серьезными шансами быть застрѣленнымъ, изувѣченнымъ или получить тяжелую болѣзнь. Можно быть храбрымъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но вовсе не счи-

тать благополучіемъ смертельный бой. Немного людей любятъ войну ради войны. Большинство, заботливо охраняетъ свое здоровье и жизнь, предпочитая эти блага всѣмъ другимъ. А для натуръ избранныхъ необходимость убивать и калѣчить себѣ подобныхъ хуже личныхъ невзгодъ и опасностей.

Угрожая высшему благу человѣка, военное débouché, въ противность утвержденію Молинари, гораздо менѣе выгодно, чѣмъ любое другое жизненное поприще. Военное званіе почетно и почетъ возрастаетъ во время войны. Но немногими достигаются такія повышенія или такія отличія, которыя для узкаго даже себялюбія, компенсируютъ скудныя матеріальныя условія военнаго быта. Удвоенное даже жалованіе офицера или генерала мизерно въ сравненіи съ тѣмъ вознагражденіемъ, которое добываютъ люди соотвѣтственнаго возраста въ торговлѣ, промышленности, даже въ администраціи.

Съ перваго же дня послѣ объявленія войны большинство частныхъ доходовъ умаляется. На биржѣ происходитъ крахъ. Бумаги всѣхъ предпріятій падаютъ. Фонды падаютъ. Курсъ понижается стремительно. Всѣ, кто не въ рядахъ войскъ и избавлены отъ трудностей и опасности войны, чувствуютъ ее по своимъ крупнымъ убыткамъ. Какимъ образомъ собственникамъ и капиталистамъ можетъ улыбаться нарушеніе мира— совершенно непонятно. Кромѣ небольшаго числа поставщиковъ и биржевыхъ зайцевъ, сомнительно, чтобы война доставила въ наше время кому-либо выгоды. Выиграть могутъ только поддонки общества и темныя силы. Не ихъ же имѣлъ въ виду Молинари, говоря о классѣ, вліяющемъ на все дѣло управленія и составляющемъ опору верховной власти.

Бюджетъ государства увеличивается послѣ каждой войны. Однако же увеличеніе не даетъ выгоды ника-

кому сословію, какъ бы эгоистично и властолюбиво оно не было. Возрастаютъ главнымъ образомъ платежи по долгамъ, большею частью внѣшнимъ. Въ первые годы послѣ заключенія мира, казначейство по неволѣ должно сокращать всѣ иныя траты. Слѣдовательно увеличеніе бюджета вовсе не служитъ на пользу любителей синекуръ и выгодныхъ мѣстъ. Указаніе на Іюльскую монархію, миролюбіе которой якобы оказалось пагубнымъ, еще болѣе странно. Такія ложныя общія мѣста „faux lieux communs“, появляются иногда на страницахъ фельетоновъ. Серьезному писателю не слѣдуетъ повторять эту легенду. Причины паденія Іюльской монархіи достаточно извѣстны, чтобы нужно было прибѣгать къ подобнымъ измышленіямъ.

Малоубѣдительно и указаніе Лавеле на постоянное согласіе палатъ на объявленіе войны. Если палаты всегда одного мнѣнія съ правительствомъ по вопросамъ войны и мира, то значитъ правительство стоитъ внѣ партійныхъ интересовъ въ иностранной политикѣ. Въ три послѣднія десятилѣтія единодушіе народныхъ представителей и исполнительной власти въ этомъ отношеніи постоянно укрѣплялось. Либералы или консерваторы правятъ Англіею, радикалы или умѣренные имѣютъ большинство во Франціи, центръ или національ-либералы преобладаютъ въ Германскомъ рейхстагѣ— ни мало не измѣняется готовность поддерживать правительство въ его внѣшней политикѣ.

Разсуждая о причинахъ войнъ, Молинари и Лавеле, излагая свои получившія популярность теоріи, выставили такія препятствія для всеобщаго замиренія, которыя на самомъ дѣлѣ уже отошли или отходятъ въ область преданія и исторіи.

Различіе расы, преобладаніе однаго племени надъ другимъ, будущая колонизація нерѣдко давали поводъ къ грандіознымъ и шовинискимъ построеніямъ. Симпатіи и антипатіи одного народа къ другому приписывались то коренному несходству національныхъ характеровъ, то стихійнымъ безсознательнымъ стремленіямъ къ преобладанію, къ господству. Всѣ надежды или опасенія этого рода имѣютъ въ настоящее время гиперболическій характеръ и съ дѣйствительностью, открытою всѣмъ и каждому для наблюденія—не сходятся. Существуютъ весьма интенсивныя антипатіи одного племени къ другому, но нужно допустить цѣлый рядъ преувеличеній и утратить ясность мысли, чтобы въ этнографическихъ отличіяхъ, искать причину того антагонизма, который заставляетъ культурные народы, въ концѣ XIX вѣка ковать оружіе одинъ противъ другого. Совершенно различныя расы, не долюбливая одинъ другого, образуютъ однако же весьма крѣпкіе политическіе организмы, не знающіе внутреннихъ усобицъ. Народы одной расы, принадлежащіе къ разнымъ государствамъ, готовы ежеминутно начать войну. Изъ множества народовъ, населяющихъ Россію, большинство чуждо сепаратисткихъ стремленій.

Въ Соединенныхъ Штатахъ достаточно бываетъ одного поколѣнія, чтобы пришлый элементъ политически сливался съ кореннымъ населеніемъ.

Бельгія и Швейцарія представляютъ совершенно такіе же убѣдительные примѣры. Французы Бельгіи и Швейцаріи не имѣютъ никакого желанія соединиться съ Франціей. Нѣмецкіе кантоны ни за что не сдѣлаются германскими удѣлами и т. д. Допуская, что въ государствѣ, населенномъ различными расами, возникаютъ ревнивыя и непріязненныя чувства, мы видимъ, что интенсивность взаимной непріязни слишкомъ мала,

чтобы служить дѣйствительной причиной вооруженной борьбы.

Европейская интеллигенція и тѣ классы, отъ которыхъ зависитъ направленіе народной дѣятельности постоянно сближаются между собой. Въ верхнихъ слояхъ сближеніе идетъ дальше, чѣмъ желательно. Вѣрно замѣчено, что европейскіе салоны представляютъ между собой „трогательное сходство“. Постоянное общеніе должно по естественному ходу просачиваться внизъ, въ народныя массы. Причина возможныхъ международныхъ коллизій лежитъ явно не въ расовыхъ чувствахъ и не въ этнографической розни.

Различіе религіи въ теченіе ряда вѣковъ унесло милліоны человѣческихъ жизней и превратило въ пустыни обширныя страны. Въ настоящее время религіозныя преслѣдованія прекратились повсемѣстно. Религіозная ненависть, нетерпимость исчезли отовсюду, и вспыхивающее кое-гдѣ пламя этого когда-то ужаснаго чувства, тлѣющаго въ иныхъ мѣстахъ подъ пепломъ, несомнѣнно угасаетъ и холодѣетъ годъ за годомъ.

Если внутри государства различіе религіи порождаетъ нѣкоторый раздоръ, отчужденіе и недовѣріе, если многіе желаютъ большей послѣдовательности въ законахъ и административныхъ мѣрахъ вездѣ, гдѣ провозглашается свободная совѣсть, если общественное мнѣніе не всегда идетъ рука объ руку съ властью въ этой области, — то безусловно невозможно столкновеніе одного государства съ другимъ изъ за разницы религіи и даже, если бы коллизія началась по другимъ причинамъ, религіозный вопросъ не въ силахъ обострить ее.

Послѣдній источникъ раздора между націями изъза религіозныхъ вопросовъ исчезъ послѣ 1870 года. Прекращеніе произвольнаго режима во Франціи и возникновеніе освобожденной Италіи имѣли естествен-

нымъ результатомъ прекращеніе свѣтской власти папъ, существовавшей тысячу лѣтъ. Мечты Кавура—libera chiesa in libero stato—осуществились.

Занятіе Рима не было нарушеніемъ догматической системы католическаго исповѣданія. Папа получилъ широкіе прерогативы, ограждавшіе независимость его духовной власти. Паденіе теократическаго государства, завершившее единство Италіи, укрѣпило религіозный миръ въ Европѣ и Америкѣ. Вѣротерпимость была внутренней, а паденіе папъ внѣшней причиной завершившими тотъ новый религіозный укладъ, прочное начало которому было уже положено много ранѣе. Улаженъ великій вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ. Гробъ Господень не менѣе дорогъ вѣрующимъ, чѣмъ во времена крестовыхъ походовъ. Но всѣ увѣрены теперь, что Святыя Мѣста ограждены всей силой христіанскихъ державъ и слабостью Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ взаимныя отношенія разныхъ исповѣданій въ Палестинѣ удалось мало по малу регулировать; новое столкновеніе, на подобіе 1852 года, маловѣроятно.

Итакъ, цивилизованные народы не вовлекаются болѣе въ войны, благодаря кабинетной политикѣ или интересамъ династій. Разницы религіи, расы, языка, подъ вліяніемъ всепримиряющей свободы, перестали плодить вражду, способную переходить въ сооруженную борьбу, Поэтому единственною причиной будущихъ войнъ явятся реальные, политическіе и экономическіе интересы.

Отсутствіе иныхъ скрытыхъ причинъ, темныхъ воздѣйствій, непреодолимаго отчужденія, всѣхъ элементовъ, стихійно порождавшихъ столько войнъ, приводитъ къ одному очевидному результату. Отнынѣ предлогъ и причина войны начинаютъ совпадать. Немыслимо уже, чтобы одинъ народъ двинулся на дру-

гой, объявляя, что идетъ драться за одно дѣло, скрывая причину, побудившую взяться за оружіе.

Истинныя причины настоящихъ и грядущихъ международныхъ коллизій открыты въ наше время передъ всѣмъ свѣтомъ.

Съ безотраднымъ заключеніемъ о чрезвычайной дали временъ, гдѣ видится пора вѣчнаго мира, мы не можемъ согласиться. Но къ несчастью препятствія для прекращенія войны гораздо серьезнѣе, чѣмъ тѣ, которыя представляются въ ученіяхъ Молинари и Лавеле о вліяніи современнаго государственнаго строя на внѣшнюю политику.

Война перестала быть порожденіемъ безсознательныхъ стихійныхъ силъ. Война перестала быть случайностью. Война выражаетъ собою отсутствіе солидарности, обостряющіяся коллизіи двухъ соціальныхъ организмовъ въ ихъ сознательной дѣятельности. Комбинаціи Талейрана, Меттерниха, Наполеона III канули въ вѣчность; широкая волна народной жизни залила политическія сферы. И непріязнь одного государства къ другому, и общность ихъ интересовъ получили болѣе широкую основу.

Увеличеніе сношеній между народами составляетъ могущественное, примиряющее вліяніе. Но этому вліянію противоборствуетъ не менѣе сильное, не менѣе популярное вліяніе. Среди ряда интересовъ общихъ, являются интересы обособленные,—столкновенія, питающія массовую вражду, національную ревность.

Природа противоборствующихъ массовыхъ интересовъ выясняется съ достаточной ясностью при разсмотрѣніи, сравненіи и сопоставленіи политическихъ и національныхъ стремленій.

Наблюдая однородныя явленія этого порядка нетрудно придти къ достовѣрному выводу. Наблюденіе облегчается яркимъ свѣтомъ, которымъ освѣщается современная жизнь, благодаря многоразличнымъ и многочисленнымъ способамъ проявленія свободной человѣческой мысли. Сужденія прессы и каѳедры, дебаты палатъ, публичные митинги, ученые труды даютъ массу провѣренныхъ предъ лицомъ всего міра фактовъ.

Обозрѣвая всю совокупность столкновеній политическихъ интересовъ культурныхъ народовъ въ новѣйшія времена, можно убѣдиться, что сущность возникающихъ коллизій заключается: во первыхъ въ территоріальныхъ несогласіяхъ, во вторыхъ, въ заботахъ и опасеніяхъ за торговые пути. Къ этимъ двумъ началамъ сводятся столкновенія какъ европейскихъ метрополій, такъ и колоніальная политика морскихъ державъ. Спорныя границы, спорныя колоніи, угрожаемые пути международнаго обмѣна сѣютъ взаимное недовѣріе и ревность между націями.

Присоединеніе такихъ земель, гдѣ населеніе не уступаетъ въ гражданскомъ развитіи завоевателю, утратило въ послѣднее время всякую привлекательность. Только въ такомъ случаѣ, если населеніе завоеванной области само стремится къ сліянію съ побѣдителями, только въ такомъ случаѣ плоды завоеванія сладки. При иныхъ условіяхъ являются тяжелыя затрудненія. Тѣ времена, когда европейскіе народы равнодушно мѣняли національность, прошли безвозвратно.

Во время наполеоновскихъ войнъ италіанскія, германскія, нидерландскія провинціи раздавались во владѣніе, переходили отъ одного властителя къ другому совершенно на подобіе фамильныхъ помѣстій. Австрія, уступивъ Бельгію, получила Венецію. Тосканскій герцогъ, лишившійся владѣнія, долженъ былъ получить „вознагражденіе» въ видѣ германской области. При-

соединеніе къ Франціи нѣмецкихъ рейнскихъ областей одно время было даже популярно среди нѣмцевъ.

По Калишскому трактату 1812 года, передъ послѣдней борьбой съ Наполеономъ, Пруссіи гарантировано было извѣстное количество владѣній по числу жителей и пространству, съ подразумѣваемымъ согласіемъ на любыя комбинаціи. Послѣ 1815 года, совершенно чуждыя другъ другу Бельгія и Голландія соединены были въ одно королевство. Норвегія, отторгнутая отъ Даніи, присоединена была къ Швеціи, какъ даръ за военную поддержку.

Во второй половинѣ XIX столѣтія въ европейскихъ народахъ постепенно развились и укрѣплялись такія чувства, которыя до крайности затрудняютъ всякіе государственные передѣлы, производимые противъ воли населенія. Сѣверный Шлезвигъ присоединенъ къ Германіи въ 1864 году, Эльзасъ и Лотарингія въ 1871 году. До сихъ поръ оба эти отторженія, по своимъ послѣдствіямъ для завоевателя, служатъ какъ бы постояннымъ предостереженіемъ всякимъ аггресивнымъ начинаніямъ. Извнѣ и то и другое завоеваніе создали для Германіи двухъ ожесточенныхъ враговъ. Внутри—внесли разладъ въ государственную систему и деморализующее начало въ парламентъ.

Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей князь Бисмаркъ съ полной откровенностью признался, что лично онъ былъ противъ присоединенія Меца съ Лотарингіей, находя, что Страсбурга съ окрестностями было бы достаточно. Эльзасъ, по мнѣнію князя, страна чисто нѣмецкая, чего нельзя сказать про Лотарингію. Съ потерей Эльзаса можетъ быть французы примирились легче. Но Мольтке соблазняла обширная крѣпость Мецъ. Знаменитый стратегъ выставлялъ передъ королемъ Вильгельмомъ всѣ выгоды обладанія такой неприступной твердыней. «Тогда и я присоединился,

продолжалъ разсказывать Бисмаркъ, — къ такому взгляду и объявилъ «Wollen wir Metz nehmen». Громкій самодовольный смѣхъ встрѣтилъ эту рѣчь.

Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать преждевременность радостной веселости берлинскихъ шовинистовъ. Отторженіе двухъ лучшихъ провинцій отъ Франціи привело къ тому, что Германія на западѣ имѣетъ врага, въ видѣ трехъ милліонной арміи, боевыя преданія которой насчитываютъ по крайней мѣрѣ десять побѣдъ на одну неудачу. Внѣшняя политика извращена; народная дѣятельность смѣшана со страхомъ нашествія, такъ какъ враждебность Франціи не есть слѣдствіе той или другой политики того или другого кабинета, а основана на глубокихъ чувствахъ всѣхъ и каждаго. Форма правленія можетъ перемѣниться, одно министерство смѣниться другимъ, чувство вражды къ Германіи остается постояннымъ. Мѣтко характеризовалъ покойный Гамбетта настроеніе французовъ относительно реванша: «Объ этомъ не нужно никогда говорить, но всегда думать».

Добыча, охраненіе которой стоитъ постоянныхъ жертвъ, имѣетъ для Германіи сомнительную цѣнность. Во всѣхъ германскихъ государствахъ царитъ свобода слова, собраній, прессы и обезпечены всѣ личныя гарантіи; только въ Эльзасѣ и Лотарингіи господствуютъ исключительные законы.

Въ рейхстагѣ изъ пятнадцати депутатовъ, посылаемыхъ присоединенными провинціями, только пятеро (и то неискренно) занимаютъ мѣсто среди германскихъ партій. Остальные десять образуютъ особую группу, враждебную всему государству, подающую голоса или воздерживающуюся отъ голосованія, всегда съ разсчетомъ нанесенія большаго вреда Германіи *). Чтобы

*) Послѣдніе выборы дали 8 эльзасцевъ, 2 соціалиста-эльзасца, 3 консерватора, 1 свободный консерваторъ и 1 національ-либералъ.

оцѣнить политическое значеніе этихъ десяти депутатовъ въ парламентѣ, стоитъ сопоставить германскій рейхстагъ съ французской палатой. Едва-ли какое либо представительное собраніе въ мірѣ дробится на столько соперничествующихъ фракцій, какъ «Honorables» въ Palais Bourbon. При всемъ томъ въ этомъ собраніи національная идея, благо Франціи, представляетъ всегда живое, объединяющее начало. Когда дѣло идетъ о безопасности и чести страны, объ арміи и флотѣ, о союзахъ — тогда партій не оказывается. Всѣ кредиты, испрашиваемые военнымъ и морскимъ министерствомъ, въ любомъ кабинетѣ и при всякихъ комбинаціяхъ партій, вотируются безъ всякихъ затрудненій. Пренія касаются только подробностей, въ принципѣ всѣ заранѣе согласны. Громадныя жертвы людьми и деньгами для увеличенія арміи и флота, сооруженія крѣпостей и военныхъ заготовленій—приносятся съ легкимъ сердцемъ. Тоже и относительно союзовъ. Поддержаніе дружественныхъ отношеній съ Россіей предполагается краеугольнымъ камнемъ всей внѣшней политики для всякой партіи.

Германскій рейхстагъ благодаря небольшой группѣ эльзасцевъ и депутатовъ сѣвернаго Шлезвига обладаетъ постоянно живымъ элементомъ раздора. Все что можетъ усилить Германію, для этихъ депутатовъ ненавистно. Все, что можетъ ослабить и унизить ее—привлекательно. Именно въ тѣ минуты, когда представители страны должны выказать наибольшее единодушіе, эльзасцы и датчане либо препятствуютъ, либо воздерживаются вовсе отъ подачи голосовъ. Парламентскіе отчеты показываютъ, что при извѣстной группировкѣ партій, голоса небольшой фракціи въ десять-двѣнадцать депутатовъ нерѣдко рѣшаютъ судьбу вопроса. Лордъ Биконсфильдъ указывалъ, что предводитель партіи долженъ весьма дорожить каждымъ голосомъ,

такъ какъ нельзя забывать, что *одинъ* потерянный или пріобрѣтенный сторонникъ даетъ разницу въ *два* голоса.

Нравственное вліяніе небольшой группы гораздо больше матеріальнаго. Каждый ораторъ, каждый министръ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ сидятъ „одиннадцать“ долженъ чувствовать какъ бы холодное дуновеніе; присяга, германская идея для „одинадцати“ имѣетъ тягостное значеніе. Быть можетъ депутатъ католическаго центра, получающій инструкціи изъ Рима, депутатъ вельфъ, мечтающій о возстановленіи Ганновера, депутатъ партикуляристъ, ненавидящій прусскую гегемонію, находитъ безмолвное оправданіе своихъ козней, глядя на депутатовъ Эльзаса и Шлезвига, вынужденныхъ засѣдать въ этой чуждой имъ палатѣ.

Если завоеваніе областей съ смѣшаннымъ населеніемъ такъ ослабляетъ побѣдителя, какими послѣдствіями грозитъ присоединеніе земель сплошь занятыхъ чуждой національностью?

Какіе плоды принесли бы въ наше время захваты во вкусѣ Наполеона I, для котораго безразлично было національное чувство покоряемыхъ народовъ? Что ожидало бы Германію, если бы по праву сильнаго она прибавила бы къ Эльзасу три, четыре чисто французскихъ департамента, и недовольствуясь Шлезвигомъ, удержала бы всю Ютландію? Навѣрное можно было считать, что *лишиться* пяти армейскихъ корпусовъ и двухъ милліардовъ марокъ было бы легче, чѣмъ *обладать* такими провинціями.

Послѣ того какъ дипломатическіе интересы вытѣснились національными, агрессивныя стремленія на Европейскомъ континентѣ все болѣе теряютъ почву. Существуетъ уже не мало пограничныхъ линій, имѣющихъ шансы оставаться ненарушенными. Таковы границы: Франціи съ Испаніей, Испаніи съ Португаліей, Бельгіи съ Голландіей, Россіи съ Швеціей.

Позволительно думать, что земельные прирѣзки на этихъ линіяхъ нежелательны для наиболѣе сильныхъ сосѣдей—даже въ тѣхъ случаяхъ, если слабый сосѣдъ вовсе не будетъ защищаться. Едва ли радостно было бы для Россіи пріобрѣсти часть Швеціи и Норвегіи, едва-ли соблазнительна для Франціи Наварра или Каталонія. Навѣрное можно сказать, что въ Испаніи мало желающихъ расширенія въ сторону Португаліи.

Колоніальныя пріобрѣтенія въ послѣднее время замѣтно стали утрачивать былую абсолютную привлекательность. Британская имперская политика стала нѣсколько умѣреннѣе. Австраліи, Новой Зеландіи, Капландіи и Канадѣ охотно предоставлена широкая автономія. Нравственныя узы, соединяющія британское населеніе этихъ колоній и метрополіи, оказываются болѣе дѣйствительными, чѣмъ централизація. Лондонское правительство при Гладстонѣ готово было повидимому согласиться на полное отдѣленіе колоній. Препятствіе заключается въ ихъ собственномъ желаніи сохранить связь съ Соединеннымъ Королевствомъ Австралійцы и Канадцы дорожатъ самоуправленіемъ, но въ то же время желаютъ называться англичанами, подданными королевы Викторіи и видѣть на своихъ фортахъ и судахъ британскій флагъ.

Въ 1884 году Англія признала себя побѣжденной въ борьбѣ съ боерами, основавшими республику Трансвааль и отстаивавшими свою независимость. Если бы сдѣлано было еще нѣсколько усилій, то боеры не могли бы устоять въ неравной борьбѣ. Но компанія со стороны Англіи была ведена вяло и что всего важнѣе была непопулярна. Англійскій народъ явно не имѣлъ повода приносить особыя жертвы за политическое преобладаніе въ Трансваалѣ. Военная честь Англіи конечно

не могла пострадать отъ неудачъ въ этихъ малолюдныхъ степяхъ *).

Въ Индіи и на Нилѣ, Англія слѣдуетъ прежнимъ традиціямъ, ревностно оберегая и расширяя свою территорію и постоянно заботясь объ охранѣ морскихъ станцій по длинному пути, который ведетъ изъ Ламанша чрезъ Красное море до береговъ Кореи. Для всѣхъ остальныхъ колоній можно считать вѣрными слова Гладстона, говорившаго съ своей обычной прямотой, что выгода Англіи получаемая отъ ея заокеанскихъ владѣній не уменьшилась бы, если бы политическая связь съ ними прервалась.

Франція овладѣла Тунисомъ, Тонкиномъ и расширила свои африканскіе протектораты при поощреніяхъ со стороны князя Бисмарка, но не безъ сильныхъ протестовъ въ парламентѣ и прессѣ. Предъ каждой экспедиціей происходитъ учетъ всей колоніальной политики правительства. Выставляется на видъ дороговизна и малая польза отъ отдаленныхъ походовъ среди варварскихъ племенъ. Покойный Жюль Ферри возбуждалъ всеобщую ненависть какъ «Тонкинецъ» «Tonkinois», какъ министръ, втянувшій отечество въ убыточныя комбинаціи, требующія много крови и золота и дающія какія то призрачныя выгоды.

Германія, сдѣлавшись морской державой, рѣшила пріобрѣсти колоніи. Въ Полинезіи и въ Африкѣ оставались еще острова и земли, которые въ глазахъ другихъ народовъ, уже имѣвшихъ владѣнія въ разныхъ частяхъ свѣта, не имѣли большей цѣнности. Тамъ и былъ водруженъ германскій флагъ и основаны поселенія. Тамъ свободные отъ занятій германскіе офицеры подвергали голыхъ дикарей военной муштровкѣ

---

*) Въ 1899 году положеніе усложнилось и дошло до серьезной войны, когда южная Африка обогатилась и заселилась.

и водили ихъ противъ мѣстныхъ царьковъ. Осязательныя выгоды сказались покуда въ полученіи отъ Англіи Гельголанда, вымѣненнаго на «Цѣлую Имперію» въ средней Африкѣ. Отличительную черту германской колоніальной политики составляетъ примѣрная уступчивость. Дружелюбно глядя на новыя пріобрѣтенія Франціи, Германія обнаружила необыкновенную предупредительность въ спорахъ съ Англіей и Испаніей. Дипломатія, и третейскій судъ составляли ultimo ratio въ этой сферѣ берлинской политики.

За всѣми ограниченіями спорныя территоріи и угрожаемые торговые пути представляютъ однако вѣчно опасный элементъ международной розни. Отказываясь отъ абсолютнаго господства, признавъ невыгодность широкихъ захватовъ, государства нашего времени сохранили весьма конкретные поводы, могущіе дать въ результатѣ вооруженную борьбу. Пограничныя провинціи, гдѣ о чувствахъ населенія возможны два мнѣнія, занесены повсюду въ инвентарь желательныхъ военныхъ и политическихъ успѣховъ. Колоніи, которыя метрополія способна ассимилировать, считаются цѣнной добычей; изъ-за нея, при извѣстныхъ осложненіяхъ, стоитъ взяться за оружіе. Германія не отдастъ Лотарингіи. Франція желаетъ присоединить Эльзасъ, да пожалуй Бельгію и тѣ округа на Рейнѣ, гдѣ не совсѣмъ еще забыта французская рѣчь. Англія крѣпко держитъ Индійскую Имперію. Осуждая пріобрѣтеніе Тонкина и Туниса, французскіе патріоты не отдадутъ ихъ безъ войны.

Такъ какъ узоры политическихъ компликацій рисуются теперь на широкой и прочной канвѣ народныхъ интересовъ, то должна существовать *общая* реальная причина разлада между культурными народами съ постоянной угрозой войны при полномъ свѣтѣ наступающаго двадцатаго вѣка. Почему народъ при из-

вѣстныхъ условіяхъ находитъ матеріальную выгоду расширить свою территорію? Почему народъ согласится взяться за оружіе и отстаивать существующую границу, если даже населеніе спорной пограничной области согласно перемѣнить національность? Почему германскіе соціалисты не думаютъ удовлетворить желанія зарейнскихъ нѣмцевъ присоединиться къ Франціи.

Отвѣтъ на эти вопросы опредѣлитъ истинную единую причину международныхъ коллизій и войнъ, внутренную глубокую сущность враждебныхъ отношеній между современными правовыми государствами.

ГЛАВА II.

Причины международнаго антагонизма въ наше время.

Рабство исчезло. Религія свободна. Физіологическія особенности перестали возбуждать отчужденіе. Чужой языкъ не мѣшаетъ живой симпатіи къ уроженцамъ отдаленныхъ странъ. Но остался и остается сильнѣйшій элементъ массоваго соперничества заключающійся *въ различіи личныхъ правъ и стѣсненій трудоваго общенія*. Долгимъ историческимъ процессомъ современное государство дошло до широкаго развитія правовыхъ гарантій. Эти гарантіи разомъ исчезаютъ для каждаго иностранца. Къ какой бы расѣ не принадлежалъ индивидуумъ, на какомъ бы языкѣ онъ не говорилъ, какой бы не представлялъ образовательный и общественный цензъ, какую бы религію не исповѣдывалъ, одна принадлежность къ другому государству ставитъ его внѣ общихъ законовъ.

Иностранцевъ не замучиваютъ подобно тирану Бузирису; ихъ не грабятъ открыто въ силу береговаго права; ихъ не обращаютъ въ рабство; но иностранцы до сихъ поръ тяжело чувствуютъ, что значитъ быть въ своемъ отечествѣ и что значитъ попасть въ другую, хотя бы болѣе культурную, страну. Право свободнаго пребыванія даруется ничтожному меньшинству, вовсе не нуждающимся въ заработкѣ людямъ, праздным туристамъ или посѣтителямъ курортовъ, по преимуществу кочующимъ изъ одного отеля въ другой. Однако же и эти счастливцы подвергаются стѣсненіямъ, кото-

рыя тѣмъ болѣе непріятны, чѣмъ болѣе усвоена привычка къ личной неприкосновенности. Кто не слѣдитъ за своими знакомствами, посѣщаетъ безъ разбора публичныя собранія, кто вступитъ въ ассоціаціи, непріятныя господствующей партіи, кто поссорится съ сосѣдями и окажется въ числѣ непопулярныхъ (но извѣстныхъ) людей—тотъ можетъ ожидать со дня на день *приглашенія* оставить страну. Иностранцы могутъ быть высланы по капризу любой мѣстной власти. Гдѣ еще господствуютъ паспортныя стѣсненія (въ наше время часто возобновляемыя подъ санитарнымъ, а иногда и политическимъ предлогомъ, напримѣръ на Эльзасской границѣ), тамъ положеніе иностранца еще болѣе подвержено случайностямъ.

Стѣсненія таможенныя играютъ свою скорбную роль вездѣ и повсюду. Люди, завѣдомо не подозрѣваемые ни въ какомъ уголовномъ преступленіи, подвергаются *допросу и обыску*. Въ случаѣ неудовлетворительности того или другого, мелкіе чиновники уполномочены взимать тяжелые штрафы и даже подвергать конфискаціи движимость. Чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ свирѣпѣе пограничныя посягательства. Въ Америкѣ отрицаніе контрабанды должно сопровождаться „клятвой“: какъ разъ тою присягой, которая въ судахъ страны установлена для свидѣтелей и экспертовъ. Въ Англіи обыскъ сопровождается безпощадной перетасовкою вещей; во Франціи таможенный досмотрщикъ, нашедшій на днѣ чемодана путешественника ящикъ папиросъ и коробку спичекъ, опредѣляетъ размѣръ денежнаго взысканія за скрытіе запрещенныхъ товаровъ. Относительно табаку, весьма любопытно то, что добросовѣстный и мирный курильщикъ долженъ за одинъ и тотъ же предметъ платить столько *разъ*, сколько *границъ* онъ переѣхалъ. Обратное путешествіе, возвращеніе въ отечество, сопровождаются такими же напоминаніями о

различіи государствъ. Итальянецъ, съѣздившій во Францію, долженъ остерегаться везти съ собой пріобрѣтенные заграницей вещи и можетъ подвергнуться непріятностямъ, если не успѣлъ износить новаго платья или шляпы, купленныхъ въ Италіи и не имѣющихъ очевидныхъ признаковъ мѣстнаго производства.

Стѣсненія, испытываемыя обезпеченными путешественниками, ничто въ сравненіи съ тѣми невзгодами, которыя приходятся на долю многочисленныхъ чужеземцевъ, являющихся въ чужой край съ малыми достатками, съ цѣлью добывать себѣ кусокъ хлѣба трудами своихъ рукъ. Услыхавъ, что есть страна, гдѣ нуждаются въ рабочей силѣ и гдѣ заработокъ легче и обильнѣе, масса бѣдныхъ людей затрачиваютъ скудныя сбереженія, часто послѣдніе гроши, и отправляются на чужбину. Скоро оказывается глубокая разница между правами на родинѣ, и правами заграницей. *Желаніе работать* сразу ставитъ иностранца въ положеніе *подозрительнаго* въ глазахъ властей субъекта и подчиняетъ дѣйствію суроваго обращенія и непріятнаго надзора. Чѣмъ болѣе иностранецъ трудолюбивъ, чѣмъ менѣе требователенъ, тѣмъ хуже. Въ великой и называющей себя свободной странѣ, созданной и обогащенной трудами пришельцевъ, дѣйствуютъ два ограниченія, направленныя противъ иммиграціи (законы 1882 и 1891). Иммигранты должны доказать свою политическую благонадежность: не допускаются переселенцы, принадлежащіе къ сообществамъ, направленнымъ противъ жизни и имущества. На дѣлѣ это постановленіе благовидно въ принципѣ, можетъ подать поводъ любой пограничной власти къ отказу допустить въѣздъ любого иностранца. Еще одинъ шагъ: пусть обяжутъ прибывшаго *доказать*, что онъ *не принадлежитъ* къ какому либо безнравственному сообществу, тогда никакая, самая безупречная репутація не обезпечитъ иммигранта.

Тотъ же законъ требуетъ, чтобы прибывшій былъ здоровъ; въ противномъ случаѣ требуется удостовѣреніе, что иммигрантъ можетъ себя содержать на собственныя средства.

Истинный смыслъ этихъ стѣсненій выясняется изъ мотивовъ, послужившихъ къ изданію закона 1881 года о запрещеніи китайцамъ переселенія въ С. Штаты. Законъ этотъ г. Мартенсъ считаетъ „незаконной мѣрой“*). Между Штатами и Китаемъ была заключена въ 1868 году конвенція о взаимномъ допущеніи свободнаго переселенія китайцевъ въ Америку, американцевъ въ Китай. Вскорѣ послѣ того потребовалась масса рабочихъ рукъ въ Калифорнію и на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Десятки тысячъ китайцевъ прибывали каждый годъ и нанимались на работы, поражая «бѣлую расу» своимъ трудолюбіемъ, воздержанностью и небольшими потребностями. Въ рудникахъ, при сооруженіи рельсовыхъ путей, при вывозкѣ нечистотъ, въ прачешныхъ, вездѣ гдѣ приходилось проявлять наибольшее усиліе, въ сферѣ самаго чернаго труда, эти пришельцы соглашались на плату, гораздо болѣе низкую, чѣмъ европейскіе эмигранты и даже негры. Общее число китайцевъ въ Штатахъ до 1881 года немного не дошло до трехсотъ тысячъ душъ.

Политической опасности нашествіе китайцевъ не представляло. Натурализаціи они не желали. Гражданскихъ правъ не добивались. Ихъ цѣль заключалась единственно въ стремленіи скопить тяжелымъ трудомъ и лишеніями небольшую сумму и вернуться на родину, если болѣзни и голодъ, отъ котораго они гибли во многихъ мѣстахъ безропотно, пощадятъ ихъ. По мнѣнію американской прессы и американскаго правительства

*) Современное Международное право, т. II, стр. 180.

вредъ китайскихъ рабочихъ заключался именно въ согласіи работать очень много, очень усердно и очень дешево. Нѣсколькихъ митинговъ, нѣсколькихъ газетныхъ статей и петицій было достаточно, чтобы китайская эмиграція была пріостановлена на десять лѣтъ, а затѣмъ и совсѣмъ запрещена. Въ 1888 году нашли наконецъ нужнымъ придать законность постановленію, противоположному христіанской религіи, здравому смыслу и формальному обязательству. Китайское правительство, лишенное матеріальной и нравственной силы, было вынуждено подписать новое соглашеніе, въ силу котораго его подданнымъ навсегда запрещалось переселеніе въ Соединенные Штаты. Изъ приличія и доктринерства, американскіе дипломаты облекли новый трактатъ въ форму взаимности. Американцы также не могли переселяться въ Китай.

Знаменательное предостереженіе дано и европейской эмиграціи. Недолго нужно будетъ ждать, чтобы корабли, перевозящіе переселенцевъ изъ Ливерпуля, Генуи и Гамбурга, оказались также, если не болѣе, ненавистными, чѣмъ суда, на которыхъ перевозились китайцы между 1868 и 1881 годами изъ Шанхая въ Санъ-Франциско. Богатство Штатовъ создала европейская эмиграція: объ этомъ забудутъ, какъ забыты кости безотвѣтныхъ кули, истлѣвшихъ близъ Pacific railroad, въ болотахъ, осушенныхъ и въ рудникахъ, разработанныхъ дешевымъ трудомъ. Британскіе, германскіе, итальянскіе выходцы менѣе сговорчивы на счетъ платы. Но это продлится недолго: по свидѣтельству Генри Джорджа *) плата въ каменноугольныхъ рудникахъ восточныхъ Штатовъ клонится уже къ 3 франкамъ въ сутки. Голодъ можетъ еще понизить плату. Тогда эмигрирующая Европа окажется столь же бѣдна, трудолю-

*) Progress and Poverty.

бива и слѣдовательно *преступна* какъ и Азія, съ тою еще разницею, что Европа, кромѣ заработка, претендуетъ еще на гражданскія и политическія права, на натурализацію. Выходцы изъ Европы, особенно изъ Англіи и Германіи, большею частью остаются въ Америкѣ. Недавно съѣздившій за океанъ, Поль Бурже, предостерегаетъ американцевъ. По мнѣнію автора «Outre mer» и теперь уже эмигрантовъ слишкомъ много. Предостереженія этого рода выслушиваются съ благодарностью. Девизъ: „открытыя объятія для всего мира“ давно уступилъ мѣсто девизу: «Америка для американцевъ».

Въ старомъ свѣтѣ раздаются аналогичныя воззванія: Франція для французовъ и т. д. За исключеніемъ Бельгіи, весьма либерально относящейся съ 1885 года, къ иностранцамъ, приходящимъ на заработки, Англіи и Россіи *) и нѣкоторыхъ экзотическихъ странъ, которыхъ эмиграція избѣгаетъ — повсюду можно замѣтить непріязненное отношеніе законодательства и администраціи къ чужеземнымъ рабочимъ. Итальянцы, являющіеся въ южные департаменты Франціи, бельгійцы и нѣмцы на сѣверѣ, особенно въ Парижѣ, подвергаются стѣсненіямъ и полицейскому надзору. Главнымъ основаніемъ къ стѣсненію переселенія, служитъ опасеніе увеличить число бѣдныхъ, умножить свой отечественный пролетаріатъ. Германія при князѣ Бисмаркѣ примѣняла обратную высылку русскихъ уроженцевъ изъ своихъ польскихъ провинцій въ весьма широкихъ размѣрахъ.

Чтобы оцѣнить вліяніе такихъ законовъ и распоряженій, необходимо войти въ положеніе бѣднаго

---

*) Законъ 16 февраля 1864 года, какъ говоритъ г. Мартенсъ «широко раскрываетъ двери» иностранцамъ (Назв. сочин. т. II, стр. 176), имѣющимъ натурализоваться въ Россіи. Не менѣе важно дружелюбное отношеніе русскихъ властей, русскаго народа и общества къ чужеземцамъ.

пришельца, прибывшаго на чужбину. Среди мѣстнаго населенія онъ сразу становится непопулярной личностью. Если законъ *хотя косвенно* поддерживаетъ неблагопріятное отношеніе мѣстныхъ обитателей, враждебно относящихся къ каждой «лишней» парѣ рукъ, то въ сущности насилія надъ своей личностью и имуществомъ иностранецъ долженъ ждать каждую минуту. Отвѣтственность за недавнее избіеніе итальянскихъ рабочихъ въ Франціи должно падать всего больше на законъ и на власти.

Юридическая коллизія двухъ государственныхъ суверенитетовъ на почвѣ законовъ объ иностранцахъ порождаетъ антагонизмъ двухъ народовъ. Непріязненное чувство обостряется, когда, подъ вліяніемъ и покровительствомъ легальной репрессіи закона, создается враждебное отношеніе мѣстнаго населенія къ иммигрантамъ... Итальянцы приходятъ заработать нѣсколько франковъ въ Провансъ или Лангедокъ; если вслѣдствіе исключительныхъ законовъ, распоряженій мэра и угрозъ населенія они уходятъ во свояси безъ сантима въ карманѣ, то несомнѣнно они принесутъ куда нибудь въ Тоскану или Ломбардію живую ненависть къ Франціи. Какъ хорошо было бы отнять у нея Савойю, Ниццу и даже нѣсколько богатыхъ южныхъ департаментовъ!

Натурализація въ Германіи согласно закону 1-го іюня 1870 года допускается лишь послѣ того, какъ иностранецъ докажетъ, что у него есть самостоятельныя средства къ существованію. Законъ повидимому стремится исключить всѣхъ, добывающихъ себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ.

Еще съ большей силой, чѣмъ различіе личныхъ правъ, враждебныя чувства возбуждаются стѣсненіемъ обмѣна, т. е. трудоваго общенія. Этимъ стѣсненіемъ создается и питается антагонизмъ, захватывающій всю народную массу до послѣдняго человѣка.

Германія облагаетъ ввозъ русскаго хлѣба. Размѣръ пошлинъ доводится мало по малу до чрезвычайно высокаго уровня, достигая 100 и болѣе процентовъ со стоимости русскаго хлѣба на мѣстахъ его производства и стѣсняя ввозъ этого продукта первѣйшей потребности. Кромѣ охраны германскаго земледѣлія возвышенныя, а затѣмъ «боевыя» пошлины не только на хлѣбъ, но и вообще на русское сырье (ленъ, пеньку, маслянистыя сѣмена, лѣсъ) мотивировались «возмездіемъ» за усиленное обложеніе товаровъ, идущихъ изъ Германіи въ Россію. Оба правительства, заботясь объ интересахъ своихъ подданныхъ, старались составить тарифъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы добрая часть ставокъ уплачивалась производителемъ. Германія стремилась къ тому, чтобы русскій земледѣлецъ былъ вынужденъ продать свой товаръ дешевле нормы, Россія взыскивала высшія пошлины съ фабричныхъ издѣлій сосѣдней страны, уменьшая барыши нѣмецкихъ фабрикантовъ. Цѣль была достигнута обѣими сторонами. Доходы русскаго помѣщика упали. Крупные хлѣбные торговцы банкрутились. Въ урожайные годы можно было прослѣдить безъ особаго труда, сколько копѣекъ съ души вноситъ крестьянинъ Самарской губерніи въ Кенигсбергскій Zollamt. Въ Германіи часть заводовъ, жившихъ русскими рынками, закрылась. Въ Силезіи безработица создала бѣдствіе, близкое къ голоду. И по мѣрѣ того, какъ экономическія связи слабѣли, политическая непріязнь росла. То была непріязнь народовъ, а не правительствъ — возрастающій антагонизмъ милліоновъ, а не шовинизмъ политика-

новъ. Уплачивая дороже за кусокъ хлѣба, ремесленникъ на Рейнѣ зналъ, или слышалъ, что страна, положившая предѣлъ нѣмецкому Drang nach Osten, огородилась заставами и что въ видѣ репрессіи нужно было, къ великой радости аграріевъ, стѣснить ввозъ зерна. Аграріи были довольны «боевыми» пошлинами и убѣждали всѣхъ считать заграничный, а особенно русскій хлѣбъ зломъ, можетъ быть необходимымъ, но которое желательно допустить въ возможно меньшемъ количествѣ. Городское населеніе и въ особенности фабриканты въ основныхъ принципахъ расходилось съ аграріями, но относилось съ злорадствомъ къ невзгодамъ Россіи, не впускавшей вовсе или слишкомъ облагавшей ихъ произведенія.

Пререканія между обоими правительствами привели въ іюлѣ 1893 года къ открытію таможенной войны. Введенъ былъ въ Германіи почти запретительный тарифъ на русскій хлѣбъ; въ Россіи двойной тарифъ примѣненъ ко всѣмъ привозимымъ изъ Германіи товарамъ, а германскія суда были обложены усиленнымъ ластовымъ сборомъ. Въ теченіи семи мѣсяцевъ пресса обѣихъ странъ старалась выяснить значительность ущерба нанесеннаго промышленности противника. Отечественнымъ потерямъ противопоставлялись съ удовольствіемъ непріятельскіе убытки.

Въ это время политическое положеніе Европы не измѣнилось; между тѣмъ на почвѣ тарифнаго столкновенія глухая вражда накоплялась. Съ каждой недѣлей появлялись угрожающіе признаки. Въ самые тревожные дни, въ началѣ октября, когда русскіе уполномоченные только что уѣхали въ Берлинъ на конференцію, съ полной неизвѣстностью насчетъ конечнаго результата переговоровъ, русскій Министръ Финансовъ счелъ полезнымъ высказать свой взглядъ на возможныя послѣдствія возникшаго остраго конфликта. Въ бесѣдѣ

съ редакторомъ газеты Zukunft, С. Ю. Витте заявилъ, что хотя обѣ націи несутъ убытки отъ начавшейся таможенной войны, однако же экономическая сторона дѣла менѣе важна, чѣмъ политическая. Онъ сравнилъ конфликтъ и взаимныя тарифныя респрессіи съ болѣзнью, которая сама по себѣ не будучи опасною, можетъ, если затянется, довести до опаснаго нервнаго раздраженія. Онъ прибавилъ, что совершенно расходится съ княземъ Бисмаркомъ, выразившимъ разъ мнѣніе что „политическія отношенія государствъ должны быть независимы отъ торговыхъ и что народамъ неприлично ругать покупателей, не желающихъ зайти въ ихъ лавку". Эту бутаду С. Ю. Витте считалъ просто парламентскимъ маневромъ, тезисомъ въ который самъ провозгласившій его, не вѣрилъ. „Отъ государственнаго человѣка, обладающаго геніемъ и опытностью Бисмарка, не могло ускользнуть громадное вліяніе, которое живой обмѣнъ товаровъ имѣетъ на отношенія народовъ между собою и сильное впечатлѣніе, производимое внезапнымъ прекращеніемъ подобнаго обмѣна" *).

Въ той же Zukunft былъ напечатанъ весьма авторитетный отзывъ извѣстнаго германскаго ученаго А. Шефле, который назвалъ таможенную и торговую войну «пушкой, съ которой нельзя играть слишкомъ долго и слишкомъ грубо,—не рискуя воспламенить ее для настоящей войны, съ кровью и желѣзомъ».

Не менѣе убѣдительно, чѣмъ мнѣніе государственныхъ людей и ученыхъ, оказалось неподдѣльное глубокое чувство облегченія, которое явилось, когда торговый договоръ 29 января (10 февраля) 1893 года былъ подписанъ и прекратилъ острый конфликтъ. Всѣ сознавали, что соглашеніе отвратило почти неизбѣжную войну.

Поучительность русско-германскаго столкновенія

*) «Новое Время» 12 октября 1893 г.

заключается въ томъ, что въ небольшой промежутокъ времени ярко выдвинулось, въ весьма убѣдительномъ видѣ, то опасное вліяніе, которое оказываетъ на международныя отношенія система пограничныхъ стѣсненій. Міровая болѣзнь пограничнаго отчужденія сказалась мѣстнымъ рѣзкимъ кризисомъ.

Потребность въ обмѣнѣ возрастаетъ для всѣхъ народовъ съ каждымъ шагомъ каждаго изъ нихъ по пути развитія производительныхъ силъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась, послѣ великихъ событій 1860—1870 г.г. новая эпоха,—потребность трудоваго единенія возрастаетъ можно сказать въ геометрической прогрессіи. И всякое серьезное стѣсненіе обмѣна съ каждымъ годомъ даетъ сильнѣйшія отрицательныя вліянія. Что прежде порождало умѣренныя неудовольствія, теперь производитъ опасную коллизію. Что недавно вызывало ропотъ, въ будущемъ способно вызвать войну.

Сильнѣйшимъ побужденіемъ къ успѣшному международному обмѣну является постоянное умноженіе потребностей человѣка.

Потребности, которыя удовлетворяетъ современный всемірный обмѣнъ, настоятельны, насущны и совершенно отличаются отъ прихотливой и уродливой иногда торговли былыхъ вѣковъ.

Значительное число судовъ торговаго флота было занято прежде перевозкою предметовъ роскоши, еще въ прошломъ вѣкѣ составлявшихъ, въ видѣ алмазовъ, шелковъ, золотой парчи и рѣдкихъ благоуханій, главные предметы обмѣна съ Востокомъ. Прибыль въ сто разъ большую даетъ въ наше время дешевая одежда, домашняя утварь, топливо, удобренія. Наибольшій обмѣнъ производится Англіей и наибольшая сумма ея вывоза состоитъ въ хлопчатобумажныхъ и шерстянныхъ тканяхъ, желѣзныхъ, стальныхъ и жестяныхъ издѣліяхъ, инструментахъ, машинахъ, каменномъ углѣ. Перевозка гуано, се-

литры, фосфоритовъ, занимаетъ цѣлыя эскадры. Индія, баснословная страна «пряностей, ароматовъ и драгоцѣнностей» вывезла ихъ въ 1893 году на 494.000 фунтовъ стерлинговъ; вывозъ же хлопка доходилъ до 20-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; вывозъ риса превосходилъ 13 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; вывозъ пшеницы достигъ почти 14.400.000 фунтовъ стерлинговъ.

Когда значительные интересы мѣстной торговли связаны съ удовлетвореніемъ массовыхъ потребностей, то и производство направляется на удовлетвореніе такихъ потребностей. Когда же интенсивному, всеобщему, массовому стремленію, ставятся препятствія въ видѣ искусственныхъ ограниченій, то безъ колебанія можно считать эти препятствія источникомъ рѣзкой, національной непріязни.

Пограничныя пошлины являясь преградой международнаго общенія въ сферѣ труда не могутъ не питать чувства вражды; когда преграда дѣлается непреодолимою, то, какъ показалъ недавній конфликтъ,— вражда быстро грозитъ перейти въ вооруженную борьбу. Когда тарифы воздвигаютъ меньшія затрудненія и наносятъ менѣе тяжкій ущербъ, тогда во всякомъ случаѣ, создается день за днемъ та тлетворная почва, на которой гибнутъ мирные всходы.

ГЛАВА III.

Французскіе тарифы и ихъ вліяніе на международныя отношенія въ концѣ XIX вѣка.

Послѣ революціи, Учредительное Собраніе ввело умѣренные тарифы. Когда началась революціонная война, торговые трактаты съ Англіей были, конечно, нарушены. Съ заключеніемъ мира континентальная система исчезла, но торговаго таможеннаго мира заключено не было. Реставрація и Іюльская монархія ввели ультра-протекціонныя начала.

Многіе товары были вовсе запрещены къ ввозу и недопущены къ транзиту. Нѣкоторыя облегченія были сдѣланы только въ 1845 году. Но и послѣ того нѣсколько лѣтъ былъ воспрещенъ транзитъ живыхъ животныхъ, свѣжаго мяса, матерій, сахара-рафинада, экипажей, оружія, пороха. Былъ запрещенъ ввозъ табаку въ листьяхъ, игральныхъ картъ и т. п. Длинный списокъ запрещенныхъ товаровъ дополнялся еще въ видахъ фискальныхъ, санитарныхъ, этическихъ. Одновременно поощрялась и охранялась промышленность— добывающая, промышленность— обрабатывающая и земледѣліе. Высокія пошлины были наложены на каменный уголь и на металлы. Хлѣбъ, какъ главное національное богатство, былъ во главѣ охранительнаго тарифа. Чтобы затруднить привозъ хлѣба изъ заграницы и въ тоже время избѣгнуть голода въ неурожайные годы, была изобрѣтена присно памятная подвижная пошлина, подъ названіемъ échelle mobile. Когда внутри

страны хлѣбъ былъ дешевъ, пошлина была весьма высока; когда цѣны возвышались подъ вліяніемъ недорода или другихъ причинъ, пошлина уменьшалась. Система, которую, за ея сложность, Леруа-Болье насмѣшливо называетъ геніальной, держала всю Францію впроголодь; Молинари считаетъ, что только съ исчезновеніемъ échele mobile, въ 1860 году, бѣлый пшеничный хлѣбъ, сталъ вытѣснять изъ крестьянскаго хозяйства черный хлѣбъ и разныя малопитательные суррогаты. Тяжкая для народа, подвижная пошлина не разъ составляла, именно вслѣдствіе своей подвижности, крупные убытки заграничному импорту хлѣба, что конечно имѣло свою долю въ той чашѣ раздраженія, отчужденія и національнаго антагонизма, за которые Франція тяжко поплатилась.

Для фабрично-заводской промышленности былъ введенъ законъ о возвращеніи пошлинъ, извѣстный подъ англійскимъ терминомъ drawback и состоявшій въ опредѣленіи количества иностраннаго сырья или полуфабриката, употребленныхъ для выдѣлки готоваго издѣлія, вывозимаго заграницу. Пошлина за такое сырье или полуфабрикатъ возвращалась экспортеру. Законъ оказался убыточнымъ для фиска. Весьма трудно въ самомъ дѣлѣ узнать, сколько въ точности пошло напримѣръ хлопка на выдѣлку куска ситцу. Начались ухищренія, съ цѣлью истребовать больше пошлины, чѣмъ было въ дѣйствительности уплачено. Правительство, не желая стѣснять вывоза, сознательно позволяло обкрадывать себя. Были годы, какъ замѣчаетъ Леруа-Болье, когда казна очутилась въ странномъ положеніи: чѣмъ болѣе терпѣла казна отъ обмановъ, тѣмъ болѣе правительство было довольно *). Выгодные для нѣсколькихъ безсовѣстныхъ людей —drawback были крайне

*) La science des Finances T. I, p. 581.

обременительны для всей промышленности въ цѣломъ. Фабрикантамъ приходилось терять проценты за время между уплатой пошлины и ея возвратомъ.

Чтобы помочь горю обратились къ системѣ «временныхъ дозволеній». Заводчикъ или фабрикантъ получили право выписывать потребное количество сырья изъ заграницы безпошлинно, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы соотвѣтственное количество готовыхъ издѣлій было вывезено заграницу.

Экономическія послѣдствія обѣихъ системъ были прискорбны; еще хуже были политическія послѣдствія: создавались искусственныя вліянія, объусловливающія неожиданныя перемѣны въ запросѣ на иностранное сырье.

Крутыя перемѣны въ тарифѣ произошли въ 1822. Пошлина на скотъ была увеличена съ 3 до 50 франковъ съ головы. Въ 1834, 1841, 1845, 1847 правительству Луи-Филиппа удалось сократить мало по малу число абсолютныхъ запрещеній, замѣнивъ ихъ высокими пошлинами. Въ 1847 году сдѣлана была, въ видѣ законопроекта министра Cunin-Gridainc, попытка упростить тарифъ, отмѣнить оставшіяся еще запрещенія и изъ 666 статей тарифа исключить 298 товаровъ, допустивъ ихъ безпошлинно. Таможенные доходы уменьшились бы всего на 3.000.000 франковъ. Послѣ бурныхъ преній, законопроектъ былъ отвергнутъ.

Въ 1848 г. Временное Правительство отмѣнило запрещеніе ввоза шелковыхъ матерій, большихъ неоправленныхъ зеркалъ и очищеннаго іода.

Отношенія Англіи и Франціи послѣ войны 1859 года были натянуты, не смотря на совмѣстную экспедицію въ Китай, къ которой готовились оба правительства. Побѣды французовъ въ Италіи воскрешали воспоминанія о дняхъ перваго Бонопарта. Вооруженія Франціи возбудили тревоги, и лордъ Пальмерстонъ, не-

давній крымскій союзникъ, принималъ на всякій случай, мѣры къ оборонѣ портовъ и усиливалъ эскадры въ Ламаншѣ.

Не смотря на самыя мирныя намѣренія самаго Наполеона, всѣ чувствовали, что гроза надвигалась. Тонъ англійской прессы дѣлался день ото дня болѣе рѣзкимъ. Въ Ливерпулѣ собрался консервативный митингъ. Произнесенныя рѣчи были таковы, что въ финансовомъ и коммерческомъ мірѣ началась тревога. Такъ какъ власть имѣющія лица войны вовсе не могли желать и искали средства смягчить враждебное настроеніе націй, то иниціатива, проявленная извѣстными экономистами Шевалье и Кобденомъ въ заключеніи торговаго тракта, была принята весьма благосклонно. Плохо вѣря въ удачу, начали Пальмерстонъ и Наполеонъ переговоры, пользуясь услугами частнаго лица, какимъ являлся глава Лиги противъ хлѣбныхъ запасовъ (Anti-corn Law Ligue). Тайна соблюдалась такъ строго, что первое совѣщаніе Кобдена съ Руеромъ походило, по внѣшности, на заговоръ злоумышленниковъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Валевскій ничего не зналъ до послѣдняго дня *).

Наконецъ, послѣ долгихъ перипетій, стоившихъ много здоровья Кобдену, непривыкшему къ интригамъ двора, появилось 5 января 1860 года въ Moniteur'ѣ письмо Императора къ Министру торговли, возвѣщавшее пониженіе пошлинъ, а 29 января былъ подписанъ трактатъ, несмотря на сильнѣйшую оппозицію министровъ Наполеона и вызывающую агитацію фабрикантовъ. Не обошлось безъ нападокъ и въ Англійскомъ Парламентѣ, гдѣ одинъ членъ замѣтилъ, что не прилично «Свободнымъ палатамъ Великобританіи заниматься покорной регистраціей декретовъ французскаго деспота».

---

*) Cobden's Life by G Morley.

Въ публикѣ наоборотъ проявилась неподдѣльная радость. Экономическихъ послѣдствій еще не разбирали, а только чувствовали, что опасность войны миновала.

Надежда на миръ вызвала столь радостное возбужденіе въ Манчестерѣ, что ничего подобнаго не было со времени отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Англійская пресса сразу измѣнила тонъ.

Въ сущности трактатъ былъ весьма робкой полумѣрой, переходомъ отъ запрещеній и пошлинъ почти запретительныхъ къ пошлинамъ протекціоннымъ. Точныхъ ставокъ не было вовсе опредѣлено, а только общія начала и максимальныя нормы... Оклады пошлинъ были установлены послѣдующими соглашеніями (отъ 25 до 30 процентовъ). Сырье было допущено безпошлинно, а всѣ остальныя, остававшіяся еще, запрещенія отмѣнены. Вообще возобновлены были начала дореволюціоннаго трактата 1786 года.

Торговля и обмѣнъ—говоритъ Леруа Больё, избавленныя отъ непроходимыхъ преградъ, развились: большинство производствъ испытали возбуждающее вліяніе конкурренціи, которую они могли выдерживать, но которая подвигала ихъ на большія усилія. Множество производствъ возродилось и достигло процвѣтанія, будучи ранѣе подавлено или уничтожено покровительствомъ, которымъ пользовались тѣ роды производства, которые представляютъ низшія степени обработки. Нѣкоторыя производства правда пострадали: нѣсколько металлургическихъ заводовъ должны были закрыться. Но эти единичныя и мѣстныя невзгоды были неизбѣжны и были съ избыткомъ уравновѣшены возрастаніемъ общаго благосостоянія.

Имперія пала. Какъ только миръ былъ заключенъ протекціонисты, или вѣрнѣе мануфактуристы, начали агитацію противъ тарифныхъ принциповъ 1860 года.

Ничего не было естественнѣе желанія фабрикантовъ увеличить свои доходы, пользуясь паденіемъ режима, который расширилъ конкуренцію. Аргументами выставлялись: во-первыхъ введеніе реформы 1860 года безъ участія народнаго представительства, во-вторыхъ вообще то обстоятельство, что либеральный тарифъ былъ введенъ тѣмъ самымъ правительствомъ, которое привело къ Седану, Мецу и Коммунѣ. Оба аргумента конечно были несостоятельны. Самыя плохія и самыя эгоистичныя правительства могутъ проявлять полезныя начинанія и приводить ихъ въ исполненіе. Въ культурныхъ странахъ или вездѣ, гдѣ народъ способенъ хотя къ слабой самодѣятельности, ни одно правительство, какъ бы не были велики его матеріальныя силы, не могло бы продержаться и года, если бы среди его мѣръ и среди вводимыхъ законовъ не было вовсе полезныхъ реформъ. Хотя вторая имперія возникла благодаря возмутительному попранію законности и права военной силой, хотя династическіе интересы были руководящимъ принципомъ внѣшней и внутренней политики, а администрація почти до самыхъ послѣднихъ дней позволяла себѣ деспотическія посягательства,—тѣмъ не менѣе найдется среди дѣйствій Наполеона III и его совѣтниковъ не одна мудрая и благодѣтельная мѣра. Трактатъ 1860 года стоитъ во главѣ актовъ этого рода .. Онъ одобрялся впослѣдствіи такими лицами, для которыхъ самое имя имперіи было ненавистно. Такой взглядъ высказывался членами постоянной Лиги для защиты интересовъ плательщиковъ и потребителей, *) для большинства которыхъ «2 декабря 1851 года» было днемъ великаго преступленія, а республика была предметомъ слѣпой вѣры.

*) Ligue permanente pour la défense des interêts des contribuables et des consommateurs.

Сначала можно было расчитывать, что система 1860 года будетъ сохранена и развита. Тьеръ торжественно объявилъ въ своемъ посланіи Національному Собранію 5 декабря 1871 года, что онъ отказывается отъ запретительной торговой политики и принимаетъ въ главныхъ основаніяхъ систему 1860 года. «Мы не желаемъ» говоритъ онъ,—сдѣлаться виновниками промышленнаго ретроградства, замѣняя полную свободу торговли запрещеніемъ . . . . . .

«Мы оставили безъ измѣненія всѣ существующія пошлины на желѣзо и издѣлія изъ него, на каменный уголь, на химическія продукты, на товары: стеклянныя, хрустальныя, фаянсовые, на гладкія шерстяныя матеріи, на свѣжую и соленую рыбу, однимъ словомъ на большинство предметовъ международнаго обмѣна».

Тьеръ потребовалъ только двухъ нижеслѣдующихъ измѣненій:

1) Небольшое повышеніе пошлины на 3 и на 5 процентовъ на хлопчатобумажныя нитки и ткани, на ленъ и на шерсть.

2) Повышенія пошлинъ отъ 12 до 18% на смѣшанныя ткани сѣверныхъ фабрикъ (tissus de Roubaix).

«И эти скромныя измѣненія, заключалъ онъ,— требуются не столько для разныхъ повышеній существующаго тарифа, сколько въ видахъ обезпеченія его справедливаго примѣненія».

Случается, въ самомъ дѣлѣ, что посредствомъ ложныхъ объявленій въ таможнѣ, тарифы уменьшаются на 3, 4 и даже на 5%, такъ что требуемое увеличеніе будетъ въ дѣйствительности имѣть послѣдствіемъ только правильное примѣненіе трактата 1860 года.

Г. Бутарель полагалъ *) (онъ писалъ въ Маѣ 1872 года), что Тьеръ отрекся отъ своихъ протекціон-

*) Boutarel. La ruine des exportations françaises (1872).

ныхъ идей, побѣжденный очевидностью, выражавшеюся въ слѣдующихъ цифрахъ:

Внѣшняя торговля Франціи.

I. Съ 1852 по 1860 г.г.

Годы.	Вывозъ. въ милліонахъ	Ввозъ. франковъ.
1852	1.256,9	989,4
1853	1.541,9	1.196,1
1854	1.413,7	1.291,1
1855	1.557,9	1.594,1
1856	1.893,0	1.989,8
1857	1.865,8	1.872,9
1858	1.887,2	1.562,8
1859	2.266,4	1.640,7
1860	2.277,1	1.897,3
Итого. . . .	15.960,9	14.034,7
ВСЕГО . .	29.995,6	

II. Съ 1861 по 1869 г.г.

Годы.	Вывозъ. въ милліонахъ	Ввозъ. франковъ.
1861	1.926,3	2.442,3
1862	2.242,7	2.198,6
1863	2.642,6	2.426,4
1864	2.924,2	2.528,2
1865	3.088,4	2.641,8
1866	3.180,6	2.793,5
1867	2.825,9	3.026,5
1868	2.789,9*)	3.303,7
1869	3.074,9*)	3.153,1
Итого . . .	24.695,5	24.514,1
ВСЕГО	49.209,6	

*) Уменьшеніе въ 1868 и 1869 гг. произошло вслѣдствіе введенія въ Соединенныхъ Штатахъ высокаго обложенія.

Сорокъ девять милліардовъ въ 1861 — 1869 гг. вмѣсто двадцати девяти въ 1852—1860. Экспортъ въ 3 милліарда въ 1869 г. вмѣсто $2^1/_4$ милліардовъ въ 1860. Кромѣ того промышленники приспособились къ либеральному тарифу. Посланіе главы государства и затѣмъ постановленія Національнаго Собранія 19 Января 1872 г., отвергнувшаго налогъ на сырье — все обѣщало, что императорскій тарифъ переживаетъ паденіе имперіи. Надежды не оправдались.

Заслуги Тьера во время переговоровъ о мирѣ, его борьба съ парижской коммуной и еще болѣе рядъ законодательныхъ мѣръ для скорѣйшаго очищенія страны отъ непріятельской окупаціи,— все это даетъ ему право на почетное имя въ исторіи Франціи. Но не мало темныхъ пятенъ найдется въ его политической дѣятельности. Искренность и прямота не были въ числѣ его достоинствъ. Тьеръ въ душѣ и не думалъ отрекаться отъ своихъ ультра-протективныхъ мнѣній. Но онъ считалъ неблагоразумнымъ прямо объявить, что желаетъ возврата къ старой запретительной системѣ. Его слова объ «application sincère du traité de 1860 г.» были не болѣе, какъ ловкимъ маневромъ, для введенія въ заблужденіе противника.

Стоило только авторитету правительства вновь пробудить къ жизни узко-эгоистическіе и близорукіе аппетиты, которые связаны съ высокими пошлинами, чтобы у протекціонистовъ оказался могущественный союзникъ. Послѣ паденія Тьера въ 1877 году можно было видѣть, какъ темная сила личной корысти успѣла рядомъ искустныхъ комбинацій склонить побѣду на свою сторону. Леруа-Болье считаетъ, что общественное мнѣніе съ 1877 года впало въ заблужденіе и что первыя неудачи протекціонистовъ въ 1871 и 1872 гг. не обезкуражили ихъ; къ 1882 году была возстановлена въ общемъ система, дѣйствовавшая до 1860 года *).

*) La scienes des Finances, p. 624 и p. 629. Гл. I.

Самъ Тіеръ успѣлъ лишь опорочить торговые трактаты. Его преемники продолжали дѣло. Брешь была пробита. За сохраненіе трактатовъ были только здравый смыслъ и общее благо; и то, и другое не имѣвшіе за собой ни личныхъ ни частныхъ барышей, не давали вліянія на выборахъ. Однако и второй приступъ былъ неудаченъ. Когда 7 апрѣля 1875 года министръ де-Мо (de Meaux) спросилъ мнѣнія торговыхъ палатъ по вопросу о трактатахъ, то 62 палаты изъ 76 высказались за возобновленіе трактатовъ, а нѣкоторыя рѣшились заявить, что трактаты считаютъ переходной ступенью къ полной свободѣ торговли. Тогда вновь рѣшились притвориться. Министръ торговли Тейссеранъ де Боръ предложилъ повысить пошлины только для тѣхъ государствъ, которыя отказывались заключить трактаты и для нихъ ввести tarif general; для другихъ, съ которыми послѣдовали соглашенія, сохранить дѣйствовавшія въ трактатахъ ставки (подъ названіемъ tarif conventionnel). Палата не успѣла обсудить предложенія, когда наступилъ переворотъ шестнадцатаго мая. Дѣятели 16 мая были ультра-протекціонистами и, насколько могли, старались поощрять протективныя вожделенія. Времени у нихъ однако не хватило, и они ничего не успѣли сдѣлать въ этомъ направленіи. Когда страна стряхнула реакціонеровъ, портфель министра торговли оказался въ рукахъ того же Тейссерана де Боръ.

Можно было ожидать, что протекціонизмъ только что скомпроментированный поддержкой дѣятелей реакціи и государственнаго переворота, будетъ имѣть въ министрахъ противниковъ. Случилось обратное. Проектъ тарифа первоначально былъ составленъ съ увеличеніемъ на 24% почти для всѣхъ издѣлій. Въ то время—въ началѣ 1880 г. Палата Депутатовъ все еще была расположена въ пользу либеральнаго тарифа. Пра-

вительство, въ лицѣ министра Тирара, вновь притворилось. Убѣдивъ Палату, что нельзя далѣе сохранять пошлинъ въ видѣ процентовъ съ объявленной цѣны, министерство достигло повышенія не на 24%, а на 70 и 80%. Пошлина, такъ называемая ad valorem дѣйствительно до крайности стѣснительна и для фиска и для торговли. Постоянныя пререканія о цѣнѣ, затруднительность экспертизы, неоднородное отношеніе къ объявленіямъ о цѣнѣ въ разныхъ таможняхъ и въ одной и той же таможнѣ въ разное время, потери казны, убытки для добросовѣстныхъ импортеровъ, нажива для безчестныхъ — все это не могло быть оспариваемо. Когда же въ принципѣ согласились замѣнить пошлины съ цѣны пошлинами съ единицы мѣры, тогда *перечисленіе* произведено было съ заботой объ охраненіи интересовъ вліятельныхъ кружковъ и пользуясь, какъ всегда бываетъ въ тарифныхъ вопросахъ, совѣтами и показаніями тѣхъ лицъ и учрежденій, интересъ которыхъ совпадаетъ съ возвышеніемъ тарифовъ и противоположенъ интересамъ потребителей.

Къ 1882 году отъ либеральнаго тарифа не осталось и слѣда, а черезъ три года прошли два закона 28 марта 1885 года. Первый установилъ пошлины на хлѣбные товары. Вторымъ обложены: мясо и животные, идущіе въ пищу (быки, телята, бараны и свиньи).

Законъ контрассигнованъ министромъ земледѣлія г. Мелиномъ, пылкимъ и неуклоннымъ протекціонистомъ. Его именемъ окрещена новая эпоха исторіи Франціи – Мелинизмъ.

Новые взгляды заключались въ стремленіи къ охранѣ одновременно и французскаго земледѣлія и французскихъ фабрикъ. Для хлѣба de facto возобновилась подвижная пошлина échelle mobile, измѣнявшаяся притомъ не столько въ зависимости отъ цѣны на хлѣбъ,

сколько отъ перемѣны министерства. Пошлина вліяла на цѣны, но цѣны не всегда вліяли на пошлину.

Профессоръ Рене Штурмъ даетъ слѣдующую таблицу цѣнъ на хлѣбъ во Франціи и пошлинъ. (Systemes généraux d'impots. Paris 1893 г. стр. 386).

Годы.	За 100 килограммъ. Цѣна.	Пошлина.
1883	25 фр. 05	60 сант.
1884	23 „ 78	60 „
1885	21 „ 91	3 фр.
1886	21 „ 63	3 „
1887	26 „ 92	5 „
1888	23 „ 85	5 „
1889	24 „ 41	5 „
1890	24 „ 15	5 „
1891	25 „ 46	3 фр. (съ 1 Іюня 1891 по 1 Іюня 1892 года).
1892	25 „ 10	
1893	21 „ 50	5 фр.

Приведенныхъ измѣненій въ тарифной политикѣ Франціи отъ 1815 года до нашего времени достаточно, чтобы убѣдиться, что международный обмѣнъ на французской границѣ былъ подверженъ случайнымъ вліяніямъ, которыя не могли быть предвидѣны никакой коммерческой прозорливостью и наносили заграничному импорту чрезвычайные убытки. Каждый изъ реформаторовъ, облагавшій или удручавшій національное производство или мѣстныхъ потребителей за эти восемь десятилѣтій, вѣрилъ конечно въ полезность своего измѣненія.

Объ экономическихъ послѣдствіяхъ того или другого таможеннаго обложенія мы будемъ говорить ниже. Теперь мы обратимъ вниманіе на политическое

вліяніе. Есть одна объединяющая черта во всѣхъ этихъ тарифныхъ пошлинахъ — полное пренебреженіе къ интересамъ иностранныхъ производителей и потребителей. Облегченія, которыя были сдѣланы въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ явились либо подъ вліяніемъ горькой необходимости, либо по случайной склонности.

Отсутствіе репрессалій не всегда смягчаетъ международныя отношенія. Англія и Бельгія, перешедшія къ системѣ свободной торговли, не могли или не хотѣли отвѣтить Франціи повышеніемъ тарифа. Политическія отношенія однако испытали вліяніе односторонняго тарифнаго маневра, хотя до тарифной войны дѣло и не доходило. Бельгія обособленная въ трудовой жизни отъ сѣверныхъ департаментовъ, порвала съ ними тѣснѣйшія историческія и этнографическія связи. Тарифы третьей республики оказались для обоихъ народовъ хуже явныхъ агрессивныхъ замысловъ второй имперіи. Наполеонъ III хотѣлъ присоединить либо всю Бельгію, либо ея южныя французскія провинціи . . Въ удобныхъ случаяхъ Брюссельскій кабинетъ протестовалъ официозно и искалъ поддержки у державъ, создавшихъ маленькое королевство, а король Леопольдъ отклонялъ всякія территоріальныя компромиссы, связанныя съ Люксенбургскимъ вопросомъ. . . Съ паденіемъ имперіи всѣ такія непосредственныя опасенія исчезли. Республика желала только возвратить Эльзасъ и Лотарингію, а о Люксенбургѣ и Намюрѣ совсѣмъ забыли. Но явились г.г. Тесеренъ Тираръ, Мелинъ и другіе — воздвигнувшіе гоненія на бельгійское желѣзо, на паровозы, вагоны и рельсы Кокериля, на оружейныя издѣлія, на ткани, на мясо, на пшеницу. Тогда вмѣсто кабинетныхъ и дипломатическихъ пререканій стали усиленно вооружаться и укрѣплять Антверпенъ, гдѣ еще живы были старики,

помнившіе какъ французскій корпусъ отнялъ у голландцевъ въ 1832 году городъ и отдалъ бельгійцамъ. Вся южная граница покрылась казематированными, блиндированными фортами, гдѣ талантъ генерала Бріальмона нашелъ себѣ полное примѣненіе. Защита отъ французскаго захвата изъ министерскаго вопроса превратилась въ кровное національное дѣло.

Въ Англіи тѣ же перемѣны отозвались весьма сходными чертами. Настроеніе англійскаго народа сказалось въ весьма рѣзкихъ заявленіяхъ въ парламентѣ по адресу французскаго неопротекціонизма. Начали образовываться общества для изгнанія французскихъ издѣлій изъ употребленія. Принцесса Уэльская приняла предсѣдательство въ одномъ изъ такихъ обществъ. Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ антагонизмъ преуспѣвалъ.

Теперь Англія и Франція тратятъ милліарды на увеличеніе своего флота. Колоніальныя пререканія, не имѣющія даже серьезнаго основанія, въ родѣ никому ненужныхъ областей во внутренней Африкѣ, подчасъ сильно обострялись. Между двумя передовыми народами установились отношенія, основанныя на древней формулѣ Si vis pacem, para bellum. Начатыя было работы по прорытію тунели подъ Па-де-Кале были рѣзко прерваны по требованію палаты Общинъ.

«Vous avez mené toutes les nations de prorogation en prorogation» — вотъ упрекъ, вполнѣ заслуженный французскими протекціонистами.

ГЛАВА IV.

Тарифные метаморфозы. Торговые трактаты. Таможенная практика. Фискальные тарифы.

Перипетіи любой тарифной пошлины рисуютъ наглядно свойства каждаго тарифа an und für sich. Всѣ требуютъ извѣстнаго постоянства въ тарифѣ; ученые и государственные люди одинаково осуждаютъ частыя перемѣны въ пошлинахъ. Рядъ законодательныхъ трудовъ претендовалъ на устойчивость. Не разъ объявляли, что знанія и таланты достигли чего-то законченнаго. Жизнь, логика фактовъ разбивали въ прахъ эти иллюзіи. Никакая власть, никакой талантъ, никакая энергія не въ силахъ дать странѣ постоянный или сколько нибудь устойчивый тарифъ. Если не перемѣняется общее направленіе торговой политики, то перемѣняется личный составъ администраціи; если дѣятели остаются тѣ же, измѣняются фискальныя требованія; если фискъ не нуждается, вексельный курсъ заявляетъ свои требованія.

Тарифъ самъ по себѣ представляетъ слишкомъ податливый, слишкомъ упругій способъ народнаго обложенія, чтобы не измѣняться подъ такими вліяніями, которыя не въ силахъ измѣнить иные способы государственнаго обложенія. Разъ пограничное обложеніе *существуетъ*, оно неотвратимо, внѣ воли человѣческой, будетъ давать непрерывныя метаморфозы.

Если изъ Стараго Свѣта перенестись въ Новый, увидимъ, что и за океаномъ тѣ же причины даютъ тѣ

же послѣдствія. Въ этомъ столѣтіи, до 80-хъ годовъ, Соединенные Штаты *шесть разъ* круто перемѣняли свою тарифную политику, то въ одну, то въ другую сторону. Введенный въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1890 году тарифы Макъ-Кинлея какъ самими американцами, такъ и европейцами представлялись какъ устойчивая норма, завершившая, наконецъ, многолѣтнія колебанія и перемѣны. Не прошло однако и четырехъ полныхъ лѣтъ какъ г.г. Гофманъ и Вильсонъ провели совершенно иную систему обложенія. Тарифъ Гофмана вступилъ въ силу 16—28 Августа 1894 года. Вмѣсто Макъ-Кинлеевскихъ окладовъ, въ среднемъ равнявшихся около 50% съ цѣны товаровъ, пошлина понижена и доведена примѣрно до 38%. Списокъ безпошлинныхъ товаровъ увеличился . . За то сахаръ обложили 40% и окладъ на водку значительно повысили (110 вмѣсто 90 центовъ съ галлона). Президентъ Клевелендъ высказалъ, что тарифы Гофмана, по его мнѣнію, должны считаться *временными*. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ оплакиваетъ судьбу Америки, столь часто мѣняющей свои тарифы. Какъ будто не всѣ страны находятся въ томъ же положеніи!

Заключеніе торговыхъ трактатовъ указывается обыкновенно, какъ лучшій исходъ для избѣжанія послѣдствій тарифной борьбы и тарифныхъ эксцессовъ, тарифныхъ метаморфозъ.

Примиряющее вліяніе торговыхъ трактатовъ несомнѣнно, но не должно быть преувеличиваемо. Достигается не миръ, а только перемиріе. Наблюдаются всѣ признаки временнаго прекращенія военныхъ дѣйствій. Нанеся другъ другу много вреда, изнуренные взаимно враги уславливаются прекратить вражду на опредѣ-

ленный только срокъ. Въ концѣ договора часто заключается обязательство предувѣдомить «противника» о томъ, что въ назначенный срокъ вновь начинается нормальный порядокъ, состоящій въ изобрѣтеніи успѣшнѣйшихъ способовъ раззоренія гражданъ сосѣдняго государства. Трактаты рѣдко заключаются на срокъ болѣе 10 лѣтъ. Если черезъ каждые 10 лѣтъ опасность торговой, а затѣмъ и настоящей войны будетъ смущать спокойствіе народовъ, то роль торговыхъ трактатовъ представлялась бы весьма блѣдною. Возобновленія трактатовъ вовсе не часты. Примирительныя вліянія, достигнувъ временнаго успѣха, ослабѣваютъ. Геній вражды, наоборотъ, за долго до срока, воспользовавшись безпечностью противника, начинаетъ свою работу, такъ что ко дню окончанія дѣйствія договора, почва подготовлена и при громкихъ кликахъ радости близорукихъ политиковъ и себялюбивыхъ монополистовъ, временное соглашеніе прекращается. Семидесятые и восьмидесятые годы давали не одинъ примѣръ dénonciation de tractés de commerce—во Франціи и въ Германіи въ особенности. Въ послѣднее время характеристиченъ Франко-Итальянскій разрывъ. Въ 1892 году, въ силу закона 21 Декабря 1891 года, Франція отказалась отъ продленія торговыхъ трактатовъ, срокъ которыхъ истекалъ 1 Февраля 1892 года. Вскорѣ Испанія и Швейцарія заявили, что не могутъ удовлетвориться конвенціонными, т. е. минимальными тарифами; послѣдовала ссора и чрезвычайныя пошлины вновь удручили обмѣнъ. Взаимное возбужденіе было очень сильно, какъ свидѣтельствуетъ Poinsard (Etudes sur le droit international conventionel, p. 373).

Торговый трактатъ—радостное для мира событіе только въ смыслѣ непосредственныхъ результатовъ. Было бы странно считать эти стремленія довести тарифы до сноснаго еще размѣра за обезпеченіе долгаго

мира. Торговые договоры, дающіе преимущество нѣкоторымъ государствамъ, наносятъ ущербъ тѣмъ странамъ, которыя не заключили или не успѣли еще заключить договора. Русско-Германскій конфликтъ особенно обострился съ той поры, когда Германія заключила въ началѣ 1892 года нѣсколько сепаратныхъ трактатовъ съ Австріей, Италіей, Швейцаріей, Бельгіей, Турціей и Болгаріей.

Пресловутое «clause de la nation la plus favorisée», т. е. обязательство понизить тарифъ до низшаго уровня, взимаемаго съ одной какой либо страны, является иногда тормазомъ пониженія пошлинъ. Не желая давать льготъ одному, государство вынуждено наносить вредъ многимъ. Любопытно вліяніе Франкфуртскаго трактата 1871 года. Германія и Франція навсегда обязались предоставлять взаимно права наиболѣе благопріятствуемой націи. Всѣ новѣйшіе тарифы Франціи сообразованы были съ этимъ условіемъ, и общіе тарифы оставались высокими для всѣхъ торгующихъ съ Франціей народовъ, лишь бы не облегчать нѣмецкую промышленность.

Самое примѣненіе тарифа и его толкованіе усугубляютъ измѣнчивость и тяжесть пограничнаго обложенія. Столкновеніе требованій жизни съ буквой закона происходитъ вездѣ и повсюду. Международная торговля терпитъ по всѣмъ рубежамъ отъ неясности, запутанности и произвола.

Рѣдкая статья тарифа обходится безъ разъясняющихъ и дополняющихъ циркуляровъ правилъ и инструкцій. Много труда и много знанія положено на составленіе дополнительныхъ къ тарифу обязательныхъ постановленій. Эти постановленія иногда важнѣе самаго тарифа.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ дѣйствующей русской практики:

Ст. 29 «медъ, портеръ и пиво всякое, сидръ:
1) въ бочкахъ и боченкахъ съ пуда брутто. 1 р. 20 к.
2) въ бутылкахъ, съ бутылки . . . . . — » 20 »

Циркуляръ 1894 г. № 3208.

Заграничное пиво Kraftbier Boss und C° подлежитъ свободному пропуску, съ оплатой пошлиной по 20 коп. съ бутылки, при чемъ однако на этикетахъ бутылки этого пива не должно быть помѣщаемо слово: Kraft.

Своеобразное требованіе. Вѣроятно въ англійскихъ таможняхъ этикетъ бутылокъ подвергается еще большей цензурѣ.

Ст. 31. Уксусъ. Примѣчаніе Уксусомъ признается жидкость, содержащая не болѣе 8% уксусной кислоты; болѣе концентрированные растворы пропускаются какъ уксусныя кислоты.

На практикѣ «примѣчаніе» должно подать поводъ къ весьма разнообразному, по отяготительности, досмотру.

Ст. 56. Мягкая рухлядь.

Циркуляръ 1886 г. № 604.

«Искусственныя шкурки изъ наклееннаго на ткань медвѣжьяго волоса по ст. 56 п. 2 съ надбавкой къ пошлинѣ 50%.

Толкованіе—по аналогіи и по сопоставленію другихъ статей. Вообще товары, непредвидѣнные въ тарифѣ, таксируются по случайнымъ усмотрѣніямъ.

Ст. 57. Кожа и кожаныя издѣлія. Конвенціонныя (т. е. по торговымъ договорамъ) дополненія.

«Записныя книжки и портфели кожаные изъ замши, лайки, сафьяна пергамента съ фунта—70 коп.

Примѣчаніе (конвенціонное). «Указанными въ семъ пунктѣ пошлинами очищаются поименованные въ немъ предметы даже въ томъ случаѣ, если они содержатъ шелкъ или полушелкъ въ видѣ украшенія для одежды.

Циркуляръ 1894 г. № 14637 поясняетъ, что если

шелкъ входитъ въ составъ записной книжки, какъ самостоятельная часть, то книжка таксируется, какъ цѣнная галантерейная вещь по 2 рубля съ фунта.

Что такое «самостоятельная часть», что можетъ считаться отдѣлкой или только украшеніемъ—пояснить въ точности не въ силахъ ни тарифъ, (именно въ силу своей подробности и массы статей и пунктовъ) ни циркуляръ—не смотря на заботу о единообразности пониманія. На самомъ дѣлѣ открывается широкій просторъ произвольному пониманію.

Вообще примѣсь шелка составляетъ bête noire всякаго фискальнаго пограничнаго взиманія и лѣтописи таможень всего міра содержатъ нескончаемый мартирологъ издѣлій, пострадавшихъ въ одномъ пунктѣ границы и благополучно прошедшихъ въ другомъ.

Ст. 195. Шелковыя издѣлія.

Циркуляръ 1894 г. № 17158.

«Ткани, въ коихъ основа и утокъ частью шелковые, частью изъ другихъ волокнистыхъ матеріаловъ, признавать шелковыми, — когда площадь ткани покрыта съ лица и съ изнанки шелкомъ, въ пропорціи болѣе 50%—полушелковыми, когда площадь покрыта шелкомъ въ пропорціи 50%; ткани же въ коихъ площадь покрыта шелкомъ менѣе 50%,—пропускать по соотвѣтственнымъ статьямъ тарифа, по матеріалу тканей съ шелковымъ украшеніемъ *)...

Замѣчательно, что особыя старанія смягчить тягости тарифа приводятъ къ противоположнымъ результатамъ. Чтобы облегчить знакомство съ тарифомъ порядокъ ставокъ иногда мѣняется. Въ русскомъ тарифѣ 1 Іюля 1891 года въ видахъ практичности, однородные тарифы соединены въ одну рубрику. Въ резуль-

*) Приведеннаго достаточно, чтобы показать, что толкованія въ сущности есть *второй* тарифъ, который можетъ мѣняться постоянно.

татѣ явилась, какъ указываетъ г. Янжулъ, несообразность: «Табакъ помѣщенъ между чаемъ и сахаромъ, лѣсной товаръ рядомъ съ кожанными издѣліями въ родѣ башмаковъ; въ отдѣлѣ—корзинныя и плетенныя издѣлія – помѣщена тростниковая мебель и т. д.

Чтобы тарифъ, давая большой доходъ, былъ менѣе обременителенъ, стараются увеличить число облагаемыхъ предметовъ и разнообразить ставки, въ зависимости отъ цѣнности предметовъ; при этомъ отказываются отъ процентныхъ окладовъ, отъ пошлинъ съ цѣны предмета, (невыносимость послѣднихъ доказана долголѣтнимъ опытомъ). Благія стремленія приводятъ къ созданію длиннѣйшаго списка ставокъ, представляющихъ нѣчто сложное, безсмысленное и отяготительное. Послѣдовательность и категоричность давали также не радостные плоды. Извѣстенъ случай въ Англіи, гдѣ прежде строго было разграничено сырье отъ мануфактуры: Нѣкто привезъ изъ Египта мумію. Таможенные пріемщики сначала останавливались на признаніи муміи сырымъ матеріаломъ Искуство бальзамированія заставило перемѣнить мнѣніе. Трупъ египтянина – современника Сезостриса Великаго – былъ признанъ *мануфактурнымъ товаромъ.* Пошлина была взыскана около 2.000 руб. (200 фунтовъ стерл.) 50% съ объявленной цѣны, которую владѣлецъ муміи назначилъ въ 400 фунтовъ, опасаясь конфискаціи (за невѣрную оцѣнку) и не предполагая, какъ казалось невѣроятнымъ, чтобы бренные останки человѣка будутъ подведены подъ какую либо статью тарифа.

Строгое раздѣленіе, которое курсы политической экономіи проводятъ между тарифами протекціонными и фискальными, на самомъ дѣлѣ давно уже утратило

значеніе. Вліяніе пошлинъ мѣняется вслѣдствіе быстраго усовершенствованія современной техники и измѣненія условій международнаго обмѣна. Стоимость производства металловъ и добычи каменнаго угля, цѣна хлѣба, цѣна мануфактуры массоваго потребленія понижаясь вообще вслѣдствіе прогресса техники и расширенія (не смотря на всѣ препятствія) міроваго обмѣна, въ то же время подвергается колебаніямъ подъ совокупнымъ вліяніемъ измѣненій заработной платы, торговыхъ кризисовъ, паденія и повышенія вексельнаго курса.

Пошлина на чугунъ во 100% стоимости ($22^1/_2$ копѣйки съ пуда) при ввозѣ въ Россію можетъ, какъ показалъ опытъ, оказаться то фискальной, то протективной въ зависимости отъ цѣны чугуна въ Англіи. Конвенціонная дѣйствующая ставка на желѣзо въ 75 коп. съ пуда можетъ въ ближайшемъ будущемъ оказаться либо протективной, либо запретительной. Пошлины для мануфактуры вездѣ и повсюду представляютъ то запретительными, то протекціонными, то фискальными—при томъ же окладѣ.

Измѣнчивое дѣйствіе одной и той же пошлины на хлѣбъ – дѣйствіе подрывавшее всѣ расчеты — сказывалось на импортѣ русскомъ, американскомъ или индійскомъ.

Въ Южной Америкѣ нѣтъ и тѣни протекціонныхъ стремленій. Тарифы экзотическихъ республикъ построены по такому методу, который долженъ огорчить г. Мелина и радовать Кобденовъ клубъ. Противъ самаго большаго ввоза европейскихъ фабрикатовъ растакуеры ничего не имѣютъ. Они желаютъ только обильнаго пополненія таможенныхъ кассъ. На берегахъ Лаплаты или въ сосѣдствѣ Панамскаго канала министръ финансовъ, составляя тарифъ, рѣшаетъ своеобразную математическую задачу. Требуется отыскать, при ка-

кихъ тарифахъ произведеніе пошлины на ввозъ получится максимальное. Нужда и страданія плательщиковъ мало заботятъ; убытки иностранцевъ производителей еще того менѣе. Если ввозилось напр. 1.000.000 килограммъ товара и пошлина была три франка, то было три милліона дохода; не лучше ли утроить пошлину? Если ввозъ уменьшится только вдвое—доходъ возрастетъ. Если задача допускаетъ два рѣшенія, а именно: одинъ изъ множителей — потребленіе сокращается ровно на столько на сколько возвышенъ второй множитель — пошлина, то естественное предпочтеніе будетъ въ пользу наименьшаго ввоза съ тѣми же доходами. Двойная напримѣръ пошлина съ половиннаго ввоза предпочтительнѣе, такъ какъ равный результатъ достигается съ меньшими хлопотами.

Система дополняется широкимъ примѣненіемъ вывозныхъ пошлинъ. Не удрученные протекціонными предразсудками, имѣя строго намѣченную цѣль, южноамериканскіе финансисты вывозную пошлину взяли подъ особое покровительство. Гуано въ Перу, селитра въ Чили, Парагвайскій чай, растущій въ Бразиліи, бразильскій кофе-обложены вывозной пошлиной такого размѣра, какой только оказался выносимымъ.

Результаты такой *фискально - фритредерской* политики извѣстны. Не смотря на необозримыя, малонаселенныя пространства, устраняющія всякіе территоріальные споры, несмотря на единство религіи и языка, несмотря на единство преданій борьбы за освобожденіе, нигдѣ нѣтъ такого свирѣпаго антагонизма, какъ между большими и малыми южно-американскими республиками.

«Какъ только между здѣшними южно-американскими республиками возникали вопросы, требующіе соглашенія интересовъ, хотя бы даже и не противоположныхъ другъ другу, то между ними является не

желаніе достигнуть общими силами общаго для нихъ полезнаго результата, а напротивъ развивается личная жадность и стремленіе воспользоваться затрудненіями и желаніями сосѣда для того, чтобы его притѣснить, а въ случаѣ возможности, уничтожить».

Такіе вопросы, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно вмѣсто соглашенія производятъ распри и столкновенія. Ни одинъ народъ Стараго Свѣта не относится съ такой подозрительностью другъ къ другу до забвенія своихъ насущныхъ интересовъ, какъ эти испанскія республики Новаго Свѣта, на видъ однородныя, (А. С. Іонинъ, по Южной Америкѣ, Т. II, стр. 336, 337).

Богатая природа Южной Америки, тропическій климатъ и дѣвственная почва увеличиваетъ ростъ и развитіе всего, перенесеннаго сюда изъ Стараго Свѣта, начиная съ растеній и животныхъ и кончая учрежденіями.

Плоды становятся здѣсь сочнѣе и обильнѣе, деревья вѣтвистѣе, животныя крѣпче и мускулистѣе. Естествоиспытатель можетъ наблюдать на что способенъ тотъ или другой представитель европейской флоры и фауны. Такъ точно и тарифы—дѣтища—европейскихъ протекціонистовъ и фритредеровъ—расцвѣли здѣсь пышно.

Большая Тихо-Океанская война 1881—1882 годовъ велась явно изъ за вывозныхъ пошлинъ съ селитры и серебра.

Вывозныя пошлины, убыточныя для Европы, имѣли свои неотвратимыя послѣдствія. При первомъ удобномъ случаѣ европейскія державы готовы наброситься на эти страны. Только боязнь расходовъ и недавно начавшаяся разработка здѣшнихъ нѣдръ, удерживаетъ ихъ.

Для европейскаго международнаго обмѣна при его интенсивности и размѣрѣ самое существованіе таможенъ оказывается едва выносимымъ бременемъ. Пробѣгая цифры, указывающія результаты внѣшней тор-

говли, не знаютъ какой цѣной, съ каждымъ рискомъ, съ какими затрудненіями достигаетъ каждый корабль, каждый вагонъ, каждый тюкъ товара до мѣста назначенія, если только приходится перейти чрезъ границу между двумя націями.

Зачѣмъ понадобилось истратить милліарды на Суэцкій Каналъ? Желѣзная дорога, которая соединяла бы Портъ-Саидъ и Суэцъ и два обширныхъ портовыхъ устройства – развѣ не могли бы разрѣшить вопросъ скорѣе и легче? Разница въ перевозкѣ 160 километровъ по рельсамъ и по каналу, не велика и съ избыткомъ уравновѣшивается премію, которую приходится платить за проходъ по каналу. Отвѣтъ можно дать ясный. Всякій, знакомый съ условіями грузового движенія, ни минуты не колеблясь, скажетъ, что прежній путь черезъ мысъ Доброй Надежды предпочитался бы, если бы вмѣсто канала перешеекъ былъ бы прорѣзанъ рельсовымъ путемъ. Разгрузка въ Портъ-Саидѣ, нагрузка въ вагоны, разгрузка изъ вагоновъ и нагрузка на другой корабль въ Суэцѣ были бы такъ обременительны, что дальнее океанское плаваніе считалось бы лучшимъ исходомъ. Не однѣ денежныя траты, связанныя съ перегрузкой, имѣли бы рѣшающее значеніе. Порча товара, неопредѣленныя задержки, потери, неизбѣжныя при перевѣшиваніи, окончательно удаляли бы отсюда торговые флоты.

На Панамскомъ перешейкѣ длина желѣзной дороги еще меньше, чѣмъ въ Египтѣ, (около восьмидесяти километровъ). Однако ни Панамская желѣзная дорога, ни рельсовый путь изъ Чили, чрезъ Кордильеры до Буэносъ-Айреса никогда не замѣнятъ безперегрузочнаго сообщенія.

Узкій проливъ удручаетъ международный обмѣнъ какъ и узкій перешеекъ. Проектъ Ламаншскаго тоннеля собралъ немедленно капиталъ въ 200 милліоновъ фран-

ковъ. Если бы удалось сомкнуть англійскія желѣзныя дороги съ французскими, то не только самое предпріятіе съ лихвой и быстро окупилось бы, но и торговля увеличилась бы, избавившись отъ двухъ перегрузокъ изъ вагоновъ въ корабли и обратно.

Вліяніе таможенныхъ тарифовъ не разъ сравнивали съ искусственнымъ увеличеніемъ издержекъ фрахта (на сумму пошлины). Такимъ сравненіемъ далеко не исчерпывается значеніе пограничнаго взиманія, сопряженнаго съ досмотромъ, перевѣшиваніемъ, формальностями и т. п. Гораздо правильнѣе сравнить таможни съ тѣми неопредѣленными убытками и задержками, которые оказываютъ естественныя препятствія Суэцъ, Панама, Ламаншъ.

Первое, что требуетъ всякій таможенный уставъ — это направленіе ввоза и вывоза лишь въ опредѣленные пункты. Привозъ товаровъ разрѣшается только черезъ тѣ пункты, въ коихъ находятся таможни и таможенныя заставы *). Во второстепенныя таможни (втораго и третьяго класса) дозволяется провозить товары безпошлинные, а изъ обложенныхъ пошлиною только нѣкоторые товары (ст. 327). Ограничительныя постановленія этого рода существуютъ и во всѣхъ другихъ кодексахъ. Одно это отягченіе уродуетъ можно сказать международный обмѣнъ и плодитъ день за днемъ чувство отчужденія и раздраженія. Улучшеніе сообщеній, умноженіе желѣзныхъ дорогъ и мѣстныхъ путей конечно опережаетъ размноженіе «главныхъ» таможенъ. Предоставленная сама себѣ торговля направилась бы въ множество пограничныхъ пунктовъ. Таможенныя правила наоборотъ, создавая какъ бы стѣну вдоль всей границы, открываютъ лишь нѣсколько воротъ. Для однихъ товаровъ удлиняется путь, для другихъ создается искусственно

*) Таможенный уставъ (русскій) ст. 325.

неудобное направленіе. Сравненіе со стѣною скорѣе умаляетъ, чѣмъ преувеличиваетъ значеніе таможенной линіи. Для успѣшнаго надзора за направленіемъ товаровъ—исключительно въ надлежащіе таможенные пункты—учреждается такъ называемая пограничная полоса шириною: въ Россіи тридцать верстъ, во Франціи отъ 20 до 25 километровъ. Въ предѣлахъ пограничной черты или полосы практикуется строжайшій надзоръ за каждымъ передвиженіемъ товаровъ. По французскимъ законамъ на сухопутной пограничной чертѣ воспрещается *всякое* передвиженіе ночью. А днемъ каждая партія товара должна доказать свою легальность; иначе конфискація, штрафы. Мѣстные жители, по свидѣтельству Leroy Beaulieu, отягчены рядомъ въ высшей степени стѣснительныхъ мѣръ.

Пограничная черта захватываетъ какъ морской берегъ, такъ и полосу моря (по русскимъ законамъ три мили).

Съ точки зрѣнія таможенной политики ничего нельзя сказать противъ обязательнаго направленія товаровъ въ немногіе пограничные пункты и бдительнаго и строгаго надзора на широкой полосѣ воды и суши. Для международнаго же обмѣна, въ особенности въ культурныхъ странахъ Европы, эти таможенные постулаты съ каждымъ годомъ становятся обременительнѣе. Европейскіе берега изобилуютъ массой удобныхъ гаваней; естественныя извилины береговъ дѣлаютъ возможнымъ причалъ къ большинству приморскихъ деревень. Въ Сѣверной Европѣ, въ моряхъ съ приливомъ, устья всѣхъ малыхъ и большихъ рѣкъ могли бы служить пристанями. Глубокіе фіорды Скандинавіи, проникающіе въ материкъ на большомъ пространствѣ, доступны и для рабочихъ лодокъ, и для океанскихъ кораблей.

Всѣ эти удобства потеряны ради таможенной охраны. Въ большинствѣ прибрежныхъ пунктовъ нѣтъ

таможенъ, но есть таможенная стража, которая не допускаетъ разгрузокъ, а направляетъ несвѣдущаго мореходца въ назначенныя мѣста, гдѣ имѣется штатъ чиновниковъ, досмотрщиковъ, гдѣ выстроены поднадзорные пакгаузы, гдѣ имѣются всѣ атрибуты современнаго пограничнаго обложенія... Когда судно, поѣздъ или повозка съ товаромъ вошли въ таможню, мытарства начинаются немедленно. Прежде всего требуются грузовые документы въ надлежащей формѣ въ двухъ копіяхъ. Никакихъ отсрочекъ для подачи документовъ не полагается. Кромѣ коносаментовъ, накладныхъ и т. п. требуются удостовѣренія личности. На кораблѣ вошедшемъ въ портъ, всѣ безъ изъятія должны знать и соблюдать таможенныя правила. За всякое отступленіе или нарушеніе правилъ кѣмъ бы ни было изъ экипажа отвѣчаетъ собственникъ груза.

Конфискація примѣняется часто и въ широкихъ, неизвѣстныхъ въ другихъ сферахъ современной жизни, размѣрахъ. Конфискація въ таможняхъ караетъ нерѣдко не умышленную вину или обманъ, но простую малоопытность и неосмотрительность.

Обрядности начинаются еще на передовомъ посту. Корабль заносится въ реестръ. Паспорты провѣряются. Пишется донесеніе въ таможню. Запечатываются всѣ люки. Корабль входитъ въ гавань и сейчасъ же получаетъ для надзора особаго агента. Черезъ двадцать четыре часа требуется новый документъ: декларація... Въ декларації кромѣ груза обозначается число и родъ грузовыхъ документовъ, собственное имущество корабельщика и матросовъ, ихъ одежда, провизія, корабельныя принадлежности, имена матросовъ и прислуги и ихъ національности, откуда и во сколько дней приплыли, размѣры и водоизмѣщеніе корабля.

Затѣмъ производится (коллегіально)—предварительный досмотръ, т. е. *обыскъ корабля*. Коммиссія изъ

трехъ таможенныхъ агентовъ снимаетъ наложенныя печати и внимательно осматриваетъ все корабельное помѣщеніе, при чемъ корабельщикъ обязанъ отпереть всѣ шкапы, ящики, сундуки, какъ собственные свои, такъ и матросскіе и всякія мѣста, «служащія или могущія служить для укладки вещей и товаровъ, безъ малѣйшихъ отговорокъ и утайки». Штрафъ грозитъ, если не всѣ мѣста открыты.

Въ тѣхъ портахъ, гдѣ является большое скопленіе грузовъ, т. е. въ тѣхъ пунктахъ, которые наиболѣе привлекаютъ международный обмѣнъ, товары должны пройти сквозь двѣ таможни – передовую и главную. Во Франціи двойныя таможенныя линіи примѣняются наоборотъ на сухопутной границѣ.

При двойной таможнѣ предварительный досмотръ производится въ передовой, а окончательный въ главной; вообще обрядности и обыскъ раздѣляются: лишнее отягощеніе является неизбѣжно. . Если главная таможня находится на мѣстѣ, недоступномъ, по мелководности, перевозныя суда, паузки, шаланды грузятся подъ надзоромъ досмотрщиковъ, пломбируются и направляются въ мѣста выгрузки.

Прежде чѣмъ приступить къ выгрузкѣ суда подвергаются вновь осмотру и повѣряются печати и пломбы. Декларація вновь заносится въ книгу.

Выгрузка разрѣшается только въ особыхъ мѣстахъ, именуемыхъ «заповѣдными» (ст. 416 и 1461).

Ночью выгрузка не разрѣшается, кромѣ неотлагательныхъ случаевъ напр. въ портахъ Бѣлаго моря, гдѣ въ краткій навигаціонный періодъ ночи собственно не бываетъ, и правило о выгрузкѣ отъ восхожденія до захожденія солнца въ сущности не нарушается; солнце не скрывается за горизонтомъ; исключеніе подтверждаетъ правило.

Каждый вечеръ всѣ люки опечатываются корабельнымъ смотрителемъ; каждое утро вновь распечатываются.

Выгруженныя клади перевозятся или переносятся въ таможенные склады-пакгаузы. Новая регистрація... Когда, наконецъ, выгрузка кончена, то съ корабля снимаются всякія легкія корабельныя принадлежности, какъ-то: паруса, палатки, веревки, --снимаются и также запираются въ пакгаузы. Всѣ тяжеловѣсные предметы, которые снять съ корабля неудобно—свидѣтельствуются и переписываются. Потомъ производится окончательный учетъ корабельнаго груза и принадлежностей для провѣрки декларацiи.

Вся процедура повторяется даже и въ томъ случаѣ, если корабль присталъ просто съ балластомъ.

Все, что окажется непоказаннымъ ни въ декларацiи, ни въ коносаментахъ, конфискуется.

Количество напитковъ, чая, сахара, кофе регламентировано. Англичанамъ и американцамъ чай позволяется имѣть не болѣе какъ въ размѣрѣ $1^1/_2$ фунта на человѣка.

Надзоръ за привозомъ сухимъ путемъ нѣсколько отличается отъ морского привоза. Вагоны и телѣги возбуждаютъ меньше подозрѣній. Документальныя удостовѣренія однако –однѣ и тѣ же. Разъ товаръ попалъ въ пакгаузы, разница между сухопутнымъ и морскимъ привозомъ исчезаетъ. Предстоитъ подвергнуться второму досмотру, т. е. вскрытію, повѣркѣ качества, вывѣшиванію, точному подсчету и т. под. Въ пятидневный срокъ, должно быть подано подробное объясненіе, гдѣ требуется точное описаніе груза по роду и количеству. Если объявленіе составлено не по формѣ, то возвращается какъ «несообразное». Когда объявленіе составлено надлежащимъ образомъ, то вписывается «отъ слова до слова» въ книгу; сличается затѣмъ съ декларацiей.

«Когда все сіе кончено будетъ, членъ таможни

подписываетъ на объявленіи резолюцію: «учинить указанный досмотръ».

«Вѣсовые товары вывѣшиваются, мѣрные—вымѣриваются и счетные—высчитываются; аптекарскіе матеріалы свидѣтельствуются особыми экспертами-химиками; свидѣтельствованіе же машинъ и аппаратовъ производится экспертами-механиками».

Выше было уже показано, какъ неизбѣженъ произволъ при тарификаціи и какъ мало помогаютъ таможенному тарифу всевозможныя административныя разъясненія.

Таможенный уставъ не опредѣленъ не менѣе тарифа. Если усердіе агентовъ и недовѣріе превзойдетъ извѣстную мѣру, едва ли возможна будетъ какая либо торговля. Стоитъ только, въ самомъ дѣлѣ, раскрывать для повѣрки содержимаго большую часть товарныхъ мѣстъ, чтобы нанести непоправимые убытки, истощить всякое терпѣніе, задержать выпускъ товаровъ на слишкомъ долгій срокъ.

Какъ далеко идетъ таможенная практика въ отношеніи детальности освидѣтельствованія показываетъ *поштучное* положеніе пломбъ на нѣкоторыхъ товарахъ.

Потребность въ международномъ обмѣнѣ дѣлается все болѣе настоятельнѣе. Поэтому тяжесть таможенныхъ стѣсненій годъ отъ году увеличивается.

ГЛАВА V.

Свободная торговля и закрытыя границы. Война во время мира.

Ни одна страна, хотя бы и понизившая и упростившая тарифъ, но сохранившая таможни, не можетъ претендовать на дѣйствительную свободу международнаго обмѣна.

Англійскіе акцизы, взимаемые на границахъ, кромѣ названія, мало чѣмъ отличаются отъ пошлинъ. Для французскихъ винодѣловъ ввозныя ставки Англіи имѣютъ такое же значеніе какъ Испанскій и Германскій тарифы. Франція вывозитъ въ среднемъ вина на 250.000,000 франковъ въ годъ. Изъ этого количества въ Англію попадаютъ наиболѣе цѣнные сорта; изъ всего вывоза въ бутылкахъ, въ Англію ввозится почти половина. Меньшіе оклады Англійскаго тарифа падаютъ на большее количество товаровъ. При самой широкой по наружности свободѣ торговли проглядываетъ постоянно, какъ указываетъ И. И. Янжулъ, въ томъ или иномъ уголкѣ Англіи таможенной системы, не только фискальное, но даже протекціонное стремленіе. Такъ: спиртъ иностранный обложенъ на 5% выше туземнаго; другимъ примѣромъ можетъ служить запрещеніе ввоза въ Англію скота въ 1875 году изъ большей части Европы, якобы въ видахъ санитарныхъ; въ дѣйствительности же въ видахъ покровительства туземному скотоводству фермерскихъ хозяйствъ (Финансовая наука, стр. 371).

Тягости досмотра, обыскъ кораблей, повѣрка содержимаго по объявленіямъ производится на британскихъ границахъ также какъ и на другихъ рубежахъ. Армія таможенныхъ агентовъ дѣйствуетъ безпрерывно. Ибо среди тюковъ безпошлинныхъ товаровъ такъ легко скрыть чай, кофе, вино, спиртъ, какао. И здѣсь торговля возможна лишь въ силу ежедневныхъ компромиссовъ, избавляющихъ партіи товара отъ поштучнаго вскрытія. Однако химическія изслѣдованія практикуются съ безпощадной точностью. Строгость и опытность въ этихъ дѣлахъ англійскихъ пограничныхъ экспертовъ заслужила громкую извѣстность. Въ настоящее время рѣшено поручить этимъ лицамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ товары, ввозимые въ Соединенное Королевство были свободны отъ фальсификаціи. Благое начинаніе, — создавшее безъ сомнѣнія лишніе убытки и задержки такимъ импортерамъ, которые вовсе не причастны никакимъ поддѣлкамъ.

Чтобы оцѣнить ущербъ, наносимый международному обмѣну фритредерскими и даже акцизными тарифами, полезно припомнить тѣ невыносимыя отягченія, которыя приписывались печальной памяти внутреннимъ таможнямъ. Эти учрежденія рѣдко взимали высокіе тарифы. Нынѣшній французскій тарифъ (octroi) облагаетъ ввозъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ весьма умѣренно. Несмотря на это, внутреннія таможни всѣми считаются въ полномъ смыслѣ слова невыносимыми, а отмѣна octroi занимаетъ лучшихъ французскихъ экономистовъ. Между таможенными пошлинами, говоритъ Леруа-Болье, часто наименѣе значительныя оказываются наиболѣе обременительными. Между налогами, введенными съ 1870—71 г. одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ по первому взгляду, а на самомъ дѣлѣ самый убыточный для вывозной торговли, есть налогъ «статистическій» (droit de statistique, 6 милліоновъ франковъ).

«Cela n'est rien» говорилъ министръ изобрѣтатель налога. «При переходѣ границы вы платите 10 сантимовъ за свой чемоданъ и даже не замѣчаете этого». Но что незамѣтно для одного или нѣсколькихъ чемодановъ, весьма тяжело для значительной торговли по вывозу и транзиту, и эта пошлина — ничтожная, когда дѣло идетъ о ящикѣ съ индиго и кускѣ шелка, — дѣлается отяготительной и даже запретительной для малоцѣнныхъ товаровъ. Химическіе продукты, напримѣръ, въ коробкахъ, стоимостью 20 франковъ, должны платить 1—2%. Куски молотого сандала изготовляемые для Испаніи и Португаліи, стоимостью въ 10 франковъ, обложены 1% пошлины, внося «статистическій» налогъ при вывозѣ, не считая того же взноса при ввозѣ. Можно увеличить число примѣровъ до безконечности.

Адамъ Смитъ не вѣрилъ, чтобы эгоистическіе интересы богатыхъ классовъ когда либо допустили замѣну протекціонизма свободной торговлей. Его ошибка не такъ велика. Свобода торговли допущена весьма условно и неискренно. Двойственность принциповъ англійскихъ фритредеровъ оказалась съ особой наглядностью въ предоставленіи британскимъ колоніямъ права автономныхъ тарифовъ. Одна метрополія, только острова Соединеннаго Королевства получили либеральный, акцизно-фискальный тарифъ. Заокеанскія колоніи, съ общаго согласія, получили свободу избрать самостоятельно любой видъ таможенной политики.

Тотъ самый принципъ, который былъ провозглашенъ въ британскомъ парламентѣ, и который, какъ надѣялся Кобденъ безъ замедленія должны были принять всѣ европейскія націи, не распространенъ на Канаду, Капландію, Австралію. Непослѣдовательность нечего объяснять правами колоній по самоуправленію. Истинной причиной было опасеніе, что однородный имперскій тарифъ облегчитъ иностранной промышлен-

ности обмѣнъ съ колоніями, и доходы, извлекаемые владѣльцами англійскихъ предпріятій, умалятся. Надѣялись, что высокій тарифъ на колоніальныхъ границахъ принесетъ гораздо меньше вреда ввозу изъ метрополіи, чѣмъ ввозу изъ другихъ странъ, ведущихъ морскую торговлю. Абсолютныя потери должны были возмѣщаться относительной выгодой. Многолѣтнія торговыя традиціи также вели къ увѣренности, что Лондонскія и Ливерпульскія фирмы будутъ продолжать торговлю съ Квебекомъ и Сиднеемъ, въ то время какъ такая торговля достаточно затруднится для чужестранныхъ фирмъ высокими пошлинами.

Колоніи широко воспользовались правомъ установленія автономнаго тарифа. Возникъ колоніальный протекціонизмъ. Неискренность англійскихъ фритредеровъ получила должное возмездіе. Охранительныя пошлины стали вводиться съ цѣлью охраненія отъ ввоза изъ метрополіи въ колоніи. Обмѣнъ съ колоніями сталъ падать.

Историкъ британской торговли Леонъ Леви съ грустью указываетъ, что «нѣкоторыя изъ колоній употребляютъ свою свободу на принятіе торговой политики, не всегда согласной съ ихъ прочными выгодами, и совершенно не обращая вниманія на интересы ихъ материнской страны. Недавніе тарифы Канады и нѣкоторыхъ австралійскихъ колоній дали особые поводы къ справедливымъ на нихъ, съ англійской точки зрѣнія, жалобамъ». (History of British Commerce, стр. 546). Колоніи говоритъ г. Янжулъ съ помощью того же средства, которое такъ долго практиковала Англія, съ помощью покровительственнаго тарифа, стремились создать свою собственную мануфактуру». Съ своей стороны мы замѣтимъ, что англійская политика помирилась бы съ такимъ тарифомъ, который былъ бы

противъ Англіи фискальнымъ, а противъ другихъ странъ полузапретительнымъ.

Въ своемъ любопытномъ путешествіи по колоніямъ, Сэръ Чарльсъ Дилькъ говоритъ, что стремленіе къ покровительственной системѣ встрѣчается въ Австраліи во всѣхъ классахъ народа и даже въ лавочникахъ, для которыхъ, повидимому, было бы безразлично продавать свои или иностранные продукты. «Поощряйте *національную* промышленность»—пишутъ колоніальные торговцы; «покажите вашъ патріотизмъ и получайте лишь колоніальные товары» написано огромными буквами надъ дверями нѣкоторыхъ магазиновъ въ колоніяхъ.

Сколько блага и сколько зла приносятъ автономные тарифы британскихъ колоній для ихъ собственной производительности—вопросъ спорный. Несомнѣнно одно—возбужденіе антагонизма и отчужденія. Мудрая и традиціонная британская внутренняя политика, пренебрегающая политическимъ господствомъ, относящаяся сочувственно и поощрительно къ возникновенію мѣстнаго самоуправленія вездѣ, гдѣ развѣвается британскій флагъ,—вслѣдствіе этихъ тарифовъ потеряла добрую часть своихъ плодовъ. Ирландія, Шотландія и Валлисъ имѣютъ не болѣе правъ на автономные тарифы. Автономныя права колоній на тарифы столь же неразумны, какъ и предоставленіе имъ права возстановлять невольничество. Потеря метрополіей нѣсколькихъ рынковъ, гдѣ отличныя и дешевыя ея мануфактуры вымѣнивались на сырье, доставляемое дѣвственной природой, наименьшее зло. Гораздо печальнѣе отчужденіе и фактическое отпаденіе колоній отъ такого здороваго и жизнеспособнаго ядра, какимъ являются тѣ острова, гдѣ родилась человѣческая свобода.

Закрытыя границы, порождающія международное отчужденіе и являющіяся постояннымъ источникомъ вражды между государствами, требуютъ такихъ учрежденій и ведутъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыя являются наглядными указаніями на причины современныхъ войнъ. Жизнь требуетъ постояннаго и свободнаго обмѣна. Пограничныя стѣсненія препятствуютъ обмѣну. Протестомъ противъ тарифовъ является контрабанда. Первымъ средствомъ ея являются хитрости, обманъ. Такъ какъ обманъ невсегда удается, то является насильственный привозъ товаровъ, т. е. контрабанда въ тѣсномъ смыслѣ; чтобы бороться съ контрабандистами по всѣмъ границамъ протягивается вооруженный кордонъ, пограничная стража. Особыя военныя суда охраняютъ берега. Въ результатѣ: по всѣмъ рубежамъ идетъ постоянная вооруженная борьба. Миръ между государствами есть миръ относительный. Военныя дѣйствія, по внѣшнему виду напоминающія знаменитую нѣкогда кордонную систему, не прекращаются.

Военныя казармы въ мирное время и даже укрѣпленные форты не представляютъ опасности для приближающихся къ нимъ въ сумерки или ночью путниковъ. Граница другое дѣло. Тамъ, гдѣ нѣтъ естественныхъ преградъ, пограничныя черты ничѣмъ на мѣстѣ не обозначены. Между тѣмъ неосторожный, хотя бы и неумышленный, переѣздъ границы во время тумана, или ночью, можетъ повести къ смерти или увѣчью. На Эльзасской границѣ были случаи убійства заблудившихся охотниковъ среди бѣлаго дня.

По русскому уставу «пограничная стража обязана на пограничной чертѣ, какъ сухопутной, такъ и прибрежной дѣлать обходы и объѣзды днемъ и ночью, во всѣхъ пунктахъ и направленіяхъ (ст. 259).

Пограничная стража по всей границѣ съ Пруссіею, обязана не допускать ни подъ какимъ предлогомъ сбо-

рищъ подозрительныхъ людей, хотя бы они были *не вооруженные и безъ товаровъ* (ст. 266).

«Если во время службы кто изъ чиновъ Пограничной Стражи примѣтитъ скопище вооруженное, или имѣющихъ съ собой хотя *не оружіе, но вещи, могущія причинить увѣчье,* также, *если люди приготовляются переправляться изъ-за границы*: то онъ долженъ ихъ окликать, и буде не удалятся, то, не ожидая какъ нападутъ на него превосходными силами, можетъ по немъ сдѣлать выстрѣлъ (ст. 279). Положеніе—вполнѣ военное.

На сухомъ пути вѣчную пограничную кордонную войну ведутъ два рода оружія: пѣхота и кавалерія. Артиллеріей пограничная стража не обладаетъ по той причинѣ, что «непріятель» дѣйствуетъ разсыпнымъ строемъ и предпочитаетъ ночныя дѣйствія. Законъ однако предвидитъ случаи, когда стража съ ея конницей и пѣхотой оказывается слабою. Для преслѣдованія многочисленныхъ партій вооруженныхъ контрабандистовъ и для противодѣйствія скопившихся злоумышленниковъ, при привозѣ контрабанды, когда наличныхъ силъ Пограничной Стражи оказывается недостаточно, могутъ быть призываемы войска Начальникомъ таможеннаго округа, — а въ случаѣ, не допускающемъ потери времени, Отряднымъ офицеромъ (ст. 26).

Смыслъ закона ясенъ. Всѣ пограничныя войска составляютъ резервъ постоянно дѣйствующаго на границѣ вооруженнаго кордона.

Если таможенныя войны будутъ длиннѣе періодовъ торговыхъ соглашеній, если пошлины будутъ возрастать параллельно съ умноженіемъ населенія и съ возрастаніемъ непреодолимой потребности въ массовомъ постоянномъ обмѣнѣ, пограничныя войска должны будутъ часто спѣшить на помощь къ Пограничной Стражѣ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что и третій родъ оружія — артиллерія — окажется пригодной для дѣйствія,

Артилерія уже и теперь играетъ видную роль на береговыхъ границахъ. Такія государства какъ Англія и Соед. Штаты должны бороться съ нелегальнымъ ввозомъ главнымъ образомъ при помощи особыхъ таможенныхъ флотилій, крейсирующихъ съ заряженными пушками, вдоль побережья. По русскимъ законамъ пространство воды въ три морскихъ мили отъ русскаго берега какъ на материкѣ, такъ и на островахъ признается морскою таможенною полосою. (ст. 283).

«Всякое судно, вошедшее въ морскую таможенную полосу, при подходѣ къ нему судна подъ русскимъ таможеннымъ флагомъ (крейсеръ), должно остановить ходъ; въ случаѣ неисполненія сего, таможенное судно дѣластъ по немъ холостой выстрѣлъ; затѣмъ, если вошедшее въ таможенную полосу судно будетъ уходить, таможенное судно сначала повторяетъ холостые выстрѣлы, послѣ чего стрѣляетъ по рангоуту, а потомъ и по корпусу судна (ст. 285).

Пріемы совершенно сходствуютъ съ тактикой, имѣющей мѣсто при завладѣніи призами въ морской войнѣ. Суда крейсерской флотиліи составляютъ часть военнаго флота и числятся по спискамъ онаго; но по особенностямъ налагаемыхъ на нихъ обязанностей, въ мирное время находятся въ исключительномъ распоряженіи Министерства Финансовъ (по Департаменту Таможенныхъ сборовъ) (ст. 295).

Какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ послѣдствіемъ пограничнаго обложенія является употребленіе военной силы въ мирное время.

Чѣмъ страна культурнѣе, богаче, населеннѣе, тѣмъ, при равенствѣ прочихъ условій, т. е. при равной обременительности пограничнаго контроля, интенсивнѣе контрабанда; тѣмъ опаснѣе служба въ пограничной стражѣ; тѣмъ сильнѣе международная непріязнь.

«Непріятель» примѣняется къ мѣстности, съ искус-

ствомъ и находчивостью. На Бельгійской границѣ гдѣ мѣстность ровная, контрабанда совершается на лошадяхъ; на Швейцарской границѣ гдѣ мѣстность болѣе гористая, дѣйствуютъ пѣшкомъ».

На рѣкахъ прибѣгаютъ къ помощи мелкихъ судовъ. «Когда наступила желанная минута и стражники удаляются, небольшія лодки плывутъ во Францію, передаютъ соучастникамъ или сгружаютъ въ прибрежные дома привезенные товары и затѣмъ скрываются такъ, что не остается никакихъ слѣдовъ».

«У Нормандскихъ береговъ складами служатъ острова Джерсей и Гернсей, куда товары привозятся на большихъ корабляхъ; перевозка на французскіе берега совершается на мелкосидящихъ лодкахъ».

Съ обѣихъ сторонъ совершаются блестящіе подвиги. Постоянная борьба изощряетъ хитрость, пріучаетъ къ опасности.

«Контрабандисты выступаютъ ночью». «Каждое утро на разсвѣтѣ, солдаты пограничной стражи проходятъ по границѣ, старательно осматривая всѣ предметы. Отпечатки шаговъ на лугахъ, погнутыя вѣтви, сдвинутые камни—все служитъ указаніемъ таможеннымъ стражникамъ; и они пылко устремляются преслѣдовать шайки, проходъ которыхъ они замѣтили. Это уже не охота, это война индійцевъ» *)

Ничего значитъ искать въ Америкѣ тѣхъ сильныхъ ощущеній, которые наполняли жизнь піонеровъ Дальняго Запада. Любая граница постоянно представляетъ тѣже дикія сцены, гдѣ умъ человѣка изощряется въ смертельной постоянной борьбѣ съ врагомъ, который *вездѣ и нигдѣ*. Трудна служба на границѣ. Жизнь стражника проходитъ и днемъ и ночью, въ засадахъ или въ

*) Заимствуемъ эти описанія изъ сочиненія: Villermé—fils. Les Douanes et La Contrebande.

поискахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, подъ солнцемъ, дождемъ или снѣгомъ.

Когда предстоитъ серьезное дѣло, проходитъ цѣлый мѣсяцъ прежде, чѣмъ вѣрный служака проспитъ одну ночь въ своей постели. «Онъ съ своимъ товарищемъ лежитъ гдѣ нибудь забравшись въ мѣшокъ изъ бараньяго мѣха, подъ звѣзднымъ небомъ или подъ ледянымъ дождемъ, устремивъ взоръ на необъятную равнину» *).

Кавалерійскіе рейды контрабандистовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло на сѣверо-востокѣ Франціи отличаются лишь тѣмъ отъ военныхъ наѣздовъ, что при помощи жителей, лошади скрываются, послѣ окончанія «дѣла». Въ промежуткахъ между двумя экспедиціями лихіе кони временно, но безплатно, обрабатываютъ пашни и «возятъ легальные грузы» **).

Чѣмъ объясняется усердное содѣйствіе и помощь, которыя контрабандисты находятъ у пограничныхъ жителей? Отчасти выгодой, еще больше страхомъ. Контрабандисты «имѣютъ большое вліяніе во всей пограничной полосѣ и они внушаютъ всѣмъ большой страхъ. Что могутъ сдѣлать деревенскіе жители противъ этихъ бандитовъ, неуязвимыхъ и свирѣпыхъ? Ни кто не обезпеченъ противъ ихъ мстительности въ селахъ, гдѣ вся полиція состоитъ изъ одного полеваго стража (garde champêtre); фермы, харчевни, отдѣльныя хижины имѣютъ еще меньшую охрану ***).

Прискорбные плоды для народной нравственности, которые приноситъ закрытая граница, совершенное естественное и неизбѣжное явленіе. Нарушители тарифныхъ законовъ и пограничныхъ правилъ мало по малу привыкаютъ нарушать и всѣ другіе законы, писанные

*) «Douaniers et Contrebandiers» par Hippolgte Verly. 1894.

**) Id. p. 35.

***) Id. p. 35.

и не писанные. Подобно браконьерамъ старыхъ временъ, которые отъ не дозволенной охоты фатально переходили къ грабежамъ и злодѣйствамъ, контрабандисты быстро превращаются въ разбойниковъ. Окрестности богатыхъ фабричныхъ центровъ въ населеннѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстностяхъ сѣверной Франціи, каковы Roubaix и Tourcoing сдѣлались въ послѣднее время по свидѣтельству г. Верли, почти невозможными для мирной жизни.

«Не проходитъ дня, чтобы газеты Лилля не передавали о преступленіи, совершенномъ на пограничной территоріи; на рабочихъ, возвращающихся съ работы, нападаютъ, увѣчатъ ихъ до полусмерти, женщинъ насилуютъ среди полей и на дорогахъ, кабаки испытываютъ погромы, въ уединенныхъ домахъ совершаются убійства, кровавыя побоища; воровство царитъ повсюду. Съ обѣихъ сторонъ границы нѣкоторые хутора сдѣлались гнѣздомъ контрабанды» *).

Извѣстныя варварства такихъ войнъ, въ которыхъ одна изъ сторонъ не обладаетъ дисциплиной, на лицо. Если эти печальные факты считаются обыденнымъ явленіемъ въ самыхъ культурныхъ и богатыхъ странахъ, то мы имѣемъ предъ собой одно изъ доказательствъ общественной косности. Вполнѣ военный характеръ пограничной охраны сказывается съ объявленіемъ мобилизаціи. Пограничная стража дѣлается тогда естественнымъ авангардомъ дѣйствующей арміи. «Пограничная стража есть авангардъ и подвергается первому огню. На восточной границѣ (Франціи), напримѣръ, на таможенные посты возложена, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, защита мостовъ и тоннелей, съ порученіемъ ихъ взорвать въ случаѣ надобности.

Въ 1870 г. на долю таможеннаго стражника Мутье

*) Тамъ же, стр. 30.

выпало первому выстрѣлить по непріятельскому разъѣзду, близъ Тіонвиля и быть первымъ французомъ, павшимъ подъ прусскими пулями *).

Пограничная стража, пишетъ другой писатель — «образуетъ вокругъ насъ какъ бы живую стѣну **). Общее число чиновъ пограничной охраны достигаетъ во Франціи 29,208 чиновъ ***), въ военное время формируется изъ нихъ 38 баталіоновъ. Сила, собранная на границахъ равняется численностью Сѣверо-Американской арміи и, конечно, была бы достаточна для охраны внутренняго спокойствія.

Какъ ни велика и тверда стѣна, воздвигнутая вокругъ современнаго государства законами, тарифами, военной силой пограничной стражи и береговыми крейсерами — въ недалекомъ будущемъ предвидится такой способъ сообщеній, съ которымъ справиться будетъ трудно.

Воздухоплаваніе дѣлаетъ каждый годъ новые успѣхи. Хотя для громоздкихъ грузовъ и дешеваго передвиженія едва-ли воздушный океанъ, окружающій нашу планету, представитъ выгодный способъ сообщенія, но для цѣнныхъ товаровъ наиболѣе привольная и допускающая быстрые перелеты стихія, по всей вѣроятности, уже въ ближайшія десятилѣтія дастъ путь, котораго не въ силахъ преградить ни пограничная стража, ни береговые крейсеры.

Какія мѣры тогда потребуются для затрудненія международнаго общенія? Въ видѣ остроумной гиперболы, Генри Джорджъ предложилъ устроить *сплошную крышу надъ всей территоріей государства*. Болѣе возможный исходъ ясенъ. Независимо отъ пограничнаго кордона, придется учредить наблюдательные посты и та-

*) Тамъ же, стр. 9.

**) Les Douanes Françaises, p. Henry Bacquis 1883 г. Paris,стр. 142.

***) Тамъ же, стр. 155.

моженные пункты *по всей стран*. Вся армія превратится въ мирное время въ таможенную стражу и весь административный персоналъ въ іерархію сборщиковъ пошлинъ и контролеровъ паспортовъ. Напряженная ихъ дѣятельность будетъ, впрочемъ, часто прерываться войнами.

Когда всѣ лучшія народныя силы будутъ направлены на борьбу съ международнымъ общеніемъ, соблюденіе мира станетъ задачей, неразрѣшимой ни для какого политическаго таланта.

Своеобразныя затрудненія уже теперь являются въ богатой и очень густонаселенной мѣстности; на самой границѣ строятся общія селенія, общіе города. Одна и та же улица оказывается принадлежащей къ двумъ государствамъ. Строятся общія зданія, дома, пересѣкаемые пограничной линіей les maisons à cheval. Одна комната оказывается во Франціи, другая въ Бельгіи. Кровать или письменный столъ могли быть поставлены такъ, что ноги обывателя оказываются въ одномъ государствѣ, а голова въ другомъ. Перенося бутылку вина изъ буфета въ кухню онъ совершаетъ контрабанду. Протекціонисты жаловались, что такія зданія уподобляются *бреши*, чрезъ которую дѣлаются нападенія на національную промышленность; финансисты считаютъ потери фиска, наносимыя собственниками пограничныхъ построекъ *).

Одинъ изъ такихъ домовъ, (выстроенный въ общемъ городѣ Hallum) подъ громкимъ названіемъ Estaminet des Deux Nations фигурировалъ въ сенсаціонномъ процессѣ 1894 года. Обвиненіе было поддерживаемо никѣмъ другимъ, какъ г. Мелиномъ, всемірно-извѣстнымъ вождемъ французскаго неопротекціонизма.

Общіе города, дома, сады, сараи, лавки, приносятъ

*) Verly, p. 52, 53.

много вреда, но вреда совсѣмъ иного рода, чѣмъ думаютъ друзья г. Мелина. Хуже всего нужно считать возрожденіе агрессивнаго интереса, политическихъ видовъ, которые связаны съ этимъ «неустройствомъ» пограничныхъ отношеній, въ которомъ наглядно проявляется *противоестественность закрытыхъ границъ.*

Искренность завѣреній въ парламентѣ объ убыточности агрессивной политики, не подлежитъ сомнѣнію. Ни одна держава не стремится теперь къ тому, чтобы въ ея владѣніяхъ не заходило солнце. Всякое новое предпріятіе за океаномъ подвергается постояннымъ нападкамъ и должно быть оправдано какими нибудь вѣскими мотивами... Все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ интересъ нѣсколькихъ сильныхъ лицъ, славолюбіе и корысть, деспотическіе виды, перестали составлять цѣль политики; даже прибыли торгующаго класса начинаютъ различать отъ нуждъ народной массы... Тѣмъ не менѣе агрессивная политика продолжается. Германія старается повсюду пріобрѣтать колоніи и морскія станціи. Англія ревниво наблюдаетъ за своими обширными всесвѣтными владѣніями и хотя предоставила автономію Канадѣ, Капландіи, Австраліи и Новой Зеландіи, но къ Индіи относится менѣе либерально. Франція снаряжаетъ экспедиціи съ цѣлью сохранить и упрочить свои азіатскіе и африканскіе протектораты. Италія тратится на Абиссинскія предпріятія.

Къ концу XIX вѣка соціальныя условія и международныя отношенія совершенно измѣнились, подъ вліяніемъ развитія права и успѣховъ знанія. Если поступательный ходъ культуры не будетъ прерванъ насильственной гибелью современной цивилизаціи, то можно считать ушедшими въ область безвозвратнаго минувшаго главные стимулы, вызывавшія безконечный рядъ войнъ между образованными націями. Идея всемірной монархіи, стремленіе къ всемірной гегемоніи,

завоевательныя вожделѣнія, династическое своекорыстіе, подавленіе народныхъ стремленій къ свободѣ, религіозная нетерпимость, рабство и его суррогаты—все это исчезло въ присно-памятный десятилѣтній періодъ, когда рядъ слѣдующихъ одного за другимъ событій міроваго значенія пересоздалъ жизнь всѣхъ народовъ земли.

Но гармонія надъ-органическаго развитія, кооперація соціальныхъ организмовъ нарушается однимъ могучимъ разъединяющимъ факторомъ.

Права личности и свобода труда не утвердились еще въ международной сферѣ и создаютъ неустранимыя коллизіи. Наблюдается глухой и наростающій антагонизмъ, заставляющій сильнѣйшія государства тратить лучшія силы на приготовленія къ вооруженной борьбѣ.

Когда чувство вражды, порождаемое національнымъ обособленіемъ переполняетъ народное самосознаніе, тогда глухая ненависть разрѣшается кризисомъ. Одна нація бросается на другую съ оружіемъ въ рукахъ...

ГЛАВА VI.

Генезисъ идеи свободнаго общенія.

Матеріальная, подавляющая сила и нравственное вліяніе находится въ наше время на сторонѣ цивилизованныхъ государствъ. Упроченіе согласія и мира между европейскими народами и великой Сѣверо-американской республикой—равносильно достиженію вѣчнаго мира. Борьба съ дикими и полукультурными племенами, ихъ собственныя усобицы, даже періодическія кровопролитія въ центральной и Южной Америкѣ грозны и опасны тогда только, когда заокеанская распря скрываетъ интересы могучихъ метрополій и когда бойня въ тропическихъ лѣсахъ, между цвѣтными обитателями, грозитъ отозваться столкновеніемъ на Рейнѣ, на Вислѣ, на берегахъ Ламанша, на Средиземномъ морѣ.

Вражда глухая и открытая борьба между правовыми государствами, держащими въ рукахъ судьбы будущаго, какъ показано выше, въ наше время происходитъ лишь на почвѣ *правовой* и *экономической розни*, питаемой тяжкими стѣсненіями, налагаемыми на личныя права въ международной сферѣ и на свободу обмѣна. Всѣ другіе, когда то могущественные стимулы, порождавшіе безчисленныя усобицы, исчезли изъ цивилизованнаго міра,—исчезли и сохранились только въ неопасныхъ размѣрахъ за его предѣлами; исчезли –подъ вліяніемъ торжества принциповъ, обезпечившихъ неотчуждаемыя права человѣческой личности.

Естественный выводъ, который должно сдѣлать, заключается въ томъ, что устраненіе единственной причины, препятствующей согласію и успокоенію культурныхъ народовъ, представляетъ рѣшеніе задачи достиженія вѣчнаго мира. Если возможно вмѣсто экономическаго и правового обособленія выработать такія нормы, регулирующія отношенія между самобытными государствами, которыя поставятъ свободу и единство тамъ, гдѣ до сихъ поръ царитъ стѣсненіе и разладъ, то войны станутъ маловѣроятными и исчезнутъ наконецъ, какъ исчезло рабство, существовавшее тысячелѣтія.

Для довершенія того, что сдѣлано къ концу XIX вѣка человѣческимъ геніемъ, историческими переворотами, работою и страданіями столькихъ поколѣній необходимо признать ту истину, что самобытность, благосостояніе, безопасность и прогрессъ цивилизованныхъ народовъ совмѣстимы съ свободными границами и съ трудовымъ общеніемъ; необходимо изученіе и проведеніе въ жизнь началъ дающихъ возможность навсегда отказаться отъ національнаго трудового обособленія. Къ сожалѣнію дѣйствующія программы двухъ борящихся на нашихъ глазахъ партій, носящихъ названіе фритредеровъ и протекціонистовъ, одинаково далеки отъ признанія такой концепціи.

Идея свободнаго общенія между народами, какъ вѣрнаго пути къ прекращенію войнъ, возникла въ той странѣ, гдѣ впервые упрочились правовыя отношенія и родилась экономическая наука. Предшественники Адама Смита (болѣе всего Дедлей Нортъ и Давидъ Юмъ) уже замѣтили, что стѣсненіе международной торговли порождаетъ антагонизмъ и войны. Адамъ Смитъ былъ первый, который прямо указалъ на обмѣнъ между націями, какъ способъ примиренія. Торговля, по его мнѣнію, естественно какъ между государствами, такъ

и между личностями служитъ единеніемъ (a band of union) и пріязни, тогда какъ ложные взгляды сдѣлали торговлю постояннымъ источникомъ несогласія и вражды и привели къ цѣлому ряду войнъ. Богатство сосѣдней націи должно возбуждать не зависть, а чувство доброжелательства: если оно иногда и опасно, какъ только во время войны, давая возможность непріятелю содержать большее войско. Но во время мира богатство сосѣдняго государства только выгодно. Какъ богатый человѣкъ есть лучшій покупатель для окрестныхъ промышленниковъ, нежели бѣдный, такъ точно и богатая нація. (Богатство народовъ, кн. IV, гл. III).

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ *Кондорсе* оставилъ потомству такой завѣтъ:

«Народы болѣе образованные, овладѣвъ правомъ располагать по своему усмотрѣнію своею жизнью и своимъ достояніемъ, привыкнутъ мало по малу считать войну—самымъ страшнымъ бѣдствіемъ, величайшимъ преступленіемъ. Прежде всего исчезнутъ тѣ войны, которыя вызываются похитителями народнаго верховенства ради поддержанія такъ называемыхъ наслѣдственныхъ правъ».

«Народы познаютъ, что не могутъ сдѣлаться завоевателями, не потерявъ своей свободы; что вѣчные союзы есть единственное средство для охраны ихъ независимости; что искать должно безопасности, а не могущества. Мало по малу промышленные предразсудки исчезнутъ; личные меркантильные интересы потеряютъ страшную власть заливать землю кровью и раззорять націи подъ предлогомъ ихъ обогащенія Такъ какъ народы сойдутся въ моральныхъ и политическихъ принципахъ, такъ какъ каждый народъ для собственной своей выгоды, призоветъ иностранцевъ къ болѣе равному раздѣлу благъ, которыми онъ обязанъ природѣ и промышленности, — то всѣ причины,

которыя порождаютъ, питаютъ и увѣковѣчиваютъ національную ненависть, изчезнутъ мало по малу и перестанутъ питать и вызывать воинственныя страсти».

«Учрежденія, обдуманныя лучше тѣхъ проектовъ вѣчнаго мира, которые занимали досугъ и утѣшали душу нѣсколькихъ мыслителей, — ускорятъ успѣхи такого единенія націй, и войны между народами, какъ и убійства, окажутся въ числѣ тѣхъ необычайныхъ жестокостей, которыя унижаютъ и возмущаютъ душу, которыя наносятъ долголѣтнее безславіе на страну, на то время, анналы котораго были имъ опозорены» *).

Среди тѣхъ мыслителей, современниковъ Кондорсе, которые посвящали свои досуги «проектамъ вѣчнаго мира», выдѣляется Эмануилъ Кантъ. Мы выше передали сущность его попытки, которая осталась тщетною, наравнѣ съ другими, менѣе обдуманными рѣшеніями той же проблемы. Но къ проекту своему Кантъ написалъ дополненіе, въ первой части котораго онъ высказываетъ болѣе плодотворные взгляды, отчасти сходные съ идеями Смита и Кондорсе.

«Если природа, - говоритъ Кантъ, — мудро раздѣляетъ народы, которые каждое государство хочетъ слить, или хитростью, или силой (и притомъ основываясь даже на началахъ публичнаго права), то природа же пользуется наоборотъ интересомъ каждаго народа, чтобы произвести связь между ними, — тогда какъ нельзя было бы ожидать, что идея космополитическаго ученія достаточно гарантируетъ отъ войны и насилія. Такъ какъ экономическое преобладаніе даетъ всего болѣе средствъ государствамъ, то они оказываются вынуждены прилагать всѣ усилія въ благород-

---

*) *Condorcet.* Essquisse d'un tadleau historique des progréss de l'esprit humain.

ныхъ трудахъ на пользу мира,— хотя бы и не имѣли гуманныхъ цѣлей — и гдѣ бы война не разразилась, сейчасъ изыскиваютъ средства ее прекратить посредничествомъ: большіе же союзы съ воинственными замыслами образуются рѣдко и еще рѣже оказываются счастливыми».

Три великіе ума, наблюдая совершившееся на ихъ глазахъ перерожденіе общества, признали, независимо одинъ отъ другого, надежнѣйшимъ стимуломъ примиренія – экономическое единеніе. Для глубокихъ наблюдателей почти одновременно въ разныхъ странахъ, стало выдѣляться — среди вліяній, постепенно смягчающихъ національную рознь,— стремленіе къ постоянному обмѣну и свободному международному общенію. Укрѣпленіе правовыхъ отношеній въ Англіи, разрушеніе стараго порядка во Франціи, пробужденіе національнаго чувства въ Германіи – одинаково дали возможность появиться первымъ, смутнымъ еще, надеждамъ на примиреніе націй, на почвѣ трудоваго единенія.

Въ продолженіи наполеновскихъ погромовъ забылись и затерялись не мало добрыхъ ростковъ. Когда миръ насталъ наконецъ, идеи Канта, Кондорсе и Смита естественно нашли послѣдователей въ отечествѣ послѣдняго.

Въ 1817 году появилось сочиненіе Давида Рикардо Principles of Political Economies and Taxation. Развивая, дополняя и оспаривая выводы Смита, въ VII гл. Рикардо говоритъ: «При посредствѣ полной свободы торговли всякая страна дастъ своему капиталу и труду такое назначеніе, какое считаетъ наиболѣе для себя выгоднымъ. Это стремленіе къ личной выгодѣ удивительнымъ образомъ совпадаетъ обыкновенно съ общимъ благомъ цѣлаго общества. Поощреніемъ промышленности, вознагражденіемъ личныхъ талантовъ, и извле-

ченіемъ всевозможныхъ выгодъ изъ работы естественныхъ силъ природы, достигается самое выгодное и хозяйственное распредѣленіе труда. Въ наше время увеличеніе общаго количества продуктовъ распространяетъ повсюду благосостояніе, *а взаимный обмѣнъ, связывая всѣ народы образованнаго міра общими узами взаимнаго интереса и дружбы, создаетъ изъ нихъ одно великое общество*».

Адамъ Смитъ не вѣрилъ, чтобы охранительныя пошлины и меркантильные принципы могли когда либо исчезнуть*). Рикардо провозгласилъ свой тезисъ въ болѣе счастливую эпоху, когда въ Англіи горизонтъ грядущаго былъ свѣтлѣе, когда дѣйствительность менѣе рѣзко расходилась съ идеями мыслителей. Рикардо имѣлъ большое вліяніе не только на образъ мыслей людей науки, но и на весь ходъ правительственныхъ дѣлъ. Черезъ два года послѣ изданія своего труда, онъ занялъ мѣсто въ Палатѣ Общинъ. Парламентъ всегда съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ своего знаменитаго члена. Послѣ второго Парижскаго мира заключены были многіе торговые договоры и партія свободы торговли усиливалась. Въ 1820 году Лондонскіе купцы подали въ парламентъ знаменательную петицію противъ несправедливости и опасности охранительной пошлины. По мнѣнію И. И. Янжула петиція была поворотнымъ пунктомъ англійской торговой политики. Авторомъ прошенія былъ извѣстный авторъ «Исторіи цѣнъ», Тукъ, котораго многіе считаютъ *основателемъ современнаго историко-статистическаго направленія экономической науки.* Петиція, составленная Тукомъ, была поддержана изъ

*) «Ожидать, что свобода торговли можетъ быть совершенно установлена, было бы также абсурдно, какъ ждать, что когда нибудь осуществится Океанія или Утопія. Не только предразсудки массы, но, что гораздо неодолимѣе, противъ этого упорно возстанутъ частные интересы весьма многихъ лицъ». Богатство народовъ гл. II, кн. IV.

Эдинбурга. Парламентъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, назначилъ для разсмотрѣнія обѣихъ петицій, комитетъ, въ докладѣ котораго впервые народное представительство признало примирительное вліяніе свободы торговли. «Время, когда монополія могла успѣшно существовать или переноситься, безвозвратно минуло. Торговля, избавленная отъ всякихъ стѣсненій, сдѣлается въ то же время источникомъ взаимной дружбы между націями, и обмѣнъ продуктовъ разовьетъ промышленность, богатство и счастье всего человѣчества... Комитетъ думаетъ, что постепенное, въ будущемъ, приближеніе къ болѣе здравой системѣ должно быть основаніемъ всѣхъ торговыхъ правилъ и это будетъ не менѣе въ интересахъ Великобританіи, какъ и всѣхъ окружающихъ націй *).

Сама истина говорила устами докладчиковъ, покуда они вѣщали общія начала. Компромиссъ и косность сказались въ примѣненіи новыхъ идей къ жизни. Фискальныя пошлины уничтожать никто не думалъ. Акцизы были многочисленны и тяжки (существовалъ напримѣръ акцизъ на стекло).

Годы наиболѣе ожесточенной борьбы фритредеровъ съ протекціонистами, какъ извѣстно, выразились въ грандіозной борьбѣ съ 1839 по 1846 Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ съ поземельно-олигархическими стремленіями. Среди тѣхъ боевыхъ аргументовъ, которыми сломлена была косность парламента, было вычисленіе доли заработной платы, идущей въ уплату за дорогой хлѣбъ. На самомъ дѣлѣ для большинства фритредеровъ важнѣе всего было одолѣть матеріальное преобладаніе лордовъ и помѣстнаго джентри, основанное на высокой земельной рентѣ.

Тѣмъ не менѣе среди массы мнимыхъ друзей на-

*) И. И. Янжулъ. Англійская свободная торговля т. II, стр. 2, 3.

рода были и дѣйствительные. Они стояли впереди всего движенія и оказывались не меньше фритредеровъ поборниками мира. Кобденъ и Брайтъ выдавались среди нихъ. Для нихъ помощь бѣднякамъ была цѣлью, а не средствомъ. Свобода торговли была для нихъ жизненной потребностью всѣхъ народовъ, а не экономической реформой для упроченія капитализма. Черезъ полтора года послѣ побѣды, Кобдену пришлось высказаться, на митингѣ, въ Манчестерѣ, 27 января н. ст. 1848 года, по поводу предсмертнаго воззванія герцога Велингтона о необходимости увеличенія вооруженій Англіи.

«Вы должны признать, господа, говорилъ Кобденъ, что въ теченіе всей длинной агитаціи въ защиту свободной торговли, наиболѣе горячими сторонниками нашими являлись тѣ, которые постоянно поддеживали свободную торговлю не только ради матеріальныхъ выгодъ, которыя она должна принести странѣ, но еще и по болѣе важной причинѣ: ради обезпеченія постояннаго мира между націями».

«Братство народовъ основано на промышленности и на тѣхъ новыхъ средствахъ сообщенія, которыя почти уничтожаютъ разстоянія».

Дж. Ст. Милль считалъ, что «результаты вліянія международнаго обмѣна на умственную и нравственную жизнь, еще важнѣе экономическихъ выгодъ».

«Торговля первая научила тому,—говоритъ онъ,—чтобы съ доброжелательствомъ смотрѣть на богатство и успѣхи другихъ народовъ. Въ старину патріотъ, если не былъ развитъ до того, чтобы считать своею отчизной цѣлый міръ, желалъ, чтобы кромѣ его родины, всѣ страны были слабѣе, бѣднѣе и не имѣли хорошаго правительства; теперь въ ихъ богатствѣ и прогрессѣ онъ видитъ прямой источникъ богатства и прогресса для своей родины. Торговлѣ, укрѣпляющей и размножающей личные интересы, естественно враждебные

войнѣ, мы обязаны тѣмъ, что война быстро выходитъ изъ употребленія у насъ. И безъ преувеличенія можно сказать, что обширность и быстрое развитіе международной торговли, будучи главной гарантіей мира на земномъ шарѣ, служитъ великимъ прочнымъ залогомъ непрерывнаго прогресса понятій, учрежденій и свойствъ человѣческаго рода».

Особую, хотя и эфемерную популярность, пріобрѣли идеи о свободѣ торговли, какъ о средствѣ примиренія, во время всемірной выставки въ Лондонѣ въ 1851 году. Еще свѣжее впечатлѣніе побѣды Лиги, не успѣвшая еще сказаться неосновательность надеждъ, возбужденныхъ актами 25 іюня 1846 года *), небывалое и грандіозное мирное состязаніе всѣхъ народовъ, дружественное отношеніе къ Россіи и Франціи (не смотря на втораго Бонапарта, готовившагося надѣть императорскую корону)—все предвѣщало, для послѣдователей Кобдена, наступленіе свѣтлой поры общаго примиренія Европейскихъ націй.

Теперь мы знаемъ, что ихъ надежды были скоро разбиты, иллюзіи быстро разсѣялись.

Воздухъ былъ еще очень тяжелъ. Въ Америкѣ, по обѣ стороны экватора, господствовало рабство. Въ Европѣ плоды 1848 года оказывались до времени въ лютой реакціи. Россія не видала еще зари реформы. Рельсовые пути только что начали распространяться. Мысль о прорытіи Суезскаго перешейка, столь же старая, какъ и пирамиды, считалась бредней безпокойнаго, всѣмъ надоѣвшаго француза. Крымская война показала скоро печальную дѣйствительность.

Въ тѣ годы, когда Лига начинала свою дѣятельность, къ Соединенныхъ Штатахъ печатался трудъ Кэри «Начала политической экономіи» (1837—1840),

*) И послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ отмѣна навигаціонныхъ законовъ.

Подъ вліяніемъ изобилія, высоты заработной платы и полнаго отсутствія пауперизма въ то время въ Соединенныхъ Штатахъ, американскій экономистъ пришелъ къ заключенію, что, при полной свободѣ, установляется гармонія частныхъ интересовъ, и что однѣ и тѣ же причины увеличиваютъ доходъ капиталиста и вознагражденіе работника.

По мнѣнію Кэри—по мѣрѣ того, какъ трудъ улучшается въ качествѣ, онъ становится болѣе производительнымъ; капиталы накопляются съ меньшими трудами и капиталистъ можетъ требовать меньшую долю производства за оказанную помощь.

«При каждомъ улучшеніи качества труда, количество товаровъ, подлежащихъ раздѣлу, увеличивается. Это увеличивающееся производство сопровождается для работника возможностью удерживать постоянно большую долю произведенныхъ товаровъ. Поэтому онъ непрерывно улучшаетъ свое положеніе».

Хотя доля капиталиста, при увеличеніи производительности труда, постоянно уменьшается, но эти меньшія доли доставляютъ постоянно увеличивающееся количество произведеній и позволяютъ увеличить потребленіе. Между тѣмъ какъ легкость накопленія постоянно увеличивается, прицентъ или доля прибыли постоянно уменьшается, но количество произведеній, получаемыхъ собственникомъ, въ вознагражденіе за пользованіе даннымъ капиталомъ, постоянно растетъ. Количество обмѣниваемыхъ произведеній быстро возрастаетъ и торговецъ находитъ возможнымъ получать непрерывно возрастающую торговую прибыль, при постоянно уменьшающейся долѣ, изъ итога произведеній, проходящихъ чрезъ его руки. Поэтому оба, капиталистъ и работникъ, получаютъ возможность пріобрѣтать большее и большее количество предметовъ, отно-

сящихся къ удобствамъ, комфорту и роскоши, въ обмѣнъ за свои произведенія.

Такимъ образомъ интересы работника и капиталиста находятся въ совершенномъ согласіи (гармоніи) между собою, потому что и тотъ, и другой извлекаютъ выгоды отъ каждой мѣры, клонящейся къ увеличенію капитала и производительности труда, тогда какъ все, что ведетъ къ противоположному результату, не выгодно для обоихъ.

Вотъ главные выводы Кэри относительно основныхъ экономическихъ отношеній *внутри* каждой страны.

«Идиллія, нарисованная имъ, говоритъ Н. Х. Бунге *), отражаетъ патріархальныя времена заатлантической республики, когда борьба интересовъ проявлялась еще слабо; но знакомство Кэри съ исторіей должно было привести его къ заключенію, что согласіе интересовъ, какъ нѣчто необходимое, неизбѣжное — не существуетъ, и что это согласіе вырабатывается цивилизаціей, и представляется лишь въ возможности, будучи обусловлено нравственнымъ авторитетомъ, или принудительными силами верховной власти тамъ, гдѣ одной нравственной силы недостаточно».

Сужденіе Н. Х. Бунге объ ученіи Кэри вполнѣ вѣрно, по скольку касается внутренней жизни современнаго государства. Но свои тезисы и свои взгляды на естественную гармонію экономическихъ интересовъ американскій ученый смѣло распространилъ на тѣ феномены, которые наблюдаются въ міровой жизни. Послѣдніе конечные выводы Кэри несравненно важнѣе и плодотворнѣе, коренныхъ основаній его теоріи.

Великое общество, образующее міръ, по его мнѣнію, управляется тѣми же законами, какъ и небольшое, состоящее изъ сотни жителей, отдѣленныхъ отъ остального свѣта и зависящихъ относительно удовлетворенія

*) Очеркъ политико-экономической литературы изд. 1895 г. стр. 310.

своихъ потребностей единственно отъ самихъ себя. Если болѣзнь лишитъ общество услугъ башмачника или портного, то каждый членъ чувствуетъ потерю въ увеличившемся количествѣ труда, потребнаго для снабженія себя башмаками и одеждою. Уменьшенное производство одного сопровождается уменьшеніемъ вознагражденія за трудъ, получаемаго всѣми остальными. Такъ бываетъ въ цѣломъ мірѣ. Если бы германскій народъ не могъ продать своего хлѣба, то онъ не могъ бы купить хлопчатой бумаги и табаку. Если бы война помѣшала воздѣлывать эти продукты, то народъ Соединенныхъ Штатовъ ощутилъ бы ея послѣдствія въ уменьшеніи для него возможности пріобрѣсти другіе товары въ обмѣнъ за свои произведенія.

Недостатокъ въ жатвѣ за границей ведетъ къ возвышенію цѣнъ въ странѣ и къ призрачному возрастанію благосостоянія; но послѣдствіе этого возвышенія цѣнъ состоитъ, какъ въ уменьшеніи возможности для работника пріобрѣтать пшеницу въ обмѣнъ за свои произведенія, такъ и въ уменьшеніи спроса на трудъ со стороны иностранцевъ, перестающихъ покупать другіе предметы, кромѣ тѣхъ, къ которымъ они привыкли. Уменьшившееся производство въ какой бы то ни было части свѣта, клонится къ уменьшенію количества товаровъ, пріобрѣтаемыхъ работниками въ каждой другой части; между тѣмъ возрастающее производство въ одной клонится къ увеличенію пріобрѣтенія въ каждой другой. И только *интересъ всѣхъ и каждаго заставляетъ желать господства всеобщаго мира, накопленія капитала и возрастанія производительности труда.*

Единственное состязаніе между народами должно состоять въ стремленіи къ наиболѣе быстрымъ успѣхамъ въ тѣхъ мирныхъ искусствахъ, которыя содѣйствуютъ возрастанію удобствъ и наслажденій всего человѣческаго рода *).

*) Тамъ же стр. 299, 300, 306.

Намъ нѣтъ надобности разбирать, что сдѣлано Кэри для экономической науки, насколько правъ онъ въ попыткѣ примиренія интересовъ трудовъ и капитала. Его выводы были основаны на наблюденіи фактовъ, невозможныхъ въ старой Европѣ. Онъ видѣлъ, какъ волны эмиграціи стремились въ дѣйственную, богатую страну, гдѣ свободолюбивое, мужественное, одаренное племя находило пути, проторенные своими братьями по происхожденію, языку и вѣрѣ. Эмигранты являлись изъ за океана и обогащали новое отечество и своими трудами, и принесенными сбереженіями. Каждый новый работникъ былъ желаннымъ товарищемъ. Людская косность не успѣла еще создать враждебное отношеніе къ пришельцамъ.

Хотя Кэри и рисуетъ странную для европейскаго взгляда идилію (въ то время странную и для американца); хотя позже онъ отрекся отъ основныхъ своихъ тезисовъ (въ сочиненіи Principles of Social Science 1858—1869); тѣмъ не менѣе его положенія о естественной гармоніи интересовъ націй сохраняютъ полное значеніе. Немало бывало примѣровъ вѣрныхъ выводовъ изъ невѣрныхъ посылокъ.

Значеніе ученія Кэри заключается въ его вліяніи на современныхъ ему ученыхъ и государственныхъ людей. Система, построенная на фактахъ, неизвѣстныхъ Адаму Смиту и Мальтусу, на феноменахъ, опрокидывающихъ выводы Рикардо о рентѣ, завершилась однако *тѣми же положеніями о выгодности трудоваго единенія народовъ*. Начала свободной торговли должны были одинаково сходится и съ практической житейской мудростью и съ діалектикой отвлеченнаго мыслителя. Совершенно разные пути привели въ одно и то же мѣсто. Народъ, подвигавшійся шагъ за шагомъ въ первобытныхъ лѣсахъ, также нуждался въ безпрепятственномъ обмѣнѣ и примиреніи со всѣми близкими

и отдаленными государствами, какъ и ткачи на фабрикахъ Лондона и Ливерпуля.

На Европейскомъ континентѣ идеи Кэри и побѣда Кобдена вдохновили талантливаго французскаго экономиста. Идеи свободной торговли получили въ лицѣ Бастіа горячаго, непоколебимаго защитника, впервые объявившаго, что свобода международнаго обмѣна должна пользоваться тѣми же гарантіями, какъ и всѣ виды личной собсвенности и подлежать лишь аналогичнымъ ограниченіямъ.

Особенность аргументовъ Бастіа противъ покровительственной системы заключается въ намѣренномъ уклоненіи отъ цифровыхъ данныхъ. Онъ какъ бы считаетъ унизительнымъ снизойти на почву статистическихъ выкладокъ и справокъ, находя, что идеи, за которыя онъ боролся, должны были восторжествовать въ силу абсолютной правды. Свобода торговли, по его мнѣнію, составляетъ начало, годное для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Одинокій странникъ, заброшенный судьбою на необитаемый островъ, такъ же радостно долженъ пользоваться случаемъ выгоднаго обмѣна съ дикими сосѣдями, какъ и народы Англіи и Франціи. Покровительство національному труду, отождествленіе труда съ богатствомъ есть совершенная нелѣпость, поддержанная софизмами въ эгоистическихъ интересахъ меньшинства, раззоряющая народъ и подтачивающая силы государства.

Нападая на монополистовъ въ рядѣ остроумныхъ памфлетовъ и лекцій, Бастіа старался убѣдить читателей и слушателей, что свобода торговли зиждится на незыблемыхъ началахъ; онъ доказывалъ:

1) что уравнять условія труда значитъ подорвать обмѣнъ въ его основахъ;

2) что нельзя признать за истину положеніе о томъ, что трудъ въ странѣ рискуетъ быть подавленъ конкуренціею другихъ, болѣе благопріятныхъ для промышленности, странъ;

3) что и въ томъ даже случаѣ, еслибы это произошло, покровительственныя пошлины не уравниваютъ условія труда;

4) что свобода торговли оказываетъ именно то уравнивающее вліяніе, которое допустимо;

5) что, наконецъ именно наименѣе одаренныя страны наиболѣе выигрываютъ отъ обмѣна».

Аргументація, которой поддержаны эти тезисы построена на общеизвѣстныхъ фактахъ и отличается увлекательной діалектикой и пылкой вѣрой въ величіе и благотворность идеи свободнаго обмѣна. Статистическія данныя устраняются съ намѣреніемъ.

У Бастіа были причины избѣгать статистическихъ цифръ. Онъ хотѣлъ быть чѣмъ то въ родѣ народнаго трибуна; онъ обращается къ разуму и совѣсти всѣхъ и каждаго и ведетъ разсужденія на посылкахъ, не нуждающихся въ провѣркѣ и справкахъ. Его аудиторія не ограничивалась французскими предѣлами. Онъ не сомнѣвался, что свобода торговли хороша для любой націи, во всѣхъ частяхъ свѣта.

Одинъ изъ признаковъ истины, говоритъ онъ,— это ея всеобщность (universalité); такова свобода торговли. «Что ея сторонникъ сказалъ въ одномъ государствѣ, то самое можетъ сказать въ другомъ, не оскорбляя убѣжденій и не трогая интересовъ своихъ единомышленниковъ. Фритредеры всѣхъ странъ имѣютъ одну вѣру.

«Развѣ можно сказать что либо подобное о протекціонистахъ». Бастіа указываетъ то безвыходное

положеніе, въ которое должны впасть протекціонисты, заклиная англичанъ не допускать ввоза сельскихъ продуктовъ изъ Франціи и убѣждая испанцевъ наложить обременительныя пошлины на французскую мануфактуру. Каково будетъ положеніе такого оратора, когда онъ вернется въ свой родной Лилль или Руанъ?..

«Несомнѣнно, что протекціонистскія общества разныхъ странъ находятся въ антагонизмѣ между собою, хотя носятъ одно и то же наименованіе и проповѣдуютъ по наружности однѣ и тѣ же доктрины; и для довершенія странной особенности, если питаютъ симпатію къ чему либо въ другой странѣ, то къ обществамъ свободной торговли. Причина проста. Они хотятъ двухъ различныхъ противоположныхъ явленій: запрещенія и сбыта. Давать и не принимать, продавать и не покупать, вывозить и не ввозить, вотъ сущность этого страннаго ученія. Оно ихъ заставляетъ, по самой логикѣ вещей, имѣть два языка – не только разныхъ, но противорѣчащихъ: одинъ для отечества, другой для чужихъ странъ, съ тѣмъ замѣчательнымъ свойствомъ, что когда ихъ совѣты будутъ приняты обѣими странами, они ни сколько не приблизятся къ своей цѣли.

Чтобы пояснить недомысліе сторонниковъ «положительнаго торговаго баланса» съ перевѣсомъ «въ пользу» страны, Бастія въ видѣ исключенія отступилъ отъ своего скептическаго отношенія къ цифровымъ даннымъ и привелъ данныя изъ морскихъ книгъ (округленныя) и таможенныхъ отчетовъ.

Гаврскій торговый домъ Г. отправилъ въ Соединенные Штаты на 200,000 франковъ парижскихъ издѣлій (articles de Paris); фрахтъ обошелся въ 20,000, пошлина 60,000. Проданъ грузъ былъ за 320,000, т. е. далъ 40,000 барыша. На всю вырученную сумму въ Новомъ Орлеанѣ былъ купленъ грузъ хлопка, погруженъ на тотъ же корабль и проданъ въ Гаврѣ за

422,400,— значитъ далъ прибыли 70,400. Результатъ операціи для торговца выразился ясной прибылью: 40,000 + 70,400 = 110,400. Что же было занесено въ таможенную отчетность? Вывозъ 200,000, привозъ 352.000, т. е. получилась цифра 152,000, на которую, по мнѣнію протекціонистовъ, обѣднѣла Франція; сумма, якобы взятая изъ народныхъ сбереженій. Черезъ нѣсколько времени та же фирма отправила новый грузъ въ 200,000. Корабль потерпѣлъ крушеніе и утонулъ со всѣмъ грузомъ. Въ торговыхъ книгахъ появился убытокъ въ 500,000. Въ таможенныхъ отчетахъ по вывозу такая же сумма по рубрикѣ товаровъ «вывезенныхъ за границу». Согласно теоріи торговаго баланса говоритъ Бастіа,—Франція обладаетъ весьма простыми средствами удваивать свое богатство. Достаточно для этого выпустивъ товаръ изъ таможни бросить его въ море. Тогда экспортъ будетъ равенъ суммамъ соотвѣтственныхъ капиталовъ; ввозъ станетъ ничтоженъ и даже невозможенъ и мы выиграемъ все то, что поглотитъ океанъ *).

Столь горячій защитникъ свободы торговли не могъ ее не считать, по примѣру Кобдена и Кэри, лучшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ всеобщему миру. Главная опора протекціонизма: независимость національной индустріи во время войны, служила для Бастіа новымъ аргументомъ. На вопросъ монополистовъ: что станемъ мы дѣлать въ случаѣ войны, если будемъ въ зависимости отъ Англіи относительно желѣза и каменнаго угля?— Бастія спрашивалъ: что станется съ Великобританіей въ военное время, если она поставитъ себя въ отношеніи пищевыхъ продуктовъ въ зависимости отъ

*) Sophismes économiques I p. 80, 81.

Французовъ? Вы не замѣчаете, — говоритъ далѣе Бастіа, — что тотъ родъ зависимости, который вытекаетъ изъ обмѣна, изъ торговыхъ сношеній, — есть зависимость *взаимная*. Мы не можемъ зависѣть отъ чужеземцевъ безъ того, чтобы чужеземцы не зависѣли отъ насъ. Въ этомъ заключается сущность самой общественности. Прервать естественныя отношенія значитъ дойти до состоянія независимаго, но до состоянія изолированнаго.

«И замѣтьте: изолируются въ предвидѣніи войны; но самый фактъ изолированія есть начало войны. Она чрезъ это кажется менѣе тягостной и потому не столь непопулярной.

Пусть народы будутъ давать одинъ другому постоянный рынокъ для сбыта; пусть разрывъ ихъ сношеній не можетъ состояться безъ двойного страданія отъ лишенія и отъ перепроизводства; тогда они не будутъ имѣть надобности содержать страшные флоты, которые ихъ раззоряютъ и громадныхъ армій, которыя ихъ подавляютъ. Миръ не будетъ нарушаться по капризу какого-нибудь Тіера или Пальмерстона и война исчезнетъ за отсутствіемъ поддержки, рессурсовъ, причинъ, предлоговъ и народныхъ симпатій *). . . . .

. . . . . .

Свобода промышленности, свободныя сношенія народовъ, свободное обращеніе товаровъ, людей и идей, свобода каждаго располагать плодами своего труда, равенство всѣхъ передъ закономъ, искорененіе національной непріязни, миръ между государствами, обезпеченный ихъ взаимной солидарностью, возможность и легкость всѣхъ экономическихъ реформъ, вслѣдствіе мира, прекращеніе опаснаго руководства дипломатіи, сліяніе идей и слѣдовательно возрастающее господ-

*) Id. в. 145, 146.

ство демократической идеи, вотъ что воодушевляетъ нашу родину,—вотъ что заключается въ выраженіи «Свободная торговля»; и не нужно удивляться, если ея провозглашеніе вызываетъ столько проклятій. Таковъ былъ удѣлъ свободнаго изслѣдованія и всѣхъ видовъ свободы, изъ коихъ она исходитъ *). . . . . .

«Мы глубоко убѣждены, что свободная торговля ведетъ къ согласію интересовъ и къ миру между народами и конечно мы считаемъ это послѣдствіе косвенное и соціальное въ тысячу разъ важнѣе слѣдствія прямого и чисто экономическаго.

Свободный обмѣнъ—это упроченный миръ между народами, это—разоруженіе, это—сокрушеніе грубой силы, это пересмотръ, облегченіе и справедливое распредѣленіе государственныхъ налоговъ, это—для всѣхъ націй—начало новой эры» **).

Таланты Бастіа доставили ему быстрый успѣхъ и общеевропейскую извѣстность. Какъ экономистъ онъ имѣлъ двѣ ясно поставленныя цѣли: сокрушить во-первыхъ протекціонистовъ и монополистовъ, во-вторыхъ бороться съ агитаціей соціалистовъ, коллективистовъ и коммунистовъ.

Тѣ аргументы, съ которыми Бастіа отстаивалъ индивидуализмъ и собственность, принадлежатъ не ему, а заатлантическому мыслителю Кэри; это умалило въ глазахъ потомства тѣ труды Бастіа, которые имѣли въ виду огражденіе существующихъ экономическихъ отношеній. Совершенно обратное можно сказать про его борьбу съ протекціонастами. Имена его противниковъ забыты всѣми. Наоборотъ Бастіа остался и для друзей и для враговъ свободной торговли выдающимся эко-

*) Le Libre échange, p. 6, 7.
**) Id. p. 195.

номистомъ. Нѣкоторые изъ его аргументовъ противъ поощрительныхъ пошлинъ повторяетъ Леруа-Болье и цитируетъ Генри Джорджъ. Французскіе фритредеры должны считать Бастіа своимъ родоначальникомъ. Защита свободы торговли доставила Бастіа успѣхъ при жизни, славу послѣ кончины.

Какъ однако не мало благопріятны были условія, въ которыхъ находилась фритредерская агитація въ сороковыхъ годахъ, на континентѣ Европы, самымъ роковымъ для нея оказалось коренное внутреннее противорѣчіе ея тезисовъ.

Доказывая вредъ охранительныхъ тарифовъ, Бастіа упорно защищалъ тарифы фискальные. Въ предисловіи къ «Sophismes économiques» онъ отстраняетъ отъ себя нареканіе въ томъ, что онъ и его Лига желаютъ упразднить таможни.

«Наполеонъ сказалъ: таможня не должна быть орудіемъ фиска, но средствомъ покровительства промышленности. Мы отстаиваемъ противное и мы говоримъ: таможня не должна быть для трудящихся средствомъ взаимнаго хищенія, но она способна быть орудіемъ фиска, также пригоднымъ, какъ и другіе. Мы такъ далеки, или я лишь такъ далекъ отъ стремленія упразднить таможни, что вижу въ нихъ якорь спасенія для нашихъ финансовъ».

Далѣе Бастіа предлагаетъ установить ввозныя пошлины:

Для предметовъ	первой необходимости	5%
»	полезныхъ	10%
»	роскоши	20%

Такіе взгляды разрушаютъ всю систему Бастіа. Его мысли хороши только для тѣхъ, кто забудетъ его проектъ тарифа. Выше мы видѣли какъ тягостны тарифы ad valorem при любыхъ ставкахъ. Для мануфактуры пошлины съ цѣны отъ 10 до 20% удовлетворила

бы самого Листа *). Это кажется мало только темнымъ монополистамъ нашихъ дней.

Одинъ изъ противниковъ Бастія, глава фурьеристовъ, Консидеранъ еще въ 1840 г. напечаталъ опытъ о вредѣ таможенъ, которымъ онъ даетъ эпитеты: anti-social, impolitiques, ruineux, vexatoires. Черезъ семь лѣтъ, 25 Декабря 1847 года, въ его органѣ Democratie pacifique появилось письмо A. Monsieur Fred. Bastiat, redacteur en chef du «Libre échange».

Существуютъ, говоритъ Консидеранъ, три вопроса: вопросъ о покровительствѣ (національному производству), вопросъ о свободѣ таможенъ и вопросъ о обмѣнѣ.

Ссылаясь затѣмъ на ранѣе высказанные взгляды, Консидеранъ выставляетъ слѣдующія положенія:

1) Необходимо покровительствовать тѣмъ многимъ отечественнымъ родамъ производства, которымъ иностранная конкуренція мѣшаетъ упрочиться.

2) Таможенная система, посредствомъ которой въ нашъ вѣкъ оказывается покровительство, должна быть признана варварской.

3) Наоборотъ слѣдуетъ усвоить лучшую систему, состоящую въ дѣйствительномъ и *прямомъ* покровительствѣ производствамъ, заслуживающимъ поддержки, а не прегражденіемъ ввоза иностранныхъ товаровъ посредствомъ таможенъ.

Вы не хотите, говоритъ глава фурьеристовъ, обращаясь къ Бастіа,—вы не хотите покровительства, и вы однако не возстаете противъ таможенной системы. Вы допускаете таможни; вы только желаете, чтобы онѣ дѣйствовали какъ орудіе фиска до 20%, но не въ видѣ способа покровительства. Мы же (т. е. фурьеристы) мы желаемъ покровительства: но мы не хотимъ, чтобы оно проявлялось посредствомъ таможенъ.

*) Котораго можно считать до сихъ поръ главою протекціонистовъ. Послѣ появленія «Національной системы политической экономіи» — никакихъ новыхъ аргументовъ неопротеціонисты не придумали.

Покуда не приступлено къ системѣ *прямого* покровительства, мы допускаемъ таможни, въ виду протекціоннаго ихъ вліянія. Какъ только прямое покровительство начнется въ достаточномъ размѣрѣ, мы потребуемъ безусловнаго упраздненія таможень, которыя вы хотите сохранить, лишь бы онѣ не взимали свыше 20%.

Бастіа отвѣчалъ немедленно. Онъ выставилъ противъ уничтоженія таможень и прямыхъ воспособленій промышленности слѣдующіе доводы:

Уничтожить таможенные сборы — значить уменьшить доходы (на 1848 годъ) на 160 милліоновъ. Чтобы избѣжать дифицита придется тогда: либо сократить расходы, либо придумать другіе налоги. Если сокращеніе расходовъ возможно, то вмѣсто отмѣны таможенныхъ сборовъ, не полезно-ли отмѣнить какіе либо другіе налоги еще болѣе отяготительные; если же расходы нельзя будетъ сократить, тогда тарифъ замѣнится другими обложеніями. Въ обоихъ случаяхъ Бастіа считаетъ, что таможенные сборы, равно какъ и городской налогъ на привозимые товары (octroi), предпочтительнѣе другихъ видовъ обложенія. Мало того, потребуются лишніе средства для покрытія расходовъ на прямое покровительство. А казначейство между тѣмъ опустѣетъ послѣ упраздненія таможень. Затѣмъ какимъ производствамъ будетъ оказана помощь? Конечно тѣмъ, которыя безъ этой помощи дали бы убытокъ. Слѣдовательно въ результатѣ искусственная, неимѣющая данныхъ для самостоятельнаго развитія промышленность, будетъ содержаться на счетъ здоровой промышленности. Податныя деньги будутъ затрачены на производства тщедушныя, рахитическія или тунеядныя (débiles, rachitiques ou parasites). Бастіа затѣмъ напоминаетъ, что онъ уже раньше признавалъ предпочтительнымъ прямое покровительство протекціоннымъ, охранительнымъ пошлинамъ.

Мнѣ кажется, писалъ онъ (въ своихъ «Экономическихъ Софизмахъ») — что покровительство, не мѣняя сущности и послѣдствій, могло бы принять форму прямого налога, взимаемаго правительствомъ и распредѣляемаго (въ видѣ возмѣщающей преміи) привеллигированнымъ родамъ промышленности...

«Искренно высказываюсь за вторую систему (прямое покровительство). Она мнѣ представляется болѣе справедливой, болѣе экономичной и болѣе законной. Болѣе справедливой, ибо если общество хочетъ выказать щедроты кому-либо изъ своихъ членовъ, необходимо, что всѣ участвовавшіе въ издержкахъ; болѣе экономичной, потому что сбережены будутъ многіе расходы взиманія и исчезнуть много препятствій; болѣе законной, такъ какъ всѣ увидятъ ясно, во что обходится вся затѣя и на чемъ слѣдуетъ держаться».

Послѣ того, какъ Хлѣбные Законы были сокрушены и знаменитая Лига разошлась, Кобдена спрашивали, почему онъ покинулъ поле битвы, когда еще остается столько дѣла и предстоитъ добиться отмѣны еще цѣлаго ряда тарифовъ; онъ отвѣчалъ «Ландлорды сдѣлаютъ это» «The landlords will do that».

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ побѣды Лиги, постепенно понижались и отмѣнялись таможенныя пошлины и связанные съ ними акцизы и косвенные налоги. Въ Январѣ 1852 года состоялось памятное засѣданіе парламента, рѣшившаго принять за основаніе «поддержаніе и благополучное расширеніе политики неограниченной конкуренціи». Въ 1853 году разошлась навсегда «*Національная ассоціація для покровительства промышленности и капиталу*». Побѣда фритредеровъ была торжественно признана. Въ томъ же году

финансы перешли въ управленіе Гладстона. Еще до его вступленія были уничтожены акцизы на стекло, коксъ, соль, шелковыя матеріи, ситецъ, свѣчи, черепицу, каменную посуду, крахмалъ, цвѣтную бумагу, кирпичъ и т. д., а равно исчезли вывозныя пошлины. Гладстонъ началъ съ предложенія уничтожить налогъ на мыло, дававшій большіе доходы. Тарифъ однако оставался еще довольно объемистымъ. Гладстонъ вычеркнулъ 123 статьи и понизилъ оклады на 146 статьяхъ.

Крымская война и удаленіе Гладстона прервали тарифно-таможенныя реформы. Издержки войны послужили даже предлогомъ новаго возвышенія пошлинъ (чай, кофе, сахаръ и солодъ).

Съ заключеніемъ мира вновь обнаружилось стремленіе къ свободѣ торговли. Въ 1860 году заключенъ былъ торговый трактатъ съ Франціею, знаменитый „Кобденовъ“ договоръ, предотвратившій военную грозу, готовую уже разразиться,—о чемъ мы говорили выше. Въ 1840 г. Британскій таможенный тарифъ имѣлъ 1046 статей, предъ договоромъ 397; договоръ уменьшилъ ихъ число до 142 статей. По мнѣнію И. И. Янжула и многихъ другихъ, этотъ упрощенный тарифъ *въ сто сорокъ двѣ статьи* представляетъ крупную эпоху въ исторіи свободной торговли *).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и ландлорды захотѣли обмануть ожиданія Кобдена, оказавъ сопротивленіе, правда неудачное, отмѣнѣ акциза на писчую бумагу. Въ концѣ концовъ этотъ налогъ Knowledgetaxe, былъ уничтоженъ. Къ 1882 году тарифъ, въ силу котораго, по завѣренію протекціонистовъ, Англія предстояла вѣрная гибель, представлялъ еще свыше сорока статей. Предметы, обложенные высокими пошлинами

*) Англійская свободная торговля стр. 393.

были пиво, вино, спиртные напитки, табакъ, чай и кофе. Доходы таможни (вмѣстѣ съ акцизомъ) были:

Въ 1846 г.	Въ 1866 г.	Въ 1880 г.
36.339.150 ф. ст.	42.921.117 ф. ст.	44.626.000 ф. ст.

Въ 1894 году цифра увеличивается (свыше 50.670.000 фунт. ст.); остаются обложенными: табакъ, спиртные напитки, чай, вино, коринка, виноградъ, кофе, цикорій, какао и фрукты (не считая мелкихъ статей, дававшихъ небольшой сборъ).

Въ періодъ 1860—1870 годовъ агитація свободной торговли велась исключительно на экономической почвѣ. Наиболѣе характерны были перемѣны, совершившіяся, подъ вліяніемъ «Кобденова» договора въ Бельгіи, подписавшей торговый трактатъ съ Англіей въ 1862 году. Протекціонисты, недавно столь сильные въ юномъ фламандскомъ королевствѣ, были оттѣснены. Когда въ 1865 году Кобдена не стало, бельгійцы не хотѣли отстать отъ Англіи въ чествованіи его памяти. Въ Брюсселѣ узнали, что по мысли Брайта въ Лондонѣ учрежденъ Cobden Ciub съ девизомъ «Free Trade, Peace, Goodwill among Nations». Многочисленное собраніе состоялось въ Вервье 29-го Января 1866 года въ честь постановки бюста великаго агитатора. Въ области торговой политики рѣшено было пойдти дальше англичанъ. Образовалось международное общество упраздненія таможень (Association Internationale pour l'abolition des douanes), первое засѣданіе котораго состоялось въ Брюсселѣ 20-го Октября того же года. Молинари записался въ число членовъ и принялъ участіе въ преніяхъ.

Въ 1866 году таможни и акцизъ давали Бельгійскому Казначейству 52.000,000 фр. Издержки взиманія выражались въ суммѣ 6.500,000 фр.; 15 милліоновъ пла-

тили общинамъ и городамъ за уничтоженіе внутреннихъ таможень (Octroi)—по закону 18 іюля 1860 года.

Одинъ изъ ораторовъ предложилъ учредить государственную монополію на всякія перевозки. Предложеніе показалось ересью въ періодъ процвѣтанія желѣзнодорожныхъ концессій. Молинари сказалъ, что замѣна таможень и акцизовъ государственной монополіей перевозки уподобляется «замѣнѣ тифа холерой».

Опровергнувъ сторонниковъ «взаимности», тѣми же доводами, которые составили славу Бастіа, Молинари съ своей стороны предложилъ бельгійскимъ экономистамъ остановиться, до времени, на переходной мѣрѣ: упростить тарифы и отмѣнить всѣ пограничныя взиманія, за исключеніемъ акцизныхъ, по примѣру Англіи. Доходъ тогда уменьшился бы всего на 10 милліоновъ, который покрыть было бы не трудно. Акцизная граница, по мнѣнію Молинари, могла бы быть уничтожена между государствами, заключившими договоръ о взиманіи одинаковыхъ окладовъ, при отсутствіи – конечно— возврата пошлины при вывозѣ и вывозныхъ премій.

Послѣ двухдневныхъ преній, Собраніе постановило:

«Въ виду рѣшительныхъ и повторительныхъ пожеланій торговыхъ палатъ о немедленномъ пониженіи, а затѣмъ объ уничтоженіи, таможенныхъ и акцизныхъ пошлинъ».

«Въ виду постановленій Главнаго Комитета Промышленности и Торговли, рекомендующаго изыскать мѣры для замѣны таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ другими налогами».

«Принимая во вниманіе, что эти сборы стѣснительны въ ихъ примѣненіи, тягостны при взиманіи и вредны производительности труда, для обмѣна продуктовъ и для общаго благосостоянія страны».

«Принимая во вниманіе, что послѣдовательное уменьшеніе и конечная отмѣна этихъ пошлинъ несом-

нѣнно вызоветъ неисчислимые успѣхи земледѣлія, промышленности и торговли и значительное улучшеніе благосостоянія всѣхъ общественныхъ классовъ".

„Признавая, что таможенная реформа можетъ осуществиться, не нанося ущерба финансовому положенію Бельгіи".

„Международное «Общество упраздненія таможень» объявляетъ, что въ высшей степени важно для Бельгіи разрѣшить, безотлагательно, вопросъ объ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ и акцизныхъ сборовъ и, кромѣ того, отмѣнить немедленно всѣ покровительственныя пошлины, дабы таможенный тарифъ былъ чисто фискальный".

Со дня столь категоричнаго постановленія прошло тридцать лѣтъ.

Бельгія отказалась отъ формальнаго протекціонизма, отмѣнила правительственныя пошлины и не возстановляла ихъ. Фискально-акцизный таможенный тарифъ остался и сильно напоминаетъ англійскіе законы. Бельгійскіе фабриканты не слишкомъ боялись соперничества, а бельгійское населеніе крайне нуждалось въ безпошлинномъ ввозѣ пищевыхъ продуктовъ въ обмѣнъ на продукты своего фабричнаго производства. Вотъ почему установленная, по примѣру Англіи, условная свободная торговля не вызываетъ опасныхъ протестовъ.

Дѣйствительная свобода торговли, полное упраздненіе таможень, свободныя границы, остались мечтою. Исключительно экономическій и узконаціональный характеръ стремленія заранѣе обрѣкалъ все движеніе на неудачу. Споръ велся лишь объ удобствѣ взиманія таможенныхъ сборовъ или о преимуществѣ подоходнаго налога (Income-Tax) передъ косвенными налогами.

Чествуя память Кобдена, бельгійцы не усвоили широты его взгляда, охватывавшаго весь цивилизованный міръ. Они не имѣли, какъ Кобденъ, грозныхъ про-

тивниковъ, опиравшихся на древнюю мощь поземельной и родовой олигархіи; но все же сила ихъ противниковъ оказалась достаточной, чтобы великія идеи, измельчавшія, разбавленныя и приниженныя, отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть. О политическомъ, международномъ, всесвѣтномъ значеніи свебодной границы никто не говорилъ. Поэтому въ концѣ концовъ нѣкоторыхъ практическихъ соображеній оказалось достаточно, чтобы таможни, съ такъ называемыми фискальными тарифами, были сохранены. Административная косность предпочла взиманіе, такъ хорошо маскирующее когти фиска. Дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, если бы вожди движенія поставили хотя бы даже національный эгоизмъ на болѣе широкую почву. Для маленькой, богатой, не защищенной природою, Бельгіи, свободная граница оказалась бы болѣе надежнымъ условіемъ безопасности, чѣмъ ея армія, ея крѣпости и даже «гарантія» великихъ державъ.

Германскій мыслитель Дюрингъ, жизнерадостный слѣпецъ, одинаково ненавидящій манчестерцевъ и соціалистовъ, считавшій теорію Рикардо безплодной, сочиненіе Ж. Б. Сея пошлымъ, ученіе Карла Маркса— не честнымъ — Дюрингъ предложилъ систему, примирявшую мѣстную самобытность съ мировымъ общеніемъ и свободнымъ всесвѣтнымъ обмѣномъ услугъ и продуктовъ.

При всѣхъ промахахъ, причудахъ, излишней самоувѣренности, излишней строгости къ противникамъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Дюрингъ выдѣляется изъ толпы массой свѣдѣній, независимостью ума и силой мышленія, искренностью и честностью мысли, чуждой сдѣлокъ и уступокъ. Скорбя объ обездоленныхъ классахъ, Дюрингъ не маскируетъ ихъ пороковъ,

но смѣло указываетъ на нихъ. Говоря, что Бисмаркъ своимъ закономъ противъ соціалистовъ на «двѣнадцать лѣтъ лишилъ націю свѣта и воздуха», Дюрингъ говорилъ также, что законъ этотъ въ сущности былъ выгоденъ для соціалистическихъ агитаторовъ, ученіе коихъ, соціализмъ (называющій себя преимущественно научнымъ), можно правильно понять и обосновать только, если предварительно свести его, въ его основныхъ положеніяхъ, къ «научному мошенничеству». «Конечно» добавляетъ онъ, «изученіе этого предмета есть занятіе не особенно опрятное; оно вызываетъ чувство гадливости, ощущеніе прикосновенія рептилій; но по крайней мѣрѣ такимъ путемъ можно выяснить эту процедуру грабежа науки, которое безцеремонно производится мошеннической лжеученостью въ соединеніи съ агитаторствомъ» *).

Рядомъ съ этимъ Дюрингъ презрительно опровергаетъ манчестерскихъ оптимистовъ.

„Цѣли, преслѣдуемыя распредѣленіемъ и систематизаціей труда, можно вполнѣ достигнуть иначе, прекрасно обходясь безъ существованія продуктовъ соціальнаго деспотизма, которые возрастаютъ въ излюбленныхъ соціалистами фаланстерахъ, этихъ рабочихъ казармахъ, болѣе похожихъ на каторжныя тюрьмы труда, нежели на „дворцы трудолюбія".

Къ ученіямъ фритредеровъ и протекціонистовъ Дюрингъ относится съ такой же независимостью. Черезъ два года послѣ разгрома Франціи, Дюрингъ указалъ, гдѣ скрываются наиболѣе могучіе стимулы мира и войны.

„Вооруженія народовъ для огражденія ихъ безопасности и устраненія преградъ, которыя имъ воздвигаютъ другія народы, рѣзко отмѣчаютъ грань розни и непріязни между ними; тогда какъ международная

*) Курсъ національной и соціальной экономіи. Заключеніе, пар. 16.

торговля и космополитическое раздѣленіе труда вліяетъ въ смыслѣ возможно большаго воздержанія отъ военнаго вмѣшательства". Замѣтивъ затѣмъ, что „вооруженная борьба и состязаніе грубыхъ силъ могутъ дать только миръ кладбища", Дюрингъ признаетъ, что „главное ручательство за общій миръ есть миролюбивое настроеніе всѣхъ народовъ. Для культурнаго историческаго развитія такого настроенія, зависящаго не отъ одной лишь доброй воли, и не отъ просвѣщенія только, требуется международная взаимность" *).

Далѣе, германскій мыслитель дѣлаетъ проницательную характеристику протекціонизма. Онъ говоритъ:

„Причины, изъ которыхъ исторически сложились ограничительныя установленія, не должно смѣшивать съ тѣми цѣлями, кои были *придуманы для нихъ впослѣдствіи*. Побужденіе къ устраненію чужихъ произведеній могло, конечно, основываться на своекорыстіи фиска, на узкомъ интересѣ собственныхъ предпріятій государства. Независимо отъ этого, главную роль здѣсь все же игралъ сословный эгоизмъ и основанная на немъ торговая зависть націй".

„Если зависть сопровождается ложнымъ пониманіемъ собственныхъ выгодъ, то она направляется невѣрно, и охранительная система, которая дѣйствуетъ путемъ запрещенія ввоза, сокращенія вывоза, раздачи вывозныхъ премій и т. п. мѣръ, несомнѣнно должна быть признана крайне близорукою съ точки зрѣнія національнаго соревнованія».

Дюрингъ находитъ, что такая эгоистичная система должна быть уподоблена средневѣковымъ цехамъ, которые всегда были и останутся несправедливыми и безполезными; далѣе онъ говоритъ, что «неразвитость, соединенная съ довѣрчивостью, издавна, и весьма часто объясняли особой мудростью и правительствен-

*) Тамъ же, отд. 5, гл. II, пар. 12.

ной предусмотрительностью возникновеніе такихъ учрежденій, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть исключительно результаты дѣйствія темныхъ силъ, управляемыхъ личнымъ интересомъ и степенью ихъ могущества въ данный моментъ. Замѣчательно, что агитація, направленная къ охранѣ фабрикантовъ, обыкновенно появляется лишь тогда, когда промышленность достигла уже извѣстнаго развитія. Между тѣмъ, по самой цѣли своей, охрана, поддержка, казалось бы, нужны наиболѣе именно для промышленности, находящейся въ зачаточномъ состояніи; но дѣло вовсе не въ этой теоретической цѣли, а въ той силѣ, которую имѣютъ интересы, для коихъ охрана предпринимается'.

Вообще Дюрингъ считалъ, что въ современной свободѣ торговли» эгоистичные интересы имѣли рѣшающее значеніе. Мы видимъ, что «тотъ же самый эгоизмъ сначала выступаетъ въ качествѣ протеціониста, а при измѣнившихся обстоятельствахъ, становится фритредеромъ. Не должно смѣшивать созданнаго великими теоретиками ученія о взаимной свободѣ и равенствѣ экономическихъ отношеній съ той свободой торговли, которую проповѣдуетъ личный интересъ. Это ученіе высоко стоитъ не только надъ вожделеніями охранительной политики, но и надъ свободой торговли англійскаго образца».

Относясь такъ неодобрительно къ ходячимъ теоріямъ покровительства и свободы торговли, Дюрингъ соглашался, что народное хозяйство культурныхъ націй непзбѣжно должно подниматься отъ грубаго земледѣлія къ обширному и разнообразному мануфактурному производству и что обособленныя частныя предпріятія не могутъ бороться съ могущественной конкурренціей отдаленнаго производства. Но какимъ путемъ должно быть оказано государственное содѣйствіе?

«Прямыя средства -- обученіе, организація и поддержка—была бы въ такихъ случаяхъ гораздо болѣе

умѣстны, чѣмъ медленный и ложный путь таможеннаго покровительства,—говоритъ Дюрингъ,—ибо этотъ путь мало успѣшенъ и совершенно ненадеженъ. Неизвѣстно, когда то еще охраняемое или покровительствуемые роды производствъ достигнутъ способности выдерживать конкурренцію или конкуррировать сами. А даже разъ достигнувъ этой степени, будутъ ли они и впредь въ состояніи держать цѣны на уровнѣ всемірнаго рынка?»

На прямое покровительство Дюрингъ, очевидно, смотрѣлъ шире, чѣмъ Консидеранъ и Бастіа, мнѣніе коихъ изложено было выше. Только жаль, что Дюрингъ удовольствовался простымъ упоминаніемъ объ «обученіи и организаціи», какъ о стимулахъ и средствахъ для подъема туземнаго производства, не выяснивъ вопроса болѣе подробно и не предложилъ сколько нибудь опредѣленной системы и обработанныхъ началъ прямого покровительства.

Утвержденіе, будто таможенные тарифы дѣйствуютъ на повышеніе заработной платы, Дюрингъ считалъ нечестной выдумкой американской плутократіи. А ограниченіе переселенія и стѣсненія иммиграціи онъ допускаетъ лишь по политическимъ, а не экономическимъ мотивамъ, добавляя, что при всѣхъ подобныхъ мѣрахъ «недостаетъ чисто внѣшняго и формальнаго права».

Бросивъ лучъ свѣта на тлетворныя преграды, раздѣляющія человѣчество на безполезно враждующія группы, Дюрингъ оставилъ будущему изслѣдователю изученіе экономическаго порядка, при которомъ безпрепятственное міровое единеніе должно сопровождаться и укрѣпляться послѣдовательнымъ и координированнымъ воздѣйствіемъ правительства на условія народнаго труда.

ГЛАВА VII.

Свободная торговля и рабочій вопросъ въ концѣ XIX вѣка.

Въ 1886 году за дѣло свободной торговли выступилъ новый боецъ. Рабочія массы должны были признать въ немъ своего человѣка. То былъ авторъ книги: „Progress and Poverty“ (Прогрессъ и Бѣдность), Генри Джорджъ. Онъ имѣлъ уже репутацію великаго экономиста и возбуждалъ своими сочиненіями много восторговъ и столько же ненависти, когда въ 1886 году издалъ свой второй капитальный трудъ, посвященный международному обмѣну.

Полное названіе книги: „Протекціонизмъ или свободная торговля, изслѣдованіе вопроса о тарифахъ, съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся классовъ“.

Сравнительно меньше замѣченное, это сочиненіе по своимъ послѣдствіямъ важнѣе, чѣмъ „Прогрессъ и Бѣдность“.

Трудъ Генри Джорджа, посвященный международному обмѣну, свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, которые несомнѣнно должно признать въ книгѣ „Прогрессъ и Бѣдность“. Вопросы поставлены конкретнѣе, яснѣе и, что важнѣе всего, не зависятъ отъ того или другаго возрѣнія на право собственности.

Изслѣдованіе вопроса съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся классовъ и личныя свойства автора даютъ позднѣйшей работѣ Генри Джорджа первостепенное значеніе въ ряду изслѣдованій того же рода.

Самъ вышедшій изъ среды рабочихъ и доказавшій горячую преданность нуждамъ бѣднѣйшихъ классовъ, Джорджъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ стремленіи отстаивать «буржуазныя вожделѣнія». Не ему защищать капиталистовъ. Какъ американецъ, онъ могъ ближе наблюдать за плодами охранительной пошлины. Онъ обладаетъ колоссальной эрудиціей и рѣдкой способностью къ анализу. Онъ вовсе чуждъ доктринерства и готовъ заимствовать здравыя начала у любого экономиста: у Бастіа, у Милля, у соціалистовъ, у Сисмонди, у Рикардо. Онъ лучше кого либо другого способенъ различать накопленіе національнаго богатства отъ увеличенія благосостоянія народа. Онъ написалъ свою книгу о свободѣ торговли въ 1886 году. Вся долгая эпопея запрещеній, тарифовъ, трактатовъ, всѣ послѣдствія запретительныхъ и либеральныхъ окладовъ, вся обширная литература обоихъ направленій служитъ ему матеріаломъ.

«Протекціонизмъ торжествуетъ повсюду», говоритъ Джорджъ. Изъ великихъ націй одна Англія сорокъ лѣтъ назадъ перешла къ системѣ свободной торговли. Наоборотъ британскія колоніи сейчасъ же оградились тарифами, какъ только получили самоуправленіе. О всѣхъ другихъ народахъ нечего и говорить. Фритредерамъ нечего обольщаться. Окружающая дѣйствительность говоритъ какъ будто противъ ихъ ученія. Въ самой Англіи въ послѣдніе годы старинная монополія вновь поднимаетъ голову.

Нельзя однако же забывать, что нѣкоторыя ложныя идеи, давно уже канувшія въ вѣчность, имѣли за себя не меньшую популярность. Великіе частные интересы служатъ могучей опорой монополіи. Кромѣ того протекціонизмъ всегда находилъ естественныхъ союзниковъ въ національной ненависти, въ тѣхъ предраз-

судкахъ, которые являлись иногда причиной, иногда послѣдствіемъ, войнъ.

Въ первую половину XIX вѣка американскіе протекціонисты указывали въ подкрѣпленіе своей теоріи на Великобританію, съ ея тогдашними тарифами. Съ 1846 года тактика перемѣняется. Стараются дѣйствовать на національную непріязнь, говоря, что протекціонизмъ есть система американская, а свободная торговля — англійская.

Въ 1886 году воспользовались даже ненавистью эмигрантовъ-ирландцевъ ко всему, что связано съ именемъ Англіи. «Мы приглашаемъ Ирландцевъ, живущихъ въ Америкѣ, оказать сопротивленіе введенію въ Штатахъ Англійской теоріи свободной торговли, теоріи, которая была уже пущена въ ходъ съ такимъ успѣхомъ, какъ средство разрушенія ирландской промышленности и угнетенія Ирландіи».

Оригинальный аргументъ, столь же примѣнимый и къ англійскому языку, на которомъ стало быть нельзя говорить въ Америкѣ, и къ паровой машинѣ—англійскому изобрѣтенію!

Вообще аргументы протекціонистовъ невольно приводятъ на пямять знаменитую гиперболу Маколея о томъ, что если бы законъ всемірнаго тяготѣнія нарушалъ чьи либо интересы — въ доводахъ противъ него не было бы недостатка.

Ходячіе аргументы протекціонистовъ страдаютъ нарушеніемъ основныхъ правилъ логики и основаны на томъ видѣ заблужденій, которыя выражаетъ формула: post hoc, ergo propter hoc. Заработная плата болѣе высока въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Англіи; Соединенные Штаты ограждены покровительственнымъ тарифомъ; Англія отмѣнила этотъ тарифъ. Выводъ: покровительственныя пошлины ведутъ къ повышенію заработной платы. Съ такимъ же основаніемъ можно

утверждать, что причина американскаго высшаго заработка заключается въ десятичной монетной системѣ или республиканской формѣ правленія. Грубость такой діалектики должна быть очевидна для каждаго безпристрастнаго наблюдателя. Соединяя прогрессъ страны съ ея учрежденіями – остается провозгласить благодѣтельность рабства, многоженства, олигархіи, теократіи, а въ новѣйшее время — государственныхъ долговъ и пауперизма.

Разсуждая нелогично, хватаясь за первый кажущійся пригоднымъ аргументъ -протекціонисты отступаютъ, однако передъ очевидными выводами изъ ихъ собственныхъ тезисовъ.

Если тарифы необходимы одной странѣ, то они необходимы и другой. Повсемѣстное торжество запретительныхъ пошлинъ должно слѣдовательно считаться благодѣтельнымъ человѣчеству. Между тѣмъ протекціонисты, желая высокихъ пошлинъ у себя дома, косо смотрятъ на такія же пошлины у сосѣдей. Національныя бѣдствія должны совпадать повидимому съ причиною процвѣтанія. Тихоокеанскіе Штаты должны были бы считать благомъ для себя истребительные подвиги южныхъ крейсеровъ въ междуусобную войну, ибо юная промышленность Калифорніи избавлялась отъ непобѣдимой конкуренціи промышленныхъ центровъ Востока (тогда не существовало еще тихоохеанской желѣзной дороги и сообщеніе между береговыми штатами производилось морскимъ путемъ). Наоборотъ наибольшее бѣдствіе грозило отъ единенія. Американскій союзъ долженъ погибнуть, какъ слишкомъ обширная и населенная территорія, лишенная внутри благодѣтельныхъ таможенныхъ кордоновъ. И если когда либо станетъ возможна всемірная федерація, то человѣчество должно погибнуть, лишившись столь необходимыхъ тарифныхъ линій...

«Религія и факты одинаково научаютъ насъ, что счастіе каждаго существа должно совпадать со счастіемъ всѣхъ; что дѣйствительные интересы людей солидарны между собою и вовсе не находятся въ антагонизмѣ, что благосостояніе есть дѣтище добрыхъ соглашеній и мира, и что ненависть и война ведутъ только къ нищетѣ и разрушенію. Напротивъ ученіе протекціонизма научаетъ, что между интересами націй всегда существуетъ конфликтъ; что одинъ народъ выигрываетъ, то другіе теряютъ; что каждый изъ нихъ долженъ прилагать непремѣнныя старанія посягнуть на долю другихъ и препятствовать всѣмъ другимъ совершать то же самое относительно него. Это ученіе превращаетъ народы въ соперниковъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ сотрудниковъ, и ведетъ роковымъ образомъ къ войнѣ въ видѣ ограниченій, запрещеній, преслѣдованій, конфискацій, которыя только по роду оружія (а не по существу), отличаются отъ той войны, которая топитъ корабли и опустошаетъ города пламенемъ пожаровъ.

Можемъ ли мы представить себѣ народы, покидающіе мечи для плуга и копья для серпа и въ то же время вводящіе боевыя пошлины?

Несогласія современныхъ фритредеровъ и протекціонистовъ относятся только къ пошлинамъ покровительственнымъ. Объ партіи мало спорятъ о томъ родѣ пограничныхъ взиманій, которыя именуются фискальными тарифами и выражаютъ по большей части акцизные налоги. Такое согласіе фритредеровъ допускать тарифы-акцизы — прискорбно. Преимущество фискальныхъ тарифовъ передъ протекціонными весьма условно.

Издержки взиманія весьма велики, убытки и ущербъ увеличивается цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ правилъ и ограниченій».

Чтобы ввести косвенный налогъ на табакъ и сигары, правительство во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ дошло до совершенной монополизаціи.

Въ Великобританіи культура табака совершенно запрещена, отчего Ирландія терпитъ тяжелыя особыя потери, такъ какъ имѣетъ много земли очень, пригодной для табачныхъ плантацій.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, съ большими расходами установлена инквизиторская система съ цѣлью прослѣдить за каждымъ фунтомъ табаку, привознаго или туземнаго, система, благодаря которой правительственные чиновники вмѣшиваются въ частныя коммерческія дѣла. Въ Индіи соляной акцизъ причиняетъ массу страданій и неразлученъ съ жестокими наказаніями. Наконецъ во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ косвенные налоги на спиртъ, неминуемо является въ высшей степени сложная система надзора, запрещеній и шпіонства.

Всѣ источники государственныхъ доходовъ этого рода можно характеризовать тѣмъ, что народъ платитъ гораздо больше, чѣмъ получаетъ казна. Но платя много, плательщики говорятъ менѣе объ обремененіи, такъ какъ пограничное взиманіе производитъ дороговизну, причина которой затемняется. «Курицу общипываютъ, не заставляя ее кричать». Если бы у дверей всѣхъ лавокъ стояли сборщики, взимавшіе 25% съ цѣны каждой покупки, поднялся бы такой ропотъ, что подобный способъ извлеченія доходовъ пришлось бы оставить. Между тѣмъ въ видѣ пошлинъ можно взимать 50 и 100% ad valorem, не рискуя вызвать рѣзкаго неудовольствія и опасныхъ протестовъ.

Преимущества заманчивыя (и какъ мы видѣли выше неотразимыя для правителей экзотическихъ республикъ). Для Европейскихъ государствъ и для Соеди-

нныхъ Штатовъ скрытность налога должна бы казаться всего менѣе привлекательною.

Переходя отъ фискальнаго тарифа къ протекціонному, нельзя не замѣтить существованія антагонизма между ними. Хотя одинъ и тотъ же окладъ пошлины можетъ давать и доходъ казнѣ и извѣстное преимущество туземному производству, тѣмъ не менѣе одно свойство мѣшаетъ другому. Ибо доходность уменьшаетъ сумму покровительства: цѣль протекціонистовъ не достигается или плохо достигается, если обложенные пошлиной привозные товары продолжаютъ ввозиться, обогащая фискъ. Обратно: финансовые расчеты несостоятельны — если исходятъ изъ весьма высокихъ, почти запретительныхъ или совсѣмъ запретительныхъ окладовъ.

Допуская, что цѣль — поощреніе отечественной промышленности должна имѣть мѣсто, является вопросъ даютъ ли таможни хорошее средство для достиженія этой цѣли. Не существуетъ ли другихъ лучшихъ, выгоднѣйшихъ средствъ и путей? Пошлины представляютъ поощреніе косвенное. Вмѣсто нихъ можно прійти къ тѣмъ же результатамъ прямымъ путемъ, платя фабрикантамъ преміи.

Сравнивая оба способа нельзя не видѣть многихъ преимуществъ, которыя даютъ преміи.

Весь планъ покровительства дѣлается проще. Можно покровительствовать именно тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя признаны достойными.

Жертвы страны въ пользу всей системы въ цѣлости и въ пользу каждой отрасли производства въ отдѣльности, опредѣляются въ точности, яснѣе всѣмъ и каждому. Если преміи и субсидіи согласятся платить, то лишь въ необходимомъ размѣрѣ и не на долгій срокъ; во всякомъ случаѣ не на безконечный рядъ лѣтъ, подобно пошлинамъ. Злоупотребленій, обмановъ

и несправедливостей система премій и субсидій дастъ очень много, но меньше безъ сомнѣнія, чѣмъ система пошлинъ, при которой все спутано, все неясно, все непонятно.

Расходъ на прямое поощреніе распредѣляется гораздо равномѣрнѣе на всѣхъ плательщиковъ податей. Устраняются противорѣчія, которыми отличается любой сложный тарифъ, послѣдствій котораго не въ силахъ прослѣдить никакой человѣческій геній.

Ни въ одной странѣ еще протекціонисты не заявили, что та или другая пошлина не нужна. За послѣднее сорокалѣтіе въ Америкѣ ни мало не ослабѣли требованія протекціонистовъ. Ихъ обѣщанія, что пошлины лишь временная мѣра—плохо исполняются. Еще менѣе сбывчивы надежды на установленіе рано или поздно прочнаго тарифа. Очевидно à priori и подтверждается фактами, что *никогда не существовалъ и не можетъ быть составленъ такой тарифъ, который соотвѣтствовалъ бы въ дѣйствительности системѣ покровительства.*

Какъ разрѣшить задачу? Результатъ обложенія одного товара, т. е. повышеніе его цѣны можетъ нейтрализироваться обложеніями другихъ. Масса товаровъ и полуфабрикатовъ представляютъ сырье для однихъ производствъ, оконченныя издѣлія для другихъ. Для той или другой отрасли народнаго производства окладъ пошлины можетъ оказаться недостаточнымъ, или, при самомъ преувеличенномъ окладѣ, его «благія» послѣдствія могутъ подрываться, именно съ точки зрѣнія монополіи параллельными обложеніями. Вотъ отчего американскіе протекціонисты продиктовавъ, послѣ громадныхъ усилій и нескончаемыхъ обсужденій, тарифъ, немедленно затѣмъ сами признаютъ, что онъ переполненъ абсурдами и грубыми ошибками. Одинъ частный примѣръ хорошо иллюстрируетъ положеніе.

Согласно тарифу, введенному въ Штатахъ въ іюлѣ 1883 года, были увеличены оклады съ 35 до 125 процентовъ съ матерій, идущихъ на изготовленіе рюша и манжетъ, съ сохраненіемъ ставки въ 35 проц. для оконченныхъ издѣлій. Въ запискѣ, поданной Государственному Секретарю Казначейства (Министръ Финансовъ), фабриканты заявляли, что до этой перемѣны, они могли снабжать не только отечественный рынокъ, но и ежегодно, на сотни тысячъ долларовъ, отправляли свои издѣлія въ Канаду, Восточную Индію и другія страны.

Экономичная машинная выдѣлка, введенная ими, позволяла имъ бороться съ успѣхомъ, не смотря на обложенія 35 проц. сырого матеріала, съ конкурировавшими европейскими мануфактуристами. Пошлина въ 125 проц. не только совершенно уничтожаетъ эту вывозную торговлю, но и вызвала такой ввозъ англійскихъ товаровъ, что тысячи мастеровыхъ лишились заработка, а три четверти фабрикантовъ, которые занимались этимъ производствомъ, оказались совершенно раззоренными. Конечно ничего подобнаго не входило въ предложенія конгресса.

Выдѣлка манжетъ только одно изъ многихъ внутреннихъ производствъ, которыя были погублены и разбиты въ прахъ при послѣднемъ смятеніи, когда Конгрессъ вновь пересоздалъ тарифъ.

Если бы столь трудное дѣло—составленіе тарифа—было поручено какому нибудь собранію избранныхъ, безкорыстныхъ и ученѣйшихъ людей, то они должны еще обладать сверхъестественными качествами, чтобы не быть сбитыми съ толку воплями, раздающимися со всѣхъ сторонъ и лживыми показаніями. Когда агитація и интриги, угрозы и просьбы достигнутъ успѣха, то тарифъ, ставшій закономъ, также мало похожъ на дѣйствительную стройную систему, которая представ-

лялась искреннимъ протекціонистамъ, какъ фреска Рафаэля на мазню красильщика.

Старанія монополистовъ увеличить вывозъ и уменьшить во что бы то ни стало ввозъ, приводитъ ихъ къ неимовѣрнымъ противорѣчіямъ. Больше всего они боятся наводненія страны дешевымъ товаромъ, при чемъ является и ученіе о балансѣ, выгодномъ и невыгодномъ. Если бы товары, привозимые къ намъ, были равносильны заразѣ и были вредоносны, было бы понятно такое опасеніе... Но ввозятъ наоборотъ лишь все то, что удовлетворяетъ наши потребности и что увеличиваетъ сумму богатства. Привозъ невыгоденъ тому или другому заводчику, быть можетъ торговцу, но всегда выгоденъ для націи.

Скорѣе вывозъ, т. е. уменьшеніе дѣйствительныхъ богатствъ логичнѣе съ перваго взгляда должно казаться невыгоднымъ для народа.

Представьте себѣ, что всѣ пошлины до единой были бы сняты съ привозныхъ товаровъ и наложены на вывозные. Протекціонисты конечно горячо возстали бы противъ такой системы. Но какіе аргументы они могли бы привести? Они конечно говорили бы примѣрно слѣдующее: «Страна не теряетъ, посылая свои произведенія въ другую страну, а напротивъ выигрываетъ, потому что получаетъ взамѣнъ совершенно различные товары большой цѣны. Слѣдовательно ставить препятствія вывозу, значитъ уменьшать, а не увеличивать богатство страны». Совершенно вѣрно, но препятствіе къ вывозу тѣмъ слѣдовательно и вредно, что ограничиваетъ импортъ. Однако уменьшеніе импорта ставится цѣлью покровительственныхъ пошлинъ.

Когда вывозъ въ дѣйствительности превышаетъ ввозъ, т. е. когда извѣстная сумма продуктовъ вывозится безъ всякаго эквивалента въ ввозѣ, *балансъ* будетъ *въ пользу* страны, какъ говорится; на самомъ дѣлѣ это

скорѣе признакъ обѣднѣнія. Когда древній Римъ собиралъ дань со всего свѣта, несомнѣнно вывозъ подвластныхъ народовъ былъ громадный. Когда нѣмцы наложили милліардную контрибуцію на Францію, экспортъ послѣдней сейчасъ возросъ неимовѣрно. Современный Египетъ, уплачивающій проценты по своему непосильному долгу, долженъ вывозить массу товаровъ, ничего не получая въ обмѣнъ. Наконецъ многочисленные англійскіе капиталисты, владѣющіе большими помѣстьями въ Штатахъ, но живущіе въ Старомъ Свѣтѣ не могутъ получить иначе своихъ доходовъ, какъ въ видѣ усиленнаго американскаго экспорта, отъ усиленія котораго американцы не могутъ выиграть.

Забота о большомъ вывозѣ и маломъ ввозѣ объясняется стремленіемъ къ пріобрѣтенію денегъ. Деньги до сихъ поръ рисуются какъ единственное осязаемое, дѣйствительное богатство. Меркантильная теорія долгое время царила невозбранно. Адамъ Смитъ разрушилъ ее. Но до сихъ поръ невѣрное понятіе о деньгахъ и ассоціація идей, связанныхъ съ трудностями продажи и легкостью покупки, служили опорой протекціонизму. Заблужденіе относительно истинной роли денегъ породило вѣрованія въ прибыльность вывоза и въ убыточность привоза, вѣрованіе — ради котораго въ кровавыхъ войнахъ принесено было безчисленное количество человѣческихъ жизней и неисчислимыя богатства, вѣрованіе – которое еще въ наше время служитъ основой политики почти всѣхъ цивилизованныхъ націй и воздвигаетъ искуственныя препятствія міровой торговлѣ *).

*) Смѣлое указаніе Генри Джорджа дѣлаетъ ему величайшую честь. Дж. Стюартъ Милль былъ такого же мнѣнія, говоря, что меркантильное ученіе, исчезнувшее изъ науки, оставило «многочисленное потомство». Милль напоминалъ также, что почти вездѣ власть и вліяніе находятся въ рукахъ «продающаго класса» и что пресса находится въ рукахъ также продающаго класса.

Другое заблужденіе, дающее силу ученію протекціонистовъ, заключается въ весьма распространенномъ среди американскихъ рабочихъ убѣжденіи относительно способности тарифовъ *повышать заработную плату*... Пошлина повышаетъ продажную цѣну издѣлій, увеличиваетъ прибыль предпринимателя, который и можетъ платить рабочимъ больше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ дешевизна товаровъ является будто-бы слѣдствіемъ скуднаго заработка трудящейся массы.

Разъ только вѣра въ спасительность тарифа для интересовъ рабочихъ усвоена, тарифы и вообще препятствія къ обмѣну съ другими народами оказываютъ громадное вліяніе на рядъ вопросовъ первостепенной важности. Всякое улучшеніе положенія рабочаго класса представляется опаснымъ. При данномъ тарифѣ нельзя, повидимому повышать плату: конкурренція заграничныхъ производителей будетъ успѣшнѣе. Нельзя по той же причинѣ и уменьшить число рабочихъ часовъ.

Вся эта для многихъ соблазнительная аргументація опровергается фактами (въ незнаніи которыхъ протекціонисты практики любятъ упрекать фритредеровъ-теоретиковъ). Говорятъ тарифы ограждаютъ насъ противъ ввоза изъ тѣхъ странъ, гдѣ заработная плата низкая. Прекрасно. Но противъ какого государства тарифы должны ограждать? Противъ Англіи? Едва ли, потому что въ Англіи плата рабочимъ много выше, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ, хотя и ниже Америки. Значитъ тарифы требуются различные для каждаго государства, противъ котораго направлены. Самая низкая заработная плата не мѣшаетъ протекціонистамъ Франціи, Германіи и другихъ странъ требовать защиты противъ Америки и Англіи, гдѣ плата такъ высока.

Дешевое производство вовсе не является необходимымъ слѣдствіемъ низкой заработной платы. Дешевизна рабочихъ рукъ задерживаетъ введеніе машинъ. Еще

болѣе она убыточна пониженіемъ качества труда. Китайцы въ Китаѣ и китайцы въ Штатахъ работаютъ совершенно иначе. Высокая плата перерождаетъ ихъ. Американскій плотникъ по продуктивности работы равняется шести индѣйскимъ плотникамъ. Россія съ ея дешевымъ трудомъ не въ состояніи производить дешеваго хлѣба. Высоко оплачиваемый англійскій рабочій, даетъ возможность своимъ патронамъ одолѣвать производство континента. Примѣры, взятые со всѣхъ концовъ міра, подтверждаютъ ту истину, что равенство мускульной силы человѣка даетъ разные результаты въ зависимости отъ повышенія интеллектуальныхъ качествъ— повышенія, болѣе всего зависящаго отъ лучшей жизненной обстановки, дающей возможность развернуться тѣмъ свойствамъ человѣческой натуры, которыя возвышаютъ насъ надъ животнымъ міромъ. Наоборотъ, нищенскія условія жизни принижаютъ наиболѣе сильныхъ и одаренныхъ. Порода умныхъ пигмеевъ сдѣлала бы больше, чѣмъ порода тупыхъ гигантовъ.

«Вѣра въ преимущество для націй низкой заработной платы есть поспѣшный выводъ изъ того вѣрнаго соображенія, что каждому предпринимателю выгодно имѣть рабочую силу возможно дешевле. Между тѣмъ положеніе, вѣрное для отдѣльнаго производителя, невѣрно для національнаго производства. Производительность труда, его результаты, испытывая въ нѣкоторомъ смыслѣ вліяніе высоты заработка, находятся въ еще большей непосредственной зависимости отъ благосостоянія и образованія, которыми пользуются вообще рабочіе классы, а также отъ привычки и пріемовъ, связанной съ уровнемъ ихъ жизненной обстановки. Если кто либо изъ фабрикантовъ, въ отдѣльности, находитъ рабочую силу дешевле средней цѣны у сосѣдей и соотечественниковъ, то его выгода несом-

нѣнна, такъ какъ производительность труда остается та же, опредѣляемая этою общею среднею цѣною. Но нельзя переносить обобщеніе за предѣлы государства. Дѣло въ томъ, что страна, гдѣ средняя цѣна ниже, теряетъ, потому что трудъ дѣлается менѣе производительнымъ и его результаты менѣе плодотворны.

Преимущество одной страны передъ другой можетъ заключаться въ лучшихъ естественныхъ условіяхъ или въ болѣе интенсивномъ трудѣ. Обыкновенно страна или населеніе болѣе приспособлены къ той или другой отрасли производства. Наоборотъ найдутся такія отрасли производства, въ которыхъ выгода окажется на сторонѣ сосѣднихъ или отдаленныхъ народовъ. Отсюда и вытекаетъ могущественное побужденіе къ постоянному обмѣну, къ обоюдной выгодѣ. Что дается слишкомъ трудно—лучше купить у другихъ.

Предположимъ теперь, что одна страна во всѣхъ родахъ производства имѣетъ преимущество передъ другой. Обмѣнъ тѣмъ не менѣе будетъ происходить. Нельзя допустить, что одна страна будетъ только вывозить, другая привозить. На самомъ дѣлѣ страна болѣе развитая и богатая будетъ ввозить отъ сосѣдей тѣ продукты, преимущество въ производствѣ которыхъ будетъ наименьшее, и вывозить въ обмѣнъ тѣ продукты для которыхъ различіе будетъ наибольшее. Страна менѣе одаренная воспользуется нѣкоторыми изъ выгодъ своего болѣе счастливаго и культурнаго конкуррента, который въ свою очередь также выиграетъ, не имѣя надобности производить товары, относительно которыхъ его преимущество менѣе значительно.

Не абсолютная, а относительная цѣна побуждаетъ къ обмѣну. Протекціонистъ, забывши это, требуетъ защиты, т. е. пошлины на всякій товаръ, производство котораго хотя бы въ отдаленномъ будущемъ можетъ

оказаться болѣе дешевымъ, внутри страны, сравнительно съ заграничнымъ.

Американскій экономистъ Грили (Horace Greeley) указываетъ на культуру чая, которая могла бы выгодно возникнуть въ Штатахъ и современемъ дать болѣе дешевый продуктъ, чѣмъ доставляемый изъ Китая. Нѣтъ сомнѣнія, что американцы могли бы производить чай въ Соединенныхъ Штатахъ съ меньшей затратой труда, чѣмъ китайцы. Но существуетъ много другихъ производствъ; серебрянные рудники, очистка минеральнаго масла, изготовленіе сукна, выдѣлка часовъ, въ которыхъ преимущество Америки передъ Китаемъ гораздо больше. Поэтому, оставляя китайцамъ культуру чая и отдаваясь перечисленнымъ родамъ производства, американцы путемъ обмѣна получаютъ больше чая, чѣмъ еслибы производили его сами*).

---

*) Генри Джорджъ поддерживаетъ извѣстную теорему Рикардо-Торренса объ условіяхъ, опредѣляющихъ международный обмѣнъ. По мысли Рикардо (первенство оспариваетъ Торренсъ), развитой подробно Дж. Ст. Миллемъ,- для международной торговли важна не абсолютная, а сравнительная величина издержекъ производства. Можетъ оказаться выгоднѣе привозить товары изъ отдаленной страны, гдѣ ихъ выдѣлка стоитъ не дешевле, а дороже. Пусть Польша имѣетъ преимущество надъ Англіей во всѣхъ родахъ производства. Выгодно ли для нея и возможно ли для Англіи обмѣниваться товаромъ? Несомнѣнно возможно и выгодно для обѣихъ странъ, лишь бы преимущество Польши было разное. Возьмемъ два товара — полотно и хлѣбъ. За единицу сравненія и платежей беремъ *день труда*. Пусть полотно въ Польшѣ производится 100 днями труда, а одинаковое количество этого товара одинаковаго качества въ Англіи требуетъ 150 дней труда. Хлѣбъ же требуетъ въ Польшѣ 100 дней, въ Англіи 200. Обмѣнъ начнется. Польшѣ выгодно отправлять свой хлѣбъ въ Англію въ обмѣнъ на ея полотно. Польша ничего не теряетъ, а Англія выигрываетъ, такъ какъ хлѣбъ получаетъ не за 200, а за 150 дней труда. Если Англія подѣлится своими выгодами съ Польшей, то выигрываютъ обѣ страны. Выгода Англіи заключается въ выигрышѣ при обмѣнѣ 50 дней труда (200—150). Отдавъ половину этого барыша Польшѣ, Англія дастъ ей выгоду 25 рабочихъ дней на обмѣнѣ, т. е. Польша пріобрѣтетъ такое количество полотна, которое не могла у себя добить производствомъ 100 дней. А Англія все таки сбережетъ 25 дней, ибо получитъ хлѣбъ не за 200, а за 175 дней.

Если десять аршинъ сукна въ Англіи равняются 15 аршинамъ полотна, а въ Германіи десять аршинъ того же сукна равняются 20 аршинамъ полотна, то Англія, пославъ свое сукно въ Германію, получитъ въ обмѣнъ больше полотна, чѣмъ имѣла бы, не прибѣгая къ заграничному обмѣну. Цѣнность привозимаго товара

Тарифы, уменьшая ввозъ, вредятъ иностранной торговлѣ. Вредъ еще большій наносится отечественнымъ потребителямъ и производителямъ.

Иностранцы сократятъ торговлю съ нами; но они могутъ найдти другіе рынки или другіе не менѣе прибыльныя занятія. Мы же отказавшись отъ выгоднаго для насъ обмѣна, останемся за тарифными стѣнами въ абсолютномъ проигрышѣ. Пошлина на англійское желѣзо сократила его ввозъ, но англичане возмѣстили

будетъ опредѣляться не издержками его производства на мѣстѣ, а издержками производства товара, привозимаго въ уплату.

Н. Х. Бунге, полемизируя съ Миллемъ, находитъ, что развитая имъ теорія Рикардо-Торренса можетъ оказаться вѣрною лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ «не количество труда, употребленнаго на производство, а цѣна, установленная соперничествомъ, руководитъ соперничествомъ при привозѣ и отпускѣ товаровъ. Если въ Англіи 10 ярдовъ сукна и 15 ярдовъ полотна стоитъ 30 шиллинговъ, а въ Германіи 10 ярдовъ сукна и 20 ярдовъ полотна стоятъ также 30 шиллинговъ, то полотно будетъ вывозиться изъ Германіи въ Англію, но не будетъ выгодно вывозить сукно изъ Англіи въ Германію. Для уплаты Англія должна найти такой товаръ, который она могла бы гдѣ либо продать съ выгодою за границею (въ Германіи или въ другой странѣ), или же уплатить монетою за привезенное изъ Германіи полотно. «По гипотезѣ Милля, говоритъ г. Бунге, товаръ вывозимый изъ извѣстной страны, можетъ продаваться дешевле заграницею. чѣмъ у себя дома. Иногда это и случается, въ особенности при чисто мѣновой торговлѣ; напримѣръ такое явленіе поражало многихъ въ китайской торговлѣ въ прежнее время, когда отпускъ монеты изъ Россіи былъ запрещенъ; но едва-ли это можетъ случиться въ торговлѣ Англіи съ Германіей; если бы англійское сукно продавалось на мѣстѣ дороже, чѣмъ въ Германіи, то оно было бы обратно привезено въ Англію и оплачено деньгами». Съ Н. Х. Бунге мы не можемъ согласиться. Теорія Рикардо остается и останется навсегда безусловно вѣрною именно въ томъ видѣ, какъ ее усвоилъ проницательный умъ Джорджа. Возраженія Н. Х. Бунге вовсе не будутъ имѣть мѣста, если страна прекратитъ совершенно то производство, гдѣ имѣетъ меньше преимуществъ передъ другими народами и перейдетъ къ такимъ, гдѣ преимущество явно наибольшее. Возможно, что въ Англіи земледѣліе можетъ стать доходнѣе и производить хлѣбъ будетъ абсолютно дешевле, чѣмъ въ Россіи. Но для Англіи выгоднѣе бросить совсѣмъ земледѣліе и изготовлять желѣзо и ситцы, ибо въ этомъ производствѣ ея преимущество передъ Россіей много больше, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Несомнѣнно, что посылая, при свободной торговлѣ, свое желѣзо и свои матеріи въ Россію, Англія получила бы больше сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а Россія могла имѣть многіе сорта желѣза и хлопчато-бумажныхъ тканей дешевле отечественнаго производства. Таможенный тарифъ сокращаетъ, а еще чаще уничтожаетъ такого рода обмѣнъ, а свободная торговля наоборотъ умножаетъ всѣмъ ясныя выгоды всемірной кооперації и является потому естественной, непрооборимой силой, примиряющей народы.

свои убытки увеличеніемъ транспортныхъ операцій со всѣми націями и убили своихъ, когда-то могучихъ, американскихъ конкуррентовъ.

Пресловутая *взаимность* основана на заблужденіи того же рода. Дѣйствительный вредъ, который наносятъ намъ иностранныя державы своими высокими тарифами, состоитъ въ обѣдненіи ея собственныхъ подданныхъ, что вовсе намъ невыгодно. Никогда не слѣдуетъ подражать такимъ примѣрамъ и непосредственно сокращать свое богатство. Вотъ двѣ сосѣднихъ фермы. На одной уродился отличный картофель, на другой полновѣснаго зерна хлѣбъ. Обладатель картофеля, нуждаясь въ хорошихъ сѣменахъ, пробуетъ обмѣняться продуктомъ съ сосѣдомъ. Но если сосѣдъ не захочетъ покупать картофель? Развѣ это причина не покупать хорошихъ сѣмянъ?..

Или положимъ сошлись полъ-дюжины индивидуумовъ, которые силою обстоятельствъ отдѣлены отъ остального міра и должны волей неволей обмѣниваться между собою продуктами своего труда. Допустимъ, что пятеро изъ этихъ лицъ, подъ вліяніемъ какого либо злобнаго безумія, сжигаютъ половину того, что вымѣниваютъ другъ у друга. Конечно шестой компаньонъ потерпитъ отъ этого поведенія, ибо его интересы связаны съ пятью сосѣдями. Но благоразумно ли было бы съ его стороны объявить: «такъ какъ эти глупцы уничтожаютъ половину того, что получаютъ отъ меня при обмѣнѣ, то я въ видахъ необходимой обороны, послѣдую ихъ примѣру и сожгу въ свою очередь половину того, что у нихъ вымѣниваю за свои товары».

Американскій тарифъ установленъ для огражденія, поощренія, покровительства національной промышленности. На самомъ дѣлѣ можно перечислить цѣлый рядъ производствъ, сильно страдающихъ отъ пошлинъ. Весьма высоко обложена шерсть—товаръ, являющійся

даже ранѣе земледѣлія; слѣдствіемъ является ущербъ для многихъ фабрикъ, гдѣ не могутъ обходиться безъ нѣкоторыхъ сортовъ шерсти, въ Америкѣ не имѣющихся. Обложена желѣзная руда, что тягостно для чугунно-литейныхъ заводовъ, нуждающихся въ сдабриваніи американскихъ рудъ—привозными. Обложена мѣдная руда въ ущербъ не только для мѣдноплавильныхъ заводовъ, но и многихъ производствъ, для которыхъ мѣдь представляетъ необходимый матеріалъ. Охранена соль, что прискорбно отзывается и на соленыхъ мясныхъ продуктахъ, и на рыбныхъ товарахъ, и на массѣ иныхъ продуктовъ. Введена пошлина на строительный лѣсъ, несмотря на громкія жалобы со всѣхъ сторонъ и на замѣтное истребленіе лѣсовъ. Охраненъ уголь, хотя его дешевизна представляетъ прямо жизненный вопросъ для массы производствъ.

Удивительно, что при всемъ томъ не ослабѣваютъ похвалы протекціонизму американскаго правительства.

Успѣхъ протекціонистской пропаганды показываетъ, какъ силенъ союзъ заинтересованныхъ лицъ и какъ склонно пассивное большинство внимать любымъ аргументамъ, лишь бы они повторялись настойчиво и безпрестанно, изо дня въ день.

Кромѣ того тайные подкупы и тайные происки имѣютъ громадное значеніе и дополняютъ дѣло агитаціи и купленной прессы. Въ конгрессѣ каждый тарифный законопроектъ вызываетъ сцены соперничества между разными партіями, напоминающія «свалку обезьянъ въ клѣткѣ, когда имъ бросятъ кокосъ». Каждый старается оттѣснить конкуррента и соперника и выхлопотать для себя и своей индустріи высокій окладъ.

Надежды самыхъ пылкихъ хлопотуновъ не всегда оправдываются и большіе расходы не всегда окупаются. Только небольшая часть того, что переплачиваетъ публика, попадаетъ въ карманы предпринимателей.

Одно вѣрно: отсутствіе заграничной конкурренціи фатально развиваетъ небрежность и отсталость; товары отличающіеся искусственной дороговизной, поражаютъ и своими плохими качествами.

Чѣмъ болѣе естественныхъ богатствъ открывается въ Америкѣ, тѣмъ болѣе требуютъ пошлинъ. Въ Штатѣ Невада открыли залежи буры на самой поверхности земли; сейчасъ же тарифъ былъ дополненъ пошлиной на буру. Открытіе явилось не прибавленіемъ, а ущербомъ народнаго богатства. За буру пришлось платить дороже.

Американская промышленность развивалась, но тарифъ также помогалъ ея движенію впередъ, какъ «бочка, привязанная сзади лодки» помогаетъ наступательному движенію. Не благодаря, а вопреки тарифамъ, водворилась промышленность въ Америкѣ.

По естественному ходу вещей при свободной торговлѣ можно бы ожидать лучшаго. До сихъ поръ, несмотря на высокія ввозныя пошлины въ Штаты ввозится большею частью мануфактура; вывозъ, за малыми исключеніями, состоялъ изъ сырья *).

Извѣстная всему міру американская изобрѣтательность, вызванная высокимъ уровнемъ заработной платы, давала барыши изобрѣтателямъ и поднимала европейскую промышленность. Меньше всего воспользовалось отечественное производство. Въ Европу вывозились проекты и чертежи, иногда образцы; гуртовое производство, угнетаемое запретительными и покровитель-

---

*) Относится къ 1886 году, когда вышла книга Джорджа. Въ 1894 году положеніе не измѣнилось. Главными статьями вывоза были: хлѣбъ (166 милліоновъ долларовъ), рогатый скотъ (33 милл.), хлопокъ сырецъ (210 милл.), керосинъ (30 милл.), свинина (53 милл.), говядина (25 милл.), сало свиное (40 милл.), лѣсъ (27 милл,), табакъ (24 милл.), кожа (20 милл.) и мѣдь (20 милл.).

Мануфактура вывезена въ томъ же году на 56.889.000 долл. при общемъ вывозѣ на 869.268.000 долл., т. е. менѣе 6%.

ственными пошлинами, перехватывалось Европой. Постоянно возобновлявшіяся предсказанія протекціонистской прессы о скоромъ торжествѣ американскаго производства плохо оправдывались.

Ущербомъ наиболѣе тягостнымъ, наиболѣе наглядным, несомнѣнно принесеннымъ покровительственными пошлинами, является полный упадокъ торговаго флота Штатовъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ американцы обладали большимъ количествомъ коммерческихъ мореходныхъ судовъ, столько же по общему водоизмѣщенію, какъ Англія. Американскіе корабли считались самыми большими и быстроходными. Между 1846 и 1854 годами рядомъ законодательныхъ актовъ британскіе навигаціонные законы были измѣнены въ духѣ полной свободы. Не только англійскіе подданные получили право покупать и строить корабли гдѣ угодно, но и каботажное плаваніе вдоль англійскихъ береговъ было предоставлено одинаково англичанамъ и иностранцамъ. Раздались зловѣщія предвѣщанія. Англійскій флотъ долженъ былъ погибнуть. Янки и Шведы неминуемо должны были овладѣть океаномъ.

Въ то время, какъ по одну сторону океана отказывались отъ покровительства, по другую оно было усугублено; результаты были неожиданные; британскій флотъ удесятерился, американскій почти вовсе исчезъ. Мореходство Америки было раздавлено запрещеніемъ строить и починять суда тамъ, гдѣ было выгодно. Упадокъ во время войны по естественному ходу вещей, долженъ былъ потомъ вознаградиться. На самомъ дѣлѣ лишь послѣ войны, съ умноженіемъ населенія паденіе выяснялось все болѣе и болѣе. Прежде изъ строившихся въ Ливерпульскихъ докахъ кораблей половина спускалась подъ американскимъ флагомъ; теперь нужно долго ждать и искать такого судна. Въ бухтѣ Санъ-Франциско

виденъ цѣлый лѣсъ англійскихъ пакетботовъ и ничтожное количество американскихъ. Въ Нью-Іоркѣ пять шестыхъ всей внѣшней торговли идетъ подъ чужими флагами*). Въ былые года американецъ не иначе переѣзжалъ черезъ Атлантическій океанъ, какъ на отечественномъ пароходѣ; теперь и не мечтаютъ объ этомъ. Народъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь Нормандскихъ мореходовъ, вытѣсненъ съ океанскаго приволья. Кто причинилъ ему этотъ вредъ? Онъ самъ.

Говорятъ, что высокая заработная плата уменьшила американское мореходство. Забываютъ, однако, что раньше разница между стоимостью рабочаго дня въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ была гораздо больше. Другіе указываютъ, что замѣна парусовъ машинами была причиной паденія американскаго флота. Странно при этомъ, что именно американскій пароходъ впервые пришелъ изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль. Истину все таки скрыть трудно. Все станетъ ясно, если обратить вниманіе на пошлины, которыми обложены всѣ матеріалы и предметы, необходимые для кораблестроенія, пошлины, отъ которыхъ, къ великой для себя выгодѣ, отказалась Англія. Ея верфи пользуются всѣмъ что можно достать дешеваго и лучшаго въ цѣломъ свѣтѣ. Въ Америкѣ иное дѣло. Обложена испанская и африканская руда, необходимая какъ подмѣсь для полученія подходящаго чугуна нѣкоторыхъ сортовъ. Пошлина на сталь позволила образоваться гигантскому синдикату для повышенія цѣнъ. Пошлина на мѣдь вызвала другой синдикатъ, продающій дешево на вывозъ и дорого внутри страны. Все то, что нужно для постройки, сна-

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ торговый флотъ въ тоннахъ водоизмѣщенія въ 1893 году достигалъ въ Англіи 7.394.000, въ Соед. Штатахъ 883.000. Каботажъ исключенъ; цифры показываютъ лишь морской торговый флотъ дальняго плаванія.

ряженія и вооруженія корабля отъ низа до верхушки мачты — обложено громадными ставками. Дошло до того, что въ случаѣ починки американскаго корабля заграницей, по возвращеніи его, берутъ пошлину съ матеріаловъ, употребленныхъ для его исправленія. Тарифы въ полномъ смыслѣ задушили американское кораблестроеніе и мореходство.

Таково въ главныхъ чертахъ ученіе Генри Джорджа о свободной торговлѣ. Онъ смѣло заявляетъ, что совершенная отмѣна тарифовъ будетъ имѣть слѣдствіемъ исчезновеніе большихъ постоянныхъ армій. Крѣпости, военные корабли, всеобщая воинская повинность близко связаны со всей системой протекціонизма.

«Широко открывъ свои гавани міровой торговлѣ, мы лучше обезпечимъ ихъ безопасность, чѣмъ укрѣпляя ихъ стальными бронями».

«Духъ протекціонной системы возбуждаетъ національную ненависть и войну между народами. Наоборотъ духъ свободной торговли есть духъ братства и мира».

Въ заключеніе Джорджъ ставитъ вопросъ: въ чемъ заключается «дѣйствительная, осязательная выгода Союза Штатовъ? — и отвѣчаетъ: *въ безусловной свободѣ торговли между ими и общности интересовъ, которые она создаетъ.* Если бы каждый гражданинъ не могъ переѣзжать изъ Штата въ Штатъ безъ досмотра багажа, еслибъ книга, напечатанная въ Нью-Іоркѣ, не могла быть переслана въ Джерсей-Сити по другую сторону рѣки, безъ задержанія и уплаты пошлины, долго ли держался бы Союзъ, да и къ чему бы онъ служилъ?

По мнѣнію Джорджа за американцами должно быть признано драгоцѣнное право распространять свободу сношеній между Штатами—за предѣлы Союза.

Тогда произойдетъ сліяніе и между двумя великими англійскими государствами, раздѣляемыми океаномъ.

«Съ уничтоженіемъ таможень и открытіемъ нашихъ портовъ для свободнаго доступа всѣхъ товаровъ, торговля между Британскими Островами и Соединенными Штатами сдѣлается такъ обширна, сношенія столь дружественны, что мы превратимся какъ бы въ одинъ народъ».

Генри Джорджъ такъ заканчиваетъ свое сочиненіе: «будемъ дѣлать для другихъ то, что мы хотимъ, чтобы другіе сдѣлали для насъ; будемъ уважать права другихъ такъ же строго, какъ мы желали бы, чтобы другіе уважали наши права. Въ этомъ заключаются не однѣ правила, предназначенныя для совершенствованія людей, но въ этомъ именно заключается основной законъ, съ которымъ мы должны согласовать наше соціальное устройство и нашу національную политику, если мы хотимъ упрочить для нашего отечества блага изобилія и мира».

Европейскій монополистъ не имѣетъ уже никакого основанія ссылаться на американскую торговую политику, какъ на лучшій доводъ противъ свободной торговли. Голосъ Джорджа раздался именно изъ за той стѣны, величественную архитектуру которой и громадную пользу принято восхвалять въ извѣстномъ лагерѣ.

Опровергнувъ связь тарифа съ высокой заработной платой, американскій экономистъ—самъ рабочій—пре-

достерегъ народную массу отъ сочувствія протекціонизму.

По сравненію съ Бастіа, Джорджъ ушелъ далеко впередъ, отвергая необходимость тарифовъ для пополненія государственной казны. Признавая въ нѣкоторыхъ особыхъ и ограниченныхъ случаяхъ пользу покровительства, Джорджъ рѣшительно стоитъ за систему премій — открытыхъ, прямыхъ поощреній. Къ сожалѣнію имъ не разобраны вовсе иные виды прямого воздѣйствія на туземное производство. Ниже мы выясняемъ, что преміи являются далеко не единственною и не важнѣйшею мѣрою въ системѣ государственнаго содѣйствія народному труду и отечественной промышленности.

ГЛАВА VIII.

Новѣйшіе аргументы враговъ и защитниковъ свободной торговли и итоги ихъ дѣятельности.

Обозрѣніе литературы, посвященной экономическому единству, какъ основѣ международнаго замиренія,— мы закончимъ разборомъ послѣднихъ сочиненій Поля Леруа-Болье. Его «Политическая Экономія», только что появившаяся, его «Современное Государство», Финансовая Наука», и «Колонизація у новыхъ народовъ» по богатству содержанія всегда будутъ цѣниться экономистами всѣхъ партій *).

Чтобы хорошо понять и глубоко проникнуть въ коренные феномены, чрезвычайно разнообразные и многосторонніе, чтобы объединить ихъ въ правильномъ сечетаніи, недостаточно, какъ думаетъ авторъ, изучить у своего очага, безчисленные томы, написанные предшественниками или разбирать старыя рукописи и безконечныя изслѣдованія. Нужно имѣть прямое соприкосновеніе съ фактами, испытать ихъ непосредственное воздѣйствіе, нужно прослѣдить за ними въ ихъ полной реальности.

Всего этого авторъ старался достигнуть въ теченіи тридцати лѣтъ. Насколько отъ него зависѣли онъ развивалъ въ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ практическую

---

*) 1) L'Etat moderne et ses fonetions. 2) Traité de la science des Finances. 3) La Colonisation chez les peuples modernes. 4) Traité theerique et pratique d'Economie politique.

опытность, чтобы придать обильное и плодотворное содержаніе своимъ теоретическимъ выводамъ.

Онъ принялъ участіе, съ 1870 года, въ экономическомъ движеніи обоихъ полушарій, лично наблюдая и чувствуя всѣ перемѣны. То къ выгодѣ для себя, то къ ущербу, онъ былъ заинтересованъ въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ Стараго и Новаго Свѣта. Передъ нимъ работали за его деньги, какъ негры Феццана и арабы Кхомеса, такъ и крестьяне Лангедока и Нормандіи.

Онъ старался встрѣчаться съ всякими людьми, самаго различнаго положенія, которыя могли ему представить типичные образцы разныхъ формъ человѣческой дѣятельности: крупныхъ банкировъ, крупныхъ промышленниковъ, крупныхъ собственниковъ, африканскихъ и азіатскихъ піонеровъ и колонизаторовъ, мелкихъ промышленниковъ, мелкихъ фермеровъ, мелочныхъ торговцевъ, фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Онъ принялъ участіе въ современномъ колонизаторскомъ движеніи и онъ въ то же время жилъ сельской жизнью.

Спрашивая, наблюдая, пользуясь близостью, которую даютъ привычныя и простыя отношенія людей самыхъ разнообразныхъ положеній, «онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы заполнить пробѣлъ между наукой, чисто наблюдательной и наукой экспериментальной *)».

Леруа-Болье причисляютъ обыкновенно къ старой «классической» школѣ свободы промышленности, представителями которой являются Мальтусъ, Рикардо и Милль. Самъ Леруа-Болье горячо возражаетъ противъ этого **). Надо согласиться, что по методу изслѣдованія онъ близко примыкаетъ къ новѣйшему историко-

*) Traité théorique et protiqued'Economei polit. préface. p. I, II.

**) Id. IV.

статистическому направленію, основателемъ котораго считается Тукъ, а современнымъ дѣятелемъ — Шмоллеръ.

Къ какой бы школѣ экономистовъ не причисляли Леруа-Болье, его проницательность, эрудиція и личная опытность необыкновенны. Его выводы о связи экономическихъ феноменовъ съ политическими—весьма поучительны.

Леруа-Болье признаетъ, что вызывавшій столько споровъ вопросъ о свободной торговлѣ—сообразно съ экономическими законами — допускаетъ только одно рѣшеніе. Несомнѣнныя преимущества свободной торговли заключаются въ наибольшемъ расширеніи рынка, какъ въ лучшемъ пути «для увеличенія раздѣленія труда, развитія конкуренціи, приспособленія каждаго производства къ особенностямъ почвы и населенія и для умноженія, слѣдовательно, количества продуктовъ, при той же суммѣ труда». Но отсюда не слѣдуетъ выводить, по мнѣнію Леруа-Болье, что всѣ страны должны принять полную свободу торговли, ибо могутъ явиться противоположныя соображенія: глубокое уныніе и моральная приниженность, которая можетъ проявиться въ еще мало культурномъ народѣ (отъ внезапнаго появленія продуктовъ страны, либо болѣе богатой по природѣ, либо болѣе снабженной средствами и болѣе промышленной) большія потрясенія и даже потери для капиталовъ, и кризисъ, который явится послѣдствіемъ внезапнаго и коренного экономическаго переворота, (что можетъ повести къ эмиграированію капиталовъ и населенія). Политическія соображенія, иногда очень важныя, могутъ также оказаться въ числѣ мотивовъ. Такимъ образомъ производительность и раздѣленіе труда, могущественные стимулы обширнаго рынка, должны быть разсматриваемы, какъ экономическіе законы, тогда какъ преимущество полной свободы тор-

говли при всякихъ условіяхъ есть не болѣе какъ мнимый экономическій догматъ, который не можетъ имѣть никакого права на преобладаніе *).

Искренно осуждая протекціонизмъ, считая его вредной «заразой», которая въ послѣднее время охватила большую часть культурнаго міра, Леруа-Болье, близко знакомый съ бѣдствіями, происходящими отъ внезапныхъ, неожиданныхъ перемѣнъ въ тарифахъ, не могъ не придупредить фритредеревъ, что велики будутъ потрясенія матеріальныя и даже нравственныя отъ быстраго перехода отъ покровительственныхъ началъ къ полной свободѣ торговли.

Свободу переселенія Леруа-Билье считаетъ драгодѣннѣйшимъ залогомъ мира. Нѣкоторыя страны, говоритъ онъ, одарены особыми богатствами и преимуществами. Таковы: Соединенные Штаты, Англія, Франція. Другіе народы за извѣстную долю труда, имѣютъ нравственное нестъемлемое право на участіе въ этихъ благахъ. Участіе это и осуществляется обмѣномъ продуктовъ и эмиграціей; ея ограниченіе, а тѣмъ болѣе запрещеніе, должно считаться противнымъ естественному праву. Въ Соединенныхъ Штатахъ, до сихъ поръ привлекавшихъ наибольшіе волны эмиграціи, въ послѣднее время, особенно съ 1892 года, начинаютъ появляться разныя ограниченія эмиграціи, или даже ея совершенное на нѣсколько лѣтъ запрещеніе. «По нашему мнѣнію», говоритъ Леруа-Болье, «въ этомъ заключается злоупотребленіе правомъ собственности и пренебреженіе къ человѣчеству».

Если страна, обладающая большими природными богатствами, запрещаетъ или мирную массовую эмиграцію, или постепенное единичное водвореніе лицъ другихъ національностей, то тѣмъ самымъ какъ бы

*) Тамъ же, т. I, р. 37, 38.

оправдывается вооруженное переселеніе въ родѣ тѣхъ, которыя предпринимались германскими варварами въ роскошныя области южной и западной Европы. По мѣрѣ того, какъ міръ дѣлается гуще населеннымъ, а люди болѣе подвижными и сохраняютъ менѣе нравственныхъ узъ съ родной землей, вопросъ этотъ—о переселеніи въ страны, богато одаренныя природой—становится болѣе важнымъ и нельзя отрицать возможности возникновенія отсюда новыхъ затрудненій, международныхъ ссоръ и войнъ.

Выводя отсюда чрезвычайную выгодность свободнаго обмѣна, Леруа-Болье заканчиваетъ странными оговорками и уступками, точно пугаясь смѣлости своихъ взглядовъ. Онъ условно допускаетъ, что французы имѣютъ основаніе опасаться уменьшенія своего благосостоянія (достигнутаго отчасти воздержаніемъ отъ размноженія), когда Франція наводнится бѣдными и быстро плодящимися нѣмцами, бельгійцами, итальянцами. Онъ соглашается, что есть причины препятствовать китайскому переселенію въ Австралію и Соединенные Штаты, ибо китайцы не смѣшиваются съ европейскими расами и остаются всегда чуждымъ племенемъ, упорнымъ, отчасти враждебнымъ, и не слѣдуетъ, допуская большое скопленіе китайцевъ, увеличивать неудобства, происходящія отъ чернаго и индѣйскаго илемени, которыя нарушаютъ однородность населенія Штатовъ. Можно также обратить особое вниманіе на затрудненія въ монетномъ обращеніи, происходящія отъ перевода металлическихъ денежныхъ знаковъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Китай тѣми китайцами, которые возвращаются на родину или отсылаютъ туда свои сбереженія. Вопросъ слѣдовательно весьма сложенъ; даже Англія въ послѣднее время относилась небрагопріятно къ массовому переселенію русскихъ евреевъ и въ этой странѣ началась сильная агитація противъ бѣдныхъ

иммигрантовъ. «Не претендуя на разрѣшеніе одной общей формулой столь сложной проблемы, Леруа-Больё все-таки остается при своемъ мнѣніи, что неравенство естественныхъ даровъ, которыми пользуются разныя страны должно заставлять болѣе счастливыя области принять нравственную обязанность относиться съ извѣстной предупредительностью къ иммиграціи».

Рядъ оговорокъ и въ концѣ концовъ самое робкое сугубо осторожное заключеніе! Французскій экономистъ обладаетъ ясностью, но не смѣлостью мысли. Сочетаніе странное, но очевидное, ибо страхъ передъ прямолинейными выводами доводитъ Леруа Болье до прискорбныхъ опасеній въ духѣ маркантилизма. Таково указаніе на «монетныя затрудненія отъ отлива металла заграницу при отъѣздѣ рабочихъ китайцевъ». Какъ будто ими при ихъ трудолюбіи не оставленъ въ Штатахъ достаточный эквивалентъ.

Запрещеніе переселенія дешевыхъ иностранныхъ рабочихъ по нашему убѣжденію имѣетъ только одну цѣль—достиженіе популярности. Уничтожая или сокращая живую конкуренцію приходится разрѣшать и даже поощрять конкуренцію мертвой матеріи. Машины опаснѣе самыхъ трудолюбивыхъ, самыхъ бѣдныхъ кули, самыхъ неприхотливыхъ итальянцевъ. Конкуренція машинъ приводила въ отчаяніе Прудона, требовавшаго запрещенія усовершенствованій на десять лѣтъ и желавшаго, чтобы новыя машины и изобрѣтенія въ теченіе этого срока только выставлялись, но не примѣнялись. Такъ какъ въ наше время подобныя предложенія, къ счастію немыслимы, то борьба съ наплывомъ дешеваго труда бѣдняковъ – иммигрантовъ является вопіющимъ нарушеніемъ здраваго смысла и есть слѣдствіе косности, лицемѣрія, невѣжества и тупой злобы *).

*) Ниже мы вернемся къ этому вопросу.

Мы считаемъ себя въ правѣ присоединиться къ взглядамъ Леруа-Болье на свободу переселенія безъ тѣхъ оговорокъ и ограниченій, которыми онъ прискорбно и неосновательно подрываетъ свое ученіе. Для его отечества просторъ иммиграціи имѣлъ бы еще большее значеніе, чѣмъ для Соединенныхъ Штатовъ, ибо явился вѣчнымъ факторомъ мира для страны, которая имѣетъ *доступныя границы и сильныхъ враговъ.*

Леруа-Болье признаетъ, что международная торговля, болѣе или менѣе свсбодная и дѣятельная, приноситъ выгоды четырехъ родовъ:

1) Путемъ обмѣна, каждый народъ получаетъ необходимые или весьма полезные продукты, которые вовсе не могутъ быть добыты на отечественной территоріи по ея климатическимъ, почвеннымъ и геологическимъ особенностямъ.

2) Международный обмѣнъ является гарантіею противъ случайностей неурожая.

3) Выгоды раздѣленія труда чрезвычайно возрастаютъ благодаря внѣшней торговлѣ.

«Рынки въ 40, 50, даже 60 и 80 милліоновъ людей, сдѣлались теперь во многихъ отношеніяхъ, рынками недостаточными. Создавая всемірный рынокъ, свободная торговля стремится слѣдовательно наиболѣе развивать раздѣленіе труда и не только лучше утилизируетъ естественныя способности почвы и населенія, но и ведетъ къ выработкѣ новыхъ пріобрѣтенныхъ способностей и слѣдовательно стремится увеличить для всего вообще человѣчества производительную силу и способы потребленія» *).

---

*) Тамъ же T. IV, p. 78, 79.

Благодаря всемірному рынку для каждаго народа выгоднѣе предоставить другимъ націямъ производство тѣхъ продуктовъ, которые имъ обходятся дешевле. На всемірномъ рынкѣ совершаются замѣчательныя явленія, которыя открыты глубокимъ умомъ Рикардо въ его извѣстной теоремѣ международнаго обмѣна *).

Если даже народъ способенъ произвести всѣ или большинство товаровъ дешевле, чѣмъ заграницей, все же при нѣкоторыхъ условіяхъ многіе изъ нихъ выгоднѣе привозить. Ибо лучше посвятить національное производство тѣмъ продуктамъ, преимущество въ выдѣлкѣ которыхъ наибольшее, остальные же вымѣнивать.

4) Свободная торговля между націями развиваетъ и *усугубляетъ* конкуренцію.

Есть крупныя производства, которыя легко сосредоточиваются и при искусственномъ ограниченіи рынка возможно соглашеніе между владѣльцами предпріятій съ цѣлью искусственнаго повышенія цѣнъ, въ ущербъ потребителямъ.

Извѣстно, что обработка нефти и сахара и металлургическія производства служатъ и служили широкимъ поприщемъ для разныхъ синдикатовъ, *стачекъ, картелей*, trust'*овъ* и т. под. Единственное вполнѣ надежное средство противъ этихъ походовъ на потребителей есть свободная всемірная конкуренція.

Таковы четыре рода выгодъ, которыя даетъ, по мнѣнію Леруа-Болье, международный, болѣе или менѣе свободный, обмѣнъ. Широкіе и свѣтлые взгляды смѣняются и здѣсь, у талантливаго экономиста, съ условными уступками противникамъ (протекціонистамъ), оговорками исполненными противорѣчій и несообразностей. Леруа-Болье признаетъ свободную торговлю необходимой экономической формой для малыхъ государствъ. Об-

*) Леруа-Болье ошибочно приписываетъ эту теорему Дж. Ст. Миллю.

ширная территорія и разнообразіе климатовъ, которыми пользуются малонаселенныя страны Южной Америки и Австраліи также не дастъ основанія, какъ думаетъ Леруа-Болье, къ созданію отдѣльнаго рынка. Всего менѣе, заключаетъ авторъ, свободный международный обмѣнъ нуженъ очень большимъ государствамъ съ населеніемъ въ 70, 100, 120 и болѣе милліоновъ. По этой теоріи, или вѣрнѣе при такихъ уступкахъ протекціонизму, оказывается, что Соединенные Штаты, Россія, Британская Имперія и Китай, съ сравнительно меньшими яко бы неудобствами могутъ оградиться запрещеніями, тарифами и кордономъ.

Выводъ конечно странный. Китай имѣетъ громадную территорію и до 400.000.000 трудолюбиваго населенія, съ своеобразной, тысячелѣтней культурой. Но единственная надежда на спасеніе, единственный путь избѣгнуть разложенія и анархіи или завоеванія заключается для Китая въ свободномъ общеніи съ иностранными государствами.

Россія съ 130 милліонами жителей съ безконечнымъ разнообразіемъ почвы и климата и Соединенные Штаты, гдѣ 70 милліоновъ заселяютъ территорію, обнимающую почти полярныя и почти тропическія страны, по теоріи Леруа-Болье, должны наименѣе терпѣть отъ протекціонизма, въ особенности Россія. На самомъ дѣлѣ наиболѣе вредныя, почти уродливыя, послѣдствія экономическаго обособленія наблюдаются именно въ Сѣверной Америкѣ и Россіи. Даже сторонники протекціонизма, разъ они не лишены серьезности и добросовѣстности, не отрицаютъ, что покровительственная система обходится Россіи дороже, чѣмъ сосѣдямъ. Соединенные Штаты—есть классическая страна синдикатовъ, картелей и таможенныхъ невзгодъ. Въ противность схемѣ Леруа-Болье оказывается, что 70 милліо-

новъ янки страдаютъ отъ высокихъ тарифовъ болѣе 39 милліоновъ французовъ.

Такихъ государствъ, обширность, населеніе и разнообразныя естественныя условія которыхъ сильно смягчали бы зло обособленности отъ мірового рынка — на нашей планетѣ не существуетъ.

Наиболѣе важными и наиболѣе распространенными возраженіями противъ свободной торговли Леруа-Болье считаетъ могущую оказаться противоположность интересовъ всемірныхъ съ интересами національными.

«Какъ среди отдѣльнаго народа извѣстныя лица могутъ пострадать отъ успѣховъ, которые полезны всей націи, такъ возможно, что нѣкоторые народы потеряютъ отъ причинъ, благодѣтельныхъ для всего цивилизованнаго міра».

Затѣмъ протекціонистскую profession de foi по Леруа-Болье можно представить въ слѣдующихъ основныхъ тезисахъ:

1) Изъ заграницы желателенъ привозъ лишь такихъ продуктовъ, туземное производство которыхъ невозможно. Сюда относятся главнымъ образомъ такъ называемые колоніальные товары; и даже эти товары удобно обложить, въ фискальныхъ цѣляхъ, нѣкоторой пошлиной.

2) Хотя выгода, приносимая международнымъ обмѣномъ, при временныхъ недородахъ-громадна, тѣмъ не менѣе этими выгодами слѣдуетъ пользоваться только въ предѣлахъ, необходимыхъ въ критическій періодъ; когда же кризисъ, т. е. голодъ, пройдетъ, иностранный товаръ, т. е. напримѣръ хлѣбъ, долженъ облагаться вновь пошлиной, достаточной для покровительства отечественному земледѣлію.

3) Всѣ тѣ продукты, потребленіе которыхъ не можетъ быть прервано естественными кризисами, лучше не ввозить вовсе, или обложить такими тарифами, чтобы внутреннее производство не могло серьезно опасаться чужеземной конкуренціи.

4) Конкуренція иностранцевъ, въ глазахъ фритредеровъ могущественно стимулизирующая производство, на самомъ дѣлѣ вредна—даже гибельна—для національной производительности нѣкоторыхъ государствъ.

5) Раздѣленіе труда не должно идти за предѣлы государства, ибо государственный организмъ долженъ быть насколько возможно болѣе законченъ и независимъ.

Особые спеціальные, по мнѣнію Леруа-Болье, аргументы въ пользу протекціонизма приводятся американскимъ ученымъ профессоромъ Паттеномъ (Simon N. Patten).

The Economie bases of protection подъ такимъ названіемъ появилась въ Филадельфіи небольшая книга Пенсильванскаго профессора. Паттенъ объявляетъ, что не вѣритъ въ общую для всѣхъ народовъ политическую экономію; Америка должна держаться иныхъ началъ чѣмъ Европа, какъ по особенностямъ своего климата и населенія, такъ и потому, что сѣверо-американскій народъ находится въ динамическомъ состояніи.

«Въ этомъ отношеніи, говоритъ Паттенъ, нашъ идеалъ долженъ составлять рѣзкій контрастъ съ статическимъ идеаломъ, который рисуютъ большинство фритредеровъ. Старыя доктрины политической экономіи всегда исходили изъ представленія о статическомъ обществѣ, гдѣ различные элементы совершенно гармонировали между собою и достигали самаго высокаго уровня цивилизаціи. Идеалы, которые я хочу отстаивать, зиждятся напротивъ на динамическихъ, измѣняющихся условіяхъ, необходимыхъ народу, чтобы за-

вершить его развитіе до возможно болѣе высокаго соціальнаго уровня. Динамическая теорія соціальнаго прогресса весьма разнится отъ статической теоріи неподвижнаго промышленнаго сестоянія. Должны мы составлять общество статическое или общество динамическое—вотъ въ чемъ заключается споръ о тарифѣ».

Леруа-Болье весьма просто опровергаетъ эту претенціодную діалектику (слабую копію системы Листа)— указывая, что и этнографическія и всякія другія особенности Америки представляютъ только количественную, а отнюдь не качественную разницу.

Съ своей стороны мы замѣтимъ, что требованіе особой экономической науки для янки особенно знаменательно. «Національныя особенности» служатъ якоремъ спасенія для тѣхъ умовъ, которые побиваетъ неумолимая логика. Объявивъ свою страну исключительной по природѣ, а своихъ согражданъ *недѣлимыми особой породы* можно создать—(на основаніи самобытныхъ методовъ разсужденія) *независимую мораль* и дойти до такихъ выводовъ, которые произведутъ отталкивающее впечатлѣніе.

Оригинальными слѣдуетъ признать взгляды, принадлежащіе самому Паттену, на успѣхи, достигнутые свободной торговлей въ Англіи.

«Свободная торговля, преуспѣвающая въ Англіи, говоритъ онъ, не можетъ служить доказательствомъ пригодности такого же порядка у насъ. До этого времени не было еще ни одной націи, усвоившей свободную торговлю, и всѣ цивилизованные народы нуждались въ всемірномъ рынкѣ. Мы всѣ выигрываемъ отъ того, что различные экономическіе организмы приводятся въ соприкосновеніе во многихъ мѣстахъ. Это было невозможно, покуда каждая нація слѣдовала исключительной политикѣ. Англія была первой націей, открывшей свѣту всемірный рынокъ, что имѣло послѣд-

ствіемъ не только увеличеніе благосостоянія всей Англіи, но и всѣхъ другихъ націй, выигравшихъ отъ возникновенія свободнаго англійскаго рынка. Созданіе *второго* рынка этого рода не могло бы имѣть на развитіе производства всего того вліянія, которое имѣло открытіе англійскаго рынка. Одна нація можетъ найти большія выгоды, войдя въ сношеніе съ другими культурными народами и сдѣлавшись рынкомъ для ихъ избытковъ; но вторая нація нашла бы мѣсто занятымъ. Мы можемъ надѣяться, самое большое, раздѣлить эту торговлю съ Англіей, или, можетъ быть предложить цѣны болѣе низкія, чѣмъ Англія, и такимъ образомъ завладѣть торговлей для насъ самихъ. Простое замѣщеніе Англіи Америкой, если бы оно и сдѣлалось выгоднымъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ классовъ въ Америкѣ, не было бы выигрышемъ для цѣлаго свѣта. Прогрессъ мира зависитъ гораздо болѣе отъ развитія внутренняго производства, чѣмъ отъ внѣшней торговли. Мы нуждаемся въ развитіи всѣхъ этихъ возможностей труда (opportunities for labour), которыми каждая нація одарена природой.

Il y a une certaine finesse dans ces aperçus, говоритъ Леруа-Болье.

Съ своей стороны, мы думаемъ, что за діалектикой Паттена (оставляемой Леруа-Болье безъ прямого опроверженія) кромѣ оригинальности – другихъ достоинствъ никакъ нельзя признать. Англія не настолько «статическая» страна, чтобы ея промышленность не развивалась, а торговля не росла. При всѣхъ колебаніяхъ и кризисахъ мануфактурное производство Соединеннаго Королевства и его торговый флотъ растетъ. Растутъ и потребности и избытки всемірнаго рынка, гдѣ господствуетъ британская торговля. Слѣдовательно кромѣ наличныхъ участниковъ въ всемірномъ торговомъ обмѣнѣ, являются вновь прибывающія предпріятія,

фирмы, заводы, фабрики, арматоры. Чтобы присоединиться къ нимъ не нужно жить на берегахъ Темзы и носить званіе англійскаго подданнаго. Если бы торговый флотъ Америки не былъ погубленъ, а мануфактуры Франціи не были удручены тарифами, никто не мѣшалъ бы американцамъ и французамъ увеличить размѣры заокеанской и всемірной торговли. Мѣста хватило бы всѣмъ... Если бы Америка отмѣнила покровительственный тарифъ, въ общемъ англійскій оборотъ сильно бы увеличился. Увеличился бы и американскій. Если свободный всемірный обмѣнъ благо, то чѣмъ больше націй къ нему присоединились, тѣмъ лучше. Дополнительный тезисъ Паттена: необходимость развитія внутренняго производства есть ошибка petitio principii, ибо нужно еще выяснить — не развиваетъ ли свобода торговли гораздо больше внутреннюю производительность, чѣмъ тарифная охрана. Во всякомъ случаѣ и кромѣ тарифовъ найдутся средства содѣйствію развитія народнаго производства, средства менѣе убыточныя и болѣе надежныя.

Совершенную свободу торговли, полную отмѣну всѣхъ пошлинъ, Леруа-Болье признаетъ въ настоящее время невозможной для большихъ континентальныхъ государствъ по чисто фискальнымъ причинамъ, такъ какъ эти націи нуждаются въ доходахъ и прибѣгаютъ къ косвеннымъ внутреннимъ налогамъ; нѣкоторые изъ этихъ налоговъ требуютъ, для соотвѣтствія, таможенныхъ пошлинъ на однородные товары. Уничтожить таможни можно было бы, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ акцизы внутри государства.

Такую реформу, Леруа-Болье считаетъ невыгодной для всѣхъ государствъ, отягченныхъ большими бюджетами.

«Какъ взимать акцизы, когда не будетъ таможень», спрашиваетъ Леруа-Болье. Какимъ образомъ взимать налогъ съ вина, водки, табаку, производимыхъ въ странѣ, если допустить ввозъ табаку, водки и вина заграничнаго производства? Не значило бы это пожертвовать внутреннимъ производствомъ—производству иностранному. «Покуда налоги на потребленіе необходимы будутъ нашимъ бюджетамъ, удержаніе этихъ взиманій внутри страны ведетъ къ необходимости удержать соотвѣтственныя таможенныя пошлины на заграничные продукты того же рода, которые являются на туземный рынокъ. Или же слѣдуетъ предположить, что всѣ государства, по крайней мѣрѣ всѣ государства континента, вступятъ въ соглашеніе, дабы установить совершенно одинаковые внутренніе налоги на потребленіе въ одинаковомъ размѣрѣ, и образовать такимъ образомъ родъ таможеннаго союза, въ которомъ всѣ товары обращаются вполнѣ свободно. Но множество препятствій, возникающихъ вслѣдствіе политическаго положенія разныхъ странъ, вслѣдствіе неравенства въ финансовыхъ потребностяхъ каждаго изъ нихъ, вслѣдствіе различія обычаевъ и вкусовъ, — долго будутъ мѣшать главнѣйшимъ націямъ образовать таможенный союзъ» *).

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что Леруа Болье, какъ и другіе сторонники таможенныхъ союзовъ, смѣшиваютъ истинно свободную торговлю—свободныя границы—съ таможенной конфедераціей. При современныхъ условіяхъ, международная рознь могла бы еще увеличиться, при нарожденіи торговыхъ коалицій, — въ особенности въ Средней Европѣ. Разница заключалась бы лишь въ томъ, что одинъ Zollverein ковалъ бы оружіе противъ другого Zollverein—покуда союзники не

*) La science des Finances. T. I, p. 625.

перессорились бы между собою изъ за таможенной добычи, (что можетъ вызвать войну и между членами Zollverein); одна торгово-политическая коалиція будетъ грозить другой торгово-политической коалиціи, совершенно на подобіе того, какъ теперь тройственный союзъ куетъ оружіе противъ двойственнаго. Обратимся теперь къ тому конкретному вопросу, который ставитъ авторъ «Lu science des Finances».

Въ былое время акцизы въ Англіи представляли длинный списокъ товаровъ. Обложены были даже кожа, свѣчи, кирпичи, стекло, бумага, мыло. Рядомъ реформъ, эти налоги были отмѣнены и теперь тотъ, кто искалъбы въ дѣйствующемъ тарифѣ Англіи пошлинъ, обезпечивающихъ соотвѣтственные внутренніе налоги— найдетъ одинъ продуктъ—спиртъ, его суррогаты и вещества его содержащія. Остальные товары, платящіе пошлину никакъ не могутъ сюда относиться, ибо не производятся въ Англіи, таковы: табакъ, чай, виноградное вино, коринка, виноградъ, кофе, цикорій, какао, фрукты. Если исключить акцизное обложеніе спирта и табака (изъ коихъ первый давалъ въ таможняхъ въ 1893 г. 4.346,800 ф. ст., а второй 10.312,124 ф. ст. оба вмѣстѣ свыше 70% таможеннаго дохода), то вся акцизная система Англіи можетъ остаться незыблемой, а лишь таможенные доходы уменьшатся на 20 — 25% (отъ 4-хъ до 5 милліоновъ ф. ст.). Налоги на туземное производство спирта, водки, солода и пива - могутъ взиматься по прежнему. Табакъ тогда остался бы единственнымъ не акцизнымъ, а таможенно-пограничнымъ объектомъ обложенія. Всѣ другіе косвенные налоги Англіи (licences, patents) такъ незначительны, напримѣръ съ ювелирныхъ издѣлій, что всѣ вмѣстѣ доставляютъ немного болѣе 3.000,000 ф. ст.; въ послѣднее время большая ихъ часть предоставлена мѣстнымъ общиннымъ и городскимъ бюджетамъ.

Акцизная система Франціи отличается отъ англійской прежде всего особенностями налога на виноградное вино. Громадныя площади страны засажены виноградниками. Таможенная пошлина съ вина даетъ 25.000,000 фр., внутренній акцизъ въ пять разъ больше. Затѣмъ на сѣверѣ—напитки изъ яблокъ и грушъ также обложены акцизомъ. Культура табаку обширна, но составляетъ, вмѣстѣ съ его розничной и оптовой продажей, монополію государства и даетъ свыше 300 милліоновъ чистаго дохода; ввозъ заграничнаго табаку конечно вовсе запрещенъ; только для личныхъ надобностей туристовъ допускается небольшое количество. Монополія установлена и для спичекъ. Введенный послѣ войны акцизъ на бумагу отмѣненъ въ 1886 году,—но соляной налогъ сохраняется. Кофе и какао даютъ свыше 100.000,000 франковъ. Сахаръ иностранный платитъ пошлину; сахаръ туземный (свекловичный) обложенъ акцизомъ.

Допустимъ, что даже Англія затруднится обойтись въ ближайшемъ будущемъ безъ акцизныхъ сборовъ. Согласимся, что для Франціи они еще долго будутъ необходимы. Пусть и другія государства затруднятся замѣнить обильный источникъ – налоги на внутреннее потребленіе. *Но мы утверждаемъ*, что *акцизы*, нужны они или нѣтъ для бюджетнаго равновѣсія — *могутъ давать большіе доходы — безъ соотвѣтственнаго пограничнаго взиманія.*

Налоги на колоніальные товары слѣдуетъ прежде всего вычеркнуть изъ таможеннаго тарифа. Сборы съ кофе, чая, какао могутъ очевидно взиматься внутри страны и вовсе не требуютъ пограничнаго кордона со всякими его аттрибутами. При *умѣренномъ* налогѣ достаточно будетъ патентнаго сбора—за право торговли, нѣкотораго надзора за складами и бандерольныхъ обложеній. При *тяжеломъ* налогѣ тайная продажа все-же не будетъ вредить фиску больше нынѣшней погранич-

ной контрабанды. На помощь контролю явится: во первыхъ статистика грузового движенія по желѣзнымъ дорогамъ и по водянымъ путямъ; во вторыхъ даровой надзоръ конкурентовъ. Тотъ, кто выписалъ бы значительную партію кофе, шоколада или чая и продавалъ тайно безъ бандероли, имѣлъ бы мало шансовъ скрыть свой обманъ. Громадность риска (конфискація, закрытіе торговли) окупалась бы только при такомъ налогѣ, при которомъ не помогла бы и бдительность пограничной стражи.

Если такимъ образомъ исключить колоніальные товары, то списокъ товаровъ, требующихъ съ перваго взгляда пограничнаго обложенія, будетъ не длиненъ: къ двумъ англійскимъ доходнѣйшимъ налогамъ: спиртнымъ жидкостямъ и табаку придется прибавить немного. Нельзя забывать, что теперь таможенныя пошлины входятъ вездѣ въ акцизную систему главнымъ образомъ потому, что таможенное взиманіе представляетъ уже готовое установленіе.

Питейные законы во Франціи служатъ наглядным доказательствомъ полной возможности обойтись безъ содѣйствія таможень въ сложномъ дѣлѣ акцизнаго обложенія.

При существованіи во Франціи мелкой земельной собственности и обширной площади, засаженной виноградниками, приходится имѣть дѣло съ нѣсколькими сотнями тысячъ производителей вина. Непосредственный акцизный надзоръ былъ бы черезъ чуръ отяготителенъ и для казны и для плательщиковъ. Поэтому вино облагается или регистрируется *лишь при всякой продажѣ и при всякомъ передвиженіи* и кромѣ того при ввозѣ въ городъ и селенія свыше 4.000 жителей (что не слѣдуетъ смѣшивать съ octroi и съ особымъ взиманіемъ патентнаго сбора). Разберемъ особо, на сколько каждое изъ этихъ обложеній потеряетъ отъ

упраздненія таможень и свободнаго ввоза иностраннаго вина въ «отечество шампанскаго и лафита».

Налогъ при передвиженіи вина, dr. it de circulation, есть обложеніе всякаго крупнаго заготовленія, всякаго запаса вина, сдѣланнаго потребителями. Чтобы обезпечить поступленіе этого налога-перевозка вина (и всѣхъ вообще крѣпкихъ напитковъ) подвергается особой формальной процедурѣ; въ акцизную контору должно быть подано объявленіе, въ которомъ показано количество, родъ и качество перевозимаго напитка, мѣсто отправленія и мѣсто назначенія, имена, фамиліи и адреса отправителей, перевозчика и адресата. Сколько бы перевозокъ не пришлось на долю одной и той же партіи вина, формальность эта должна быть строго выполнена (хотя налогъ конечно взимается только однажды). Послѣдствіемъ подачи объявленія (за вѣрность котораго отвѣтственность полагается весьма строгая подъ опасеніемъ конфискаціи и большого штрафа) является выдача свидѣтельства (expédition), безъ котораго перевозить строго воспрещено. Только дорожная провизія — не болѣе трехъ бутылокъ на человѣка—избавлена отъ формальностей. Кромѣ того, въ силу обычая и снисходительности властей, не препятствуютъ мелочнымъ покупкамъ вина передвигаться «въ видѣ ручной клади». Всѣ же партіи *свыше 25 литровъ* оплачиваются droit de circulation. Меньшее количество обложено налогомъ на розничную продажу, налогомъ именуемымъ droit du detail.

Совершенно ясно, что для droit de circulation таможни имѣютъ число вспомогательное значеніе. Иностранное вино, свободно проникшее въ страну, не будетъ имѣть возможности, безъ большого риска, какъ и туземное, перевозиться складываться и потребляться, не выбирая акцизнаго проходного свидѣтельства — expédition. Въ сущности иностранцамъ — импортерамъ гораздо труднѣе избѣгнуть налога, чѣмъ французамъ, ибо первые будутъ

имѣть ограниченное число дорогъ; вторые везутъ свой продуктъ изъ многихъ тысячъ пунктовъ.

Пограничный кордонъ для этого налога потому еще не имѣетъ значенія, что размѣръ взиманія мѣняется, смотря по мѣстности. Иностранныя вина никакъ не избѣгнутъ платежа налога, такъ какъ даже мѣстныя отправки вина между прессомъ и погребомъ или между погребами одного владѣльца должны производиться не иначе какъ съ обязательной (хотя и даровой) *акцизной накладной*. Такія перевозки ограничены *предѣлами общины и кантона*, границы которыхъ не усѣяны вѣдь кордонными пунктами, между тѣмъ эти мѣстныя границы имѣютъ не меньшее значеніе для акцизнаго вѣдомства, чѣмъ границы съ Италіей, Германіей, Испаніей, откуда можетъ явиться импортъ вина.

Продажа мелочная уплачиваетъ, какъ сказано, раздробительный акцизъ, droit du détail. Всѣ содержатели винныхъ лавокъ, гостинницъ, всѣ мѣста, гдѣ можно получать кушанье обязаны: 1) имѣть вывѣску, 2) объявить о днѣ, съ котораго начнется продажа и 3) указать количество, родъ, цѣну напитковъ. Чтобы установить количество проданныхъ питей, записывается всякое поступленіе. Акцизные чиновники имѣютъ право свидѣтельствовать погреба. Боченки съ виномъ штемпелюются. Все израсходованное подлежитъ налогу за исключеніемъ испорченныхъ или пропавшихъ (то и другое нужно доказать) утечки и собственнаго потребленія. Если же въ погребѣ окажется лишнее, не объявленное вино – это признается признакомъ тайной, безакцизной продажи и подлежитъ конфискаціи, штрафамъ и т. подобн. Сущность раздробительнаго обложенія продажи вина не измѣнилась бы съ пропускомъ заграничныхъ питей безъ досмотра и тарифа. Продавать заграничное вино безъ налога нельзя.

Если и допустить, что фискъ потеряетъ два, три много четыре милліона франковъ отъ того, что малыя партіи иностраннаго вина, привозимыя тайно для себя избѣгнутъ dtoit du détail, то ущербъ окупится уже однимъ сокращеніемъ издержекъ на таможенный надзоръ и пограничную стражу.

Еще есть акцивъ droit d'entrée. Очевидно, что для этого налога совершенно безразлично «происхожденіе» вина, сидра, и т. под., для которыхъ въ зависимости отъ многолюдности городовъ и селеній (неодинаково въ разныхъ департаментахъ) установленъ двадцать одинъ классъ отъ сорока сантимовъ до трехъ франковъ съ виноградныхъ продуктовъ и отъ тридцати пяти сантимовъ до одного франка двадцати пяти сантимовъ съ яблочныхъ (сидра).

Наконецъ licences, патентный сборъ за право питейной торговли, вовсе не имѣетъ никакого отношенія къ таможеннымъ взиманіямъ.

Спиртъ и крѣпкіе напитки *во всѣхъ странахъ* находятся въ тѣхъ же естественныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится виноградное вино въ южной половинѣ Франціи. Что для виннаго акциза представляетъ виноградники и фруктовые сады, то для водочнаго и пивного налога—поля ржи, пшеницы, ячменя, овса, картофеля *). Путемъ не хитрыхъ манупуляцій зерно и корнеплоды превращаются въ спиртные напитки разныхъ сортовъ. Право варить водку, брагу, пиво, еще въ прошломъ вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматривалось, какъ естественное право каждаго земледѣльца. Рисовыя плантаціи на экваторѣ и ячменныя поля подъ полярнымъ кругомъ одинаково угрожаютъ акцизнымъ порядкамъ. Опасность, которую стремятся устранить «соот-

*) А для солянаго налога—всѣ моря и океаны. Тамъ, гдѣ сохранился этотъ налогъ довольно зачерпнуть морской воды и начать ее кипятить, чтобы совершить контрабанду.

вѣтственной» пошлиной на заграничный спиртъ, основана на бюрократической косности и на недоразумѣніи. Акцизы различны въ разныхъ государствахъ; но и въ предѣлахъ одного государства они различны значительно. Въ Англіи акцизъ доведенъ до 477 франковъ съ гектолитра, 252 фр. въ Голландіи, 390 франковъ въ Россіи (1891 г.), 245 фр. въ Соединенныхъ Штатахъ, 240 фр. въ Канадѣ, 187 фр. въ Норвегіи. Во Франціи со всѣми дополнительными и мѣстными обложеніями акцизъ выразится: въ 266,05 фр. для Гавра и Руана, 222 фр. въ Брестѣ, 218 фр. въ Ліонѣ и т. д. Во всякой странѣ, гдѣ есть городскія пошлины, акцизъ мѣняется. Водка, выдѣланная въ «дешевомъ» департаментѣ Франціи, также грозитъ казенному доходу, какъ и выдѣланная въ Норвегіи.

Табачная государственная монополія принята во Франціи, Италіи, Австріи, Испаніи, Турціи. Въ другихъ странахъ налоги на табакъ весьма велики. Въ Англіи запрещеніе культуры табака постановлено въ связь съ «пограничнымъ акцизомъ»: весь доходъ получается въ видѣ возной пошлины.

Тамъ, гдѣ введена монополія, интересы фиска могутъ быть охранены очень хорошо безъ содѣйствія таможень. Тридцать три тысячи buraux de tabac, казенныхъ лавочекъ, представляютъ въ сущности столько же инспекторскихъ участковъ, на которые раздѣлена Франція. Эти «инспектора» не допустятъ контрабанды и они же замѣтятъ измѣну въ своей средѣ. Пограничное обложеніе поражаетъ только «собственное потребленіе», а не продажу. Отмѣна таможни уменьшитъ табачный доходъ на самую скромную сумму. Международныя мелкія посылки и теперь de facto не контролируются въ государствахъ Средней Европы. А для перевозки крупныхъ партій достаточно установленіе чего либо

въ родѣ «droit de circulation», чтобы кліентура debits de tabac не уменьшилась.

Повторяемъ *при умѣренномъ бандерольномъ налогѣ, отъ него ускользнетъ небольшая часть товара: при высокомъ — современный способъ прорыва пограничныхъ кордоновъ дастъ безусловно большій убытокъ фиску.*

Съ упраздненіемъ таможень во всѣхъ странахъ, гдѣ учреждена монополія фабрикаціи и продажи, конечно придется ввести надлежащія измѣненія въ способѣ взиманія налога.

Въ Англіи придется ввести сборъ патентный и бандерольный, отмѣнивъ позорный законъ запрещенія табачной культуры.

Одной десятой доли той изобрѣтательности, остроумія и терпѣнія, которыя проявлены при учрежденіи таможень, достаточно было бы для изысканія способовъ ихъ замѣны — для цѣлей акцизныхъ взиманій.

Англія отмѣнила акцизъ съ сахара. Весьма желательно было бы, чтобы и другія страны, при первой возможности, послѣдовали ея примѣру. Удешевленіе сахара увеличило бы потребленіе кофе, чая, шоколада. Помимо финансовой компенсаціи явилась бы и этическая выгода: «естественное» сокращеніе пьянства среди народной массы — безъ помощи драконовскихъ мѣръ, нарушающихъ личную свободу.

Въ исторіи девятнадцатаго вѣка сахаръ займетъ первое мѣсто среди продуктовъ, производство которыхъ вызвало рядъ нелѣпыхъ законовъ. Сахарный тростникъ и свекла какъ будто предназначались для обнаруженія полной несостоятельности фискально-протекціонныхъ настроеній, основанныхъ на таможенной панацеѣ.

Въ послѣднее время на континентѣ Европы заботы о сахарной промышленности породили рядъ совершенныхъ несообразностей. Франція, Германія,

Австрія, Россія каждая въ отдѣльности стремится слѣдовать нѣкоторой системѣ. Въ совокупности создается безъисходная путаница, всѣмъ убыточная. Акцизы, тарифы, вывозныя преміи, регулированіе производства имѣютъ заманчивую, но сложную цѣль: обогатить фискъ, поднять туземную промышленность, подорвать иностранную, доставить потребителямъ дешевый продуктъ. На самомъ дѣлѣ фискъ недосчитывается многихъ милліоновъ предвидѣннаго дохода, жалобы на раззореніе отечественныхъ заводовъ не прекращаются, потребители переплачиваютъ. Кажется единственной „свѣтлой страною“ картины являются эпизодическіе, но весьма крупные барыши синдикатовъ, да выкармливаніе англійскихъ свиней русскимъ премированнымъ сахаромъ. Трудности эти и противорѣчія исчезнутъ, когда сахарный акцизъ начнутъ разсматривать какъ умѣренный налогъ на потребленіе, а таможенный тарифъ замѣнять инымъ болѣе достойнымъ современнаго государства способомъ содѣйствія народному производству.

Какъ не велико заблужденіе Леруа-Болье въ сужденіи о возможности политическихъ послѣдствій объединенія всемірнаго рынка,—все искупается свѣтлыми его взглядами на политическія послѣдствія свободнаго обмѣна.

«Несомнѣнно, говоритъ онъ, Англія являлась до 1815 года самой воинственной на свѣтѣ націей; въ 1854 году она еще разъ впала въ старый грѣхъ. Но за тѣмъ въ теченіи сорока слишкомъ лѣтъ ея международная торговля сдѣлала ее націей, самой миролюбивой изъ всѣхъ» *).

*) Тамъ же стр. 117.

Насколько этотъ взглядъ расходится съ ходячимъ мнѣніемъ, видно, между прочимъ, изъ мнѣнія И. И. Янжула о воинственности Англіи *).

«Система свободной торговли столько же мало (какъ протекціонизмъ) обезпечиваетъ общій миръ, доказательствомъ чему служитъ Англія, которая несмотря на принятіе этой системы почти не пропускаетъ года безъ какой нибудь войны въ томъ или другомъ уголкѣ свѣта».

Войны, въ которыхъ повинна Англія послѣ Парижскаго мира—заключаются въ экспедиціяхъ противъ африканскихъ дикарей, горныхъ племенъ Индіи, махдистовъ въ Суданѣ. Если бы вмѣсто Франко-Германской войны предпринято было двадцать походовъ вродѣ войны съ ашантіями, то 1870—1871 годы считались бы временемъ полнаго мира. Никто не относитъ завоеваній Кохинхины и взятіе Пекина къ воинственности Наполеона III. Считается, что Россія съ 1856 по 1877 годъ наслаждалась полнымъ миромъ, хотя до 1864 года гремѣли пушки на Кавказѣ, а наступленіе въ Среднюю Азію продолжалось съ малыми перерывами. Тунисъ, Дагомея, Мадагаскаръ, даже злополучный Тонкинъ не лишили третью республику репутаціи миролюбія. Подвиги майора Виссмана въ Восточной Африкѣ совершались одновременно съ мирными завѣреніями въ Рейхстагѣ.

При громадной морской силѣ, при обладаніи неистощимыми денежными рессурсами, при полной безопасности своего островнаго положенія, Англія, обладая чрезвычайнымъ военнымъ могуществомъ, въ рѣшительную минуту проявляетъ отвращеніе отъ ultimo ratio какая бы партія не была во власти, какой бы министръ не былъ совѣтникомъ королевы Викторіи. Расчлененіе

*) Основныя начала финансовой науки изд. 1896, стр. 368

Даніи, объединеніе Италіи, разгромъ Франціи вызывали болѣе, чѣмъ сдержанное участіе Сентъ-Джемскаго Кабинета. Даже въ жизненныхъ вопросахъ дѣла доходили до *бряцанія оружіемъ*, но мечъ оставался въ ножнахъ.

Превращеніе Германіи въ морскую державу, германскія колоніи и мореходныя станціи—не вызывали противодѣйствія со стороны Англіи. Когда же въ Африкѣ принялись размежевываться, то полюбовное соглашеніе между двумя державами ознаменовалось уступкой Германіи—Гельголанда, когда то считавшаго однимъ изъ оплотовъ британскаго могущества. При образованіи государства Конго, англичане не протестовали. Только въ Египтѣ и Капландіи Англія не готова на жертвы, не согласна на скорыя уступки. Суецкій каналъ оберегается ревниво.

Въ 1896 году въ спорѣ съ Соединенными Штатами изъ за Венецуельской границы. отказавшись сначала отъ третейскаго суда, въ данномъ случаѣ весьма умѣстнаго, Англія уступила затѣмъ, поплатившись нѣсколькими днями биржевой паники.

Много содѣйствуя миру, англійская система давала бы еще болѣе умиротворенія, если бы была полнымъ, искреннимъ проведеніемъ принциповъ свободнаго обмѣна *).

Еслибы автономные тарифы британскихъ колоній упразднены были вмѣстѣ съ пограничными акцизами метрополіи и границы всей Имперіи стали свободны, тогда англійскій флотъ пересталъ бы внушать кому либо опасенія. Вѣроятность войны весьма уменьшилась бы и превратилась бы въ нуль, если бы всѣ дер-

*) Трансвальская война 1899 года, столь чреватая бѣдствіями и жертвами подтвердила чрезвычайную опасность закрытой границы и искусственнаго экономическаго обособленія двухъ сосѣднихъ странъ.

жавы послѣдовали благому примѣру. Единственныя военныя операціи состояли бы въ походахъ (все болѣе рѣдкихъ) противъ дикихъ племенъ и постепеннаго усмиренія полуварварскихъ государствъ. Миръ упрочился бы между цивилизованными народами безъ громкихъ провозглашеній, безъ торжественныхъ трактатовъ, мало по малу установилась бы незыблемая гармонія между самобытными соціальными организмами, гармонія, которая является естественнымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всемірной кооперації.

Чтобы побороть косность человѣческой мысли, чтобы найдти новый и лучшій путь для сознательнаго соціальнаго совершенствованія, нужно много знанія, много труда и рѣшимости. Въ этомъ отношеніи замѣчательны и поучительны слова Бокля и Генри Джоржа.

«Чтобы мыслитель *), довершилъ свой трудъ съ успѣхомъ, то онъ конечно, долженъ посвятить всѣ свои силы на одно предпріятіе, отложивъ всякое честолюбіе и пожертвовавъ дѣлу многимъ изъ того, чѣмъ люди вообще дорожатъ. Онъ долженъ отказаться отъ многихъ изъ пріятныхъ побужденій къ дѣятельности. Не для него награды, которыя получилъ бы онъ, отдавшись съ тою же энергіей другому поприщу; не для него сладость общественнаго одобренія; не для него пышность власти; не для него участіе въ совѣтахъ страны; не для него высокія и почетныя мѣста въ глазахъ общества. Какъ бы онъ ни сознавалъ свои силы, онъ не можетъ принять участія въ великомъ состязаніи; онъ не можетъ надѣяться на побѣду; онъ не можетъ даже насладиться волненіями борьбы. Арена закрыта

*) Ист. цивил. въ Англіи, IV гл., II т.

для него. Его награда въ немъ самомъ; онъ долженъ научиться не думать о другихъ людяхъ и почестяхъ, которыя они могутъ раздавать. Не помышляя объ этомъ, онъ долженъ скорѣе готовиться къ клеветѣ, ожидающей тѣхъ, кто, давая начало новымъ мыслямъ, оскорбляетъ предразсудки своихъ современниковъ. Когда его обвиняютъ въ невѣжествѣ и даже хуже, чѣмъ въ невѣжествѣ; когда перетолковываютъ его побужденія; заподозрѣваютъ его честность; обвиняютъ его въ отрицаніи значенія нравственныхъ началъ, въ нападкахъ на основы всякой религіи, какъ будто онъ былъ врагъ общества, поставившій себѣ цѣлью развратить его и находящій удовольствіе въ созерцаніи зла, имъ сдѣланнаго; когда все это возводится на него и передается изъ устъ въ уста, онъ долженъ быть способенъ въ тиши продолжать свой путь, не отклоняясь, не останавливаясь, и даже не сворачивая съ тропы своей для того, чтобы выслушать гнѣвные крики, которые онъ не можетъ не услышать и которые, какъ человѣкъ, не можетъ не желать утишить».

Въ своемъ, Progress and Poverty Генри Джорджъ намекаетъ на подобный же, еще болѣе печальный удѣлъ (кн. II, гл. III).

«Когда человѣкъ развилъ въ себѣ благородныя побужденія — рождается высокій талантъ, страсть изъ страстей, надежда изъ надеждъ, стремленіе къ тому, чтобы онъ, человѣкъ, могъ бы сдѣлать жизнь лучше и прекраснѣе, уничтожая нужду и преступленія, печаль и позоръ. Онъ подавляетъ и подчиняетъ свои тѣлесныя потребности, отворачивается отъ радостей и отказывается отъ власти, онъ оставляетъ другимъ старанія о накопленіи богатствъ, удовлетвореніи пріятныхъ прихотей, пользованіе солнечнымъ тепломъ нашего краткаго дня. Онъ работаетъ для тѣхъ, кого не видитъ никогда и никогда не увидитъ, онъ стремится къ славѣ

или лишь къ тому, чтобы ему отдали должное долго спустя послѣ того, какъ комья земли застучатъ объ его гробъ. Онъ работаетъ для прогресса въ той средѣ, гдѣ холодъ царствуетъ, гдѣ нѣтъ сочувствія людей, гдѣ камни остры и гдѣ тернія колючи. Среди переносимыхъ въ настоящемъ издѣвательствъ и шутливыхъ насмѣшекъ, рѣжущихъ подобно ударамъ ножа, онъ строитъ для грядущаго. Онъ намѣчаетъ тропу, которую человѣчество, преуспѣвая, превратитъ позже въ большую дорогу».

Сравнивая судьбы Бокля и Джорджа, можно видѣть, что на долю послѣдняго, одновременно мыслителя и трибуна, ученаго и публициста, выпало больше испытаній и невзгодъ; за то и дѣятельность его богаче результатами. Кабинетному труженику конечно не легко выносить нападки и клеветы. Но за нимъ остается неоцѣненное преимущество—избавить себя отъ личнаго соприкосновенія съ врагами и льстящами кретинами; онъ можетъ укрыться отъ непріятныхъ противниковъ, отъ назойливыхъ сторонниковъ.

Выстрадавъ горечь, которую причиняютъ невѣжество и косность современниковъ, онъ сохраняетъ невозмутимое достоинство среди своихъ книгъ и рукописей.

Но уберегая себя отъ тягости житейскихъ треволненій, мыслитель лишаетъ себя такого матеріала, такого источника знанія, которыхъ никакая эрудиція не можетъ замѣнить. Университетская кафедра и диспутъ, публичный митингъ или дебаты въ ученомъ обществѣ, участіе въ повременномъ изданіи и, въ особенности, близкое соприкосновеніе съ народными массами даютъ много такого, чего не найдешь ни въ одной библіотекѣ. По проницательности и талантамъ Джорджъ вѣроятно не превосходитъ Бокля. Но раньше чѣмъ были написаны «Progress and Poverty» и «Protection and

Free Trade», авторъ былъ наборщикомъ, сотрудникомъ газеты, ораторомъ на сходкахъ, безнадежнымъ кандидатомъ на постъ президенда союза. Если бы Бокль зачерпнулъ изъ того же кладезя житейской суеты, откуда Джорджъ испилъ полную чашу, то «Исторія Цивилизаціи въ Англіи» не заключала бы въ себѣ многихъ заблужденій. Процессъ историческій не былъ бы смѣшанъ съ соціальной эволюціей, а фритредерская доктрина не была бы понимаема въ смыслѣ полной экономической бездѣятельности государства.

Выводамъ Джорджа, основаннымъ на широкомъ соприкосновеніи съ общественной жизнью, можно сдѣлать другой упрекъ. Автору не доставало знакомства съ условіями промышленной и торговой иниціативы. Онъ изучилъ индивидуальныя и коллективныя условія народной жизни, но имѣлъ небольшое, чисто книжное, познаніе въ технической и административной сторонѣ производства. Онъ знаетъ работника, но не знаетъ фабриканта; знаетъ земледѣльца-поденщика, не знаетъ плантатора, банкира, биржевика.

Леруа-Болье по разносторонности матеріаловъ настолько же выше Джорджа, насколько послѣдній выше Бокля. Изъ цитированныхъ выше словъ введенія въ «Политическую Экономію» видно, что многолѣтнее личное участіе Леруа Болье въ разнообразныхъ предпріятіяхъ дало ему громадный запасъ непосредственныхъ наблюденій. Колоссальная, исчерпывающая эрудиція, соединенная съ многообразнымъ житейскимъ опытомъ, надѣлила его безпримѣрнымъ знаніемъ большинства родовъ производства. Онъ экономистъ и техникъ одновременно. Онъ знаетъ всѣ цѣны, особенности выдѣлки, условія перевозки и сбыта сырья, полуфабрикатовъ, готовыхъ издѣлій.

Его выводы о переложеніи налоговъ и о вліяніи тарифовъ покоятся на всеобъемлющемъ основаніи.

Чтобы собрать такой матеріалъ, на который намъ придется еще ссылаться въ послѣдующемъ изложеніи, приходится часто покидать тихій рабочій кабинетъ и молчаливыхъ „вѣрныхъ друзей на книжныхъ полкахъ“; приходится выйдти на широкую арену, полную досадныхъ невзгодъ; мало того приходится стать тѣмъ, что называется дѣловымъ коммерческимъ человѣкомъ.

Нельзя при этомъ обращаться въ дѣльца. Никто не дастъ этого имени творцу „Финансовой Науки“ и «Теоретическаго и практическаго трактата о политической экономіи». Десятой доли его способностей и трудолюбія было бы достаточно для накопленія громаднаго состоянія. Для этого необходимо было бы сосредоточиться на одной или двухъ промышленныхъ или торговыхъ спеціальностяхъ. На самомъ дѣлѣ безсмѣнный редакторъ «Economiste français», не покидая ученыхъ трудовъ профессорской кафедры, собираетъ данныя и свѣдѣнія какъ землевладѣлецъ, заводчикъ, акціонеръ. Очевидно онъ не всегда былъ въ прибыли; терялъ или выигрывалъ онъ въ суммѣ богатства—имъ накапливалось знаніе, которое теперь ставитъ его выше всѣхъ экономистовъ современнаго историко-статистическаго направленія въ политической экономіи.

Воздержаніе отъ обогащенія конечно наименьшее изъ испытаній, ожидающихъ ученаго на этомъ поприщѣ, гдѣ званіе промышленника и финансоваго дѣльца служитъ только средствомъ пополненія эрудиціи. Хуже всего—необходимость вращаться въ средѣ, гдѣ большинство отличается отталкивающими свойствами. Если «хожденіе въ народъ» даетъ столько горечи и разочарованій, то что сказать о разныхъ наслоеніяхъ денежной знати? Всѣ великіе недостатки родовой аристократіи безъ ея достоинствъ; тупоумное поклоненіе успѣху; постоянныя посягательства на государственное достояніе; безсердечное отношеніе къ зависимымъ, – все

это приходится встрѣчать каждый день въ дѣловыхъ кабинетахъ и совѣщательныхъ комнатахъ, въ большихъ и малыхъ храмахъ златого тельца. Недаромъ достались знаменитому экономисту его громадныя знанія. Ему приходилось переживать, съ его тонкимъ умомъ и гуманнымъ сердцемъ, не мало тяжелыхъ минутъ.

Одна сторона человѣческой дѣятельности осталась имъ незатронутой. Если онъ, сдѣлавъ такъ много, не сдѣлалъ больше, виною этому одинъ великій пробѣлъ въ его опытныхъ данныхъ, пробѣлъ, котораго онъ не позаботился заполнить. Онъ, авторъ «l'Etat moderne et ses fonetions» мало знакомъ съ ходомъ правительственной дѣятельности. Только изъ книгъ и газетъ онъ позналъ свойствахъ административнаго механизма. Самъ онъ, мыслитель профессоръ, публицистъ, коммерсантъ — не счелъ нужнымъ хотя бы на нѣсколько лѣтъ, хотя бы съ перерывомъ, ознакомиться, при помощи личнаго участія, съ ходомъ государственнаго управленія. Онъ никогда не былъ депутатомъ, членомъ правительственныхъ установленій, не занималъ никогда ни въ одномъ министерствѣ ни большого, ни малаго казеннаго мѣста.

Много ошибокъ и недомолвокъ, заблужденій Леруа-Болье объясняется такимъ пробѣломъ въ его жизненномъ опытѣ. Его странныя, противорѣчивыя, спутанныя воззрѣнія на предѣлы государственной иниціативы происходятъ просто отъ невѣдѣнія. Ему неизвѣстны ни сила, ни слабость административнаго механизма.

Правда, присоединеніе къ полю изслѣдованія дѣйствительнаго ознакомленія съ дѣлами государственнаго управленія не только увеличиваетъ сумму труда, но и усугубляетъ тѣ душевныя тягости о которыхъ съ горечью говорятъ Джорджъ и Бокль. За длинный рядъ годовъ приходится защищать свой досугъ и свои умственныя силы отъ поглощенія текущими требованіями формальныхъ обязательствъ. Иначе не останется

времени для пополненія эрудиціи. Приходится, вызывая кругомъ недоумѣнье, разнообразить свое участіе въ государственной службѣ. Приходится прерывать періодически привычныя иногда и завлекательныя обязанности, чтобы предаться тому роду служебной дѣятельности, которая знакомитъ съ разными развѣтвленіями народнаго производства. Наконецъ въ тотъ моментъ, когда послѣ пережитыхъ перепетій, открывается возможность широкой и почетной дѣятельности, необходимо рѣзко порвать со всѣмъ и уединиться съ собраннымъ богатымъ матеріаломъ. Не безъ тяжелой внутренней борьбы дается этотъ переходъ.

Награда побѣдителю въ такой борьбѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оказывается однако достаточной, чтобы возмѣстить перенесенныя тягости. При достаточномъ вниманіи и настойчивости, раскрываются какъ фактическія такъ и потенціальныя свойства административныхъ органовъ. Что государство не должно дѣлать, что оно сдѣлаетъ съ успѣхомъ, что оно способно сдѣлать въ будущемъ — все это будетъ усвоено твердо и сознательно. Не въ видѣ абстрактной идеи предстанетъ государственная власть и иниціатива, а въ своихъ дѣйствительныхъ свойствахъ, какъ сила послушная въ одномъ отношеніи, инертная въ другомъ. Выясняется образъ не прежняго, а современнаго государства, крѣпко спаяннаго новѣйшими способами сношенія и передвиженія и до крайности чувствительнаго къ любымъ перемѣнамъ, интеллектуальнымъ и экономическимъ, за его предѣлами.

Кто не уклонялся ни отъ одного изъ указанныхъ источниковъ познанія, тотъ можетъ попытаться создать гармоничную систему мирнаго развитія многихъ самобытныхъ соціальныхъ организмовъ и найдти и указать вѣрный путь, на которомъ новѣйшія общественныя силы и міровыя теченія будутъ не сталкиваться, а

слагаться, и вмѣсто того, чтобы нейтрализироваться въ борьбѣ—взаимно увеличиваться въ союзѣ. У такого изслѣдователя соціальныхъ феноменовъ получится твердая увѣренность и явятся свѣтлыя надежды. Увѣренность въ томъ, что требованія жизни не пойдутъ въ разрѣзъ съ его ученіемъ, а близорукая косность не будетъ имѣть права противопоставить свой опытъ и свои знанія его выводамъ. Его свѣтлой надеждой будетъ наступленіе мирной, легальной, но глубокой перемѣны въ соціальныхъ и международныхъ отношеніяхъ, когда всесвѣтная непрерывная кооперація заступитъ мѣсто глухой борьбы, чередующейся съ насильственными посягательствами на жизнь личную и на жизнь народную.

ГЛАВА IX.

Заблужденія фритредеровъ и протекціонистовъ.

Свободное общеніе цивилизованныхъ народовъ, какъ единственный путь къ полному и ненарушимому миру, не разъ провозглашалось, какъ мы видѣли, сторонниками свободной торговли, такъ называемыми фритредерами; всегда впрочемъ въ видѣ добавочнаго блага. Ближайшимъ послѣдствіемъ фритредерскихъ тарифовъ должно было явиться богатство, расширеніе производства; миръ являлся болѣе отдаленнымъ результатомъ.

Генезисъ идеи свободнаго общенія и внимательное наблюденіе экономическихъ послѣдствій переворота седьмого десятилѣтія XIX вѣка, показываетъ, что вѣчный миръ требуетъ установленія гораздо болѣе широкаго начала, а не одного преобладанія извѣстной фритредерской концепціи.

Непобѣдимая логика фактовъ ставитъ экономическому укладу политическія задачи.

Тѣ формы, въ которыхъ проявляются двѣ противоположныя доктрины — для большинства государствъ покровительственный тарифъ, для меньшинства — фискальныя пошлины, одинаково не въ состояніи обратить антагонизмъ народовъ въ гармоническое соревнованіе.

Нѣтъ никакой необходимости выслушивать фритредеровъ, чтобы констатировать, съ полной убѣдительностью, какъ раззорительны запретительныя, покрови-

тельственныя, охранительныя и поощрительныя обложенія ввозныхъ товаровъ. Довольно общепризнанныхъ, неотрицаемыхъ самими протекціонистами, явленій и вліяній, достаточно такихъ сужденій, которыя для настоящей степени экономическаго развитія успѣли обратиться въ общія мѣста.

Потребители переплачиваютъ. Переплаты велики и падаютъ на самыя насущныя потребности. Чтобы бороться съ заокеанскимъ хлѣбомъ, мясомъ, шерстью и съ англійской мануфактурой, оклады тарифа должны быть весьма значительны, ибо цѣлью ставится отрицательная компенсація: сведеніе къ нулю громадныхъ успѣховъ, достигнутыхъ примѣненіемъ современной техники къ дѣвственной почвѣ. Пошлина — «борется» съ массовой постройкой рельсовыхъ путей, портовъ, элеваторовъ, съ удешевленіемъ морскихъ фрахтовъ, съ созданіемъ Суэзскаго пути. Посредствомъ таможеннаго обложенія *поднимается* цѣна издѣлій, для *удешевленія* которыхъ прилагались геній, изобрѣтательность и лучшія силы многихъ поколѣній. Размѣръ переплаты поэтому весьма великъ, ибо въ цифрахъ суммируетъ иностранную предпріимчивость и туземную косность. Въ Россіи ставки въ 100% и выше встрѣчаются часто. Чугунъ, сталь, стальныя издѣлія, ткани обходятся болѣе чѣмъ вдвое, благодаря пошлинамъ. Переплаты потребителей, повинуясь закону переложенія косвенныхъ налоговъ, всегда превышаютъ тарифныя поступленія. За товаръ, стоящій франкъ, казна возьметъ пошлины франкъ, а потребитель заплатитъ всегда больше 2 франковъ.

Производители переплачиваютъ. Фабрикантъ, покупающій сырьё и полуфабрикаты, обложенные пошлиной, не можетъ конкурировать съ иностраннымъ производствомъ, безъ пошлины на готовыя издѣлія. Переплата является и при возможности пріобрѣтенія отечествен-

ныхъ матеріаловъ, ибо ихъ цѣна рѣдко понижается внутренней конкуренціей – при охранительныхъ тарифахъ. А въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда за тарифной стѣной дѣйствительно цѣны упали ниже заграничныхъ (примѣръ — нефтяная промышленность въ Россіи) это явленіе произошло бы и безъ защиты тарифовъ. Вообще только при весьма простомъ тарифѣ, кромѣ Англіи и развѣ Бельгіи нигдѣ не существующемъ, можно было избѣгнуть роковаго столкновенія пошлинъ. Покровительство *всей* промышленности есть абсолютная невозможность; покровительство *большей* части производства трудно исполнимо. Сложная система таможенныхъ ставокъ создаетъ лишь искусственную, болѣзнетворную атмосферу, гдѣ немощная отрасль производства должна преувеличенно бороться не только на счетъ потребителей, но и на счетъ большинства производителей. Отечественное производство въ общемъ страдаетъ отъ пошлинъ, *которыми стремятся восполнить массу бытовыхъ, законодательныхъ и административныхъ изъяновъ.* Ниже мы покажемъ, что съ этими изъянами борьба должна вестись инымъ оружіемъ, а не тарифами.

Потребленіе сокращается. Дань, уплачиваемая деньгами, вслѣдствіе пограничныхъ пошлинъ, представляетъ не единственную и не самую тяжелую невзгоду. Тарифъ на хлѣбъ, скотъ и разные пищевые продукты удорожаетъ пищу именно для тѣхъ, которые, не будучи въ состояніи платить больше, должны ѣсть меньше и хуже. Здоровье населенія страдаетъ. Такое дѣйствіе оказываетъ и искусственное поднятіе цѣнъ на сырье, полуфабрикаты, на ткани, служащіе для одежды. Дороговизна металловъ заставляетъ предпочитать возгораемые матеріалы; отсюда увеличеніе пожаровъ. Высокія цѣны на сахаръ мѣшаютъ борьбѣ съ пьянствомъ, препятствуя замѣщенію алкоголя здоровыми напит-

ками; возрастаетъ преступность. Дороговизна бумаги способствуетъ невѣжеству.

Производство сокращается. Не говоря объ апатіи, которая развивается при отсутствіи иностранной конкуренціи, о стачкахъ, стремящихся держать высокія цѣны и «нормировать» количество продуктовъ, является ущербъ для самыхъ основаній народнаго производства. Удорожаніе необходимѣйшихъ предметовъ для развитія промышленности отзывается на расширеніи и совершенствованіи народнаго труда. Такъ дороговизна предметовъ оборудованія путей сообщенія задерживаетъ устройство желѣзныхъ дорогъ и развитіе судоходства. Земледѣліе, лишенное дешевыхъ путей и машинъ, не можетъ преуспѣвать.

Протекціонисты говорятъ, что при постоянномъ излишкѣ вывоза зернового хлѣба государство будетъ бѣднѣть, вслѣдствіе лишенія части своего постояннаго богатства: плодородныхъ частицъ, не возвращающихся въ почву.

Несостоятельность аргумента прямо вытекаетъ изъ того, что плодородныя частицы все равно не вернутся въ почву —уйдетъ хлѣбъ въ сосѣднюю провинцію или въ сосѣднее государство.

По малой мѣрѣ тридцать лѣтъ въ Россіи, пятьдесятъ лѣтъ въ Америкѣ, болѣе двадцати пяти лѣтъ во Франціи и Германіи и т. д. царитъ «временный» протекціонизмъ. При быстротѣ современный жизни, при часто являющихся техническихъ усовершенствованіяхъ, при чрезвычайной скорости усвоенія новыхъ способовъ обработки — пяти лѣтній періодъ болѣе значитъ въ наше время, чѣмъ двадцатилѣтній промежутокъ въ началѣ XIX вѣка. Между тѣмъ и теперь вездѣ постарѣвшій протекціонизмъ, претендуя на самую нѣжную юность, указываетъ на многіе годы, которые ему остались до зрѣлаго возраста. Странно поэтому ожидать,

чтобы полвѣка спустя старость не мнила себя молодостью. Временныя невзгоды оказываются вѣчными. Вѣчными будутъ и осложненія и вражда между тѣми народами, которые повѣрятъ, что въ близкое и естественное завершеніе, т. е. исчезновеніе протективной системы.

Наиболѣе успѣшныя протективныя комбинаціи оказываются наиболѣе вредными. Радостный крикъ раздается, когда часть пошлины перелагается на иностранцевъ. Выше мы касались уже этого деликатнаго предмета. Переложеніе на иностранцевъ, какъ завѣтная цѣль, какъ сладостное охранительно-фискальное вожделѣніе протекціонистовъ, составляетъ едва-ли не самую характерную черту ихъ дѣятельности. Послѣдствія прискорбны. Не обременяя себя этическими соображеніями, можно положительно утверждать, что каждый милліонъ въ бюджетѣ, уплаченный изъ заграничныхъ источниковъ, каждая фабрика, каждый заводъ, куда заграничный матеріалъ является обремененный налогомъ, вынужденно уплаченнымъ иностраннымъ производителемъ, всегда имѣютъ убыточный эквивалентъ въ соотвѣтственномъ излишкѣ баталіоновъ и броненосцевъ. Чаша вѣсовъ скоро перемѣшивается: военные расходы оказываются тяжелѣе. Худшее предвидится въ будущемъ, когда трудно выносимое бремя вооруженій смѣняется губительнымъ опустошеніемъ кровавой борьбы.

Разныя системы *фискальныхъ* тарифовъ претендуютъ осуществить идею свободнаго обмѣна. Разсматривая современныя фритредерскія мѣры, не какъ доктрину, а какъ конкретные факты мы находимъ въ нихъ мало утѣшительнаго. Насколько неправы протекціонисты, *защищая* свою систему, настолько они часто правы, *нападая* на современныхъ фритредеровъ.

Отмѣна абсолютныхъ запрещеній вывоза и ввоза разныхъ категорій товаровъ, замѣна запретительныхъ

пошлинъ—пошлинами высокими, пониженіе пошлинъ, нѣкоторое упрощеніе тарифа, не разъ спасали цѣлыя страны отъ раззоренія, не разъ предотвращали войны. Если смягченіе невыносимыхъ тягостей и неодолимыхъ преградъ для международнаго обмѣна приписать исключительно фритредерамъ и тогда ихъ заслуги были бы велики. Очевидность однако убѣждаетъ насъ, что переходъ отъ невыносимаго къ трудно-переносимому, отъ гибельнаго къ опасному—происходитъ главнымъ образомъ по другимъ побужденіямъ. Съ торопливостью отступаютъ, находясь на краю пропасти. Для нѣкотораго смягченія обострившагося антагонизма приходится дѣлать уступки. Послѣднее соглашеніе Россіи съ Германіей и другими державами и вообще нѣкоторые позднѣйшіе торговые трактаты даютъ замѣчательные примѣры такихъ компромиссовъ, отвращающихъ надвигающуюся катастрофу,— компромиссовъ, въ которыхъ роль фритредеровъ была ничтожна.

Совокупность фискальныхъ пошлинъ для многихъ производствъ можетъ оказаться равносильной явно протективному тарифу. Если финансовый тарифъ, по многочисленности ставокъ, напоминаетъ *словарь*, то ставки, суммируясь, будутъ чрезвычайно обременительны. Если сырье, топливо, машины, одежда рабочихъ, — обложены *финансовой* пошлиной, итогъ отзывается тяжко на цѣнѣ фабриката. Иногда послѣдній даже не способенъ явиться на свѣтъ, — что бываетъ, когда иностранный готовый продуктъ также долженъ нести свою дань бюджету.

Фискальные тарифы имѣютъ одинъ крупный недостатокъ: они лишены, такъ сказать, откровенности; служа тѣмъ самымъ интересамъ—какъ и протективные тарифы— они лицемѣрно прячутся за великое знамя свободной торговли.

Ошибка фритредеровъ заключается въ непониманіи той непрочности, которою страдаетъ всякая фискально-таможенная система. Даже при весьма малыхъ ставкахъ, даже при исключительно акцизныхъ цѣляхъ—пограничныя обложенія неизбѣжно, какъ показалъ горькій опытъ послѣднихъ десятилѣтій, являются ядромъ, корнемъ болѣзни, которая опасна даже въ зачаточномъ состояніи. Протекціонизмъ дѣйствительно, какъ глубоко вѣрно опредѣлилъ Леруа-Болье—подобенъ заразѣ. Какъ и въ заразѣ—опасность проходитъ только по совершенномъ истребленіи вреднаго начала. Въ противномъ случаѣ тлетворное гнѣздо подымается и расширяется. Аналогія является полною. Довольно сохраненія небольшихъ пошлинъ, чтобы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, посредствомъ шовинистской агитаціи или темныхъ козней фритредерскій тарифъ превращается въ протективный.

Какъ опасны даже акцизныя взиманія показываетъ примѣръ Англіи. Она приняла не абсолютную, а относительную свободу торговли и сочла за лучшее предоставить своимъ колоніямъ право устанавливать таможенные тарифы. Прошло тридцать лѣтъ со времени тарифа Гладстона - и во всѣхъ автономныхъ британскихъ колоніяхъ крѣпчаетъ протекціонизмъ. А въ метрополіи, не смотря на очевидные, насущные интересы народа, выдвигается движеніе, цѣли котораго совпадаютъ съ стремленіемъ поземельной знати и могущественной плутократіи. Лозунгомъ избирается Fair Trade вмѣсто Freé Trade (справедлиная торговля вмѣсто свободной). Иностранцы вводятъ высокія пошлины на англійскія издѣлія. Поэтому, въ видахъ Fair Trade иностранное сырье должно быть вновь обложено на всѣхъ британскихъ границахъ.

Во время юбилея королевы Викторіи лѣтомъ 1897

года собрались въ Лондонъ первые министры англійскихъ колоній.

Патріотическое одушевленіе, славныя воспоминанія, сознаніе племеннаго родства выдвинули вопросъ о болѣе тѣсныхъ узахъ. Проектировалась новая Лига (Britisht Empire Ligue), введеніе общаго законодательства по охранѣ литературной и художественной собственности, объ условіяхъ достиженія гражданскихъ правъ, по торговому судопроизводству и по вексельному праву. Затаенныя мечты скоро однако выяснились. Богатое рессурсами и потребленіемъ Соединенное Королевство представляетъ богатый рынокъ сбыта сырья. Масса хлѣба, скота, шерсти, кожъ, лѣсу идетъ въ Англію изъ ея автономныхъ колоній.

Заокеанскимъ подданнымъ королевы Викторіи кажется обиднымъ, что товары, отправляемые ими на рынки метрополіи и товары, привозимые французами, нѣмцами, голландцами и другими чужеземцами, одинаково пользуются благами фритредерскаго тарифа; обложены лишь чай, кофе, спиртъ, вино, коринка, пиво, солодъ, цикорій и немногое другое. Съ другой стороны фабриканты и заводчики метрополіи жалуются, что автономныя колоніи ввели автономные же тарифы. Надо объединиться. Пусть Англія допускаетъ безпошлинно лишь произведенія своихъ колоній, а на иностранные товары *наложитъ пошлины*. Взамѣнъ британскія колоніи введутъ дифференціальный тарифъ. Малыя ставки или даже нулевыя—будутъ для англійскихъ товаровъ; высокія пошлины для всѣхъ другихъ.

Столь увлекательные проекты на первыхъ же порахъ должны были имѣть дѣло съ препятствіями въ Органическихъ статутахъ британскихъ колоній. А метрополіи придется вернуться къ тарифамъ, которые были сокрушены великими и славными усиліями Anti-Corn Law Ligue. Кромѣ того существуютъ торговые договоры,

гдѣ требуется соблюденіе для иностранныхъ державъ clause de le nation la plus fovorisée; слѣдовательно пока эти договоры дѣйствуютъ, нельзя дать преимущество колоніальному импорту.

«Патріоты» объявили, что препятствія эти чисто формальныя. Статуты колоній можно измѣнить. Торговые договоры можно не возобновлять. Лордъ Салисбюри, послѣ поѣздки Чемберлена въ Канаду, высказался, что готовъ отказаться отъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и Бельгіей.

Кромѣ формальныхъ оказываются препятствія существенныя. Обмѣнъ Англіи съ колоніями значительно меньше обмѣна съ иностранными государствами. Препятствіе во образѣ пошлинъ на иностранный экспортъ и импортъ для большинства производителей отзовется крупнымъ сокращеніемъ оборотовъ. Колоніямъ кромѣ того желательно было бы, чтобы были установлены пошлины на тотъ хлѣбъ и мясо, которые получаются изъ другихъ государствъ. Не обидно ли въ самомъ дѣлѣ, что американская и русская пшеница ничего не платитъ, какъ и остъ-индская, а аргентинское мясо не различается отъ австралійскаго?

Если пошлины будутъ возвышены - хлѣбъ и мясо вздорожаютъ. Слѣдовательно улучшеніе колоніальнаго экспорта отзовется на народныхъ массахъ. Ихъ участь ухудшится вслѣдствіе вздорожанія пищи. Народъ, какъ и торговые классы, долженъ принести жертвы ради блестящаго грядущаго, говорятъ патріоты. Перспективы открываются грандіозныя. При открытіи конгресса представителей торговыхъ палатъ всей имперіи, въ іюнѣ 1896 г. Чемберленъ указывалъ, что связи между Англіей и ея колоніями умножаются и растутъ. Онъ восторгался величественной грезой, «которая очаровала государственныхъ людей какъ въ колоніяхъ, такъ и въ метрополіи». Эта мечта состоитъ въ установленіи такой

уніи, въ которой свободныя государства, пользуясь своими независимыми учрежденіями, были бы объединены, ради защиты общихъ интересовъ и исполненія взаимныхъ обязанностей и были бы привязаны другъ къ другу узами преданности праву и религіи . .

«Установленіе торговой уніи на пространствѣ всей имперіи будетъ не только первымъ шагомъ, но громаднымъ шагомъ, рѣшительнымъ шагомъ къ осуществленію самой высокой идеи, которая когда-либо воодушевляла умъ британскихъ государственныхъ людей».

Идея Чемберлена и колоніальныхъ преміеровъ (канадскихъ и австралійскихъ) дѣйствительно полна *новизной* для Англіи.

Эта страна часто шествовала по пути прогресса медленнѣе другихъ націй. Просвѣтительныя и гуманныя начала усваивались англичанами шагъ за шагомъ, съ компромиссами, ограниченіями, отсрочками. Не разъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, другія націи имѣли основаніе хвалиться такими реформами, которыя для Англіи являлись еще желанной цѣлью, лозунгомъ передовыхъ людей. При всемъ томъ исторія британскихъ статутовъ отличается драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ: Англія никогда не возвращалась вспять. Виги смѣнялись торіями, но реакція въ «континентальномъ» смыслѣ этого слова не наступала. Старый порядокъ уступалъ съ трудомъ мѣсто реформамъ; за то добытыя реформы не брались назадъ. Древнія названія соперничествующихъ партій выходятъ изъ употребленія, появляются консерваторы, либералы, радикалы - имена неизвѣстные Вальполю, Питту, Фоксу и Пилю; но и при новѣйшихъ политическихъ комбинаціяхъ не было мѣста возврату назадъ. Въ избирательныхъ реформахъ, въ судебныхъ законахъ, въ отмѣнѣ гражданскихъ неправоспособностей, въ вопросахъ мѣстнаго управленія,

въ Ирландскихъ билляхъ, въ королевской прерогативѣ — не случалось наблюдать реакціи.

Въ тарифныхъ реформахъ было такое же поступательное движеніе; за исключеніемъ небольшихъ надбавокъ (скоро отмѣненныхъ), явившихся послѣ отставки Гладстона въ 1855 году, пошлины уменьшались, чтобы больше не увеличиваться, отмѣнялись, чтобы не возстановляться. Эти древнія преданія Англіи, предлагается замѣнить новымъ курсомъ «тарифной реакціи».

Грезы могущества, ради которыхъ дѣятели колоніальной Лиги хотятъ навязать метрополіи возвратъ къ протекціонизму скрываются въ туманѣ грядущаго. Немедленно же грозитъ безработица и голодъ. Для возвеличенія барышей заокеанскихъ плантаторовъ, желаютъ, чтобы посредствомъ тарифовъ обмѣнъ съ Европейскими державами сократился. Слѣдовательно въ общемъ уменьшатся размѣры фабричнаго производства подъ двойнымъ отрицательнымъ вліяніемъ — возстановленія старыхъ полузабытыхъ тарифовъ и вздорожанія сырья. Колоніальный хлопокъ и шерсть не подешевѣетъ, а въ обмѣнъ издѣлій Ливерпуля и Манчестера, Англія получитъ меньше товаровъ изъ Франціи, Германіи, Россіи. Еще нагляднѣе съ вопросами, касающимися рабочихъ классовъ. Чтобы охранить интересы африканскихъ и австралійскихъ экспортеровъ, англійскій ткачъ и рудокопъ долженъ будетъ платить дороже за хлѣбъ и мясо... Говорятъ пошлина будетъ малая, легкая. Положимъ. Пусть, дѣйствительно, въ урожайные годы бѣдныя рабочія семьи будутъ переплачивать нечувствительно. Въ года же *неурожайные* и небольшое взиманіе — съ присовокупленіемъ накладныхъ расходовъ таможни — станетъ невыносимымъ бременемъ. Скажутъ — тогда пошлины будутъ отмѣнены. Но горькій опытъ показалъ, что отмѣна налоговъ на пищу совершается не *до* голоднаго тифа, а *послѣ него*.

Такъ какъ патріоты относятся съ легкимъ сердцемъ къ «нѣкоторому ухудшенію въ положеніи народныхъ массъ», то не обратятъ ли они вниманія на болѣе «объективный» *экономическій факторъ*.

Работы станетъ меньше. Пища вздорожаетъ; заработная плата понизится въ Англіи. Тогда колоніи, заключившія таможенный союзъ съ метрополіей, снова начнутъ жаловаться. Прочность союза станетъ сомнительна. Начнется агитація противъ заокеанской дешевизны рабочихъ рукъ, противъ дешевой заокеанской пищи. Если бы рабство просуществовало лишнихъ двадцать лѣтъ и дожило до объединенія всемірнаго рынка, то народилась-бы новая экономическая школа или партія, сильная богатствомъ и вліяніемъ, которая требовала бы тарифной охраны свободнаго труда противъ невольничьяго производства. Нѣчто подобное впрочемъ произойдетъ, когда въ таможняхъ Англіи снова явятся взиманія, которыя тягостно отзовутся на обиходѣ бѣдняковъ.

30-го іюля 1897 года Англія отказалась отъ возобновленія торговаго договора съ Германіей. Договоръ потерялъ силу черезъ годъ. Признаки экономической реакціи становятся серьезны.

Какія причины колеблятъ фритредерскій тарифъ въ той странѣ, которая, казалось, всецѣло его усвоила? Отвѣтъ можно дать опредѣленный: язва не была удалена съ корнемъ. Замаскированный протекціонизмъ остался. Пошлины, переименованныя въ акцизъ, не перестаютъ быть пошлинами. Британскія границы не стали свободными. Весь таможенный ритуалъ остался, въ ожиданіи, когда вновь возникнутъ золотыя времена подвижной хлѣбной пошлины. Въ колоніяхъ тарифъ, (установленный въ первое время не безъ попустительства Лондонскихъ правящихъ круговъ, разсчитывавшихъ, что вредный для иностранцевъ, этотъ тарифъ не

будетъ отяготителенъ для англійскихъ фирмъ) скоро далъ полный разцвѣтъ крайняго протекціонизма (въ Австраліи въ особенности).

Зловѣщіе симптомы реакціи суть естественный плодъ того глубокого заблужденія фритредеровъ — что свободная торговля можетъ существовать безъ свободныхъ границъ.

Реакція была бы невозможна, если бы тарифъ — такъ называемый акцизный — шестидесятыхъ годовъ былъ хотя бы постепенно, хотя бы въ теченіи двадцатилѣтняго срока доведенъ *до нуля*, и всѣ таможни и пограничные кордоны навсегда были уничтожены, и если бы при дарованіи колоніямъ автономіи, приложены были старанія къ уменьшенію, а не увеличенію пограничнаго обложенія. Быть можетъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ колоніи имѣли бы лишь тѣ тарифы, какіе теперь приняты въ Англіи, а метрополія была бы *опоясана свободными границами*. Тогда юбилей королевы Викторіи, далъ бы поводъ къ иной формѣ экономическаго единенія британской имперіи, *полной отмѣны всѣхъ пограничныхъ взиманій и совершенной свободы обмѣна*. Такая грёза дѣйствительно была бы блестяща; такая мечта была бы дѣйствительно величественна.

Такой союзъ никого бы не тревожилъ. Не было бы надобностей въ увеличеніи флотовъ и армій. А всѣ торговыя нужды, всѣ затрудненія въ промышленной сферѣ, какъ въ колоніяхъ, такъ и въ метрополіи были бы устранены, послѣ дружескаго обсужденія, благодаря богатымъ рессурсамъ и громадному интелектуальному капиталу всѣхъ частей британской монархіи. Въ каждой изъ нихъ найдется достаточно капитала, знанія и общественной иниціативы, чтобы содѣйствовать производству, не прибѣгая къ пошлинамъ, таможеннымъ сборщикамъ и вооруженной стражѣ.

Сопоставивъ дѣйствительность съ возможностью, мы должны поставить въ тяжкій укоръ фритредерамъ—ихъ близорукость. Если пограничныхъ акцизовъ Англіи было достаточно, чтобы вновь дать почву протекціонизму, то на континентѣ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ, одобренная фритредерами финансовая система пограничныхъ взиманій принесла еще болѣе роскошный плодъ. *Зараза протекціонизма всецѣло обязана своимъ появленіемъ фритредерамъ.*

Торговые договоры уступили въ наше время мѣсто системѣ Кн. Бисмарка и Мелина. Фискальныя пошлины превратились въ боевыя. Только боязнь возмездія, только непосредственное опасеніе войны удерживаютъ современниковъ отъ рѣзко-запретительныхъ тарифовъ. Фритредеры, согласившіеся на фискальные пошлины, забываютъ, что отмѣна протективныхъ тарифовъ совершается въ періодъ высокаго подъема національнаго духа,—подъема, скоро проходящаго; при возвратѣ общественной жизни въ обычное русло, борьба не равна. За пониженіе стоитъ одинокое безкорыстіе; за повышеніе организованный эгоизмъ, обладающій весьма существенными средствами привлеченія приверженцевъ. Легкость взиманія на границахъ склоняетъ финансистовъ въ пользу повышенія пошлинъ. Насколько опасна и соблазнительна легкость образованія новаго денежнаго источника, видно на бумажныхъ неразмѣнныхъ деньгахъ, упорно являющихся то въ одной, то въ другой странѣ, не смотря на безапелляціонный приговоръ науки.

Не меньшимъ заблужденіемъ фритредеровъ является игнорированіе великаго начала новѣйшей культуры — свободнаго переселенія. Нами было уже показано какъ

сильно обостряется національная вражда вслѣдствіе препятствій къ иммиграціи. Совершенное запрещеніе личнаго передвиженія способно уничтожить всѣ благіе плоды свободнаго обмѣна продуктовъ. Изъ сторонниковъ свободной торговли Генри Джорджъ смутно и неясно, а Леруа-Болье съ большими ограниченіями готовы допустить свободное переселеніе.

Профессоръ Ф. П. Мартенсъ гораздо яснѣе выражается о насущной потребности націй въ свободной эмиграціи и иммиграціи, но и онъ, отвергая преграды, «вызванныя взглядами фискальными и средневѣковыми понятіями»—допускаетъ тѣ преграды, которыя оправдываются законными интересами территоріальной власти, интересами государственнаго порядка и экономическаго строя» (стр. 180). Ограниченіе достаточно широкое, чтобы обнять не только всѣ законодательные акты исключительнаго характера, но и самыя нетерпимыя проявленія національнаго антагонизма.

Немедленное требованіе паспорта—мѣра повидимому безобидная и справедливая—при современной быстротѣ сообщеній представляется настолько тягостной, что во Франціи не практикуется во всѣхъ большихъ городахъ и курортахъ, при чемъ прямо нарушаются, съ молчаливымъ одобреніемъ высшихъ властей, формальныя постановленія законовъ 2-го октября 1888 года и 8-го августа 1893 года. Требованія паспортовъ германскими властями на Эльзасской границѣ одно время опасно обостряли отношенія между Франціей и Германіей и породили пограничныя инциденты, грозившія «усложненіями», т. е. войною.

Благодаря требованіямъ фритредеровъ и поощреніямъ протекціонистовъ, свобода иммиграціи все болѣе стѣсняется.

Американскимъ закономъ воспрещена 1882 г. иммиграція преступниковъ (неполитическихъ), идіотовъ (?)

и лицъ, не могущихъ содержать себя на собственныя средства. Въ силу этого закона выслано обратно—изъ высадившихся въ Нью-Іоркѣ:

Въ 1883 году . . .	1,350	человѣкъ.
» 1884 » . . .	1,144	»
» 1885 » . . .	1,172	»
» 1886 »	997	»
» 1887 »	289	»
» 1888 »	502	»

Въ 1891 году изданъ новый законъ, распространяющій запрещеніе на всѣхъ лицъ, которыя, будучи старше 16 лѣтъ, окажутся калѣками, слѣпыми, неумѣющими читать и писать и страдающими такими физическими недостатками, которые могутъ заставить ихъ прибѣгнуть къ общественному призрѣнію; наконецъ недопускаются иммигранты, состоящіе членами обществъ, угрожающихъ жизни и собственности.

Въ слѣдующемъ, 1892 году появилось предложеніе совершенно воспретить на нѣкоторое время переселеніе въ Штаты. Достачно впрочемъ нѣсколько «распространительнаго» толкованія законовъ 1882 и 1891 годовъ, чтобы эмиграція совершенно прекратилась. Кто мѣшаетъ, въ самомъ дѣлѣ, требовать имущественнаго ценза, равнаго капитализаціи годоваго заработка въ Нью-Іоркѣ и окрестностяхъ? Немного отправлялось бы рабочихъ изъ Европы, еслибы при высадкѣ на американскую почву—немедленно требовалось удостовѣреніе, что иммигрантъ обезпеченъ доходами въ 1,500—2,000 фр. на семью.

Какой-то инстинктъ, безсознательное отвращеніе, удерживаетъ покуда власти великой республики отъ полнаго примѣненія принципа: «Америка для американцевъ». Боязнь черезчуръ рѣзкаго перелома имѣла также свою долю вліянія. Насколько примѣненіе совершенно ясныхъ и только что изданныхъ законовъ

пріостанавливается подъ вліяніемъ негласныхъ опасеній, можно убѣдиться изъ французской практики: Законъ 2-го октября 1888 года гласитъ:

«Каждый иностранецъ, не получившій права временнаго подданства (admission à domicile), который пожелаетъ поселиться во Франціи, долженъ не позже пятнадцати дней послѣ своего прибытія сдѣлать въ той меріи, гдѣ онъ пожелаетъ пребывать, объявленіе о нижеслѣдующемъ:

1) Имя и фамилія, какъ его самаго, такъ и родителей;

2) Національность;

3) Мѣсто и время рожденія;

4) Мѣсто послѣдняго пребыванія;

5) Родъ занятій (или указать средства къ жизни);

6) Имя, возрастъ и національность его жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, если они при немъ находятся.

Вѣрность объявленія должна быть *доказана* надлежащими *документами.*

Нарушенія правилъ сопряжены съ изгнаніемъ изъ страны, какая мѣра примѣняется согласно ст. 7, закона 3 декабря 1849.

Въ 1893 году въ подтвержденіе издается новый законъ, въ силу котораго каждый иностранецъ, являющійся на французскую территорію для занятій профессіональныхъ, коммерческихъ, промышленныхъ, обязывается сдѣлать надлежащее заявленіе, подтвержденное *документами.* Наказанія—штрафъ отъ 50 до 200 франковъ, тюрьма до шести мѣсяцевъ, временное или вѣчное изгнаніе изъ Франціи.

Хотя предписанія закона опредѣленны и недопускаютъ исключеній, мѣстныя власти, особенно въ городахъ, посѣщаемыхъ пріѣзжими (villes de saison) молчаливо увольняютъ отъ подачи объявленій иностранцевъ, которые пребываютъ временно, для развлеченія,

по дѣламъ (не относящимся до торговли и промышленности) или для здоровья. Видимо стараются согласовать строгость закона съ личной свободой.

Но если иностранцы являются для занятій торговлей, профессіональныхъ или промышленныхъ, то они подпадаютъ ipso facto подъ дѣйствіе закона 1893 года и «обязаны безотлагательно доставить свѣдѣнія и документы на условіяхъ, указанныхъ въ этомъ законѣ».

Строгое исполненіе закона повело бы къ тому, что число иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ, сократилось бы по крайней мѣрѣ вдвое, а всѣ курорты опустѣли бы еще больше. Единственное достоинство этого закона - отрицательная поучительность—совершенная необходимость немедленнаго и молчаливаго нарушенія.

Германія, Австрія, Румынія, даже Англія, широко открывая двери туристамъ и богатымъ путешественникамъ, сурово относятся къ иммиграціи всѣхъ живущихъ трудомъ; въ Англіи принимались мѣры противодѣйствія переселенію бѣдныхъ евреевъ; странное отношеніе къ иммиграціи (если евреи вредны, то чѣмъ богаче они—тѣмъ хуже). Въ другихъ европейскихъ странахъ, враждебное иммиграціи законодательство восполняется административными воздѣйствіями и малой защитой, которыя судебныя власти расположены оказать иностранцамъ - бѣднякамъ противъ непріязненныхъ дѣйствій мѣстнаго населенія.

Нѣкоторыя государства до сихъ поръ оффиціально поощряютъ иммиграціонное движеніе; таковы Южноамериканскія республики и Мексика. Франція не запрещаетъ въ своихъ колоніяхъ даже китайскую иммиграцію, но административный укладъ французскихъ колоній таковъ, что и невзыскательные кули предпочитаютъ иныя мѣста. Южная Америка также малопривлекательна какъ страна военныхъ пронунсіаменто,

растакуеровъ, разбойничьихъ министерствъ и государственнаго банкротства.

Переселеніе китайцевъ въ Перу, нѣмцевъ въ Чили, итальянцевъ въ Бразилію почти прекратилось по свидѣтельству г. Іонина. Только приволье аргентинской пампы влечетъ волны иммиграціи, не смотря на постоянныя революціи, совпадающія съ грабежомъ, принудительнымъ курсомъ и прекращеніемъ платежей по правительственнымъ и муниципальнымъ займамъ.

Истинное, простое, естественное, христіанское рѣшеніе переселенческаго вопроса заключается въ полной свободѣ иммиграціи. Каждый человѣкъ безъ различія національности, языка и цвѣта кожи пусть будетъ воленъ жить и работать въ любой странѣ, переѣзжать куда угодно, за предѣлы отечества, возвращаться назадъ въ любое время. Переселеніе и переѣздъ каждаго совершеннолѣтняго человѣка долженъ быть свободенъ.

Прибывъ въ чужой край всякій иммигрантъ долженъ немедленно получить защиту закона. Политическія же права должны быть дарованы спустя пять—десять или болѣе лѣтъ, въ зависимости отъ законовъ натурализаціи. Такая свобода явилась бы могущественнымъ стимуломъ народнаго сближенія, стимуломъ—дѣйствующимъ съ постоянно возрастающей силой. Когда полная свобода переселенія соединится съ полной свободой обмѣна, а государственная иниціатива и положительное содѣйствіе народному труду заступятъ мѣсто государственнаго вмѣшательства и отрицательныхъ мѣръ—тогда современный антагонизмъ изсякнетъ, за истощеніемъ всѣхъ источниковъ, его питающихъ.

ГЛАВА X.

Приростъ населенія и свободное переселеніе.

Непріязненное отношеніе къ иммиграціи тѣсно связано съ опасеніемъ чрезмѣрной густоты населенія, съ такъ называемымъ *перенаселеніемъ* и основано на неисчезнувшей донынѣ вѣрѣ въ ученіе Мальтуса.

Недавніе труды и недавно установленные факты позволяютъ навсегда покончить не только съ пресловутой мрачной теоремой, но и съ условными ея видоизмѣненіями и поправками. Сочиненія Кэри, Спенсера, Генри Джорджа, статистическія исчисленія Леруа-Болье и движеніе населенія во Франціи, вмѣстѣ взятыя и сопоставленныя съ новѣйшими данными естествознанія — даютъ выводъ, отнимающій главный аргументъ у противниковъ свободной иммиграціи, выводъ — рисующій будущность совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ предрекали еще недавно нео-мальтузіанцы.

Кэри принадлежитъ заслуга перваго удара въ самое основаніе ученія Мальтуса.

Не владѣя современнымъ статистическимъ матеріаломъ, американскій экономистъ указалъ, что существа, болѣе одаренныя матеріально и духовно, размножаются тѣмъ медленнѣе, чѣмъ выше достигнутая степень развитія.

Великіе люди, говоритъ Кэри, имѣютъ мало дѣтей и ихъ потомство скоро угасаетъ *).

---

*) Carey. Principles of Social Science. T. II. 303 - 311.

Наполеонъ, Вашингтонъ, Фоксъ, и оба Питта не оставили потомковъ; изъ 15 президентовъ Соединенныхъ Штатовъ, 7 были бездѣтны, а остальные 8 всѣ вмѣстѣ имѣли не болѣе 20 дѣтей.

Въ 1859 году число англійскихъ наслѣдственныхъ перовъ было 394, изъ которыхъ 272 пожалованы послѣ 1760 года. Между 1611 и 1819 годами угасло 753 титула баронета – больше половины.

По Дарю венеціанскіе нобили въ 1564 году были въ числѣ 2.219, а въ 1705 году несмотря на новыя пожалованія, цифра аристократовъ упала ниже 1.500. По Рошеру *) 85 фамилій штетинскихъ торговыхъ примативъ, существовавшихъ въ 1739 году, исчезли совершенно къ 1859 году.

Гербертъ Спенсеръ считалъ доказаннымъ, что способность къ размноженію тѣмъ меньше, чѣмъ индивидуальное развитіе выше и полнѣе.

Въ то время на аргументацію Кэри мало обращено было вниманія. Дт. Ст. Милль въ позднѣйшемъ изданіи своей «Политической Экономіи» еще вполнѣ принималъ выводы Мальтуса.

Лоренцъ Штейнъ, Шмоллеръ, Шеффле и Ад. Вагнеръ—мало чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ Милля.

Прудонъ, Луи Бланъ, Лассаль, Радбертусъ, Марксъ, быть можетъ, не давали полнаго опроверженія ученію Мальтуса, вслѣдствіи недостаточнаго вниманія къ этому вопросу; они указываютъ лишь на одну сторону вопроса, на возрастаніе размноженія среди бѣдности и невѣжества.

Авторъ «Progress and Poverty» изслѣдовалъ вопросъ полнѣе. Генри Джорджъ показалъ всю несостоятельность выводовъ самого Мальтуса, а также всѣхъ его

*) Rocher. National ökonomie des Handels und Gewerbe. 71.

послѣдователей отъ Рикардо и Милля до Штейна и Шмоллера.

Взятая сама по себѣ, говоритъ Джорджъ, теорема о возрастаніи—населенія согласно ряду 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128 и 256 (черезъ каждую четверть вѣка)—и количество средствъ существованія какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7,—теперь «можетъ вызвать лишь улыбку и походить развѣ на извѣстную игру словъ о зайцѣ и черепахѣ».

Эти наглядныя вычисленія оказались гиперболическими. На поддержку ученія, столь симпатичнаго богатымъ классамъ, явилась затѣмъ теорія заработнаго фонда—теперь всѣми оставленная—утверждавшая, что въ каждый періодъ есть опредѣленная сумма заработной платы, подлежашая раздѣленію между наличными претендентами, т. е. рабочими.

Обращаясь къ настоящему и прошедшему—нѣтъ ни одного факта, ни одного примѣра, на который могла бы опираться теорія Мальтуса. *Нигдѣ еще голодъ и болѣзни не являлись послѣдствіемъ чрезмѣрнаго размноженія.* Въ Европѣ страны, наиболѣе густо населенныя, пользуются и наибольшимъ благосостояніемъ. Въ Азіи народныя массы Китая и Индіи испытываютъ тяжкія страданія и гибнутъ милліонами во время неурожаевъ только никакъ не по причинѣ скученности населенія, а вслѣдствіе невозможныхъ соціальныхъ и аграрныхъ условій, отсутствія безопасности и грабительствъ фиска; большія пространства земли въ Китаѣ остаются безъ обработки, богатыя копи каменнаго угля не трогаются; земля въ Бенгаліи воздѣлывается грубѣйшими орудіями. Въ другихъ частяхъ свѣта историческія свидѣтельства и недавнія открытія указываютъ на когда-то процвѣтавшія многолюдныя государства. И ни въ какомъ вѣкѣ, ни въ одной странѣ ни одна изъ погибшихъ цивилизацій, существовавшихъ не одну тысячу

лѣтъ, не доходитъ до той степени населенности, которая грозила бы голодомъ, согласно тезисамъ Мальтуса.

Въ законахъ, обычаяхъ и преданіяхъ всѣхъ народовъ мы видимъ многочисленность потомства, какъ завидную участь.

Еще болѣе убѣдительными оказывается родословныя богатыхъ и знатныхъ родовъ. Если инстинктъ воспроизведенія такъ могучъ, какъ полагаетъ Мальтусъ, то какъ объяснить угасаніе столькихъ аристократическихъ фамилій, изъ поколѣнія въ поколѣніе не знавшихъ нужды и съ вѣковыми традиціонными заботами о продолженіи рода. Потомки Конфуція въ Китаѣ пользуются большими привиллегіями, уваженіемъ и обезпеченнымъ положеніемъ и образуютъ единственную въ странѣ наслѣдственную аристократію. Удваиваясь, по Мальтусу и Миллю каждые двадцать пять лѣтъ, послѣ смерти родоначальника (2150 лѣтъ назадъ) потомки мудреца должны были бы размножиться до 859.559.193.106.709. 670.198.710.528. На самомъ дѣлѣ потомство Конфуція, вмѣсто такого невообразимаго числа, равняется не болѣе 22,000 лицъ мужескаго и женскаго пола. Скажутъ можетъ быть, что 22,000 потомковъ отъ одной пары все таки колоссальное приращеніе. *Но увеличеніе потомковъ не есть увеличеніе населенія*: «Смитъ и его жена имѣютъ одного сына и одну дочь, которые въ свою очередь вступили въ бракъ и каждый имѣетъ двухъ дѣтей. Слѣдовательно Смитъ и его жена имѣютъ четырехъ внучатъ; но это не даетъ поколѣнія болѣе многочисленнаго, ибо каждый изъ внуковъ имѣетъ четырехъ предковъ (т. е. двухъ дѣдовъ и двухъ бабокъ). Допуская, что далѣе все идетъ тѣмъ же порядкомъ—потомки расплодятся до сотенъ тысячъ, милліоновъ, но въ любомъ поколѣніи потомковъ будетъ не болѣе лицъ, чѣмъ въ предшествующемъ поколѣніи предковъ". Представивъ себѣ множество браковъ, въ которые должны были

вступить потомки Конфуція, мы убѣдимся, что нынѣшнее ихъ число вѣроятно скорѣе меньше числа ихъ предковъ по мужеской и женской линіи, вмѣстѣ взятыхъ.

Способность размноженія въ царствѣ растительномъ и животномъ большая, чѣмъ у человѣка, доказываетъ, что всѣ предметы, могущіе служить для потребностей человѣка, способны возрастать въ количествѣ неограниченномъ и мы знаемъ, что человѣкъ способенъ усиливать размноженіе полезныхъ предметовъ и ограничивать размноженіе вредныхъ. Въ сущности количество пищи способно удесятеряться въ то время, какъ число людей можетъ только удвоиться; такъ что геометрическая прогрессія средствъ въ существованію и ариѳметическая для возрастанія населенія гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ обратная теорема Мальтуса.

Послѣдняя справедлива можетъ быть для животныхъ, насѣкомыхъ, растеній, рыбъ. При большомъ количествѣ пищи онѣ размножаются чрезвычайно быстро, при маломъ остаются въ томъ же числѣ. Если бы медвѣди, а не люди прибыли послѣ открытія Новаго Свѣта изъ Европы въ Сѣверную Америку, то въ настоящее время число медвѣдей было бы такое же, если не менѣе, какъ и во время Колумба, такъ какъ не прибавилось съ тѣхъ поръ количества пищи, пригодной для медвѣдей, а условія жизни для нихъ не улучшились. Для людей же, десятками милліоновъ населяющихъ теперь Соединенные Штаты, на каждаго обитателя приходится больше пищи, чѣмъ триста лѣтъ назадъ приходилось на одного изъ немногихъ тысячъ первыхъ иммигрантовъ. Средствъ къ существованію стало больше, потому что прибавилось количество населенія.

Мало того: при настоящемъ фазисѣ культуры средства для жизни измѣряются уже не производительностью того мѣста, гдѣ поселилась группа людей,

а производительностью всей земли. Нельзя понизить уровень воды въ самой малой бухтѣ или заливѣ, не понизивъ уровень всѣхъ океановъ; такъ и производительность какого либо мѣста не можетъ уменьшиться безъ уменьшенія производительности цѣлаго міра. Полсотни квадратныхъ миль, при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія, не могутъ прокормить больше нѣсколькихъ тысячъ людей; между тѣмъ именно на такомъ пространствѣ живетъ четырехъ-милліонное населеніе Лондона и получаетъ все нужное ему количество пищи.

Мальтузіанская теорія построена на ошибочной аналогіи. Замѣтивъ удвоеніе населенія, въ нѣкоторыхъ условіяхъ, мальтузіанцы построили всѣ свои аргументы на этомъ фактѣ. Они заблуждаются подобно Адаму, который сталъ бы вычислять будущій вѣсъ своего перваго ребенка на основаніи того, что вѣсъ его удвоился въ восемь мѣсяцевъ. Его первенецъ въ десять лѣтъ долженъ былъ равняться быку, въ двѣнадцать слону, а въ тридцать лѣтъ вѣсить 175.716.339.548 тоннъ.

Большое количество рожденій вообще есть удѣлъ страны, гдѣ интелектуальная сторона жизни развита слабо, какъ напримѣръ среди земледѣльцевъ иммигрантовъ въ дѣвственной богатой странѣ или среди весьма бѣдной природой, еще мало тронутой культурой, какъ напримѣръ въ горной Шотландіи, въ прошломъ вѣкѣ, гдѣ Адамъ Смитъ видѣлъ голодныхъ женщинъ, окруженныхъ двадцатью дѣтьми.

Источникъ богатства и благосостоянія есть свободный трудъ большого населенія. Приростъ населенія въ Англіи болѣе 2% ежегодно; ея богатства увеличиваются конечно быстрѣе. Въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, при содѣйствіи эмиграціи населеніе Соединенныхъ Штатовъ удвоивалось; богатство удваивалось разумѣется быстрѣе. Сравнивая Массачузетсъ съ Мексикой, Англію съ Бразиліей, мы убѣждаемся, что наиболѣе

населенныя страны даже при болѣе бѣдной природѣ, являются и болѣе богатыми и болѣе благоденствующими.

Таковы, въ главнѣйшихъ чертахъ, данныя и выводы, которыми Генри Джорджъ опровергаетъ ученіе Мальтуса.

Достаточно убѣдительныя для всякаго безпристрастнаго человѣка, эти выводы, развивавшіе тезисы Кэри и Спенсера, не убѣдили всѣхъ. Ново-Мальтузіанцы продолжаютъ существовать. Въ Лондонѣ долгодѣйствовала Malthusian Lique. Журналъ Malthusian началъ выходить въ 1879 г. и не прекращался. И—что хуже всего—среди людей науки праву эмиграціи противуполагается государственный суверенитетъ.

Косность мысли всегда была велика. Не мудрено, что и расшатанная въ своихъ основахъ мальтузіанская теорія еще держится.

Въ послѣдніе годы движеніе населенія въ передовой и богатой странѣ подтвердило подавляющимъ образомъ мнѣніе Кэри, Спенсера и Джорджа. Во Франціи обнаружилась убывающая въ движеніи населенія тенденція.

Уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ перевѣсъ рожденія надъ смертностью во Франціи началъ постепенно и упорно уменьшаться, а 1890 годъ впервые—если не считать годовъ войны—далъ уменьшеніе населенія на 38446 душъ. Говорили, что сильная смертность обусловливалась эпидеміей (инфлуэнцой). Однако въ 1891 и 1892 годахъ эпидемія ослабѣла, а таблицы показывали уменьшеніе (хотя и меньшее): 1891—10.505, а 1892 г. 20.041. Въ 1893 году почти не было ни плюса

ни минуса. Леруа-Болье *) говоритъ, что хотя было бы преждевременно заключить, что отнынѣ населеніе Франціи (не принимая во вниманіе эмиграцію) будетъ постоянно и послѣдовательно уменьшаться; но можно признать, что цифра населенія останется почти постоянной, съ вѣроятнымъ уменьшеніемъ въ будущемъ. (On peut considérer, que la population restera stationoire avec les chances plutôt à la décroissance).

Заключеніе будетъ менѣе оптимистическое, если руководствоваться числомъ рожденій и смертей, во Франціи за все XIX столѣтіе.

На тысячу человѣкъ приходится.

Годы:	Рожденій.	Смертей.
1801—1820 . . .	32	27
1821—1840 . . .	30	25
1841—1870 . . .	26,5	23,5
1871—1890 . . .	24,5	23,2
1891—1893 . . .	22,6	22

По даннымъ Бертильона въ Парижѣ, на каждую 1000 женщинъ приходится въ послѣдніе годы рожденій:

Въ очень бѣдныхъ кварталахъ . .	108
„ бѣдныхъ	93
„ зажиточныхъ	72
„ очень зажиточныхъ . . .	65
„ богатыхъ	53
„ очень богатыхъ	34

Бертильонъ думаетъ, что при настоящей тенденціи черезъ 200 лѣтъ Франція превратится въ третьестепенное государство, а черезъ пятьсотъ лѣтъ совершенно исчезнетъ.

Среднее число законныхъ дѣтей на бракъ видно изъ слѣдующей таблицы:

---

*) Traité d'economie politique. T. IV, p. 525.

Годы:	Рожденій въ среднемъ на бракъ.	Годы:	Рожденій въ среднемъ на бракъ.
1800--1805 . .	4,24	1851—1855 . .	3,11
1806—1810 . .	3,84	1856—1860 . .	3,04
1811—1815 . .	3,49	1861—1865 . .	3,07
1816—1820 . .	4,08	1866—1870 . .	3,15
1821—1825 . .	3,84	1871—1875 . .	2,80
1826—1830 . .	3,58	1876—1880 . .	3,09
1831—1835 . .	3,48	1881—1885 . .	3,03
1836—1840 . .	3,26	1886—1889 . .	2,96
1841—1845 . .	3,21	1890—1893 . .	2,77
1846—1850 . .	3,23		

Цифры—зловѣщія. Ихъ значеніе усугубляется, если принимать, что средній уровень рожденій поддерживается нѣсколькими департаментами, сохранившими еще простоту нравовъ, гдѣ число дѣтей значительно. Эти департаменты не долго останутся обособленными отъ общаго теченія. По мѣрѣ того, какъ эти области будутъ цивилизоваться, количество рожденій еще уменьшится.

Dépopulation de la France сдѣлалось злобой дня. Очень удивились бы Мальтусъ и Милль, еслибъ дожили до нашихъ дней: они увидѣли бы страну, гдѣ всѣ условія для размноженія населенія на лицо, и гдѣ смертность съ каждымъ годомъ падаетъ, а населеніе между тѣмъ обнаруживаетъ явную склонность къ уменьшенію, хотя общество, пресса, кафедра, власти изыскиваютъ уже средства къ увеличенію числа браковъ и къ увеличенію потомства въ каждомъ бракѣ.

У нео—мальтузіанцевъ оставалось до послѣдняго времени одно возраженіе: Франція представляетъ исключительный феноменъ; другіе народы плодятся яко-бы весьма быстро. Въ Германіи прибавляется каждый годъ 500.000 человѣкъ. Англійскій народъ умножается. Бельгія и Швейцарія не обнаруживаютъ dépopulation и т. д.

Оказывается однако, благодаря недавнимъ статистическимъ выводамъ, что Франція, какъ говоритъ Леруа-Болье только предшествуетъ другимъ цивилизованнымъ народамъ. Въ жизни французовъ сказываются лишь тѣ феномены, къ которымъ явно стремятся и другія націи.

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ равнялось:

Въ	1790 году	3.929.827
„	1800 „	5.305.925
„	1810 „	7.239.814
„	1820 „	9.654.596
„	1830 „	12.866.020
„	1840 „	17.069.453
„	1850 „	23.191.896
„	1860 „	31.445.080
„	1870 „	38.558.371
„	1880 „	50.155.783
„	1890 „	62.981.000
„	1893 „	66.826.000

Возрастаніе населенія идетъ весьма быстро, но для сужденія о естественномъ приростѣ необходимо конечно принять въ расчетъ громадную эмиграцію — какъ свободную, такъ и принудительную (негры-невольники). Затѣмъ надлежитъ имѣть въ виду, что потомство эмигрантовъ должно сосчитать особо въ каждый изъ послѣдовательныхъ періодовъ (для правильнаго сужденія о естественномъ приростѣ аборигеновъ). Леруа-Болье принимаетъ, что къ 1840 году вліяніе свободной эмиграціи выражается по крайней мѣрѣ цифрой 2.500.000. Вычитая еще число негровъ и цвѣтныхъ въ 1840 году 2.873.630 (по Дювалю *) получаемъ цифру населенія въ этомъ году около 11.700.000, противъ 4.000.000 полвѣка меньше. Простые, почти патріар-

*) Jules Duval Histoire de l'Emigration. 1862.

хальные нравы, рѣшительное преобладаніе сельской жизни, малое еще число большихъ городовъ способствовали большему числу рожденій въ зависимости отъ раннихъ и многочисленныхъ браковъ какъ слѣдствія пуританскихъ обычаевъ.

Послѣ 1840 года, мало по малу, условія измѣняются. Производя вычисленіе на основаніи переписей 1840 и 1890 гг. и устранивъ вліяніе войны и эмиграціи, Леруа-Болье *), пользуясь данными Бертильона, исчисляетъ—скорѣе погрѣшая въ пользу мальтузіанской теоріи—что въ двадцатипятилѣтіе—1840—1865 увеличеніе населенія выразится уже въ 57,87% (вмѣсто 100% по Мальтусу),—а въ 1865—1890 гг. общій естественный приростъ не выше 1,1¼% ежегодно.

Сами американцы были поражены и опечалены, когда познакомились съ послѣдними статистическими данными, говоритъ Леруа-Болье. Въ Census Bulletin (№ 12, oct. 30, 1890 г.: Population of the United States) признается доказаннымъ, что законъ народонаселенія состоитъ въ томъ, что устраняя вліяніе войнъ, болѣзней, эмиграцій и иммиграцій — населеніе приращается все меньше («increase of population goes on at a continually diminiching rate»).

Согласно даннымъ, собраннымъ итальянскимъ статистикомъ Бодіо (Bodio) — еще болѣе рѣшительныя заключенія вытекаютъ изъ данныхъ за 1886—1892 гг. о трехъ штатахъ Массачузетсъ, Коннектикутъ и Родъ-Айлендъ, гдѣ процентъ рожденій соотвѣтственно выражается 26,2 (на тысячу жителей), 22,6 и 24,3—цифры, уже весьма близкія къ Франціи. Эти три Штата, съ населеніемъ въ сложности 3.300.000, привлекали издавна ирландцевъ, нѣмцевъ и французовъ изъ Канады—три расы, считающіяся наиболѣе склонными къ быстрому размноженію; всѣ они подъ вліяніемъ достатка, образо-

*) Traité d'économie politique. T. IV, p. 554—558.

нія и свободы потеряли значительную долю своей плодовитости.

По даннымъ Бодіо въ Соединенномъ Королевствѣ, наиболѣе умножающемъ свое населеніе путемъ естественнаго прироста, оказывается нижеслѣдующее число рожденій на тысячу человѣкъ, по трехлѣтіямъ.

	Годы.	Англія и Валлисъ.	Шотландія.	Ирландія.
	1874—1876 .	35,9	35,5	26,5
	1877—1879 . .	35,4	34,8	25,8
	1880—1882 . .	34,0	33,6	24,4
	1883—1885 . .	33,4	33,0	23,8
	1886—1888 . .	32,0	32,0	23,0
За 4 года. .	1889—1892 . .	30,8	30,8	22,7

Быть можетъ данныя относительно Ирландіи возбудятъ сомнѣнія. Тяжкія аграрныя и политическія условія усложняютъ тамъ, конечно, другія вліянія. Какъ бы то ни было между 1874 и 1892 годами положеніе народной массы скорѣе улучшилось; аграрные билли Гладстона должны были смягчить наиболѣе вопіющія бѣдствія. За то относительно Англіи и Шотландіи не можетъ быть допущено никакихъ сомнѣній. Рождаемость еще не упала до французской нормы, но явно къ ней стремится, при явномъ улучшеніи матеріальнаго и интелектуальнаго уровня въ англійской деревнѣ и англійскомъ городѣ.

Въ Германіи населеніе росло очень быстро послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ. Чтобы судить объ истинномъ приростѣ вслѣдствіе превышенія числа рожденій надъ числомъ смертей, надлежитъ само собою разумѣется принять во вниманіе эмиграцію.

Въ 1816 году число населенія было . 24.833.000
» 1890 » » » » . 49.966.000

Слѣдовательно въ круглыхъ цифрахъ 25 милліоновъ черезъ 75 лѣтъ удвоились.

Чтобы устранить вліяніе эмиграціи можно взять превышеніе рожденій надъ смертностью въ извѣстный періодъ и сравнить затѣмъ съ дѣйствительной цифрой населенія.

Съ 1841 по 1865 годъ родилось 33.688,602 и умерло 25.009,864, превышеніе рожденій выразилось въ 8.558,738; дѣйствительный наличный приростъ былъ меньше (вслѣдствіе эмиграціи) и равнялся 6.561,000, т. е. почти на 2 милліона меньше.

Какъ ни великъ такой естественный приростъ,— въ предшествующій періодъ 1816—1840 г.г. населеніе относительно возростало быстрѣе. Пропуская періодъ войны и переходя къ послѣднимъ годамъ, мы имѣемъ слѣдующія данныя о рождаемости:

Въ среднемъ на 1.000 человѣкъ въ годъ:

1874—1876	40,5
1877—1879	39,3
1880—1882	37,3
1883—1885	36,9
1886—1888	36,8
1889—1892	36,2

Убывающая прогрессія рожденій должна успокоить тѣхъ изъ германскихъ патріотовъ, которые опасаются переполненія отечества.

Въ Бельгіи замѣчается большая разница въ приростѣ населенія между фламандскими и валлонскими провинціями.

Первыя—съ болѣе примитивными нравами—даютъ приростъ большій—(отъ 32 до 36 на тысячу); вторыя, гдѣ подъемъ благосостоянія и культуры начался раньше, даютъ приростъ населенія только 25—26 на тысячу и видимо близятся къ той низкой нормѣ, которая не безъ основанія тревожитъ французовъ. Въ общемъ, населеніе Бельгіи, страны сравнительно благоденствующей, мало отягченной налогами, еще увеличивается;

но процентъ увеличенія падаетъ послѣдовательно и неудержимо. Въ тридцатыхъ годахъ при бѣдномъ населеніи приростъ колебался отъ 31,46 (въ 1832 г.) до 35,24 (въ 1838 г.); въ наше время при несомнѣнно большемъ достаткѣ и образованіи, максимумъ прироста, въ 1881 г., выразился въ 31,78; минимумъ въ 1890 г. въ 28,98. Леруа-Болье на примѣрѣ Бельгіи констатируетъ, что если при быстромъ переходѣ отъ бѣдности къ достатку и можетъ проявиться, при тѣхъ же обычаяхъ и нравахъ, нѣкоторое увеличеніе прироста, то это явленіе быстро проходитъ и наверстывается.

Въ Швейцаріи въ шестидесятыхъ годахъ средній приростъ во всемъ союзѣ былъ 31,3. Богатые и образованные кантоны Женева и Ваадтъ (Vaud) имѣли всего 22,72; бѣдные и патріархальные Шафгаузенъ, Гларисъ, Швицъ, Аппенцель, Ури – имѣли до 34.

Черезъ тридцать лѣтъ средній приростъ упалъ до 29,12. Въ Женевѣ приростъ упалъ въ 1892 г. до 21,84.

Таковы данныя о движеніи населенія въ наиболѣе богатыхъ и культурныхъ странахъ. Свѣдѣній о Россіи мы не приводимъ, такъ какъ точныя данныя едва ли были ранѣе послѣдней переписи въ 1897 г.

Въ большей или меньшей степени движеніе населенія у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ подчиняется тому же закону—*пониженія процента рожденій*. Исключеніе представляетъ Италія. Тамъ процентъ рожденій держится уже четверть вѣка на одномъ почти среднемъ уровнѣ: 37 на тысячу.

Исключеніе это въ сущности только подтверждаетъ правило. Непомѣрные налоги, создавая экономическую неподвижность, не даютъ массѣ итальянскаго народа выйти изъ того апатичнаго состоянія, которое преобладало въ темныя и долгія времена національнаго униженія и гнета. Только въ послѣдніе годы народное

образованіе сдѣлало замѣтные успѣхи *). Жизненный обиходъ массы почти не измѣнился въ селахъ и городахъ; приростъ населенія за двадцать лѣтъ всетаки упалъ, хотя и на малую величину (0,03%).

Леруа-Болье дополняетъ данныя Рошера и указанія Кэри фактами изъ французской генеалогіи. Корона Франціи нѣсколько разъ переходила въ боковыя линіи, а многія историческія фамиліи (напр. Монморанси, Конде и др.) не оставили ни одного представителя. Изъ числа поэтовъ Шатобріанъ, Ламартинъ, Мюссе не имѣли потомковъ, а Гюго оставилъ только двухъ внуковъ. Пороки и эксцентричность конечно вліяли на безплодіе; но надо разсматривать человѣчество съ его дѣйствительными, а не воображаемыми и желательными свойствами и вліяніями.

По мнѣнію Леруа-Болье послѣдніе факты, устанавливаемые сравнительной демографіей, доказывая полную ложность ученія Мальтуса, наводятъ на мысль о противоположной опасности. Повидимому народъ съ неизмѣняющейся цифрой населенія является лишь предтечею остальныхъ націй, которыя рано или поздно придутъ къ тому же состоянію неподвижности, съ наклонностью къ уменьшенію населенія. Подъ вліяніемъ достатка, умственнаго движенія и любви къ независимости, населеніе можетъ быть будетъ мало по малу уменьшаться.

Рядомъ съ уменьшеніемъ числа рожденій повсюду падаетъ смертность, отчего при томъ же числѣ рожденій можетъ являться приростъ населенія. Улучшеніе матеріальныхъ условій увеличиваетъ размноженіе только среди патріархальныхъ первобытныхъ нравовъ населенія. Человѣкъ культурный не склоненъ вообще къ мно-

*) Изъ числа лицъ старше 16 лѣтъ въ 1861 году не умѣли читать 68% мужчинъ и 81% женщинъ. Въ 1891 году при заключеніи брака не могли подписать свое имя 41% мужчинъ и 59% женщинъ.

гочисленному потомству, къ большой семьѣ. Среди причинъ, дѣйствующихъ на уменьшеніе естественнаго прироста, Леруа-Болье указываетъ: а) На обязательность дѣтскаго образованія, въ связи съ запрещеніемъ дѣтскаго труда и большою стоимостью воспитанія. Прежде семи - восьми лѣтній ребенокъ являлся рабочей силой; теперь дѣти до 14—15 лѣтъ вызываютъ лишь расходы. б) Болѣе позднее заключеніе браковъ, изъ за матеріальныхъ соображеній, отчего число дѣтей уменьшается значительно, такъ какъ только ранніе браки (по выводамъ венгерскаго статистика Кёрёзи (Körösi) для женщины 18—20 лѣтъ, для мужчины 25—25 лѣтъ) вообще даютъ многочисленное потомство. в) Женская эмансипація, женское движеніе, — является слѣдствіемъ и причиной сокращенія числа браковъ. Не находя мужа, женщина рѣшается отбросить мысль о бракѣ и стремится создать себѣ независимое положеніе. Съ другой стороны, если по тѣмъ или другимъ счастливымъ условіямъ, женщина достигаетъ матеріальной независимости—она менѣе склонна вступить въ бракъ, а вступивъ въ бракъ, предается своей профессіи и она не желаетъ имѣть много дѣтей, являющихся стѣсненіемъ въ ея трудовой жизни.

За Леруа-Болье навсегда остается незабвенная заслуга окончательнаго сокрушенія ученія Мальтуса. Французскій экономистъ довершилъ то, что начали Кэри, Рошеръ, Спенсеръ и Джорджъ.

Къ сожалѣнію Леруа-Болье, по своему обыкновенію, уклонился отъ выводовъ изъ его положеній. Кромѣ того есть чисто моральные могущественные факторы, уменьшающіе число браковъ, о которыхъ онъ вовсе не говоритъ.

Достаточное образованіе и гуманитарное воспитаніе даютъ просторъ естественнымъ и высшимъ влеченіямъ человѣка.

Въ современномъ и культурномъ обществѣ наружная форма брака есть совершенно свободный договоръ, увѣнчивающій взаимную сильную привязанность.

Свое полное значеніе бракъ получаетъ, когда упрочена индивидуальная свобода, вслѣдствіе обезпеченія матеріальныхъ и нравственныхъ нуждъ; и чѣмъ большее число людей получаютъ это благо, тѣмъ болѣе бракъ становится на высшую ступень, дѣлается чуждымъ хозяйственнымъ соображеніямъ и первобытнымъ половымъ стремленіямъ.

Но какъ только бракъ не для отдѣльныхъ лицъ, а для массы становится, благодаря благосостоянію и образованію, въ тѣ естественныя условія, которыя одинаково освящены и религіей и разумомъ, неизбѣжно увеличивается число людей, которые не окажутся въ спискахъ замужнихъ и женатыхъ.

Вертеръ влюбился въ Шарлотту. Шарлотта обвѣнчалась съ другимъ. Послѣ долгой тоски Вертеръ кончилъ самоубійствомъ. Никакое богатство не могло бы спасти его. Онъ никогда не зналъ нужды. Но онъ не можетъ замѣнить любимой женщины. Живъ ли онъ или нѣтъ, бракъ для него немыслимъ, разъ Шарлотта для него потеряна.

Тотъ, кто написалъ Вертера, обладалъ достаткомъ, здоровьемъ, славой; женщины любили его и за его внѣшность и за его геній. Онъ никогда не предавался грубому разврату. Не одинъ разъ дѣло было близко къ браку и однако только въ позднемъ возрастѣ онъ вступилъ въ неравный бракъ. Байронъ, какъ и Гете, много разъ любилъ и былъ любимъ. Онъ женился рано, но скоро разошелся съ женою. Мюссе и Тургеневъ не

нашли себѣ въ молодыхъ лѣтахъ дѣвицъ, которыхъ могли бы повести къ вѣнцу.

Скажутъ, что это все исключительныя натуры; но если немногіе въ состояніи быть поэтами, то очень многіе могутъ имѣть не меньшую тонкость чувства въ личныхъ склонностяхъ и страстяхъ. Холостяки и молодые вдовцы разсматриваются близорукими экономистами и статистиками, какъ эгоисты, не желающіе дѣлиться своимъ состояніемъ или заработками съ семьей. На самомъ дѣлѣ навѣрное въ тайникѣ души почти всѣхъ ихъ сокрыта драма, которую трудно уложить въ рамки политической экономіи и статистики.

Повѣсти и романы, написанные талантливыми беллетристами, произведенія, гдѣ сказалось знаніе человѣческаго сердца, лучше экономистовъ выясняютъ причины уменьшенія браковъ вообще, а раннихъ въ особенности.

Литература есть отраженіе жизни. Женщины еще больше, чѣмъ мужчины, могли бы передать, если бы хотѣли, о тѣхъ критическихъ моментахъ своей жизни, когда рѣшался роковой вопросъ о счастливомъ единеніи съ любимымъ человѣкомъ или объ одиночествѣ на весь жизненный путь.

Распространеніе образованія среди народной массы явно ведетъ къ тому, что «эмоціи высшаго порядка», бывшія раньше удѣломъ высшихъ и среднихъ классовъ, въ одно, въ два поколѣнія распространяются на всѣ слои населенія. Исчезаютъ патріархальные нравы, утрачиваютъ престижъ пуританскія требованія; родители теряютъ право вершить брачныя дѣла. Рабочій и крестьянинъ желаетъ жениться на той, которую полюбитъ. Молодая дѣвушка изъ народа отдаетъ свою руку только любимому человѣку.

Поздніе браки, какъ показываютъ приведенныя выше данныя и какъ можно предполагать a priori,

даютъ меньше дѣтей. Количество послѣднихъ на каждый бракъ уменьшается еще и независимо отъ времени заключенія браковъ—вслѣдствіе двухъ причинъ. Во-первыхъ: съ повышеніемъ индивидуальнаго типа, согласно выводамъ Кэри и Спенсера, производительная способность уменьшается. Во-вторыхъ—повышеніе сознательнаго отношенія къ жизни, происходящее подъ вліяніемъ достатка и образованія, создаетъ у участниковъ брачнаго союза, у матери въ особенности, нерасположеніе къ большому числу дѣтей.

Изъ предъидущаго видно, что роковая сила приближаетъ всѣ націи къ той формѣ движенія населенія, которая уже достигнута Франціей, т. е. къ равновѣсію между рожденіемъ и смертностью съ явной наклонностью къ нѣкоторому ежегодному минусу.

При современномъ быстромъ теченіи жизни, любому народу едва ли потребуется столѣтіе, чтобы поравняться съ Франціей и достигнуть до французскаго уровня соціальнаго развитія (уровня въ абсолютномъ смыслѣ вовсе не высокаго). Въ эти сто лѣтъ по выводамъ сравнительной демографіи удвоеніе числа обитателей земли есть кажется наибольшее, на что можно разсчитывать, въ виду того, что процентъ прироста повсюду представляетъ убывающую прогрессію. Слѣдовательно съ удвоеніемъ населенія дальнѣйшій приростъ пріостановится. Отсюда ясно, что максимальное число населенія всегда будетъ обладать въ любомъ мѣстѣ земли достаточной территоріей.

По даннымъ французской демографіи при °/₀ брачности $\frac{269-290}{38,3}$ (гдѣ числитель - число браковъ въ тысячахъ, а знаменатель—число жителей въ милліонахъ) или при 7,2—7,8 браковъ на тысячу, при смертности 22—22,8 на тысячу и при числѣ дѣтей—2,66 – 2,77 на бракъ, получается убыль населенія отъ 0,02 до 0,10°/₀.

Обобщая всѣ причины, мѣшающія оставлять достаточное потомство, мы можемъ принять, что такихъ причинъ четыре: 1) ранняя смерть до брачнаго возраста; 2) нежеланіе вступать въ бракъ; 3) бездѣтный бракъ и 4) бракъ съ двумя и однимъ ребенкомъ.

Первая причина ослабитъ свое вліяніе съ уменьшеніемъ смертности въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ. Но все заставляетъ предполагать, что вторая, третья и четвертая причины будутъ дѣйствовать въ будущемъ еще сильнѣе. Совершенно ясно, что уже въ ближайшемъ будущемъ во Франціи и въ неособенно далекомъ будущемъ во всѣхъ другихъ странахъ, съ распространеніемъ образованія и благосостоянія, мы должны предвидѣть еще меньшее число браковъ и еще меньшее среднее число дѣтей на каждый бракъ (быть можетъ не болѣе 2,25). Изъ всего сказаннаго можно вывести, что процентъ ежегодной убыли, уже бывшей въ дѣйствительности 0,01%, имѣетъ явную тенденцію на дальнѣйшее увеличеніе.

На сколько возможно сознательное противодѣйствіе быстрой убыли населенія, сказать трудно. Но нельзя упустить изъ виду въ этомъ отношеніи уроки, которые даютъ біологія и историческіе факты.

Исчезновеніе властныхъ и знаменитыхъ фамилій поучительно не по одной фактической сторонѣ.

Ранніе браки, старательная охрана въ дѣтскомъ возрастѣ, заботы о пріисканіи здоровыхъ матерей, все это соблюдалось въ тѣ времена, когда личная независимость приносилась въ жертву фамильнымъ интересамъ, когда повиновеніе главѣ рода поддерживалось и законами, и традиціями. Въ послѣднія два столѣтія войны стали не столь губительны, преступленія менѣе часты, болѣзни не такъ опасны. И однако царственные и аристократическіе роды угасали безъ слѣда.

Въ наше время трудно принудить молодого человѣка жениться раньше для обезпеченія потомства или въ интересахъ рода.

Исчезновеніе своей фамиліи черезъ сто лѣтъ, а своего народа черезъ нѣсколько вѣковъ, едва ли послужитъ рѣшающимъ аргументомъ для большинства.

Мы думаемъ, что только весьма быстрая убыль можетъ вызвать реакцію въ томъ направленіи, которое имѣютъ въ виду *сторонники премій за шестого или седьмого ребенка или налога на холостяковъ.* Убыль въ размѣрѣ, уже наблюдавшемся въ передовыхъ странахъ, убыль въ десятыхъ доляхъ процента будетъ молчаливо допускаться.

Истинный законъ народонаселенія можно изложитъ такъ: *съ достиженіемъ относительнаго благосостоянія, при расширеніи образованія и упроченіи личной свободы, населеніе каждаго государства имѣетъ тенденцію къ медленной ежегодной убыли.*

Въ теченіи двадцатаго вѣка число земныхъ обитателей едва ли достигнетъ 3.000 милліоновъ. Въ двадцать первомъ вѣкѣ вѣроятно, какъ теперь во Франціи, развитіе культуры пріостановитъ дальнѣйшее возрастаніе населенія. Для всего міра 3 милліарда въ 2000 году будетъ тою-же роковою цифрою, какъ 38 милліоновъ для Франціи въ 1900 году.

Нео-Мальтузіанцы не отступаютъ передъ подсчетами на ближайшую тысячу лѣтъ. Положимъ, говорятъ они, что удвоеніе будетъ происходить въ сто лѣтъ; тогда будетъ:

	Милліоновъ жителей.		Жителей на одинъ квадр килом. удобной земли.	
	Въ Европѣ.	На всей землѣ.	Въ Европѣ.	На всей землѣ.
Въ 1900 году . .	400	1.600	67	15
» 2000 » . .	800	3.200	134	30
» 2100 » . .	1.600	6.400	268	60
» 2200 » . .	3.200	12.800	536	120

	Милліоновъ жителей.		Жителей на одинъ квадр. килом. удобной земли.	
	Въ Европѣ.	На всей землѣ.	Въ Европѣ.	На всей землѣ.
Въ 2300 году . .	6.400	25.600	1.072	240
» 2400 » .	12.800	51.200	2.144	480
» 2600 » . .	51.200	204.800	8.576	1.920
» 2900 » . .	409.600	1.603.840	68.608	15.360

Продолжая расчетъ еще на одно тысячелѣтіе, получимъ ужасную картину — буквально недостанетъ мѣста.

Если, *подражая нео-мальтузіанцамъ*, сдѣлать расчетъ *согласно истинному закону* населенія и исходитъ изъ того, что уменьшеніе населенія на 0,01%, уже наблюдалось въ теченіе глубокаго мира въ богатой, образованной, свободной странѣ, то нижеслѣдующія вычисленія будутъ болѣе правдоподобны для отдаленнаго грядущаго:

	На землѣ будетъ жителей:
Въ 2000 году . . .	3.000.000.000
» 3000 »	1.103.237.299
» 4000 »	406.372.874
» 5000 »	149.442.000 и т. д.

Грядущее человѣчества представляется не въ видѣ гигантской борьбы за существованіе милліардовъ людей, а въ печальной долѣ Послѣдняго Человѣка; собравъ угасающія силы, ставитъ онъ символъ Искупленія надъ своей могилой, которую некому будетъ зарыть..

Предѣлъ увеличенія населенія несомнѣнно близокъ. И такъ какъ наиболѣе густо-населенныя страны могутъ прокормить по малой мѣрѣ въ четыре раза большее населеніе, то самый главный аргументъ противъ сво-

бодной иммиграціи исчезаетъ. Для Франціи уже теперь иммиграція становится цѣннымъ благомъ.

Ubi bene, ibi patria! Враги свободнаго переселенія считаютъ этотъ девизъ единственнымъ стимуломъ человѣческихъ поступковъ. Гдѣ климатъ, политическое устройство, заработная плата лучше, туда, якобы, и стремятся со всѣхъ сторонъ обильные потоки иммиграціи.

На самомъ дѣлѣ связь человѣка съ родиной очень крѣпка. Исторія, біологія, этнографія, ежедневныя наблюденія указываютъ, что только крайняя степень матеріальныхъ лишеній и нравственнаго униженія заставляетъ людей эмигрировать. Сравненіе лучшей доли чужеземца съ своимъ жизненнымъ удѣломъ имѣетъ мѣсто только при сознаніи безвыходнаго положенія.

Климатъ является первымъ могущественнымъ препятствіемъ даже къ временному переселенію. Въ жаркомъ поясѣ, гдѣ царитъ вѣчное лѣто и гдѣ почва сторицею вознаграждаетъ трудъ, европейцы въ немногихъ мѣстахъ въ состояніи уберечь свое здоровье. Наоборотъ для тѣхъ миріадовъ людей, которые родились подъ тропиками, два-три мѣсяца нашего холода совершенно невыносимы. Даже болѣе слабое различіе переносится плохо. Большинство русскихъ предпочитаютъ холодную зиму съ крѣпкими морозами и обильными снѣгами и жаркое, сухое лѣто мягкому сырому климату Запада. Санный путь въ теченіи трети года для француза, итальянца, испанца кажется бѣдствіемъ; русскій и шведъ считаютъ его большимъ благомъ.

Кромѣ климата орографія родины внушаетъ неизгладимыя привязанности.

Альпійскія зеленыя долины, обставленныя снѣжными горами, съ бурными потоками, впадающими въ ярко-голубыя озера, всегда будутъ манить швейцарца, куда бы ни занесла его судьба. Наоборотъ для жителя степей нѣтъ ничего обольстительнѣе безконечной рав-

нины. Китайцы, какъ говорятъ большинство наблюдателей, лишены патріотизма. Извѣстно, однако, что эти трудолюбивые иммигранты изъ своей скудной платы, изъ года въ годъ, откладываютъ грошъ за грошемъ, чтобы провести остатокъ дней на родинѣ. А такъ какъ весьма несложныя статистическія выкладки убѣждаютъ ихъ, что такая судьба достигается немногими (вслѣдствіе невѣроятнаго изнуренія)—то сбереженія предназначаются хотя бы на перевозку тѣла на родину и преданія землѣ вблизи родной кумирни.

Въ странахъ болѣе счастливыхъ, чѣмъ Китай и Индія, среди народной массы вѣрованія и традиціи никакъ не мирятся съ оставленіемъ отечества; а среди интеллигенціи— сознаніе большихъ недочетовъ въ укладѣ родной страны, ея бѣдность, отсталость являются не побужденіемъ къ эмигрированію, а призывомъ къ исполненію долга.

Громадныя переселенія XIX вѣка европейцевъ въ Америку, Австралію и Африку зависѣли больше всего отъ аграрныхъ ненормальностей. Преимущественное значеніе имѣло распредѣленіе земельной собственности и препятствіе къ ея переходу въ рабочія руки въ Англіи, Ирландіи, Германіи, Италіи. Свободныя земли за океаномъ съ одной стороны, майораты, ландлорды, заповѣдныя имѣнія, латифундіи, съ другой—въ совокупности дали стихійную мощь европейской эмиграціи. Не изъ густо населенныхъ мѣстностей являлся наибольшій процентъ выселяющихся. Ирландія и Мекленбургъ съ сравнительно рѣдкимъ населеніемъ дали весьма большой процентъ эмигрантовъ. Причиной являлось обезземеленіе народа. То же наблюдалось въ Англіи и въ Италіи.

Наибольшій процентъ эмигрантовъ составляютъ взрослые мужчины на возрастѣ отъ 15 до 40 лѣтъ

Женщинъ меньше 40%. Дѣтей мало. Стариковъ и больныхъ почти нѣтъ.

Большинство прибывающихъ привозятъ съ собой сбереженія.

Война со всѣми ея атрибутами и послѣдствіями формально осуждаетъ всѣ цивилизованныя правительства за безсиліе въ борьбѣ съ народной нуждой.

Десятки тысячъ рабочаго люда бѣгутъ изъ фабричныхъ округовъ Англіи и Германіи, покидаютъ цвѣтущіе города, подавляютъ въ себѣ любовь къ отечеству, переносятъ тоску по родинѣ, но спасаются отъ невыносимой жизни, убѣдившись, что у правительства не всегда хватаетъ средствъ на спасеніе народа отъ голодной смерти, ибо всѣ избытки идутъ на охрану мірового порядка вещей, созданнаго національнымъ антагонизмомъ.

Препятствія къ иммиграціи, увеличивая международную рознь, усугубляютъ и всѣ ея послѣдствія. Стремленіе къ выселенію возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ политическій горизонтъ тускнѣетъ, и заботы о самосохраненіи отодвигаютъ въ сторону всѣ другія начинанія. Открытыя границы даютъ противуположные результаты. Антагонизмъ смягчается, аггрессивные замыслы уменьшаются.

Съ отмѣною запрещеній и ограниченій иммиграціи, коренныя причины, заставляющія народныя массы искать счастья на чужбинѣ, будутъ постепенно исчезать. Эти запрещенія вообще имѣютъ странную цѣль мѣшать людямъ дѣлать то, что и безъ того противно ихъ природѣ, ихъ физической организаціи, привычкамъ, нравственнымъ потребностямъ.

Страны, открывающія границы свои иммиграціи, сѣютъ миръ въ другихъ странахъ и сами дѣлаются мирными. Источники матеріальнаго благосостоянія и

стимулы мирнаго развитія умножаются по обѣ стороны открытаго рубежа.

Безцѣльность ограниченій иммиграціи видна въ послѣдствіяхъ примѣненія законовъ 1882 и 1891 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

«Штатъ Нью-Іоркъ (говорятъ намъ—въ виду подавляющаго аргумента) тратитъ ежегодно свыше 20.000.000 долларовъ на призрѣніе бѣдныхъ. Вся Германія тратитъ меньше». Эти милліоны однако нѣсколько уменьшаются, если вычесть тѣ траты, которыя дѣлались бы на тотъ же предметъ безъ всякаго прилива переселенцевъ. Пусть 10—15 милліоновъ идутъ на помощь бѣднымъ иммигрантамъ. Муниципалитетъ Штата навѣрно не въ убыткѣ.

Извѣстно, что иммиграція, можно сказать, создала богатство Союза. Всего больше быстрое развитіе Штатовъ увеличиваетъ богатство Нью-Іорка. Его обитатели и его городскія и общинныя кассы навѣрно косвеннымъ путемъ десятикратно возмѣщаютъ себѣ убытки и издержки, неизбѣжныя съ еженедѣльнымъ прибытіемъ десяти, пятнадцати тысячъ заокеанскихъ пришельцевъ.

Русскій Министръ Финансовъ графъ Канкринъ считалъ желѣзныя дороги вредными, ибо облегченіе и удешевленіе передвиженія помогало «пагубной страсти людей къ праздношатанію». Въ концѣ XIX вѣка сторонники борьбы съ свободнымъ переселеніемъ и любители пограничныхъ стѣсненій держатся, повидимому, сходнаго мнѣнія.

ГЛАВА XI.

Свободное переселеніе и заработная плата.

Паденіе заработной платы при свободной иммиграціи—вотъ опасеніе, дающее популярность разнымъ запрещеніямъ и ограниченіямъ.

Если какая либо страна такъ счастлива, что ея рабочіе классы щедро оплачиваются, то это счастье должно, якобы, быстро исчезнуть отъ прилива дешевыхъ рукъ изъ-за рубежа. Американскіе рабочіе должны будто бы добиваться всевозможныхъ препятствій для европейскихъ переселенцевъ, ибо свободныхъ земель на Дальнемъ Западѣ уже не осталось, а куда же дѣнутся сѣрыя толпы, высаживающіяся съ иммигрантскихъ стимеровъ, какъ не на желѣзныя дороги, заводы и фабрики Восточныхъ штатовъ, гдѣ заработная плата и упадетъ значитъ до самаго низкаго уровня? Какъ удержаться тогда высокому standart of life американскаго рабочаго?

Населеніе Америки и Франціи не впадетъ ли въ нищету, если конкурренція на рынкѣ труда увеличится, вслѣдствіе вторженія голодныхъ и невзыскательныхъ чужеземцевъ?

Всѣ опасенія подобнаго рода имѣли твердое основаніе, пока въ наукѣ господствовала теорія заработнаго фонда. Пока заработная плата считалась результатомъ ариѳметическаго дѣленія, а число рабочихъ—дѣлителемъ, при постоянномъ (въ данный моментъ) дѣлимомъ Wage-fund,—тогда каждое увеличеніе населенія, являлось ли оно слѣдствіемъ естественнаго прироста или иммиграціи, одинаково, казалось, уменьшало заработную

плату. Когда ученіе о Wage-fund было оставлено, слѣдовало бы ожидать, что свободная иммиграція будетъ считаться столь же мало опасна, какъ и свобода заключенія браковъ... Къ сожалѣнію ложная теорія исчезла, а выводы изъ нея остались. Многіе законодатели и агитаторы погнались за дешевой популярностью. Въ наукѣ вопросъ разрабатывался мало. Пресса, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, настраивала рабочіе классы противъ переселенцевъ-конкуррентовъ.

Ораторы въ парламентахъ и на митингахъ, нападая на иммигрантовъ, имѣютъ случай заслужить извѣстность, какъ защитники высокой заработной платы.

Истина заключается въ томъ, что современная иммиграція въ весьма малыхъ размѣрахъ способна надолго уменьшить заработную плату. Если разсмотрѣть главнѣйшіе факторы, вліяющіе на оплату труда въ современныхъ культурныхъ государствахъ—*любой* изъ этихъ факторовъ оказывается сильнѣе переселенія.

По изслѣдованіямъ Американскаго «Департамента труда» средній годовой заработокъ взрослаго мужчины (не считая труда семьи, т. е. жены и дѣтей) равнялся за послѣдніе годы въ 2,672 франка 65 сантимовъ; средняя же величина для области, захватывающей Англію, Германію, Бельгію и Францію —1841 фр. 50 сантимовъ. Средній же годовой размѣръ (въ послѣднее десятилѣтіе) иммиграціи въ Соединенные Штаты значительно выше 500,000 душъ.

Свободныхъ земель, говорятъ намъ, въ Западныхъ Штатахъ не осталось. Слѣдовательно большая часть переселенцевъ остается въ Восточныхъ Штатахъ. Заработная плата однако въ общемъ не понижается, а милліоны иммигрантовъ не уравниваютъ платы по ту и другую сторону океана.

Тѣмъ не менѣе мы допускаемъ, что общее пониженіе заработной платы если не наступало въ Сѣверной

Америкѣ, то можетъ скоро наступить. Есть зловѣщіе признаки. Пролетаріатъ и пауперизмъ нарождаются въ Штатахъ. Допуская приближеніе такихъ невзгодъ и бѣдствій – мы утверждаемъ, что свободная иммиграція здѣсь играетъ ничтожную роль.

Запретить или стѣснить иммиграцію хотятъ съ цѣлью устраненія конкурренціи дешеваго пришлаго труда. Но отчего тогда позволяютъ ввозить машины?

Быстро слѣдующія одно за другимъ изобрѣтенія, новые механизмы и усовершенствованія подъ общимъ названіемъ *машинъ* представляютъ повидимому для заработковъ такую угрозу, предъ которой блѣднѣютъ всѣ неудобства отъ наплыва переселенцевъ. Ирландецъ и итальянецъ прибывая въ Нью-Іоркъ и Марсель готовы работать за *меньшую* плату; машины же разомъ оставляютъ *вовсе* безъ работы тысячи рабочихъ.

Добравшись до фермы Дальняго Запада европейскій выходецъ боится, чтобы нѣсколько бѣдняковъ, чего Боже сохрани, китайцевъ, не сбили цѣну на пахоту, сѣнокосъ, жатву, молотьбу; но для него будетъ безотраднѣе всего, если онъ увидитъ не живыхъ, а мертвыхъ конкуррентовъ, во образѣ сѣялокъ, вѣялокъ, молотилокъ, косилокъ, жатокъ, паровыхъ плуговъ и т. д.

Желѣзныя дороги разомъ лишаютъ заработка тысячи извозчиковъ. Въ городахъ ту же роль играютъ трамваи. Насколько должны понизить свои требованія посыльные, чтобы конкуррировать съ телефонами? Для грузчиковъ хлѣба устройство элеваторовъ конечно опаснѣе, чѣмъ наплывъ «кули». На заводахъ ручной трудъ вытѣсняется изо дня въ день.

О вліяніи машинъ на безработицу Прудонъ говоритъ въ своихъ «Contradictions économiqus» (4 ed. t. 1 p. 148—149) *).

*) Цит. у Леруа-Больё. Economie politique. T. I, p. 399.

«Тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ тягость работника, онѣ сокращаютъ и уменьшаютъ трудъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе предлагается и все менѣе требуется. Правда, мало по малу, уменьшеніе цѣны увеличиваетъ потребленіе; отношеніе возстанавливается и работникъ снова призывается; но такъ какъ техническія усовершенствованія появляются безпрестанно и стремятся постоянно замѣнить ручной трудъ дѣйствіемъ механизма, то отсюда слѣдуетъ, что имѣется постоянная тенденція сбавить часть работы, и слѣдовательно ограничить производство рабочихъ... Вопросъ не заключается только въ небольшомъ числѣ перемѣнъ, явившихся въ теченіи тридцати вѣковъ, вслѣдствіе введеній одной, двухъ, трехъ машинъ; вопросъ заключается въ феноменѣ правильномъ, постоянномъ и всеобщемъ».

Прудонъ находилъ полезнымъ, чтобы новыя машины и изобрѣтенія на цѣлый десятокъ лѣтъ *выставлялись въ музеи*, а не примѣнялись къ производству.

Сисмонди спрашивалъ у сторонниковъ быстраго, безпрерывнаго и безконечнаго прогресса техники, что станется съ рабочими классами Англіи, когда въ будущемъ изобрѣтенія дойдутъ до того, что одного рабочаго будетъ достаточно для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ страны.

Изъ новѣйшихъ писателей губительное дѣйствіе машинъ на судьбы рабочихъ признается Жидомъ (Gide, Principes, d'Economie politique), который съ горечью указываетъ, что земледѣльческія машины не увеличиваютъ урожая, а только сокращаютъ количество работы.

Чувства населенія относительно машинъ всегда были до нельзя враждебны.

Рошеръ и Леруа-Болье собрали много любопытныхъ данныхъ о борьбѣ властей и рабочихъ классовъ съ машинами.

Когда появился первый печатный станокъ, переписчики требовали отлученія отъ церкви всѣхъ рабочихъ въ типографіи.

Въ XVI вѣкѣ городъ Данцигъ запрещаетъ употребленіе первыхъ ленточныхъ станковъ (Bandmühlen); изобрѣтатель (Моллеръ) утопленъ народомъ. Въ Англіи, Голландіи, Швейцаріи, Германіи въ XVII вѣкѣ то-же изобрѣтеніе воспрещается. Сенатъ Гамбурга повелѣваетъ сжечь эти станки.

Въ 1623 году въ Голландіи воспрещаются механическія пилы, движимыя вѣтромъ.

Около того же времени во Франціи запрещается механическое производство пуговицъ.

Первые пароходы, употребленные для рыбной ловли, изрублены были въ щепы рыбаками.

Въ Ліонѣ Жаккардъ, геніальный изобрѣтатель станка для узорчатыхъ матерій, три раза долженъ былъ спасать свою жизнь отъ разъяренной толпы.

Въ 1830 году англійскіе рабочіе ломаютъ новые плуги и улучшенныя земледѣльческія орудія.

Даже въ наше время происходитъ нѣчто подобное. Въ Мексикѣ забота о бѣдныхъ содержателяхъ муловъ долго мѣшала постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ государствахъ Западной Европы не мало стачекъ было вызвано введеніемъ механическихъ станковъ, сокращавшихъ число рабочихъ.

Между 1875 и 1885 годами во многихъ европейскихъ портахъ носильщики хотѣли силой помѣшать устройству элеваторовъ.

Во время большой стачки бельгійскихъ стекольщиковъ была разрушена новая печь four à bassin— предметъ общей ненависти—ибо она ускоряла, удешевляла производство и дѣлала самую работу менѣе тяжелой и вредной.

Были сдѣланы попытки суммировать вліяніе машинъ и изобрѣтеній. Самымъ наглядным̀ъ является, какъ мы думаемъ, вычисленіе Джона Маллинсона (John Mollunson)*) (A letter to Merchants, Manufacturers and Operatives. Leeds. 1840). По этому вычисленію, въ 1792 году производительная сила машинъ въ Англіи равнялась всего лишь силѣ 12.000,000 человѣкъ; а въ 1840 году составляла силу, равную 600.000,000 людей.

Если бы потребленіе не возрастало, то гипербола Сисмонди была бы не далека отъ истины.

Несомнѣнно одно: тѣ лишнія дешевыя руки, давленія которыхъ на заработную плату опасаются, ничто въ сравненіи съ вторженіемъ машинъ. Если бы въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ съ 1792 до 1840 года въ Англію прибывало даже по полумилліону иммигрантовъ въ годъ, итогъ ихъ (вмѣстѣ съ потомствомъ) далъ бы не больше 40.000,000 рабочихъ. Машины дали въ двѣнадцать разъ больше, чѣмъ такой совсѣмъ несбыточный наплывъ рабочихъ силъ. Если строго оставаться на той именно точкѣ зрѣнія, на которой стоятъ современные враги иммиграціи, и привести вліяніе машинъ къ одному измѣренію съ наплывомъ рабочихъ рукъ, то для всей земли получается феноменъ равносильный тому, какъ будто рабочіе являлись съ другихъ планетъ. Изобрѣтенія Уатта, Аркрайта, Стефенсона, Морзе, Эдиссона, Белля и другихъ произвели такую пертурбацію, которая конечно не могла бы произойти, если бы все населеніе Индіи и Китая переселилось въ Европу, Америку и Австралію. Когда напримѣръ 10 рабочихъ выдѣлываютъ въ странѣ 48,000 булавокъ, то дешевые конкурренты опасны. Теперь дѣйствуетъ машина, на которой одинъ рабочій изготовляетъ въ день 600,000 булавокъ, т. е. вмѣсто 120 рабочихъ требуется для той

*) Янжулъ. Англійская свободная торговля, т. II, 371.

же работы одинъ человѣкъ. Что значитъ противъ этого иммиграція!

Въ своемъ послѣднемъ капитальномъ трудѣ Леруа-Болье является горячимъ защитникомъ машинъ. Онъ находитъ, что нападки и опасенія Прудона и Сисмонди могли имѣть основаніе въ ихъ время, но не въ наше; ибо тогда былъ «periode chaotique de la grande industrie»— эпоха рѣзкаго перехода отъ ручного труда къ машинному, при населеніи невѣжественномъ, лишенномъ организаціи, взаимопомощи, сбереженій и законовъ по охранѣ противъ злоупотребленій нанимателей. Теперь же рабочія массы имѣютъ нѣкоторое образованіе и обладаютъ правомъ ассоціаціи и не лишены нѣкоторыхъ сбереженій, личныхъ или коллективныхъ. Наконецъ законъ даетъ защиту, покровительствуетъ женщинамъ и дѣтямъ.

Затѣмъ Леруа-Болье настаиваетъ на слѣдующихъ особенностяхъ машинной обработки:

1) Машины, дѣлая свободной извѣстную долю труда, въ то же время освобождаютъ и извѣстную долю капитала и прибыли. «Эта прибыль освобожденная,— создаетъ новый запросъ на товары; этотъ капиталъ, освобожденный,—даетъ средство удовлетворить увеличенію въ спросѣ на товары» и благодаря тому, что является новый капиталъ и новая прибыль—рабочая сила, лишенная примѣненія, вслѣдствіе введенія той или другой машины, находитъ себѣ новое примѣненіе. Это теоретическое положеніе подтверждается многими примѣрами. Съ введеніемъ новѣйшей печатной машины, число рабочихъ, занятыхъ печатнымъ дѣломъ, увеличилось. Съ появленіемъ пароходовъ и паровозовъ увеличилось число людей, занятыхъ перевозкой товаровъ.

2) Указаніе Жида на увеличеніе безработицы отъ введенія земледѣльческихъ машинъ, безъ увеличенія продукта—невѣрно. Лучшая обработка, лучшій посѣвъ,

меньшая потеря при сборѣ, хорошее качество окончательнаго продукта достигаются машинами; урожаи получаются лучшіе и для злаковъ, и для корнеплодовъ, и для винограда и проч. При томъ же урожаѣ жатва будетъ обильнѣе, когда оканчивается скорѣе. Новѣйшія мельницы, напримѣръ, также увеличиваютъ количество муки при той же жатвѣ

3) Благодаря введенію нѣкоторыхъ машинъ, образовался постоянный непрерывный заработокъ для сотенъ тысячъ людей. Желѣзныя дороги въ одной Франціи кормятъ отъ 250,000 до 300,000 рабочихъ.

4) Эксплоатація бѣдняковъ при ручномъ трудѣ часто превосходитъ все, что приписывается худшимъ родамъ труда фабричнаго, какъ-то: женское и дѣтское переутомленіе, униженіе рабочаго, болѣзнетворная атмосфера. Довольно назвать Sweating Sistem—«систему потѣнія». Этимъ именемъ называютъ способъ исполненія работъ по изготовленію дешевой одежды (кройка, шитье, глаженье), способъ, состоящій въ послѣдовательной передачѣ поштучной работы отъ одного контрагента другому. Въ концѣ концовъ, послѣдній мелкій рядчикъ нанимаетъ людей за совершенно ничтожную цѣну, заставляетъ ихъ работать цѣлые дни въ ужасающей обстановкѣ. На двухъ, трехъ квадратныхъ метрахъ женщины и малолѣтнія дѣвочки трудятся по 18 часовъ въ сутки; здѣсь, конечно, не дѣйствуютъ ни фабричные законы, ни инспекторатъ.

5) Большіе заводы и фабрики въ періодъ кризисовъ, во время безработицы уменьшаютъ, но долго не прекращаютъ работы, хотя вовсе не имѣютъ заказовъ. Продолженіе производства вызывается техническими особенностями большихъ машинныхъ устройствъ, на которыхъ полная пріостановка и роспускъ рабочихъ слишкомъ невыгодно отзываются. Машины слѣдова-

тельно смягчаютъ для рабочихъ бѣдствія, производимыя стѣсненіемъ рынка.

Какъ ни защищаетъ Леруа-Болье машины, однако же признаетъ, что лишенія работника введеніемъ новыхъ машинъ и теперь имѣютъ мѣсто въ нѣкоторыхъ производствахъ и для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ *).

Карлъ Марксъ находилъ (Капиталъ Т. I, гл. IV, 4), что въ Западной Европѣ машины лишаютъ работника и въ то же время даютъ новый заработокъ; но второе вліяніе всегда отстаетъ отъ перваго. Вообще смягчающія «машинизмъ» вліянія, на которыхъ настаиваетъ Леруа-Болѣе, проявляются въ ограниченныхъ размѣрахъ. Анонимный русскій экономистъ въ «Очеркахъ пореформеннаго общественнаго хозяйства» доказалъ цифрами, что ростъ производства въ обработывающей промышленности происходитъ и въ Россіи быстрѣе, чѣмъ ростъ числа занятыхъ рабочихъ.

Споръ о машинахъ въ наше время имѣетъ, какъ мы думаемъ, ту особенность, что защитники ихъ напрасно защищаютъ, противники тщетно нападаютъ. Исполненіе предложенія Прудона немыслимо; защита Леруа-Болье ненужна. Рабочему люду иногда весьма тяжко приходится отъ введенія машинъ; но диспутъ тогда только утрачиваетъ академическій характеръ, когда идетъ вопросъ о томъ, *какъ* смягчить или *какъ* устранить бѣдствія, причиняемыя «машинизмомъ». Оптимистъ Леруа-Болье защищаетъ мнѣніе, что и при существующемъ экономическомъ строѣ все смягчается и въ концѣ концовъ все поправится само собой. Марксъ и многіе другіе думаютъ, что безъ перемѣны въ нынѣшнемъ экономическомъ строѣ, пониженіе заработной платы, ухудшеніе участи рабочихъ весьма тѣсно будутъ

*) Economie politique, p. 423, 428, т. III.

связаны съ новыми изобрѣтеніями, ведущими къ ускоренію и удешевленію производства.

Кто правъ въ споръ, перенесенномъ на эту почву, мы здѣсь разбирать не будемъ. Для насъ важно установить: во первыхъ, весьма серьезныя невзгоды, производимыя машинами, и во вторыхъ, полную невозможность въ наше время запрещенія или ограниченія «машинизма».

Съ тѣхъ поръ какъ рынокъ производства и обмѣна обнялъ цѣлый міръ, съ тѣхъ поръ какъ упрочилась вездѣ свобода научнаго и техническаго изслѣдованія—изобрѣтателямъ и собственникамъ машинъ нѣтъ опасности ни со стороны любыхъ экономическихъ трактатовъ, ни со стороны законодательныхъ мѣръ, ни отъ насилій уличной толпы. Прудонъ, Сисмонди, Марксъ и Жидъ могутъ писать, что имъ угодно, бельгійскіе стекольщики могутъ раззорить нѣсколько заводовъ, мексиканскій президентъ можетъ мѣшать постройкѣ рельсовыхъ путей,—техническія улучшенія будутъ идти впередъ тѣмъ же шагомъ. Каждое изъ изобрѣтеній, произведшихъ экономическій переворотъ, отъ машины Уатта до прибора Белля, умѣщалось на листѣ бумаги, гдѣ было помѣщено нѣсколько рисунковъ, формулъ и немного разъяснительнаго текста. Ни у властей, ни у кого другого нѣтъ средствъ помѣшать распространенію и увѣковѣченію новыхъ открытій человѣческаго генія. Съ тѣхъ поръ какъ конкурренція охватила всѣ народы земли—невозможно (даже при желаніи) понизить намѣренно техническій уровень производства.

Машины, могущія производить безработицу и давленіе на заработную плату не въ примѣръ сильнѣе иммиграціоннаго рабочаго прилива, – *машины не могутъ быть „упразднены“*. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ ополчаются противъ переселенцевъ?

Мы не можемъ ни въ одной культурной странѣ защитить рабочихъ классовъ отъ конкуренціи «желѣзныхъ людей» Маркса. Между тѣмъ мы набрасываемся на меньшихъ числомъ живыхъ конкуррентовъ и попираемъ гуманность и здравый смыслъ, ожесточаемъ націи другъ противъ друга, только потому, что живые конкурренты имѣютъ одно непростительное свойство—беззащитность.

Можно быть врагомъ Маркса, но трудно отвергать существованіе «резервной арміи промышленности». Многіе экономисты, расходящіеся вообще съ Марксомъ *) соглашаются, что скорбные полки безработныхъ составляютъ порожденіе капиталистическаго строя и въ то же время жизненное условіе для его невозбраннаго процвѣтанія.

Факты на лицо. При нынѣшнихъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, при международной розни, всегда имѣются тысячи людей, не находящихъ работы.

При населеніи той или другой густоты, при полномъ почти отсутствіи иммиграціи, отряды «резервной арміи»—разной силы—видны повсемѣстно. По Броуну

---

*) Авторъ настоящаго труда всегда готовъ отдать должное уму и таланту самого «учителя» и его новѣйшихъ изслѣдователей; готовъ признать и немаловажныя заслуги марксизма, а именно—обличеніе всей фальши современнаго государственнаго соціализма—(а въ Россіи борьбу съ нелѣпостями народнической партіи). Это не мѣшаетъ автору считать всю концепцію Маркса совершенно ложной и быть твердо убѣжденнымъ, что въ не особенно далекомъ будущемъ теорію «прибавочной цѣнности» (Mehrwerth, plus-value) постигнетъ та же участь, какъ и теорію заработнаго фонда (Wages fund). Недостатокъ времени и мѣста, а всего болѣе особая цѣль настоящаго труда не позволяютъ намъ останавливаться на ученіи Маркса; но мы имѣемъ смѣлость предсказать, что тѣмъ нео-марксистамъ, которымъ посчастливится прожить дольше, придется также отречься отъ теоріи прибавочной цѣнности, какъ Милль подъ конецъ своей жизни отрекся отъ *теоріи заработнаго фонда*.

и Ольденбергу—въ 1892—1893 годахъ (вполнѣ благополучныхъ) въ 31 городахъ Германіи при 2.500.000 населеніи было 42.000 безработныхъ, что составляетъ около 7% всѣхъ рабочихъ, при чемъ продолжительность безработицы продолжалась до 14 недѣль. Отсюда можно вывести, что для всей Германіи цифра 840.000—довольно вѣрно могла бы выражать силу «резервной арміи» въ извѣстный періодъ.

По даннымъ англійскихъ Trade-Unions вычисленъ слѣдующій процентъ безработныхъ:

	Съ 1868 по 1871 г.	Съ 1871 по 1874 г.	1879 г.	Среднее за 25 лѣтъ съ 1866 по 1890
I. Машиностроеніе .	8,3	—	13,3	0,9—13,3
II. Плотники и столяры	2,6	—	7,6	0,6— 7,8
III. Изготовленіе паровыхъ машинъ. .	5,7	отъ 0,5 до 3,9	10,1	0,53—13,9
IV. Чугунно-литейное производство . . .	18	—	22,3	1,4—22,3

Изъ этой таблицы видно, что британская «резервная армія» часто «мобилизируется» въ не менѣе внушительныхъ размѣрахъ, чѣмъ германская.

Какое число «баталіоновъ» можетъ прибавить свободная иммиграція? Если бы иммиграція широкой волной направилась въ Англію и Германію, то едва ли могла бы увеличить избытокъ рабочихъ рукъ на 100.000, даже на 50.000. Эти цифры отнюдь не могли бы измѣнить отношенія рабочей массы къ работодателямъ въ каждый данный моментъ. Періодъ Chomage не перешелъ бы въ другую рубрику, если бы вмѣсто 800.000 безработныхъ насчитано было бы 900.000.

Въ Соединенныхъ Штатахъ «резервная армія промышленности» только что начала нарождаться. Съ 1885 года въ Штатѣ Массачузетсъ приступлено къ производству переписи безработныхъ. Въ 1894 году

американская «армія» силою до 20.000 двинулась къ Вашингтону (куда однако дошло только 500 человѣкъ). Если сопоставить съ этими цифрами ежегодный приливъ иммиграціи, то оказывается, что именно въ той странѣ, гдѣ ежегодно прибывающіе новые пришельцы въ 25 разъ превосходятъ достигнутый фактически максимумъ безработныхъ, онъ до сихъ поръ увеличивается по какимъ то другимъ причинамъ, а не вслѣдствіе излишка переселенцевъ.

Давленіе на заработную плату можетъ производить 20.000 безработныхъ совершенно также, какъ и 30.000. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи оказывалась какая либо пропорціональность.

За извѣстными предѣлами сила резервной арміи для опредѣленія заработной платы имѣетъ очень мало значенія. Фабрикантъ и землевладѣлецъ можетъ сбавить цѣну въ виду толпы безработныхъ, стоящихъ у воротъ фабрики или усадьбы. Какъ велика эта толпа—разъ она состоитъ изъ многихъ сотенъ и тысячъ—на рѣшеніе это будетъ имѣть мало вліянія.

Никакое прибытіе дешевыхъ рабочихъ изъ за границы не въ состояніи создать такой безработицы, какая неизбѣжно слѣдуетъ за кризисами. Въ 1825, 1836, 1847, 1857, 1866, 1873 годахъ «резервная армія промышленности» разомъ утраивалась, учетверялась.

На счетъ причинъ промышленныхъ кризисовъ существуетъ много теорій, но ни одна изъ нихъ не приписываетъ кризиса иммиграціи.

Производство страдаетъ и принимаетъ иногда уродливыя формы, подвергается жестокимъ потрясеніямъ, вслѣдствіе противоестественной борьбы, гдѣ на одной сторонѣ находятся печатный станокъ, океанскіе пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны—на другой—тарифы запретительные, тарифы вызывающіе,

тарифы боевые, тарифы дифференціальные, тарифы автономные, пограничный кордонъ и громкіе девизы: Америка для американцевъ, Франція для французовъ и т. д.

Нѣкоторые экономисты готовы допустить свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ и въ то же время опасаются свободной иммиграціи; они упускаютъ изъ вида новыя условія міровой промышленности. «Вообще впадаютъ въ большую ошибку, — говоритъ Леруа-Болье *), относительно путей конкурренціи, которой индусы, китайцы и японцы, получившіе наши машины и снабженные нашими капиталами грозятъ Западу. Воображаютъ, что для нанесенія чувствительнаго вреда народамъ Европы и Америки необходимо было бы, чтобы китайцы явились на жительство въ качествѣ рабочихъ среди народовъ нашей культуры; это совершенно лишнее и по всѣмъ вѣроятіямъ не этимъ способомъ скажутся слѣдствія восточной конкурренціи. Достаточно, чтобы народы Крайняго Востока могли бы изготовлять у себя и вывозить затѣмъ ихъ товары по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ христіанскіе народы».

Само собою разумѣется, что конкурренція этого рода можетъ являться не со стороны однихъ «кули» и японцевъ, но и происходитъ вездѣ и повсюду... Только совершенное прекращеніе международнаго обмѣна, только отреченіе отъ всѣхъ успѣховъ XIX вѣка можетъ осмыслить запрещеніе свободнаго переселенія.

Не смотря на всѣ мрачныя предсказанія реальная заработная плата въ Европѣ и Америкѣ имѣетъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ тенденцію къ повышенію. Среди сложныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ этомъ направленіи, о которыхъ мѣсто не позволяетъ намъ говорить, есть одинъ феноменъ въ высшей степени важный для вопроса о вліяніи свободной иммиграціи на рынокъ труда.

*) l'Etat moderne et ses fonctions. p. 353, 354.

Высокая заработная плата оказывается *выгодна для работодателя*. Свойство это, подозрѣваемое еще Адамомъ Смитомъ, долго оставалось теоретическимъ положеніемъ, но въ послѣднее время мало по-малу пробивается изъ книги въ жизнь.

Свободный трудъ производительнѣе рабскаго. Покуда рабство господствовало — эта истина даже не сознавалась, а теперь стала очевидностью. Хорошо оплаченный трудъ относится къ скудно вознаграждаемому также, какъ этотъ послѣдній къ невольничьему. Такое соотношеніе станетъ общепризнаннымъ, когда тяжкая доля современнаго рабочаго отойдетъ въ область прошедшаго, подобно рабству и крѣпостному праву. Въ переживаемую переходную эпоху одна великая перемѣна содѣйствуетъ возвышенію вознагражденія за трудъ. Эта перемѣна заключается въ полномъ почти устраненіи человѣка изъ сферы животнаго, такъ сказать, труда, т. е. введенія машинъ. Людямъ не приходится ни вертѣть мельничныхъ жернововъ, ни грести на галерахъ, ни переносить громоздкихъ предметовъ. Постепенно силы природы исполняютъ тѣ работы, для которыхъ въ фаланстеріяхъ Фурье предназначались «когорты самоотверженныхъ». Молотилки, вѣялки и жатки исполняютъ свою задачу лучше человѣка. Городскіе отбросы удаляются водою въ канализаціонныхъ коллекторахъ. Скотъ выдаивается машинами. Механическіе прессы вытѣсняютъ старый способъ выжимки.

За тѣ работы, которыя исполняются нанятыми людьми въ культурныхъ странахъ вообще говоря стало выгодно платить щедро.

Извощика, носильщика, мусорщика, крючника — желательно было бы нанять какъ можно дешевле. Машинисту, кондуктору, телеграфисту, надзорщику водостоковъ, кочегару элеваторовъ — есть основаніе платить

больше — лишь бы имѣть усерднаго, исправнаго, знающаго, надежнаго человѣка.

При интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, при пользованіи машинами - выгодность дешеваго труда болѣе, чѣмъ сомнительна. То же можно сказать и о всѣхъ современныхъ фабричныхъ производствахъ. Дешевая и невзыскательная домашняя прислуга возбуждаетъ недовѣріе.

По Струве въ Германіи въ 1893 году «высшая плата сельскихъ поденщиковъ превосходила низшую на 193%, тогда какъ разница между высшей и нисшей цѣной ржи составляла только 29,3%. Заработная плата обыкновенныхъ поденщиковъ колебалась въ Германіи (Январь 1893 года) отъ 85 пфениговъ (Силезія) до 3 марокъ (Бременъ, Гамбургъ и вообще большіе города).

Для бременскихъ рабочихъ силезская конкурренція не менѣе опасна, чѣмъ прибытіе тысячей китайцевъ. „Мѣры“ противъ иммиграціи пришлось бы ввести внутри государства, а не на границахъ. Впрочемъ о такихъ мѣрахъ и ограниченіяхъ уже серьезно заходила рѣчь во время вѣнской безработицы 1896 года. Какъ протекціонизмъ, чтобы быть логичнымъ, долженъ вернуться къ внутреннимъ таможнямъ, такъ и «рабочій націонализмъ» (мы предлагаемъ этотъ терминъ) долженъ потребовать законовъ противъ свободнаго передвиженія гражданъ и дойти *до прикрѣпленія къ землѣ и средневѣковыхъ цеховъ.*

Иныя мѣры едва ли окажутъ дѣйствіе. Даже въ одномъ и томъ же городѣ болѣе прибыльныя, лучше оплачиваемыя профессіи могли бы пожалуй требовать законодательной охраны противъ досадныхъ конкурентовъ. Вовсе не говоря о вознагражденіи исключительномъ, вовсе не принимая въ разсчетъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, но поднявшись только

одной ступенью выше чернорабочихъ, мы находимъ громадное различіе въ цифрѣ заработка.

Въ Европейской Россіи по Орлову и Будагову („Указатель заводовъ и фабрикъ“) оказывается слѣдующая примѣрная норма *годового* заработка въ кредитныхъ рубляхъ въ разныхъ производствахъ:

Производства:	Рублей.
Сталелитейное	524
Каменотесное	388
Мукомольное	305
Химическое	282
Водочное	254
Стекляное	244
Лѣсопильное	237
Шляпное	206
Писчебумажное	175
Бумагопрядильное	158
Спичечное	122

Изъ этой таблицы видно, что сосѣдство возможныхъ конкуррентовъ не нивеллируетъ заработной платы. Не наплывъ переселенцевъ, а *иныя вліянія* понижаютъ ее.

Свободная иммиграція является кажущейся, а не дѣйствительной опасностью, случайнымъ предлогомъ преслѣдованія; она никогда не представляетъ причины зла.

Національная нетерпимость ведетъ къ страшнымъ противорѣчіямъ. По мнѣнію германскихъ экономистовъ (Шмоллера и друг.) нѣмецкія земли потеряли вслѣдствіе эмиграціи свыше 9.000 000.000 франковъ, каковой капиталъ почти полностью переведенъ въ Соединенные Штаты. Мы видѣли, что иммиграція въ Штатахъ въ

послѣдніе года выражается полумилліонами ежегодныхъ переселенцевъ. Между тѣмъ американская пресса, американскія трибуны и даже кафедра наполняются воплями о разорительномъ вліяніи европейскаго переселенія. Потерянные Германіей милліарды какъ будто тонутъ гдѣ-то въ Атлантическомъ океанѣ. Противорѣчіе между нѣмецкими и американскими экономистами было бы только любопытно, если-бы не грозило, въ ближайшемъ будущемъ, въ первые дни двадцатаго вѣка, посѣять сѣмя новой вражды. Міръ не разъ видѣлъ, какъ научныя заблужденія превращались въ зловредные законы.

Часть III.

ГЛАВА I.

Система правительственнаго содѣйствія народному труду въ государствахъ съ свободными границами. Государственное содѣйствіе не есть государственное вмѣшательство. Личная и имущественная безопасность, какъ экономическій факторъ.

И въ области науки, и во вседневной жизни часто слышны восхваленія принциповъ, исповѣдуемыхъ фритредерами; вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на невозможность примѣненія такихъ «красивыхъ» идей и одобряютъ средства содѣйствія отечественной промышленности, защищаемыя протекціонистами. Идеи фритредеровъ величественны, но не примѣнимы на практикѣ, или вѣрнѣе—могутъ быть проведены въ жизнь только въ самомъ отдаленномъ будущемъ; средства протекціонистовъ «непривлекательны принципіально, но практичны и полезны». Таковы взгляды, явные или тайные, многихъ экономистовъ и большинства государственныхъ людей.

Мы держимся иного мнѣнія. Фритредеры правы только въ своихъ обличеніяхъ дѣйствующихъ протекціонныхъ мѣръ; но они, фритредеры, неправы именно въ принципѣ. Ихъ основной постулатъ—бездѣйствіе государства—долженъ быть признанъ несостоятельнымъ въ томъфазисѣ соціальной жизни и международныхъ отношеній, который достигнутъ культурными народами. Современное правительство должно быть сильно матеріально и нравственно; сильно и дѣятельно. Дѣятельность его должна быть многостороння. Постоян-

ная забота объ отечественной промышленности должна составлять, вмѣстѣ съ охраной національной самобытности, основную задачу современнаго государства.

Обаяніе протекціонизма и причина его недавнихъ побѣдъ заключаются въ томъ, что его основныя положенія вѣрны. Промышленность, предоставленная своимъ силамъ, безъ широкой помощи правительства, во многихъ странахъ будетъ страдать. Современное правовое государство есть сообщество людей, связанныхъ вѣковыми традиціями и интересами, владѣющее громаднымъ запасомъ матеріальныхъ средствъ и могущее ихъ увеличить изъ плодовъ труда грядущихъ поколѣній. Вполнѣ естественно и благодѣтельно, чтобы столь сильная матеріально и морально ассоціація, чрезъ посредство тѣхъ, кто стоитъ во главѣ ея, при любыхъ формахъ политическаго устройства, оказывалась самодѣятельнымъ и могущественнымъ факторомъ во всѣхъ путяхъ увеличенія народнаго богатства.

Ошибка протекціонистовъ заключается въ томъ, что, увидѣвъ націи съ одной стороны, а объединяющійся всемірный рынокъ съ другой, они вмѣсто сознательнаго воздѣйствія государства, въ видахъ уменьшенія издержекъ и улучшенія производства, обратились къ искусственной дороговизнѣ, какъ къ спасительному коррективу и потому избрали такія средства, которыя, будучи мало дѣйствительны и раззорительны въ настоящемъ, просто губительны въ будущемъ—и близкомъ, и отдаленномъ, возстановляя одинъ народъ на другой.

Въ два послѣднія десятилѣтія популярность протекціонистовъ и непопулярность фритредеровъ объяснялась часто еще тѣмъ, что новѣйшіе законы, защитившіе народныя, рабочія массы отъ злоупотребленій со стороны работодателей — протекціонисты отчасти слили съ своей программой, отчасти пріурочили къ

ученію о такъ называемомъ *государственномъ вмѣшательствѣ*. Наоборотъ фритредеры противодѣйствовали вообще фабричнымъ и инымъ законамъ, облегчавшимъ положеніе рабочаго.

Въ настоящее время, когда эти законы вошли въ жизнь, повидимому, начинаетъ устанавливаться иной взглядъ на правовое основаніе этихъ законовъ. Обѣ доктрины имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ жгучему вопросу о регулированіи труда; достигнутое разрѣшеніе его вовсе не нуждается ни въ ученіи о государственномъ вмѣшательствѣ, ни тѣмъ менѣе въ союзѣ съ соціалистами. Гуманитарное толкованіе дѣйствующаго права, при полной экономической свободѣ и преобладаніи индивидуализма, достаточно, чтобы признать ничтожнымъ и покарать закономъ каждый актъ, который de facto приближаетъ положеніе наемника къ положенію раба, а власть нанимателя расширяетъ почти до власти рабовладѣльца. Тѣ гарантіи, которыя въ силу фабричныхъ законовъ, получаютъ минимальныя человѣческія потребности, какъ мы думаемъ, исходятъ изъ того же правоваго начала, которое запрещаетъ договоры на отдачу себя и своей семьи въ кабалу или въ какой либо суррогатъ рабства; запрещаетъ договоры, въ силу которыхъ жизнь, здоровье и честь человѣка жертвуются, подъ давленіемъ нужды, интересамъ предпринимателя.

Ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ слѣдовало бы подвергнуть пересмотру какъ съ правовой, такъ и съ экономической стороны. Мы держимся того убѣжденія, что современное государство съ его средствами, которыя чрезвычайно увеличатся, если международный антагонизмъ смягчится трудовымъ единеніемъ,—современное государство можетъ развить весьма широкую дѣятельность въ сферѣ народнаго хозяйства, нисколько не касаясь личной свободы и вовсе не вмѣ-

шиваясь въ хозяйственыя отношенія физическихъ и юридическихъ лицъ и воздерживаясь отъ регулирующихъ мѣръ, часто весьма вредныхъ, но въ послѣднее время распространяющихся и популярныхъ. *Популярность эти быть можетъ уменьшилась бы, если бы государственное вмѣшательство было разграничено отъ свободной государственной инициативы.*

Именно изъ такого разграниченія мы и будемъ исходить, излагая ниже наши взгляды на тѣ законодательныя, административныя и хозяйственныя мѣры, посредствомъ которыхъ государственный суверенитетъ можетъ оказать широкое воздѣйствіе на улучшеніе условій народнаго труда въ странѣ, границы которой постепенно освобождаются.

Система активнаго протекціонизма въ государствѣ со свободными границами можетъ быть построена на почвѣ чистаго индивидуализма. При томъ фазисѣ культуры, который достигнутъ въ послѣднюю четверть XIX вѣка, благодаря предшествовавшимъ міровымъ переворотамъ, вполнѣ естественно ожиданіе, чтобы государство, общество и личность на экономической почвѣ вступили въ свободную кооперацію, подобно той коонераціи, которая постоянно даетъ столько блестящихъ результатовъ въ сферѣ научнаго знанія. Принципъ свободныхъ границъ, положенный въ основу, чрезвычайно облегчаетъ построеніе такой системы положительнаго государственнаго воздѣйствія на отечественную промышленность.

Личная и имущественная безопасность, какъ безповоротно уже сознано, представляетъ наиболѣе цѣнное благо, являющееся послѣдствіемъ укрѣпленія государственной власти и усвоенія правовыхъ нормъ.

Современныя цивилизованныя государства рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ государствъ минувшихъ вѣковъ, отъ большинства полукультурныхъ земель и отъ многихъ экзотическихъ странъ, гдѣ усвоена внѣшняя форма права, принята даже республиканская форма правленія, при одновременномъ царствѣ произвола и насилія.

Возникновеніе и процвѣтаніе новѣйшей формы промышленности неразрывно связано съ правовыми устоями государственнаго устройства. Народы могли жить цѣлые вѣка либо въ патріархальномъ, либо въ слабогражданственномъ, либо въ кастовомъ устройствѣ. Современныя націи Западной Европы уцѣлѣли, несмотря на безправіе феодальныхъ порядковъ, а Россія вынесла удѣльныя войны и татарскій погромъ. Новѣйшая индустрія не перенесла бы ничего подобнаго. Свободный, упорный, координированный трудъ, который, пользуясь невиданными и неожиданными успѣхами науки, могъ создать въ нѣсколько десятилѣтій милліарды богатства, возможенъ только при условіи укрѣпленія за всѣми и каждымъ личной и имущественной неприкосновенности.

Какъ ни велика безопасность, благодаря которой стало возможно нарожденіе и функціонированіе чувствительнаго и какъ бы открытаго отовсюду, современнаго экономическаго организма, — эта безопасность нигдѣ не является абсолютной и въ разныхъ цивилизованныхъ государствахъ достигнута въ различной степени.

Вѣроятность непріятельскаго вторженія—внѣшняя безопасность—зависитъ отъ географическаго положенія, отъ военной силы и отъ политики. Фабрика на берегахъ Волги по отдаленности, заводъ на Темзѣ вслѣдствіе островнаго положенія—защищены природою. Мастерскія въ Берлинѣ защищены грозной арміей.

Французскіе виноградники ограждены линіями крѣпостей и фортовъ. Швейцарія и Бельгія надѣются на свой нейтралитетъ. Шансы военнаго раззоренія въ зависимости отъ такихъ условій калеблются въ большихъ предѣлахъ. Внутренняя безопасность зависитъ отъ совершенства законовъ, полиціи, судовъ—совершенно различныхъ у разныхъ народовъ. На русскихъ окраинахъ, напримѣръ на Кавказѣ, угроза является со стороны дикости малоцивилизованнаго населенія. Въ южной Италіи не совсѣмъ искоренены разбои. Въ большихъ фабричныхъ центрахъ Франціи, Бельгіи, Германіи, Англіи подчасъ возбуждаютъ тревогу какъ называемые рабочіе безпорядки. Первостепенное значеніе имѣетъ устойчивость денежной системы, строгое исполненіе обязательствъ правительства, политика налоговъ, совокупно вліяющіе на общій уровень кредита и обезпеченіе капитала, отечественнаго и иностраннаго.

Правильный ходъ развитія производства и даже стоимость обработки въ сильной степени зависитъ отъ этихъ элементовъ личной и имущественной безопасности. Если итоги этихъ условій различаются немного, то и соотвѣтственная разница въ издержкахъ производства не велика.

Опытъ показываетъ, что при полной свободѣ обмѣна, внутри государства, или въ чертѣ таможеннаго союза, нѣсколько большія издержки производства, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, не мѣшаютъ возникновенію промышленныхъ центровъ. Поэтому мы вправѣ заключить, что и нѣкоторый, незначительный прибавочный рискъ не создаетъ еще замѣтныхъ препятствій для процвѣтанія промышленныхъ предпріятій. Но очевидно, есть такія отрицательныя вліянія, которыя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ставятъ трудъ и капиталъ въ условія малой обезпеченности, и тогда полная свобода сношеній и обмѣна ведетъ къ тому, что въ странѣ съ слабой

степенью безопасности остаются лишь грубыя отрасли промышленности; все остальное, требующее болѣе совершенныхъ и дорогихъ орудій обработки, всѣ роды производства, дающіе большую прибыль, передвигаются въ страны, гдѣ имѣется лучшая увѣренность въ ближайшемъ будущемъ.

Въ Турціи и Персіи, несмотря на военный надзоръ державъ и на консульскую юрисдикцію, личность и собственность имѣютъ тамъ мало дѣйствительныхъ гарантій, что природныя богатства страны лежатъ втунѣ по одной этой причинѣ. Немного лучше и въ республикахъ Центральной и Южной Америки, гдѣ банкротныя или просто разбойничьи правительства, съ хартіями, списанными съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ въ рукахъ, всегда готовы накинуться на богатства иностранцевъ, привлеченныхъ высокими прибылями. Экзотическія междоусобія, въ наше время, по свидѣтельству г. Іонина, стали мало кровопролитными, за то сопровождаются усиленнымъ грабежомъ. Фабрикантъ и фермеръ въ Перу и Боливіи имѣетъ святое право требовать большого барыша, чѣмъ въ окрестностяхъ Лондона.

Цѣлая пропасть, конечно, отдѣляетъ государства Европы и Сѣверной Америки и ихъ колоніи отъ царства пашей и растакуеровъ. Но промышленныя предпріятія пользуются весьма неодинаковою обезпеченностью и во всѣхъ правовыхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ Штатахъ Юга и Дальняго Запада предприниматель не склоненъ заводить дѣло съ умѣренными доходами, такъ какъ законъ Линча,—весьма непривлекательный суррогатъ правовыхъ отношеній.

Въ Старомъ Свѣтѣ Португалія и Греція имѣютъ несчастіе управляться властями, мало внушающими довѣріе. Французскіе и швейцарскіе предприниматели могутъ опасаться тенденціознаго направленія, которое

усвоили демократическія партіи въ вопросѣ о налогахъ на доходъ, на прибыль, на капиталъ. Всѣ подобныя причины создаютъ несомнѣнно неблагопріятныя условія, которыя затрудняютъ національное производство и могутъ дать, сами по себѣ, такое увеличеніе риска, а слѣдовательно и стоимости производства, что, при полной свободѣ международнаго обмѣна, успѣхи на міровомъ рынкѣ оказываются сомнительными.

Возмпщеніе такого риска тарифами — весьма прискорбный исходъ изъ затруднительнаго положенія. Исторія помянетъ недобрымъ словомъ всѣ пограничныя обложенія, компенсирующія политическіе и соціальные изъяны.

Внутренняя безопасность недостаточна, полиція плохо организована, суды медленны и дороги, налоги велики и несправедливы, кредитъ плохъ, поэтому при равенствѣ прочихъ условій промышленность уступаетъ иностранной. На міровомъ рынкѣ она не можетъ показаться. Чтобы *охранить* по крайней мѣрѣ туземный рынокъ—облагается ввозъ заграничныхъ товаровъ!

Принципъ положительной системы требуетъ иного образа дѣйствій. Понимая *безопасность* въ обширномъ смыслѣ, какъ общій итогъ гарантій жизни и собственности и отказавшись навсегда отъ тарифнаго нивеллированія, правительство должно поставить упроченіе безопасности, какъ основной устой положительнаго государственнаго покровительства народному труду.

Арміи, флоты, крѣпости, военные фонды разсматриваются до сихъ поръ, какъ необходимые и естественные элементы внѣшней безопасности. Армію сравниваютъ съ дорогой, но надежной плотиной, которая предохраняетъ страну отъ разрушительнаго потока, т. е. непріятельскаго вторженія.

Опытъ показываетъ, что хорошая армія и еще болѣе крѣпкая военная организація бодраго духомъ

народа имѣетъ первостепенное значеніе и надежно охраняетъ *политическое существованіе націи, ея независимость и честь.* Пруссія при Фридрихѣ Великомъ, Англія при Елизаветѣ и Наполеонѣ, Франція во время революціи, Россія въ 1812 году—отбились отъ подавляющихъ коалиціонныхъ силъ. Для борьбы за независимость и цѣлость отечества превращеніе половины территоріи въ театръ войны является второстепеннымъ эпизодомъ, а иногда прямо входитъ въ планъ оборонительныхъ военныхъ дѣйствій. Но *для промышленности* такая форма стратегическихъ операцій убійственна. Германія разсчитываетъ защищаться отъ бѣдствій вторженія быстрымъ наступленіемъ въ непріятельскую страну, предполагая превзойти враговъ скоростью мобилизаціи и сосредоточенія войскъ. Такой образъ дѣйствій требуетъ ряда побѣдъ въ первый періодъ компаніи. Въ противномъ случаѣ бѣдствія вторженія будутъ только отсрочены на двѣ, три недѣли. „Богъ воинствъ“, къ которому обращается своеобразная фразеологія первой прокламаціи, часто обманываетъ человѣческое предвидѣніе.

Франція загородила опасную границу сплошнымъ рядомъ крѣпостей. Противъ Италіи въ виду особыхъ условій мѣстности и свойствъ непріятеля, такая защита можетъ быть и рѣшаетъ вопросъ. Въ Эльзасѣ—иллюзіи напрасны. Непріятель можетъ быть задержанъ, но не остановленъ укрѣпленными лагерями и фортами-заставами. Прорвется ли врагъ къ Парижу—будетъ зависѣтъ не отъ осадъ, а отъ сраженій.

Англія находится несомнѣнно въ болѣе счастливомъ положеніи. Но если флотъ будетъ разбитъ, тогда непріятельская высадка, даже въ концѣ концовъ отраженная, произведетъ бѣдствія, которыя тяжко отзовутся на долгіе годы.

Внѣшняя безопасность, надежная охрана отъ насилій и раззоренія, связанныя съ пребываніемъ, хотя бы и непродолжительнымъ, въ странѣ непріятельскихъ войскъ, достигается не военной силой, а тѣми способами, которые предотвращаютъ самую войну. Единственнымъ способомъ. которымъ достигается дѣйствительный миръ, должно быть въ наше время признано — свободное общеніе съ другими культурными націями. Свободная граница будетъ предохранять отъ непріятельскаго вторженія, хотя бы на ней не было ни одной крѣпости, ни одного баталіона.

Ссылаясь на рядъ фактовъ, приведенныхъ во второй части этого труда, мы позволяемъ себѣ настаивать на полной пропорціональности высоты «пограничной стѣны» со степенью аггрессивныхъ замысловъ по обѣ ея стороны. А потому и пониженіе этой стѣны есть лучшее и болѣе вѣрное средство охранить отечественную промышленность отъ бѣдствій непріятельскаго нашествія, чѣмъ громадныя военныя силы. Будемъ разсчитывать на интересъ, а не на чувства людей, и тогда упраздненіе каждой таможни дастъ эквивалентъ въ смыслѣ ослабленія арміи, флота, крѣпостей. Мы готовы поддержать сравненіе арміи съ плотиной. Продолживъ аналогію, можно сказать, что самыя прочныя плотины прорывались, когда вода подымалась, и разъяренная стихія несла гибель и раззореніе. При плотинѣ малой высоты, но съ отвореннымъ постоянно водоспускомъ, никакой опасности нѣтъ.

Количество вооруженныхъ силъ, необходимыхъ для поддержанія порядка и содѣйствія полиціи, въ случаѣ безпорядковъ, въ значительной степени сокра-

тилось, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ и съ введеніемъ пароходства. Въ Европейскихъ государствахъ, наличное количество войскъ, вѣроятно, въ десять разъ превосходитъ потребности внутренней охраны.

Нѣсколько большая военная сила должна быть сохранена до тѣхъ поръ, пока существуютъ еще варварскія государства, подобныя Турціи, Персіи, Китаю, мечъ надъ которыми всегда долженъ быть поднятъ; каждая успѣшная война съ этими расами любого культурнаго государства, не въ обиду будь сказано обществамъ мира, есть несомнѣнный шагъ на пути прогресса. Для будущности человѣчества важно скорѣйшее достиженіе прочнаго мира между культурными христіанскими народами. При свободныхъ *между ними* границахъ и при исчезновеніи антагонизма между ними, уничтоженіе мирными или *военными* средствами варварскихъ государствъ и земель, занимаемыхъ дикими племенами, завершится полюбовно.

Неуклонное поддержаніе порядка и одинаково суровое отношеніе ко всякому насилію надъ личностью и собственностью, откуда бы и во имя чего оно ни дѣлалось, именно въ наше время имѣетъ большое экономическое значеніе. Страна, гдѣ одинаково обезпечены и роскошный дворецъ, и скромная хижина, гдѣ никакіе электоральныя соображенія не помѣшаютъ оберегать фабрику и магазинъ, хотя бы принадлежащіе субъектамъ, не внушающимъ сочувствія,— такая страна имѣетъ преимущество въ промышленномъ отношеніи.

«Если изъ городовъ—говоритъ Леруа-Болье *)—мы перейдемъ въ деревни, то увидимъ развившееся за

*) l'Etat moderne p. 106

послѣднее время грабительство—безнаказанное, если не покровительствуемое, почти терпимое, показывающее, во всякомъ случаѣ, что съ точки зрѣнія чисто матеріальной безопасности, намъ далеко еще до совершенства».

Мы думаемъ, что большія заботы объ искорененіи такихъ золъ были бы лучшимъ актомъ покровительства французскому земледѣлію и фабрично-заводской промышленности, чѣмъ пошлины г. Мелина.

Послѣ великихъ перемѣнъ седьмого десятилѣтія, старое безсудье и произволъ отошли, въ основныхъ своихъ чертахъ, въ область прошедшаго. Въ Россіи новые суды явились, послѣ памятнаго акта 1864 года, вѣчнымъ доказательствомъ живой силы идеи права и великихъ общественныхъ силъ. Во Франціи въ 1870 г. исчезло тлетворное для юстиціи вліяніе наполеоновскаго режима. Германскіе суды объединились. Въ Австріи и Италіи установились совершенно иные юридическіе порядки. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ исчезновеніемъ рабовладѣнія и для юстиціи началась новая эра.

Можно принять, что въ главныхъ основаніяхъ правовые устои, безъ которыхъ не можетъ развиться народное производство и приращеніе богатства, укрѣпились уже во всѣхъ христіанскихъ культурныхъ государствахъ. Продажность и произволъ не стоятъ болѣе на пути экономической эволюціи.

Тѣмъ не менѣе и въ сферѣ администраціи и юстиціи есть прискорбные изъяны, отъ которыхъ не мало страдаетъ промышленность и торговая дѣятельность. Безопасность въ обширномъ смыслѣ состоитъ не только въ устраненіи опасности войны и внутреннихъ безпорядковъ, но и въ ненарушаемомъ господствѣ идеи права.

Неподкупность судовъ достигнута вездѣ въ цивилизованномъ мірѣ, кромѣ, конечно, нѣсколькихъ несчастныхъ американскихъ республикъ. На *безпристрастіе*

суда можно разсчитывать меньше. Для промышленныхъ интересовъ каждаго государства есть два вопроса, въ которыхъ особенно важна объективность судебныхъ и административныхъ органовъ и именно въ этихъ вопросахъ господствуютъ въ сильной степени субъективныя начала. Мы разумѣемъ во первыхъ охрану имущественныхъ интересовъ иностранцевъ (въ особенности охрану иностранныхъ капиталовъ); во вторыхъ дѣла частныхъ лицъ и учрежденій съ правительствомъ. Истина нерѣдко здѣсь расходится съ общественнымъ мнѣніемъ, а власть, склонная дорожить популярностью (а также интересами фиска), готова отстаивать неправую сторону (побуждаемая еще и національнымъ чувствомъ).

Возникновеніе многихъ предпріятій, хотя бы и на иностранные капиталы, во всякомъ случаѣ считается признакомъ промышленнаго развитія. Сторонники таможенной охраны съ радостью указываютъ, что высокія цѣны, обусловленныя высокими пошлинами, привлекли недостающіе странѣ капиталы изъ чужихъ краевъ. Но когда иностранный предприниматель получаетъ большіе барыши, тогда поднимается ропотъ, сила котораго пропорціональна размѣру прибыли. «Наши деньги уходятъ заграницу» — тема обширная и весьма популярная.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, богатыхъ энергіей и предпріимчивостью, но бѣдныхъ свободными капиталами, народилась особая техника по притѣсненію и обману англійскихъ капиталистовъ, — техника, — иногда приближающаяся по характеру къ своего рода модному спорту. Французскій капиталистъ въ Германіи, и германскій капиталистъ во Франціи также удивились бы, еслибы нашли справедливость и вниманіе у властей и суда.

„Хотя капиталы, говоритъ Леруа-Болье, могли бы помѣщаться часто съ выгодою, въ независимыя экзотическія страны, однако же несомнѣнно, что собствен-

ныя колоніи, доставляютъ капиталамъ метрополіи, во многихъ случаяхъ, поприще болѣе обезпеченное и менѣе непостоянное. Англичане, напримѣръ, никогда не наталкивались въ Индіи и Австраліи (хотя послѣдняя плохо управлялась) на такія нарушенія права и узаконенныя конфискаціи, съ коими имъ приходилось имѣть дѣло въ Аргентинѣ, Уругваѣ, не говоря уже о Португаліи, Греціи и другихъ странахъ» *).

Въ другомъ своемъ трудѣ (о колонизаціи) тотъ же экономистъ говоритъ: (отвѣчая тѣмъ, кто сомнѣвается въ пользѣ колоній)

«При равенствѣ прочихъ условій всегда лучше одолжать свои капиталы въ свои собственныя колоніи, чѣмъ въ чужіе края, въ виду большей увѣренности въ хорошей администраціи, нелицепріятномъ правосудіи, хорошемъ пріемѣ и справедливомъ обращеніи населенія и властей. Многія государства обнаруживаютъ стремленіе сурово относиться къ тѣмъ иностраннымъ капиталамъ, которые не могутъ разсчитывать на внѣшнюю поддержку. Въ этомъ отношеніи капиталисты подвергаются меньшему риску въ колоніяхъ, которыя представляютъ какъ бы расширеніе митрополіи».

Свой взглядъ Леруа-Болье подтверждаетъ рядомъ недавнихъ фактовъ. Въ 1881 году Англія угрозами заставила компанію Суецкаго канала уменьшить тарифъ (что не было предвидѣно въ Уставѣ) и произвести работы, «которыя могли бы быть отложены, безъ всякаго вреда». Убытки, понесенные Компаніей отъ такого насилія можно исчислить въ 20.000.000 франковъ въ годъ, что равняется капиталу въ 450—500 милліоновъ франковъ ущерба, нанесеннаго французамъ акціонерамъ». Нѣсколько ранѣе египетское правительство безъ всякой необходимости, уменьшило проценты по египетскому

*) Traité d'Economie politique T. IV, p. 654.

долгу на одну треть, отчего французскіе держатели бумагъ потеряли до 250.000.000 франковъ.

«Въ Португаліи, Испаніи, Италіи старались болѣе или менѣе беззаконно, изъять изъ завѣдыванія французовъ предпріятія, основанныя на французскія деньги или же раззорить и нанести убытки французскимъ предпріятіямъ замысловатыми и неправомѣрными путями (достаточно упомянуть дѣла Римской желѣзной дороги, Лимбардскихъ желѣзныхъ дорогъ, Ліонскаго поземельнаго кредита въ Лигуріи).

«Французскіе капиталисты, — заключаетъ Леруа-Болье,—были ограблены на 80—100 милліоновъ франковъ дохода или на 2 милліарда франковъ капитала, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, вслѣдствіе увертокъ, придирокъ, притѣсненій и нравонарушеній иностранныхъ правительствъ».

«Въ такое время, когда духъ протекціонизма и монополіи проснулся повсюду, когда грубость властей входитъ въ обыкновеніе, колоніи даютъ неопровержимую пользу, просто съ точки зрѣнія помѣщенія, открытаго капиталамъ метрополіи на законныхъ и справедливыхъ условіяхъ» *).

Мы думаемъ, что сочиненія Леруа-Болье оказали немалое вліяніе на колонизаціонную политику Франціи, Германіи, Италіи, Бельгіи, Испаніи. Сторонникъ мира, онъ, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на сохраненіи старыхъ колоній и захватѣ новыхъ. Международный антагонизмъ создалъ издателю «Economiste fransais», благосклонную аудиторію. Франція и Германія оказались достаточно сильны, чтобы преодолѣть, безъ особыхъ невзгодъ, колонизаціонныя неудачи. Другимъ повезло менѣе: Бельгія много затратила на Конго. Хуже всего пришлось Италіи въ Африкѣ и Испаніи на Кубѣ.

---

*) De la Colonisation chez les peuples modernes 4 ed. p. 710—711.

Быть можетъ и Англія усугубила свое колонизаторское рвеніе, подчиняясь всеобщему теченію.

Какъ видно, аггрессивная политика, менѣе конечно опасная за океаномъ, рекомендуется въ виду того, что только въ предѣлахъ своего отечества можно разсчитывать на справедливость. Аргументъ касается очевидно одинаково и метрополіи. Если парижанинъ или берлинецъ рѣшился дать деньги на постройку желѣзной дороги въ Ломбардіи, а затѣмъ былъ обсчитанъ и обиженъ и не нашелъ управы въ Миланскомъ судѣ, то вопросъ никакъ не касается колонизаціи, ибо въ Ломбардіи случилось то же, что могло случиться въ Абиссиніи или Сіамѣ. Истина заключается въ томъ, что экономическая рознь, войны и неправосудіе соединены между собою весьма крѣпкой связью.

Честность оказывается въ частной дѣятельности выгодной весьма часто. Для государства честность выгодна всегда.

Промышленность, а вмѣстѣ съ ней и фискъ получатъ обильнѣйшія средства при строгомъ соблюденіи законовъ и договоровъ. И свой, и чужой капиталъ, благодаря укрѣпленію того живительнаго начала, которое русское законодательство именуетъ «народнымъ довѣріемъ»—будетъ довольствоваться меньшей прибылью. Никакія пошлины не могутъ замѣнить народнаго довѣрія. Тарифы могутъ создать тепличное процвѣтаніе нѣсколькихъ родовъ производства. Но сумма прибыльности народнаго труда будетъ во много разъ больше, если капиталы обильно притекутъ въ надеждѣ на одинъ изъ лучшихъ видовъ активнаго протекціонизма—правосудіе. Высокія пошлины могли, напримѣръ, въ Италіи, вызвать нѣсколько богатыхъ мануфактуръ, ко-

торыя основали французы-предприниматели, рискуя натолкнуться на пристрастное отношеніе властей. Съ уничтоженіемъ тарифовъ, *при нынѣшнихъ* порядкахъ трудность достать деньги вѣроятно превратилась бы въ невозможность. Но при *открытыхъ* повсюду *границахъ* и *при полной охранѣ иностранныхъ предпріятій*, подъемъ производства былъ бы весьма великъ и обогатилъ бы страну.

Отъ правительства вполнѣ зависитъ заставить свои судебные и административные органы держаться неизмѣнно строгаго ригоризма по отношенію къ иностранному капиталу и усвоить благожелательное къ нему отношеніе. Если даже общественное мнѣніе будетъ на одной сторонѣ, а нелицепріятная бюрократія на другой, идея права пусть наклонитъ вѣсы Ѳемиды. Такой порядокъ вещей подорветъ аггрессивныя вожделѣнія и дастъ возможность странѣ всегда черпать изъ всемірнаго рынка капиталовъ.

Упроченіе валюты денежныхъ знаковъ должно быть отнесено къ такимъ правительственнымъ мѣрамъ, которыя, являясь элементомъ безопасности капитала и труда, выражаютъ собой одинъ изъ существенныхъ и благотворныхъ видовъ положительнаго воздѣйствія на народное производство.

Покуда валюта колеблется, всѣ—отъ милліонера, фабриканта до послѣдняго поденщика—какъ бы спекулируютъ, совершенно невольно. Пока не установилось прочнаго и обезпеченнаго золотого размѣна, общая неувѣренность мѣшаетъ приливу капиталовъ къ здоровымъ отраслямъ промышленности. Колебанія примѣрно принимаются въ разсчетъ и просто увеличиваютъ элементъ риска. Въ общемъ промышленность много те-

ряетъ. А тарифъ колеблется изо дня въ день въ размѣрѣ, немыслимомъ даже при échelle mobile. Покуда курсъ бумажныхъ денегъ вноситъ спекулятивный элементъ во всѣ экономическія отношенія, какой фальшью звучатъ іереміады противъ биржевой игры, откуда бы онѣ не исходили!

Важно не одно установленіе, но и упроченіе валюты. Обезцѣненіе кредитныхъ знаковъ наступаетъ иногда послѣ того, какъ на сцену являются новые люди и наступаютъ другія времена. Только тѣ реформы успѣшны, которыя не принесутъ разочарованія послѣдующему поколѣнію. Графъ Канкринъ произвелъ девальвацію въ 1839 году. Онъ умеръ въ 1845 г. Лажъ появился два года спустя, а размѣнъ былъ вновь прекращенъ въ 1856 году. Теперь событія идутъ быстрѣе. Италія возстановила размѣнъ въ 1883 г., а въ 1887 г. появился лажъ на золото около $2^1/_2{}^0/_0$, потомъ перешагнувшій за $10^0/_0$.

Обезпеченіе размѣна зависитъ отъ многихъ причинъ; отъ богатства и производительности страны, отъ равновѣсія въ бюджетѣ, задолженности страны, ея кредита, отъ внѣшней политики, разсчетнаго (а не торговаго) баланса. Весьма осязательной гарантіей считается порученіе выпуска размѣна независимому эмиссіонному учрежденію, - банку національному, на половину правительственному, или даже государственному, но изъятому изъ непосредственнаго вѣдѣнія финансоваго управленія. Наиболѣе солидными оказались на дѣлѣ банки Англійскій и Французскій. Вездѣ, гдѣ принудительный курсъ сохранился, или гдѣ онъ вновь появляется, у него оказываются защитники, отчасти въ силу личныхъ интересовъ, отчасти вслѣдствіе прискорбнаго пристрастія къ бумажной Калифорніи, столь легкаго повидимому средства пополнить казначейство и снабдить рынокъ желаемымъ количествомъ размѣн-

ныхъ знаковъ, избѣгая налоговъ и процентныхъ займовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ концѣ 1878 года образовался союзъ аграріевъ съ соціалистами, подъ названіемъ «Партія Труда и Бумажныхъ денегъ» «Labour and Greenback Party».

Въ странахъ гдѣ правительство перестаетъ платить по государственнымъ займамъ, частная предпріимчивость подрывается. Государственное банкротство всегда есть несправедливая конфискація и коренное нарушеніе правового порядка. Интенсивная форма производства не находитъ для себя облегченныхъ условій развитія. Капиталъ склоненъ эмигрировать. Даже высокій процентъ не соблазняетъ предпринимателя... Банкротство является, конечно, рессурсомъ, которому вездѣ предшествуетъ система тяжелыхъ налоговъ.

Примитивное земледѣліе, грубыя ремесла, вывозка нѣдръ земли, нѣкоторыя первобытныя фабрики — вотъ удѣлъ такихъ банкротныхъ странъ. Никакія естественныя богатства не выведутъ Грецію, Португалію и Аргентину изъ бѣдственнаго состоянія. Банкротство этихъ странъ не абсолютное. Португалія платила одну треть по своимъ купонамъ. На Грецію произведено давленіе и платежи пріостановленные, должны возобновиться хотя по внѣшнимъ займамъ. Аргентина старается лишь отсрочить и проценты и погашеніе. Въ послѣднее время наблюдаются разныя степени государственнаго банкротства. Только что поименованныя государства занимаютъ какъ бы среднее положеніе, ибо нѣкоторыя страны въ Южной Америкѣ даютъ банкротство абсолютное.

Сербія объявила своеобразную «конверсію» 5% фондовъ въ 4% *безъ выплаты капитала.* Коментаріи из-

лишни. Испанскій долгъ еще въ 1876 году подвергся весьма сходному переучету, но по соглашенію съ кредиторами (вскорѣ нарушенному).

Италія и Австрія не считаются банкротными государствами. Тѣмъ не менѣе держатели ихъ займовъ оказались въ большомъ убыткѣ вслѣдствіе произвольнаго уменьшенія процента роста подъ видомъ такъ называемаго купоннаго налога, превышающаго 13% и 20%.

Переходя къ государствамъ, исправно платящимъ проценты, мы видимъ, что купонный налогъ на частные государственные фонды принятъ Россіей, какъ замѣна подоходнаго налога и Англіей, какъ естественное послѣдствіе income-tax. Обложить французскую ренту несмотря на неоднократныя попытки—не удалось, но гарантированныя правительствомъ облигаціи желѣзныхъ дорогъ обложены наравнѣ съ частными бумагами. Во всѣхъ затѣмъ государствахъ, установившихъ подоходный налогъ, держателямъ всѣхъ процентныхъ бумагъ грозятъ конфискаціи, штрафы и другія наказанія, если правительственные фонды не будутъ включены въ объявленія объ имуществѣ или годовомъ доходѣ, какъ объектъ обложенія.

Почти всѣ государства можно размѣстить въ рядъ по убывающей степени неисправности въ платежахъ. Выше всѣхъ стоитъ Англія, платящая около 98%; ниже всѣхъ республика Либерія, и нѣкоторыя американскія Штаты, не платящія ничего.

Благодаря купонному налогу рѣзкая грань между государственными состоятельными и банкротными уничтожается. Языкъ математическій, языкъ голыхъ фактовъ говоритъ, что Англія уменьшила платежи на 2%, Франція и Германія *) на 4%, Россія на 5%, Австрія на 7—20%, Италія на 13—15%, Испанія на 15—20%,

*) Въ общемъ подоходномъ налогѣ.

Сербія на 20%, Египетъ на 25—30%, Тунисъ на 35—50%, Португалія на 66%, Греція на 70—90%, Турція на 80—90%, Либерія и нѣкоторые штаты Сѣверной Америки и Аргентины на 100%.

Подоходный или купонный налогъ въ принципѣ равносиленъ несостоятельности правительства. Несмотря на очевидность, купонный налогъ имѣетъ немало защитниковъ, аргументы которыхъ можно свести къ слѣдующему:

1) «Договоръ займа», заключенный государствомъ со своими довѣрителями, не препятствуетъ обложенію послѣднихъ, ибо государство не можетъ освобождать ихъ отъ общихъ гражданскихъ обязанностей; а въ отношеніи обязанности ихъ платить налогъ, совершенно безразлично, отъ кого бы они не получали свои проценты, точно также, какъ напримѣръ собственникъ дома, отданнаго въ наймы государству, не можетъ освободиться отъ домовой подати (мнѣніе, поддержанное г. Янжуломъ) *).

2) Классъ лицъ, владѣющихъ процентными бумагами не несетъ никакого труда «кромѣ несложной операціи страховки купоновъ» и долженъ быть признанъ налогоспособнымъ больше другихъ (проф. Лебедевъ и г. Янжулъ).

3) Государство облагаетъ свои фонды не въ качествѣ должника, а въ качествѣ безпристрастнаго законодателя. Только иностранные держатели фондовъ имѣютъ еще основаніе претендовать на освобожденіе отъ купоннаго налога (Леруа-Болье) **).

4) Вредъ для кредита страны—купонный налогъ оказываетъ тогда, когда слишкомъ высокъ, что и оказалось въ Австріи и Италіи. При небольшомъ налогѣ

---

*) Основныя начала финансовой науки изд. второе, стр. 319.

**) La Science des Finances T. II p. 515.

курсъ бумагъ понижается немного... Уйдти за границу капиталу нѣтъ интереса, такъ какъ трудно найти теперь страну, гдѣ рентныя бумаги не облагались бы вовсе (г. Янжулъ),

5) Наиболѣе правовое государство—Англія, не постѣснилась обложить свои займы, не сдѣлавъ различія между отечественными и чужеземными капиталистами.

Среди экономистовъ, которые не убѣждаются такими аргументами выдѣляется Леонъ Сэй, бывшій министромъ финансовъ въ критическую пору уплаты пяти милліардной контрибуціи (см. статью, помѣщенную въ Nouvelle Revue 1896 года). Онъ рѣзко порицаетъ налогъ на доходъ съ государственныхъ фондовъ въ виду того, что воспользовавшись налогомъ, правительство платитъ меньше, чѣмъ обѣщало и гарантировало; поэтому право является безспорно нарушеннымъ; главное же вопросъ, по меньшей мѣрѣ спорный (о правѣ обложенія) рѣшается на утвердительномъ смыслѣ *самимъ должникомъ*, взгляды котораго находятся конечно въ связи съ такимъ «рѣшеніемъ». Послѣдній свой аргументъ Л. Сэй считаетъ подавляющимъ.

Лоренцъ Штейнъ, защищая подоходный налогъ, возстаетъ противъ купоннаго (съ государственныхъ и частныхъ бумагъ), признавая, что здѣсь является какъ бы двойное обложеніе.

Въ послѣднихъ преніяхъ о подоходномъ налогѣ во Франціи въ Палатѣ Депутатовъ блестящій успѣхъ имѣла рѣчь Рувье—противъ налога на ренту. Признавая этотъ налогъ посягательствомъ на государственный кредитъ, онъ припомнилъ двѣ эпохи французской исторіи. Наполеонъ создалъ громадную военную силу и вступилъ въ борьбу съ Англіей, у которой не было ни многочисленной арміи, ни геніальнаго вождя. Но у Англіи былъ кредитъ, возможность полученія капиталовъ почти неограниченная, и Англія, благодаря кре-

диту, побѣдила Наполеона. Другая эпоха на памяти у всѣхъ. Франція была раздавлена, унижена, раззорена, безсильна. Врагъ занималъ половину страны и не хотѣлъ уходить раньше уплаты неслыханной контрибуціи. Кредитъ—который былъ сохраненъ доставилъ Франціи милліарды, и она была спасена.

Какъ извѣстно, Палата склонилась передъ этими доводами. Французская рента до сихъ поръ свободна отъ налоговъ.

Съ своей стороны мы полагаемъ, что обложеніе всѣхъ фондовъ, по которымъ правительствомъ обѣщанъ или гарантированъ тотъ или другой доходъ, явно противно правовому началу; выгоды же получаются только въ случаѣ плохо замаскированнаго банкротства (Австрія, Сербія, Италія). И малый и большой налогъ на проценты по казеннымъ займамъ одинаково нарушаютъ право; но малый налогъ не даетъ и выгодъ.

Въ разсужденіяхъ по этому вопросу во избѣжаніе безплодныхъ споровъ и совершенной запутанности, необходимо прежде всего выдѣлить соціалистовъ и ихъ взгляды, не говоря уже о болѣе крайнихъ теоріяхъ.

Соціалисты государственные и соціалисты кафедры *) слишкомъ мало стѣсняются нарушеніемъ обязательствъ правительства во всѣхъ вопросахъ. Ихъ точка зрѣнія и въ данномъ случаѣ извѣстна и должна быть устранена.

По нашему мнѣнію защитники и противники купоннаго налога впадаютъ въ крайнее смѣшеніе понятій. Подъ одинъ уровень подводятся облигаціи частныхъ обществъ и правительственные фонды, уроженцы страны и чужеземцы. Относительно послѣднихъ Англія отвергаетъ ограниченія, предлагаемыя Леруа-Болье. А за-

*) Къ которымъ одинаково примѣненъ долженъ быть отзывъ Дюринга о томъ, *къ чему* въ основныхъ своихъ чертахъ сводится соціализмъ.

щитники французской ренты, въ томъ числѣ Рувье, весьма непослѣдовательно допускаютъ обложеніе бумагъ, которымъ присвоена абсолютная правительственная гарантія.

Аргументъ относительно бездѣятельности и налогоспособности класса рантье, немедленно падаетъ, разъ касается иностранцевъ. Англійскій капиталистъ пріобрѣлъ австрійскіе фонды. Ни о какомъ налогѣ на купоны, во время покупки, не было и рѣчи. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему, держателю бумагъ, объявляютъ, что онъ чрезвычайно „налогоспособенъ“, что стрижка купоновъ слишкомъ легка, что у Австріи долговъ слишкомъ много, а армія черезъ чуръ велика. Выводъ—онъ долженъ довольствоваться меньшимъ процентомъ...

Сознаніе того, что иностранцевъ несправедливо и опасно подвергать купонному налогу, привело Испанію и Италію къ измышленію: раздѣлить долгъ по внѣшнимъ и внутреннимъ платежамъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ служитъ affidavit (клятва) иностранныхъ кредиторовъ. По одной и той же бумагѣ итальянскій подданный получаетъ въ Римѣ кредитными лирами за „удержаніемъ“ 13,6% налога, а французъ въ Парижѣ полновѣсными золотыми франками безъ удержанія. Финансисты хвалятся, что такая система функціонируетъ удовлетворительно. Надо однако думать, что affidavit представляетъ премію своего рода—для малосовѣстливыхъ и стѣсненіе для солидныхъ и честныхъ капиталистовъ. Въ обоихъ случаяхъ кредитъ страны едва-ли укрѣпляется.

Въ послѣднее время при заключеніи займовъ появилось одно финансовое условіе, которое опрокинуло всю діалектику защитниковъ обложенія государственныхъ фондовъ—все равно кому бы эти фонды ни принадлежали. Въ новѣйшихъ займахъ вопросъ о налогѣ рѣшается весьма опредѣленно, а именно—государство

«отказывается *навсегда отъ всякихъ* налоговъ и пошлинъ», т. е. купонныхъ или подоходныхъ, съ affidavit или безъ онаго, съ иностранныхъ или отечественныхъ держателей. Дѣло разъясняется. Старые займы обложены потому только, что въ моментъ ихъ заключенія никто не помышлялъ о налогѣ... Новые займы имѣютъ дѣло съ умудренными опытомъ подписчиками, избавляющими себя отъ неожиданности въ будущемъ. Но въ виду введенія такого условія, обложеніе старыхъ займовъ явно несправедливо. Правительству не слѣдуетъ пользоваться недосмотромъ своихъ кредиторовъ, кто-бы они ни были.

Леонъ Сей, напримѣръ, имѣетъ особыя основанія отстаивать французскую ренту отъ налоговъ. Онъ заключилъ памятные займы, когда страна предложила правительству, всѣ свои сбереженія. Если-бы въ тѣ критическіе дни нашелся *хотя одинъ человѣкъ*, который спросилъ-бы, можно ли ожидать, что займы Тьера подвергнутся купонному или подоходному обложенію— отвѣтомъ явилось бы, безъ всякаго сомнѣнія, такое же рѣшительное объявленіе, которое сопровождаетъ большинство новѣйшихъ займовъ „никакихъ налоговъ не будетъ никогда“.

Но говорятъ намъ: даже Англія обложила купоны На это можно отвѣтить, что ни Англіи, ни другимъ державамъ не слѣдовало такъ поступать. Цѣна фондовъ, обложенныхъ малымъ налогомъ (Англія, Германія, Россія) удержалась благодаря феномену весьма прискорбнаго свойства, который можно назвать *взаимностью услугъ между правительствами банкротными и состоятельными.* Хорошіе плательщики своей исправностью подняли на міровомъ денежномъ рынкѣ кредитъ бѣдныхъ и плохо управляемыхъ странъ, которыя успѣли занять много милліоновъ у довѣрчивыхъ людей... Когда же начались одно за другимъ государственныя банкротства, тогда умѣренные налоги на купоны у хорошихъ плательщи-

ковъ, т. е. ихъ частная несостоятельность, казалась сравнительно ничтожнымъ ущербомъ, потерей, о которой не стоило и говорить, въ виду того, что рядомъ перестали платить совсѣмъ. Англіи дешево сошелъ ея налогъ на фонды, т. е. кредитъ ея мало пострадалъ, потому что одновременно аргентинскіе крахи, банкротство Португаліи и Греціи, 20% налогъ Австріи отвлекали всеобщее вниманіе.

Конечная невыгода малаго (4—5%) налога на купоны становится ясна, если доходъ отъ этого налога сравнить съ сбереженіями отъ конверсій. Въ трудныя минуты Соединенные Штаты занимали изъ 6%, Франція изъ 5—5½%. Путемъ конверсій процентъ уменьшенъ до 2½ и 2%, во Франціи до 3%. Слѣдовательно размѣръ роста (и расходы фиска по уплатѣ процентовъ) уменьшился не менѣе какъ на 40%. Что значитъ въ сравненіи съ такими сбереженіями итальянскій и австрійскій налогъ, гдѣ фискъ *облагаетъ своихъ кредиторовъ (отъ 13 до 20%), чтобы увеличить средства для платежа своихъ долговъ.*

Самая умѣренная конверсія даетъ больше, чѣмъ самый высокій купонный налогъ. А освобожденіе фондовъ отъ обложенія до чрезвычайности облегчаетъ всѣ грядущія конверсіонныя операціи.

Оставаясь на почвѣ права и абсолютнаго исполненія своихъ обязанностей, государство нашего времени должно навсегда отказаться отъ обложенія роста и погашенія государственныхъ фондовъ, а введенные уже купонные и подоходные налоги съ фондовъ отмѣнить.

Частныя облигаціи и акціи не гарантированныя могутъ быть облагаемы, ибо правительство не связано въ этомъ отношеніи какими-либо обязательствами Этого рода обложеніе также правомѣрно, какъ и налогъ на векселя. Слѣдуетъ сдѣлать однако различіе между бумагами, бывшими въ обращеніи въ моментъ введенія

налога и послѣ него... Всѣ позднѣйшія частныя бумаги могутъ подлежать, какъ акціи, такъ и облигаціи, купонному налогу. Тѣ же изъ нихъ, которыя были выпущены въ обращеніе раньше, могутъ быть включены только въ подоходный налогъ...

Такая экономическая политика дастъ, кромѣ чисто финансовыхъ, еще большія общія выгоды, ибо абсолютно правовое отношеніе къ своимъ долгамъ выдвигаетъ избравшее этотъ путь государство изъ среды современныхъ націй, отступающихъ отъ правовыхъ началъ. Выиграетъ не одинъ только фискъ, выиграетъ,— отъ высокаго уровня государственнаго кредита и моральнаго престижа правительства вся промышленность страны... Страна можетъ быть бѣднѣе другихъ, но капиталы пойдутъ въ нее охотно. Кромѣ того фонды, обезпеченные отъ обложенія, всегда будутъ для всѣхъ слоевъ населенія побужденіемъ къ сбереженіямъ. Французская рента, свободная отъ налоговъ, несомнѣнно не мало поддерживаетъ бережливость и трудолюбіе народа и всегда давала бѣдному и богатому естественное и чуждое риска помѣщеніе ихъ капиталовъ. Дѣятельность сберегательныхъ кассъ безъ такого рода фондовъ будетъ всегда стѣснена. Свобода фондовъ отъ обложенія наглядно является однимъ изъ важныхъ видовъ положительнаго воздѣйствія на народное производство.

Правительственныя обязательства заключаются не въ однихъ займахъ. Хозяйственная и административная дѣятельность казны, чрезвычайно расширившаяся и усложнившаяся въ послѣдніе годы, заставляетъ казну заключать много—различные условія и договоры съ физическими и юридическими лицами. Святость соблюденія всѣхъ договоровъ правительства, всѣхъ льготъ и

концессій, точное исполненіе ихъ и нелицепріятное толкованіе — необходимы для успѣшности народнаго труда.

Русское законодательство признаетъ, что договоры, заключенные какою-бы то ни было правительственною властью и учрежденіемъ должны соблюдаться „въ такой силѣ и твердости, какъ бы сіи контракты были за собственноручнымъ подписаніемъ Императорскаго Величества“ *). Высшая санкція, которую законодатель даровалъ всѣмъ обязательствамъ казны, представляетъ одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и предусмотрительныхъ актовъ. Съ расширеніемъ и усложненіемъ правительственной дѣятельности, съ умноженіемъ административнаго персонала, не могущаго по сущности дѣла пользоваться несмѣняемостью, чрезвычайно важно обезпечить всѣхъ, кто заключаетъ какія бы то ни было условія съ должностными мѣстами и лицами.

Въ недавнюю эпоху, во всѣхъ государствахъ фискъ при заключеніи и исполненіи договоровъ съ частными лицами по большей части терпѣлъ убытки, вслѣдствіе недобросовѣстности и небрежности своихъ агентовъ. Не имѣвшая надежнаго персонала, казна почти всегда не только дорого покупала и дешево продавала, но и терпѣла ущербъ отъ всякой неясности договора, изъ за преступной стачки между правительственными служащими и заинтересованными лицами.

Всѣ такія отрицательныя явленія считаются теперь, послѣ установленія гласности и ряда административныхъ реформъ, фактами исключительными. Но вслѣдствіе отчасти естественной, отчасти искусственной реакціи, наблюдается противоположное зло. Отошедшія въ область прошедшаго подкупность и постоянное пренебреженіе казенныхъ интересовъ породили теперь чрез-

*) Ст. 1537, т. X русскаго гражданскаго уложенія.

мѣрную боязнь за эти интересы, особаго рода мнительность, недовѣрчивое, враждебно-тенденціозное отношеніе ко всѣмъ частнымъ лицамъ и обществамъ, вступающимъ въ договоры съ правительственными учрежденіями. Самая гласность даетъ поводъ опасаться нареканій и побуждаетъ входить въ сдѣлки съ совѣстью, не изъ корысти, какъ въ былое время, а изъ боязни шантажа. Отстаиваніе государственнаго достоянія дѣлается популярнымъ даже и въ томъ случаѣ, если своеобразный ригоризмъ доходитъ до попиранія правъ частныхъ лицъ. Для достиженія успѣха для охраны „казеннаго сундука“, „податныхъ денегъ“, при борьбѣ съ естественной самозащитой частныхъ контрагентовъ, пускаются въ ходъ сомнительные пріемы. Юридическія уловки, умолчаніе, одностороннее толкованіе, канцелярская тайна, угрозы,—арсеналъ мало согласный съ достоинствомъ правительства—примѣняются энергично, лишь бы казна вышла побѣдительницей изъ всѣхъ споровъ съ частными юридическими и физическими лицами. Если отрицательнымъ стимуломъ при такихъ дѣйствіяхъ служитъ реакція противъ былой подкупности, то положительнымъ часто являются служебные успѣхи. Хуже всего тутъ подозрительное отношеніе ко всякому сопротивленію, которое въ средѣ административнаго персонала оказывается во имя правды.

Приведенное выше проявленіе brutalité du gouvernement, по поводу которой такъ скорбитъ французскій экономистъ, имѣетъ источникомъ не одну нелюбовь къ иностранцамъ, но и своеобразную энергію, не любящую сообразоваться съ справедливостью. Неравная и убыточная борьба, которая такъ печально отзывается на интересахъ иностранныхъ капиталистовъ, навѣрное ведется и съ отечественными.

Въ самой Франціи характерно отношеніе города Парижа къ концессіямъ, дарованнымъ разнымъ компа-

ніямъ... Всякія средства признавались пригодными, лишь бы нанести убытокъ Обществу газоваго освѣщенія, обществу конно-желѣзныхъ дорогъ, компаніи дилижансовъ, обществу городскихъ водопроводовъ. Ледяное безпристрастіе французскихъ судовъ покуда даетъ еще нѣкоторую охрану. Муниципалитеты открыто проклинаютъ законы и суды, мѣщающіе пылкимъ радикаламъ и соціалистамъ придушить капиталъ въ пользу городской кассы.

Суды не всегда могутъ защищать частную собственность. Фискъ, пользуясь непопулярностью капиталистическихъ ассоціацій, готовъ защищаться противъ справедливыхъ исковъ, такъ сказать въ законодательномъ порядкѣ. Казна проиграла процессъ съ Обществомъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ (Chemins de fer du Midi) въ Государственномъ Совѣтѣ. Нашлись депутаты, которые не постѣснились рѣзко нападать на Министерство за его „непредусмотрительность“. Какъ просто можно было обсчитать компанію, если бы догадались своевременно провести чрезъ обѣ Палаты особый законъ по дѣлу, столь явно связанному съ выгодами казны!

Швейцарское федеральное правительство, повидимому, воспользовалось такими указаніями... Оно объявило, что концессіонное право можетъ быть взято обратно, когда окажется удобнымъ для казначейства Союза.

Изъ *какихъ аргументовъ* исходятъ такія посягательства—можно усмотрѣть напримѣръ изъ сочиненія о желѣзныхъ дорогахъ профессора Чупрова, поддерживаемаго г. Янжуломъ.

«Во всѣхъ концессіяхъ упоминается, что если бы государство вздумало купить ту или другую дорогу, то для опредѣленія цѣны выкупа принимается средняя величина чистаго дохода за нѣсколько послѣднихъ

лѣтъ и по этому доходу производится реализація капитала, или же этотъ доходъ правительство обязуется уплачивать ежегодно въ теченіе остального срока, до конца концессіи. Это условіе требуетъ отъ государства громадной затраты въ случаѣ выкупа доходныхъ линій; вслѣдствіе этого у нѣкоторыхъ экономистовъ невольно (?) является мысль, не имѣло ли государство право (?) выкупить желѣзныя дороги не по этой условной, а по дѣйствительной реальной ихъ стоимости» *).

Къ такимъ экономистамъ принадлежитъ профессоръ Чупровъ, который находитъ, что правительство при выкупѣ дорогъ не должно стѣсняться Уставомъ Общества, а лишь должно уплачивать акціонерамъ дѣйствительно затраченный капиталъ. И. И. Янжулъ такъ излагаетъ аргументы г. Чупрова, съ каковыми аргументами самъ повидимому согласенъ:

«Всякій крупный доходъ въ частномъ предпріятіи есть результатъ особаго риска, особаго труда и предпріимчивости и наконецъ затраты своего собственнаго или добытаго на собственный рискъ и подвергаемаго всѣмъ случайностямъ конкурренціи капитала; между тѣмъ къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ это правило не прилагается. Въ самомъ дѣлѣ крупная прибыль желѣзнодорожныхъ обществъ не есть результатъ особаго риска, такъ какъ при системѣ государственныхъ гарантій, рискъ желѣзнодорожныхъ предпріятій лежитъ не на владѣльцахъ дороги, а на цѣлой странѣ».

Съ другой стороны, хозяева желѣзныхъ дорогъ, акціонеры, затрачиваютъ на предпріятіе не исключительно собственный, а преимущественно чужой, облигаціонный капиталъ, который часто составляетъ отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ всѣхъ суммъ, издержанныхъ на постройку.

*) Основныя нач. финансовой науки изд. 1895 г. стр. 119—120.

Такимъ образомъ ни одно изъ тѣхъ экономическихъ основаній, на которыхъ обыкновенно опирается всякій предпринимательскій доходъ, къ желѣзнодорожному хозяйству не примѣняется, и потому правительство имѣетъ право производить выкупъ *по дѣйствительной стоимости дорогъ*.

Аргументація изумительная. Такая діалектика настаиваетъ на . . . *правѣ обмана*. Надо отдать справедливость нашему вѣку: въ столь грубомъ видѣ ни одно *состоятельное* правительство не нарушило своихъ обязательствъ. Уставы и концессіи, считать ли ихъ договорами или сепаратными законами, представляютъ обязательства правительства; условія выкупа столь же свято должны быть исполнены, какъ и гарантія дохода, какъ и гарантія облигацій, какъ и гарантія любого займа. Всякій экономистъ «пріемлющій собственность», признающій правовыя начала, долженъ видѣть именно въ разсужденіяхъ г.г. Чупрова и Янжула немалый «элементъ риска» для любого рубля, довѣреннаго казнѣ. Мы, съ своей стороны, считаемъ своимъ долгомъ дать совѣтъ не пріобрѣтать *фондовъ* того государства, которое рѣшилось бы послѣдовать приводимой діалектикѣ.

Какъ могъ появиться аргументъ въ пользу обмана на страницахъ, написанныхъ серьезными экономистами? Повидимому причиной является зловредная моральная зараза, которая доходитъ и до университетскихъ кафедръ, зараза неправды— печальный даръ соціалистической концепціи.

Англійскіе соціалисты хладнокровно совѣтуютъ «отречься отъ національнаго долга». Неизвѣстно, какой ущербъ сильнѣе: матеріальный, который терпитъ населеніе отъ несоблюденія обязательствъ и нарушенія права собственности или нравственный отъ потери

критерія для оцѣнки правъ личныхъ и правъ государственныхъ.

Къ счастію для народнаго труда посягательства, не остающіяся безъ поддержки «нѣкоторыхъ экономистовъ» не успѣли принять большихъ размѣровъ. И пора положить имъ предѣлъ. Ибо союзъ дешевой популярности съ развязностью административной практики грозитъ подарить насъ такимъ порядкомъ вещей, который заставитъ пожалѣть даже объ исчезнувшемъ патріархальномъ времени. Царство подкупа покажется раемъ.

Да и самый подкупъ скоро вернется. Правда на свѣтѣ—одна. Нарушеніе права всегда опасно, хотя бы объяснялось заботой объ интересахъ казны. Мало помалу утрачивается критерій нравственности и послѣдствіемъ является деморализація. Когда крупныя и мелкія нарушенія права образуютъ своего рода систему, усвоенную, въ интересахъ фиска, крупнымъ и мелкимъ персоналомъ, тогда недалеко и до личной корысти.

Сколько нибудь уклончивое исполненіе правительствомъ обязательствъ часто хуже былыхъ открытыхъ конфискацій. Отвѣтчикъ, который можетъ явиться и законодателемъ, и судьей, и исполнительной инстанціей долженъ удесятерить щепетильность и не позволять никому отступать отъ «доброй совѣсти и разума».

Современному государству принадлежитъ не одно достояніе его подданныхъ. Въ широкой мѣрѣ ему открытъ міровой денежный рынокъ.

О значеніи ригоризма въ этой сферѣ уже говорено выше. Всякое нарушеніе, хотя бы и частичное, внѣшняго кредита вызываетъ скорое возмездіе. Но могутъ предлагаться нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія, иногда весьма прибыльныя, тайну которыхъ обнаружить не легко; при всей предосудительности, онѣ, въ глазахъ

экономистовъ извѣстнаго образа мыслей, представляютъ ловкое и безнаказанное пополненіе казенныхъ рессурсовъ. Такова напримѣръ игра на биржѣ за счетъ казны. Правительству нерѣдко извѣстно заранѣе обстоятельства, неминуемо долженствующія вызвать повышеніе и пониженіе курсовъ, и само правительство весьма часто является творцомъ крупныхъ фактовъ въ сферѣ общей политики,—фактовъ, сѣющихъ всеобщую тревогу, или приносящихъ отрадное успокоеніе. Ни это предвидѣніе, ни эта власть не должны служить источникомъ доходовъ. Какъ ни великъ соблазнъ покупки и продажи государственныхъ фондовъ соотвѣтственно въ періоды пониженія и подъема, вызванными правительственными мѣрами, какъ ни вѣрны барыши, какъ ни трудно проникнуть въ тайну такихъ спекуляцій— отъ этого должно прямо воздерживаться ради однихъ только этическихъ мотивовъ. Достоинство правительства должно быть соблюдаемо и въ скрытыхъ и въ открытыхъ актахъ его дѣятельности. Но когда brutalité du gouvernement, о которой говоритъ Леруа-Болье, войдетъ въ плоть и кровь административной практики, тогда зараза, проникая внизъ, порождаетъ продажность; проникая вверхъ подтачиваетъ въ самомъ корнѣ государственный кредитъ.

Отреченіе отъ всѣхъ подобныхъ дѣйствій, абсолютный ригоризмъ во всѣхъ денежныхъ отношеніяхъ фиска, отъ милліардныхъ займовъ до мелкаго контракта, отреченіе отъ всѣхъ начинаній, явно неправильныхъ, характерно связанныхъ съ соціалистической концепціей, представитъ, въ особенности въ наше время, могучее средство возбуждать здоровое національное производство. Государство, гдѣ не на словахъ, а на дѣлѣ le gouvernement sera le plus honnete homme du pays, не подвергнется запустѣнію, его нѣдра будутъ разработаны, а населеніе выгодно занято. Матеріальныя по-

слѣдствія и моральный престижъ окажутся лучшей приманкой для капитала, чѣмъ таможенная стѣна любой высоты. Для большинства современныхъ государствъ этого рода покровительство осуществить не трудно. Раціональное законодательство и надежная, неподкупная магистратура представляютъ цѣнное наслѣдіе, которымъ мы уже обладаемъ. Надлежитъ только, при примѣненіи законовъ и во всѣхъ дѣлахъ управленія, prêter la sourde oreille — всѣмъ совѣтчикамъ, извращающимъ простыя и ясныя правовыя начала и неуклонно требовать, чтобы неподкупность, соединялась съ справедливостью и доброжелательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, вступающимъ въ соприкосновеніе съ правительственными органами.

ГЛАВА II.

Свобода промышленности и правительственная иниціатива. Кредитныя учрежденія казенныя и частныя.

Монтескье указывалъ, что успѣшность обработки земли зависитъ не отъ ея естественнаго плодородія, а отъ степени свободы, которою пользуются рабочіе.

Эти слова вѣрны, не для одного земледѣлія, а для всѣхъ отраслей народнаго труда, для всего производства страны. Обезпечивъ безопасность для труда и капитала, законодатель и администраторъ долженъ оградить свободу промышленности въ тѣхъ предѣлахъ и съ тѣми только ограниченіями, которыя необходимы для предохраненія рабочаго класса отъ угнетеній и эксплоатаціи. Въ этомъ отношеніи постулаты фритредеровъ и протекціонистовъ должны совпадать. Охранивъ внутреннее производство болѣе или менѣе высокими пошлинами, протекціонистъ не долженъ ли дать просторъ внутреннему производству? Внѣ идеаловъ соціализма, стѣсненіе внутренняго производства, охраняемаго извнѣ тарифами, будетъ гибельнымъ противорѣчіемъ. Мы же думаемъ, что во многихъ странахъ производство, избавленное отъ стѣсненій, процвѣтало бы при полной свободѣ границъ. Снять ненужныя путы съ промышленности—одно изъ лучшихъ проявленій раціональнаго покровительства, не нуждающееся въ пограничныхъ обложеніяхъ.

Въ предыдущей главѣ мы уже высказали, что фабричные законы, по нашему мнѣнію, не составляютъ въ

сущности нарушенія свободы частной дѣятельности въ современномъ государствѣ. Теперь, когда опасенія, связанныя съ государственной защитой рабочихъ классовъ не сбылись совсѣмъ, а надежды сбылись на половину, можно разсматривать вопросъ съ чисто правовой точки зрѣнія.

Приходится прежде всего выдѣлить запрещеніе и ограниченіе дѣтскаго труда. Чистѣйшій индивидуалистъ долженъ признать, что роль правительства ясна. Мученіе ребенка, хотя бы и родителями, и лишеніе его образованія, вездѣ вызываетъ уголовное преслѣдованіе. Поэтому законодатель, вставшій между малолѣтними рабочими и работодателями, имѣетъ дѣло съ предотвращеніемъ преступленія, а вовсе не съ экономической коллизіей.

Не столь очевиденъ вопросъ объ ограниченіи женскаго труда, о рабочемъ днѣ, о воскресномъ отдыхѣ, о фабричномъ инспекторатѣ, объ обязательныхъ правилахъ безопасности и чистоты, объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ. Мы думаемъ однако, что и въ этихъ вопросахъ смѣшеніе понятій произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ разгарѣ борьбы защитникамъ рабочихъ классовъ пришлось пользоваться помощью соціалистовъ и даже болѣе крайнихъ партій.

При совершенной свободѣ договоровъ между работодателями и рабочими скоро увидѣли бы какъ юридическія формы сонкціонировали бы *полную кабалу*. Голодъ и нужда повели бы къ тому, что рабочій отдалъ бы малолѣтняго сына въ душную отвратительную атмосферу фабрики, послалъ бы больную жену работать въ каменноугольной шахтѣ, предоставилъ бы хозяину jus primae noetis для своей дочери, а самъ подставилъ бы свою спину подъ плети.

Не позволяя входить въ кабальныя сдѣлки и даже карая за ихъ заключеніе, государство, въ силу того-же начала, имѣетъ право запретить контрактъ, по которымъ кто-либо обязывается исполнять работу чрезмѣрно-изнурительную, или производимую въ нездоровомъ помѣщеніи, или непрерываемую отдыхами. Какъ нельзя работодателю позволить бить рабочихъ, хотя бы и на основаніи контракта, такъ нельзя дозволить включенія въ договоры лишенія праздниковъ и т. п.

Страхованіе рабочимъ пенсій, вводимое Германіей еще меньше фабричнаго законодательства подходитъ подъ понятіе ограниченія свободы хозяйственной дѣятельности. Несмотря на протесты экономистовъ классическихъ школъ, непредубѣжденный наблюдатель увидитъ въ этомъ простую мѣру государственной благотворительности, которое, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, никогда не переставало существовать, даже въ періодъ полнаго разцвѣта мальтузіанства.

Въ культурномъ государствѣ съ свободными границами можно поставить свободу промышленности какъ одну изъ основъ воздѣйствія правительства на народное производство — и при этомъ не должно имѣть мѣста опасенія, что бѣдные классы могутъ лишаться бдительнаго надзора, недопускающаго возрожденія какой-либо метаморфозы рабства или кабалы. Болѣе сомнѣній возбудитъ, вѣроятно, вопросъ о столкновеніи казеннаго хозяйства съ частнымъ. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ центральныя власти и общественные органы мѣстнаго самоуправленія все болѣе стремятся расширить свою хозяйственную дѣятельность.

Весьма многоразличны воззрѣнія экономистовъ на казенное хозяйство. Молинари, чистый манчестерецъ, относится къ нему также отрицательно какъ и соціалистъ Карлъ Марксъ. Различіе ихъ ученія не помѣшало имъ сойтись въ этомъ вопросѣ. Шефле и Гер-

бертъ Спенсеръ—оба сторонники органической теоріи — имѣютъ діаметрально противоположный взглядъ на хозяйственную роль государства. Генри Джорджъ въ обоихъ своихъ трактатахъ вовсе не касается этого предмета, явно считая его второстепеннымъ. Джонъ Стюартъ Милль, находя возможнымъ допустить завѣдываніе казною въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, боялся чрезмѣрно увеличить компетенцію правительства, но не встрѣчалъ никакихъ трудностей, считая, что всякое предпріятіе, которое можетъ быть ведено акціонерными обществами пригодно и для непосредственнаго завѣдыванія казны. Леруа-Болье, отводя государству гораздо большую компетенцію, чѣмъ Молинари, тѣмъ не менѣе находитъ много чисто техническихъ препятствій для казеннаго хозяйства, указывая, что всегда и вездѣ оно мѣшаетъ бережливости, изобрѣтательности, гибкости—удѣла частныхъ предпріятій. Лассаль даетъ правительству преобладающую, Беллами—поглощающую роль.

По нашему мнѣнію въ государствѣ съ свободными границами казенное и частное хозяйство могутъ расширяться одновременно. Весьма вредно будетъ поглощеніе производства государствомъ и муниципальными органами (послѣдніе, съ экономической точки зрѣнія нельзя различить съ центральной властью). Весьма прискорбно отзовется на народной массѣ и исключительное господство частной иниціативы.

Для успѣха послѣдней опасна не конкуренція казны, а ея регулирующая дѣятельность. Только казенная монополія, которая допустима въ небольшомъ числѣ производствъ (питейная, табачная, спичечная)— только мономолія вытѣсняетъ частную иниціативу изъ данной области труда. Весьма вредна система опеки сопровождаемая ревнивымъ или недоброжелательнымъ надзоромъ, система предварительнаго запрещенія и разрѣшенія. Освобожденная отъ регулирующихъ мѣръ,

отъ вмѣшательства, промышленность не боится непосредственнаго казеннаго хозяйства.

Правительственная и частная иниціатива должны находиться въ *кооперативномъ* отношеніи, а государство и общество одинаково свободны въ своихъ промышленныхъ начинаніяхъ.

Даровавъ частной промышленности свободу, правительство должно сохранить ее и для себя. Съ одной стороны должно исчезнуть запрещеніе и стѣсненіе, съ другой *вредныя доктрины о бездѣйствіи государства.*

Банковыя операціи должны быть ведены одновременно правительственными и частными учрежденіями и представляютъ *хорошій примѣръ* благодѣтельнаго вліянія, которое даетъ *свободное сотрудничество* и частныхъ учрежденій и казны.

Государственный банкъ, т. е. центральное кредитное учрежденіе, такъ или иначе опирающееся на *весь національный кредитъ*, съ особенными привиллегіями и гарантіями, есть необходимый факторъ для развитія производства страны. Прежде всего это есть «банкъ банковъ», какъ выражаются англичане.

Многочисленныя мѣстныя отдѣленія государственнаго банка въ любой странѣ должны быть также признаны великимъ благомъ. Въ столицѣ, центральный правительственный банкъ является наилучшимъ регуляторомъ денежнаго обращенія и какъ бы руководителемъ дисконтной нормы. Въ трудныя минуты кризисовъ, когда безвинно и безполезно могутъ погибнуть солиднѣйшіе частные банки и торговыя фирмы—касса правительственнаго банка является естественнымъ прибѣжищемъ, безъ малѣйшаго риска для казны. Филіальныя отдѣленія имѣютъ другое назначеніе. Связывая во единое, цѣлое провинціальные рынки со столичными, онѣ въ то же время являются лучшими піонерами промышленности въ глухихъ еще мѣстахъ, гдѣ надеж-

ное банковое учрежденіе, хотя бы занятое лишь трансфертной, вкладной и ссудной операціей, является въ полномъ смыслѣ слова жизненнымъ условіемъ для развитія производства, тогда какъ частная предпріимчивость не видитъ еще достаточныхъ барышей, чтобы основать кредитное учрежденіе.

Учетныя же операціи и коммерческій кредитъ вообще плохо ведутся правительственными банками. Въ этомъ отношеніи ни одинъ казенный банкъ не можетъ замѣнить частные банки. Ихъ учрежденіе, въ формѣ ли акціонерныхъ обществъ, товариществъ, или единоличной—должно быть *безусловно свободно*. Каждый правоспособный подданный и любая группа лицъ должна имѣть право основать банкъ, крупный или мелкій, на свой собственный, паевой или акціонерный капиталъ. Въ гражданскій кодексъ страны надлежитъ лишь ввести нормальныя правила объ отвѣтственности акціонерныхъ банковъ и единоличныхъ банкировъ... Публика, предприниматели-капиталисты, администрація и суды разъ навсегда должны разстаться съ системою предварительнаго разрѣшенія и привыкнуть къ системѣ явочной... Доброй волѣ каждаго должно быть предоставлено выпускать паи и акціи на любую сумму, по любой цѣнѣ. Пріемъ вкладовъ, текущіе счета и выдача ссудъ должны быть свободны отъ всякихъ стѣсненій и отъ всякаго правительственнаго контроля и надзора. Уголовная и гражданская отвѣтственность банкировъ должна быть однако достаточно строгой, для чего образцомъ мы считаемъ французское законодательство и новѣйшія германскія биржевыя правила.

Французскій экономистъ, путешествовавшій въ Сѣверной Америкѣ *) въ тридцатыхъ годахъ (1833—1836), разсказываетъ, какъ глубоко поразила его на крайнемъ

*) Michel Chevalier.

рубежѣ колонизація, бокъ о бокъ съ дѣвственнымъ лѣсомъ, въ поселеніи, состоявшемъ едва изъ немногихъ убогихъ хижинъ—вывѣска на одной изъ нихъ: «Bank of Deposit and Discount». Не великъ, вѣроятно, былъ капиталъ у такого кредитнаго учрежденія, несложенъ уставъ. Однако подобныя скромныя кассы, при честности и трудолюбіи ихъ хозяевъ, часто заключали въ себѣ зародыши колоссальныхъ банковъ съ многомилліонными оборотами, подобно тому, какъ группы хижинъ, ихъ окружающихъ, на памяти одного поколѣнія превратились въ Чикаго и Санъ-Франциско.

Число банковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, странѣ банковой свободы, возростало изумительно, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Годъ.	Число банковъ.
1820	307
1829	281
1834	506
1860	1.562

Во время международной войны законодательство о банкахъ было измѣнено. Въ двадцатипятилѣтіе 1838—1863 г.г. банки пользовались правомъ выпуска собственныхъ билетовъ. За исключеніемъ обязательства немедленнаго размѣна, никакихъ существенныхъ ограниченій для такой частной эмиссіи не полагалось. Эмиссія разрѣшалась всѣмъ банкамъ, которые подчинялись надзору спеціальнаго правительственнаго контролера, вносили залогъ въ 100.000 долларовъ государственными фондами и уплачивали штрафъ изъ этихъ залоговъ, отъ 14 до 20% въ случаѣ задержки размѣна...

Act to provide a national currency—15-го Февраля 1863 года—положилъ основанію современному устройству американскихъ частныхъ банковъ. Учрежденіе банковъ свободно. Требуется только, чтобы число учредителей

или пайщиковъ было не менѣе *пяти*. Основной капиталъ долженъ быть не менѣе 5.000 долларовъ и можетъ затѣмъ увеличиваться сообразно съ числомъ населенія; банки находятся подъ наблюденіемъ правительственнаго контролера (Controlleur of the Currency), который даетъ разрѣшеніе на открытіе банка, предварительно убѣдившись, что не менѣе половины капитала внесено и организація банка согласна съ закономъ. Контролеръ слѣдитъ за выпускомъ банковыхъ билетовъ и во всякое время можетъ назначить ревизію банка. Каждый банкъ можетъ выпустить банковые билеты (за подписью Контролера) съ тѣмъ, чтобы ихъ выпускъ былъ обезпеченъ особымъ залогомъ не менѣе $^1/_4$ основнаго капитала, въ видѣ государственныхъ фондовъ, при чемъ банкъ съ капиталомъ менѣе 500.000 долларовъ можетъ выпускать билетовъ въ размѣрѣ до 90% залога, банки съ капиталами отъ 500 тысячъ до 1,000.000—до 80% и т. д. Банкъ обязанъ 5% выпущенныхъ банковыхъ билетовъ обезпечить представленіемъ соотвѣтственной суммы наличными деньгами, внесенными въ государственное казначейство. Касса банка не можетъ быть сокращена въ главныхъ городахъ меньше 25% текущихъ счетовъ. Такая же норма для другихъ мѣстъ допущена въ 15%.

Банки, дѣйствовавшіе до изданія этого союзнаго закона должны были или ему подчиниться и образовать такъ называемые національные банки или же отказаться отъ выпуска банковыхъ билетовъ *) и преобразоваться въ мѣстные банки (State Bank).

Большинство банковъ предпочло послѣднее. Много банковъ ликвидировали дѣла. Національныхъ банковъ въ 1863 году образовалось только 66. Въ теченіи пер-

*) Два года спустя въ мартѣ 1865 года такимъ банкамъ предоставленъ выпускъ билетовъ, но таковые обложены 10% стоимости, что почти равносильно запрещенію.

ваго же года убѣдились, что новый законъ не слишкомъ тяжелъ и національные банки стали множиться.

Въ 1891 году число «національныхъ» банковъ возрасло до 3.677, а итогъ ихъ капиталовъ до 677.000.000 долларовъ.

Банки Штатовъ (State Bank) также стали увеличиваться въ числѣ и по 1891 г. ихъ было 2.572 съ капиталомъ 208.564.000 долларовъ *) и вкладами свыше 556.000.000 долларовъ.

Общее количество банковыхъ билетовъ, выпущенныхъ акціонерными банками въ 1891 году достигало лишь 131.000.000 долларовъ. За то весь итогъ оборотовъ 6.249 банковъ (по одному на каждые 11.000 жителей) превышалъ считая на франки—17 милліардовъ. Одна учетно-ссудная операція выразилась въ 13.140 милліоновъ франковъ.

Леруа-Болье **) справедливо считаетъ густую сѣть Сѣверо-Американскихъ банковъ исключительнымъ механизмомъ (exeptionel outillage). Несмотря на стѣсненія закона 1863 года, вызванныя единственно заботой о сокращеніи и обезпеченіи частной эмиссіи—благодаря *относительной* банковой свободѣ, которая de facto возрастала съ умноженіемъ банковъ,—*промышленность страны обладаетъ незамѣнимымъ возбудителемъ.*

Учрежденіе банковъ въ Штатахъ было бы избавлено отъ *всякихъ* стѣсненій, если бы вопросъ о *выпускѣ банковыхъ билетовъ* былъ рѣшенъ въ смыслѣ запрещенія выпуска частнымъ учрежденіямъ. Въ этомъ вопросѣ мы не можемъ раздѣлить мнѣніе Леруа-Болье, горячо отстаивающаго полную почти свободу частной эмиссіи, и мы вмѣстѣ съ Вагнеромъ и Курсель-Сенелемъ думаемъ, что банковая свобода не должна касаться эмиссіонной операціи, которая должна быть предоставлена,

*) Слѣдовательно средній ихъ капиталъ не превышалъ 80.000 долларовъ.

**) Traité d'economie politique. T. III. p. 540.

какъ и чеканка монеты, правительству или учрежденію, находящемуся подъ ближайшимъ его надзоромъ, государственному или привилегированному акціонерному банку.

Не будемъ разсматривать чеканку монеты, какъ и выпуски кредитныхъ билетовъ—какъ естественную правительственную регалію. Вопросъ будетъ яснѣе, если и то и другое считать *обязанностію* правительства, подобно установленію одинаковыхъ мѣръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и безъ вмѣшательства власти, торговля путемъ обычая и частныхъ договоровъ установила бы мѣры. Но съ гораздо большей пользой такая функція выполняется повсюду правительственными органами, изданіемъ общеобязательныхъ правилъ. Въ наше время крупные шаги сдѣланы для всемірнаго объединенія мѣръ, тогда какъ, на памяти живущихъ еще людей, въ одной Германіи были въ разныхъ государствахъ разныя мѣры... Также и съ монетой. Ея чеканка есть дѣло правительства. Былыя правительственныя фальсификаціи, надѣемся, не повторятся въ наше время. Казенный штемпель на кускахъ металла превращаетъ ихъ въ ходячій размѣнный знакъ. Въ будущемъ вѣкѣ должно ожидать всемірнаго единства монеты, какъ и единства мѣръ.

Аналогичная обязанность возлагается на правительство и относительно выпуска кредитныхъ знаковъ. Не въ силу регаліи, а по чисто утилитарнымъ соображеніямъ, правительство обязано снабдить страну достаточнымъ количествомъ полноцѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Въ настоящее время самымъ лучшимъ рѣшеніемъ вопроса слѣдуетъ повидимому считать предоставленіе эмиссіи смѣшанному полуправительственному банку на подобіе Французскаго или Англійскаго.

Американскіе банки, какъ мы видѣли, относительно эмиссіи, были обставлены рядомъ стѣненій и строгимъ надзоромъ. Банки выпускали билеты какъ бы по уполномочію союзнаго правительства, которое само во время войны сдѣлало рядъ выпусковъ, сначала неразмѣнныхъ, потомъ размѣнныхъ. Мы думаемъ, что именно разрѣшеніе частной эмиссіи косвенно повело къ нигдѣ невиданной путницѣ денежнаго обращенія, отъ которой страдаетъ такая богатая страна, какъ Соединенные Штаты, имѣющая мало долговъ. Наблюдается странная аномалія: кредитъ государства весьма высокъ, а билеты внушаютъ мало довѣрія, несмотря на безостановочный обмѣнъ на золото.

Частнымъ банкамъ приходилось дѣлать, съ большими издержками, то самое, что должно было дѣлать правительство. Вполнѣ понятны причины, по которымъ множество банковъ отказались отъ права эмиссіи.

Въ Германіи большинство банковъ отказались вовсе отъ выпуска билетовъ въ пользу Имперскаго банка, и по 1 Января 1888 г. только 17 банковъ обладали этимъ правомъ, причемъ надо имѣть въ виду, что изъ сохранившихъ право эмиссіи банковъ главнѣйшими являются въ сущности центральные банки для разныхъ государствъ Имперіи (Баварскій, Вюртембергскій, Баденскій).

Въ Швейцаріи—гдѣ кантональные банки, выпускаютъ банкноты, обязательно размѣниваемые въ другихъ кантональныхъ же банкахъ, —въ Швейцаріи можно было убѣдиться, какъ важно единство эмиссіонной операціи. «Рѣдкость золота» обратилась тамъ почти въ хроническое явленіе. Учрежденію единаго федеральнаго банка мѣшаетъ прискорбное политическое недовѣріе *).

*) Агитація противъ учрежденія союзнаго швейцарскаго банка велась на чисто политической подкладкѣ. Въ числѣ аргументовъ была даже вѣрность завѣту Вильгельма Телля.

Полной свободы частной эмиссіи не существовало въ послѣдніе два вѣка ни въ одной странѣ. Допущеніе такой свободы, собственно говоря, тѣмъ болѣе затруднительно, чѣмъ болѣе укрѣпляется идея права. Въ самомъ дѣлѣ, если любому учрежденію предоставить выпускать банкноты, съ единственнымъ обязательствомъ размѣна и безъ всякихъ ограниченій и правительственнаго надзора, а публикѣ предоставить принимать или не принимать такіе кредитные знаки, то судебнымъ учрежденіямъ трудно будетъ отыскать составъ преступленія въ завѣдомомъ сбытѣ фальшивыхъ бумагъ, а полиціи почти невозможно будетъ преслѣдовать дѣлателей банкнотъ. На практикѣ исчезнетъ разница между банкомъ, пустившимъ въ обращеніе на милліонъ банкнотъ, при пустой кассѣ и «вольной типографіей», которая возьметъ на себя увеличеніе числа банкнотъ, безъ всякаго «покрытія». Суды признаютъ, что бороться съ поддѣлкой есть дѣло банковъ и не касается властей, а публика должна сама видѣть какой «документъ» беретъ. Подобнымъ же образомъ можно предоставить полную свободу мѣръ. Пусть сама публика остерегается тѣхъ лавокъ, гдѣ принимаются «вольные» фунты, метры и ярды. . . .

Ограниченная и подконтрольная частная эмиссія существуетъ и существовала во многихъ мѣстахъ. Банкамъ она доставляетъ небольшіе рессурсы, но во время кризисовъ представляетъ лишнюю опасность для всего рынка. Обезпеченная же частная эмиссія — есть ничто иное, какъ безполезное и неудобное перенесеніе обязанностей правительства на частныя учрежденія.

Вопросъ о свободной частной эмиссіи до сихъ поръ на континентѣ Европы мѣшаетъ свободѣ открытія банковъ.

Свобода частной иниціативы въ банковомъ учредительствѣ скажется въ наивыгоднѣйшей утилиза-

ціи—во-первыхъ всего туземнаго капитала, во-вторыхъ—той доли всемірнаго, который эмигрируетъ изъ своей родины, розыскивая для себя выгоднѣйшія помѣщенія Учрежденіе новыхъ банковъ для иностранцевъ-капиталистовъ является какъ бы первымъ этапомъ для приближенія къ производительнымъ силамъ страны.

Свободное возникновеніе мелкихъ акціонерныхъ банковъ интегрируетъ, такъ сказать, самыя малыя величины мѣстныхъ сбереженій. Каждому знающему, способному, честному и трудолюбивому человѣку, съ хорошей репутаціей, открывается поприще самостоятельной дѣятельности въ сферѣ коммерческаго кредита. Собрать 15—20 тысячъ франковъ, 12—15 тысячъ марокъ, 5—6 тысячъ рублей, путемъ выпуска весьма мелкихъ акцій цѣною въ нѣсколько франковъ, марокъ, рублей,—дѣло неособенно трудное, когда законодательство страны разъ навсегда откажется отъ «системы предварительнаго разрѣшенія» и послѣдовательнаго контроля.

Въ примитивномъ банкѣ, привлекшемъ вниманіе знаменитаго экономиста, въ бѣдномъ селеніи, на рубежѣ цивилизаціи на Дальнемъ Западѣ, быть можетъ было больше добросовѣстныя отношенія къ интересамъ вѣрителя, чѣмъ въ грандіозныхъ дворцахъ банковъ Нью-Іорка.

За устраненіемъ права выпуска банкнотъ,—права, затрагивающаго общегосударственные интересы—должны *исчезнуть предубѣжденія противъ совершенной свободы банковаго учредительства.*

Акціонеры, вкладчики и кліенты вновь возникающихъ банковъ сами должны разсудить, съ какими лицами и предпріятіями они имѣютъ дѣла. Надежда на дополнительныя гарантіи, якобы существующія при разборчивой выдачѣ концессій, много разъ оказывалась иллюзіей. Критика уставовъ и Дамокловъ мечъ прави-

тельственной ревизіи часто отвращали солидныхъ капиталистовъ и добросовѣстныхъ труженниковъ отъ занятій коммерческимъ кредитомъ; хищники не пугались.

Полной свободой и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже помощью правительства должны пользоваться и учрежденія взаимнаго кредита. Наука и жизнь достаточно разъяснили этотъ вопросъ. Принципъ взаимности на опытѣ оказался весьма примѣнимымъ къ кредиту ипотечному и торговому. Въ послѣднее время германскіе банки по системѣ Рафейзена и Итальянскій народный банкъ создали капиталъ почти изъ ничего. Шульце-Деличъ и Рафейзенъ начали свою дѣятельность съ нѣсколькими тысячами талеровъ и еще при своей жизни довели свои дѣтища до милліардныхъ оборотовъ. Миланскій народный банкъ въ день своего открытія имѣлъ семьсотъ лиръ. Теперь итогъ ссудъ превышаетъ десять милліоновъ.

Для насъ важенъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ разновидности большихъ и малыхъ учрежденій взаимнаго кредита развиваются на ряду съ акціонерными банками. Успѣхъ—одновременный, тѣхъ и другихъ—показываетъ, что сильная власть и здоровое общество могутъ размежевать поле дѣйствія съ капитализмомъ и что существующій экономическій строй заключаетъ въ себѣ теченія, которыя вмѣсто опасной вражды могутъ вступить въ свободный, дружественный союзъ.

ГЛАВА III.

Дѣятельность Правительства по улучшенію быта рабочихъ классовъ, какъ факторъ подъема отечественнаго производства. Частныя предпріятія, кооперативныя общества и казенное хозяйство.

Совершенная необходимость свободы предпріятій на *личный* капиталъ достаточно усвоена во всѣхъ культурныхъ странахъ; относительно предпріятій акціонерныхъ и паевыхъ (о которыхъ будетъ сказано ниже) нѣтъ такого единодушнаго мнѣнія. Ферма, мастерская, фабрика, заводъ, лавка, торговая контора могутъ быть основаны капиталистами на свои средства и на свой рискъ гдѣ угодно.

Высока или низка таможенная стѣна—умноженіе центровъ производства конечно представляется одинаково желательнымъ и для фритредеровъ и для протекціонистовъ. Признанная повсемѣстно въ принципѣ *свобода личной промышленной инициативы*, на практикѣ стѣсняется маловажными съ перваго взгляда, но весьма обременительными на самомъ дѣлѣ, постановленіями. Таковы правила чисто полицейскаго характера и всякія формальности, связанныя съ полученіемъ разныхъ разрѣшеній.

Весьма тягостно отзываются неожиданности и препятствія, которыя могутъ встрѣтиться предпринимателю въ провинціальномъ городѣ и у деревенскихъ властей. Опасность особенно велика въ государствахъ федеративныхъ, т. е. Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Скандинавіи. Во всѣхъ госу-

дарствахъ полезно было бы изданіе особаго единаго и общеобязательнаго закона, ограждающаго свободу возникающихъ и дѣйствующихъ частныхъ предпріятій.

Ради насущныхъ нуждъ само государство должно часто являться и предпринимателемъ, и производителемъ, и продавцомъ. Казенная ферма, казенная фабрика, казенная лавка имѣютъ много враговъ, и эти враги нерѣдко говорятъ святую правду объ изъянахъ казеннаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе безъ казеннаго хозяйства не обходилась и не могла обойтись не одна страна.

Потребности арміи и флота требуютъ нѣкоторыхъ заводскихъ устройствъ даже и въ томъ случаѣ, если военныя силы сведены до размѣра, только что достаточнаго для внутренней охраны. Государственныя имущества, лѣса и другія арендныя статьи представляютъ весьма желательный видъ казенныхъ доходовъ, но обусловливаютъ рядъ непосредственныхъ хозяйственныхъ мѣропріятій. Почта и телеграфъ удобно, какъ показалъ опытъ, завѣдываются правительственными органами. О сложныхъ и спорныхъ вопросахъ, связанныхъ съ государственными работами по устройству сообщеній, мы говоримъ ниже; эта сфера дѣятельности рѣзко отличается отъ всего народнаго производства и обмѣна.

Во время народныхъ бѣдствій правительству вездѣ приходится выступать въ качествѣ предпринимателя въ такихъ отрасляхъ производства, которыя нигдѣ не считаются пригодными для казеннаго завѣдыванія. Общая безработица заставила Англію снабжать пищей въ Сѣверо-Американскую войну сотни тысячъ рабочихъ. Въ Россіи закупка и развозка хлѣба распоряженіемъ казны въ неурожайные годы достигала колоссальныхъ размѣровъ.

Тамъ, гдѣ необходимая сфера государственнаго хозяйства идетъ удовлетворительно, она *можетъ быть расширена* при одномъ главномъ условіи—полной сво-

бодѣ частной дѣятельности. Единственнымъ допустимымъ исключеніемъ слѣдуетъ признать фискальныя монополіи.

Если казна и мѣстное самоуправленіе удовлетворительно завѣдуютъ своимъ имуществомъ, капиталами, землями, лѣсами, домами, своими заводскими устройствами, своими работами, то хозяйственная дѣятельность государства (разумѣемъ подъ этимъ именемъ и центральное правительство и мѣстные органы самоуправленія) можетъ быть расширена съ чрезвычайной пользой для улучшенія быта народныхъ массъ и съ благодѣтельными послѣдствіями для всей отечественной промышленности, безъ малѣйшаго нарушенія ея свободы, отнюдь не слѣдуя программѣ соціалистовъ и даже не доставляя большихъ радостей сторонникамъ государственнаго «вмѣшательства».

Съ тѣхъ поръ какъ желѣзный законъ заработной платы занялъ печальное мѣсто въ исторіи экономическихъ заблужденій (вмѣстѣ съ прогрессіями Мальтуса) нѣкоторое возрастаніе, абсолютное и относительное, заработной платы констатировано во всѣхъ странахъ. Статистика разсѣяла безобразный кошмаръ; косвеннымъ послѣдствіемъ оказалось сознаніе плодотворности усилій, направленныхъ на удешевленіе предметовъ первой необходимости, потребляемыхъ народомъ.

Здоровое жилище, дешевый хлѣбъ и исправная одежда могли бы улучшить участь рабочихъ классовъ при томъ же денежномъ заработкѣ (медленно повышающемся), а удручающее опасеніе возрастанія населенія и естественной нивеллировки заработной платы исчезли. Уже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія борьба кооперативныхъ обществъ и государства противъ дороговизны показала, что за большую часть необходимаго бѣднякъ платитъ безполезно дорого. Если какъ производитель—рабочій не участвовалъ въ распредѣ-

леніи «*прибавочной цѣнности*», то какъ потребитель, онъ часто платитъ еще за излишнее количество посредниковъ. Чрезмѣрная разница между оптовой и розничной цѣной, не обогащая капиталиста, лежитъ тяжелымъ бременемъ на обиходѣ не однѣхъ народныхъ массъ, но и на низшемъ классѣ буржуазіи и всѣхъ живущихъ умѣреннымъ заработкомъ, со включеніемъ даже такъ называемыхъ либеральныхъ профессій.

Капиталъ платитъ премію, чтобы пріобрѣсти 3 и $2^1/_2$% фонды, а рабочее населеніе платитъ за свое помѣщеніе втрое больше, чѣмъ требуется земельной рентой и цѣной постройки, при разумномъ и экономическомъ употребленіи матеріаловъ.

Сближеніе трудовой копѣйки съ дѣйствительной цѣною товаровъ, какъ показалъ опытъ, увеличиваетъ благосостояніе, отъ кого бы ни исходило такое сближеніе – отъ частной иниціативы, отъ потребительныхъ обществъ или отъ государственной помощи.

Мало того, такая дѣятельность ведетъ къ сильнѣйшему и непосредственному *подъему производства*, къ увеличенію національнаго богатства вслѣдствіе повышенія покупной силы населенія.

При томъ же количествѣ заработанныхъ франковъ, шиллинговъ, марокъ, рублей—рабочій платитъ строителю, фабриканту и фермеру тотъ излишекъ, который выражаетъ разницу между оптовой и розничной цѣной или же является результатомъ плохой утилизаціи капитала. Пріобрѣтая большее количество продуктовъ, рабочій улучшаетъ свое положеніе. Этотъ излишекъ, умноженный на милліарды рабочихъ дней, будетъ истинной отрадой современному производству, ищущему рынковъ.

Тысячи потребительныхъ обществъ съ милліонами членовъ имѣютъ уже слишкомъ полувѣковую исторію

Прототипъ англійскихъ обществъ Equitables Pionneers of Rochdale основанъ въ 1843 году 28 поденщиками съ 28 фунтами капитала. Въ глухой улицѣ маленькаго городка близъ Манчестера было нанято помѣщеніе, гдѣ и открылась «лавка». Изъ товаровъ перваго оборота наиболѣе цѣнными были два, три куля муки. Насмѣшкамъ не было конца. Черезъ 17 лѣтъ число членовъ было 3.900, капиталъ 43.000 фунт. стерлинговъ. Черезъ сорокъ восемь лѣтъ общество владѣло громадными складами, магазинами, клубомъ, число членовъ дошло до 12.000, капиталъ—до 300.000 фунт. стерлинговъ (7.500.000 фр.); прибыль 1.305.000 фр. Примѣръ Рочделя подѣйствовалъ. Въ 1892 году въ Англіи было 1.500 обществъ потребителей съ 1.100.000 членовъ. Одной чистой прибыли за 1891 годъ было болѣе 110.000.000 фр.

Англійскія общества соединяются вмѣстѣ для производства оптовыхъ покупокъ. Размѣръ послѣднихъ видѣнъ изъ того, что въ 1891 году одного масла куплено болѣе чѣмъ на 10.000.000 франковъ.

Въ Германіи въ 1894 году было 1.412 потребительныхъ обществъ. Изъ нихъ 417, представившихъ свои отчеты «*Всеобщему Союзу Нѣмецкихъ Обществъ*», имѣли 268.380 членовъ, обладали капиталомъ въ 16.959.314 марокъ и продали товаровъ въ 1894 году на 77.669.145 марокъ.

Во всѣхъ странахъ первые шаги потребительныхъ обществъ тяжелы. Опасность распаденія и банкротства всегда и вездѣ велика. Надо примириться съ тѣмъ, что много обществъ будетъ закрываться и выживать будутъ только солидныя и хорошо управляемыя.

Полная свобода въ этомъ дѣлѣ есть наилучшій принципъ. Общія мѣры правительственнаго содѣйствія и его помощь весьма полезны, но всѣми силами надо

избѣгать единичнаго и случайнаго покровительства, а также вмѣшательства.

Въ Германіи въ три года 1889—1892 возникло 508 новыхъ обществъ, но 203 закрылись. Очевидно дѣйствуетъ своего рода подборъ, отдѣляющій, къ общей пользѣ, жизнеспособныя организаціи отъ мертворожденныхъ и неустойчивыхъ.

Какъ ни велики затрудненія, встрѣчаемыя потребительными обществами, но имъ всегда помогаетъ неотразимая логика цифръ и фактовъ. Во Франціи при общемъ потребленіи 25 милліардовъ франковъ населеніе переплачивало въ среднемъ 25%, т. е. $7^1/_2$ милліардовъ франковъ.

Леруа-Болье находитъ, что разница въ 10, 15% между цѣною оптовою и розничной должна считаться весьма умѣренною; 20, 30, иногда даже 40% надбавки могутъ быть терпимы; но часто разница выражается въ 100, 200, 500 или 1.000% (т. е. въ десять разъ).

Потребительныя общества во Франціи стали пользоваться лишь 40% прибыли и ихъ дѣятельность явно принесла помощь производству и потребленію одновременно.

Хлѣбъ, выпекаемый въ большихъ городахъ, иногда подымается въ цѣнѣ, когда мука дешевѣетъ. Разница, весьма большая, между цѣною зерна и цѣною печенаго хлѣба, происходитъ только отъ условій веденія дѣла.

По даннымъ Archambaud, за килограммъ бѣлаго хлѣба въ Парижѣ платили въ 1878 году 45 сантимовъ, а въ 1863 году 38 сант. Съ 1881 года цѣна пшеницы падаетъ; цѣна, требуемая булочниками, не измѣняется. Въ торговлѣ мясомъ замѣчается такая же несообразность.

Еще весьма обширно то поле дѣйствія, гдѣ желательно видѣть приложеніе энергіи потребительныхъ ассоціацій. Въ Англіи, по мнѣнію Леруа-Болье, онѣ

захватываютъ лишь $^1/_{30}$ всего мѣстнаго рынка, несмотря на то, что годовой итогъ ихъ оборотовъ превосходитъ милліардъ франковъ.

Частная иниціатива также начала дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ и потребительныя общества.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ сосредоточенія торговли служатъ большія Парижскія фирмы, извѣстныя подъ общимъ именемъ Grands Magasins.

Сущность этихъ предпріятій заключается въ привлеченіи весьма большихъ количествъ покупателей путемъ дешевизны и добротности товаровъ и его разнообразія. Противъ низшихъ фабричныхъ цѣнъ въ Bon-Marché и Louvre—публикѣ приходилось приплачивать въ среднемъ не болѣе 21%, считая въ томъ числѣ и всѣ расходы фирмы—барышъ которой не превышаетъ 5—6%. При грандіозномъ размѣрѣ оборота, достигшаго въ 1893 году для первой фирмы 150 милліоновъ, второй 120 милліоновъ франковъ, предпріятія давали громадный доходъ. Выгоды продавца и потребителя совпадали.

Постройка жилищъ для бѣдныхъ классовъ только въ Англіи приняла исчерпывающіе размѣры. Въ другихъ странахъ дѣло еще въ самомъ началѣ.

Крупные результаты въ постройкѣ дешевыхъ домовъ въ Лондонѣ и другихъ мѣстностяхъ были достигнуты именно благодаря тому, что взаимопомощь рабочихъ дѣйствовала параллельно съ частною предпріимчивостью. Акціонерныя общества образовались—одни съ цѣлью постройки домовъ съ дешевыми квартирами, приспособленныхъ для потребителей рабочаго класса—другія для устройства такихъ жилищъ, которыя продавались въ разсрочку въ полную собственность жильцовъ, по такъ называемой Мюльгаузенской системѣ. Число обществъ самопомощи рабочихъ для постройки жилищъ одно время достигло 14.000; стоимость строеній 17.000.000 фунт. стерлинговъ; итогъ ссудъ на сооруженіе домовъ—

11.000.000 фунт., итогъ членовъ доходилъ до 800.000. Большинство обществъ основано на срокъ; по достиженіи цѣли, т. е. по снабженіи членовъ собственными домами, они закрывались; но еще въ 1894 году дѣйствовало 2.500 обществъ. Акціонерныя общества и общества взаимопомощи нисколько не мѣшали одни другимъ.

На контингентѣ Европы только въ Германіи постройка дешевыхъ жилищъ сдѣлала нѣкоторые успѣхи, при чемъ съ Англіей не можетъ быть и сравненія.

Суммируя всю дѣятельность кооперативныхъ ассоціацій и частныхъ предпріятій по удешевленію и улучшенію предметовъ массоваго потребленія, мы получаемъ абсолютно большіе, а относительно малые итоги. Сдѣлано много, слѣдовало бы сдѣлать гораздо болѣе.

Государство и черезъ органы мѣстнаго самоуправленія и непосредственными актами центральной власти должно свободно и широко развить свою дѣятельность и оказаться могущественнымъ и авторитетнымъ сотрудникомъ частной предпріимчивости и кооперативныхъ учрежденій. Рядъ убѣдительныхъ примѣровъ уже доказалъ чрезвычайную благодѣтельность правительственной помощи.

Городъ Бирмингамъ строитъ дома, торгуетъ съѣстными припасами, имѣетъ склады топлива и пр. Въ послѣднее время хозяйственная дѣятельность города, весьма успѣшная, развилась и усложнилась до чрезвычайности. Примѣру Бирмингама слѣдуютъ и другіе англійскіе города. Типичнымъ представителемъ энергичнаго городского хозяйства служитъ Ливерпуль. Съ большимъ успѣхомъ въ этомъ городѣ была предпринята и окончена постройка нѣсколькихъ домовъ съ

дешевыми квартирами (265 квартиры были открыты въ 1885 году). Первоначальная затрата 68.125 фунтовъ стерлинговъ: въ 1893 году было получено 2.825 фунтовъ квартирной платы; средній частный доходъ $2^1/_2\%$. Другой домъ обошелся городу въ 16.145 фунтовъ стерлинговъ и приноситъ ему 4% чистаго дохода (съ 1893 года).

Въ Англіи изданъ весьма важный законъ для искорененія тѣсныхъ и нездоровыхъ помѣщеній. Artisans and Labourers Dwelling Act (1868 г.) предоставляетъ мѣстнымъ властямъ въ случаѣ неудовлетворительнаго состоянія домовъ, требовать капитальнаго ремонта, а въ крайнемъ случаѣ—сломки. Перестройка можетъ производиться распоряженіемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и съ затратою общественныхъ денегъ,—съ тѣмъ, чтобы израсходованная сумма записывалась въ ипотечную ссуду на перестроенные дома съ начисленіемъ 4%.

Для образованія оборотныхъ средствъ разрѣшено устанавливать особые мѣстные сборы. Черезъ семь лѣтъ изданъ дополнительный актъ 1878 года, дающій право перестраивать цѣлыя части города, въ видахъ оздоровленія, съ правомъ въ случаѣ нужды экспропріаціи земли потребной для возведенія новыхъ зданій. Средствами служатъ: 1) особый налогъ, 2) займы, 3) правительственныя 3% ссуды.

Какъ ни мало прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ проявился государственный починъ, въ Англіи уже теперь чрезвычайно важно констатировать успѣшность, удобопримѣнимость и благотворность прямого участія мѣстныхъ и центральныхъ правительственныхъ органовъ въ экономической жизни страны. Не менѣе важнымъ является и тотъ наглядный фактъ, что хозяйственная дѣятельность государства проявилась въ той области, гдѣ съ наисильнѣйшей интенсивностью уже

дѣйствовали потребительныя кооперацiи и индивидуальная инiцiатива.

При дальнѣйшемъ накопленiи фактовъ этого рода, въ сознанiи современныхъ народовъ укрѣпится, быть можетъ, убѣжденiе въ томъ, что *слово кооперацiя имѣетъ болѣе широкiй смыслъ, чѣмъ думали раньше.*

Какими причинами объясняется недавнее установленiе правительственнаго хозяйства въ классической странѣ индивидуализма, въ странѣ историческаго недовѣрiя къ правительству?

Причина успѣха заключается, по нашему мнѣнiю, въ томъ, что и мѣстная, и центральная власть Англiи дѣйствовала отнюдь не нарушая свободы промышленности; а новѣйшiя британскiя начинанiя выражаютъ не государственное *вмѣшательство*,—не государственную *монополiю*, а государственное *участiе*. Конкуррентомъ, а не монополистомъ являются муниципалитеты Бирмингама, Ливерпуля и друг., вовсе не обращающiеся къ принудительному воздѣйствiю. Ставится цѣль весьма конкретная—удешевить жизнь рабочихъ. Казенный домъ и казенная лавка возникаютъ рядомъ съ частными и кооперативными. Правовыя отношенiя не мѣняются. Принципы соцiалистовъ и манчестерцевъ—одинаково отвергаются.

Остается пожелать, чтобы начавшаяся съ такими отрадными результатами дѣятельность англiйскихъ государственныхъ органовъ не заглохла, и чтобы въ другихъ странахъ такая дѣятельность перешла изъ области словъ въ живое дѣло. На первыхъ порахъ отъ общественныхъ дѣятелей потребуется не мало труда, настойчивости и еще больше того, что обозначается словомъ resignation. Возвести грандiозныя общественныя сооруженiя, издать популярные законы, преобразовать налоги—дѣла, приносящiя одновременно много блага и много славы, дѣла, дающiя быстро громкое имя и

всеобщій почетъ... Есть другія дѣла, требующія затраты не меньше, если не больше энергіи и труда—дѣла, награда за которыя приходитъ поздно или совсѣмъ не приходитъ. Къ этому роду дѣлъ относятся вообще тѣ будничныя работы, которыя требуются для завѣдыванія учрежденіями, основанными государствомъ или мѣстными самоуправленіями съ цѣлью удешевленія жизненнаго обихода бѣдныхъ классовъ... Когда такія учрежденія малоуспѣшны или убыточны — обвиненіямъ и нареканіямъ нѣтъ конца.. Когда дѣло процвѣтаетъ—обвиненія исчезаютъ; одобренія же слабы.

Чѣмъ ближе стоятъ вспомогательныя учрежденія къ насущнымъ нуждамъ народной массы и чѣмъ успѣшнѣе они ведутся, тѣмъ болѣе его руководители должны искать награду въ сознаніи исполненнаго долга и ни въ чемъ другомъ. За всѣ труды и непріятности воздаяніе заключается въ увѣренности, что сумму страданій, порождаемыхъ нуждою, несомнѣнно удалось уменьшить.

Христіанская этика наиболѣе способна развить чувство дѣйствительнаго, ушедшаго въ себя, невѣдомаго міру, самоотверженія. Народы, въ высшихъ классахъ которыхъ наиболѣе прочно держится глубокое религіозное чувство, порвавшее связи съ ханженствомъ и примиренное съ положительной наукой—такіе народы имѣютъ наибольшіе шансы выставить достаточное число дѣятелей, способныхъ исполнить высокую миссію—награда за которую – «не отъ міра сего»—миссію – приблизить широкія средства современнаго культурнаго государства къ существеннымъ и неотложнымъ нуждамъ народныхъ массъ. Нѣкоторые отрадные факты въ новѣйшей исторіи Англіи и Америки несомнѣнно обязаны своимъ происхожденіемъ такому высокому подъему чувства самоотверженія.

Свобода промышленности должна быть общимъ правиломъ. Исключеніемъ являются естественно тѣ лишь предпріятія, которыя не могутъ обойтись безъ предварительнаго разрѣшенія, безъ содѣйствія государства и безъ тѣхъ или другихъ льготъ, безъ воспособленій, прямыхъ или косвенныхъ. По самому существу дѣла концессія мѣстной или центральной власти необходима, когда работа ведется совмѣстно съ государствомъ. Къ концессіонному роду промышленности, гдѣ невмѣшательство правительства не можетъ имѣть мѣста, относятся почти всѣ предпріятія, связанныя съ городскимъ благоустройствомъ, и тѣ работы государственнаго значенія, которыя могутъ быть ведены частными лицами, компаніями, товариществами, по уполномочію государства, съ соблюденіемъ условій, обоюдно установленныхъ. Необходимо рѣшить, что должно государство дѣлать своимъ непосредственнымъ распоряженіемъ и на что можетъ быть выдана концессія.

Трудно преувеличить важность вопроса для развитія отечественной промышленности. Государственнымъ работамъ мы посвящаемъ ниже особую главу; а теперь остановимся на мѣстныхъ начинаніяхъ, преимущественно по благоустройству большихъ и малыхъ городовъ.

Весьма недавно еще муниципальные органы во всѣхъ странахъ благосклонно выслушивали ходатайства предпринимателей о концессіяхъ. Милліардные капиталы, на которые устраивались городскія предпріятія, до послѣдняго времени доставлялись почти исключительно частною промышленностью, а иниціаторами были частныя лица и компаніи.

Теперь настали другія времена. Всякая компанія, товарищество, предприниматель, желающіе взять на себя хотя бы и на явно выгодныхъ для обывателей условіяхъ, завѣдываніе частью городского хозяйства — ка-

жутся подозрительными... Выбираютъ не между двумя контрагентами, а между частнымъ и правительственнымъ завѣдываніемъ и какъ общее правило — считаютъ послѣднее предпочтительнымъ. На дѣйствующія концессіонныя частныя предпріятія смотрятъ враждебно. Барыши компаніи считаются потерей населенія, ея распорядительная власть — узурпаціей: «государствомъ въ государствѣ».

Подобныя воззрѣнія вполнѣ естественно господствуютъ тамъ, гдѣ получили преобладаніе соціалисты того или другого толка. Тамъ. гдѣ соціалисты еще маловліятельны часто приходятъ къ тѣмъ же результатамъ вслѣдствіе моднаго культа государственнаго вмѣшательства. Но преобладающее значеніе имѣетъ не то или другое экономическое ученіе, и всего менѣе очевидная польза населенія. Рѣшающимъ элементомъ является опасеніе общественныхъ дѣятелей за свою репутацію. Любому начинанію трудно устоять предъ громогласными нареканіями, которыя сыплются противъ «концессіонеровъ» и ихъ защитниковъ. Съ одной стороны страстныя рѣчи противъ плутократіи, съ другой—мнительныя заботы о популярности. Борьба неравна.

Побѣды шантажа надъ здравымъ смысломъ принесли и принесутъ еще не мало зла. Въ глухихъ переулкахъ, въ роскошныхъ кварталахъ, въ столицахъ, въ отдаленной провинціи одинаково чувствуются послѣдствія исключительнаго довѣрія къ самодовольному муниципальному хозяйству. Парижъ замѣтно грязнѣетъ и сидитъ безъ Metropolitain. Петербургъ остается безъ канализаціи, порядочныхъ мостовыхъ, пьетъ вредную воду. Москва въ санитарномъ состояніи находится въ ужасающемъ положеніи. У самыхъ благоустроенныхъ городовъ есть масса неудовлетворенныхъ нуждъ, для которыхъ средства давно бы нашлись, если бы осуще-

ствленіе не откладывалось изъ года въ годъ и за опасенія согласиться хотя на наивыгоднѣйшую концессію.

А сколько городовъ совершенно не устроены, улицы «дѣвственны»; не знаютъ ни трубъ, ни проволокъ, ни коллекторовъ. Но и въ этихъ мѣстахъ разсужденія о выгодности непосредственнаго городского хозяйства успѣли сдѣлаться популярными.

Тенденціозно-мнительное опасеніе къ частной иниціативѣ въ городскомъ хозяйствѣ напоминаетъ намъ того рабочаго, который въ бесѣдѣ съ Молинари объявилъ, что не хочетъ знать политической экономіи; если товарищи узнаютъ, что онъ познакомился съ этой наукой, ему грозитъ прослыть «служащимъ въ полиціи»....

Истина заключается въ томъ, что никакого естественнаго антагонизма между частной иниціативой и муниципальнымъ хозяйствомъ не существуетъ. Одной и той же властной рукой возможно, съ чрезвычайной пользой для населенія, вести непосредственно однѣ городскія устройства, а для другихъ пользоваться услугами частныхъ компаній. Надо только памятовать, что «le mieux est l'ennemi du bien», оставить предубѣжденія и главное не бояться нареканій. Можно надѣяться, что подрастающее поколѣніе будетъ обладать гражданскимъ мужествомъ лучшаго чекана, чѣмъ современники.

Опытъ научаетъ самой безошибочной системѣ. Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ непосредственное удовлетвореніе тѣхъ или другихъ нуждъ населенія дало хорошіе результаты, надлежитъ мало по малу расширять этого рода дѣятельность. Впереди должны стоять насущные интересы населенія, а не доктрины. Разъ какая либо потребность назрѣла, полезно ее удовлетворить средствами и распоряженіемъ правительства. Если же такое условіе ведетъ за собой долгую или неопредѣленную отсрочку—необходимо тотчасъ же открыто искать

услугъ частныхъ предпринимателей. Каждому муниципалитету можно сказать: *«дѣлай самъ если можешь, но дѣлай сейчасъ. Въ противномъ случаѣ призови на помощь другихъ»*.

Постоянное доброжелательное допущеніе сотрудничества частной иниціативы во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, при одновременномъ широкомъ развитіи казеннаго хозяйства, для скорѣйшаго удовлетворенія всѣхъ выяснившихся нуждъ, вотъ что обѣщаетъ приведенная формула. Такія начала навѣрное будутъ усвоены мѣстными органами, если высшее правительство проявитъ свое вліяніе и само встанетъ на тотъ же плодотворный путь союза и параллельнаго развитія казенной и частной иниціативы. Отечественная промышленность получитъ постоянный живой импульсъ, который неспособны дать никакіе тарифы.

Та нація, которая рѣшитъ вступить на этотъ путь можетъ смѣло освободить свои границы. Ея торговля и ея финансы только выиграютъ, ибо народное благосостояніе явится наконецъ истиннымъ факторомъ національнаго богатства; прекратится печальный разладъ богатаго фиска и богатыхъ высшихъ классовъ съ бѣдностью народной массы, постоянно наклонной впадать въ нищету, вслѣдствіе близкой опасности безработицы, порождаемой бездѣятельностью правительства, репрессіями по отношенію личной иниціативы, и изнурительной, безплодно уносящей столько силъ борьбой съ стихійнымъ стремленіемъ всемірнаго рынка къ единенію.

ГЛАВА IV.

Законы о капиталистической иниціативѣ. Свобода капиталистическихъ ассоціацій. Иностранные капиталы и свободныя границы.

Среди завоеваній, сдѣланныхъ коллективизмомъ и соціализмомъ разныхъ оттѣнковъ непослѣднее мѣсто—хотя и мало почетное—занимаетъ дискредитированіе свободы. Къ великому счастью для человѣчества начала гуманитарнаго публичнаго права вошли въ плоть и кровь прежде, чѣмъ начавшаяся борьба противъ индивидуализма поставила друзей свободы ближе къ реакціонерамъ, чѣмъ къ приверженцамъ новѣйшихъ экономическихъ вѣяній. Если бы государственный, профессорскій и воинствующій соціализмъ, если бы марксизмъ былъ также силенъ двадцать лѣтъ назадъ, и если бы великій переворотъ седьмого десятилѣтія XIX вѣка опоздалъ,—рабство быть можетъ еще бы держалось. Нельзя забывать, что проповѣди Кабе, Прудона и Маркса совпали еще съ тѣмъ временемъ, когда крѣпко держалась торговля людьми въ Америкѣ, и когда крѣпостное право сохранилось de jure въ Россіи, de facto въ Германіи и Австріи. Аболиціонистамъ труднѣе было бы склонить на свою сторону общественное мнѣніе, если бы среди нихъ самихъ царило бы сомнѣніе въ выгодахъ свободной конкурренціи и свободнаго труда (хотя бы сомнѣнія были основаны на иныхъ началахъ, чѣмъ стремленія феодаловъ и крѣпостниковъ). Въ Россіи крайнія экономическія школы успѣли однако оказать довольно прискорбное вліяніе.

Въ первые годы реформъ многіе держались того мнѣнія, что западно-европейскій порядокъ вещей долженъ считаться непригоднымъ, по своей отсталости, для Россіи, которая должна, якобы миновать такія «промежуточные фазисы» развитія и прямо усвоить лучшія соціальныя формы. Нечего и говорить, какъ ослабила такая концепція тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей и соотвѣтственно усилила обскурантовъ.

Въ сферѣ промышленности сходное вліяніе замѣчается въ стѣсненіяхъ всѣхъ новыхъ предпріятій, пользующихся средствами капиталистической ассоціаціи. Въ наиболѣе конкретной формѣ непопулярность индивидуализма сказалась въ ограниченіяхъ, испытываемыхъ анонимными обществами, итоги дѣятельности которыхъ на всемірномъ рынкѣ выражаются въ сотняхъ милліардовъ.

Возникновеніе и образованіе большихъ и малыхъ «капиталистическихъ государствъ среди политическаго государства», въ особенности обставляется рядомъ ревнивыхъ ограниченій. Принципы свободы отодвигаются на второй планъ. Волѣ капиталиста, несущаго свои сбереженія, придается мало значенія.

Выдвигаютъ ультра-регулирующее начало—заботу о неблагоразумныхъ собственникахъ, которые безъ государственной опеки готовы лишиться сбереженій. Опасность предполагается и для бѣднаго, и для милліонера. Основной презумпціей является глупость того и другого.

Англія давно уже извѣстна, какъ страна, гдѣ законы изобилуютъ непослѣдовательностями, но гдѣ здоровыя идеи неуклонно примѣняются къ жизни, хотя и не превозглашаются. Британскіе законы о торговыхъ и промышленныхъ компаніяхъ, также состоятъ въ счастливомъ противорѣчіи съ административной и судебной практикой. Buble Act—11 іюня 1720 года запре-

щаетъ дальнѣйшее основаніе акціонерныхъ компаній съ корпоративными правами, безъ особаго разрѣшенія правительства. На практикѣ законъ обходился, такъ какъ не касался акціонерныхъ предпріятій съ неограниченною отвѣтственностью акціонеровъ. Въ продолженіи слишкомъ ста лѣтъ англійскій торговый міръ довольствовался формой полнаго товарищества, избѣгая испрашивать парламентскіе акты... Съ замѣчательнымъ остроуміемъ изобрѣтены были такіе проспекты (т. е. объявленія о выпускѣ акцій), при которыхъ желаемая сущность расходилась съ тягостною формою. Общіе законы Англіи не препятствовали передачѣ акцій изъ рукъ въ руки. Пользуясь этимъ, учредители новыхъ компаній объявляли, что основываютъ новое предпріятіе согласно акта 1720 *), съ неограниченной отвѣтственностью участниковъ, но присовокупляли, что такая отвѣтственность исчезнетъ, разъ акціи или паи будутъ вполнѣ оплачены и проданы другому лицу. Во всякой другой странѣ административныя распоряженія или давленіе давно положили бы предѣлъ такимъ измышленіямъ... Въ Англіи же только суды могли охранять законъ. Судьи же не принимали на себя иниціативы и процессы были спорны и дороги... Въ результатѣ абсолютное запрещеніе Buble Act было менѣе тяжело, чѣмъ на видъ благосклонное, но привязчивое, все регулирующее законодательство континента... Въ послѣдніе два года дѣйствія Buble Act, между 1823 и 1825 годами, при охватившемъ рынокъ спекулятивномъ настроеніи, актъ этотъ считался вовсе мертвой буквой. Образовалось, въ такой короткій періодъ, 636 компаній съ капиталомъ 372.000.000 фунтовъ стерлинговъ, изъ коихъ только 17.600.000 были дѣйствительно внесены.

---

*) Buble Act – названіе не оффиціальное, ибо обозначаетъ «мыльные пузыри».

Отмѣна Buble Act не сопровождалась положительнымъ законодательнымъ разрѣшеніемъ основывать общества съ ограниченной отвѣтственностью. По прежнему акціонерное дѣло велось на основаніи своеобразнаго примѣненія началъ полнаго товарищества; по прежнему новыя предпріятія считались лишь съ обычнымъ правомъ и судебной практикой.

Въ періодъ желѣзнодорожной горячки (Railway Mania), въ 1844 году, явился наконецъ общій законъ, рядомъ съ нѣкоторыми стѣсненіями даровавшій компаніямъ права юридическихъ лицъ. Учреждена была должность регистратора акціонерныхъ обществъ. Регистрація требовалась двойная: предварительная и окончательная. Первая лежала на обязанности учредителей. Они должны были представить регистратору всѣ важнѣйшія свѣдѣнія относительно вновь образуемой компаніи и только тогда получали право выпускать акціи и приглашать публику къ подпискѣ. Затѣмъ для полученія правъ юридическаго лица должно было быть испрошена у регистратора окончательная регистрація, причемъ требовалось, чтобы по крайней мѣрѣ часть акціонеровъ подписали заявленіе, что капиталъ собранъ. Тогда компанія могла открыть свои дѣйствія. Кромѣ того законъ 1844 года вводилъ нѣкоторыя общія правила для внутренняго управленія компаніи, нѣчто вродѣ нормальнаго устава. Затѣмъ требовалось еще, чтобы о всякой перемѣнѣ въ составѣ директоровъ сообщалось регистратору и чтобы въ Правленіи всегда имѣлся и выдавался всѣмъ списокъ акціонеровъ.

При обычаяхъ и государственномъ строѣ Англіи, ограниченія 1844 года были несущественны, а льготы очень цѣнны. Новымъ предпріятіямъ не трудно было примѣниться къ постановленіямъ закона, разъ только регистрація не превращалась въ предварительное разрѣшеніе со всѣми его проволочками, случайностями,

произволомъ. Облегченіе сказалось въ умноженіи новыхъ компаній, которыхъ въ теченіи девяти лѣтъ было зарегистровано 4.049, изъ коихъ вновь возникшихъ было свыше 3.000. Вторая регистрація большинствомъ не соблюдалась, ибо запрещеніе закона 1844 совершать сдѣлки съ акціями ранѣе двойной регистраціи не имѣло значенія, такъ какъ Лондонская фондовая биржа, по своимъ вѣковымъ статутамъ была независима отъ парламента, а по своимъ правиламъ допускала операціи съ временными свидѣтельствами.

Наконецъ въ 1855 г. вышелъ законъ, устанавливавшій ограниченную отвѣтственность акціонеровъ. Въ слѣдующемъ году вышелъ Joint Stock Companys Act, отмѣнившій двойную регистрацію.

Въ теченіи ста тридцати пяти лѣтъ между 1720 и 1855 гг. *древнія вольности Англіи охраняли ея промышленность.* Этимъ вольностямъ, почти средневѣковаго происхожденія, страна обязана множествамъ предпріятій, родившимся безъ бюрократической опеки и обогатившимъ населеніе. Эти то вольности создавали и надежныя регулирующія начала въ лицѣ биржевыхъ корпорацій. Продавать и покупать любые паи и акціи, объявлять ихъ цѣны, никто не препятствовалъ. Но для включенія въ Лондонскую оффиціальную котировку требовались такія условія, что парламентское разрѣшеніе для многихъ оказывалось иногда болѣе доступнымъ. Комитетъ Лондонской Биржи, въ силу своихъ древнихъ прерогативъ, самъ рѣшалъ должны ли быть допущены тѣ или другіе паи и акціи къ сдѣлкамъ и пользоваться оффиціальной котировкой. При сужденіяхъ мало обращалось вниманія на соблюденіе правительственныхъ формъ или на обладаніе спеціальнымъ разрѣшеніемъ.

Биржевой Комитетъ Лондона включаетъ бумаги въ котировку не иначе, какъ по рекомендаціи кого

либо изъ членовъ биржевого собранія. Это лицо подъ страхомъ удаленія изъ биржи, отвѣтствуетъ за вѣрность доставленныхъ о новой компаніи свѣдѣній. Комитетъ удостовѣряется въ томъ, что акціи компаніи уже пользуются нѣкоторымъ обращеніемъ и что значительная часть капитала дѣйствительно внесена и не растрачена. Компанія должна быть значительна, основана безъ нарушеній закона и имѣть уставъ, не позволяющій выпускать облигаціи на сумму, слишкомъ превосходящую акціонерный капиталъ. Учредительный договоръ долженъ быть обнародованъ и число паевъ или акцій, поступившее въ пользу учредителей, должно быть точно извѣстно. Вообще не допускается никакихъ неясностей или умолчаній (no misrepresentation or suppresion of material facts). Кромѣ того уставомъ должно быть воспрещено Правленію пріобрѣтать акціи компаніи за счетъ ея капитала. Такова сущность условій, требуемыхъ для включенія въ котировку (курсовую таблицу).

Въ Англіи условія эти считаются строгими. Много компаній, заручившихся рекомендаціей, тщетно ожидали доступа на биржу. Отказъ постигъ сотни ходатайствъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1862—1877). На континентѣ Лондонскія требованія считались бы весьма льготными.

Для той массы компаній, которыя рѣшили обойтись безъ санкціи Лондонской биржи и пользоваться услугами прессы и частныхъ банковъ (для котировки неоффиціальной)—условія Лондонской биржи были безразличны. Нагляднѣйшимъ доказательствомъ полной свободы акціонерныхъ предпріятій въ Англіи является единичная номинальная цѣна выпущенныхъ акцій. Въ отличіе отъ континентальныхъ порядковъ акціи могутъ быть выпущены любой цѣны, по волѣ учредителей, безъ всякихъ ограниченій. Цѣна въ 1 фунтъ стерлинговъ весьма обыкновенна. А въ 1891 году явилась

компанія Ancieit Gold Field of Africa, Limited, которая пыталась даже выпускать акціи по фартингу за штуку.

Дѣйствующее законодательство Англіи объ акціонерныхъ компаніяхъ основано главнымъ образомъ на актѣ 1862 года (Act for the Incorporation, Regulation and Winding up of the trading Companies and other Associations).

Главнѣйшія дополненія къ этому основному закону явились въ 1867, 1877 и 1890 годахъ.

Чтобы получить право юридическаго лица (body corporate) достаточно быть зарегистрованнымъ въ спискахъ, которые ведутъ особыя правительственныя бюро (Registration office). Чтобы попасть въ списки достаточно указать: форму компаніи съ прибавленіемъ слова Limited (т. е. отвѣтственность ограничивается акціонернымъ капиталомъ) мѣстопребываніе правленія, предметъ дѣятельности общества, размѣръ складочнаго капитала, число акцій и ихъ номинальную стоимость, имя, адреса и профессіи учредителей, которыхъ должно быть не менѣе семи и которые должны обладать хотя бы одной акціей; учредители подписываютъ заявленіе и ихъ подписи должны быть засвидѣтельствованы хотя однимъ постороннимъ лицомъ. Вотъ и все. Сколько собрано въ дѣйствительности взносовъ за акціи, правительственныя учрежденія не пытаются вовсе узнавать. Компанія можетъ выработать свой уставъ или принять нормальный, приложенный къ закону 1862 года.

Какъ этотъ нормальный уставъ, такъ и большинство 212 статей основнаго закона содержатъ обычныя формальности акціонерныхъ обществъ. Правленіе, гласитъ законъ, должно всегда давать возможность акціонерамъ ознакамливаться съ перемѣнами въ составѣ владѣльцевъ именныхъ акцій, съ обязательствами, лежащими на компаніи и съ полугодовыми балансами (для банковъ). Въ позднѣйшемъ законѣ содержится много важныхъ облегченій; ограниченія касаются соб-

ственно правъ кредиторовъ несостоятельныхъ компаній, ихъ ликвидаціи по постановленію суда и затѣмъ нарушенія чисто уголовнаго характера (завѣдомая невѣрность проспектовъ и пр.). Законъ 1867 года разрѣшилъ неограниченный выпускъ акцій и на предъявителя, и именныхъ. Законъ 1877 года предоставилъ всѣмъ компаніямъ уменьшать основной капиталъ и при томъ безъ согласія кредиторовъ (что требовалось раньше).

Свобода капиталистической иниціативы достигаетъ такимъ образомъ въ 1860—1870 г.г. значительной полноты... Законодатель старательно устраняетъ послѣднія препятствія, лежавшія de jure на пути образованія большихъ и малыхъ акціонерныхъ обществъ.

Теперь въ Англіи всякій воленъ, собравъ небольшую группу лицъ—богатыхъ или бѣдняковъ—объявить возникновеніе новой компаніи и правительственныя учрежденія *обязаны* зарегистрировать новое юридическое лицо. Цифра капитала можетъ измѣняться отъ нѣсколькихъ сотенъ фунтовъ стерлинговъ до сотенъ милліоновъ. Капиталъ или вносится полностью или большая часть его остается фиктивною, по желанію учредителей и фактическихъ руководителей. Ни у кого не нужно спрашивать разрѣшенія на любое увеличеніе или уменьшеніе фиктивныхъ или дѣйствительныхъ капиталовъ, разъ общее собраніе акціонеровъ остановится на какомъ-нибудь рѣшеніи. Цѣна акцій можетъ быть какъ угодно велика или мала. Акціи могутъ быть предъявительскія, именныя, или тѣ и другія вмѣстѣ. Учредители могутъ себѣ оставить по договору желаемую часть акцій въ награду за свои услуги безъ всякаго взноса. Для выкупа облигацій не нужно никакого контроля правительства. Всѣ акціи могутъ обращаться и котироваться на рынкѣ. Любыя акціи могутъ попасть въ святилище котировки, если Лондонскій комитетъ,

ни мало не интересующійся взглядами правительства, соблаговолитъ помѣстить счастливцевъ въ свои курсовыя таблицы.

По мнѣнію континентальныхъ законовѣдовъ такой просторъ «грюндерства», такіе порядки должны раззорять государство.

Англіи они дали богатство. Факты слишкомъ убѣдительны. За двадцать пять лѣтъ съ 1862 по 1886 г. зарегистрировано было 25.353 акціонерныхъ компаній (limited). Не одна тысяча изъ нихъ погибла безвременно или вовсе не начинала своей дѣятельности, или ликвидировала свои дѣла добровольно, или испытала тяжесть судебной ликвидаціи. Но въ 1894 г. въ Соединенномъ Королевствѣ считалось 18.361 компаній съ оплаченнымъ капиталомъ въ 1.035.029.835 фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти на 26 милліардовъ франковъ—капиталомъ, превышающимъ въ полтора раза всѣ капиталы акціонерныхъ обществъ Франціи и Германіи взятые вмѣстѣ.

По оффиціальному засвидѣтельствованію представителей Лондонской биржи, существуетъ весьма большое число англійскихъ компаній, которыя ведутъ свои дѣла заграницей; онѣ имѣютъ англійскій оплаченный капиталъ въ 66.000,000 фунтовъ стерлинговъ и ихъ акціи обращаются на Лондонской биржѣ. По всеобщему признанію актъ 1862 года представляетъ какъ бы новую счастливую эру. Въ извѣстномъ сочиненіи «Historia of Britich commerce» (p. 462) періодъ 1863—1865 названъ Extension Mania, такъ какъ въ это время нація стремилась всѣми средствами расширить всякаго рода коммерческія предпріятія. Въ это время необыкновенно увеличилось учрежденіе или постройка домовъ, кораблей, устройство рудниковъ и пр. Мелкіе капиталисты очень охотно разбирали промышленныя акціи, которыя, при общемъ оживленіи рынка, представлялись особенно

выгоднымъ помѣщеніемъ капитала. За время съ 1860 по 1870 въ Англіи выстроено болѣе 7500 километровъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. почти столько же, сколько въ горячую пору Railway Mania. Несмотря на междуусобную войну въ Америкѣ, пріостановившую доставку хлопка, фабричное производство быстро развилось. Съ уменьшеніемъ числа хлопчатобумажныхъ фабрикъ значительно усилилось производство полотняныхъ и шерстяныхъ издѣлій.

Вывозъ англійскихъ товаровъ заграницу въ пятилѣтіе 1861—1866 увеличился съ 125 до 189 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Изданіе законовъ о полной свободѣ торговаго и промышленнаго учредительства въ Соединенномъ Королевствѣ совпало съ окончательнымъ торжествомъ принципа свободнаго международнаго обмѣна.

Наружной связи между тарифами Гладстона и актами 1856, 1862 и 1867 годовъ не было никакой. Внутреннее сродство было чрезвычайно велико. Одинъ духъ создалъ обѣ реформы. Отказавшись отъ услугъ государства во образѣ искусственнаго вздорожанія иностраннаго импорта, британская промышленность нуждалась, во-первыхъ, въ устраненіи препятствій для промышленной иниціативы и во-вторыхъ, въ благожелательной санкціи свободно возникающихъ капиталистическихъ ассоціацій всякаго рода. Для новой Англіи, Англіи, покорившейся идеямъ Кобдена, естественно требовалось что либо обратное Buble Act.

Новые порядки еще не совсѣмъ упрочились въ Англіи и вліяніе континентальнаго государственнаго соціализма по временамъ чувствуется. Послѣ кризисовъ, повторявшихся примѣрно черезъ каждые 10 лѣтъ, репрессивныя мѣры противъ грюндерства и биржевой спекуляціи пріобрѣтаютъ нѣкоторую популярность. Въ 1876 году англійское правительство попыталось про-

извести рядъ ограниченій, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ явилось категорическое условіе, чтобы при подпискѣ на акцію по крайней мѣрѣ была собрана половина складочнаго капитала; иначе, по законопроекту, компаніи отказывалось въ регистраціи и дарованіи правъ юридическаго лица. Придуманы также были разныя нормы для учредительскихъ проспектовъ и даже для пріобрѣтенія недвижимаго имущества на акціонерный капиталъ, дабы предохранить компаніи отъ явно невыгодныхъ для пайщиковъ сдѣлокъ. Билль былъ внесенъ; въ комитетскихъ засѣданіяхъ подвергся многимъ поправкамъ; затѣмъ въ засѣданіи Палаты стало очевидно, что реформа не пользуется сочувствіемъ и не соберетъ большинства. Правительство не упорствовало и билль былъ «брошенъ». Черезъ двадцать лѣтъ въ 1894—1895 году дѣлаются опять серьезныя усилія. Министерство торговли созываетъ комиссію для изслѣдованія вопроса о томъ, какія исправленія должны быть сдѣланы въ законахъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, въ видахъ предупрежденія обмановъ при учрежденіи компаній и управленія ихъ дѣлами.

Комиссія выслушала между прочимъ представителей Лондонской биржи —наиболѣе грознаго до сихъ поръ, какъ мы видѣли, для спекуляторовъ трибунала. Сверхъ ожиданія члены биржи рѣшительно высказались противъ какихъ либо ограниченій и обязательныхъ гарантій.

«Стѣснительныя мѣры,—говорили они,—имѣющія въ виду устранить злоупотребленія, поведутъ только къ тому, что лучшіе, болѣе богатые, предприниматели устранятся отъ акціонернаго дѣла». Затѣмъ, сославшись на приведенный выше итогъ (66 милліоновъ фунтовъ) капиталовъ англійскихъ компаній, ведущихъ дѣла въ чужихъ краяхъ, представители биржи находили, что стѣсненіе дѣятельности однѣхъ этихъ ком-

паній будетъ имѣть послѣдствіемъ «передачу въ руки иностранцевъ тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ Англія, благодаря актамъ о компаніяхъ, пользуется монопольнымъ положеніемъ. Если даже допустить, что при дѣйствіи упомянутыхъ актовъ практиковались значительныя злоупотребленія, дававшія поводъ къ нечестному обогащенію, тѣмъ не менѣе значеніе ихъ было весьма важно и благотворно, ибо они содѣйствовали развитію промышленности въ Англіи и ея колоніяхъ».

Помимо убѣдительности и авторитетности такихъ совѣтовъ, сама комиссія держится иныхъ принциповъ, чѣмъ авторы законопроекта 1876 года. Уже отъ своего имени комиссія въ своемъ отчетѣ заявила слѣдующее:

«Законы не могутъ защитить публику отъ послѣдствія ея собственнаго неблагоразумія, неосторожности и неопытности; законодатель не въ состояніи надѣлить ее разсудительностью, благоразуміемъ и дѣловитостью. Нельзя забывать, что большинство акціонерныхъ компаній образуется для честнаго веденія, хотя и спекулятивныхъ, но вполнѣ дозволенныхъ закономъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій».

Сама мудрость заключается въ этихъ словахъ. Ихъ бы слѣдовало крупными буквами вырѣзать на тѣхъ стѣнахъ, гдѣ власть — имѣющіе экономисты любой страны будутъ заниматься начертаніемъ новыхъ торговыхъ и биржевыкъ уставовъ.

Франція со временъ революціи, уступая Англіи въ дѣйствительной свободѣ, превосходила ее въ законодательныхъ принципахъ. Свобода промысловъ была провозглашена 2-го Марта 1791 года.

Какъ ни смутно было время, вскорѣ оказалось, что свобода паевыхъ и акціонерныхъ предпріятій есть наиболѣе выгодное выраженіе свободы промысловъ; многочисленныя торговыя предпріятія возникли подъ грохотъ революціонной бури. Недолго длился начавшійся разцвѣтъ.. Правительство, выпуская на цѣлые милліарды неразмѣнныхъ ассигнацій, съ неудовольствіемъ увидѣло, что курсъ юныхъ промышленныхъ бумагъ крѣпнетъ, а курсъ ассигнацій стремительно падаетъ. При такихъ обстоятельствахъ революціонные правители не замедлили чрезвычайными мѣрами.

Конвентъ издалъ декретъ 24-го Августа 1793 г., въ силу котораго всѣ компаніи съ предъявительскими акціями, должны были прекратить свою дѣятельность, а дальнѣйшее возникновеніе новыхъ компаній могло имѣть мѣсто лишь съ разрѣшенія власти, испрошеннаго въ законодательномъ порядкѣ. Замѣтимъ, что при этомъ «свобода промысловъ» не отмѣнялась. Черезъ восемь мѣсяцевъ 15-го Апрѣля 1794 г. (26 жерминаля) дѣлается еще болѣе опредѣленное постановленіе: новыя компаніи навсегда запрещены...

Въ числѣ мотивовъ видное мѣсто занимало «искорененіе спекуляцій». Въ то время были живы еще старики, знавшіе въ своей юности людей, пострадавшихъ отъ предпріятія Джона Лоу. Какъ ни велико различіе между суровыми республиканцами конвента и беззаботнымъ, добродушнымъ, изящнымъ, легкомысленнымъ регентомъ,—глубокое сходство лежало въ самой сущности правительственныхъ мѣръ 1720 и 1794 годовъ. Регенство, намѣренно создавъ своими дѣйствіями страсть къ биржевой игрѣ, выпускало, черезъ посредство привеллегированной компаніи дутыя акціи и банковые билеты, а для повышенія ихъ цѣны—запрещало держать золото, исключая мелкихъ суммъ (500 франковъ) подъ страхомъ конфискаціи. Республика, выпуская не-

размѣнныя ассигнаціи, вовсе запретила (подъ страхомъ гильотины) капиталу притекать къ акціонерному дѣлу.

Когда эпоха террора миновала, актъ 26 жерминаля былъ отмѣненъ (21-го Ноября 1795 г.); но всѣ другія ограниченія и препятствія сохранили свою силу. Слѣдуя этому невозможному законодательству, французскіе суды стали признавать неограниченную отвѣтственность каждаго акціонера по всѣмъ обязательствамъ общества. Далѣе идти было некуда.

Кодексъ Наполеона положилъ конецъ невыносимому положенію. Для акціонерныхъ обществъ были правда установлены весьма сложные и трудные пути предварительнаго правительственнаго разрѣшенія; но законъ далъ полную свободу такъ называемымъ командитнымъ товариществамъ и право выпуска акцій. Часть владѣльцевъ несла полную отвѣтственность; другая часть акціонеровъ отвѣчала лишь своими взносами. Требованія закона вполнѣ удовлетворялись, если былъ хотя одинъ участникъ, отвѣчавшій всѣмъ своимъ имуществомъ. Естественно, что командитная форма являлась какъ бы якоремъ спасенія, и капиталистическая инціатива широко имъ воспользовалась. «Достаточно было найти на амплуа неограниченно—отвѣтственнаго товарища лицо, которое иногда за самое жалкое вознагражденіе было готово принять на себя какую угодно отвѣтственность». Къ 1826 году въ Парижѣ было зарегистровано 1.106 командитныхъ товариществъ съ акціонернымъ капиталомъ въ 1.117.098.740 фр... Между тѣмъ разрѣшенныхъ правительствомъ акціонерныхъ компаній (прошедшихъ многотрудный концессіонный искусъ) было только 507 съ капиталомъ 393.396.125 фр... Богатство Франціи, громадные капиталы, которыми обладаетъ эта страна, накапливаливались въ продолженіи всего XIX вѣка; но основной фондъ, который далъ возможность народному труду удивить весь міръ количествомъ

свободныхъ милліардовъ, несомнѣнно образовался въ первую половину столѣтія. Изъ государства бѣднаго и раззореннаго, Франція сдѣлалась государствомъ богатымъ въ промежутокъ времени между 1810 и 1850 годами. Для земледѣлія имѣли чрезвычайное значеніе послѣдствія насильственнаго, но благодѣтельнаго аграрнаго передѣла, совершеннаго революціей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Для промышленности же аналогичное вліяніе имѣла извѣстная свобода капиталистической иниціативы. Акціонерное дѣло, мало по малу освоившись съ коммандитной формой, должно было шагъ за шагомъ завоевать право выпуска акцій на предъявителя. Въ критическую пору первыхъ шаговъ свободной промышленности къ счастью отсутствовала норма цѣны акцій и цифры 50 и 20 фр. были не рѣдки. Такія дробныя паевыя единицы приводили въ ужасъ многихъ тогдашнихъ экономистовъ... Страна быстро богатѣла, но насчитывалось много погибшихъ компаній; немало конечно было обмановъ и безвозвратно поглощенныхъ спекуляціей сбереженій. Правительство пожелало насильственно *навязать публикѣ благоразуміе;* акціи въ 20 фр. особенно возбуждали опасеніе.

Въ первые годы второй Имперіи, при политическомъ затишьѣ, вопросы промышленнаго и торговаго законодательства, подъ могучимъ вліяніемъ начавшейся постройки желѣзныхъ дорогъ, естественно выступили на первый планъ. Въ 1856 году акціонерной слободѣ насталъ конецъ. Закономъ 17-го Іюля введенъ рядъ ограниченій. Наиболѣе тягостнымъ нужно признать назначеніе наименьшей цѣны акцій для всѣхъ компаній—въ 500 фр. (только при капиталѣ меньшемъ 200.000 фр. цѣна можетъ уменьшаться до 100 фр.). Затѣмъ компаніи считаются состоявшимися не иначе, какъ по подпискѣ всего основнаго капитала и дѣйствительной оплатѣ четвертой его части. Передача именныхъ акцій

изъ рукъ въ руки дозволена лишь послѣ оплаты $^2/_3$ ихъ стоимости. Акціи же на предъявителя могутъ быть выпущены только вполнѣ оплаченныя. Законъ 1856 года лишилъ французскую промышленность возможности постепеннаго собиранія капитала, что въ Англіи позволило образоваться могущественнымъ фирмамъ; запрещеніе выпуска мелкихъ акцій устранило небольшія сбереженія изъ акціонернаго дѣла. Одно важное достоинство слѣдуетъ признать за закономъ 1856 года: предварительное разрѣшеніе не введено. Поэтому промышленность могла примѣниться къ новому порядку, тѣмъ болѣе, что *полвѣка свободы дали ей окрѣпнуть.*

Дальнѣйшія регулятивныя и ограничительныя мѣры, вѣроятно, не заставили бы себя ждать, еслибы не наступилъ отрадный переломъ — *договоръ Кобдена*, — освѣтившій мрачныя дни Наполеновскаго режима. Торговый трактатъ съ Англіей, въ числѣ своихъ даровъ, выдвинулъ впередъ тѣсную связь свободы торговли съ свободой промышленной иниціативы. Только что нарождающееся во Франціи запретительное вѣяніе разомъ разлетѣлось въ прахъ.

Естественными послѣдствіями договора было заключеніе конвенціи 30 Апрѣля 1862 года, въ силу которой англійскимъ компаніямъ разрѣшено было производить операціи во Франціи, т. е. во многихъ случаяхъ конкуррировать съ французскими компаніями. Тогда простая и неотразимая логика фактовъ показала, что свободное учрежденіе и свободная дѣятельность акціонерныхъ обществъ даетъ важное преимущество странѣ свободы надъ страною ограниченія.

Во Франціи ея акціонерное законодательство, уступающее англійскому, но превосходящее по широтѣ основныхъ началъ законы большинства континентальныхъ государствъ — есть въ сущности даръ Кобдена. Въ

наши дни въ тарифахъ, какъ извѣстно, явилось другое противоположное теченіе; либеральные законы объ акціяхъ остались. Этотъ даръ сохраненъ актами 1863 и 1867 годовъ. Установлено свободное возникновеніе какъ коммандитныхъ, такъ и акціонерныхъ компаній (За исключеніемъ обществъ страхованія жизни). Достаточно явки у нотаріуса Устава (и публикаціи), подписаннаго не менѣе какъ семью учредителями. Компаніи однако признаются недѣйствительными въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда уставъ допускаетъ акціи стоимостью менѣе 100 фр. при складочномъ капиталѣ до 200.000 фр. и 500 фр. при всякомъ иномъ капиталѣ; 2) когда не весь основной капиталъ подписанъ; 3) когда не по всѣмъ акціямъ внесена четверть ихъ стоимости; 4) когда учредителями не сдѣлано нотаріальное заявленіе о томъ, что два предыдущихъ требованія выполнены; 5) когда это заявленіе не было подвергнуто разсмотрѣнію учредительнаго общаго собранія акціонеровъ, т. е. перваго собранія; 6) когда уставъ допускаетъ отчуждаемость акцій до взноса четвертой части ихъ стоимости; 7) когда уставъ допускаетъ обращеніе акцій въ предъявительскія до оплаты половины ихъ стоимости или освобождаетъ акціонеровъ отъ отвѣтственности до уплаты хотя бы этой части; 8) когда неденежные взносы или установленныя въ пользу отдѣльныхъ лицъ преимущества не были провѣрены въ особомъ подробно установленномъ закономъ порядкѣ; 9) когда первые администраторы (члены Правленія) не указаны въ уставѣ и не избраны въ первомъ (учредительскомъ) общемъ собранія акціонеровъ; 10) когда это же собраніе не выбрало ревизора; 11) когда при созывѣ первыхъ (учредительскихъ) собраній отступлено отъ закона; 12) когда нѣтъ семи учредителей.

Этотъ длинный перечень не можетъ быть обойденъ, ибо по любому нарушенію требованія закона, любое лицо можетъ по суду закрыть компанію.

Изъ другихъ постановленій закона 1867 года важно ограниченіе десятью—максимальнаго для одного акціонера числа голосовъ, независимо отъ числа акцій.

Весьма строгая гражданская отвѣтственность учредителей и администраторовъ и наконецъ уголовныя наказанія подкрѣпляютъ силу закона.

Отсутствіе предварительнаго разрѣшенія и отмѣна нелѣпой коммандитной фикціи искупаютъ многое. Французская промышленность уже свыклась съ своимъ акціонернымъ законодательствомъ. По сравненію съ Англійскими статутами невольно приходитъ мысль, что одна изъ причинъ возрожденія протекціонизма во Франціи должна заключаться въ немаловажныхъ стѣсненіяхъ, которыми законодательство обставило учрежденіе новыхъ компаній. Англійская регистрація даетъ каждой промышленной ассоціаціи свободный широкій путь при содѣйствіи власти, чуждой вмѣшательства. Французская регистрація обходится безъ концессіи, такъ сказать, скрѣпя сердце, и явно преслѣдуетъ ревнивымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ всякое акціонерное предпріятіе и готово вмѣшаться при первой неосторожности и при первой попыткѣ избавиться отъ стѣснительныхъ ограниченій. Англійская свобода можетъ конечно облегчить нѣкоторыя злоупотребленія, но едва ли въ большихъ размѣрахъ, ибо публика и биржа привыкли къ надлежащей осторожности и охранѣ своихъ сбереженій безъ воззваній къ запретительнымъ мѣрамъ; страна не бѣднѣетъ. Хорошія стороны свободнаго учредительства во много разъ искупаютъ его недостатки.

При отсутствіи формальностей и ограниченій и невмѣшательствѣ власти въ публикѣ скоро воспиты-

вается сознаніе, что ей нечего надѣяться на надзоръ правительства и что слѣдуетъ каждому самому разсудить о благонадежности даннаго предпріятія и о солидности его учредителей. Одно это сознаніе представляется лучшей гарантіей противъ обмановъ и гнилой спекуляціи, чѣмъ всѣ постановленія 1856, 1863 и 1867 гг., взятыя вмѣстѣ.

Въ Пруссіи и Германскихъ государствахъ до 1870 года вообще царила концессіонная система. Юный Германскій Имперіализмъ рѣшилъ съ ней покончить, но обставить учредительство строгими условіями. Подписка на весь основной капиталъ, немедленный взносъ 10%, освобожденіе всѣхъ участниковъ отъ круговой поруки лишь по подписаніи 40% капитала, выпускъ акцій на предъявителя не иначе какъ по оплатѣ ихъ 25%, широкая гражданская отвѣтственность первыхъ акціонеровъ и учредителей, строгая уголовная отвѣтственность учредителей,—таковы общія черты акта 11-го Іюня 1870 года.

Извѣстный періодъ грюндерства 1871 — 1874 г., окончившійся тягостнымъ кризисомъ, былъ пережитъ при этихъ строгихъ законахъ.

Необычайный приливъ свободныхъ денегъ изъ Франціи, въ видѣ милліардовъ контрибуціи, былъ главной, конечно, причиной овладѣвшаго рынкомъ спекулятивнаго настроенія. Въ Пруссіи до 1871 года было всего 203 акціонерныхъ общества съ итогомъ капиталовъ въ 2.192.020.000 марокъ. Затѣмъ возникло (въ одной Пруссіи) въ 1871 году 203, въ 1872 г.—478 и въ 1873 г.—162 обществъ, а общій итогъ капиталовъ возросъ до 5.359.000.000 марокъ. Когда золотой сонъ

прошелъ и наступило пробужденіе — ликвидація постигла 398 обществъ.

Бѣдствія кризиса вызвали агитацію противъ учредительской свободы; но возвращеніе къ концессіонной системѣ не сдѣлалось популярнымъ. Хотѣли только усугубить строгости, какъ бы возмѣщающія отсутствіе предварительнаго разрѣшенія. Изобиліе проектовъ задержало дѣло, и только черезъ девять лѣтъ послѣ кризиса, въ Сентябрѣ 1883 года, выработанъ былъ мотивированный министерскій законо-проектъ и послѣ восьмимѣсячнаго обсужденія въ печати, торговыхъ корпораціяхъ и рейхстатѣ явился законъ 18-го Мая 1884 года.

Руководящая мысль, которая красной чертой проходитъ по первоначальной редакціи, мотивамъ и окончательной редакціи, ставшей закономъ — состоитъ въ томъ, чтобы, не возвращаясь къ системѣ концессій, придумать постановленія не менѣе грозныя, чѣмъ и предварительное разрѣшеніе. Минимумъ нарицательной цѣны акцій первоначальный законопроектъ назначилъ въ 1.000 марокъ для именныхъ и 5.000 марокъ для предъявительскихъ. Одному такому измышленію германскихъ законодателей, если бы оно осуществилось, принадлежала бы незавидная честь—полнаго уничтоженія учредительской свободы. Въ послѣднюю минуту состоялось болѣе мягкое рѣшеніе. Минимумъ для именныхъ и предъявительскихъ акцій былъ принятъ въ 1.000 марокъ *). По сравненію съ Франціей строгость законодательства выразится отношеніемъ: 1.000 марокъ (1.250 франковъ) къ 500 фр.,—т. е. въ $2^1/_2$ раза. Другія строгости усугубили экономическія невзгоды, которыя испытываются нѣмцами ради закона

*) Для именныхъ акцій въ особыхъ случаяхъ и съ разрѣшенія Союзнаго Совѣта минимумъ можетъ быть пониженъ до 200 марокъ.

1884 года. Во первыхъ былые 40% „освобождающаго“ покрытія отмѣнены; во вторыхъ — предъявительскія временныя свидѣтельства запрещены; въ третьихъ — усугублена отвѣтственность учредителей; въ четвертыхъ — взносъ четвертой части капитала наличными деньгами обязателенъ; въ пятыхъ — первое общее собраніе и самое открытіе дѣйствія поставлены подъ контроль коммерческаго суда и т. д.

Мы позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что совокупность ограничительныхъ постановленій 1884 года хуже концессіонной системы.

Печальныя послѣдствія не заставили себя ждать. По всеобщему признанію немедленно по опубликованіи новаго закона, стало очевиднымъ, что онъ въ сильной степени препятствуетъ расширенію предпринимательской дѣятельности *). Отвѣтственность учредителей и другихъ участниковъ слишкомъ велика; многіе солидные капиталисты просто боятся попасть въ большія непріятности по чужой винѣ или даже по малѣйшей неосторожности. Хуже всего пришлось юнымъ нѣмецкимъ колоніямъ, гдѣ новыя предпріятія, благодаря строгостямъ новаго закона, рѣшительно отказывались воспользоваться акціонерною формою.

Несомнѣнныя колонизаторскія способности и избытокъ населенія — интеллигентнаго, трудолюбиваго, умѣреннаго - сулили свѣтлую будущность заокеанскимъ пріобрѣтеніямъ Германіи.

Побѣды майора Виссмана были встрѣчены съ радостью. Законъ 1884 года подоспѣлъ, чтобы подорвать, въ значительной мѣрѣ, надежды на перенесеніе промышленной дѣятельности германскихъ городовъ и селъ на дѣвственную экзотическую почву. Промышленная свобода совершенно необходима тамъ, гдѣ ка-

*) *Эссеръ.* Das Gesetz, betreffend die Commanditen-Gesellshaften auf Actien und Actiengesellschaften vom 18 Iuli 1884 (Berlin 1885).

питалистовъ еще мало, населеніе рѣдкое, а трудъ пустилъ только первые нѣжные ростки.

Дѣйствующее акціонерное законодательство Германіи своеобразно по своимъ мотивамъ. Открытой цѣлью законодательства является борьба съ періодическимъ стремленіемъ публики къ участію въ новыхъ предпріятіяхъ. Съузить грюндерство въ періоды повышательнаго настроенія, помѣшать публикѣ снабжать деньгами спекуляторовъ, предотвращая кризисы, — вотъ чѣмъ задавались авторы строгихъ правилъ. Законодатель, въ противность недавнимъ урокамъ Англіи, желаетъ „надѣлить публику благоразуміемъ“ противъ ея воли, охранить карманы взрослыхъ и правоспособныхъ людей отъ ихъ собственныхъ промаховъ.

Спекулятивная горячка основана на такихъ чертахъ человѣческаго характера, которыя лежатъ внѣ естественной сферы современнаго законодательства.

Въ обыкновенное время масса готова цѣнить свое достояніе чуть ли не дороже свободы, здоровья и самой жизни. Давно замѣчено, что высшая степень административнаго гнета переносится легче, чѣмъ денежные ущербы. Тяжелые налоги и конфискаціи кажутся тяжелѣе казней. Но наступаетъ періодически пора, когда громадное большинство—изъ за болѣе чѣмъ сомнительной наживы—готово бросить всѣ сбереженія, добытыя тяжкими трудами. Легкомысленное отношеніе къ имущественнымъ интересамъ распространяется тогда подобно заразѣ. Самые дикіе проекты находятъ капиталистовъ. Основываются общества: „Южнаго моря“ (причина изданія Buble Act)“, „Разведеніяословъ на берегахъ Миссисипи“, „Добыванія прѣсной воды изъ морской“, „Выгодныхъ предпріятій, цѣль которыхъ будетъ объявлена впослѣдствіи“. Публика несетъ деньги, несмотря на оффиціальныя предупрежденія, протесты серьезной прессы, насмѣшки и каррикатуры мелкихъ

листковъ. Несетъ деньги, лишь бы купить какую бы то ни было акцію, по какой бы то ни было цѣнѣ. Есть массовыя стремленія, причины которыхъ можно изучать, но остановить немыслимо.

Длинный рядъ кризисовъ убѣждаетъ насъ, что духъ спекуляціи овладѣваетъ населеніемъ послѣ періодовъ застоя. Роль правительства ясна. Безполезно изобрѣтать законодательныя мѣры, для сдерживанія промышленной иниціативы въ годы оживленія. Избѣжать кризиса или смягчить его цѣлесообразнѣе инымъ путемъ. Желательно, чтобы въ годы застоя проявлялась наибольшая дѣятельность казеннаго хозяйства и умножались финансовыя операціи. Наоборотъ въ пору усиленной частной предпріимчивости и спекулятивной горячки лучше съузить правительственную экономическую иниціативу. Тогда переходы отъ застоя къ оживленію, а отъ оживленія къ упадку будутъ менѣе рѣзки.

Послѣ войны 1870—1871 г.г. Германское правительство держалось не столь благоразумной политики. Наступленіе мира, послѣ блестящихъ побѣдъ, упрочило объединеніе отечества; подъемъ національнаго духа самъ по себѣ долженъ былъ повести къ значительному оживленію промышленности и торговли. Милліардная контрибуція дала правительству средства, которыя могли быть употреблены на регулированіе или усиленіе промышленной предпріимчивости или иными словами отъ воли правительства зависѣло помогать здоровому, свободному развитію національнаго производства или дать лишній импульсъ блестящему, но скоротечному и гибельному грюндерству. Правительство не остереглось и, забывъ исторію періодическихъ кризисовъ, вступило на опасный путь. Усиленное погашеніе государственнаго долга, выкупъ желѣзныхъ дорогъ, обширныя общественныя работы, щедрыя дотаціи—явились одновременно и показали, что полученные пять тысячъ

милліоновъ франковъ имѣютъ быть влиты въ страну въ короткій періодъ времени. Все пришло въ лихорадочное оживленіе. Ровное пламя разгорѣлось въ страшный пожаръ. Когда все кончилось, побѣдоносное юное государство, недавно обогащенное, увидѣло повсюду банкротства, катастрофы, безработицу и дороговизну. Заводы остались безъ заказовъ, фабрики безъ дѣла, лавки безъ покупателей, мореходство безъ грузовъ, дороги безъ пассажировъ, дома безъ жильцовъ.

Бѣдствіе было велико. Пробужденіе было тяжелое. Стали искать виновниковъ и офиціозная пресса слегка журила публику, нѣсколько неосторожную. За то на спекуляторовъ обрушились проклятія и угрозы. Они якобы раззорили страну, воспользовавшись промышленной свободой!

Пятнадцать лѣтъ прошло со времени изданія германскаго ограничительнаго закона 1884 года, сохраняющаго свою силу и съ небольшими несущественными измѣненіями включеннаго въ новое гражданское уложеніе, вступившее въ дѣйствіе съ 1-го Января 1898 г. Въ первую половину 1898 года вредная сторона германскаго акціонернаго закона выяснилась между прочимъ изъ сравненія, небольшаго числа акціонерныхъ обществъ, основанныхъ за первые шесть мѣсяцевъ послѣдняго года въ Германіи съ числомъ новыхъ обществъ въ Англіи, гдѣ ихъ вновь заявлено къ регистраціи—чуждой всякой регламентаціи—2.544 съ итогомъ капиталовъ – 145.889.428 фунтовъ стерлинговъ. Сколько здѣсь эфемерныхъ предпріятій—неизвѣстно, но съ невзгодами, неразлучными съ промышленной свободой, Англія справилась, не отступая отъ нея; а періодическое возникновеніе массы предпріятій знаменуетъ ростъ богатства страны съ увеличеніемъ одновременно цѣннаго дара: коллективной способности къ самоохраненію.

ГЛАВА V.

Гармонія свободной всемірной и соціальной кооперації.

Успѣхи соціализма возбуждаютъ тревогу въ Германіи, Франціи и Бельгіи. Съ тѣхъ поръ какъ средство борьбы соціалисты увидѣли въ избирательной урнѣ,—вмѣсто баррикадъ, — парламенты стали наполняться ихъ сторонниками. Ни одна новая партія не усвоила лучшихъ пріемовъ и лучшей дисциплины; ни одна партія не воспользовалась такъ выгодно для себя пониженіемъ избирательнаго ценза и suffage uniwersel. Пресловутыя «три дюжины» депутатовъ соціалистовъ, которыя допускалъ князь Бисмаркъ, давно превзойдены. Во Франціи въ послѣдніе годы соціалисты добирались и до министерской скамьи. Успѣхи эти въ зависимости отъ правительственныхъ актовъ или группировки партій могутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока соціалисты не завладѣютъ властью въ какомъ либо большомъ государствѣ во Франціи или въ Германіи. Какъ только они начнутъ осуществлять свою систему,—ихъ дѣло рухнетъ. Конечная гибель ихъ ждетъ въ моментъ ихъ полнаго торжества. Пусть правители имъ покорятся, пусть они завладѣютъ вооруженной силой. Пусть народъ покорится. Пусть даже государство справится со всѣми, тягостями неразлучнаго съ побѣдой соціалистовъ экономическаго потрясенія. Гибель придетъ съ другой стороны. Соціалистическое государство погибнетъ подъ ударами другихъ націй, какая бы доля истины не заключалась въ соціалистической концепціи.

Кровавыя столкновенія съ сосѣдними націями, которыя не увѣруютъ въ соціализмъ (а на одновременное международное торжество соціализма никакъ нельзя надѣяться)—кровавыя столкновенія произойдутъ вовсе не изъ желанія другихъ государствъ—Англіи, Австріи, Россіи—сокрушить *красный признакъ*. Причины войны будутъ болѣе императивныя, вовсе не зависящія отъ той или другой политики.

Когда отъ Бебеля потребовали въ Рейхстагѣ, чтобы онъ объявилъ въ чемъ заключаются цѣли современнаго организованнаго соціализма, то маститый вождь соціалистовъ далъ слѣдующій общій абрисъ своихъ идеаловъ.

„Орудія производства перестанутъ быть частной собственностью; земля, рудники, сырые матеріалы, инструменты, машины, средства сообщенія, составятъ собственность общественную; преобразованіе производства товаровъ въ соціалистическомъ направленіи сдѣлаетъ то, что постоянно возрастающіе размѣры производительности перестанутъ служить источникомъ нищеты и притѣсненія эксплоатируемыхъ классовъ, а напротивъ обратятся въ средство для поднятія народнаго благосостоянія и для установленія гармоническаго усовершенствовнія“.

Личная иниціатива слѣдовательно упраздняется и будетъ поглощена государствомъ. Государство, по этой концепціи, отказывается отъ кооперації съ свободной личностью. Первымъ послѣдствіемъ такой формы производства будетъ конечно эмиграція капиталовъ, которые, какъ мы видѣли, уходятъ даже при большихъ налогахъ или при нѣкоторомъ уменьшеніи безопасности... Вторымъ послѣдствіемъ будетъ полное паденіе внѣшняго кредита страны.

Соціалисты навѣрное пренебрегутъ тѣмъ и другимъ. Но исчезновеніе капиталовъ и кредита будетъ только

грознымъ предостереженіемъ. Вскорѣ послѣдуетъ худшее. Соціалистическое государство явится *экономически* совершенно *изолированнымъ;* изолированнымъ *среди объединеннаго мірового рынка.*

При каждомъ обмѣнѣ продуктовъ съ другими странами, сохранившимъ капиталистическій строй — будутъ потери и убытки. Почти всѣ товары кругомъ будутъ производиться дешевле, при озобильномъ и дешевомъ капиталѣ, при энергичной частной иниціативѣ, при большей увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Любой продуктъ, любое издѣліе будетъ требовать меньше дней труда. При нѣсколько свободномъ, не слишкомъ стѣсненномъ обмѣнѣ, одна отрасль производства за другой въ соціалистическомъ государствѣ будетъ оказываться убыточной. Скоро средствомъ охраны явится конечно болѣе или менѣе полное запрещеніе международнаго обмѣна—устраненіе импорта и экспорта. Такое экономическое отчужденіе въ наше время прямо ведетъ къ открытой борьбѣ. Для соціалистическихъ государствъ шансовъ побѣды не будетъ никакихъ. Германія съ Бебелемъ и Либкнехтомъ въ качествѣ диктаторовъ, будетъ слабѣе Даніи и Бельгіи. Безъ денегъ и арміи воевать трудно. Нѣтъ надобности доказывать ложность соціализма, чтобы предсказать гибель соціалистическаго государства, если бы таковое, благодаря особымъ счастливымъ для соціализма условіямъ, и образовались въ XX вѣкѣ. Устойчивость существующаго экономическаго строя обезпечена и подъемомъ національнаго самосознанія и оживленіемъ международныхъ сношеній. Врагъ существующаго экономическаго строя – соціализмъ—не можетъ надѣяться на побѣду, такъ какъ не будетъ въ состояніи *разомъ* одолѣть и національную самобытность и міровое общеніе.

Въ чемъ же сила, гдѣ причина успѣховъ современнаго соціализма, котораго конечная гибель несом-

нѣнна, но который опасенъ тѣмъ, что погибнетъ не одинъ, а увлечетъ въ своемъ паденіи одну или другую изъ высококультурныхъ націй?

Вражда партій есть только побочная кажущаяся причина. Кенсерваторамъ, конечно, случалось уступать голоса соціалистамъ, въ пылу борьбы съ либералами. Въ иныхъ мѣстахъ соціализмъ одерживаетъ верхъ, благодаря своей дисциплинѣ, когда большинство разбивается на нѣсколько приблизительно равныхъ группъ. Какъ ни обыкновенны подобные случаи, они не объясняютъ постояннаго увеличенія общаго, по всей странѣ, числа избирательныхъ бюллетеней, поданнаго за соціалистовъ на законодательныхъ выборахъ Германіи и Франціи, отчасти Италіи и Бельгіи. Истинная причина надвигающейся грозы лежитъ въ низменности идеаловъ, которые исповѣдуютъ современные капиталистическія партіи на континентѣ Западной Европы.

Устами талантливыхъ ораторовъ и извѣстныхъ ученыхъ соціалисты прямо ручаются, что если народныя массы пойдутъ за ними—всеобщая нужда и изнуреніе превратятся въ широкое довольство и досугъ. Защитники же капиталистическаго строя наоборотъ не вѣщаютъ народу ничего утѣшительнаго. Они сильны своей критикой соціализма. Положительныя же стороны экономической системы, которую исповѣдуютъ съ небольшими исключеніями всѣ партіи порядка, рисуютъ труженику несвѣтлыя перспективы.

Помѣшать кабалѣ, воспретить изнурять ребенка, карать за устройство гнѣздъ заразы—все это якобы означаетъ торжество права «государственнаго вмѣшательства» надъ индивидуализмомъ. Когда же съ этимъ правомъ связаны были столь популярныя мѣры, тогда это право примѣнено было для дальнѣйшаго нападенія на «капитализмъ» въ смыслѣ нарушенія государственныхъ обязательствъ, для введенія налоговъ, сходныхъ

съ конфискаціями, для усвоенія всей печальной системы, которая мѣтко названа «brutalité du gouvernement».

Знамя съ ложнымъ девизомъ, которое было безъ надобности поднято при защитѣ рабочихъ классовъ отъ произвола капитала—это знамя послѣ побѣды, т. е. послѣ нѣкоторыхъ облегченій условій труда—широко развернулось для прямыхъ нападеній на собственность и свободу.

При небольшой эрудиціи, невысокомъ образованіи и маломъ досугѣ рабочаго и крестьянина — для него ускользаетъ разница между чистымъ соціализмомъ, катедеръ-соціализмомъ и соціализмомъ государственнымъ. Кажется трудно объяснимымъ, зачѣмъ власть имѣющіе *враги* соціализма узурпируютъ его принципы. Является искушеніе покончить съ незаконными его исчадіями и прямо встать въ его регулярные ряды. Не лучше ли Лассаля и Маркса предпочесть Шефле и Вагнеру, вдохновляться рѣчами Бебеля, а не Рихтера, а по ту сторону Рейна именоваться compagnon вмѣсто citoyen? Не лучше ли вовсе отвернуться отъ дѣятелей, которые восьмичасовой рабочій день считаютъ ересью и увѣряютъ, что вся будущность принадлежитъ образцовымъ рабочимъ, китайцамъ и японцамъ, полуголоднымъ и полуодѣтымъ и работающимъ безъ устали, безъ праздниковъ, за мелкую монету? Тяжело бѣдняку, изъ послѣднихъ трудовыхъ грошей воспитывающему дѣтей, слышать, что война вѣчна, что милліоны ружей единственный залогъ непрочнаго перемирія и, что въ силу незыблемаго экономическаго закона, рабочіе, исповѣдующіе одну религію любви, принадлежащіе къ одному племени и говорящіе на языкѣ родственнаго корня—естественные враги между собою. Соціализмъ можетъ быть манитъ, обманывая блестящими миражами. Существующій же укладъ — безпросвѣтная мгла, безъ радостей и надеждъ.

Нужно удивляться не послѣднимъ успѣхамъ соціалистовъ во Франціи и Германіи, а крѣпкому здравому смыслу народа, его инстинкту, который до сихъ поръ держитъ большинство избирателей на сторонѣ умѣренныхъ партій.

Народъ не утратилъ еще вѣры въ свободу и право.

Только высшій идеалъ дастъ побѣду надъ врагами мирнаго и самобытнаго національнаго развитія, надъ соціализмомъ и всѣми ученіями, попирающими свободу и собственность. Вмѣсто національнаго коллективизма, сопряженнаго съ подавленіемъ личной энергіи—экономическая система должна исходить изъ свободной международной и соціальной кооперації.

Идеалъ долженъ быть построенъ на сознаніи, что событія седьмого десятилѣтія XIX вѣка знаменуютъ новую эпоху въ исторіи. Перемѣны 1860—70 годовъ по своимъ послѣдствіямъ оставляютъ за собой и открытіе Америки, и паденіе Рима. Историческая трилогія, которую даютъ эти двѣ эры, окончилась. Человѣчество вступаетъ въ четвертый періодъ. Одновременно произошло экономическое объединеніе мірового рынка, получила всеобщее признаніе соціальная миссія правового государства и выдвинута высшая идея о личной неприкосновенности и свободѣ. Покуда новѣйшей эпохѣ будутъ навязывать концепціи отжитыхъ временъ и покуда государство будетъ извнѣ враждовать съ другими народами, а внутри видѣть врага въ индивидуализмѣ, до тѣхъ поръ низменный идеалъ будетъ подрывать моральныя силы и увеличивать массу страданій. Наоборотъ преклоненіе передъ переломомъ седьмого десятилѣтія и примиреніе всемірной кооперації съ сильной властью самобытнаго государства и съ просто-

ромъ личной самодѣятельности,—подыметъ такой стягъ, передъ которымъ покажутся ничтожными всѣ упованія, всѣ бредни и всѣ козни иныхъ ученій.

Когда-то громкій девизъ laisser faire, laisser aller выдвинулъ личность, но принижалъ общество и государственную власть. Государство должно было давать свободу всѣмъ и каждому *кромѣ самого себя*. Результатъ этой идеи извѣстенъ. Угнетенная нуждою масса, имѣющая одну свободу—свободу умирать съ голоду; группа крупныхъ и мелкихъ эксплуататоровъ, которые понимали свободу въ смыслѣ безпрепятственнаго закабаливанія бѣдняка; безучастная власть, исповѣдующая мальтузіанство, считавшая свободное дѣйствіе нищеты, порока и болѣзни естественнымъ средствомъ воспособленія грядущимъ поколѣніямъ. Въ чистомъ видѣ идеалъ нигдѣ не былъ осуществленъ, но былъ признанъ, и въ концѣ первой половины XIX вѣка дѣйствительность была недалека отъ теоріи.

Идея laisser faire имѣла большое вліяніе долго послѣ того, какъ наука расшатала ея основанія. Государству не довѣряли. На континентѣ, до конца пятидесятыхъ годовъ, недовѣріе имѣло очевидныя основанія. Въ Англіи недовѣріе покоилось на нелѣпой, но полезной вѣковой традиціи, въ силу которой поколѣніе за поколѣніемъ считали нужнымъ избѣгать правительственной опеки, а надѣялись только на свои силы.

Переворотъ 1860—1870 годовъ создалъ иныя отношенія къ власти. Правители слили свои интересы съ интересами народа. Государство разомъ избавилось отъ роли притѣснителя и вмѣсто узкой охранительной функціи должно, по мнѣнію многихъ, стать поглощающимъ элементомъ. Реакція противъ laisser faire зашла весьма далеко и теперь частную инициативу многія партіи готовы объявить элементомъ побочнымъ или даже вреднымъ.

Подъ вліяніемъ этой реакціи образуется тенденція въ пользу многочисленныхъ ограниченій свободнаго труда. Индивидуальная и государственная иниціатива готовы стать въ смертельно враждебныя отношенія.

Прекращеніе этой гибельной вражды должно составлять задачу экономической науки и государственной практики. Спасительная фромула, которая дастъ плодотворное примиреніе, найдется въ забытомъ смыслѣ событій седьмого десятилѣтія XIX вѣка. Пережитый всесвѣтный переворотъ создалъ правовое государство и свободный трудъ. Рабство сокрушено не для господства коллективизма, а національности объединились и освободились не для торжества плутократія. Внѣшній видъ событій и внутренняя ихъ сущность одинаково поучительны.

Широкая иниціатива сильной государственной власти, энергичная правительственная хозяйственная дѣятельность, для непредубѣжденнаго взгляда можетъ развиваться параллельно съ общественнымъ и личнымъ починомъ, Выше было показано, что самый терминъ «государственное вмѣшательство» въ хозяйственныя отношенія подлежитъ упраздненію, разъ только защита слабыхъ выводится изъ началъ общаго дѣйствующаго права. Правовое государство можетъ, не опасаясь ничего, дать свободу труду; но давая свободу другимъ, оно и должно удержать свободу и для себя. Въ этомъ смыслѣ примиряющимъ девизомъ явится «свободный трудъ въ свободномъ государствѣ».

Сбросивъ вериги доктринерства и эгоизма, нельзя не преклониться предъ подавляющей логикой фактовъ. Сравните національныя мастерскія 1848 г. съ большими государственными работами нынѣшняго времени; сравните блѣдныя и непрочныя попытки кооперативнаго производства Овена, Кабе, Лассаля съ крѣпкой и преуспѣвающей системой современныхъ потребитель-

ныхъ союзовъ. Необходимо признать, что государственное хозяйство и потребительныя ассоціаціи дѣйствуютъ одновременно съ капиталистическими предпріятіями, безъ замѣтнаго для нихъ ущерба; что существованіе всѣхъ трехъ видовъ иниціативы является незамѣнимымъ средствомъ провѣрки и соревнованія; а новыя завоеванія въ сферѣ кооперативнаго и казеннаго хозяйства возможны только тогда, когда частная иниціатива создастъ готовую организацію дѣла, которой и воспользуется государство или общество.

Таковы уроки и послѣдствія того перелома, который совершился въ жизни человѣчества тридцать лѣтъ назадъ и въ міровой жизни отразился созданіемъ единаго всемірнаго рынка. Разстоянія уничтожены, дикія страны изслѣдованы и соединены съ культурными; перемѣны такъ громадны, единеніе столь тѣсно, что ни одинъ завоеватель, мечтавшій о созданіи всемірной монархіи, не могъ бы создать ничего подобнаго.

Не бороться съ новыми могучими факторами, а покориться имъ должна каждая культурная нація съ сильной правительственной властью и авторитетомъ. Искусственныя преграды къ международному общенію должны быть устранены и границы объявлены свободными. Поднятіе и развитіе національнаго производства должно быть построено на прямомъ содѣйствіи отечественной промышленности, а не на борьбѣ съ стихійнымъ натискомъ всемірнаго рынка. Производительная сила каждой страны удесятерится, когда будетъ стимулироваться вліяніемъ правительства, свободнымъ обмѣномъ, свободнымъ передвиженіемъ и свободой общественной и личной иниціативы, на твердыхъ правовыхъ началахъ. Народное богатство и народное благосостояніе станетъ синонимомъ.

Трудовой союзъ націй и свободное сотрудничество государства и личности даетъ всемірное трудовое еди-

неніе. Оно прекратитъ грустную борьбу, которую ведетъ теперь государство съ лучшими успѣхами знанія; увеличитъ силу государственной власти и расширитъ сферу правительственнаго вліянія, безъ нарушенія промышленной свободы и безъ вторженія государства въ область частной иниціативы—и въ цѣломъ дастъ экономическую систему, возвышающаяся надъ фритредерствомъ и протекціонизмомъ.

Самымъ цѣннымъ послѣдствіемъ всемірнаго трудового единенія будетъ достиженіе полнаго мира между цивилизованными націями, достигнутаго безъ насилія, съ совершеннымъ сохраненіемъ національной самобытности, безъ опасенія за національную будущность, безъ отреченія отъ національныхъ упованій... Человѣчество шагъ за шагомъ подойдетъ къ прекращенію войнъ естественнымъ историческимъ путемъ безъ введенія искусственныхъ и ненадежныхъ международныхъ учрежденій. Страна Шекспира и Байрона перестанетъ опасаться страны Пушкина и Толстого, а отечество Канта и Гете примирится съ родиной Мольера и Вольтера. Государства Стараго и Новаго Свѣта сохранятъ свой суверинитетъ и расширятъ заботы о народномъ трудѣ; но самая почва для вооруженныхъ столкновеній между христіанскими правовыми государствами исчезнетъ.

ГЛАВА VI.

Образованіе. Починъ Германіи. Историческая миссія руководителей народнаго труда.

Вліяніе народнаго образованія на производительныя силы страны въ принципѣ не нуждается въ доказательствахъ и никѣмъ не оспаривается. Гербертъ Спенсеръ и Леруа-Болье рѣзко нападали на считавшійся когда то непогрѣшимымъ догматъ о зависимости народной нравственности отъ количества знаній. Но необходимости элементарнаго образованія народа и достаточнаго развитія профессіональныхъ знаній для промышленности страны—никто не отрицалъ. Леруа-Болье и лордъ Армстронгъ рѣзко протестовали только противъ неограниченнаго ничѣмъ умноженія профессіональныхъ школъ, въ особенности высшихъ. Что важнѣе для успѣховъ производства—грамотность народа, ученость интеллигенціи или большее количество хорошихъ мастеровъ — вопросъ безплодный. Въ нашъ вѣкъ — сельская школа, среднія учебныя заведенія, университеты, техническія академіи и ремесленныя училища — одинаково считаются необходимыми. Для развитія народнаго труда *общее* образованіе всѣхъ степеней оказываетъ могущественное, хотя и косвенное вліяніе наравнѣ съ другими политическими и соціальными факторами (формой правленія, географическимъ положеніемъ, богатствомъ). Прямое вліяніе оказываетъ образованіе профессіональное, техническое. Сомнѣніе, высказанное французскимъ экономистомъ и ученымъ

лордомъ относительно цѣлесообразности чрезвычайныхъ жертвъ на умноженіе въ населеніи техническихъ знаній,—сомнѣніе это можетъ считаться разрушеннымъ рядомъ недавнихъ знаменательныхъ фактовъ, поразившихъ весь міръ.

Извѣстная книга Вильямса «Made in Germany», предрекаетъ Англіи скорую гибель, такъ какъ ея рынки будутъ отвоевываться энергичными германскими конкурентами. Подобные выводы представляются не болѣе какъ политическій пріемъ, заимствованный изъ парламентскаго краснорѣчія и избирательныхъ манифестовъ, гдѣ торжество противной партіи обыкновенно приравнивается къ концу британской исторіи. Но факты, свидѣтельствующіе о чрезвычайномъ расширеніи германской мануфактуры и объ усовершенствованіи искусствъ по пріисканію рынковъ сбыта—факты достовѣрны. Относительно главной причины этихъ успѣховъ, по указанію И. И. Янжула—сошлись четыре свидѣтельства, принадлежавшія изслѣдователямъ изъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи и Россіи.

По словамъ бельгійскаго отчета — превосходство обнаруживаемое Германіей въ качествѣ ея товаровъ, успѣхъ сбыта германскихъ товаровъ, представляетъ собою лишь *награду* за точное выполненіе одной опредѣленной программы, заключающейся въ одномъ началѣ «*подъемъ народнаго образованія*». «Страна жнетъ то, что посѣяла и ежели другія государства желаютъ твердо выдержать ея конкурренцію, они должны дѣйствовать съ тою же энергіею и въ томъ же направленіи. Одна лишь Пруссія тратитъ на поддержку техническаго образованія около 3.000.000 франковъ, не считая того, что жертвуется городскими муниципалитетами, земствами, частными лицами и проч. Пруссія устроила на свой счетъ 6 спеціальныхъ школъ по постройкѣ машинъ, школу по бронзовой промышленности, школу по сталь-

ной и желѣзодѣлательной промышленности, школу по искусству мореплаванія, школы для изученія фарфороваго и гончарнаго производствъ и рисованія по стеклу. Однимъ словомъ государство принимаетъ на себя значительную часть издержекъ для поощренія разнообразныхъ сторонъ техническаго искусства, и мѣстныя власти и земства покрываютъ другую часть этихъ издержекъ. Кромѣ того много техническихъ школъ въ Пруссіи основано благодаря усиліямъ разныхъ частныхъ обществъ и ассоціацій. „Хозяева крупныхъ промышленныхъ предпріятій, сознавая необходимость имѣть у себя обученныхъ и образованныхъ работниковъ—также открываютъ школы на свои средства или при помощи правительственныхъ субсидій. Въ Пруссіи имѣлось 248 школъ этого рода съ 11.000 учениковъ. Маляры и декораторы имѣли въ Пруссіи 32 школы, башмачники—9 школъ, портные—16 школъ, пекари—20 школъ, мясники—6 школъ, кузнецы—26 школъ".

„Баварія, помимо высшихъ школъ по архитектурѣ, торговлѣ и искусству, владѣетъ 45 техническими школами съ 2.682 учениками и каждая школа раздѣлена на отдѣленія, посвященныя спеціальнымъ отраслямъ промышленности или занятія".

„Въ Вюртембергѣ особо поощряется ткачество и учрежденъ цѣлый рядъ школъ, которыя посвящены разнымъ отраслямъ этой важной промышленности".

„Великое Герцогство Баденское, имѣющее немного болѣе 1.500.000 жителей, тратитъ ежегодно болѣе 1.500.000 франковъ на техническое образованіе".

„Гессенъ, гдѣ только 1 милліонъ жителей имѣетъ нѣсколько школъ скульптуры, архитектуры, 9 ремесленныхъ школъ, 43 промышленныхъ, 82 рисовальныхъ".

„Выше всего по дѣлу образованія и затѣмъ по промышленности стоитъ Саксонія. Школъ техническаго характера въ ней насчитывается, не смотря на малые

размѣры государства,—сто одинадцать. Можно сказать, что обучаютъ болѣе или менѣе всякимъ промысламъ и искусствамъ и тѣмъ не менѣе въ той-же маленькой Саксоніи имѣется 10 спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ и 40 торговыхъ“ *).

Въ заключеніе бельгійскій изслѣдователь находитъ, что положеніе Германіи на международномъ рынкѣ обезпечивается главнымъ образомъ ея многочисленной и хорошо обученной, благодаря школамъ, „промышленной арміей“.

Тѣсную связь между успѣхами германской промышленности и расширеніемъ и улучшеніемъ техническаго образованія *англійскіе* изслѣдователи могли установить еще лучше бельгійцевъ, такъ какъ Германію посѣтила in corpore королевская комиссія по техническому образованію еще въ 1882 году; и затѣмъ въ 1896 году четыре старшихъ члена вновь явились въ Германію (на электрическую выставку въ Штутгардѣ); ихъ сравнительный отчетъ выраженъ въ формѣ доклада почетному предсѣдателю герцогу Девонширскому (Report on a visit to Germany with a view ascertaining the recent progress of technical education in that cuntry, 1896).

Прежде всего «коммиссіонеры по техническому образованію», какъ ихъ назвали въ Англіи, заявляютъ, что они были поражены прогрессомъ во всѣхъ главныхъ отрасляхъ германской промышленности, который произошелъ съ 1882 года. Перемѣна особенно наглядно сказывается въ электротехнической промышленности въ широкомъ смыслѣ, со всѣми побочными вѣтвями и въ приготовленіи всякаго рода красокъ. Электрическая фабрика Шукерта и К° въ 1882 году только что открылась и была совершенно ничтожною; нынѣ она

*) Бельгійскій отчетъ полностью не опубликованъ (май 1898), а извѣстенъ сокращенный отчетъ въ «Gazette de Liège».

подъ именемъ «Electrezität-Actien Gesellschaft» достигаетъ огромныхъ размѣровъ, имѣетъ 3.500 рабочихъ, поставляя электрическія машины и оптическіе приборы буквально на рынки всего міра. Цементное производство въ Баваріи развилось только въ послѣдніе годы и приняло широкіе размѣры. Есть заводы, изготовляющіе ежегодно по 50.000 тоннъ цементу. Художественная печать достигла замѣчательнаго совершенства и завоевала себѣ рынокъ въ самой Англіи.

Дѣятельность по распространенію въ Германіи техническихъ знаній комиссіонеры называютъ «лихорадочной». Больше всего здѣсь боятся, чтобы въ профессіональныя школы не внѣдрилась рутина,—и потому не щадятъ средствъ и усилій, чтобы обновлять свои школы и вести ихъ сообразно уровню новѣйшихъ научныхъ техническихъ требованій.

На одно зданіе новой художественно-промышленной школы въ Нюренбергѣ затрачено 1.000.000 марокъ. Рѣзьба по дереву, рѣзьба по металлу, предметы декоративнаго искусства имѣютъ спеціальныя отдѣленія. День посвящается занятіямъ съ постоянными учениками. Для рабочихъ устроены вечерніе классы.

Въ Штутгартѣ только что выстроенъ также новый промышленный музей (Muster-Lager), который обошелся правительству около 4.500.000 марокъ и, по мнѣнію комиссіонеровъ, долженъ оказать громадное вліяніе на развитіе художественной промышленности.

Затѣмъ англійскіе изслѣдователи между прочимъ указываютъ на ткацкія школы, оказавшія прямое и широкое воздѣйствіе на подъемъ уровня германской ткацкой промышленности; на большіе успѣхи шерстяной промышленности въ Саксоніи, благодаря хорошей постановкѣ профессіональныхъ школъ, дающихъ всему населенію (начиная съ простого рабочаго) отличную подготовку.

Американскій отчетъ принадлежитъ консулу Соединенныхъ Штатовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Frank H. Mason) и исходитъ изъ двухъ положеній:

1) Огромное преимущество Германіи заключается въ широкомъ распространеніи и высокомъ уровнѣ техническаго и промышленнаго образованія.

2) Необходимо признать чрезвычайную щедрость и вмѣстѣ разумность поддержки Имперскимъ и другими правительствами, какъ общаго научнаго образованія, такъ и различныхъ видовъ высшихъ прикладныхъ наукъ, относящихся прямо или косвенно къ промышленности.

Самымъ наглядным подтвержденіемъ обѣихъ положеній является, какъ говоритъ представитель Соед. Штатовъ, основаніе въ 1887 году въ Шарлотенбургѣ, близъ Берлина, Имперскаго физико-техническаго института (Phisikalishe-Technichen Reichsanstalt). Основной фондъ пожертвованъ извѣстнымъ электротехникомъ Сименсомъ (500.000 марокъ); остальные дарованы Имперскою казною. Первымъ Президентомъ Института былъ знаменитый Гельмгольцъ; послѣ его кончины—профессоръ Кольраушъ.

Институтъ не учебное заведеніе, а на половину обширная, богато снабженная лабораторія для ученыхъ изслѣдователей (Физическій Отдѣлъ), на половину испытательная станція (Mechaniche-Techniche Versuchanstalt).

Физическій Отдѣлъ, за небольшую плату, даетъ доступъ всякимъ ученымъ, которые здѣсь находятъ для производства научно-техническихъ изслѣдованій—аппараты, модели, матеріалы и, кромѣ того, могутъ совѣтоваться и получать компетентныя и дружественныя указанія.

Второй (Техническій) Отдѣлъ отвѣчаетъ на текущія практическія нужды промышленности по испытанію сырыхъ и обработанныхъ матеріаловъ, по оцѣнкѣ ихъ пригодности и качествъ. Изъ четырехъ секцій отдѣла—

первая изслѣдуетъ металлы и дерево; вторая—камни, кирпичъ, цементъ и т. п. строительные матеріалы; третья—всякаго рода волокнистыя вещества, бумагу и т. д.; четвертая—смазочныя и освѣтительныя масла.

Всѣ эти (руководимые многоопытными техниками) отдѣлы снабжены всѣми машинами и средствами для производства механическихъ и техническихъ изслѣдованій надъ матеріалами, которые посылаются въ Институтъ фабрикантами, заводчиками, купцами, инженерами, архитекторами и всѣми, кто пожелаетъ получить за умѣренное вознагражденіе самыя полныя и точныя опредѣленія качества того матеріала, который онъ хочетъ употреблять, продавать или покупать. Съ цѣлью распространенія тѣхъ изъ полученныхъ результатовъ, которые представляютъ общій интересъ,—Институтъ издаетъ свой спеціальный органъ и печатаетъ отдѣльныя брошюры.

Наконецъ Институтъ занимается повѣркой и удостовѣряетъ точность всякаго рода измѣрительныхъ инструментовъ и имѣетъ право повѣрочныя свои дѣйствія сонкціонировать наложеніемъ имперской печати.

«Изъ всѣхъ государственныхъ расходовъ Германіи заключаетъ американскій отчетъ — «ни одинъ несомнѣнно не производится болѣе щедро и не расходуется болѣе мудро, чѣмъ тотъ расходъ, который посвященъ дѣлу народнаго образованія и усовершенствованіямъ науки».

Германскіе университеты, техническія и промышленныя школы находятся на такой высотѣ уровня, съ которой не сравняется ни одна нація, и всѣ эти образовательныя учрежденія являются ручательствомъ народнаго преуспѣянія Германіи. «За каждую марку расхода, потраченную на институтъ, подобный физико-техническому въ Шорлотенбургѣ, нѣмецкій народъ получаетъ крупный дивидендъ отъ своего превосходства

въ техническихъ знаніяхъ, поднимающихъ его промышленность и создающихъ прочный источникъ богатства».

Русскія изслѣдованія выразились, между прочимъ, въ осмотрѣ германскихъ фабрикъ академикомъ Янжуломъ въ 1896 году, о чемъ онъ далъ отчетъ въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ С.-Петербургѣ. Изъ многихъ любопытныхъ данныхъ, сообщенныхъ Н. Н. Янжуломъ особенно замѣчательнымъ является изученіе германскими производителями нуждъ, особенностей и наклонностей заокеанскихъ потребителей европейской мануфактуры. Домашняя утварь массами идетъ изъ германскихъ фабрикъ въ экзотическіе страны, благодаря тому, что предварительно изучены природа и люди, внѣшняя и внутренняя стороны жизни народа.

Свѣдѣнія, почерпаемыя въ техническихъ школахъ—именуются въ общежитіи теоріей; занятія техниковъ въ соотвѣтственныхъ родахъ производствъ—практикой. За исключеніемъ Германіи, и то въ послѣднее время, ходячее мнѣніе противополагаетъ практику теоріи. Открыто говорится, что теорія даетъ мало; практика почти все. Въ глубинѣ души многіе распорядители промышленныхъ предпріятій считали школы и дипломы лишь красивымъ декорумомъ и думали, что элементарное общее образованіе достаточно для техника любой профессіи, лишь бы онъ собственнымъ опытомъ надолго искусился въ своей спеціальности и пріобрѣлъ навыкъ. Въ Россіи недавно еще практики преобладали вездѣ, гдѣ правительство не оказывало прямого или косвеннаго давленія на установленіе ценза для персонала. Въ другихъ странахъ предпочтеніе самоучекъ не высказывалось открыто только изъ за опасенія вызвать

обвиненія въ обскурантизмѣ. Нерѣдко большія предпріятія довольствовались компромиссомъ: принимали одного, двухъ образованныхъ техниковъ—иногда только на чисто консультативныя должности. Остальной персоналъ, высшій и низшій, обязанъ былъ школѣ всѣмъ, кромѣ техническихъ познаній.

Сомнѣніе въ пользѣ учебныхъ техническихъ курсовъ, печально сознаться, поддерживается нерѣдко самими профессорами техническихъ школъ. Постоянное обновленіе курса, внимательное наблюденіе за быстрыми успѣхами науки, неослабное пополненіе своей эрудиціи—все это весьма трудно. Не лучше ли изъ года въ годъ повторять тѣ же лекціи и уроки, надѣлять учениковъ тѣми же свѣдѣніями и объявлять имъ, что всѣ изъятія, недочеты—должна пополнить практика? Даже вовсе безтолковое, бездарное преподаваніе держится благодаря мнѣнію, что истинныя сокровища знаній, такъ или иначе, пріобрѣтаются не въ школахъ и книгахъ, а во время житейскаго опыта.

На самомъ дѣлѣ—предубѣжденіе противъ школьнаго знанія вправѣ указать лишь на нѣкоторую неловкость и колебанія, которыя молодые техники естественно обнаруживаютъ *при первыхъ шагахъ* практической дѣятельности и это колебаніе тяготитъ только близорукихъ распорядителей дѣла. Скоро увѣренность пріобрѣтается. Разумные администраторы обходятъ затрудненія, временно назначая неопытныхъ еще техниковъ на мѣста помощниковъ, замѣстителей и т. д., устраняя во всякомъ случаѣ „практиковъ“ и самоучекъ.

Новое вѣяніе въ Германіи, выдвинувъ на первый планъ техническія школы, только подтвердило непопулярную, но очевидную истину. Противуположеніе практики и теоріи, нелѣпое вообще, вдвойнѣ неразумно по отношенію къ техническому образованію. Курсы всѣхъ техническихъ школъ—высшихъ, среднихъ и низ-

шихъ—состоятъ наполовину изъ данныхъ точныхъ наукъ, совершенно неопровержимыхъ, наполовину изъ записанныхъ и систематизированныхъ опытныхъ свѣдѣній. Ученіе сопровождается соотвѣтственными упражненіями и практическими занятіями. Послѣ короткаго періода, необходимаго, чтобы осмотрѣться и войти въ колею отвѣтственнаго труда, воспитанникъ хорошей школы сразу можетъ примѣнить свои научныя или систематизированныя познанія. Въ дальнѣйшихъ шагахъ опасеніе грозитъ отнюдь не со стороны излишней „теоретичности", а наоборотъ излишней „практичности". Пословица «вѣкъ живи, вѣкъ учись», оказывается въ этомъ случаѣ вѣрна не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Въ наше время быстрый успѣхъ науки говоритъ образованному технику: «оставивъ школу—не оставляй книги, возобновляй въ памяти и пополняй постоянно теоретическія знанія, не предаваясь рутинѣ, связывай каждый новый урокъ практики съ общей системой науки».

Быстрый успѣхъ техники въ послѣднее время началъ повидимому вліять на самыхъ упорныхъ сторонниковъ «практики», самообученія,—и выдвигать значеніе школьнаго знанія.

«Практики», пригодные еще для рутинныхъ и неподвижныхъ пріемовъ производства, оказываются конечно вовсе несостоятельными, когда отовсюду, безъ перерыва, появляются новыя изобрѣтенія и коренныя перемѣны въ способахъ обработки. Безъ научнаго метода, безъ систематическаго запаса знаній, пріобрѣтенныхъ въ стѣнахъ школы, немыслима оцѣнка новыхъ, невиданныхъ раньше техническихъ пріемовъ. А безъ быстраго усвоенія полезныхъ изобрѣтеній невозможенъ успѣхъ конкурренціи на міровомъ рынкѣ. Волей-неволей рутинеры начинаютъ сдаваться. Личная выгода побуждаетъ цѣнить школу и теорію. Успѣхъ техническаго

образованія въ Германіи объясняется дружными усиліями правительства, общества и отдѣльныхъ лицъ. Всѣмъ націямъ слѣдуетъ усвоить такую энергичную и свободную кооперацію. Англія, и въ особенности Соединенные Штаты, должны усилить правительственную иниціативу въ дѣлѣ профессіональнаго образованія, ибо въ этихъ странахъ частный починъ до сихъ поръ преобладалъ.

Россія и Франція наоборотъ должны поощрять общественную и личную дѣятельность по умноженію и развитію техническихъ школъ. «Уравнительныя мѣры» по сравненію съ Германіей окажутся вскорѣ успѣшными, и любое культурное государство сформируетъ промышленную армію не меньше и не хуже нѣмецкой. Дѣятельность центральной власти должна проявляться на ряду съ починомъ органовъ мѣстныхъ самоуправленій, частныхъ корпорацій и частныхъ лицъ. Однообразные типы и учебные планы профессіональныхъ школъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ вполнѣ умѣстны для правительственной дѣятельности. Частныя же Общества и лица не должны быть стѣснены ни предварительными разрѣшеніями, ни обязательными нормами и программами. Огражденіе учащихся и пресѣченіе какихъ либо вредныхъ поползновеній конечно необходимо; но въ этомъ отношеніи правительственный инспекторатъ, требованіе публичности, живой надзоръ прессы и карательныя судебныя мѣры—вполнѣ достаточны.

Предстоящее соревнованіе націй въ расширеніи техническаго образованія представляетъ рядъ начинаній существенно положительнаго характера. Кѣмъ бы ни основывались профессіональныя школы, онѣ содѣй-

ствуютъ народному производству совершенно обратнымъ путемъ, чѣмъ тарифы. Нанести вредъ иностранной промышленности, хотя бы за счетъ отечественной потребности—есть мѣра отрицательная; дать родинѣ преимущество путемъ умноженія знаній—есть мѣра положительная. Устранить иностранные товары, облагать ихъ пошлинами—дѣло нехитрое; но самое пылкое воображеніе не придумаетъ способовъ *вредить иностранному образованію*. Выбора не остается. Приходится учиться самимъ.

Примѣръ Германіи, ея великолѣпныя и многочисленныя техническія академіи, институты, школы, ея вечерніе классы для рабочихъ, ея испытательныя станціи, богатоснабженныя лабораторіи, ея техническая литература—доказываютъ нѣчто большее, чѣмъ можетъ быть желательно германскимъ правителямъ. Мы невольно убѣждаемся, что знаніе есть факторъ болѣе сильный и надежный, чѣмъ тарифы. Мы видимъ слишкомъ наглядно, что школа вѣрнѣе ведетъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ думаютъ достигнуть обложеніемъ иностраннаго ввоза; имѣя всѣ (потенціальныя) достоинства тарифовъ — школа по самой природѣ вещей свободна отъ ихъ (дѣйствительныхъ) недостатковъ. Знаніе помогаетъ германскому призводству, но не благодаря тарифамъ, а вопреки имъ. Англія можетъ утѣшиться и не слишкомъ безпокоиться за будущее. Вѣра въ знаніе, энергичная свободная кооперація правительства, общественныхъ и личныхъ силъ скоро прогонятъ кошмаръ грядущей безработицы. Государство со свободными границами должно твердо положиться на распространеніе въ населеніи техническихъ знаній. Необходимо только чтобы вѣра была живая и отражалась на дѣлѣ, а не ограничивалась банальными похвалами науки и образованія. Наилучшимъ *доказательствомъ* искренности будетъ рѣшеніе *навсегда отмѣнить*

пограничныя взиманія. Пусть школы строятся, такъ сказать, изъ обломковъ таможенъ.

Сомнѣнія Леруа-Болье и его англійскихъ единомышленниковъ относительно пользы чрезвычайнаго расширенія техническихъ учебныхъ заведеній опираются, главнымъ образомъ на извѣстное явленіе «перепроизводства» техниковъ въ нѣкоторыхъ государствахъ. На самомъ дѣлѣ объясненіе излишка техниковъ излишкомъ школъ основано на недоразумѣніи. Страна съ мало развитой обрабатывающей промышленностью не дастъ дѣла и десятку инженеровъ, если только иностранный капиталъ не создастъ какихъ либо большихъ предпріятій. Тамъ, гдѣ производство монополизировано или стѣснено искусственно, потребности казеннаго вѣдомства смѣшиваются съ потребностями страны. Не многочисленность школъ, а стѣсненіе производства создаетъ печальное явленіе—излишекъ образованныхъ рабочихъ и техниковъ.

При недостаткѣ отечественныхъ техниковъ, съ перваго взгляда естественнымъ исходомъ представляется приглашеніе иностранцевъ. Если машины, если изобрѣтенія, если научные труды идутъ изъ чужихъ краевъ, то повидимому кажется выгоднымъ, чтобы изъ странъ, изобилующихъ людьми знанія, часть ихъ эмигрировало въ страны, гдѣ техническое образованіе отстало отъ потребностей производства. Классическими примѣрами большихъ выгодъ отъ чуземныхъ мастеровъ и техниковъ служатъ: выселеніе французскихъ гугенотовъ, поднявшихъ промышленность въ Англіи и на берегахъ Рейна, приглашеніе свѣдущихъ иностранцевъ Петромъ Великимъ и въ недавнее время—эмиграція въ Америку.

Въ послѣднее время сходное явленіе связано съ эмиграціей капиталовъ. Если иностранецъ является не только кредиторомъ страны, не только владѣльцемъ фондовъ, облигацій, но и хозяиномъ предпріятій, владѣльцемъ паевъ, акцій, то онъ склоненъ вмѣстѣ съ деньгами посылать и своихъ людей.

Ссылаясь на свои предыдущіе выводы, мы можемъ утверждать, что всякія запретительныя или ограничительныя мѣры также вредны по отношенію къ иностраннымъ техникамъ и мастерамъ, какъ и по отношенію къ иностраннымъ капиталамъ. Это не мѣшаетъ намъ держаться того мнѣнія, что свѣдующіе иностранцы, часто полезные, а иногда необходимые, никогда не восполнятъ для современнаго государства недостатка въ техническомъ образованіи.

Въ наше время каждый новый пріемъ скоро дѣлается извѣстнымъ; промышленныхъ секретовъ мало, они обращаются обыкновенно въ патенты и привилегіи, и то лишь на извѣстный срокъ. Случаи, подобные иммиграціи искусныхъ рабочихъ—гугенотовъ XVII вѣка, не могутъ теперь имѣть того же значенія. Требуется уже не раскрытіе секретовъ, а большой персоналъ людей, способныхъ примѣнить всемірноизвѣстную, единую техническую науку и единое техническое искусство въ особенностяхъ климата, почвы, расы, исторіи. Получить такой персоналъ въ достаточномъ числѣ едва ли даже возможно путемъ эмиграціи. Нужны сотни, тысячи способныхъ, образованныхъ, обученныхъ людей и при томъ изъ страны съ развитой промышленностью. Въ нихъ большая нужда на родинѣ. Статистика переселенія въ Соединенные Штаты показываетъ, что переселяются главнымъ образомъ рядовые рабочіе. Можетъ быть среди эмигрантовъ, высаживающихся въ американскихъ портахъ, найдутся и образованные мастера и техники, но число ихъ совер-

шенно ничтожно въ сравненіи съ потребностями Штатовъ.

Если же Америка должна имѣть *свои* кадры техническихъ руководителей, то всѣ другія страны, не привлекающіе такихъ волнъ иммиграціи, и подавно должны придти къ убѣжденію, что надежда на ученыхъ иностранцевъ для большихъ, населенныхъ, промышленныхъ государствъ—совершенно проблематична. Только тамъ, гдѣ нѣтъ вовсе техническихъ школъ, промышленныя предпріятія ведутся исключительно иностранцами... Участь такихъ странъ, къ которымъ принадлежитъ Китай и Южная Америка, даетъ покуда примѣръ отрицательнаго свойства. Вопросъ заключается въ томъ, чтобы населеніе съумѣло выгодно эксплоатировать естественныя богатства отечества. Важно распространеніе техническихъ знаній *въ массѣ*, а не прибытіе нѣкотораго числа чужеземныхъ наставниковъ. Страна больше всего выиграетъ, если они помогутъ *учредить первыя школы*. Если присутствіе иностранцевъ не поведетъ за собою распространенія техническаго образованія, тѣмъ хуже для юной промышленности. Естественная задача иностранцевъ-техниковъ — сдѣлать себя безполезными. Приглашая ихъ, необходимо разсчитывать лишь на *временную* ихъ помощь.

Самымъ существеннымъ однако препятствіемъ къ широкому пользованію знаніями и опытомъ иностранцевъ-техниковъ оказывается плохое ихъ знакомство съ особенностями страны. Иностранный капиталистъ, который рѣшился бы совершенно устранить мѣстныхъ уроженцевъ отъ руководства предпріятіемъ, будетъ находиться въ невыгодныхъ условіяхъ конкурренціею. Природа страны въ счастливомъ случаѣ иностранцу-технику извѣстна изъ бѣглаго просмотра двухъ, трехъ книгъ. Онъ получаетъ приглашеніе ѣхать работать туда, гдѣ, вѣроятно, вовсе не разсчитывалъ когда-либо быть.

Онъ пріѣзжаетъ на мѣсто и встрѣчаетъ непривычныя условія жизни, а что всего хуже, онъ долженъ вербовать массу рабочихъ изъ населенія, чуждаго ему по нравамъ, языку, привычкамъ. Онъ переплачиваетъ покупая, недополучаетъ продавая. Онъ теряетъ много времени совершенно непроизводительно на нѣкоторое хотя приспособленіе къ новой жизни и новымъ людямъ. Самые простительные недостатки въ его личности и характерѣ создаютъ враждебную атмосферу, глухой антагонизмъ между нимъ и всѣми лицами, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе. Его ошибки вызываютъ затаенную радость. Въ итогѣ прибыльное предпріятіе обращается въ убыточное.

Необходимо мы приходимъ къ выводу величайшей важности: распространеніе и улучшеніе техническаго образованія является не только весьма дѣйствительнымъ, но и по самой сущности своей, наиболѣе *національнымъ* актомъ содѣйствія народному производству. Франція для французовъ, Америка для американцевъ, Россія для русскихъ —всѣ девизы, превозглашающіе обязанность законодателя и администратора поднять производительныя силы страны,—свое полное осуществленіе получаютъ *въ соревнованіи* съ другими націями въ количествѣ и качествѣ учебныхъ и промышленныхъ институтовъ. Установленіе живой связи между наукой и народнымъ трудомъ—въ одно поколѣніе гораздо болѣе обезпечитъ положеніе націи на свободномъ всемірномъ рынкѣ, чѣмъ вѣковая вражда съ иностраннымъ производствомъ и печальное состязаніе въ нанесеніи вреда иностраннымъ продуктамъ и иностраннымъ рабочимъ. Между соревнованіемъ и враждою лежитъ цѣлая пропасть. Одна часть государства и теперь конкуррируетъ съ другою, не прибѣгая ни къ одному изъ средствъ изъ арсенала неопротекціонистовъ.

Вотъ англійская фабрика. Нужно много знанія, нужны обученные мастера, рабочіе, инженеры, чтобы не бояться клейма «made in Germany». Всѣ эти ѣдущіе люди должны быть *англичане*. Они должны быть *англичанами* и получить образованіе въ *англійскихъ* школахъ.

Вотъ русская ферма. Чтобы выгодно вести сельское хозяйство, основу богатства и благосостоянія страны, нужны обратиться къ интенсивнымъ методамъ, къ меліораціи, къ устройству сельскихъ заводовъ. Нужно для этого много знающихъ людей—людей *русскихъ* и обученныхъ въ *русской* школѣ.

Вотъ французскій заводъ. Чтобы найти какое либо болѣе надежное обезпеченіе прибылей, чѣмъ хамелеоны автономныхъ тарифовъ, самихъ себя поѣдающихъ, нужно слѣдовать примѣру, поданному за Рейномъ, нужно распространеніе техническихъ знаній среди рабочихъ, нужны лучшія школы, нужны испытательныя и научно-техническіе институты. Необходимо, чтобы всѣ эти учрежденія были *во Франціи*, а учителя и учащіеся были *французы*.

Самою силою вещей техническое образованіе даетъ *національной промышленности* незыблемую *національную организацію*.

Пока господствовалъ феодальный строй, руководителями народнаго (подневольнаго) труда являлась родовая аристократія и дворянство; даже въ городахъ наслѣдственное начало играло господствующую роль.

Въ монархіяхъ и республикахъ среднихъ вѣковъ, въ вольныхъ городахъ и духовныхъ владѣніяхъ масса населенія одинаково имѣла наслѣдственныхъ вообще руководителей, такъ какъ городскіе приматы и духовенство являлись кастами, въ силу закона или обычая

распоряжавшимися трудомъ демоса: роды и способы производства указывались и въ деревнѣ, и въ городѣ высшимъ сословіемъ, гдѣ наслѣдственное начало преобладало. Сельскія работы велись подъ веденіемъ сеньёра; городскіе цѣхи подчинялись муниципальнымъ сановникамъ.

Когда сложился капиталистическій строй, аристократія капитала сломила аристократію рода, и снова создала руководящее сословіе, de facto не болѣе открытое, чѣмъ дореволюціонное дворянство, ибо милліоны добываются въ наше время нисколько не чаще и не легче, чѣмъ въ былыя времена дворянскія грамоты. Теперь представители крупнаго капитала являются могущественными распорядителями и руководителями всей національной промышленности, а государство— благодаря милитаризму бѣдное силами и средствами— склонно либо встать ниже капиталистической іерархіи, либо вступить съ ней въ борьбу, подрывая личную свободу и правовыя начала.

По мѣрѣ возрастанія силы правительственной власти, по мѣрѣ объединенія всемірнаго свободнаго рынка, по мѣрѣ подъема общаго и техническаго образованія, изъ народной массы начинаетъ выдѣляться сословіе, которое въ недалекомъ будущемъ смѣнитъ аристократію капитала и явится самостоятельнымъ руководителемъ народнаго труда.

Научное техническое и промышленное знаніе создаетъ, мало по малу, новое открытое сословіе, всѣмъ доступное, которое можно назвать для поясненія его исторической миссіи: *аристократіей труда.* Послѣ того, какъ капитализмъ изъ господствующаго обратится въ кооперирующее начало, послѣ всемірнаго признанія подавляющаго значенія научной подготовки, власть аристократіи труда станетъ также неоспорима, какъ и былое господство аристократіи рода и аристократіи

капитала. Власть капиталиста можетъ быть умалена широкимъ толкованіемъ правового начала, при дѣятельномъ надзорѣ государства; въ предпріятіяхъ кооперативныхъ и казенныхъ—господство капитала вовсе устраняется. Господство и власть людей науки остается. Агрономъ, лѣсничій, инженеръ, технологъ, архитекторъ будутъ приказывать; приказанія передаются подчиненной средой помощниковъ, мастеровъ, штейгеровъ, десятниковъ, conducteurs des travaux, механиковъ—вообще лицъ средняго техническаго образованія. Рабочая масса, безпрекословно соблюдая демократическую дисциплину, исполняетъ приказанія.

Наука императивнѣе, чѣмъ золото и мечъ. Повинуясь бѣдному неродовитому человѣку, вооруженному измѣрительнымъ приборомъ, приходится покорно идти по безплоднымъ и болотистымъ мѣстамъ, трудно проходимымъ дебрямъ, оставляя въ сторонѣ красивыя долины. По его же повелѣнію, нужно съ невѣроятными усиліями пробивать въ горахъ подземные ходы, гдѣ во мракѣ льются потоки воды и душатъ вредные газы. Работа гномовъ чередуется съ работой амфибій. Приходится на днѣ глубокой рѣки рыть землю, находясь въ ящикѣ съ искусственно сгущеннымъ воздухомъ—ящикѣ, окруженномъ съ боковъ водою, а съ верху нагруженномъ каменной массой.

Изъ небольшихъ кусковъ металла склепывается подобіе рѣшетки и перебрасывается черезъ пропасти; эта паутина должна выдержать грузъ тысячепудовыхъ поѣздовъ. Громадные корабли нагружаются дорого стоющими, выдѣланными изъ дорогихъ матеріаловъ, канатами; эти канаты безжалостно бросаются въ бездонный океанъ. Изъ-подъ тропиковъ везутъ какую-то бѣлую соль, чтобы посыпать этимъ страннымъ веществомъ европейскія пажити, никогда не знавшія та-

кого воздѣлыванія... Морское дно превращается въ луга. Безплодныя степи обводняются.

Въ вѣкъ господства родовой аристократіи — капиталъ, столь могучій теперь, находился въ подчиненіи. Въ настоящее время знаніе поработило капиталъ. Служебная роль науки должна прекратиться, когда государственная и общественная иниціатива вернетъ ей всю полноту преобладанія. Отсюда и вытекаетъ необходимость правительственнаго почина и надзора въ высшемъ техническомъ образованіи. Руководители народнаго труда должны быть воспитаны въ духѣ независимости отъ вліянія аристократіи капитала. Правительство и общество должны прилагать сознательныя усилія къ тому, чтобы знаніе также избавилось отъ подчиненія золоту, какъ въ былое время золото избавилось отъ подчиненія мечу. Новое сословіе людей науки, которому мы даемъ (только по аналогіи) названіе аристократіи труда, занимающее высшія степени въ трудовой іерархіи, должно пользоваться симпатіей и поддержкою общества и видѣть въ государственной власти своего естественнаго защитника. Уже въ переживаемую переходную эпоху защита народныхъ массъ отъ злоупотребленій капитализма, на почвѣ гуманитарнаго толкованія права, оказалась возможной только благодаря тому, что обладатели научнаго знанія дали правительству надежный контингентъ исполнителей, примѣнившихъ новѣйшее рабочее законодательство.

Остается пожелать, чтобы новые руководители народнаго труда были поистинѣ «солью земли», чтобы отъ обладателей наслѣдственныхъ прерогативъ они не заимствовали чванства и исключительности, а отъ корифеевъ капитализма себялюбія и враждебности къ народной массѣ; чтобы они не забыли, что они суть плоть отъ плоти рабочихъ классовъ. Пусть они помнятъ, что скромность также естественна для знанія, какъ

самомнѣніе для невѣжества; что высшее преимущество и громадная власть, даруемая научной подготовкой, возлагаютъ и нравственныя обязанности. Пусть минувшіе вѣка дадутъ лучшія преданія и создадутъ лучшія традиціи для новаго сословія. Пусть они заимствуютъ отъ аристократіи капитала ея дѣловитость, трудолюбіе и настойчивость, а отъ аристократіи рода ея чувство чести и то самоотверженіе, которое во мракѣ среднихъ вѣковъ заставило сильныхъ и знатныхъ бросать всѣ утѣхи жизни и принимать крестъ—символъ страданій за слабыхъ... Быть можетъ настанетъ пора, когда и аристократія труда утратитъ свою власть и исполнитъ свою историческую миссію. Это произойдетъ въ тѣ вѣка—мы не знаемъ, далекіе или близкіе—когда циклъ политическихъ и экономическихъ переворотовъ завершится и человѣчество вступитъ въ иныя высшія формы жизни.

ГЛАВА VII.

Всемірный рынокъ и національное производство. Основныя свойства современныхъ сообщеній. Государственный суверенитетъ и частныя компаніи.

Въ государствѣ, гдѣ непрестанно дѣйствуетъ правительственная, общественная и личная иниціатива, черпающая энергію изъ широкаго пониманія началъ безопасности и свободы и гдѣ научное знаніе сближено съ народнымъ трудомъ—національная промышленность непрестанно стимулируется съ чрезвычайной силой, а свободныя границы—полное общеніе со всемірнымъ рынкомъ—представляютъ наивыгоднѣйшую, въ государственныхъ интересахъ, основу международныхъ отношеній. Конкурренція всѣхъ странъ для такого государства не есть опасность, а только наилучшій естественный регуляторъ.

Есть одинъ родъ народной дѣятельности, который усугубляетъ послѣдствія безопасности, свободы и знанія... *Единеніе* всемірнаго рынка требуетъ *внутренняго единенія каждаго государства*, участвующаго въ свободномъ обмѣнѣ. Государственные пути сообщенія и средства сношенія въ наше время, съ улучшеніемъ международныхъ путей, дошедшихъ какъ бы до уничтоженія вліянія разстоянія, дѣлаются жизненнымъ условіемъ производства. Самыя изобильныя природныя богатства можно считать ничтожнымъ увеличеніемъ національнаго достоянія, если паръ и электричество не сближаютъ ихъ съ центромъ и границами государства.

Любое изъ современныхъ государствъ, благодаря успѣхамъ науки, можетъ смѣло отказаться отъ какого-либо обложенія чужеземнаго импорта, если только одна сторона государственной дѣятельности — устройство средствъ сношеній и путей сообщенія—будетъ поставлена въ надлежащія условія.

Быстрое развитіе самыхъ отсталыхъ странъ, самыхъ отдаленныхъ окраинъ, происходящее благодаря рельсовымъ путямъ, не разъ вызывало удивленіе. Дѣйствительно на нашихъ глазахъ вездѣ, гдѣ примитивные способы сообщенія мѣняются желѣзными дорогами, имѣющими соприкосновеніе со всемірной сѣтью паровыхъ сообщеній, совершаются волшебныя перемѣны, происходящія отъ чего-то болѣе сильнаго, чѣмъ простое удешевленіе и ускореніе внутренняго оборота. Причина этихъ перемѣнъ станетъ яснѣе, если мы сравнимъ тѣ маловажныя относительно послѣдствія, которыя имѣютъ наилучшіе способы сообщенія, если они оторваны отъ всемірной сѣти. Желѣзныя дороги въ центрахъ Южной Америки, Африки, Сибири, Китая, отдѣленныя отъ всемірной сѣти, имѣли бы незначительную мѣстную полезность. Сбереженіе труда громадное, если сравнить передвиженіе посредствомъ носильщиковъ или вьюковъ съ паровымъ рельсовымъ путемъ *). Однако обычный ходъ патріархальныхъ хозяйственныхъ отношеній мало видоизмѣняется. Освобождается извѣстное количество невольниковъ и муловъ—вотъ и все.

---

*) Въ Южной Африкѣ, двѣ голландскія республики, давно имѣли небольшую рельсовую сѣть, отрѣзанную отъ моря; въ Сибири давно существовала 15 верстная линія подъѣзднаго заводскаго рельсоваго пути. Въ томъ и другомъ случаѣ являлась лишь нѣкоторая полезность—не болѣе. Пароходы, плававшія по Сибирскимъ рѣкамъ до постройки Сибирской желѣзной дороги, пароходство по верхнему Конго—отъ Стенли—Пуля до водопадовъ Стенли—до постройки рельсоваго пути отъ Матади до Стенли-Пуля, не могли пересоздать экономическихъ условій страны,—хотя и являлись весьма полезнымъ факторомъ благосостоянія для населенія.

Все измѣняется разомъ, какъ только артеріи страны посредствомъ пара и электричества притягиваются ко всемірному обороту... Россія, Дальній Западъ Америки, Японія, Индія—въ два-три десятка лѣтъ испытали громадную метаморфозу, вызванную тѣмъ, что всемірная сѣть современныхъ сообщеній раздалась и охватила эти страны.

Именно присоединеніе къ единому всемірному рынку и оказываетъ чудодѣйственное вліяніе. Сущность феномена заключается въ томъ, *что любая точка всемірной сѣти сообщеній обладаетъ импульсомъ, равнымъ всему итогу силы, который даетъ предшествующій ходъ цивилизаціи и науки.* Сѣть міровыхъ путей вездѣ способна проявить вліяніе всемірнаго безостановочнаго обмѣна. Едва только вѣтвь всемірной сѣти коснулась дѣвственной, дикой страны, чрезъ нѣсколько дней являются изъ самыхъ культурныхъ странъ—миссіонеръ, врачъ, учитель, ученый; привозятъ издѣлія современныхъ фабрикъ; свободные капиталы шлютъ передовыхъ изслѣдователей. Только что отпечатанная книга, новѣйшее ружье, милліарды накопленій,— оказываются бокъ-о-бокъ съ дикарями. Разомъ уничтожается не только разстояніе, но *и время:* вѣка косности мгновенно прерываются. Страна пріобщается къ коллективному разуму человѣчества и быстро воспринимаетъ итоги тысячелѣтней эволюціи.

Эта объединяющая сила въ некультурныхъ странахъ дѣйствуетъ почти стихійно; въ странахъ культурныхъ она направляется сознательной дѣятельностью государства и общества.

Въ рукахъ современныхъ націй оказывается слѣдовательно факторъ производства, сила котораго всегда помножается на общую сумму всемірнаго общенія.

При сравненіи *положительнаго* фактора—съ *отрицательнымъ*—мы, естественно, приходимъ, прежде всего, къ двумъ общимъ положеніямъ:

1) Абсолютная величина положительнаго фактора (весьма – быстраго, дешеваго и непрерывнаго сообщенія посредствомъ пара и электричества съ всесвѣтнымъ рынкомъ), какъ a priori такъ и по даннымъ опыта, должна быть выше отрицательнаго фактора (закрытія или затрудненія иностранной конкуренціи). Хорошія дороги удешевятъ больше, чѣмъ удорожатъ высокія пошлины (покуда онѣ не достигли запретительнаго размѣра). По самому существу дѣла обложеніе чужеземнаго импорта создаетъ искусственныя условія для возникновенія лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ промышленности. Интегрирующаго же вліянія на обработку *всѣхъ* естественныхъ богатствъ страны—(неоспоримое свойство современныхъ средствъ сообщенія)—*никакіе* тарифы имѣть не могутъ.

2) Улучшеніе путей сообщенія и повышеніе тарифовъ всегда взаимно противоположны; вліяніе улучшенныхъ и ускоренныхъ сообщеній уничтожается тарифами и наоборотъ вліяніе тарифовъ—дороговизна импорта – смягчается или парализуется усовершенствованіемъ сообщеній, какъ международныхъ, такъ и внутреннихъ. Сочетаніе улучшенія сообщеній съ тарифной политикой наблюдается во всѣхъ странахъ, кромѣ Англіи (метрополіи); и такъ какъ техника непрерывно совершенствуется и тарифы безпрестанно мѣняются, то и является неминуемо *длящійся кризисъ всемірнаго производства*. Равновѣсіе не можетъ установиться; промышленность не имѣетъ возможности примѣниться къ измѣняющимся условіямъ;. нищета и перепроизводство существуетъ одновременно; подобно тому, какъ жидкость въ сообщающихся сосудахъ не можетъ придти къ одному уровню, если самый сосудъ колеблется, всемірный обмѣнъ не можетъ уравновѣситься; ибо онъ могъ бы примѣниться либо къ тарифамъ, либо къ улуч-

шенію путей въ отдѣльности, — а не къ тому и другому одновременно.

Соединенные Штаты обладаютъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, достигающихъ около трехъ сотъ тысячъ километровъ; сѣть эта говоритъ Поль Дюбуа *) «на одну четвертую часть больше желѣзнодорожной сѣти всей Европы, при территоріи меньшей на $^1/_6$ часть, и при населеніи меньшемъ въ 5 разъ.

«Лихорадочное движеніе, замѣчаемое со всѣхъ сторонъ поражаетъ глазъ европейца. Посмотрите на любой торговый рынокъ на западѣ и на любой мануфактурный центръ на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ: каждый изъ нихъ окруженъ удивительной и неподдающейся описанію сложной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя расходятся радіусами по всевозможнымъ направленіямъ, не взирая ни на какія естественныя преграды, скрещиваясь между собою и опять расходясь, увеличиваясь на своемъ пути новыми линіями, оплодотворяя безпрестанно почву, которой онѣ призваны служить. Между Нью-Іоркомъ и Чикаго девять главныхъ желѣзнодорожныхъ компаній оспариваютъ между собой перевозку пассажировъ.

Коммерсанты могутъ выбирать между 20 линіями для отправленія своихъ грузовъ отъ великаго атлантическаго порта до столицы Иллинойса: двѣ изъ этихъ линій имѣютъ на половинѣ своего протяженія четыре пути, и движеніе грузовъ по Pennsilvania Railroad въ четыре раза превосходитъ движеніе по Сѣверной сѣти Франціи».

*) Louis Paul Dubois. Les chemins de fer aux Etats-Unis, Paris. 1896.

«Удивительные успѣхи,—говоритъ тотъ же авторъ,—достигнутые желѣзнодорожною промышленностью въ Соединенныхъ Штатахъ, объясняются той существенной ролью, которую желѣзныя дороги играютъ въ развитіи территоріи и подавляющимъ вліяніемъ, которыя онѣ обнаруживаютъ на всю экономическую жизнь страны. Въ Америкѣ желѣзныя дороги есть первый и главный факторъ труда и колонизаціи; чтобы открыть новую территорію обыкновенно начинаютъ съ того, что туда проводятъ желѣзную дорогу; колонисты приходятъ уже потомъ, занимая прилегающія земли и обращая ихъ въ цѣнность, создавая оборотъ и движеніе для желѣзной дороги, которымъ оплачивается услуга желѣзной дороги, первоначально оказанная ею колонисту. Можно поэтому утверждать положительно, что желѣзныя дороги создала тамъ страну и что американцы обязаны именно желѣзнымъ дорогамъ удивительнымъ успѣхомъ въ своемъ національномъ развитіи».

Вся эта громадная сѣть не стоитъ государству ни одного доллара расхода: для нѣкоторыхъ линій содѣйствіе государства выражалось лишь въ безвозмездной уступкѣ полосъ пустопорожнихъ казенныхъ земель, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ.

Мало по малу американскія желѣзныя дороги удешевили въ высшей степени перевозки грузовъ и пассажировъ.

«Соединенные Штаты, говоритъ Paul Dubois, есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ существуютъ самыя дешевыя перевозки товаровъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американскій Союзъ съ Франціею, мы находимъ, что въ среднемъ для всей желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ валовая выручка на тонну-километръ составляетъ 3 сантима, между тѣмъ какъ во Франціи она колеблется (въ 1892 г.)

между 4,66 сантим. на сѣверѣ и 6,203 сантим. на югѣ». Стоимость фрахта въ Соединенныхъ Штатахъ, по утвержденію Гедли, въ его Railroad Transportation (p. 104) ниже, чѣмъ гдѣ либо и въ среднемъ доходила до $1^1/_4$ цента за тонну-миллю, а съ 1884 г. упала даже до $1^1/_8$ цента. Вообще съ 1870 г. тарифъ уменьшился на 50% (собственно на 35%, принимая разницу валюты); въ отдѣльныхъ же штатахъ было пониженіе ставокъ на желѣзныхъ дорогахъ еще болѣе значительное. Такъ въ Нью-Іоркѣ съ 1,7 цента на 0,8, а въ Огейо съ 2,40 цента тарифъ спустился на 0,9 цента *).

«Рядомъ съ удешевленіемъ цѣнъ перевозки произошло чрезвычайное увеличеніе размѣровъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ **). Съ 1880 по 1890 г., говоритъ Paul Dubois, населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на 24%, національное богатство, движимое и недвижимое на 49%, движеніе по желѣзнымъ дорогамъ шло еще болѣе быстрымъ шагомъ впередъ. Съ 1882 до 1892 г. пассажирское движеніе почти удвоилось, увеличившись съ 7.688.468.538 пассажиро-миль до 13.697.343.804 пассажиро-миль; товарное же движеніе увеличилось еще болѣе, чѣмъ вдвое, поднявшись съ 39.202.209.249 тонно-миль до 84.448.197.130 тонно-миль. Выгоды, полученныя желѣзными дорогами отъ такого движенія отчасти уравновѣшивались производившимся построеніемъ новыхъ линій. Желѣзнодорожная сѣть Соединенныхъ Штатовъ въ тотъ-же самый 10-ти-лѣтній періодъ 1882—1892 гг. увеличилась съ 95.752 мили до 170.607 миль, такъ что число пассажировъ, пропорціональное всему протяженію, осталось то же самое, и количество тоннъ, пропорціонально всего разстоянія, увеличилось на 6,3%.

*) Н. Н. Янжулъ «Промысловые синдикаты».

**) Б. Ф. Брандтъ «Иностранные капиталы» стр. 232, 233 и 234.

Такимъ образомъ увеличеніе сѣти почти уравновѣшивало увеличеніе движенія».

Факты и цифры достаточно убѣдительны. Если опытныя данныя должны провѣрять и дополнять апріорные выводы, то мы должны признать за великой американской республикой заслугу отысканія наилучшаго и наивыгоднѣйшаго способа устройства желѣзнодорожной сѣти. Сѣть въ пять разъ болѣе густая, чѣмъ рельсовые пути Европы и не обременившая ничѣмъ ни долговую книгу государства, ни его текущій бюджетъ,—сѣть, дающая болѣе дешевыя, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ перевозки, представляетъ нигдѣ невиданный способъ созданія національнаго богатства.

Не слѣдовало бы и всѣмъ другимъ націямъ послушаться положительныхъ уроковъ, которые даетъ исторія развитія желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ? Планъ несложный: дарованіе каждому рельсовому пути права экспропріаціи, уступка полосы государственной земли, полное затѣмъ невмѣшательство государства, полное господство частной иниціативы.

Рядъ возраженій предъявленъ европейскими экономистами противъ такого рѣшенія вопроса.

Прежде всего указываютъ, что американскія могущественныя желѣзнодорожныя компаніи, «желѣзнодорожные короли» (Гульды, Вандербильды и друг.) являются съ политической, соціальной и экономической точки зрѣнія опасными; они могутъ сильно вліять на администрацію и на выборы, представляя, какъ говорятъ, «государство въ государствѣ».

Затѣмъ свободу тарифовъ находятъ вредною, такъ какъ: 1) Произволъ компаній въ установленіи провозныхъ платъ тяжко отзывался иногда на интересахъ цѣлыхъ промышленныхъ районовъ. Напримѣръ въ Маѣ 1878 г. тарифъ за перевозку зерна отъ Чикаго до Фи-

ладельфіи составлялъ 13 центовъ, между тѣмъ за разстояніе до Питсбурга (въ половину меньшее) брали 18 центовъ. 2) Извѣстенъ случай особыхъ, часто тайныхъ, соглашеній (рефакція) съ товароотправителями, о предоставленіи имъ пониженій тарифа. Система эта, въ Америкѣ извѣстная подъ именемъ discrimination, имѣла деморализирующее вліяніе на весь ходъ промышленности, покровительствуя однимъ производителямъ въ ущербъ другимъ и вызывая справедливыя сѣтованія во всей странѣ. Такимъ образомъ извѣстный синдикатъ керосинозаводчиковъ Standart Oil Company получилъ въ теченіе 15 мѣсяцевъ скидку на сумму 10 милліоновъ долларовъ по перевозкѣ керосина между Кливелендомъ или Питсбургомъ и портами Атлантическаго океана и, благодаря такимъ договорамъ съ различными желѣзнодорожными компаніями, достигъ въ 1875 г. абсолютной монополизаціи въ своихъ рукахъ всего керосина страны *). 3) Помимо открытаго произвола и тайныхъ соглашеній самое нахожденіе тарифнаго дѣла въ рукахъ компаній должно вести къ тому, что страна лишается будто бы блага дешевой перевозки, не имѣетъ вовсе стройной системы тарифныхъ ставокъ. Дешевизна и однообразіе тарифовъ естественно связаны будто бы съ правительственной эксплоатаціей, ибо правительство ищетъ выгодъ общихъ, а компанія— выгодъ частныхъ; на конкурренцію же между компаніями трудно надѣяться, потому что компаніи вступаютъ между собою въ соглашеніе и монополизируютъ перевозку.

Правда дороги въ Штатахъ не требовали денежныхъ жертвъ и денежной помощи правительства. Но за то сколько онѣ получили даровыхъ казенныхъ земель! Уже во время постройки Pacific railroad даровано

*) Тамъ же, стр. 231.

было 757.000 квадр. километровъ, территорія, превосходящая Францію.

Наконецъ громадное количество желѣзнодорожныхъ акцій, особенно возрастающее отъ системы дополнительныхъ выпусковъ для «увеличенія» или «разводненія» основного капитала (Watering) и вообще строительная горячка страшно увеличили размѣры биржевой игры и были одной изъ главныхъ причинъ финансовыхъ кризисовъ 1872 и 1883 гг.

Когда персидскій шахъ посѣтилъ Англію, то на балу у герцога Сётёрленда былъ пораженъ великолѣпіемъ обстановки. Узнавъ, какъ богатъ герцогъ, восточный властитель сказалъ принцу Уэльскому: «У васъ слишкомъ могущественный подданный; на вашемъ мѣстѣ я велѣлъ бы ему отрубить голову».

Опасенія, возбуждаемыя дѣятельностью большихъ желѣзнодорожныхъ компаній не далеко ушли отъ кровожадной мнительности повелителя Персіи. Въ цивилизованныхъ странахъ мрачныя предсказанія и тревога по поводу «государства въ государствѣ» должны быть съ презрѣніемъ отвергнуты. Независимость несмѣняемаго суда также объявлялась опасною. Каждая вліятельная корпорація способна пробудить болѣзненную мнительность. Каждое лицо, обладающее богатствами въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, должно казаться опаснымъ суверенитету. Большое богатство, заключающееся въ денежномъ капиталѣ, въ фондахъ или вообще въ легко реализируемыхъ цѣнностяхъ, конечно, опаснѣе съ той точки зрѣнія, которой держатся враги частной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ; опаснѣе потому, что обладатель большихъ капиталовъ въ деньгахъ дѣйствительно имѣетъ преимущество полной независимости,

преимущество, которымъ не можетъ обладать большое промышленное предпріятіе, въ особенности желѣзная дорога.

Колебаніе цѣнъ на множество предметовъ, урожай или неурожай, стачки служащихъ, конкурренція, несчастные случаи—все это данныя, обманывающія самые осторожные разсчеты и которыя сильно сковываютъ волю промышленныхъ «королей», тѣмъ болѣе желѣзнодорожныхъ. Фабриканты и заводчики обладаютъ вліяніемъ, организаціею и силой сопротивленія конечно большими, чѣмъ собственники рельсовыхъ путей. Законъ о провозныхъ платахъ въ Соединенныхъ Штатахъ—Interstate Commerce Law (1887), о которомъ мы будемъ говорить ниже, прошелъ послѣ нѣкоторой борьбы съ «королями» желѣзныхъ дорогъ. Насколько тяжелѣе борьба (далеко еще не конченная) при приведеніи фабричныхъ законовъ! Тарифныя злоупотребленія Гульдовъ и Вандербильдовъ оказалось легче искоренить, чѣмъ избавить женщину и ребенка отъ непосильной и нездоровой работы.

Говорятъ, что многочисленный персоналъ желѣзныхъ дорогъ даетъ «королямъ» покорную армію на выборахъ, но почему же подобное вліяніе пріурочивается именно къ желѣзнымъ дорогамъ, тогда какъ и въ другихъ сферахъ промышленности имѣются весьма многочисленныя арміи, которыя въ рукахъ союза патроновъ должны возбуждать такія же опасенія (сильно вообще преувеличенныя). Съ общественнымъ мнѣніемъ приходится считаться; поэтому открытое давленіе на массу неудобно, а тайныя дѣйствія не обѣщаютъ большаго успѣха.

Опасное господство надъ многочисленнымъ персоналомъ служащихъ никакъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу казеннаго завѣдыванія рельсовыми путями. При казенномъ хозяйствѣ раздача мѣстъ на

желѣзныхъ дорогахъ становится, говорятъ намъ, орудіемъ борьбы политическихъ партій.

Два противоположные аргумента, по нашему мнѣнію, годятся только для взаимнаго уничтоженія. Нѣкоторая зависимость избирателей и нѣкоторыя злоупотребленія, даже подкупъ, долго еще къ сожалѣнію, будутъ встрѣчаться во время выборной агитаціи. Но въ наше время это зло не можетъ принять опасныхъ размѣровъ во всѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ законность и публичность.

Произвольныя пониженія тарифа, а иногда и прямыя злоупотребленія (тайныя рефакціи) несомнѣнно имѣли мѣсто на американскихъ дорогахъ. Но если бы даже *всѣ* жалобы относительно измѣнчивости и неустойчивости провозныхъ платъ были основательны, все же общій итогъ приращенія богатствъ, которымъ надѣлила страну сѣть въ 300 тысячъ километровъ, безъ всякаго сомнѣнія превосходитъ всѣ выгоды любой страны европейскаго континента отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ—казенныхъ или субсидированныхъ. Пусть спросятъ населеніе Штатовъ, что предпочтительнѣе—имѣть ли сѣть по европейской нормѣ, т. е. не болѣе 60.000 километровъ, съ провозною платою, контролируемою или даже устанавливаемою правительствомъ—или 300.000 километровъ со всѣми вредными махинаціями и кознями желѣзнодорожныхъ королей? Всякій предпочтетъ послѣднее. Затѣмъ и пресловутая монополія, которая яко бы является при установкѣ тарифа компаніями по собственному усмотрѣнію—весьма условна.

Если-бы всѣ безъ исключенія американскія желѣзныя дороги попали въ руки одной компаніи, то и тогда дѣйствіе монополіи мѣстной и общей ограничивалось *закономъ замѣны* (loi de substitution), который выясненъ

Леруа-Болье и заключается въ томъ, что человѣческія потребности способны замѣщать одна другую, въ случаѣ затрудненія и неблагопріятныхъ условій (напр. дороговизны).

«*Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что очень большая дороговизна заставляетъ употреблять другіе продукты, могущіе исполнять болѣе или менѣе удовлетворительные, тоже назначеніе*».

Есть много товаровъ, которые могутъ замѣнить другъ друга. Большая дороговизна хлопка, во время войны 1860—1865 гг., не только развила культуру хлопка въ Индіи и Египтѣ, но дала большой толчекъ обработкѣ льна и легкихъ шерстяныхъ тканей. Раньше, во время континентальной системы, дороговизна тростниковаго сахара много сдѣлала для развитія свекло-сахарной промышленности. Когда, вслѣдствіе филоксеры, цѣна виноградnаго вина значительно увеличилась во Франціи, придумали вино изъ изюма, вывозимаго изъ Греціи и Турціи...

Растительныя масла, газъ, керосинъ и электричество могутъ замѣнять другъ друга при освѣщеніи.

Вздорожаніе мѣди во время извѣстнаго Синдиката послужило къ развитію употребленія никкеля, а также аллюминія...

Современная промышленность при помощи науки порождаетъ такимъ образомъ либо матерьялы, либо способы, которые могутъ замѣнять одни другихъ, такъ что дороговизна одного вызываетъ большее примѣненіе другаго. Въ этомъ заключается естественная конкурренція между предметами.

Законъ замѣны распространяется также и на людей и на промышленные пріемы.

Такая же замѣна проявляется не только для товаровъ и услугъ, но даже для потребностей человѣка *).

*) Traité d'Economie politique. T. I, p. 662, 663 (ед. 1896).

Нигдѣ этотъ законъ не сказывался такъ ясно, какъ въ исторіи сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ихъ владѣльцы долго до 1887 г. не были стѣснены законами или соглашеніями съ правительствомъ. Они образовали могущественный союзъ. Мелкія общества сливались въ крупныя. Параллельныя линіи заключали тайныя стачки. Но никогда тарифы не могли довести какой либо продуктъ до слишкомъ отяготительной дороговизны, такъ какъ большинство цѣнныхъ товаровъ, на которые только и могли бы установиться высокія ставки, въ Соединенныхъ Штатахъ больше, чѣмъ гдѣ либо могли быть замѣняемы при кипучей промышленной жизни и изобрѣтательности. Произвольность тарифа (при невмѣшательствѣ власти) игравшая большую роль, содѣйствуя быстрому разростанію сѣти, въ силу закона, замѣченнаго французскимъ экономистомъ, не могла, въ общемъ, нанести серьезнаго вреда народному хозяйству.

Возможность вреда станетъ еще меньше, если мы ближе разсмотримъ особенности и условія желѣзнодорожной тарификаціи. Въ весьма авторитетномъ сочиненіи *) выяснено, что монополія перевозки, которая яко бы присвоена желѣзнодорожнымъ обществамъ, не можетъ имѣть подавляющаго вліянія на промышленность страны и тарифы естественно регулируются даже помимо всякаго вмѣшательства правительства: во первыхъ конкурренціею, во вторыхъ собственными интересами владѣльцевъ.

Конкурренція обыкновенныхъ дорогъ, также и проселочныхъ, всегда ощутительна. На небольшомъ разстояніи гужевая перевозка оказывается безусловно выгоднѣе, а на большихъ разстояніяхъ всегда должна приниматься во вниманіе, при назначеніи тарифныхъ ставокъ.

*) Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ С. Ю. Витте. 1883. Кіевъ.

Моря, рѣки и каналы наоборотъ оказываются выгоднѣе рельсовыхъ путей для многихъ транзитныхъ и международныхъ грузовъ и вообще конкурренція съ водянымъ сообщеніемъ для желѣзной дороги весьма затруднительна. Въ Россіи перевозка грузовъ изъ Южныхъ портовъ на Сѣверъ и обратно совершается съ большою выгодою морскимъ путемъ, кругомъ всей Европы; рѣчные фрахты весьма низки.

Между собою желѣзныя дороги конкуррируютъ не только тогда, когда проложены между одними и тѣми же пунктами или мѣстностями. «Въ дѣйствительности желѣзныя дороги конкуррируютъ между собою, находясь совершенно въ различныхъ мѣстностяхъ, идя по совершенно различнымъ направленіямъ, и отстоя другъ отъ друга на сотни верстъ. Напримѣръ по ввозу въ Россіи иностранныхъ грузовъ: хлопка, чаю, лимоновъ и проч. между собою соперничаютъ большинство линій желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ главнымъ центрамъ потребленія или къ складамъ этихъ грузовъ въ Имперіи, какъ отъ сухопутной границы, такъ и отъ главныхъ портовъ Балтійскаго и Чернаго морей» *).

Кромѣ конкурренціи въ обычномъ смыслѣ слова всякій желѣзнодорожный тарифъ умѣряется собственными интересами компаніи, отъ которой зависитъ размѣръ ставокъ. Разъ послѣднія высоки, единичные барыши увеличиваются, но чистый доходъ вообще падаетъ, ибо дороговизна провоза *сокращаетъ производство страны*. Желѣзная дорога даетъ хорошій доходъ лишь при массовомъ передвиженіи, такъ что ея владѣльцы, въ видахъ соблюденія собственной выгоды, повышаютъ тарифы лишь до того размѣра, который данный грузъ можетъ свободно вынести. Кромѣ того интересъ акціонеровъ заключается въ возможномъ сокращеніи расхо-

*) Стр. 17.

довъ эксплоатаціи. Именно при небольшихъ издержкахъ усугубляется важность привлеченія большаго количества дешевыхъ грузовъ, чтобы чистый доходъ дошелъ бы до максимума.

Сопоставляя приведенные выводы французскаго и русскаго экономистовъ (вообще несходныхъ между собою въ основныхъ взглядахъ) мы видимъ, что именно въ Америкѣ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть въ 300.000 километровъ выстроена на частный капиталъ и эксплоатируется частными компаніями при полномъ почти невмѣшательствѣ правительства,—естественные факторы, ослабляющіе вліяніе монополіи и охраняющіе страну отъ корыстнаго произвола компаній, должны проявляться съ чрезвычайною силою.

Темными сторонами американскихъ желѣзныхъ дорогъ должно признать тайныя рефакціи (discriminations) *) и чрезвычайное колебаніе тарифовъ во время тарифныхъ войнъ и послѣ нихъ. Значительной доли злоупотребленій желѣзнодорожныхъ компаній положенъ конецъ закономъ 4 Февраля 1887 г. биллемъ Регана (Reagan) такъ назыв. Interstate Commerce Law.

Согласно этому закону учреждается особая коммиссія (Interstate Commerce Commision) изъ 5-ти членовъ, смѣняющихся каждые 6 лѣтъ. Коммиссіи предоставлено:

1) Производить изслѣдованія о веденіи дѣла каждымъ обществомъ.

2) Требовать отъ общества предъявленія ежегодныхъ отчетовъ по эксплоатаціи по однообразной, установленной коммиссіею, формѣ.

---

*) Этимъ именемъ называются особыя, неизвѣстныя публикѣ, пониженія провозныхъ платъ. Гласно произвести ихъ при большомъ движеніи трудно, ибо создаются крайне невыгодные для желѣзной дороги прецеденты и что всего хуже водворяется убыточная путаница при эксплоатаціи. Тайныя же пониженія близко подходятъ, съ точки зрѣнія общаго права, къ мошенничеству, подъ которое и могутъ быть подведены положительнымъ закономъ.

3) Принимать жалобы на желѣзнодорожныя компаніи и разбирать ихъ.

4) Назначать установленныя закономъ наказанія, приводимыя въ исполненіе судами.

5) Вырабатывать и представлять правительству мѣры по устраненію недостатковъ.

Тотъ же законъ предписалъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ обществамъ публиковать свои тарифы. За взиманіе по неопубликованному тарифу, кромѣ вознагражденія товароотправителей, налагаются штрафы до 5000 долларовъ. Воспрещено оказывать льготы по перевозкѣ или наоборотъ затруднять послѣднюю отдѣльнымъ лицамъ по сравненію съ прочими отправителями.

Далѣе признается противнымъ закону, если «общественный возчикъ, для котораго обязательны постановленія настоящаго закона, за перевозку лицъ и товаровъ одного и того же рода, высчитаетъ или возьметъ, при существенно сходныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, большую провозную плату за кратчайшее разстояніе, чѣмъ за дальнѣйшее на той же самой линіи, въ томъ же направленіи и при предположеніи, что кратчайшая линія является частью болѣе длинной».

Это постановленіе не должно быть толкуемо въ томъ смыслѣ, будто бы общественный возчикъ вправѣ высчитывать и брать за кратчайшее разстояніе такую же плату, какъ и за дальнѣйшую. Онъ, однако, вправѣ, съ разрѣшенія учреждаемой по этому предмету Коммиссіи, послѣ ея разсмотрѣнія, разсчитывать за провозъ лицъ и вещей на дальнѣйшія разстоянія нижнія ставки чѣмъ за кратчайшія.

«Коммиссія времени отъ времени постановляетъ, въ какихъ предѣлахъ такой общественный возчикъ можетъ быть освобожденъ отъ постановленій настоящаго параграфа».

Затѣмъ признается противнымъ закону всякій договоръ и соглашеніе конкуррирующихъ обществъ, клонящихся къ установленію добровольнаго раздѣла доходовъ (т. е. иными словами запрещаются стачки). За каждый день существованія такого соглашенія можетъ быть назначаемъ штрафъ до 5000 долларовъ.

Въ Америкѣ тарифы уменьшались иногда въ пылу борьбы въ семнадцать разъ. Тарифныя войны однако же замѣтно утихли. Главной причиной послужилъ лучшій составъ управленій дорогъ и постепенное сліяніе мелкихъ дорогъ въ нѣсколько большихъ компаній, образовавшихъ въ послѣдніе годы пять «государствъ въ государствѣ».

Наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу американскихъ порядковъ является именно дѣйствующая въ Америкѣ тарификація. Континентальной Европѣ (съ ея казенной эксплоатаціей, контролемъ правительства, максимальными тарифами въ концессіяхъ) долго еще ждать такихъ дешевыхъ перевозовъ, которые въ наше время имѣютъ Соединенные Штаты.

Упреки о преувеличенной раздачѣ казенныхъ земель мало основательны. Правда, компаніи продажей участковъ, полученныхъ въ даръ, выручили значительныя суммы. Но цѣнность земли создана именно постройкой желѣзной дороги. Никогда plus-value не получалось болѣе справедливо.

Казенныя земли и въ другихъ государствахъ (напримѣръ въ Россіи) уступаются желѣзнодорожнымъ компаніямъ безплатно въ видѣ узкой полосы, достаточной для сооруженія линіи. Въ Америкѣ держались того же принципа, но въ виду обилія свободныхъ земель и дешевизны ихъ (ранѣе проведенія рельсоваго пути) полоса значительно расширена; за то нѣтъ ни субсидіи, ни гарантіи, ни какой либо денежной или матерьяльной правительственной помощи. Вообще въ

С. Америкѣ экономическій феноменъ—сооруженіе частной иниціативой желѣзныхъ дорогъ — поставленный въ естественныя условія, какъ нельзя лучше выразилъ плодотворность *союза государства и личности* въ положительныхъ мѣрахъ воздѣйствія на національный трудъ. Государство даровало казенныя земли и право экспропраціи частныхъ. Частныя лица принесли капиталы: *Вмѣшательства* Правительства не было, но даровано *содѣйствіе* и *помощь*, въ размѣрахъ весьма обширныхъ, но чуждыхъ какой-либо искусственной формы. Въ результатѣ: быстрое развитіе промышленности среди дѣвственныхъ лѣсовъ и степей, поглощеніе милліонной безостановочной эмиграціи, и милліардное приращеніе національнаго богатства.

Изъяны американской желѣзнодорожной политики заключаются не въ томъ, что государство воздерживается отъ вмѣшательства, а прежде всего въ неопредѣленности срока концессій. За право экспропраціи, за уступку широкой полосы казенныхъ земель, правительству легко бы было, безъ чувствительнаго обремененія концессіонеровъ, выговорить безплатный переходъ дороги въ казну черезъ 55, 60, 65 лѣтъ и право выкупа, на льготныхъ для концессіонеровъ условіяхъ, черезъ половинный примѣрно срокъ. Реализація частнаго капитала, какъ показываетъ опытъ отнюдь, не затрудняется столь отдаленными сроками; небольшаго отчисленія на погашеніе изъ доходовъ дороги было бы достаточно. Особенность американскаго и вообще свободнаго желѣзнодорожнаго хозяйства: незначительность акціонернаго капитала по отношенію къ облигаціонному. Предприниматели, лишенные казеннаго пособія, и избавленные отъ административнаго контракта,

строятъ первоначально линію въ легкомъ видѣ, на средства, добытыя реализаціею акцій, сокращая по возможности ту часть капитала, которая подвергается наибольшему риску.

Линія достраивается и развивается на облигаціонные капиталы, имѣющіе уже ипотечное право на соотвѣтственный желѣзнодорожный инвентарь.

Необременительный для частной иниціативы, ограниченный срокъ выкупа концессій въ неособенно отдаленномъ будущемъ надѣлилъ бы правительство громадными финансовыми рессурсами. Въ первой трети XX столѣтія федеральное правительство получило бы во владѣніе свыше 300.000 километровъ рельсовыхъ путей, которые можно оцѣнить по меньшей мѣрѣ въ пятьдесятъ милліардовъ франковъ и которыя обогатили бы фискъ безъ стѣсненія промышленной свободы и безъ тѣни нарушенія права. Для тѣхъ великихъ задачъ, къ которымъ призвано будетъ правительство въ поступающемъ вѣкѣ—такое увеличеніе государственныхъ рессурсовъ въ полномъ смыслѣ слова драгоцѣнно.

Заблужденіе Американскаго правительства заключается главнымъ образомъ въ томъ, что частная иниціатива рѣзко противопоставлена правительственной, а свобода, по понятіямъ государственныхъ людей, засѣдающихъ въ Капитоліи и Бѣломъ Домѣ, не можетъ яко-бы ужиться съ расширеніемъ казенныхъ доменовъ. Считали, что желѣзныя дороги суть промышленныя предпріятія и какъ таковыя должны навсегда или на неопредѣленное время оставаться въ частныхъ рукахъ. Кромѣ того, переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства представлялся равнозначущимся въ непосредственномъ правительственномъ завѣдываніемъ. Возможность передачи линій, поступившихъ въ казну, въ арендное пользованіе частнымъ кампаніямъ, игнорировалась. Немалое значеніе имѣло и недовѣріе от-

дѣльныхъ Штатовъ къ центральному правительству. Боялись увеличивать власть и значеніе послѣдняго.

Сложностью своего хозяйства желѣзныя дороги значительно превосходятъ любое промышленное предпріятіе, какъ въ способѣ собиранія доходовъ, такъ и въ производствѣ расходовъ. Тарифы желѣзныхъ дорогъ представляютъ сложную и измѣнчивую систему; составленіе ихъ—задача трудная и требующая массу труда и знанія. Сюда нужно присоединить условія нагрузки и выгрузки, храненія, очереди отправки, сдачу, коммиссіонерскую дѣятельность, ссудныя и страховыя операціи. Сложность съ другой стороны содержанія дороги, ремонта пути и подвижнаго состава, движенія и проч. также не имѣетъ ничего подобнаго среди промышленныхъ предпредпріятій. Чтобы въ короткихъ словахъ дать понятіе о сложности этого хозяйства достаточно указать, что число матеріаловъ (сырья, полуфабрикатовъ и готовыхъ издѣлій)—такъ называемая расходная номенклатура желѣзныхъ дорогъ—далеко превышаетъ десять тысячъ.

Возможность удовлетворительнаго веденія подобнаго предпріятія распоряженіемъ правительства въ нѣкоторыхъ странахъ обусловливается тѣмъ, что казна, выкупивъ или принявъ дорогу, находитъ готовую крѣпкую организацію. Казна принимаетъ не одно имущество, но наслѣдуетъ интелектуальный капиталъ, въ видѣ крѣпко сложившагося административно-хозяйственнаго механизма. Опытъ показываетъ, что правительственная эксплоатація успѣшнѣе ведется, когда рельсовые пути раньше были въ частномъ завѣдываніи.

Одинъ изъ стимуловъ успѣха частной эксплоатаціи конечно была конкурренція, относящаяся не только

къ провознымъ платамъ, т. е. къ доходамъ, но еще болѣе къ расходамъ, къ издержкамъ производства. Путемъ постояннаго соревнованія между кампаніями, вырабатываются наивыгоднѣйшія строительныя нормы, наилучшія спесификаціи матеріаловъ; изыскиваются способы экономизированія предметовъ потребленія, сокращенія личнаго состава (при полезномъ сдерживающемъ вліяніе отвѣтственности за несчастія и при законахъ о предѣльномъ рабочемъ днѣ).

При поступленіи всѣхъ или почти всѣхъ дорогъ въ казну неизбѣжно происходитъ ущербъ въ естественныхъ стимулахъ совершенствованія и естественнаго регулированія. Слабѣетъ постоянное соревнованіе между желѣзными дорогами въ техническомъ совершенствованіи, въ скорѣйшемъ и наилучшемъ примѣненіи успѣховъ науки. Утрачивается жизненный интересъ къ увеличенію безопасности движенія: матеріальная отвѣтственность компаніи за несчастія съ людьми. Огражденіе интересовъ рабочихъ дѣлается менѣе надежно, такъ какъ правительственные органы будутъ контролировать самихъ себя, а не частныя компаніи; самое развитіе законодательства о предѣльныхъ часахъ работы задержится, когда къ правительству, вмѣсто надзора, перейдутъ хозяйственно-распорядительныя функціи.

Въ виду сказаннаго, однимъ изъ существенныхъ условій успѣшности казеннаго хозяйства на желѣзныхъ дорогахъ приходится считать—одновременное существованіе многихъ частныхъ дорогъ рядомъ съ казенными. Является возможность постояннаго въ высшей степени плодотворнаго и поучительнаго сравненія. Правительственная администрація въ параллельно дѣйствующихъ частныхъ хозяйствахъ получитъ живое, критическое начало, предохраняющее отъ рутины и формализма. Еще лучше—если казенное завѣдываніе

продлится не долго и линіи, оставаясь *въ собственности* правительства, сдадутся въ аренду (на 20—25 лѣтъ) частной компаніи, заслуживающей довѣріе. Тогда выгоды казеннаго владѣнія и частной эксплоатаціи соединяются вмѣстѣ. Большая часть доходовъ поступаетъ въ казну, а между тѣмъ правительство избавляется отъ тягостной и сложнѣйшей хозяйственной дѣятельности; отвѣтственность передъ публикой остается на компаніи, которая имѣетъ интересъ и въ экономіи расходовъ и въ исправномъ содержаніи линіи, дабы избѣжать убытковъ при катастрофахъ. Условія аренды должны вырабатываться путемъ опыта. Самое заключеніе договора, даже въ федеративномъ государствѣ—есть дѣло верховной власти или центральнаго управленія.

Вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ правительственной *постройки* вообще отдѣляется отъ вопроса о содержаніи дорогъ, объ *эксплоатаціи*. При настоящемъ состояніи науки, при громадномъ запасѣ техническихъ и хозяйственныхъ данныхъ, при чрезвычайномъ развитіи конкурренціи, можно допустить, что разница въ качествѣ и стоимости сооруженія рельсоваго пути казною или частными компаніями не должна быть велика и представляетъ вопросъ второстепенный. Дѣйствительную важность для всякой страны составляетъ быстрое сооруженіе сѣти, и въ виду этого частная иниціатива незамѣнима во всѣхъ большихъ государствахъ. Ничто не замѣнитъ изобрѣтательности, которая, вмѣстѣ съ настойчивостью и энергіею—не безъ примѣси спекулятивнаго духа—покрыла густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ Англію и Сѣверную Америку. Самые образцовые административные органы, самые трудолюбивыя и патріотическія представительныя собранія—всегда отстанутъ отъ сонма предпринимателей, отъ безпрерывнаго соревнованія между солидными капиталистами, смѣлыми грюндерами, ловкими посредни-

ками, предпріимчивыми промышленниками и сомнительными прожектерами. У всякаго правительства слишкомъ много заботъ, чтобы замѣнить кипучую дѣятельность этой пестрой и не всегда, конечно, симпатичной толпы. Страна выиграетъ, если правительство либо совсѣмъ воздержится отъ постройки новыхъ линій, либо будетъ строить немногія дороги. При раздачѣ концессій все время слѣдуетъ помнить, что всѣ достоинства непосредственно казенной постройки, всѣ темныя стороны частнаго строительства не перевѣшиваютъ и десятой доли тѣхъ благъ, которые получаетъ нація отъ быстраго приращенія желѣзнодорожной сѣти.

Наилучшая желѣзнодорожная политика должна состоять: *во первыхъ* въ постройкѣ большинства желѣзныхъ дорогъ частными компаніями, которыя получаютъ отъ правительства право экспропраціи потребной полосы земли и въ извѣстныхъ случаяхъ получаютъ еще—либо тотъ видъ матеріальной субвенціи, который получили нѣкоторыя предпріятія въ Америкѣ, либо помощь, могущую замѣнить такое содѣйствіе; частныя компаніи получаютъ концессіи на срокъ около 60—65 лѣтъ, послѣ котораго линіи должны безплатно поступить въ казну; право факультативнаго выкупа можно ограничить половиннымъ срокомъ, при чемъ выкупъ долженъ быть обусловленъ *намѣренно щедро*—дабы не выговаривать при концессіяхъ условій, могущихъ стѣснять свободное развитіе частной строительной иниціативы; *во вторыхъ*, нѣкоторыя линіи могутъ отстраиваться распоряженіемъ казны, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы страны требуютъ скорѣйшаго проведенія рельсоваго пути, а частная иниціатива временно ослабѣваетъ (наприм. при промышленныхъ кризисахъ); *въ третьихъ*, всѣ желѣзныя дороги мало по малу должны поступать въ казну: либо выкупаться, либо безплатно

на основаніи концессій, либо по особымъ соглашеніямъ; *въ четвертыхъ*, правительство сдаетъ поступившія въ его владѣніе желѣзныя дороги солиднымъ частнымъ компаніямъ въ аренду по договорамъ, возобновляемымъ чрезъ каждые 20 — 25 лѣтъ. Сущность такихъ договоровъ заключается въ томъ, что большая часть доходовъ поступаетъ въ казну, а меньшая— компаніи въ вознагражденіе за завѣдываніе казенною линіею и за отвѣтственность предъ судомъ за несчастные случаи и неисправности. Подробности вырабатываются первоначально конкуренціей контрагентовъ, а затѣмъ путемъ непосредственнаго опыта. За всякое улучшеніе желѣзной дороги компанія получаетъ вознагражденіе, если договоръ аренды не возобновленъ. *Въ пятыхъ*, установка тарифовъ вообще для частныхъ дорогъ свободная, ограничивается только тѣми постановленіями и тѣмъ правительственнымъ контролемъ, которые выработаны и примѣнены въ Соединенныхъ Штатахъ.

Съ перваго взгляда ни одна страна болѣе Соединенныхъ Штатовъ не представляетъ болѣе препятствій къ переходу частныхъ дорогъ въ казну. Правительство не выговаривало права факультативнаго выкупа. Срокъ концессій можетъ считаться неопредѣленно долгимъ. Сѣть въ 300.000 километровъ стоитъ свыше 50 милліардовъ франковъ.

Препятствія эти на самомъ дѣлѣ кажущіяся. Жертвы потребуются относительно небольшія. Затраты на выкупъ при раціональной постановкѣ дѣла будутъ мало обременительны даже для бюджетныхъ средствъ; онѣ окажутся ничтожными для государственнаго кредита Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ числа американскихъ желѣзныхъ дорогъ немногія даютъ большіе доходы. Нѣкоторыя же находятся въ затруднительномъ положеніи. Правительство не должно предлагать имъ немедленной продажи ихъ линіи. Слѣдуетъ только выговорить, (за извѣстное немедленно выплачиваемую субсидію въ пользу акціонеровъ) согласіе обществъ: 1) на передачу—линіи правительству чрезъ 30—35 лѣтъ и 2) усиленное погашеніе облигацій (для чего частью изъ правительственной субсидіи, частью изъ доходовъ эксплоатаціи могъ бы образоваться, безъ чувствительнаго обремененія кого бы то ни было, достаточный источникъ); 3) независимо отъ пособій, идущихъ прямо въ дивидендъ и на усиленіе погашенія облигацій, всѣ дальнѣйшія капитальныя улучшенія дороги производятся на счетъ правительства; 4) во всѣ новыя концессіи необходимо включить условіе о поступленіи дороги безплатно въ казну чрезъ 55, 60 или 65 лѣтъ.

Если въ теченіи 30 лѣтъ начиная съ перваго года XX вѣка Конгрессъ будетъ ежегодно ассигновывать на эти расходы частью изъ бюджетныхъ средствъ, частью изъ средствъ, добываемыхъ путемъ займовъ 120—150 милліоновъ долларовъ и если *эти большія суммы* будутъ расходуемы честно и осмотрительно, то при самомъ началѣ четвертаго десятилѣтія XX вѣка современная сѣть—300.000 километровъ—желѣзныхъ дорогъ стоимостью (въ то время) свыше 60 милліардовъ франковъ перейдетъ во владѣніе правительства Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ не *будетъ истрачено* въ общемъ и *десятой доли* дѣйствительной отоимости сѣти. Для государства 30—35 лѣтній срокъ довольно близокъ; для частныхъ владѣльцевъ (тѣмъ болѣе для анонимныхъ акціонеровъ) весьма далекъ, такъ что за умѣренныя но немедленныя, выгоды—любая кампанія уступитъ что угодно въ столь отдаленномъ для нея будущемъ. Чтобы

убѣдиться въ этомъ достаточно разсмотрѣть условія 35 лѣтнихъ арендъ на недвижимое имущество. Самое трудное—это самоотверженіе государственныхъ людей, которые должны будутъ работать исключительно для блага грядущихъ поколѣній и для славы своихъ отдаленныхъ преемниковъ. Злоупотребленія при предложенной системѣ возможны, но у Союза, противъ продажности, есть двѣ надежныхъ гарантіи—широкая гласность и большая власть Президента, лично всегда безупречнаго. Даже при значительныхъ злоупотребленіяхъ и ошибкахъ (часто послѣднія болѣе опасны, чѣмъ недобросовѣстность) система пріобрѣтенія права на владѣніе дороги въ будущемъ - путемъ немедленныхъ субсидій компаніямъ—неизбѣжно приведетъ, при широкихъ средствахъ Союза, къ желанному результату: поступленію въ казну всѣхъ или почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ.

Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ и нынѣшняя американская сѣть будетъ достояніемъ государства, а всѣ новыя дороги, хотя и будутъ строиться большей частью частными кампаніями, но будутъ поступать въ казну согласно своимъ концессіямъ,—тогда государственное хозяйство и частныя имущества, правительственные интересы и свобода—перестанутъ противоставляться другъ другу; «государственное вмѣшательство» (для котораго переходъ желѣзныхъ дорогъ въ казну служитъ, въ глазахъ современныхъ экономистовъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ) будетъ замѣненъ какимъ-либо другимъ, болѣе подходящимъ, терминомъ и, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ феноменовъ, индивидуализмъ и соціализмъ выльются быть можетъ въ такое ученіе, которое обниметъ лучшіе принципы того и другого.

ГЛАВА VIII.

Постоянное возрастаніе ренты сообщеній и слѣдствія этого экономическаго закона.

Причина, вслѣдствіе которой всѣ государства должны принять въ собственность желѣзныя дороги, заключается не въ мнимыхъ опасностяхъ свободнаго установленія провозной платы, не въ томъ вредѣ, который яко-бы представляютъ могущественныя желѣзнодорожныя компаніи для государственнаго суверенитета, не въ достоинствахъ непосредственной казенной эксплоатаціи, не въ тарифныхъ войнахъ и не въ надеждахъ, которыми преисполняются соціалисты всѣхъ оттѣнковъ, любуясь на расширеніе казеннаго хозяйства. Причина заключается въ естественномъ увеличеніи передвиженія и сношеній, въ постоянно возрастающемъ (хотя и подвергающемся временнымъ колебаніямъ) доходѣ отъ континентальныхъ путей сообщенія, въ естественной особой рентѣ, которую мы назовемъ рентой сообщенія (la rente de la communication, communication rent). Эта рента не можетъ создаться на морскихъ путяхъ и въ воздушномъ пространствѣ. Океаны, моря и воздухъ слишкомъ свободны. Узкіе же морскіе проливы, обращенные въ собственность, сразу даютъ ренту. Зундъ и Босфоръ освобождены лишь подъ давленіемъ международной силы. Устья рѣкъ: Шельды, Дуная, Рейна издавна служили предметомъ дохода. Самыя рѣки вездѣ и повсюду, подъ вліяніемъ возрастающаго передвиженія либо давали, либо были способны давать ренту въ пользу своихъ владѣльцевъ: ихъ доходъ въ точности соотвѣтствуетъ

прибыли, которая, по теоріи Рикардо, получаютъ владѣльцы земель болѣе плодородныхъ или лучше расположенныхъ. Если доходы этого рода не имѣли мѣста послѣ освобожденія устьевъ Шельды и теченія Рейна, то виною тому лишь политическія событія, международныя потребности и государственныя мѣры. Еще ни одно государство даже въ минуты тяжкихъ затрудненій, не пробовало *продавать* судоходныхъ рѣкъ. Каналы же (рѣчные) иногда составляютъ частную собственность. Изъ морскихъ каналовъ, сооруженныхъ на частный капиталъ и по частной иниціативѣ Суезскій каналъ долженъ давать возрастающій доходъ, пока не будетъ выкупленъ и предоставленъ свободному всеобщему пользованію. Въ Англіи, въ прошломъ вѣкѣ, цѣлая сѣть шоссе строилась частными компаніями, взимавшими плату съ людей и съ грузовъ. Эти дороги обогатили страну, но ихъ выкупъ явился большимъ благомъ. Желѣзныя дороги болѣе всѣхъ другихъ путей сообщенія представляютъ полосу земли, способную давать особаго вида ренту, весьма сходную съ рентой обработанной земли или городскихъ застроенныхъ участковъ и которая образуется вслѣдствіе непрерывнаго возрастанія передвиженій, увеличенія обмѣна внутренняго и международнаго, вслѣдствіе неудержимаго стремленія всемірнаго рынка къ единенію.

Чтобы выяснить дѣйствіе закона естественнаго возрастанія дохода на путяхъ сообщенія, въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ—мы сравнимъ условія этой ренты съ земельной рентой.

Теорія земельной ренты вышла изъ анализа условій земельной собственности въ дѣвственной странѣ съ рѣдкимъ еще населеніемъ. Въ такой странѣ повсюду имѣются хорошія, плодотворныя земли въ изобиліи *).

*) Traite c'Economie politique. T. I, 701—776. 1896 года.

Первоначально каждый земледѣлецъ занимаетъ безпрепятственно столько земли хорошей, сколько хочетъ. Но спустя нѣкоторое время, съ увеличеніемъ населенія, всѣ плодородные участки (по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые недалеко отъ рынковъ сбыта), разобраны и обращены въ собственность. Обработка этихъ земель не можетъ уже прокормить населенія. Новыя поколѣнія земледѣльцевъ находятъ уже только худшія земли, которыя даютъ меньшіе урожаи или же земли, хотя и плодоносныя, но болѣе отдаленныя и требующія слѣдовательно лишняго расхода на перевозку продуктовъ. Находясь въ такомъ невыгодномъ положеніи, нѣкоторые изъ земледѣльцевъ, лишенные лучшихъ и выгоднѣйшихъ земель, могутъ обратиться къ владѣльцамъ послѣднихъ, нанять ихъ участки и вносить имъ плату исключительно за лучшее качество или лучшее положеніе участка, помимо процентовъ на капиталъ, употребленный на улучшеніе, постройки, инвентарь и т. под. Эта плата за землю можетъ дойти до всей разницы между естественной производительностью хорошихъ земель и естественной производительностью тѣхъ плохихъ земель, которыя еще могутъ обрабатываться подъ давленіемъ увеличенія спроса на земледѣльческіе продукты. Положимъ лучшія земли даютъ 20 гектолитровъ пшеницы съ гектара и что, при той-же затратѣ и работѣ, наихудшія земли, которыя еще возможно обработывать безъ убытка (при данныхъ цѣнахъ на хлѣбъ) — даютъ только 10 гектолитровъ съ гектора. Ясно, что плата за пользованіе хорошей землей можетъ дойти до 10 гектолитровъ съ гектара. Эта плата и есть рента.

Рента является, какъ сказано и при земляхъ равнаго качества, но разнаго удаленія. Если разница въ расходахъ на перевозку отъ самыхъ отдаленныхъ земель, доступныхъ для обработки сравнительно съ близкими къ раіону участками, будетъ 5 мѣръ хлѣба, то

рента въ пользу владѣльцевъ болѣе близкихъ участковъ можетъ дойти до 5 мѣръ *).

Рента существуетъ и въ томъ случаѣ, если нѣтъ аренды земли, а самъ владѣлецъ получаетъ ее въ числѣ своихъ доходовъ, которые въ виду одинаковой цѣны на одномъ и томъ же рынкѣ увеличиваются соотвѣтственно естественному плодородію или выгодному мѣстонахожденію участка—при той же затратѣ капитала и труда.

Рента, т. е. доходъ отъ естественнаго преимущества земли, является и тамъ, гдѣ нѣтъ рѣчи о земледѣліи. Въ городахъ законъ Рикардо, вообще говоря, можетъ дѣйствовать съ особой очевидностью. Городскіе участки въ столицахъ и большихъ торговыхъ центрахъ доходятъ нерѣдко до 5—6 тысячъ франковъ за кв. метръ, иногда и выше. Если такіе участки сдаются въ наемъ, то получается соотвѣтственный ежегодный доходъ. «Въ городахъ весьма ясно видны разныя причины повышенія стоимости или доходности земли, согласно гипотезамъ Рикардо» **). Такъ напримѣръ, съ коммерческой точки, зрѣнія неравенство въ наймѣ участковъ городской земли представляетъ неравенство въ чистомъ доходѣ, который получился бы съ того же капитала и при такихъ же трудахъ съ лавки, открытой въ центральной части города, напримѣръ на площади Биржи въ Парижѣ, съ тѣмъ чистымъ доходомъ, который даетъ такая же лавка въ весьма отдаленномъ кварталѣ, напр. Neuilly или Levallois-Perret, или тѣмъ болѣе съ лавки, расположенной совершенно на окраинѣ столицы.

Ренту даютъ и тѣ городскія земли, которыя близки къ центрамъ развлеченія, къ моднымъ кварталамъ, къ

*) Тамъ же p. 711, 712, 713.

**) Id. p. 719.

хорошимъ прогулкамъ, къ паркамъ и садамъ, гдѣ меньше городской духоты и гдѣ городская знать не видитъ печальной жизни бѣдняковъ.

Ренту даютъ и такіе роды собственности, которыхъ преимущество въ какихъ-либо особыхъ естественныхъ богатствахъ или въ легко утилизируемыхъ силахъ природы. Таковы рудники и копи. «Стоимость водопада напримѣръ, можетъ быть вычислена какъ эквивалентъ сбереженія топлива для производства даннаго размѣра движущей силы,—сбереженія, изъ коего однако надо вычесть непремѣнно процентъ и погашеніе на капиталъ, нужный на приспособленіе водопада» *).

«Если-бы воздухъ, вода, давленіе атмосферы, говоритъ Рикардо, могли имѣть качества измѣнчивыя и ограниченныя; если бы ихъ можно было обратить въ собственность, всѣ эти силы природы и стихіи давали бы ренту» **).

Какъ ни обширны воззрѣнія на ренту у Рикардо и у Леруа-Болье (который для насъ важенъ тѣмъ, что является авторомъ послѣдняго полнаго трактата по политической экономіи), какъ ни обширны эти воззрѣнія и многообъемлющъ законъ, открытый англійскимъ экономистомъ, ни онъ, ни его французскій комментаторъ не обратили вниманія на одинъ своеобразный видъ ренты,—видъ, который во время Рикардо долженъ былъ имѣть важное гипотетическое, а для насъ не менѣе важное конкретное значеніе.

Въ обширныхъ латифундіяхъ могли заключаться цѣлыя озера и даже судоходныя рѣки. Первоначально, при рѣдкомъ населеніи и патріархальныхъ порядкахъ, владѣльцы имѣли въ виду лишь обработку и сдачу

*) Id. p. 721.
**) Id. p. 725.

въ аренду береговъ и рыбныхъ ловель. Но съ умноженіемъ населенія и увеличеніемъ раздѣленія труда—развивается передвиженіе. Водный путь, принадлежащій какому-либо магнату, сокращаетъ издержки перевозки. Магнатъ могъ бы брать ренту, равную разницѣ между цѣною сухопутной и водяной перевозки. Если бы даже законъ установилъ максимумъ платы, если бы владѣлецъ пути благоразумно удовольствовался умѣреннымъ доходомъ, чтобы оживить перевозку,—существованіе ренты несомнѣнно. Но подъ давленіемъ необходимости законодатель вездѣ объявилъ водный путь общественнымъ достояніемъ; по законамъ всѣхъ странъ, владѣльцы береговъ обязаны даже предоставлять извѣстную полосу берега для нуждъ судоходства. Но искусственные водяные пути, сооружаемые на частныя средства и при необходимомъ содѣйствіи правительства въ видѣ права экспропріаціи (каналы въ Англіи)—необходимо давали ренту. Право экспропріаціи отнимало возможность у владѣльцевъ земель, чрезъ которыя былъ проектированъ каналъ, требовать высокую ренту за свои участки. Въ сущности это право передано строителю пути, доходъ котораго составляется изъ процентовъ и погашенія на затраченный капиталъ, расходовъ по содержанію пути и *ренты* за ту *отчужденную въ его владѣніе землю*, которая по своему положенію оказалась пригодной для устройства улучшеннаго способа сообщенія, *съ постоянной склонностью къ возрастанію количества передвигаемыхъ грузовъ.*

Однородное явленіе имѣетъ мѣсто и при сооруженіи шоссе, при взиманіи сборовъ, дающихъ излишекъ сверхъ процентовъ на затраченный капиталъ. Этотъ излишекъ есть особый видъ ренты.

Съ возрастаніемъ передвиженія, желѣзныя дороги могутъ давать и по большей части дѣйствительно

дают (или будутъ давать) ренту еще большую, чѣмъ обыкновенныя дороги; рѣки, озера и каналы.

Первыя магистрали рельсовыхъ путей оказываются вообще и болѣе доходными. Послѣ соединенія главныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ и главныхъ портовъ—наступаетъ очередь менѣе важныхъ и уже менѣе доходныхъ линій, послѣ проведенія которыхъ доходъ магистралей еще болѣе возрастаетъ, ибо при развитіи промышленности и при болѣе густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, новые грузы,—не могутъ миновать главныхъ артерій и питаютъ ихъ. Наконецъ подъѣздные пути, сами представляющіе дешевое сооруженіе, слабо оборудованные для небольшого движенія,—даютъ по большей части небольшой доходъ, но обогащаютъ своей работой и второстепенныя линіи и главныя, старѣйшія и доходнѣйшія магистрали.

«Болѣе чѣмъ полвѣка,—говоритъ Леруа Больё,—теорія Рикардо и то, что называли слѣдствіями этой теоріи, безусловно господствовали въ наукѣ, особенно въ Англіи и въ Германіи.

Послѣ этого, даже въ этихъ странахъ, при свѣтѣ новыхъ фактовъ, которые Рикардо и Мальтусъ съ трудомъ могли предвидѣть и которые, наоборотъ, Стюартъ Милль могъ бы предусмотрѣть и понять (такъ какъ они начали совершаться въ его время)—но которые малая гибкость его ума помѣшала ему подмѣтить—теорія Рикардо подвергнута была болѣе близкому разсмотрѣнію съ менѣе суевѣрнымъ почтеніемъ; она подверглась большой опытной провѣркѣ: она нисколько не пострадала—отъ столь усиленной ея провѣрки и изученія—съ точки зрѣнія абстрактной истины; но

выработалось убѣжденіе, что частое проявленіе причинъ иного свойства и иного рода—привело къ тому, что и въ настоящее время, а быть можетъ и въ будущемъ—эта теорія примѣняется въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, чѣмъ думали прежде *).

Оговорившись такимъ образомъ, французскій экономистъ разбираетъ одну за другой причины увеличенія или уменьшенія земельной ренты. Съ своей стороны мы посмотримъ, какъ тѣ же положительные и отрицательные факторы вліяютъ на *ренту сообщеній.*

Стюартъ Милль, относительно дѣйствія закона земельной ренты, ставитъ три предположенія, которыя, по его мнѣнію, обнимаютъ всѣ возможные случаи.

Первая гипотеза Милля.

Населеніе увеличивается, капиталъ и агрономическія улучшенія и вообще система земледѣлія остаются постоянными. Рента земельная должна при этомъ возрасти.

Само собою разумѣется, что при этой гипотезѣ—*рента сообщеній* также должна возрасти, ибо сумма передвиженій въ культурномъ обществѣ съ увеличеніемъ населенія всегда растетъ, какъ можно заключить à priori и какъ оказывается изъ опыта; передвиженіе растетъ не просто пропорціонально увеличенію населенія, а пропорціонально квадрату или еще высшей его степени, т. е. населеніе, удвоенное въ числѣ, даетъ въ четверо или болѣе перевозокъ и переѣздовъ.

Вторая гипотеза Милля.

Населеніе не увеличивается, агрономія не развивается, но капиталъ возрастаетъ. Земельная рента должна возрастать, говоритъ Милль, такъ какъ спросъ на земледѣльческіе продукты возрастаетъ, и возникаетъ желаніе имѣть продукты лучшаго качества; отдѣляютъ

*) Id. p. 706.

болѣе земель для разныхъ потребностей роскоши (на парки, на сады, для охоты и т. под.).

Леруа Болье считаетъ такое заключеніе относительно земельной ренты слишкомъ рѣшительнымъ и всеобъемлющимъ.

Для *ренты сообщеній никакихъ сомнѣній, ограниченій* и *исключеній быть не можетъ.*

Въ самомъ дѣлѣ большаго потребленія и большаго разнообразія въ продуктахъ достаточно, чтобы при той же цифрѣ населенія, *доходность путей сообщенія* возрасла.

Третья гипотеза Милля.

Населеніе и капиталъ не увеличиваются, но земледѣліе дѣлаетъ большіе успѣхи. Во этомъ случаѣ, по Миллю, рента должна падать, ибо предложеніе продуктовъ возрастаетъ, тогда какъ спросъ не увеличивается. Очевидно, что такое заключеніе, правильное для земельной ренты, недопустимо вовсе для ренты сообщеній; при возрастаніи суммы производства и паденіи цѣнъ, доходъ землевладѣльцевъ можетъ упасть; доходъ же желѣзнодорожной компаніи возрастетъ.

На основаніи своихъ гипотезъ Милль заключаетъ, что земельная рента имѣетъ наклонность вездѣ и повсемѣстно возрастать. Это возрастаніе можетъ быть ненадолго прервано какимъ либо успѣхомъ знаній, относящихся къ культурѣ, или уменьшеніемъ издержекъ перевозки, изъ далекихъ или бѣдныхъ странъ. Періоды пріостановки во вздорожаніи земли будутъ, какъ думаетъ Милль, короткіе. Успѣхи земледѣлія не могутъ быть столь постоянны, какъ въ обрабатывающей промышленности. А новыя страны населятся и будутъ потреблять сами свой излишекъ пищевыхъ продуктовъ и разныхъ произведеній земли *).

*) Id. p. 737.

Оставляя въ сторонѣ упреки, которые Леруа-Болье дѣлаетъ Миллю за невниманіе къ фактамъ, чрезвычайно удлинившимъ вышеприведенные періоды удешевленія ренты, замѣтимъ, что причины, *понижающія* (на тотъ или иной срокъ) земельную ренту *повышаютъ* ренту сообщеній. Открытіе новыхъ странъ, снабжающихъ дешевыми продуктами Старый Свѣтъ—ведетъ къ чрезвычайному увеличенію движенія по океанамъ, внутреннимъ морямъ, каналамъ и рѣкамъ, шоссе и желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ послѣднія даютъ наиболѣе быстро возрастающую ренту.

Въ своихъ послѣднихъ трудахъ Милль рѣшительно настаиваетъ, что земля, только одна земля, возрастаетъ въ цѣнѣ постоянно.

«Пусть укажутъ мнѣ—говоритъ Милль, какой либо родъ собственности, не связанный съ землею и достаточно значительный, чтобы его слѣдовало принимать въ разсчетъ, который стремится постоянно къ вздорожанію, безъ того, чтобы владѣльцы что-нибудь дѣлали для повышенія стоимости. Напротивъ: другой родъ собственности, который даетъ доходъ—капиталъ, вмѣсто возрастанія въ стоимости, на самомъ дѣлѣ падаетъ, когда нація прогрессируетъ. Одна земля—примемъ это названіе какъ общее наименованіе для всякаго земельнаго имущества—имѣетъ преимущество возрастать постоянно въ стоимости по естественнымъ причинамъ; и причина этому заключается въ томъ, что количество земли строго ограничено; предложеніе не увеличивается и не можетъ уравновѣсить постоянное возрастаніе спроса».

Въ другомъ мѣстѣ Милль говоритъ: «Вообще развитіе націи, богатство которой увеличивается, создаетъ во всякое время стремленіе къ повышенію дохода собственниковъ земли и даетъ имъ разомъ и большій доходъ и большую часть національнаго достоянія, не-

зависимо отъ всякой заботы и всякаго расхода съ ихъ стороны. Они дѣлаются богатыми, такъ сказать, во снѣ, не работая, не рискуя, не сберегая»...

Насколько преувеличенными оказались, въ послѣднюю четверть XIX вѣка, такія представленія Милля о ростѣ земельной ренты—едва ли есть надобность говорить. Но *подставляя* вмѣсто земельной ренты—ренту съ земель, занятыхъ рельсовыми путями и каналами—изъ схемы Милля нельзя исключить *ни одного слова.*

Въ самомъ дѣлѣ, всякая нація, гдѣ богатство накапливается, должна съ чрезвычайной энергіей развивать внутренній и внѣшній обмѣнъ: *передвиженіе растетъ постоянно.* Чѣмъ больше развивается желѣзнодорожная сѣть, тѣмъ болѣе она даетъ грузовъ не только абсолютно, но и относительно. Вновь построенныя линіи являются всегда лишь временными конкуррентами для дорогъ болѣе старыхъ. Желѣзнодорожные узлы, вновь образовавшіеся, совпадаютъ съ большими городами, а въ нѣкоторыхъ узловыхъ точкахъ возникаютъ *новыя* скопленія населенія. Естественный и неудержимый ростъ доходовъ, подвергаясь конечно извѣстнымъ колебаніямъ, имѣетъ постоянную тенденцію къ возрастанію.

Въ концѣ концовъ владѣльцы узкихъ полосъ земли, гдѣ протянута рельсовая колея, могутъ, если пожелаютъ, избавиться отъ всякаго риска и заботъ и тѣмъ не менѣе непрерывно богатѣть. Они всегда могутъ найти арендаторовъ, болѣе надежныхъ, чѣмъ фермеры у лендлордовъ. Арендаторы будутъ нести весь трудъ, будутъ постоянно улучшать линію, увеличивать инвентарь и все время платить львиную долю дохода владѣльцамъ. Продолжительное пониженіе доходности, убыточныя колебанія—для земельной ренты составляющія почти общее правило,—для Communication rent,—представляютъ исключеніе.

Милль, писавшій въ сороковыхъ годахъ, ссылаясь на примѣръ восточныхъ странъ, гдѣ государство есть единственный землевладѣлецъ („the stat is a the sole landlord“) полагаетъ справедливымъ, чтобы въ цивилизованныхъ странахъ государство взяло въ свою пользу излишекъ ренты, который онъ называетъ незаслуженнымъ повышеніемъ стоимости (plus-value immeritée, *inearned increment*). Даже это указаніе на восточныя деспотіи, общій строй которыхъ и аграрные порядки представляютъ сомнительный примѣръ для Англіи, обращается въ подтвержденіе нашего ученія *о рентѣ сообщеній*. Страна, гдѣ количество казенныхъ линій увеличивается, можетъ многому научить сосѣднія націи. Будетъ что то отталкивающее, если Англія, слушая хотя бы такихъ экономистовъ, какъ Милль и его послѣдователи, позаимствуетъ земельные законы у Турціи. Но ничего удивительнаго или страшнаго нельзя найти въ томъ, что въ концессіонныя условія будетъ введенъ коррективъ, основанный между прочимъ на опытѣ Бельгіи, Германіи, Россіи, Италіи, Швеціи.

Генри Джорджъ, писавшій тридцать лѣтъ послѣ Милля, необходимость обращенія земельной ренты въ пользу казны основывалъ на томъ, что весь прогрессъ общества, всѣ успѣхи науки, *всякая лишняя линія желѣзной дороги*, повышаетъ незаслуженно стоимость земли; даже помимо возрастанія населенія, всякое улучшеніе въ методахъ обработкѣ и производствѣ повышаетъ ренту (irrespective of the population, the effects of improvements in methods of production and exchauge is to increase rent).

Вставимъ предъ послѣднимъ словомъ rent слово Communication или Railway,—и вся аргументація Леруа-Болье и другихъ экономистовъ противъ разсужденія Джорджа разомъ падаетъ; а всѣ факты, случившіеся

послѣ 1881 года (когда появился Progress and Poverty), оказались бы въ пользу выводовъ его автора.

Пресловутый земельный налогъ Генри Джорджа impot unique—по его заявленію, заимствованный у физіократовъ (и въ принципѣ сходный съ предложеніемъ Милля) никоимъ образомъ не могъ бы помимо другихъ недостатковъ и несправедливости—пополнить государственное казначейство. Наоборотъ поглощеніе казною чистыхъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ того какъ ихъ сооруженіе будетъ погашено и предприниматели широко вознаграждены, не только ничего не заключаетъ несправедливаго, но по истинѣ представляетъ для будущности государства надежнѣйшую финансовую систему, гдѣ пошлины, акцизы и большинство налоговъ будутъ ненужны.

При войнахъ не слишкомъ частыхъ, долгихъ и разорительныхъ, приростъ свободныхъ капиталовъ можетъ идти весьма быстро, какъ то и было до послѣдняго времени, а промышленность не всегда успѣвала поглощать свободный капиталъ. Наглядным доказательствомъ удешевленія капитала служитъ, какъ извѣстно, уменьшеніе процента, по которымъ совершались публичные займы въ кредитоспособныхъ государствахъ.

Съ перваго взгляда видно, что доходность путей сообщенія вслѣдствіе пониженія процента—независимо отъ ея вліянія на земляную ренту—должна сильно повыситься; дешевизна капитала даетъ могущественный импульсъ всей промышленности; передвиженія всякаго рода и обмѣнъ сильно увеличиваются.

Въ городахъ, гдѣ законъ Рикардо дѣйствовалъ по большей части съ большей интенсивностью, въ послѣднее время появились разныя противодѣйствующія вліянія. Улучшеніе путей сообщенія повело къ тому, что населеніе стало предпочитать жить на окраинахъ города,

гдѣ стоимость земли нѣсколько поднялась, а въ центрѣ города упала. Въ Парижѣ эта перемѣна давно уже замѣчена. Очевидно, что паденіе цѣнности земли, застроенной городскими строеніями, могло проявиться не иначе, какъ рядомъ съ чрезвычайнымъ развитіемъ движенія на городскихъ и пригородныхъ желѣзныхъ дорогахъ, т. е. рядомъ съ увеличеніемъ ихъ доходности.

Заключенія величайшей важности вытекаютъ изъ приведенныхъ данныхъ. Всѣ причины, ведущія къ возрастанію земельной ренты, увеличиваютъ и ренту сообщеній. Всѣ причины, обусловливающія паденіе земельной ренты, оказываютъ на ренту сообщеній обратное дѣйствіе, т. е. увеличиваютъ ее. Всѣ возраженія, которыя встрѣчаетъ законъ Рикардо, не примѣняются къ *закону ренты сообщеній*. Если бы количество плодоносной земли удвоилось на нашей планетѣ, вслѣдствіе какого либо переворота, если бы полярные льды растаяли, если бы изъ водъ Атлантиды выросъ новый материкъ, и если-бы въ то же время приростъ населенія замедлился, ученіе о земельной рентѣ осталось бы абстрактной теоріей, имѣющей лишь историческое значеніе. Рента же сообщеній продолжала бы расти. Открытіе для культуры обширнѣйшихъ экзотическихъ странъ и объединеніе всемірнаго рынка произвели измѣненія гораздо большія, чѣмъ появленіе новыхъ материковъ, а подавляющіе факты показываютъ непрерывное увеличеніе передвиженія, и абсолютное и относительное.

Сомнительно даже, чтобы усовершенствованіе воздухоплаванія могло повліять на законъ ренты сообщеній. Если суждено сбыться грезамъ о свободномъ движеніи по воздуху, то этотъ родъ передвиженія на-

вѣрное всегда останется весьма дорогимъ въ сравненіи съ пароходами, вагонами, повозкой. Надо помнить, что желѣзныя дороги не уменьшили важности рѣкъ и каналовъ и увеличили число шоссейныхъ путей. Точно также и воздушные корабли или летательные аппараты отдаленнаго грядущаго создадутъ и удовлетворятъ новый родъ потребностей. Экономическими послѣдствіями завоеванія четвертой стихіи явится не паденіе Communication rent, а очевидная невозможность всѣхъ пограничныхъ стѣсненій, закрытыхъ границъ. Но мы надѣемся, что раньше столь трудной и великой побѣды, которая предстоитъ человѣчеству, будетъ одержана побѣда надъ предразсудками, косностью и ложными ученіями, ставящими преграды трудовому единенію культурныхъ націй.

Ростъ ренты сообщеній не представляетъ математической прогрессіи. Соціальныя перемѣны и экономическіе феномены никогда не укладываются въ точныя формулы. Колебанія въ развитіи передвиженія бываютъ. Но разсмотрите данныя о количествѣ людей и товаровъ на всѣхъ международныхъ и внутреннихъ путяхъ за два десятка лѣтъ, не больше; всѣ сомнѣнія тогда устраняются. Вслѣдствіе конкурренціи новыхъ путей, отдѣльныя линіи сообщеній показываютъ уменьшеніе дохода на нѣсколько лѣтъ. За рѣдкими исключеніями скоро все возмѣщается и наступательное движеніе доходности воспринимаетъ свою силу. Если же разсмотрѣть цѣлую *сѣть* дорогъ, даже какой либо особый *районъ*, обслуживаемый законченной системой путей, то колебанія уравниваются. Для сужденія о постоянно возрастающемъ приливѣ грузовъ довольно уже не двухъ, а одного десятилѣтія. Не слѣдуетъ только смѣшивать возрастанія ренты сообщеній съ сложными и случайными коммерческими комбинаціями, отъ которыхъ колеблется прибыль большихъ предпріятій. Таково, напр.

«разводненіе« (Watering) капитала въ Америкѣ со всѣми его послѣдствіями. Таковы искусственныя отношенія къ государству во Франціи, Италіи, Испаніи и Россіи: система обоюдныхъ субвенцій и льготъ, уродующая здравыя нормы концессій. Таково во всѣхъ странахъ безастановочное строительство, которому предаются охотно большинство компаній, строительство, не позволяющее произвести учетъ дѣйствительной доходности. Построеніе стретегическихъ линій, кѣмъ бы не производилось, также вноситъ путаницу въ сужденіяхъ.

Доказанный выше законъ ренты сообщеній требуетъ прежде всего, чтобы всѣ рѣчныя естественныя сообщенія принадлежали правительству; эти пути есть общее достояніе народа. Обыкновенныя дороги и мосты уже скорѣе, какъ показалъ, между прочимъ, опытъ Англіи въ XVIII вѣкѣ, могутъ быть выстроены и содержимы компаніями или лицами со взиманіемъ сбора съ грузовъ, т. е. ренты. Но такія взиманія сами по себѣ какъ бы не были умѣренны — слишкомъ стѣснительны для народнаго хозяйства и сама казна должна отъ нихъ отказаться. А законъ ренты сообщеній при густомъ населеніи проявился бы съ чрезвычайной интенсивностью болѣе всего на шоссейныхъ путяхъ (подходящихъ къ самому порогу домовъ). Это свойство обыкновенныхъ дорогъ приводитъ къ тому, что въ наше время лучше отсрочить постройку шоссе, чѣмъ отдавать ихъ въ частныя руки.

Искусственные водяные пути, т. е. каналы послѣ изобрѣтенія паровоза, оказываются выгодными (дополняя и смыкая естественныя морскія и рѣчныя сообщенія), т. е. могутъ замѣнить рельсовый путь лишь въ исключительныхъ мѣстностяхъ... Правительство, вообще

само можетъ строить каналы, если топографія страны и ея рѣки точно изучены. Однако и для каналовъ прорытіе Суезскаго перешейка, встрѣчавшее долгую и упорную оффиціальную оппозицію, служитъ спасительнымъ предостереженіемъ, показывая разницу между личной энергіей и настойчивостью и административной косностью. Будетъ весьма благодѣтельно, какъ мы уже говорили, если Суезскій каналъ будетъ выкупленъ у частной компаніи, пользующейся въ невиданномъ размѣрѣ *рентой сообщеній*. Но благодѣтельность выкупа вовсе не доказываетъ необходимость правительственнаго сооруженія. Зундская пошлина всегда представляла и неудобства, и несправедливость. Доходы же Суеца покуда справедливое вознагражденіе за затраты и рискъ. Незаслуженной или слишкомъ убыточной эта рента явится въ будущемъ, когда міровое предпріятіе перейдетъ за обычные предѣлы долгосрочныхъ арендъ и концессій, т. е. примѣрно къ концу первой четверти двадцатаго вѣка. Хорошо было бы, если бы морскія державы теперь же достигли соглашенія съ акціонерами, посредствомъ выдачи извѣстной преміи на акціи, для приближенія срока выкупа канала.

Какъ ни ясно дѣйствіе закона ренты, связанной притомъ съ концессіонной экспропріаціей, нельзя упускать изъ виду, что для возникновенія сѣти рельсовыхъ путей нужно слишкомъ много капитала и слишкомъ много личнаго почина, чтобы ихъ сооруженіе стало монополіей государства. Соединенные Штаты не были бы покрыты конечно и пятой частью своихъ желѣзныхъ дорогъ, если бы казенная постройка преобладала. Незамѣнимость частной иниціативы, цѣлесообразность частнаго пользованія въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, а затѣмъ непремѣнное поступленіе въ собственность государства—для желѣзныхъ дорогъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, представляется аналогичнымъ литер

собственности, возникновеніе, пользованіе и прекращеніе которой въ принципѣ довольно сходно во всѣхъ законодательствахъ *). Съ чисто экономической точки зрѣнія доходная конъюнктура на экспропріированной полосѣ является, вообще говоря, лишь процентами и погашеніемъ капитала, затраченнаго на устройство линіи. Было бы совершенно неправильнымъ требовать погашенія капитала въ очень короткій срокъ, т. е. очень большаго ежегоднаго отчисленія съ дохода. При умѣренныхъ отчисленіяхъ, естественный срокъ концессіи, на который слѣдуетъ уступить отчужденную полосу для временной ренты сообщеній опредѣляется отъ 50 до 70 лѣтъ. Въ теченіи этого срока доходы желѣзныхъ дорогъ есть справедливое вознагражденіе за созданіе новаго фактора народнаго богатства. Сокращеніе такого срока должно производиться путемъ субсидій и выкупа.

Всякаго рода большія общественныя работы оказываютъ конечно значительное вліяніе на производство страны и нѣкоторыя изъ нихъ не менѣе, если, не болѣе, важны, чѣмъ пути сообщенія. Съ другими связана самая возможность существованія. Морскія плотины Нидерландовъ и искусственное орошеніе во мно-

---

*) Эту аналогію мы указываемъ лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы показать, что за извѣстныя моральныя усилія, способность и успѣхъ общество платитъ дань въ теченіи полувѣка или нѣсколько больше. Вѣчная же литературная собственность явилась бы напротивъ невыносимымъ налогомъ и несправедливостью. Тоже можно сказать отчасти и относительно собственности *на изобрѣтенія*. Вознагражденіе литераторовъ, художниковъ, ученыхъ и изобрѣтателей преміями, субвенціями, съ отмѣною литературной и художественной собственности, а также привилегій устранило бы конечно много несправедливостей, но имѣло бы пагубные результаты, подорвавъ интересъ къ проявленію дарованій. Желѣзнодорожные иниціаторы и грюндеры близко стоятъ, если не къ изобрѣтателямъ, то къ держателямъ технических привиллегій.

гихъ южныхъ странахъ представляютъ въ полномъ смыслѣ слова жизненныя условія. Лѣсохраненіе и лѣсонасажденіе предохраняютъ земледѣліе отъ недородовъ на обширнѣйшихъ территоріяхъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о наилучшей организаціи всѣхъ государственныхъ работъ, кромѣ путей сообщенія и преимущественно желѣзныхъ дорогъ, мы должны поставить внѣ предѣловъ нашего труда, такъ какъ пути сообщенія вліяютъ на производство непосредственно, а всѣ другія работы косвенно. Только пути сообщенія, въ видѣ стоимости перевозки входятъ въ математическое уравненіе,—гдѣ другія величины, суть стоимость производства, таможенныя пошлины и продажная цѣна. Наконецъ только желѣзныя дороги изъ всѣхъ государственныхъ работъ и изъ всѣхъ путей сообщенія, представляютъ чрезвычайно быстро дѣйствующій и доступный любой странѣ факторъ подъема производства,—факторъ положительный, наглядно перевѣшивающій отрицательное вліяніе пограничнаго обложенія.

ГЛАВА IX.

Свободная торговля и желѣзныя дороги въ Англіи. Тарифы и казенное хозяйство въ Германіи.

Противъ англійской свободной торговли приводится странный аргументъ. Говорятъ, что ростъ англійскаго богатства, несомнѣнно проявившійся послѣ отмѣны большинства пошлинъ, въ значительной степени долженъ быть приписанъ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти.

На самомъ дѣлѣ такое указаніе должно подрывать всего болѣе систему отрицательнаго протекціонизма. Страна разбогатѣла. Покровительственныхъ пошлинъ не было, но строилось много рельсовыхъ путей, густой сѣтью покрывшихъ всѣ графства. Слѣдовательно есть положительные факторы при современномъ состояніи знаній и культуры, который оказываетъ могущественное воздѣйствіе на ростъ промышленности и однимъ изъ такихъ факторовъ, не нуждающихся въ содѣйствіи таможень—являются желѣзныя дороги.

При выдачѣ первыхъ концессій въ Англіи въ пятилѣтіе 1830—1835 г.г. «парламентскія издержки» иногда доходили до 8.000 фунтовъ стерлинговъ на милю. Не только не было правительственной помощи или гарантіи, но необходимое право экспропріаціи доставалось неимовѣрно дорого. Въ Ирландіи только—желѣзныя дороги пользовались значительной финансовой помощью правительства; въ Англіи и Шотландіи всѣ 30.000 километровъ выстроены на частные капи-

талы, на собственный страхъ и рискъ частныхъ кампаній. Здѣсь не было казенныхъ земель, которыя могло бы предложить правительство какъ въ Америкѣ. Быстрое созданіе доходности обезпечивалось густымъ населеніемъ и богатствомъ страны. Благодаря паровозу, Чикаго выросъ изъ маленькой деревни. Бирмингамъ, Манчестеръ и Глазго были богаты еще до рожденія Стефенсона. Такъ или иначе Британская метрополія, какъ и Соединенные Штаты, получила свою сѣть безъ затраты хотя бы одного шиллинга по государственному бюджету и не прибавивъ ни одной строки въ государственной долговой книгѣ.

Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Гладстона выработала въ 1844 году рядъ мѣръ, ставшихъ закономъ въ томъ же году. Главныя постановленія заключались: во-первыхъ, въ предоставленіи правительству права установлять новые провозные тарифы, если чрезъ 21 годъ послѣ открытія движенія частный доходъ превзойдетъ 10%; во-вторыхъ, въ правѣ выкупа также чрезъ 21 годъ, при чемъ выкупная сумма опредѣлялась либо капитализаціей изъ 40% средняго дохода за три года, либо рѣшалась третейскимъ судомъ.

Къ исполненію перваго постановленія прибѣгнуть не пришлось, такъ какъ конкурренція между дорогами для пониженія провозной платы оказалась дѣйствительнѣе.

Вопросъ о выкупѣ дорогъ въ 1865 году вызвалъ изслѣдованіе вопроса, но дороги метрополіи остались въ частныхъ рукахъ. Истиннымъ, хотя не вполнѣ высказаннымъ, препятствіемъ для выкупа явились: а) нежеланіе увеличивать государственный долгъ, б) недовѣріе къ казенному хозяйству и в) агитація соціалистовъ, побѣдные крики которыхъ раздались весьма громко и возбудили тревогу.

Въ 1815 году англійскій долгъ достигъ 861.039.049 фунтовъ стерлинговъ. Даже въ наше время такой итогъ—около двадцати одного съ половиною милліарда франковъ—громаденъ и для богатой страны. Въ то время онъ казался подавляющимъ. Одно поколѣніе государственныхъ людей за другимъ прилагало всѣ усилія облегчить тяжесть, лежавшую на странѣ, которая видѣла въ своихъ бюджетахъ, послѣ второго парижскаго мира – 32.000.000 фунтовъ стерлинговъ на проценты и погашеніе (въ 1815 году—32.645.618 фунтовъ стерлинговъ).

Въ теченіи полувѣка—къ 1865 году, не смотря на Крымскую войну и заокеанскія экспедиціи—долгъ уменьшился до 749.000.000 фунтовъ стерлинговъ, а проценты и погашеніе требовали лишь 27.000.000 фунтовъ стерлинговъ.

Еслибы согласно закону 1845 года выкупъ большинства дорогъ послѣдовалъ въ 1866 году, то потребовался бы новый заемъ свыше 700.000.000 фунтовъ стерлинговъ *), т. е. необходимо было бы почти удвоить цифру государственнаго долга. Увеличеніе долга компенсировалось бы новой большой статьей доходовъ, но финансовый переворотъ и новые займы такого размѣра смущали многихъ.

Въ парламентной коммиссіи 1872 года captaine Tyler высказалъ: „въ концѣ концовъ вся страна будетъ находиться въ рукахъ немногихъ обществъ, которыя въ свою очередь соединятся, и тогда явится желѣзнодо-

*) До 1870 года только въ Англіи и Валлисѣ было открыто 12.000 милл. Затраченный капиталъ на 13.715 миль англійскихъ и шотландскихъ дорогъ былъ болѣе 626.000.000. Мы полагаемъ, что наша цифра 700 милліоновъ для выкупа хотя бы 11.000 миль, при капиталиціи доходовъ изъ 4%, еще ниже дѣйствительной.

рожная монополія для всей страны и возникнетъ вопросъ: должно ли государство управлять желѣзными дорогами или наоборотъ, желѣзныя дороги государствомъ?“

Въ наши дни надо думать подобныя опасенія улеглись. При наступленіи двадцатаго вѣка выкупъ желѣзныхъ дорогъ можетъ разсматриваться хладнокровно. Рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу обращенія желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства долженъ быть признанъ не спекуляція, не приближеніе къ соціализму, не стремленіе къ явному государственному вмѣшательству, не опасеніе монополіи, а *возвышеніе*, въ силу экономическаго непреложнаго закона доходности рельсовыхъ магистральныхъ линій. Доходы англійскихъ дорогъ подвергались, конечно, колебаніямъ. Въ 1840—1845 годахъ дивидендъ въ 15% былъ обычнымъ явленіемъ. Въ 1847 году онъ падалъ нерѣдко до 13% и ниже подъ вліяніемъ конкурренціи новыхъ линій и временныхъ кризисовъ. Никто, однако, не усумнится въ томъ, что въ 1925, 1930 годахъ, доходность линій, существующихъ въ 1900 году должна возрасти и обнаружить стремленіе къ дальнѣйшему повышенію.

Основы финансоваго плана по выкупу должны быть тѣ же, что и для Америки. Благодаря долгамъ и военнымъ расходамъ, англійскій фискъ менѣе изобилуетъ свободными рессурсами, чѣмъ американскій; за то дорогъ потребуется выкупить въ десять разъ меньше. Хотя относительная стоимость англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ среднемъ по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе американскихъ, но дѣйствительная и возможная доходность почти равна. Мы думаемъ, что ассигнованіе въ теченіе 25—30 лѣтъ—6—7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ распоряженіе Board of Trade также какъ въ Америкѣ, доставило бы достаточныя средства, для достиженія весьма выгодныхъ условій перехода дорогъ

въ казну путемъ щедрыхъ, но благовременныхъ субвенцій компаніямъ. На эти средства (добываемыя частью займами, частью изъ бюджета) малодоходныя линіи могутъ быть несомнѣнно выкуплены немедленно. Доходнымъ линіямъ должны быть предложены вознагражденіе за измѣненіе условій концессій, въ смыслѣ согласія на передачу линій правительству въ менѣе отдаленный срокъ и на усиленіе изъ валовыхъ доходовъ погашенія облигацій. Затраченный капиталъ на всѣ дороги Соед. Королевствъ въ 1889 году (приблизительно):

Акціонерный	326.200.000	фун. ст.
Гарантированныйилипользующійся преимуществомъ . .	327.400.000	„ „
Займы и текущіе долги	222.900.000	„ „

Чистый доходъ англійскихъ дорогъ поднялся съ 27.445.600 фунт. стерлинговъ въ 1876 году—(средн. 4,17%) до 31.000.000 фун. ст. въ 1886—(3.80%) и до 35.140.000 фун. ст. въ 1889—(4,01%). За исключеніемъ Ирландскихъ линій (построенныхъ на особыхъ условіяхъ, при финансовомъ участіи правительства) и линій малодоходныхъ (выкупъ которыхъ не представитъ замѣтныхъ жертвъ), и имѣя въ виду, что линіи, открытыя къ 1890 году, представляютъ всѣ важнѣйшія артеріи государства,—финансовый планъ будетъ касаться *имущества* (находящагося въ разныхъ рукахъ) съ колеблющимся *итогомъ доходовъ до 20.000.000* фунтовъ стерлинговъ. Наличные ежегодные рессурсы въ рукахъ Board of Trade до 5.000.000 *), въ теченіе 30 лѣтъ будутъ достаточны для постепеннаго *приближенія срока* безплатнаго обращенія дорогъ въ собственность правительства. Такая политика уладитъ вопросъ мир-

*) Отъ 1.000.000 до 2.000.000 ежегодно можно отдѣлять на расходы по выкупу малодоходныхъ линій.

нымъ и безобиднымъ путемъ; компаніи избавятся отъ внезапнаго насильственнаго выкупа по закону 1845 г.

Въ результатѣ раньше 1950 года англійское правительство съ долгомъ не болѣе 750.000.000 *) будетъ владѣть сѣтью, которая дастъ активъ, превосходящій весь итогъ государственнаго долга. Если при этомъ, при выдачѣ концессій на новыя линіи, будутъ приняты сроки не болѣе 50 лѣтъ, съ правомъ выкупа чрезъ 20—25 лѣтъ, то рента сообщеній будетъ всегда общественнымъ достояніемъ на желѣзныхъ дорогахъ также, какъ на каналахъ и на шоссе.

Англійская администрація владѣетъ уже нѣкоторымъ навыкомъ въ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, благодаря казеннымъ линіямъ въ Индіи. Тамъ уже сданы въ аренду три большія дороги (Бенгалъ-Нипуръ, Индѣйская—Срединная и Южно-Мадрасская). Поэтому и въ метрополіи нечего опасаться временнаго казеннаго хозяйства на линіяхъ,—впредь до того времени, когда будутъ пріисканы солидныя и надежныя фирмы, которымъ можно отдать въ аренду выкупленныя дороги, на выгодныхъ для фиска условіяхъ. Для приведенія предложеннаго финансоваго плана Англія, кромѣ богатства, обладаетъ искусстной и абсолютно добросовѣстной высшей администраціей, находящейся подъ бдительнымъ контролемъ парламента и прессы.

Совершенную противоположность Соединенныхъ Штатовъ и Англіи представляетъ Германія. Разсмотрѣнія желѣзнодорожной политики этихъ трехъ госу-

*) Въ 1895 году долгъ былъ 658.000.000. Изложенныя финансовыя операціи въ тридцать лѣтъ не дадутъ увеличенія больше 100.000.000 фунт. стерл., считая что половина ежегодно ассиг. будетъ взята изъ бюджета.

дарствъ достаточно, чтобы опредѣлить способы и послѣдствія обращенія ренты сообщеній въ собственность государства во всѣхъ странахъ... Желѣзнодорожная политика въ Германіи всегда имѣла стремленіе къ казенной постройкѣ и къ казенной эксплоатаціи. А съ 1880 года дѣлаются рѣшительные шаги, чтобы обратить почти всѣ линіи въ собственность союзныхъ правительствъ (Пруссія, Баварія, Саксонія, Вюртенбергъ, Баденъ и Гессенъ). Ходъ выкупа прусскихъ дорогъ съ 1880 по 1886 г.г., въ связи съ постройкою новыхъ линій, видѣнъ изъ слѣдующей таблицы:

	Казенныя жел. дор.	Частныя жел дор. Въ казенномъ завѣдываніи.	Частныя жел дор. Въ частномъ завѣдываніи.
	Въ километрахъ.		
1860 года.	2.524	1.244	3.002
1870 »	3.365	1.846	5.707
1875 »	4.398	2.710	9.060
1876 »	4.753	2,895	9.131
1877 »	4.946	3.694	8.733
1878 »	5.552	3.727	8.905
1879 »	6.297	3.781	9.223
1880 »	11.234	3.551	4.883
1881 »	11.343	3.575	5.119
1882 »	14.562	—	—
1883 »	15.737	—	—
1884—1885	19.538	342	1.842
1885—1886	19.962	342	1.897

Всѣ германскія государства слѣдовали примѣру Пруссіи и къ 1894 году желѣзныя дороги Имперіи распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Километровъ по 1 мая 1894 года.

	Правительственныя жел. дор.		Частныя желѣзныя дороги.				Итого.
			Въ завѣдываніи казны.		Въ завѣдываніи обществъ.		
	Всего.	Изъ нихъ мѣстнаго значенія.	Всего.	Изъ нихъ мѣстнаго значенія.	Всего.	Изъ нихъ мѣстнаго значенія.	
Пруссія . . .	26.177	7.532	70	52	1.698	1.028	27.945
Баварія	5.076	1.106	18	18	880	300	5.974
Саксонія	2.700	955	66	40	—	—	2.77
Вюртембергъ	1.703	157	—	—	31	31	1,734
Баденъ	1.402	160	71	42	150	150	1.623
Гессенъ	271	46	—	—	762	79	1.033
Мекленбургъ-Шверинъ. .	897	409	71	71	3	3	971
Мекленбургъ-Стрелицъ .	—	—	—	—	85	85	85
Саксенъ-Веймаръ . . .	76	76		—	224	30	300
Ольденбургъ	335	56	41	41	40	8	416
Ангольтъ	—	—	—	—	41	41	41
Брауншвейгъ	—	—	—	—	137	137	137
Саксенъ-Мейнингенъ . .	87	66	—		217	54	304
Саксенъ-Ольденбургъ .	25	25	—	—	8	8	33
Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ.	—	—	—		33	33	33
Гамбургъ.	7	2	—	—	—	—	7
Бременъ	2	—	—	—	—	—	2
Эльзасъ-Лотарингія. . .	1.482	358	11	11	172	172	1.665
	40.249	10,948	348	275	4.481	2.209	45.078 *)

*) Не считая вѣтвей, закрытыхъ для общаго пользованія, 2.903 километр.

Отсюда видно, что въ Германіи уже до начала 1895 года успѣли перейти въ казну 94% всѣхъ магистралей; и даже изъ подъѣздныхъ путей частнымъ компаніямъ принадлежитъ только 35%. Еще съ конца 1879 года политика случайнаго и постепеннаго пріобрѣтенія частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну смѣняется рѣшимостью въ возможно непродолжительномъ времени совершенно устранить частную эксплоатацію, поставивъ на ея мѣсто исключительно казенную. Въ 1886 году въ казенной постройкѣ находилось 2.255 кил., тогда какъ въ частной 236 километровъ.

Переходъ прусскихъ линій въ казну облегчался предусмотрительностью и справедливостью закона 1838 года, основныя начала котораго остались безъ большихъ измѣненій до 1878 года, когда князь Бисмаркъ рѣшилъ приступить къ ускоренному выкупу. Законъ нормировалъ условія концессій и устранялъ случайныя вліянія. Образцовая бюрократія, питавшаяся традиціями Фридриха Великаго, считала, при всѣхъ перемѣнахъ персонала, вполнѣ обязательными нормы, которыя создались въ то время, когда вліяніе соціализма не отравляло еще лучшихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Правительство сохраняетъ за собой право выкупа желѣзныхъ дорогъ при соблюденіи слѣдующихъ условій (главнѣйшихъ): 1) должно пройти не менѣе 30 лѣтъ съ открытія дороги; 2) о выкупѣ общество должно быть увѣдомляемо за 1 годъ и 3) выкупное вознагражденіе опредѣляется посредствомъ увеличенія въ 25 разъ средняго за послѣднія 5 лѣтъ дивиденда.

До окончанія 30 лѣтъ со дня открытія дороги не допускается сооруженіе новой дороги между тѣми же конечными и промежуточными пунктами.

Условія эти установлены motu proprio, какъ общая норма. Простота, практичность и справедливость ихъ очевидна для всѣхъ непредубѣжденныхъ экономистовъ;

они были основаніемъ той желѣзнодорожной политики, которая еще десять лѣтъ назадъ „привела къ сосредоточенію почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ правительства".

Безъ всякихъ нарушеній концессіонныхъ правъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ казну далъ блестящіе финансовые результаты.

Государственныя дороги уже въ 1890 году дали 775.023.674 марки валовыхъ сборовъ; за вычетомъ расходовъ эксплоатаціи должно оставаться свыше 350 милліоновъ; а платежи по всѣмъ долгамъ государства, въ томъ числѣ и желѣзнодорожнымъ, въ бюджетѣ въ 1889—1890 г.г. равнялись 210.056.622 марки *).

Итогъ государственнаго долга Пруссіи въ 1897—1898 г.г.—6.492.800.000 марокъ. Доходъ съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—1.118.354.639 марокъ и издержки эксплоатаціи ихъ—634.427.085 марокъ; слѣдовательно въ круглыхъ цифрахъ можно выразиться, что долгъ въ шесть съ половиною милліардовъ требовалъ платежа лишь 275 милліоновъ марокъ въ годъ (точная цифра 273.467.376 марокъ). Этотъ долгъ (порожденный военными расходами) уравновѣшивается съ избыткомъ чистымъ желѣзнодорожнымъ доходомъ почти въ 500.000.000 марокъ **).

Результаты блестящіе. Экономисты и правители всѣхъ странъ, а Англіи и Америки въ особенности должны поучаться примѣромъ нѣмцевъ. Желѣзнодорожная политика Германскихъ государствъ вообще, а Пруссіи въ особенности, подтверждаетъ чрезвычайныя выгоды, которыя получаетъ казна отъ постепеннаго увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ правительству.

*) Leroy-Beaulieu. La Science des Finances, p. 587, т. II.

**) Statistisches Handbuch für den Preusischen Staat (1899).

Наилучшая желѣзнодорожная политика состоитъ съ *соединенія двухъ системъ*, изъ которыхъ одна обогатила финансы Германіи и предохраняетъ страну отъ дѣйствія „Communication rent“ закона ренты сообщеній, - другая создала богатство Англіи и Америки.

Всѣ правительственныя линіи Германіи должны быть признаны имперскими и сданы въ аренду частнымъ обществамъ на сроки 15—20 лѣтъ—по общему закону, вотированному Рейхстагомъ и по концессіямъ, утверждаемымъ каждая въ отдѣльности, Союзнымъ Совѣтомъ, по представленію Имперскаго Канцлера. Получаемыя по арендным договорамъ суммы должны распредѣляться между союзными правительственными или засчитываются въ матрикулярные взносы въ Имперское казначейство. Постройку новыхъ линій вообще слѣдуетъ предоставить частной иниціативѣ и свободно образуемымъ частнымъ компаніямъ. Концессіи слѣдуетъ выдавать по испытанному въ Соединенныхъ Штатахъ порядку, но съ тѣмъ непремѣннымъ ограниченіемъ, чтобы концессіонные сроки были не болѣе 60 (а лучше 50) лѣтъ; право же на выкупъ наступаетъ не далѣе, какъ черезъ 30, лучше даже 20—25 лѣтъ.

Кромѣ права экспропріаціи желѣзнодорожнымъ компаніямъ должно быть оказываемо пособіе, при чемъ гарантіи капитала слѣдуетъ избѣгать. Лучше давать ссуды, а еще лучше субсидіи и при томъ въ большинствѣ случаевъ, не деньгами, а желѣзнодорожными матеріалами (рельсами, шпалами, подвижнымъ составомъ и т. д.).

Техническій надзоръ и всѣ связанныя съ нимъ стѣсненія могутъ имѣть мѣсто лишь на казенныхъ линіяхъ, сданныхъ въ аренду. Безопасность движенія должна быть обезпечена не инспекторатомъ, а строгой гражданской отвѣтственностью общества по суду.

Послѣдствія такихъ перемѣнъ не заставятъ себя ждать. Свободные капиталы Берлина, Франкфурта и

Гамбурга, вмѣсто эмигрированія заграницу, найдутъ приложеніе на родинѣ. Въ десять, въ двѣнадцать лѣтъ, постройка 50—60 тысячъ километровъ дешевыхъ линій потребуетъ 2.000.000.000 марокъ.

Сократится и людская эмиграція. Не одна сотня тысячъ нѣмцевъ сохранитъ свою національность и найдетъ себѣ кусокъ хлѣба, не уѣзжая за океанъ.

Германія съ 100.000 километровъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ Германіей съ 50.000 километровъ тѣхъ же путей—станетъ не вдвое конечно, а вчетверо богаче.

Когда это приращеніе богатства соединится съ тѣмъ развитіемъ промышленности, которое дало Германіи на нашихъ глазахъ распространеніе знаній, тогда всѣ пограничныя преграды не станутъ нужными ни національному труду, ни фиску. Свобода иностраннаго импорта перестанетъ вызывать опасенія; пошлины и акцизы будутъ излишни, когда сѣть удвоится *при ничтожныхъ жертвахъ казны.* Доходность той или другой правительственной линіи будетъ колебаться, но общій доходъ будетъ постоянно возрастать въ силу закона ренты сообщеній.

Съ провозглашеніемъ свободы германскихъ границъ, Германія не будетъ имѣть враговъ или подозрительныхъ союзниковъ и за Рейномъ, и за Вислой и за Нѣмецкимъ моремъ, и на Дунаѣ. Сосѣдство станетъ синонимомъ союза. Когда по рейнскимъ мостамъ будутъ пробѣгать многочисленные поѣзда, погруженные на Луарѣ и идущіе для разгрузки въ Вѣну, Пештъ, Варшаву, тогда и рейнскія твердыни, и крѣпостные верки Кобленца и Майнца обратятся въ предметъ любопытства туристовъ, подобно тѣмъ зубчатымъ башнямъ, гдѣ жили когда-то суровые, закованные въ желѣзныя латы предки, ежеминутно ожидавшіе нападенія враговъ.

ГЛАВА X.

Аграрные законы и аграрная политика.

Аграрный вопросъ не долженъ бы вовсе входить въ предметъ нашего труда. Формы и типы землевладѣнія или землепользованія чрезвычайно сильно вліяютъ на производство, но наблюденіе показываетъ, что при совершенно различныхъ аграрныхъ отношеніяхъ достигается примѣрно одинаковый уровень національнаго богатства. А лучшія нормы распредѣленія земельной собственности совпадаютъ съ промышленной отсталостью и бѣдностью. Латифундіи велики въ Англіи и Италіи. Земля націонализирована на мусульманскомъ Востокѣ. Община господствуетъ въ Россіи и на островѣ Явѣ. Древне-крестьянское царство Норвегіи близко сходно по аграрнымъ отношеніямъ съ многими Штатами Сѣверной Америки.

Несомнѣнно, что распредѣленіе земельной собственности и аграрные вообще законы гораздо болѣе вліяютъ на народное благосостояніе, чѣмъ на національное богатство. Въ этомъ сочиненіи мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе такихъ вопросовъ, ибо разсматриваемъ только экономическій укладъ, національный и международный, долженствующій привести къ прекращенію международнаго антагонизма и слѣдовательно *упразднить войну*, — вліяніе которой какъ на итогъ народнаго богатства, такъ и на массовое благосостояніе гораздо болѣе сильно, чѣмъ вліяніе любыхъ аграрныхъ отношеній. Когда же войны прекратятся и

арміи исчезнутъ, то удесятеренная матеріальная и интелектуальная сила государственной власти быстро разрѣшитъ самыя тягостныя несправедливости земельнаго владѣнія, одновременно съ другими не менѣе важными вопросами, связанными съ устраненіемъ повальной нужды и необезпеченности.

Мы поневолѣ должны теперь поставить аграрный вопросъ въ весьма конкретной формѣ, хотя результаты предлагаемыхъ ниже мѣръ, въ случаѣ ихъ осуществленія, превзойдутъ все, что въ дѣйствительности достигнуто итогомъ дѣятельности воинствующей партіи націонализаціи земли. Намъ просто приходится указать положительный эквивалентъ аграрныхъ мѣръ, уравновѣшивающій отрицательное вліяніе пошлинъ.

Россія и Америка экспортируютъ хлѣбъ. Англія его ввозитъ, не облагая пошлиной. Франція и Германія его ввозятъ и установили покровительственные тарифы. Свободный обмѣнъ для странъ, экспортирующихъ земледѣльческіе продукты, важенъ, какъ давно доказано, во первыхъ—вслѣдствіе удешевленія земледѣльческихъ орудій, машинъ и утвари; во-вторыхъ—вслѣдствіе удешевленія большинства предметовъ потребленія, отчего за равное количество земледѣльческихъ произведеній вымѣнивается большее количество другихъ товаровъ, отчего доходъ, при той же цифрѣ въ деньгахъ, на самомъ дѣлѣ возрастаетъ.

Русскій помѣщикъ, русскій крестьянинъ, американскій фермеръ, съ исчезновеніемъ таможень, будутъ лучше обрабатывать свою землю, и даже при тѣхъ же урожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ будутъ жить богаче.

Въ Германіи и Франціи, гдѣ въ концѣ XIX вѣка воскресли: Corn Law, lois céréales, échelle mobile—отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ будетъ разсматриваться аграріями, какъ утрата значительной части доходовъ съ земли. Но навѣрное сами аграріи и мелинисты считали бы

убытки меньшими, если бы—при полной свободѣ границъ—удешевились бы не одни сельскія произведенія, но и всѣ мануфактурные товары. Едва ли чистый доходъ съ земли максимальными изъ существующихъ тарифовъ поднимался болѣе, чѣмъ на 25%. Безпристрастный экономистъ признаетъ, что компенсація—полное уничтоженіе таможень — была бы слишкомъ достаточной даже для тѣхъ узкихъ разсчетовъ, которые характеризуютъ планы призрачнаго благополучія земледѣлія посредствомъ возвышенія цѣнъ предметовъ массоваго потребленія.

Англія скоро можетъ праздновать полвѣка послѣ побѣды Кобдена. Мы уже показали, что и при нынѣшнихъ тарифахъ вывозъ и ввозъ чрезъ границы британской метрополіи могутъ быть названы свободными лишь по сравненію съ другими странами. Если бы границы Соединеннаго Королевства стали *совершенно* свободными—земледѣліе выиграло бы по двумъ причинамъ: во-первыхъ—колоніальные товары, обложенные весьма чувствительными акцизами и входящіе въ обиходъ сельскаго рабочаго—кофе, чай, пиво, какао—сильно подешевѣли бы, отчего при томъ же уровнѣ заработной платы положеніе бѣдняковъ улучшилось бы; во-вторыхъ—всѣ другіе товары избавились бы отъ стѣсненій таможенныхъ формальностей и также подешевѣли бы и весь торговый балансъ сталъ возрастать быстрѣе. Уже въ ближайшемъ будущемъ свобода англійскихъ границъ повела бы за собой исчезновеніе таможеннаго и пограничнаго кордона по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, которыя въ принципѣ держатся свободной торговли (Бельгія, Голландія, Швеція, Чили и нѣкоторыя автономныя колоніи: Канада, Новая Зеландія, Капландія).

Во всѣхъ странахъ, при свободныхъ границахъ, земледѣліе наравнѣ съ другими родами народной промышленности воспользуется всѣми общими положи-

тельными мѣрами государственнаго содѣйствія промышленности.

Подъемъ кредита такъ же важенъ для земли, какъ и для фабрикъ. Свободная государственная и частная иниціатива драгоцѣнна для фермера не меньше, чѣмъ для заводчика. Распространеніе знаній дастъ интенсивное сельское хозяйство. А быстрый ростъ сѣти желѣзныхъ дорогъ для землевладѣльца важнѣе, чѣмъ пошлина на привозный хлѣбъ.

Аграрныя мѣры, которыя должны входить въ область государственнаго содѣйствія земледѣлію, послѣ освобожденія границъ, должны заключаться *въ уничтоженіи латифундій и въ такихъ выкупныхъ и арендныхъ операціяхъ, которыя установили бы господство мелкаго землевладѣнія, подворнаго или общиннаго*. Въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, въ государствахъ съ холоднымъ или умѣреннымъ климатомъ, съ густымъ населеніемъ, съ окрѣпшей гражданственностью, въ ближайшемъ будущемъ надо помочь не самому земледѣлію, а *земледѣльцу*. Аграріи Германіи и другихъ странъ, видящіе гибель въ дешевизнѣ хлѣба, на самомъ дѣлѣ заботились о крупныхъ землевладѣльцахъ, хотя въ ихъ ламентаціяхъ всегда и вездѣ входитъ нужда земледѣльца—рабочаго. Сочетаніе свободныхъ границъ и надлежащихъ аграрныхъ мѣръ отниметъ почву у этой агитаціи. Свободный обмѣнъ, распространеніе знаній и мелкое землевладѣніе прекрасно уживутся съ дешевыми цѣнами на хлѣбъ.

Плодотворная аграрная политика должна состоять въ XX вѣкѣ не въ бездѣйствіи государства, не въ его «вмѣшательствѣ», не въ «національзаціи земли», не въ мелинизмѣ, не въ марксизмѣ. Приходится отложить и рѣшеніе вопроса о вредѣ или пользѣ общиннаго землевладѣнія. Надлежитъ признать законными не только интересы высшихъ классовъ, но и вѣковыя національныя

традиціи. Право не должно попирать свободу, а свобода—право.

Тѣ самыя начала международной жизни, которыя утвердились послѣ 1860—1870 г., начала, обѣщающія вѣчную войну или вѣчный миръ въ зависимости отъ розни или трудового единенія націй—тѣ самыя начала произвели переворотъ и въ значеніи земли, какъ орудіи труда. Когда дешевизна и быстрота сообщеній поставила экзотическую пашню рядомъ съ европейской, послѣдствія не замедлили сказаться. Цѣны на земледѣльческіе продукты стали колебаться и либо понижались, либо получали тенденцію къ пониженію. Ростъ земельной ренты остановился, а въ нѣкоторыхъ странахъ рента стала падать. Крупное землевладѣніе перестало быть лучшей формой личнаго и фамильнаго богатства. Большія имѣнія часто стали походить на тѣ биржевыя спекулятивныя цѣнности, которыя вообще даютъ малые дивиденды, иногда не даютъ ничего и въ будущемъ грозятъ паденіемъ. Владѣльцы майоратовъ въ Англіи, прусскіе юнкера, австрійскіе и венгерскіе магнаты, крупные собственники Франціи, русскіе помѣщики,—всѣ одинаково увидѣли уменьшеніе своихъ доходовъ. Многіе прежніе богачи, обладатели латифундій, тогда только оставались въ числѣ богатой знати, если помимо земли обладали другими, болѣе надежными источниками доходовъ: городскими домами, заводами, рудниками, денежными капиталами.

Переставъ давать обезпеченный и возрастающій доходъ, латифундіи, въ силу причинъ иного рода, перестали давать власть. Экономически зависимый фермеръ, арендаторъ, рабочій—питая къ землевладѣльцу непріязненныя чувства—ни мало его не боится. Въ Англіи нерѣдко одно названіе «лэндъ-лордъ» обозначаетъ для сельскаго населенія естественнаго врага. Дѣятельная пропаганда ведется въ Германіи, Франціи,

Англіи съ цѣлью убѣдить народъ, что чѣмъ болѣе земли сосредоточено во власти какого нибудь лица или фамиліи, тѣмъ болѣе это лицо и фамилія должны считаться преступниками, посягающими на естественное достояніе, всѣхъ и каждаго. Вліяніе на выборы крупный землевладѣлецъ можетъ имѣть въ рѣдкихъ случаяхъ. Открыто дѣйствовать затруднительно. Тайна же и ненадежные анонимные агенты мѣшаютъ успѣху. Когда же и достигается успѣхъ въ такомъ нечестномъ дѣлѣ, какъ давленіе на совѣсть и мнѣніе избирателей, успѣхъ этотъ не стоитъ той непріязни, — которая остается — и жестокихъ нареканій, раздающихся со всѣхъ сторонъ: на страницахъ газетъ, на трибунахъ митинговъ, въ залахъ парламента.

Былое значеніе земельныхъ магнатовъ исчезло, благодаря упраздненію сословныхъ прерогативъ, равенству передъ закономъ, избирательнымъ реформамъ, свободной печати, распространенію образованія, демократическому чувству и новымъ ученіямъ. Положеніе крупнаго заводчика и фабриканта выгоднѣе; онъ легко можетъ пріобрѣсти нѣкоторую популярность среди многочисленнаго, сосредоточеннаго, дисциплинированнаго рабочаго персонала. Обладаніе огромнымъ богатствомъ не мѣшаетъ ему объявить себя сторонникомъ «націонализаціи земли», гремѣть противъ «феодаловъ и юнкеровъ» въ Германіи, противъ лендлордовъ въ Англіи, взывать къ «великимъ принципамъ 1789» во Франціи...

Земельные майораты, фамильныя латифундіи, заповѣдныя имѣнія потому только и дороги для владѣльцевъ, что государство не предлагаетъ имъ лучшаго обезпеченія, безопаснаго отъ личной расточительности

и случайностей. Фамильныя же преданія вездѣ связаны только съ небольшимъ участкомъ земли, гдѣ выстроенъ дѣдовскій домъ. Для француза, носящаго древнее имя, для англійскаго сквайра, для германскаго барона, для русскаго дворянина—дѣйствительный нравственный интересъ заключается въ сохраненіе родовой усадьбы, гдѣ жили его предки; а вмѣсто обширныхъ земель, окружающихъ его садъ и паркъ, предпочтительнѣе обладать неприкосновенной денежной рентой.

Тѣ цѣли, ради которыхъ въ Англіи и на континентѣ удерживаются фамильные майораты и заповѣдныя имѣнія, а въ Россіи оказывается помощь дворянскому землевладѣнію, достигнутся полнѣе и вѣрнѣе, если государство, съ нѣкоторою щедростью, выкупитъ крупныя помѣстья, но не за единовременно выплачиваемую сумму, а за вѣчную ренту; ренту—объявленную (смотря по законамъ страны) либо фамильнымъ достояніемъ, либо подлежащую раздѣлу, либо переходящую по праву первородства и слѣдовательно представляющую лишь пожизненный доходъ, всякій искъ къ которому погашается смертью владѣльца. Неотчуждаемость должна быть установлена для фамильнаго жилища, для родовой усадьбы, къ которому и приписана вѣчная денежная рента. Тогда фамильныя традиціи, политическія цѣли и постулаты новаго экономическаго строя—примирятся.

Въ Англіи и Валиссѣ 400 пэрамъ, владѣющимъ въ среднемъ 14.332 акрами и 1.200 другимъ крупнымъ помѣщикамъ, владѣющимъ въ среднемъ 6.598 акрами—достаточно было бы оставить по 1000 акровъ на помѣстье *) и выкупить *все*, что *превышетъ* такую норму, представляющую участокъ земли примѣрно въ *три квадратн. километра*. Достаточно обширная усадьба, хозяйство и паркъ умѣстятся на такомъ пространствѣ.

*) Считая одно помѣстье на одну фамилію или одно лицо.

Фамильные дубы и вязы, аллеи, посаженные при Стюартахъ, уцѣлѣютъ и будутъ охранены навсегда противъ пропаганды Красныхъ Тѣлегъ *) и приверженцевъ національзаціи земли. Дѣйствительная прелесть древнихъ англійскихъ жилищъ остается неприкосновенною. Громадная затѣмъ площадь земли достанется народу.

Благодаря объединенію рынка и паденію въ Англіи, за послѣдніе тридцать лѣтъ, земельной ренты,—нѣкоторая щедрость выкупа, не будучи обременительна для казны, повела бы за собою возможность избѣгнуть принудительнаго отчужденія для большинства земельныхъ участковъ, подобно тому какъ это давно наблюдается при отчужденіи земли для государственныхъ работъ, гдѣ почти всѣ отдаютъ свои земли охотно; и рѣшительно всѣ имѣютъ прибыль при добровольной или принудительной сдѣлкѣ.

Отчужденныя земли государству не трудно будетъ отдать въ аренду, временную или вѣчную, или продать въ собственность мелкимъ владѣльцамъ. Начертать мѣры для предупрежденія новыхъ скопленій земельной собственности—не трудно. Не будетъ никакой несправедливости установить прогрессивный налогъ на тѣ земли, которыя, на средства государства, превратятся изъ латифундій въ мелкіе или общинные участки. Такой налогъ явится въ сущности *сервитутомъ*, наложеннымъ государствомъ на извѣстную долю пріобрѣтенной на средства фиска территоріи; и цѣлая пропасть будетъ отличать этотъ налогъ отъ тѣхъ предложеній, которыя основаны на замаскированной конфискаціи большихъ помѣстій—путемъ произвольнаго и тяжкаго ихъ обложенія.

Съ чисто финансовой стороны вся реформа потребуетъ лишь оборотныхъ, а не дѣйствительныхъ за-

*) Новѣйшій видъ пропаганды противъ земельной собственности.

тратъ. Едва ли потребуются статистическія выкладки для доказательства того, что земля въ Англіи найдетъ покупателей или арендаторовъ, когда ея новый собственникъ—государство—начнетъ предлагать ее мелкими участками на льготныхъ условіяхъ уплаты или на справедливыхъ условіяхъ аренды. Продолжающійся и понынѣ процессъ исчезновенія мелкой собственности и образованія крупныхъ владѣній—сразу прекратится, когда латифундіи будутъ выкуплены и новое ихъ образованіе будетъ невозможно. Англійское nobility и англійское gentry одинаково послѣдуютъ примѣру своихъ государей, которые, будучи богатыми, никогда однако не стремились скоплять землю въ своихъ рукахъ.

Центровъ поглощенія не станетъ. Иныя могучія вліянія вырвутся, такъ сказать, на свободу. Экзотическая конкуренція, при свободныхъ границахъ и объединеніи всемірнаго рынка, пресловутый дешевый заокеанскій хлѣбъ и другіе продукты, которые „наводняютъ“ европейскія метрополіи—могутъ грозить ленд-лорду и крупному фермеру, но нисколько не мѣшаютъ образованію многочисленнаго класса мелкихъ собственниковъ. Увеличеніе заработной платы, и уменьшеніе длины рабочаго дня, удешевленіе и ускореніе сообщеній—причины, взятыя вмѣстѣ, естественно поведутъ къ тому, что фабричному и сельскому рабочему, главный доходъ котораго составляетъ плата, получаемая въ городѣ и фермѣ, ничто не помѣшаетъ, при помощи государства, сдѣлаться собственникомъ клочка земли съ огородомъ и садомъ. При тѣхъ же самыхъ остальныхъ экономическихъ условіяхъ, свободныя дешевыя земли, вокругъ фабричныхъ округовъ, покроются вдоль линій желѣзныхъ путей тысячами котетжей, куда рабочій будетъ возвращаться ежедневно, проводить досугъ въ своей семьѣ на чистомъ воздухѣ и у себя дома, а не въ казарменныхъ, многоэтажныхъ построй-

кахъ, въ душныхъ улицахъ. Города Англіи быстро станутъ развиваться въ ширину, по многочисленнымъ радіусамъ.

Та земля, которая раздѣлится на земледѣльческія среднія и мелкія фермы, въ сравненіи съ нынѣшнимъ положеніемъ быть можетъ ничего не выиграетъ въ смыслѣ доходности, но ничего и не проиграетъ. Весьма совершенное состояніе земледѣлія уживается и съ средней и съ мелкой собственностью, что видно въ Германіи, Франціи, Норвегіи, Японіи. А если бы въ Англіи, въ нѣкоторыхъ графствахъ, условія культуры потребовали болѣе крупныхъ сельскохозяйственныхъ единицъ, великая способность англичанъ къ образованію свободныхъ ассоціацій дала бы въ сферѣ земледѣлія не меньше выгодъ, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Этическія и политическія послѣдствія выкупа и распродажи англійскихъ латифундій были бы весьма велики. Непопулярность родовой и земельной аристократіи разомъ бы исчезла, а сохранивъ всѣ виды наслѣдственныхъ доходовъ, кромѣ земельныхъ,—эта аристократія и помѣстное джентри ничего не утратили бы. Полезныя стороны вліянія сохранились бы; вредныя—исчезли. Демократическое чувство сильно въ народныхъ массахъ Англіи, но соединяется съ тѣмъ, что можно назвать *историческимъ* чувствомъ. Всѣ помнятъ, что сдѣлало nebility и gentry для англійской свободы и потому титулъ и родовое богатство—*не угрожающія общимъ* интересамъ—не возбуждаютъ въ фермерѣ и рабочемъ непріязни, столь сильной и жгучей во многихъ странахъ континента. Лэндлордовъ больше не будетъ, но лорды останутся. Богатые герцоги и графы и зажиточные сквайры не обѣднѣютъ и останутся жить въ дѣдовскихъ помѣстьяхъ, среди дѣдовскихъ садовъ и парковъ... Но они избавятся отъ досадныхъ и взаимно

унизительныхъ отношеній къ фермерамъ и сельскимъ рабочимъ.

Вымогательства и снисхожденія, строгости, благодѣянія и притѣсненія прекратятся. Сельскіе сквайры будутъ окружены благорасположенными сосѣдями, классомъ собственниковъ и земледѣльцевъ, среди которыхъ богатый, образованный, родовитый обитатель древняго господскаго дома, въ силу англійскихъ традицій, всегда будетъ пользоваться почетнымъ вліяніемъ. Нѣсколько хмурый обликъ нынѣшней сельской жизни въ графствахъ исчезнетъ и воскреснутъ лучшіе обычаи старой веселой Англіи, old merry England, когда англійская земля станетъ достояніемъ англійскаго народа.

Основныя условія землевладѣнія и землепользованія въ Германіи заключается въ слѣдующемъ:

1) Введены пошлины на продукты сельскаго хозяйства для «защиты» страны отъ дешеваго импорта.

2) Въ Сѣверной и Сѣверо-Восточной Германіи господствуетъ крупное землевладѣніе. Во всѣхъ государствахъ много дворянскихъ майоратовъ и дворянскихъ родовыхъ имѣній. Политическое значеніе аристократіи и военнаго дворянства весьма велико. Въ главнѣйшихъ по величинѣ государствахъ высшее сословіе представляетъ надежную опору трона и имѣетъ въ союзныхъ монархахъ (Императорѣ, короляхъ и герцогахъ) сильныхъ и убѣжденныхъ защитниковъ.

3) На югѣ и юго-западѣ (Баденъ, Тюрингенскія государства, часть Вюртемберга и Баваріи, Прусскія провинціи Нассау и Рейнская) - господствуетъ мелкое землевладѣніе. Земля въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начала дробиться на участки столь малые, что земле-

дѣльческое хозяйство пріобрѣтаетъ характеръ, вызывающій опасенія у многихъ экономистовъ. Ничего хорошаго, говорятъ они, не можетъ выйти изъ труда земледѣльца на чрезмѣрно малыхъ участкахъ, которымъ даютъ презрительный эпитетъ «карликовое хозяйство» «Zwergwirthshaft».

При дальнѣйшемъ дробленіи—вся земельная собственность, вся территорія государства, какъ еще предсказывалъ Фридрихъ Листъ, можетъ обратиться такъ сказать, въ пыль, in Staub, — пульверизороваться. «Пылью» считается участки въ 1½ гектара и меньше.

4) Въ центральной полосѣ и отчасти въ Шлезвигъ-Гольштиніи, Брандербургѣ, Вестфаліи, Ольденбургѣ, Гессенѣ господствуетъ среднее землевладѣніе—примѣрно отъ 10 до 100 гектаровъ. Еще недавно экономисты и правительство одинаково восхваляли рай, возникающій вмѣстѣ съ установленіемъ средняго крестьянскаго землевладѣнія. «Ein tuchter gesunder Bauerstand» былъ идеаломъ, къ которому нужно было стремиться. Теперь время принесло много разочарованій. Покуда среднее землевладѣніе держится, масса народа оторвана отъ земли и все, что не ушло въ городъ и не эмигрировало, поневолѣ обращается въ батраковъ. Въ послѣдніе годы рай оказался призрачнымъ. Конкуренція міроваго рынка, несмотря на пошлины, понизила цѣны; возрасли налоги, возрасла заработная плата, возросло населеніе. Подъ соединеннымъ вліяніемъ этихъ причинъ, при паденіи доходности и относительно хорошихъ цѣнахъ на самую землю— средніе участки стали продаваться и дробиться переходомъ къ крупнымъ, богатымъ владѣльцамъ или образовывать «Zwerg-Wirthshaft».

Отнюдь не предрѣшая грядущаго аграрнаго строя Германіи, мы имѣемъ смѣлость утверждать, что свободныя границы и государственный выкупъ латифундій прекратятъ безъисходныя экономическія противорѣчія:

дороговизну пищи и плохіе доходы сельскаго хозяйства, одновременное раззореніе и собственниковъ и арендаторовъ, опасность и отъ пульверизаціи территоріи и отъ монополизаціи ея въ рукахъ магнатовъ.

Права и интересы германскихъ помѣщиковъ обезпечить гораздо легче, чѣмъ охранить англійскихъ лэндлордовъ. Фамильныя desiderata на Рейнѣ и Эльбѣ навѣрное скромнѣе, чѣмъ за Ламаншемъ. Гораздо меньшая фамильная усадьба и меньшій доходъ будутъ считаться достаточными.

Никакого основанія нѣтъ бороться противъ такъ называемаго Zwergwirthshaft. Землепользованіе при дѣйствующихъ хлѣбныхъ пошлинахъ совершенно иное, чѣмъ при свободныхъ границахъ. Объединенная со всемірнымъ рынкомъ, обезпеченная противъ земельной монополизаціи, богатая Германія съ своей развитой промышленностью съумѣетъ найти наивыгоднѣйшія, въ общихъ интересахъ, нормы землераспредѣленія и землепользованія путемъ сочетанія личнаго почина и кооперативныхъ земледѣльческихъ союзовъ. Государственнымъ властямъ, при самой широкой дѣятельности, не будетъ надобности выходить изъ сферы дѣйствующаго права, ограничиватъ личную свободу и предпринимать какія-либо стѣснительныя, регулятивныя и конфискаціонныя мѣры. Разъ будетъ покончено съ личными и наслѣдственными латифундіями — территорія сама собою постепенно „націонализируется“. Правительству придется содѣйствовать только естественному экономическому процессу, совершающемуся подъ вліяніемъ конкуренціи и кооперації съ отдаленными угодьями, лежащими въ другихъ странахъ и въ другихъ частяхъ свѣта.

Административная работа будетъ совершаться sine irae et studio. Быть можетъ на выкупленныхъ латифундіяхъ возникнутъ новыя формы земельныхъ отношеній,

вродѣ напримѣръ вѣчной аренды у казны (Erbpacht) земель, первые опыты которой дали уже столько отрадныхъ результатовъ.

Во всякомъ случаѣ свободныя границы и исчезновеніе крупнаго землевладѣнія разсѣютъ тягостный мракъ грядущаго. Вопли аграріевъ, у которыхъ имѣнія будутъ выкуплены — затихнутъ. Населеніе получитъ дешевый хлѣбъ и дешевую землю, а земледѣліе начнетъ приспособляться къ производству продуктовъ болѣе цѣнныхъ или независимыхъ отъ заокеанской конкуренціи.

Вопросы землевладѣнія отдѣлятся отъ вопросовъ земледѣлія. Въ фабричныхъ округахъ владѣльцы «кардиковыхъ участковъ» неожиданно явятся въ роли крупныхъ землевладѣльцевъ, ибо образуется иная, еще меньшая, норма земельнаго владѣнія—въ видѣ обезпеченія за большинствомъ рабочихъ „только своего угла“, т. е. *своего* дома, на *своемъ* клочкѣ земли. Не будетъ ничего невозможнаго въ томъ, что государство даже съ выгодой для фиска разовьетъ энергичную дѣятельность по выкупу латифундій и по примѣненію затѣмъ принципа Erbpacht—къ весьма парцелированнымъ участкамъ.

Политическая необходимость поддержать высшее сословіе достигнется въ полной мѣрѣ, когда къ древнему замку барона будетъ приписанъ „карликовый“ участокъ и мойратный или фамильный капиталъ или денежная рента, — эквивалентъ обширныхъ имѣній, которыя къ концу XIX вѣка вмѣсто былого вліянія и богатства—даютъ убытки, рискъ, ненависть.

Аграрныя отношенія во Франціи можно обрисовать немногими словами. Число собственниковъ очень велико. Половина населенія страны имѣетъ землю. Боль-

шинство имѣетъ небольшіе участки, такъ какъ три четверти земледѣльческой территоріи страны (почти 50.000.000 гектаровъ) принадлежитъ средней и крупной собственности.

Съ нашей точки зрѣнія желательно еще увеличить число собственниковъ.

Выкупъ 20.000.000 гектаровъ, находящихся въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ и устройство изъ нихъ участковъ не болѣе 25—30 гектаровъ, на арендныхъ или владѣльческихъ правахъ, было бы мѣрой, которая сдѣлала бы для земледѣльцевъ гораздо больше, чѣмъ таможенныя комбинаціи г. Мелина.

Мелкая собственность была конечно не единственнымъ, но во всякомъ случаѣ могущественнымъ факторомъ приращенія національнаго богатства Франціи.

Какъ извѣстно, во время революціи громадная масса земель, принадлежавшихъ раньше государству, дворянству и духовенству, перешла въ руки крестьянъ. Значеніе аграрнаго переворота, который совершился, конечно, съ прискорбными и ненужными нарушеніями правъ, можетъ быть преувеличено; но во всякомъ случаѣ съ этимъ земельнымъ передѣломъ связано, въ значительной степени, современное относительное благоденствіе Франціи и ея экономическая выносливость, дающая зрѣлище страны, богатѣющей, несмотря на невѣроятную тяжесть налоговъ.

Слѣдовало бы въ наше время повторить этотъ земельный передѣлъ, но съ строгимъ соблюденіемъ личныхъ правъ и законности. Стихійное стремленіе къ политической свободѣ, равенству и независимости, которое выразилось въ великой революціи, уступило теперь мѣсто не менѣе стихійному стремленію къ всемірному трудовому единенію. Когда современныя пограничныя преграды, мѣшающія всемірной кооперації и что всего хуже—питающія международный антаго-

низмъ со всѣми его послѣдствіями, арміями и войнами,— падутъ, также, какъ пали сто лѣтъ назадъ средневѣковые прерогативы, тогда аграрная задача европейскихъ правительствъ станетъ проста и ясна. Надо помириться съ дешевымъ хлѣбомъ, приходящимъ изъ за океана и считать эту дешевизну благомъ, а не зломъ. Надо считать паденіе земельной ренты въ Европѣ естественнымъ и благимъ послѣдствіемъ расширенія міровой земледѣльческой площади и установленія всемірной кооперації. И при тѣхъ средствахъ, авторитетѣ и опытности, которыми обладаютъ современныя правительства—имъ всѣмъ вполнѣ возможно надѣлить землею большинство населенія.

Демократическая, пережившая столько революцій въ одно столѣтіе, Франція рѣзко отличается отъ Англіи и Германіи въ положеніи высшихъ классовъ. Политическая сила французскаго дворянства погибла. Къ несчастью или къ счастью, никакое французское правительство нашего времени и не подумаетъ рѣшиться на тѣ заботы, которыя Англія открыто посвящаетъ своему nobility и помѣстному gentry, а Германія своимъ медіатизированнымъ князьямъ и баронамъ.

Аграрная задача во Франціи проще, и естественно ограничена простой уплатой за выкупленное помѣстье. Однако и здѣсь примиреніе партій можетъ быть достигнуто предоставленіемъ нынѣшнимъ владѣльцамъ крупныхъ помѣстій права сохранить фамильныя жилища и при нихъ участки земли, *равные максимальному*, т. е. 25—30 гектарамъ. Если сюда присоединить еще и свободу завѣщаній, то у новаго закона отнятъ будетъ характеръ исключительной мѣры, направленной противъ наслѣдственности и капитала. Двадцать милліоновъ гектаровъ распредѣляется между французскими рабочими и крестьянами; вмѣстѣ съ тѣмъ родовая знать и богачи сохранятъ свои „chateaux“.

Во всякомъ случаѣ дѣятельныя мѣры государства для увеличенія мелкаго землевладѣнія помогутъ Франціи вырваться изъ современнаго cercle vicieux—заколдованнаго круга (съ одной стороны воскресшая échelle mobile, съ другой репрессіи иностранныхъ государствъ, отъ которыхъ тяжко страдаетъ мануфактура).

Пошлины нельзя было возвысить до того размѣра, который удовлетворялъ бы французскихъ аграріевъ; но прискорбный результатъ—*ухудшеніе питанія народа*—достигнутъ въ полной мѣрѣ.

Страны, вывозящія хлѣбъ, находятся относительно содѣйствія земледѣлію въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ Англія, Франція и Германія. О пошлинахъ не можетъ быть и рѣчи въ Соединенныхъ Штатахъ и Россіи.

Какъ извѣстно, страны хлѣбнаго экспорта жалуются на экзотическую конкурренцію не менѣе германскихъ аграріевъ и англійскихъ лендлордовъ. Разница въ сущности заключается въ томъ, что одни жалуются на наводненіе внутренняго рынка, другіе—на наводненіе внѣшняго, т. е. всемірнаго рынка. Аргентинская пшеница мѣшаетъ стаффордширскому фермеру продать свой хлѣбъ въ сосѣднемъ городѣ и мѣшаетъ русскому помѣщику получить высокую цѣну на лондонскомъ рынкѣ.

Объединеніе всемірнаго рынка — въ интересахъ странъ хлѣбнаго экспорта съ особой очевидностью требуетъ *свободы границъ и мелкаго землевладѣнія*.

За то же количество хлѣба стали давать меньшее количество золота. Но цѣна упала еще болѣе на всѣ мануфактурныя произведенія. Слѣдовательно, при дешевизнѣ, спутницѣ свободной торговли, доходъ земли

въ товарахъ еще возрастетъ, будучи номинально ниже въ денежной валютѣ. Переходъ затѣмъ къ интенсивному хозяйству существенно зависитъ отъ дешевизны и доброкачественности машинъ и инструментовъ, а дешевизна и доброкачественность являются лишь при всемірной конкурренціи. Все это—очевидное, какъ математическая истина—приходится не доказывать, но часто напоминать.

Если тѣ же пріемы обработки будутъ примѣнены въ Аргентинѣ и въ Россіи, то не въ силахъ русскаго крупнаго и средняго землевладѣльца встать въ разныя условія съ заокеанскимъ хозяиномъ, для котораго царитъ вѣчное лѣто и которому собрать двѣ жатвы въ годъ—обычное дѣло. Но тотъ, кто работаетъ самъ, съ своей семьей, на *своемъ* участкѣ, при порядочномъ урожаѣ не боится заокеанскаго конкуррента. Цѣна на хлѣбъ и заработная плата для него не важны, когда нива, воздѣланная имъ, дала обильный урожай; а въ плохой годъ, чѣмъ дороже трудъ и чѣмъ дешевле хлѣбъ—тѣмъ лучше *). Крупное землевладѣніе, громадная ферма есть удѣлъ экзотической культуры съ богатой природой и рѣдкимъ населеніемъ, откуда посылаются избытки въ густонаселенныя страны съ умѣреннымъ и холоднымъ климатомъ, съ менѣе плодородной почвой, въ страны, гдѣ много зимняго досуга, много обильныхъ запасовъ минеральнаго горючаго и гдѣ накопилось много свободныхъ капиталовъ.

Въ Европейской Россіи свыше семидесяти трехъ милліоновъ десятинъ принадлежитъ дворянству и около десяти милліоновъ десятинъ находится въ рукахъ купцовъ и другихъ сословій—не крестьянъ; все это гро-

*) Весьма много сдѣлалъ для доказательства грядущаго торжества мелкаго землевладѣнія и землепользованія талантливый и глубокій русскій экономистъ, донынѣ скрывающій свое имя подъ скромными иниціалами В. В. (См. его «Судьбы капитализма въ Россіи»).

мадное пространство можетъ служить объектомъ аграрныхъ мѣръ.

Послѣ 1880 года правительство рѣшило помочь дворянству. Признано было необходимымъ имѣть наслѣдственное, обезпеченное сословіе, связанное имущественно съ мѣстными интересами. Для этой цѣли учрежденъ Государственный Дворянскій земельный банкъ, выдававшій дворянамъ-землевладѣльцамъ ссуды на весьма льготныхъ условіяхъ. Высокая залоговая оцѣнка, низкій процентъ, отсрочка платежей — все было сдѣлано, чтобы помѣщики изъ привилегированнаго сословія, обремененные долгомъ и не имѣвшіе свободныхъ денегъ, сохранили свои имѣнія и получили оборотные рессурсы.

По самой сущности этихъ мѣръ видно, что правительство видѣло въ землѣ лишь *средство* матеріальнаго обезпеченія дворянства. Желательно было достигнуть не сосредоточенія наибольшаго количества земли въ рукахъ дворянства, а *увѣренности* въ томъ, чтобы это сословіе пріобрѣло прочную осѣдлость и имѣло матеріальную независимость. Рядомъ съ Дворянскимъ— учреждается Крестьянскій банкъ, задачи котораго наоборотъ заключаются въ томъ, чтобы помочь крестьянскому *малоземелью*.

Сравнивая основныя идеи, положенныя въ основаніе учрежденія двухъ банковъ, сразу видно, что для одного изъ нихъ земля есть средство, для другого цѣль. Посредствомъ операцій Дворянскаго банка, съ помощью земли, за дворянами стремятся обезпечить богатство, независимость, достатокъ; посредствомъ операцій Крестьянскаго банка стремятся дать крестьянину больше земли.

Жалобы на тягостное и необезпеченное положеніе дворянства не прекращаются и главный источникъ ихъ: трудность извлеченія достаточнаго для прилич-

ной жизни дохода изъ помѣстій. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ государственная ссуда является для дворянъ землевладѣльцевъ лишь паліативомъ. Цѣна на хлѣбъ пала вслѣдствіе заокеанской конкурренціи и меньшаго во всемъ мірѣ прироста населенія, а протекціонизмъ одной рукой поднимаетъ стоимость сельско-хозяйственныхъ машинъ, другой производитъ дороговизну мануфактуры.

Параллельно съ тягостями, которыми земля надѣляетъ дворянъ, крестьяне страдаютъ отъ малоземелья. Сотни тысячъ русскаго народа въ послѣднее время устремляются въ Сибирь въ поискахъ за свободными землями. Въ 1898 году свыше 400.000 переселенцевъ перевезено за Уральскій хребетъ по новому великому Сибирскому рельсовому пути. Тѣ эмиграціонные потоки, которые въ Сѣверной Америкѣ созданы международными потребностями, въ Россіи порождены національной жизнью.

Въ предѣлахъ одного государства происходитъ передвиженіе, равносильное, по размѣрамъ и значенію, міровымъ переворотамъ.

Мы позволимъ себѣ высказать убѣжденіе, что государственная цѣль—матеріальное обезпеченіе дворянства—можетъ быть съ полнымъ и скорымъ успѣхомъ достигнута тѣми самыми мѣрами, которыя на долго уничтожили бы крестьянское малоземелье и разомъ положили бы конецъ тягостямъ и жалобамъ землевладѣльцевъ.

Уничтоженіе на русскихъ границахъ всѣхъ преградъ къ свободному международному обмѣну и замѣна отрицательнаго содѣйствія отечественной промышленности положительнымъ—сразу оживитъ земледѣліе и можетъ быть соединено съ *государственной консолидаціей дворянскихъ помѣстій.* Родовыя усадьбы должны быть объявлены неотчуждаемыми на подобіе заповѣд-

ныхъ имѣній. Не болѣе пятидесяти (много ста) десятинъ могли быть приписаны къ каждому изъ 114.000 дворянскихъ помѣстій. Въ среднемъ потребуется для укрѣпленія за дворянами *усадебной осѣдлости* не болѣе 6.000.000 десятинъ.

Все остальное около 75.000.000 десятинъ подлежало бы выкупу съ нѣкоторой щедростью; взамѣнъ земли можно выдать свидѣтельства на 4% вѣчные вклады въ Государственный Банкъ.

Правительству въ общемъ итогѣ не можетъ быть убыточной вся операція, ибо:

1) Земля въ Россіи повсемѣстно дорожаетъ.

2) Пріобрѣтая крупныя владѣнія и уступая ихъ затѣмъ въ собственность или въ аренду крестьянамъ (или общинамъ), мелкими участками,—казна всѣ свои затраты окупитъ даже при щедромъ выкупѣ.

3) Правительство имѣетъ уже готовые органы для всей операціи: Дворянскій и Крестьянскій банки. Эти органы обладаютъ надлежащей опытностью и пріобрѣли полный навыкъ во всѣхъ видахъ оцѣнки и консолидаціи земельной собственности дворянъ и крестьянъ.

Дворянство получитъ обезпеченный доходъ, а связь съ мѣстными интересами не будетъ покупаться цѣною раззоренія, непроизводительнаго труда и даже лишеній. Деревенская жизнь утратитъ свой современный сѣрый колоритъ. Прекратятся досадныя отношенія съ сосѣдями—крестьянами. Сословный антагонизмъ никогда не возникнетъ.

Всего болѣе выиграетъ сѣрая масса крестьянства. Семьдесятъ пять милліоновъ десятинъ земли, выкупленной у землевладѣльцевъ, распредѣленной правительствомъ, вѣроятно, навсегда уничтожатъ малоземелье. До сихъ поръ во всей Сибири открыта и намѣчена для переселенія меньшая территорія. Эти 75.000.000

десятинъ земли лежатъ бокъ-о-бокъ съ крестьянскимъ надѣломъ. Возрастетъ платежная способность населенія. Отъ увеличенія земли въ рукахъ пахаря доходы фиска возрастутъ настолько, что возмѣстятъ съ большимъ избыткомъ отмѣну пограничныхъ, протективныхъ, фискальныхъ и акцизныхъ взиманій. А національное производство получитъ обширный запросъ на товаръ со стороны внутренняго рынка.

ГЛАВА XI.

Спеціальныя мѣры для положительнаго содѣйствія національной промышленности.

При свободныхъ границахъ, при безопасности и свободѣ, при высокомъ уровнѣ образованія, при обширной сѣти путей сообщенія, нѣкоторые роды производства, не смотря на благопріятныя естественныя условія, могутъ встрѣтить временныя препятствія, отчасти вслѣдствіе косности, недостаточной предпріимчивости, отчасти вслѣдствіе давленія установившейся иностранной промышленности. Мы готовы допустить, что для нѣкоторыхъ производствъ—правительство можетъ рѣшиться на временное непосредственное воспособленіе.

Прямымъ, естественнымъ рѣшеніемъ вопроса представляется однако не дарованіе *премій*, которыя неоднократно предлагались какъ экономическій эквивалентъ пошлинъ. Противоположеніе премій и пошлинъ представляетъ, по нашему мнѣнію, логическую ошибку. По сущности вліянія на народный трудъ преміи и пошлины вовсе не суть плюсъ и минусъ. Ошибка объясняется тѣмъ, что вниманіе было обращено лишь на внѣшній видъ пограничной пошлины, (налога на импортъ)—и отсюда выводилась необходимость равной преміи на туземныя произведенія—если протекціонизмъ становился положительнымъ. Англійскій ситецъ стоитъ 5 руб. кусокъ, русскій 8 руб.; слѣдовательно вмѣсто уравнивающей пошлины въ 3 руб.—дайте пре-

мію въ три рубля; при пошлинѣ цѣна ситца въ Россіи будетъ 8 руб.. и русскій фабрикантъ можетъ вести производство продавая свой ситецъ за 8 руб.; при преміи цѣна будетъ 5 руб., но недостающіе 3 руб. русскій фабрикантъ будетъ получать отъ государства и будетъ въ состояніи конкурировать съ англійскимъ импортомъ.

Такія выкладки ошибочны. На самомъ дѣлѣ для вѣрности постановки вопроса надо брать не отдѣльныя оклады тарифа, а *цѣлый тарифъ* съ его вліяніемъ на производство страны, окруженной тарифной стѣной. Устранивъ фискальный элементъ, всегда примѣшивающійся ко всѣмъ протекціонно-таможеннымъ комбинаціямъ, мы увидимъ, что страна, гдѣ потребитель косвенно уплачиваетъ пограничные налоги на импортъ дешевыхъ заграничныхъ товаровъ,—такая страна соглашается, чтобы убыточность нѣкоторыхъ производствъ оплачивалась за счетъ всего государства. Если пошлины уничтожаются и вся страна образовала обширное порто-франко, а въ цѣляхъ положительнаго правительства требуется удержать эти туземныя производства (не смотря на напоръ всемірной свободнойк онкуренціи), то естественнымъ рѣшеніемъ вопроса должны явиться *казенные заводы и фабрики.* Мы положимъ отмѣнимъ пошлины на хлопокъ, ситецъ, сукно и желѣзо и всетаки желаемъ, для грядущихъ выгодъ, немедленно эксплоатировать русскій хлопокъ, шерсть и руду и соглашаемся принести извѣстныя жертвы на устройство ситцевыхъ и суконныхъ фабрикъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Въ такомъ случаѣ всѣ эти фабрики и заводы, какъ слѣдуетъ ожидать, будутъ устроены *за счетъ государства.* Премія, а не казенные заводы, предлагалась въ виду ходячаго мнѣнія о непригодности правительственныхъ органовъ къ хозяйственной дѣятельности. Эта непригодность имѣетъ

только относительное, какъ мы видѣли, значеніе. Во всякомъ случаѣ, во времена Бастіа и Консидерана, сторонники премій обнаружили печальное незнакомство съ фактами. Для однихъ только военныхъ цѣлей—во всѣхъ странахъ—издавна существовали обширные казенные заводы. Изготовленіе ружей, пушекъ, снарядовъ, постройка военныхъ кораблей гораздо *сложнѣе* желѣзодѣлательнаго, бумагопрядильнаго, суконнаго и многихъ другихъ производствъ, которые «охраняются» таможенными пошлинами и которымъ желаютъ даровать преміи. Государство не можетъ, по нашему убѣжденію, поглотить все производство страны по программѣ соціалистовъ. Государство не можетъ вести производство столь же успѣшно и выгодно, какъ частныя лица и частныя компаніи. Но государство несомнѣнно можетъ вести заводское и фабричное дѣло не хуже тѣхъ предпринимателей, для которыхъ десятки лѣтъ существованія тарифа есть conditio sine qua non.

Въ сферѣ мирной промышленности въ наше время казна можетъ преуспѣвать больше, чѣмъ въ военномъ дѣлѣ. Тайны не требуется. Весь ходъ фабрикаціи можетъ быть достояніемъ открытой критики. Въ вѣкъ популярности казенной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ трудно возражать противъ возможности казенныхъ фабрикъ. Мы уже показали, что желѣзнодорожное хозяйство, содержаніе и ремонтъ рельсоваго пути, представляютъ чрезвычайно сложное дѣло и что именно въ этой сложности заключается самое главное препятствіе къ непосредственному правительственному завѣдыванію. Заводское и фабричное хозяйство далеко проще желѣзнодорожнаго. Для казенной фабрики впрочемъ лучше всего примѣнить тотъ же способъ частной аренды и государственной собственности, способъ, который представляетъ собой естественное рѣшеніе вопроса о томъ кому владѣть и кому завѣдывать желѣз-

ными дорогами. Для фабрики аренда явится весьма цѣлесообразнымъ временнымъ хозяйственнымъ режимомъ. Разница съ желѣзными дорогами будетъ заключаться въ томъ, что производство которымъ временно будетъ занята казенные фабрики и заводы должно постепенно, но *всецѣло* переходить въ частныя руки и на мѣстѣ искусственнаго порожденія должна выростать совершенно независимая частная промышленность, которая должна черпать силы изъ общихъ, а не спеціальныхъ, мѣръ государственнаго содѣйствія народному труду.

Для прямого содѣйствія туземному производству въ рукахъ каждаго правительства, кромѣ казенныхъ заводовъ, есть могучее средство, давно испытанное и не разъ оказывавшееся лучше всѣхъ «вызывающихъ» пошлинъ. Мы разумѣемъ обезпеченіе частной туземной промышленности заказами. Свободныя границы сбрасываютъ отрицательные протекціонные путы со всѣхъ отраслей народнаго труда, которыя имѣютъ естественные задатки развитія въ странѣ. Для *прямого* поощренія нѣкоторыхъ родовъ обрабатывающей промышленности правительство можетъ воспользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ пріобрѣтать внутри страны предметы, потребные въ казенномъ хозяйствѣ. Новѣйшая промышленность оказывается чрезвычайно *чувствительной* къ такому роду воздѣйствія, чуждому всякаго запретительнаго характера. Изобиліе капиталовъ, могучія силы современной техники, энергія предпринимателей,—все притекаетъ туда, гдѣ оказываются обезпеченный рынокъ и регулярный сбытъ, т. е. надежный покупатель и обильные заказы.

Армія, флотъ, пути сообщенія и сношенія, принадлежащіе государству, или зависящіе отъ правительства, казенныя зданія, правительственныя учебныя заведенія, казенныя земли,—все это нуждается въ массѣ тѣхъ товаровъ, изготовленіе которыхъ внутри страны заставляетъ нео-протекціонистовъ, послѣдователей и сотрудниковъ Бисмарка, Мелина, Макъ-Кинлея и Менделѣева измышлять разные тарифы. Отказавшись отъ созданія искусственной дороговизны посредствомъ установленія пограничныхъ взиманій, правительство имѣетъ полное основаніе, сложивъ жертвы съ потребителей,—въ нѣкоторой долѣ возложить ихъ непосредственно на фискъ, нѣсколько переплачивая при заказахъ и заготовленіяхъ для правительственныхъ нуждъ. *Правовое* основаніе такого покровительства ясно. Любая *мѣстная* власть предпочитаетъ для своихъ нуждъ пользоваться услугами *мѣстныхъ* торговцевъ и промышленниковъ, если только они не слишкомъ дороги. Центральное правительство имѣетъ какъ разъ тѣ же причины предпочитать отечественныхъ поставщиковъ, какъ и городскія и провинціальныя власти мѣстныхъ рабочихъ и торговцевъ.

Экономическое основаніе содѣйствія туземной промышленности вытекаетъ вообще изъ стремленія современной промышленности къ быстрому уравниванію цѣнъ. При свободныхъ границахъ эта быстрота усугубится. И тогда—то естественное *предпочтеніе*, которое всякое благоразумное правительство оказываетъ *мѣстнымъ* заготовителямъ, дастъ туземному производству громадное преимущество.

Даже теперь, при системѣ искусственной дороговизны и пограничныхъ преградъ,—даже теперь можно удостовѣриться насколько правительственное обезпеченіе сбыта дѣйствительнѣе высокаго покровительственнаго обложенія иностраннаго импорта.

На Югѣ Россіи новые заводы и расширеніе разработки каменнаго угля всего менѣе было вызвано высокими пошлинами. Постройка желѣзныхъ дорогъ соединившихъ мѣсторожденія руды съ каменноугольными копями и правительственные заказы, для удовлетворенія потребности возобновившейся постройки желѣзныхъ дорогъ сдѣлали въ два, три года то, что не могли сдѣлать въ теченіе пятнадцати лѣтъ 100% и выше оклады пограничнаго тарифа на чугунъ, желѣзо, сталь и 60% на каменный уголь. Англійскіе капиталисты выстроили большой рельсовый заводъ и расширили его не раньше полученія большого казеннаго заказа рельсовъ. *Вызывающія* пошлины не могли устроить рудниковъ и копей на берегахъ Чернаго моря, покуда съ перемѣной финансовой политики не началась новая „Railwaymania“. Тогда англійскіе, бельгійскіе, французскіе, германскіе капиталисты, поощренные долгосрочными заказами, повели дѣла на широкую ногу. Страна преобразилась. Сдѣланы были первые дѣйствительные шаги, чтобы использовать громадные запасы превосходнаго минеральнаго горючаго.

Предложите на выборъ виновникамъ развитія юной русской промышленности: удвоеніе пошлинъ или новый обезпеченный заказъ, хотя и по невысокой цѣнѣ. Они предпочтутъ навѣрное послѣднее. Расчетъ простой, наглядный. Лучше нажить десять копѣекъ на милліонѣ пудовъ, чѣмъ тридцать и сорокъ на сотнѣ тысячъ. Государство, отмѣняющее пошлины и одновременно заботящееся о доставленіи работъ туземныхъ предпріятіямъ, уменьшаетъ единичные барыши, но увеличиваетъ доходы предпріятій. Духъ современной промышленности выражается извѣстнымъ французскимъ принципомъ gagne-petit, т. е. продавать дешево и много.

Развитіе американской промышленности въ значительной мѣрѣ обязано большимъ заказамъ, которые

колоссально возраставшая сѣть желѣзныхъ дорогъ дѣлала туземнымъ заводамъ. Положительное покровительство, помимо всякихъ пошлинъ, осуществлялось въ Америкѣ — конечно не государствомъ, а строительными компаніями, благодаря ихъ близкой связи, а иногда и совпаденію съ хозяевами заводовъ и фабрикъ.

Когда положительное содѣйствіе отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ выростетъ, при свободныхъ границахъ, въ раціональную систему, то полезно было бы, по нашему мнѣнію, руководствоваться нижеслѣдующими четырьмя основными началами:

1) Нельзя допускать одновременно пошлинъ и казенныхъ заказовъ. Казенные заказы должны являться лишь по освобожденіи границъ.

2) Не слѣдуетъ допускать относительно казенныхъ заготовленій какихъ либо мѣръ, законовъ, правилъ исключительнаго и запретительнаго характера. Нельзя запрещать заграничныхъ заказовъ, а наоборотъ полезно даже заботиться, чтобы часть каждой поставки,—хотя и меньшая часть,—выполнялась заграницею, для постояннаго нагляднаго сравненія цѣны и качества туземныхъ и иностранныхъ товаровъ.

3) Раздача заказовъ должна производиться гласно и рѣшаться колегіально; а для устраненія личнаго предпочтенія нужно руководствоваться конкуренціей или мотивированнымъ распредѣленіемъ. При свободныхъ границахъ никакія стачки или синдикаты не опасны.

4) Въ періоды безработицы норма казенныхъ заготовленій для воспособленія отечественнымъ предпріятіямъ, должна быть нѣсколько повышена, иначе говоря, должны дѣлаться заказы *въ запасъ* тѣхъ предметовъ, которые не подлежатъ порчѣ при храненіи. Запасы эти позволятъ въ періодъ усиленной дѣятельности заводовъ и фабрикъ сократить заготовленія и избавиться отъ необходимости платить высокія цѣны.

Лассаль требовалъ дешеваго государственнаго кредита для образованія производительныхъ ассоціацій рабочихъ. Въ наше время государственныя ссуды отечественнымъ предпріятіямъ, безъ всякаго отношенія къ соціалистическимъ началамъ, должны занять видное мѣсто среди положительныхъ мѣръ для поддержанія извѣстныхъ отраслей обрабатывающей промышленности. Государства, обладающія высокимъ уровнемъ кредита, могутъ оказать чрезвычайную пользу отечественному производству, если правительство, со всѣмъ своимъ авторитетомъ, станетъ посредникомъ между запросомъ на капиталъ и его предложеніемъ.

Капиталистъ выстроилъ напримѣръ заводъ или фабрику на окраинѣ государства. Нуждаясь въ расширеніи дѣла или еще чаще въ оборотныхъ средствахъ, онъ выпускаетъ облигаціи; но помѣщеніе ихъ въ провинціи, на мѣстѣ, зависитъ отъ случайности, а столичныя биржи могутъ мало интересоваться отдаленнымъ предпріятіемъ.

Если это предпріятіе относится къ тому роду промышленности, который рѣшено поддерживать, то правительственное содѣйствіе должно состоять прежде всего въ основательной провѣркѣ ипотечнаго обезпеченія облигацій, а затѣмъ въ ихъ гарантіи или пріобрѣтеніи. Процентъ роста долженъ быть равенъ проценту по государственнымъ бумагамъ, но погашеніе быстрѣе. Отнюдь нельзя допускать, чтобы подобныя ссуды были источникомъ дохода для фиска.

Ссуды промышленности могутъ быть выдаваемы и въ другомъ видѣ. Если казенные заводы будутъ признаны неудобными, то промышленныя предпріятія могутъ быть учреждаемы на половину на частныя средства, на половину на казенныя ссуды. Въ новѣйшее время два правительства, отнюдь не имѣющія традицій „вмѣшательства“ въ частную промышленность,—два

правительства примѣнили принципъ частичнаго, но прямого участія фиска въ собраніи основнаго капитала частнаго предпріятія. Бельгійскіе подъѣздные пути (Chemins de fer vicinaux) сооружаются въ складчину: одну треть капитала даютъ частныя компаніи, одну треть мѣстное правительство, одну треть—центральное. Канадская Тихоокеанская желѣзная дорога (Canadian Pacific Railroad) выстроена акціонернымъ обществомъ, получившимъ крупную субсидію отъ того правительства, которое въ метрополіи вовсе отказывается отъ содѣйствія желѣзнодорожному строительству—предоставляя все частной иниціативѣ, а въ Индіи держится системы казенныхъ дорогъ.

Въ области фабрично-заводской промышленности каждый заводъ, выстроенный казною, а затѣмъ, какъ нерѣдко бываетъ, почему-либо проданный или сданный въ аренду частнымъ лицамъ и компаніямъ, даетъ примѣръ фактическаго сотрудничества государственнаго и частнаго капитала.

Казенная субсидія частному предпріятію не должна вести за собою мелочного придирчиваго контроля, а тѣмъ болѣе вмѣшательства агентовъ фиска въ обычный ходъ хозяйственныхъ распоряженій. Если предпріятіе управляется колегіей, составленной на половину изъ правительственныхъ представителей, то всѣ дурныя стороны казеннаго и частнаго хозяйства соединяются, а хорошія исчезаютъ.

Правительство, какъ говорятъ, склонно гораздо болѣе частныхъ предпринимателей заботиться о служащихъ и рабочихъ; предпринимательскимъ барышемъ государство готово отчасти поступиться для облегченія рабочихъ и вовсе отказаться отъ барышей, если общее благо этого требуетъ. Ни одно изъ этихъ преимуществъ не можетъ пріобрѣсти частное предпріятіе отъ участія правительственныхъ агентовъ въ ведѣніи

дѣлъ. За то пріобрѣтается формализмъ и утрачивается коммерческая гибкость и изобрѣтательность. Если бы возможно было навязать доходнѣйшимъ изъ частныхъ предпріятій (напр. извѣстнымъ банкамъ, или давно учрежденнымъ страховымъ обществамъ) хотя *одного* представителя казны въ ихъ правленіи, то отъ одного этого доходность значительно уменьшилась бы и—что хуже всего—это уменьшеніе не дало бы никому замѣтной выгоды и облегченія, а всего меньше нисшему служебному персоналу и рабочимъ.

Если правительство есть пайщикъ, держатель акцій частнаго предпріятія,—оно—какъ для соблюденія начала невмѣшательства, такъ и въ интересахъ дѣла,—отнюдь не должно себѣ усвоивать правъ большихъ, чѣмъ частные капиталисты, участвующіе въ предпріятіи. Оно можетъ вліять принадлежащими ему голосами на выборы и добиваться желательнаго состава правленія, въ число котораго, для защиты интересовъ фиска, должно избирать подходящихъ лицъ изъ крупныхъ частныхъ акціонеровъ, а не чиновниковъ. Если же такая система будетъ возбуждать опасенія,—то лучше вовсе отказаться отъ участія казны въ частныхъ предпріятіяхъ или выкупать въ казну полностью все дѣло.

Тотъ родъ государственнаго содѣйствія отечественной промышленности, который у многихъ сторонниковъ активнаго протекціонизма долженъ занимать первое и даже единственное мѣсто—поощрительныя преміи—при свободной соціальной кооперації, при союзѣ личной и правительственной иниціативы—даже въ ряду спеціальныхъ, второстепенныхъ мѣръ—долженъ занимать послѣднее мѣсто. Выше показано, что

экономическій эквивалентъ тарифовъ есть казенный заводъ, а никакъ не преміи.

Естественная роль послѣднихъ въ системѣ положительнаго государственнаго воздѣйствія на народный трудъ и естественные ихъ размѣры опредѣляются лишь при воспособленіи промышленности въ тѣхъ странахъ, гдѣ капиталы рѣдки, а процентный уровень высокъ.

Къ сожалѣнію научная разработка вопроса о такихъ естественныхъ преміяхъ и сознательное ихъ введеніе въ экономическій строй—есть дѣло будущаго; теперь, говоря о преміяхъ, приходится подразумѣвать искусственныя, почти случайныя, поштучныя дотаціи тому или другому роду производства изъ средствъ фиска, т. е. изъ податныхъ денегъ.

Преміи платятъ пароходнымъ компаніямъ и судостроителямъ, заводамъ, изготовляющимъ паровозы и рельсы (Франція, Россія); преміи богатая Франція и бѣдная Испанія—выдаютъ для поощренія шелководства. Въ 1898 году преміи обѣщаны во Франціи за посѣвъ льна и конопли (законъ 9 Апрѣля), а въ Новой Зеландіи – за разработку ртутныхъ мѣсторожденій.

Всѣ эти *дары фиска* по отношенію къ тому экономическому режиму, который возникнетъ въ государствахъ съ свободными границами,—режиму, какъ мы надѣемся, недалекаго будущаго, должны быть разсматриваемы какъ первые предвѣстники лучшихъ дней. Мы желали бы подыскать аналогію; современныя преміи, если хотите, похожи на хорошій матеріалъ, къ которому впервые обратился строитель, всѣ зданія котораго раньше воздвигались изъ гнилого матеріала, и потому рушились одно за другимъ. Новый матеріалъ надежный, но съ нимъ строитель не умѣетъ еще обращаться, мало знакомъ съ его свойствами и потому неумѣлой и неувѣренной рукой выкладываетъ первые ряды, которые скоро, пожалуй, придется сломать. За-

конодатель, сочинившій много эфемерныхъ тарифовъ, которые обманули всѣ надежды, законодатель, обратившійся къ преміямъ—похожъ на такого строителя. Преміи—матеріалъ хорошій, но годится скорѣе для увѣнчанія зданія. Фундаментъ и стѣны, какъ мы видѣли, требуютъ чего либо болѣе крѣпкаго.

Если оцѣнивать преміи безъ отношенія къ будущему, то за ними должно признать крупную несообразность. Онѣ теперь выдаются для поощренія тѣхъ производствъ, которыя *терпятъ отъ тарифовъ*. Испанскій шелкъ, французскій ленъ, русскіе рельсы,—получая премію, должны видѣть въ ней *компенсацію* многихъ *пошлинъ*, существованіе которыхъ отзывается на ихъ производствѣ. Фискъ даритъ одной рукой, беретъ другой. Фабрикантъ и заводчикъ вслѣдствіе однѣхъ пошлинъ переплачиваетъ за сырье, за машины, за инструменты, за перевозку; благодаря другимъ пошлинамъ заводчикъ заставляетъ потребителя на внутреннихъ рынкахъ переплачивать себѣ за готовыя издѣлія. Въ итогѣ онъ самъ лишается иногда прибыли и терпитъ убытки; премія стремится возмѣстить ему часть убытка.

При сколько нибудь сложномъ фискально-протекціонномъ тарифѣ—отмѣна одной какой либо пошлины и замѣна ее преміей не можетъ дать послѣдней значенія положительнаго фактора. Несообразность остается, ибо премія все-же является неопредѣленнымъ коррективомъ *многихъ* пошлинъ, еще неотмѣненныхъ. Такъ напримѣръ введеніе преміи на сталь, вмѣсто отмѣненной протективной пошлины, обозначаетъ только возвратъ заводчику части большихъ переплатъ за топливо, руду или чугунъ, за машины и инструменты, за одежду рабочихъ, за дорогую эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, которымъ приходится нести тяжесть многихъ протективныхъ пошлинъ и т. д.

Истинное значеніе премій скажется лишь при свободныхъ границахъ, когда всѣ налоги на импортъ, все отрицательное покровительство отечественной промышленности и всѣ пограничныя стѣсненія падутъ. Чрезвычайно полезны будутъ преміи въ первые годы послѣ совершеннаго упраздненія всѣхъ пограничныхъ заставъ и взиманій. Для тѣхъ родовъ промышленности, которымъ трудно будетъ сразу перейти изъ современной *теплицы* протекціонизма на *свѣжій воздухъ* свободнаго обмѣна и для которыхъ почему-либо не будутъ удобны другія вышеразобранныя мѣры положительнаго содѣйствія,—преміи могутъ быть дарованы и даже на долгій срокъ. При такомъ рѣшеніи вопроса, преміи не будутъ обременительны для фиска, ибо число ихъ категорій и оклады будутъ не велики, а итоги не будутъ представлять тягостной бюджетной статьи.

Плательщики налоговъ замѣтятъ сейчасъ же, когда надобность въ выдачѣ премій прекратится; наоборотъ пошлины всегда взимаются еще долго послѣ того, какъ самое основаніе ихъ взиманія исчезло.

Преміи по силѣ вліянія на народный трудъ уступаютъ всѣмъ другимъ положительнымъ мѣрамъ. Но за преміями остается драгоцѣнное свойство — ясность. Всѣ и каждый могутъ точно сосчитать, во что обходится государственная помощь данному роду промышленности.

ГЛАВА XII.

Переходныя мѣры. Политическія отношенія и національная самобытность при режимѣ свободныхъ границъ.

Въ исторіи культурныхъ націй наибольшее процвѣтаніе пограничныхъ пошлинъ приходится на средніе вѣка. Современные тарифы суть ближайшіе потомки тѣхъ налоговъ и взиманій, для обезпеченія поступленія которыхъ были построены живописные замки, съ зубчатыми башнями и подъемными мостами. Исторія долины Рейна за цѣлыя шесть столѣтій повѣствуетъ о постоянной борьбѣ противъ насильственныхъ поборовъ, которые позднѣе получили названіе фискальныхъ и протекціонныхъ пошлинъ.

Устья рѣкъ и морскіе проливы всегда притягивали къ себѣ когти фиска. Интересно основаніе права на водяное пространство, прилегающее къ предѣламъ государства. Въ «Кодексѣ» Блюнчли § 302 сказано:

«Если границу государства представляетъ открытое море, то принято, что территоріальная власть простирается и надъ воднымъ пространствомъ вдоль берега, насколько она находится во власти государства, т. е. на разстояніи пушечнаго выстрѣла».

Въ примѣчаніяхъ къ этому § Блюнчли поясняетъ, что «первоначальная граница опредѣлялась разстояніемъ брошеннаго камня, потомъ пущенной стрѣлы»... Руководящимъ принципомъ является здѣсь изрѣченіе: Terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis.

Профессоръ Мартенсъ пишетъ: «если проливъ находится подъ пушечными выстрѣлами одного и того же государства, то считается подъ властью послѣдняго *).

Таковы принципы международнаго права. Исторія же говоритъ, что проливы, какъ узкіе морскіе пути, постоянно освобождались отъ пошлинъ (не смотря на упорное сопротивленіе владѣвшихъ ими государствъ)— освобождались потому, что пошлины, даже и умѣреннаго размѣра, оказывались непосильнымъ бременемъ.

Зундская пошлина, которую Данія считала своей неотъемлемой прерогативой, была выкуплена державами въ 1857 году, за нѣсколько милліоновъ риксдалеровъ. Въ 1863 году освобождены отъ поборовъ устья Шельды, за что Голландскому правительству выплачено 34.000.000 франковъ.

На Босфорѣ и въ Дарданелахъ поборы, весьма тягостные, непременно явились бы (вполнѣ согласно съ международнымъ правомъ)—если бы дѣло зависѣло отъ состоянія турецкихъ финансовъ и отъ числа проходящихъ кораблей. Но плаваніе осталось свободнымъ, ибо Россія и другія державы, ведущія торговлю въ Черномъ морѣ, не пожелали стать данниками Турціи.

Въ Суэзскомъ каналѣ не могутъ быть взимаемы никакія пошлины, исключая премій компаніи.

Сколько невзгодъ и подрыва терпѣлъ и терпитъ международный обмѣнъ отъ всякаго рода пограничныхъ взиманій—видно изъ всѣхъ торговыхъ отчетовъ и массы статистическихъ данныхъ. Отрицательные факты на лицо и были нами приведены. Велико будетъ развитіе торговли, когда спадутъ пограничныя тягости. Ни одна страна не даетъ еще картины полнаго разцвѣта современной свободной торговли. Довольно убѣ-

*) Современ. Международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I, стр. 380.

дительныя указанія на возможное будущее даютъ такъ называемые порто-франко—отдѣльные приморскіе пункты, иногда значительные города—гдѣ отмѣняется всякій таможенный надзоръ и всѣ пошлины, а пограничный кордонъ выносится за городскую черту, охватывая порто-франко полукружьемъ съ сухого пути, напоминая грозную армію осадившую, безъ содѣйствія флота, приморскую крѣпость.

Права порто-франко даруются, обыкновенно временно, тѣмъ прибрежнымъ мѣстамъ и городамъ, гдѣ желательно вызвать скорѣйшій ростъ промысловъ и торговли, поступившись даже частью таможенныхъ доходовъ. Изъ русскихъ городовъ Батумъ до 1886 года пользовался этими правами. Владивостокъ пользуется до сихъ поръ. Одесса разрослась и разбогатѣла изъ ничтожной деревушки до громаднаго цвѣтущаго города, благодаря порто-франко, существовавшему до 1849 года. Перенесеніе закрытой границы лишь на нѣсколько верстъ дальше—быстро, почти по волшебному мановенію, образуетъ радостный оазисъ. Между тѣмъ очевидно, что свобода обмѣна относится только для потребностей одного населенія порто-франко и до свободной нагрузки товаровъ въ городскіе пакгаузы. Оказывается, что и этого достаточно для возникновенія торговаго центра.

Матеріальное и моральное благополучіе, которое теперь достается на долю обитателей порто-франко суждено будетъ испытать и *обширнымъ государствамъ*, которыя *не побоятся* жить среди свободныхъ границъ. И подобно тому, какъ въ этихъ счастливыхъ приморскихъ поселеніяхъ сильная и независимая государственная власть, рядомъ общихъ мѣръ и спеціальныхъ воспособленій, приходитъ на помощь мѣстному производству, такъ и въ цѣлой странѣ, стряхнувшей навсегда съ себя таможенныя вериги, національная про-

мышленность будетъ черпать силы, для участія въ операціяхъ всемірнаго рынка,—въ личной иниціативѣ и общественной самопомощи, опирающихся на могущественное и дѣятельное содѣйствіе правительства.

Опасеніе бѣдствій и затрудненій, которыми грозитъ переходная пора не разъ отсрачивало благодѣтельныя законодательныя перемѣны. Тѣ самые люди, которые вѣрили въ благія конечныя послѣдствія какой-либо реформы, бываютъ склонны колебаться и переносить тяжесть переворота на слѣдующее поколѣніе,—лишь бы самимъ не пережить и не перенести тягостной ломки.

Режимъ свободныхъ границъ найдетъ безъ сомнѣнія такихъ принципіальныхъ сторонниковъ, которые будутъ указывать на трудность *перехода* отъ современнаго положенія къ отмѣнѣ всѣхъ пограничныхъ обложеній.

„Не погибнетъ ли, скажутъ они, національная промышленность въ странахъ, гдѣ долго преобладало протективное начало? Не пострадаетъ ли слишкомъ тяжело, хотя и временно, бюджетъ государства, въ странахъ, гдѣ преобладаетъ фискально-акцизное обложеніе?“.

„Если одно государство освободитъ свои границы, не будетъ ли ему тяжело, покуда другіе не послѣдуютъ его примѣру? Гдѣ взять средства на положительное содѣйствіе отечественной промышленности, когда изъ бюджета, и безъ того обремененнаго, исчезнетъ таможенный доходъ?“

Чтобы устранить такія опасенія, избавиться отъ затрудненій и избѣгнуть рѣзкой ломки въ переходную эпоху—прежде всего нужна искренность и твердость.

Всего важнѣе усвоить цѣль ближайшаго будущаго: упраздненіе всѣхъ пограничныхъ пошлинъ и акцизовъ.

Необходимо принести дѣлу свободы обмѣна, т. е. дѣлу упроченія мира, хотя небольшую часть тѣхъ жертвъ, которыя до сихъ поръ щедрой рукой приносятся на алтарь войны. Пусть тарифы и таможни дѣйствуютъ нѣкоторое время; но необходимо разъ навсегда: 1) отказаться отъ какого бы то ни было введенія *новыхъ* пошлинъ или пограничныхъ взиманій; 2) отказаться отъ всякаго повышенія существующихъ пошлинъ и пограничныхъ акцизовъ; 3) не повышать пошлинъ или акцизовъ и не возстановлять ихъ, разъ они понижены или отмѣнены, въ силу избытковъ доходовъ, успѣховъ промышленности или торговыхъ договоровъ, 4) отмѣнить или понизить всѣ запретительныя и полузапретительныя пошлины.

Разъ эти начала будутъ твердо усвоены—развитіе промышленности, успѣхи науки и то самое основное свойство всякаго тарифа, которое является врагомъ всемірнаго обмѣна—перемѣнчивость—быстро подвинутъ дѣло реформы.

Затѣмъ необходимо: 1) безотлагательно *упростить* тарифъ, совершенно отмѣнивъ мелкія обложенія (даже въ тарифѣ Англіи сохранились до сихъ поръ давно подлежащія отмѣнѣ мелкія статьи—какао, цикорій, коринка, фрукты и т. под.; въ другихъ тарифахъ такія обложенія весьма многочисленны); 2) немедленно начать, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, реформу акцизнаго обложенія, чтобы взиманіе внутреннихъ доходовъ не нуждалось болѣе въ услугахъ таможенъ; 3) въ годы финансоваго благополучія удѣлять часть бюджетныхъ избытковъ на отмѣну той или другой пошлины (съ тѣмъ конечно, чтобы она никогда не возстановлялась); 4) въ годы финансовыхъ затрудненій покрывать дефицитъ даже займами (если неудобно будетъ повы-

сить внутренніе прямые налоги), но отнюдь не увеличивать таможенный доходъ; 5) протективныя преимущественно пошлины (мы уже видѣли, что чисто протективныя пошлины рѣдки и всегда имѣютъ фискальную примѣсь)—надлежитъ оставить лишь на короткій и опредѣленный срокъ; 6) торговые договоры должны заключаться только съ цѣлью *ускорить* наступленіе *режима свободныхъ границъ.* Когда нынѣшніе тарифные échelles mobiles рѣшено будетъ превратить въ échelles sans cesse descendantes, тогда основная идея всѣхъ торговыхъ договоровъ будущаго должна состоять въ простомъ и откровенномъ заявленіи, что всѣ пошлины будутъ не въ далекомъ будущемъ *совершенно* отмѣнены и таможенный тарифъ представитъ книгу, гдѣ будутъ множиться бѣлые листы; но сговорчивые сосѣди должны лишь *помочь приблизить* вожделеннный день *полной* свободы границъ.

Если такими началами проникнется политика—этотъ день будетъ близокъ и никакихъ потрясеній ни отечественная промышленность, ни фискъ—не испытаютъ.

Пресловутый вопросъ о тарифной взаимности вовсе не долженъ считаться затрудненіемъ или препятствіемъ на пути къ режиму свободныхъ границъ. Если сосѣднія націи будутъ неподатливы, т. е. не справятся еще съ экономической косностью—государство, рѣшившее освободить свои границы, не должно опасаться своего положенія среди другихъ націй, упорно сохраняющихъ или даже возвышающихъ свои таможенныя стѣны.

Презрительные отзывы Бастіа и Генри Джорджа о взаимности нашли въ концѣ XIX вѣка такія подтвержденія, отрицать значеніе которыхъ можно только пос-

редствомъ софизмовъ и лжи. Англія не бѣднѣетъ, находясь среди другихъ народовъ, которыхъ постигла зараза нео-протекціонизма, и—что всего важнѣе—не слушаетъ своихъ пророковъ, предрекающихъ ей скорую гибель. Есть и другія страны, наприм. Бельгія и Голландія, также безстрашно отвергающія взаимность. Для правильнаго взгляда на вопросъ установленія *взаимно вредныхъ тарифовъ*, нужно имѣть въ виду, что они всегда существовали не въ дѣйствительности, а въ воображеніи монополистовъ. Только во время войны, когда *всѣ* торговыя сношенія и обмѣнъ прерваны, еще можно признать, что противники, какъ говорится, квиты. Если напримѣръ Франція воюетъ съ Германіей, „*взаимность*“ состоитъ въ томъ, что германскіе товары во Францію, а французскіе въ Германію, не могутъ попасть иначе, какъ подъ нейтральнымъ флагомъ, т. е. своего рода кантрабандой. Таможенная же война тогда только можетъ дать подобную же *взаимность*, если обѣ стороны приняли абсолютно-запретительный тарифъ. Но такая таможенная война невозможна, ибо немедленно перейдетъ въ войну открытую, и, какъ мы видѣли, такая невозможность запрещенія обмѣна (между европейскими народами) *)—безъ немедленной вооруженной борьбы—есть одно изъ нагляднѣйшихъ доказательствъ тѣсной связи обмѣна между націями съ вопросами войны и мира.

Во время тѣхъ таможенныхъ войнъ, которыя возможны въ дѣйствительности, т. е. при весьма стѣсненномъ, но все же происходящемъ обмѣнѣ — *взаимность* уже *подорвана*, ибо въ каждый данный моментъ и въ общемъ итогѣ и въ отдѣльныхъ родахъ промышленности сумма убытковъ и вреда *различна*. Съ заключеніемъ

*) Блокада, какъ репрессія, еще не доходящая до войны возможна (и то въ исключительныхъ случаяхъ), по отношенію къ безсильному государству.

торговаго договора или вообще при устраненіи *боевыхъ* пошлинъ—о взаимности *не можетъ быть и рѣчи.* Нельзя въ самомъ дѣлѣ считать взаимностью такое напримѣръ положеніе дѣла, когда нѣсколько вліятельныхъ группъ французскихъ фабрикантовъ съ одной стороны и нѣсколько такихъ же группъ германскихъ заводчиковъ съ другой считаютъ, что *взаимно* одинаково страдаютъ. Безпристрастный наблюдатель видитъ наоборотъ рядъ совершенно различныхъ результатовъ и разныхъ вліяній. Различными пошлинами обложены различные товары; итоги таможенныхъ уплатъ, доходъ фиска, стоимость привоза и вывоза—все различно.

Какъ до сихъ поръ взаимность являлась лишь съ объявленіемъ войны, такъ и въ будущемъ дѣйствительная взаимность будетъ при *полной* свободѣ границъ. Взаимность и теперь есть между Англіей и Шотландіей, между Бретанью и Нормандіей, между Пруссіей и Баваріей.

Свободнан международная кооперація, связанная со свободной же соціальной кооперацією, упразднитъ войны, уменьшитъ постепенно и сведетъ до малыхъ размѣровъ арміи и флоты. Пусть государства, освобождающія свои границы, до времени сохранятъ въ полномъ объемѣ свои настоящія вооруженныя силы. Пусть даже увеличиваютъ ихъ, если какія либо опасенія тревожатъ правительство. Но драгоцѣнной переходной мѣрой явилось бы употребленіе нѣкоторой, хотя и не слишкомъ значительной, части военныхъ кредитовъ на пониженіе пошлинъ и именно тѣхъ пошлинъ, отъ которыхъ терпитъ нація, считающаяся вѣроятно противникомъ. Если Франція увеличиваетъ свой флотъ изъ за угрожающаго положенія Англіи, то каждое чрезвычайное ассигнованіе на постройку броненосцевъ и усиленіе береговой артиллеріи цѣлесообразно сопровождать нѣкоторыхъ умень-

шеніемъ тарифовъ, отъ которыхъ терпитъ англійскій заводчикъ и англійскій рабочій. Если вмѣсто 100.000.000 франковъ на флотъ истратить 80.000.000, осторожность будетъ соблюдена; но если остальные 20.000.000 будутъ назначены на такое пониженіе пограничныхъ обложеній, которое поведетъ къ увеличенію импорта, то жертвы фиска широко окупятся тѣмъ, что военный бюджетъ, мало по малу, внѣ человѣческой воли, потеряетъ наклонность къ быстрому росту, и если движеніе къ свободѣ границъ будетъ настойчиво продолжаться, то у военнаго бюджета получится наклонность противоположнаго свойства. И если всѣ цивилизованные государства опояшутся свободными границами, тогда вооруженную силу придется сохранить для охраны внутренняго порядка и для принудительныхъ мѣръ по отношенію къ варварскимъ или малокультурнымъ странамъ. Тогда уравнительныя военныя мѣры придется вести въ обратномъ порядкѣ. Тогда настанетъ день, когда придется созвать конгрессъ или конференцію съ цѣлью установить не максимумъ, а минимумъ военной силы, которую обязано держать каждое государство, чтобы быть готовымъ, во всякую данную минуту, защитить интересы цивилизаціи. Уже въ XIX вѣкѣ не одинъ разъ военныя силы европейскихъ державъ имѣли такія гуманныя задачи. Наваринскій бой, завоеваніе Алжира, защита Святыхъ Мѣстъ, сирійская экспедиція, заступничество за миссіонеровъ, война 1877—1878 гг., устройство Крита—событія однородныя. Когда международный антагонизмъ прекратится, то всякое примѣненіе силы или всякая угроза за предѣлами цивилизованнаго мира—будетъ проявленіемъ одной и той-же идеи права и человѣчности.

Національная самобытность и государственный суверинитетъ будутъ при свободныхъ границахъ неприкосновенными.

Пограничная стража и таможенныя заставы на рубежѣ двухъ правовыхъ, независимыхъ, государствъ вовсе не нужны ни для политическихъ, ни для соціальныхъ цѣлей. Форма правленія, законы и обычаи, компетенція административной власти, — останутся при свободныхъ границахъ незыблемыми. Владѣлецъ большаго имѣнія вовсе не нуждается въ стѣнѣ вокругъ своей межи и ничего не терпитъ отъ того, что на его землѣ, по дорогамъ, возятъ товары и переходятъ свободно и переѣзжаютъ люди всякаго званія. Государство, вооруженное своимъ суверинитетомъ, еще менѣе можетъ опасаться свободнаго передвиженія. Весьма убѣдительны пограничныя отношенія государствъ федеративныхъ, или состоящихъ въ таможенномъ единеніи. Въ Германіи слѣдуетъ обратить вниманіе въ особенности на границы Баваріи и Люксенбуга. Бавaрія, входя въ составъ Германской Имперіи, сохранила весьма большую самостоятельность. Какъ и другія государства, она имѣетъ особаго наслѣдственнаго монарха. Ея армія только въ военное время повинуется Императору. Люксенбургъ, входящій въ Zollverein—безусловно самостоятельное государство. Отсутствіе на германскихъ границахъ Баваріи и Люксенбурга таможень, въ глазахъ правительства короля и великаго герцога—есть установленіе *чисто финансовое* и ни мало не усугубляющее опасности поглощенія Германіей. Особые законы исправно отправляютъ свои функціи по обѣ стороны свободной границы. Венгрія также добилась чрезвычайной самобытности. Между тѣмъ таможенной черты на рѣкѣ Лейтѣ не имѣется. Швейцарскіе кантоны столь мнительны, что боятся, какъ мы видѣли, даже общаго казеннаго

союзнаго Банка. Но никакихъ опасеній не внушаетъ отсутствіе внутреннихъ заставъ и кордоновъ.

При современномъ быстромъ желѣзнодорожномъ движеніи и при уничтоженіи паспортнаго контроля, пассажиръ, не имѣющій багажа, переносится въ одномъ и томъ же вагонѣ, не имѣя дѣла съ властями, изъ одного самостоятельнаго государства въ другое, третіе—въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Государственный суверинитетъ нисколько отъ этого не умаляется. Мы имѣемъ право утверждать, что весь ходъ государственнаго механизма останется неприкосновеннымъ при свободныхъ границахъ. Только на предѣлахъ варварскихъ государствъ придется имѣть бдительный кордонъ и желательно было бы, въ видахъ безопасности еще усугубить тамъ военно-полицейскій надзоръ. Сюда относятся азіатскія границы Англіи и Россіи и вообще колоніальные рубежи державъ.

Режимъ свободныхъ границъ, соединенный съ абсолютной политической самобытностью и дѣятельной заботой правительства объ отечественной промышленности, отразится на благополучномъ разрѣшеніи тѣхъ острыхъ международныхъ конфликтовъ, въ которые приходятъ цивилизованныя государства. Когда обмѣнъ станетъ свободнымъ и торговое соперничество само по себѣ не способно будетъ накоплять вражду,—тогда всѣ рѣшительно политическіе споры, по основной ихъ сущности, сведутся къ двумъ категоріямъ; къ территоріальнымъ спорамъ между метрополіями и къ территоріальнымъ спорамъ въ колоніяхъ. Такіе вопросы, какъ воссоединеніе Эльзаса, относятся къ первой категоріи; вопросъ Восточный, представляющій теперь ничто иное, какъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи и Персіи, можетъ

быть отнесенъ ко второй, такъ какъ при уничтоженіи разстояній, нельзя не видѣть чрезвычайнаго сходства въ пререканіяхъ изъ африканскихъ за протекторатовъ или китайскихъ оккупацій съ вопросомъ о сферахъ вліянія въ Малой Азіи и на берегахъ Персидскаго залива.

На Европейскомъ континентѣ режимъ свободныхъ границъ поведетъ помимо воли того или другого правителя, помимо настроенія той или другой руководящей партіи, къ ослабленію не только чисто аггрессивныхъ, но и возсоединяющихъ стремленій. Присоединеніе спорной провинціи и „исправленіе границы“ будетъ менѣе привлекательно, ибо *каждодневныя* жгучія напоминанія объ испытанномъ отторженіи, устранятся. Одновременно съ этимъ сохраненіе въ чертѣ государства населенія, тяготѣющаго къ зарубежному центру, предстанетъ въ иномъ свѣтѣ.

Когда граница станетъ свободна, французскій патріотъ станетъ менѣе желать, чтобы Мецъ также принадлежалъ Франціи, какъ Нанси и Бельфоръ. Нѣмецкій патріотъ склонится отступить отъ нынѣшняго non possumus, когда разсудитъ, что послѣ устраненія пограничныхъ преградъ, древнее достояніе Gesamtvaterland'a по лѣвую сторону Рейна—можно будетъ считать связаннымъ историческими крѣпкими узами съ Германіей, хотя бы эти области управлялись изъ Парижа. Эльзасскіе депутаты, при томъ или другомъ мнѣніи относительно возсоединенія съ Франціей, явились бы сотрудниками въ Рейхстагѣ. Къ нимъ присоединился бы и представитель Сѣвернаго Шлезвига. По сходной причинѣ отношенія Даніи и Германіи приняли бы дружественный характеръ.

Партія Italia irredenta усвоила бы примирительную и неопасную для мира программу, когда населеніе Ломбардіи, Піемонта, Венеціи вступило бы въ безпре-

пятственное, безпрерывное, сношеніе съ населеніемъ Ниццы, Савойи, Тичино, Истріи, Тироля.

Стремленіе захватить спорныя территоріи уменьшится. Стараніе сохранить неприкосновенными границы ослабляетъ. Въ результатѣ—склонность населенія на спорной территоріи получитъ рѣшающій голосъ.

Если бы въ наше время возникла мысль объ уничтоженіи германской черезполосицы, то вопросъ не обострялся бы и обсуждался съ академическою сдержанностью. Исправленіе границы между Сѣверной и Южной Германіей, между Пруссіей и Баваріей, не можетъ принять того страстнаго характера, какъ въ 1866 г., когда князю Бисмарку приходилось сильно бороться, чтобы удержать своего государя отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Пфальцѣ и Аншахѣ. Свобода границъ въ теченіи 35 лѣтъ сдѣлала свое дѣло. Сепаратистическія стремленія ослабѣли. Аггресивныя замыслы Пруссіи угасли. Если бы Рейхстагъ рѣшилъ присоединить Пфальцъ къ Пруссіи Баварія, хотя была бы недовольна, не стала бы строить плановъ объ отдѣленіи отъ союза. Но Пруссія съ другой стороны едва ли станетъ добиваться небольшаго расширенія своей территоріи, если натолкнется на протесты.

Измѣненія въ границахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Швейцарскихъ Кантоновъ также не въ силахъ вызвать серьезнаго конфликта, такъ какъ *температура споровъ будетъ только что тепловата*.

Не одна привычка къ свободѣ обмѣна и переселенія смягчаетъ пограничныя территоріальные споры между правовыми государствами. Не меньшее вліяніе является увѣренность въ личныхъ гарантіяхъ и въ незыблемомъ правовомъ порядкѣ. Свободныя границы полвѣка назадъ и въ наше время способны дать иныя послѣдствія. Пьемонтъ въ 1830—1840 гг. могъ напри-

мѣръ заключитъ таможенный союзъ съ Австріей, Папской областью и Неаполемъ. Но условія жизни для итальянцевъ были такъ различны, что свобода границъ примиряла бы только *правительства.* Теперь она примиряетъ и *примиритъ народы.*

Въ вопросахъ колоніальныхъ примиряющее значеніе свободныхъ границъ выступаетъ еще съ большею очевидностью, чѣмъ въ непосредственномъ столкновеніи метрополій. Каждый актъ колоніальной политики нашего времени не имѣетъ другихъ цѣлей кромѣ расширенія отечественнаго рынка и (въ меньшей степени) доставленія территоріи для поселенія. Всѣ остальные вопросы о морскихъ станціяхъ, о протекторатѣ, объ охраненіи торговыхъ путей, о сферахъ вліянія либо прямо связаны съ потребностями обмѣна и съ эмиграціей, либо служатъ косвенно тѣмъ же цѣлямъ, способствуя военной охранѣ достигнутыхъ пріобрѣтеній. Если бы Англія отказалась теперь отъ колоніальной политики, то захваты Франціи и Германіи повели бы къ тому, что англійскіе товары не попали бы за океанъ, заокеанское сырье не попало бы въ Англію, а рабочему англичанину воспретили бы селиться во многихъ плодородныхъ экзотическихъ земляхъ. Сходныя опасенія и разсчеты руководятъ колоніальной политикой каждой націи, которая имѣетъ возможность и надобность вести активную политику.

При свободныхъ же границахъ для всякой державы важно только будетъ, чтобы колоніальное расширеніе досталось правовому государству. Германія съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на успѣхи Англіи и Франціи, ибо тамъ, гдѣ будетъ водруженъ англійскій или французскій флагъ, нѣмецкіе товары не встрѣтятъ обложенія, а нѣмецкіе поселенцы получатъ право свободнаго землевладѣнія и землепользованія. Правда, французская и англійская промышленность будетъ

пользоваться нѣкоторыми важными преимуществами въ своихъ колоніяхъ въ силу начала положительнаго покровительства; но это начало всегда оставляетъ, какъ мы видѣли, значительнѣйшую долю иностранному обмѣну. Если бы американскія и индійскія таможни исчезли, обмѣнъ Америки и Индіи со всѣмъ свѣтомъ удесятирился бы; иностранная промышленность мало смущалась бы мѣстными законодательными, административными, аграрными и чисто хозяйственными мѣрами для подъема производительныхъ силъ. Казенные заводы, казенныя субсидіи, преміи создаютъ иностранному импорту мѣстныхъ конкурентовъ, но никогда не дадутъ такого ущерба, какъ пограничныя препятствія отрицательнаго характера. Многіе отрасли промышленности останутся внѣ всякаго прямого воздѣйстія. И вообще вся система положительнаго содѣйствія исходитъ изъ здороваго принципа сокращенія издержекъ производства и стремится къ дешевизнѣ, а не къ дороговизнѣ. Всемірный обмѣнъ ко всему примѣнится, но не справится съ грубыми формами нападенія, т. е. съ пограничнымъ обложеніемъ. Возникающая въ далекихъ дѣвственныхъ странахъ туземная обрабатывающая промышленность даетъ выгоды для свободной торговли каждой страны; нѣкоторые частные итоги обмѣна быть можетъ сократятся; общій итогъ навѣрное возрастетъ.

Всего яснѣе видна разница положительнаго и отрицательнаго покровительства въ сферѣ иммиграціи капиталовъ. Иностранный капиталъ охотно пойдетъ въ страну гдѣ ему придется находить примѣненіе наряду съ капиталами туземными *). Иностранный капиталъ пойдетъ и въ то государство, гдѣ развито казенное хозяйство **). Но иностранный капиталъ затруднится

*) Примѣромъ могутъ служить Соединенные Штаты.

**) Напримѣръ въ Германію.

пойти туда, гдѣ онъ облагается тяжкими налогами или плохо защищается законами.

Такъ и съ переселеніемъ. Иммигрантъ — рабочій или иммигрантъ плантаторъ найдетъ справедливыми извѣстныя условія и сроки, которые связаны съ натурализаціей. Чужеземцы, недавно прибывшіе, примирятся съ тѣмъ, что должны уступать въ политическихъ правахъ — гражданамъ страны. Переселенцы претендуютъ только на свободный въѣздъ и свободный трудъ. Разъ это даровано — чувство враждебности утрачивается. Международный антагонизмъ капля за каплей, исчезаетъ.

Восточный вопросъ, постоянная угроза европейскому миру, единственно въ началѣ свободныхъ границъ получитъ рѣшеніе, которое избавитъ державы отъ долголѣтняго кошмара и отъ ряда войнъ.

Кому владѣть Босфоромъ? Какъ раздѣлить Турцію? Когда принципы свободныхъ границъ будутъ твердо усвоены державами, вопросъ о проливахъ и вопросъ о территоріальномъ размежеваніи за Балканами и въ Малой Азіи потребуетъ примѣненія силы лишь по отношенію къ Турціи. Опасность европейскаго конфликта устранится навсегда. Для Россіи владѣніе Константинополемъ и Дарданелами обратится изъ жизненнаго интереса въ платоническую и историческую традицію. Если проливы попадутъ въ руки культурнаго государства, съ которымъ вѣроятность столкновенія будетъ не больше вѣроятности столкновенія Англіи съ Шотландіей, а свободное пользованіе Босфоромъ для русской торговли будто также обезпечено, какъ и плаваніе по Керченскому проливу, тогда для Россіи всякій христіанскій обладатель Византіи будетъ лучше турокъ. Но съ другой стороны Англія, Австрія и Германія не будутъ видѣть ничего опаснаго въ томъ, что

преданіе о щитѣ Олега воскреснетъ и мусульмане будутъ прогнаны, Св. Софія возстановится и русскій губернаторъ поселится въ Константинополѣ, — если эти державы убѣдятся, что у Россіи не только не будетъ аггресивныхъ *помысловъ*, но исчезнутъ и аггресивные *интересы*,—и если суда всѣхъ флаговъ будутъ плавать безданно, безпошлинно по всѣмъ русскимъ морямъ и приставать ко всѣмъ русскимъ портамъ и когда вся великая Имперія обратится въ порто-франко.

Интересъ, съ которымъ стала относиться въ послѣднее время Германія къ дѣламъ Востока, порождается колонизаціоннымъ движеніемъ нѣмцевъ въ Малую Азію и Сирію. Если турецкія области достанутся государству, которое свободу иммиграціи включитъ въ свои основные законы, то Германія съ охотою согласится на раздѣлъ Турціи между Англіей и Россіей. Нѣмецкія колоніи только выиграютъ отъ водворенія правоваго порядка.

Когда Англія получитъ увѣренность, что завладѣніе Индіей ни для кого не представитъ интереса, ибо и безъ того индѣйскій рынокъ будетъ открытъ для всѣхъ и каждаго, тогда колоніальная политика Англіи получитъ иной характеръ. Свои морскіе пути и свои морскія станціи Англія будетъ охранять только отъ варваровъ—сосѣдей, а не отъ замысловъ державъ-соперницъ. При свободныхъ границахъ европейскій концертъ такъ же искренно и дружно будетъ оберегать Суецкій путь отъ внѣшнихъ опасностей, какъ и порты Средиземнаго моря отъ заноса египетской чумы.

При современныхъ порядкахъ отношенія державы, господствующей надъ морями, чрезвычайно опасны и чрезвычайно сложны. При свободныхъ границахъ одновременно исчезнетъ опасность, а политика упростится. И внутри государства и внѣ его свобода будетъ имѣть упрощающее значеніе. Сравните былыя сложныя за-

конодательства странъ, гдѣ господствовало рабство, крѣпостное право, сословныя отличія, бюрократическо-полицейскій строй — съ современнымъ соціальнымъ укладомъ. Сословныя привилегіи весьма сложны. Равенство весьма просто. Цензурные уставы и цензурная практика очень трудны. Свобода печати *) даетъ простой законъ и увеличиваетъ досугъ властей. Всякое соединеніе власти судебной и административной не только вредно, но искусственно и требуетъ большихъ усилій со стороны законодателя. Независимость суда не только благодѣтельное, но и весьма простое рѣшеніе. Система предварительныхъ разрѣшеній требуетъ громаднаго служебнаго персонала, раздѣленнаго на многія іерархіи. Промышленная свобода сразу обращаетъ такія тяжелыя обязанности въ синекуры. Составленіе и примѣненіе таможенныхъ тарифовъ представляетъ колоссальный трудъ. Отмѣна пограничныхъ взиманій и упраздненіе таможенъ, даруя богатство и миръ—чрезвычайно упроститъ законы и сохранитъ силы и государственныхъ людей и мелкихъ агентовъ. Государственное вмѣшательство въ народное хозяйство, даже въ ограниченныхъ размѣрахъ, даетъ на практикѣ рядъ комлизій и загадокъ, почти неразрѣшимыхъ. Свободная государственная иниціатива въ самыхъ широкихъ размѣрахъ— опирается на самый простой, естественный, руководящій принципъ.

Такъ будетъ и съ международными отношеніями — при режимѣ свободныхъ границъ. Сплетеніе дипломатическихъ козней, кабинетныхъ тайнъ и фикцій международнаго права—разомъ замѣнится понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ началомъ трудоваго единенія самобытныхъ націй. Международныя *усложненія* какъ извѣстно суть признаки надвигающейся войны. Когда

*) Со всѣми ограниченіями и каратольными санкціями, необходимыми для огражденія порядка и личной неприкосновенности.

впереди ничего не будетъ кромѣ мирныхъ соглашеній, самое понятіе о такихъ *усложненіяхъ* будетъ изгнано изъ дипломатическаго языка.

Военныя столкновенія съ азіатскими деспотами и дикими племенами, а можетъ быть и съ нѣкоторыми изъ передовыхъ республикъ Южной Америки, наполнятъ еще цѣлый вѣкъ военными подвигами. Пока господство права не укрѣпится повсемѣстно, для его защиты не разъ придется примѣнять силу. Но когда культурные народы во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ будутъ пребывать въ союзѣ, арміи, флоты и военные бюджеты не будутъ велики. Для принудительныхъ дѣйствій, за предѣлами цивилизованныхъ государствъ, потребуется гораздо меньшая вооруженная сила, ибо при полномъ согласіи державъ, одной ихъ угрозы часто будетъ достаточно.

Обращая взоры на прошедшее нечего будетъ отрѣшаться отъ военной славы. Только народы, исполненные силы, только народы съ высокимъ духомъ способны дать землѣ миръ. Крѣпкая государственная организація, сильная власть, живое національное чувство и традиціонная способность къ самоотверженію давали побѣду въ вѣка войны и дадутъ успѣхи во времена мира. Государство, не боявшееся завоеванія, не побоится открыть свои границы. Государство, обладавшее матеріальными и нравственными средствами для созданія побѣдоноснаго войска, найдетъ источники и для широкаго участія въ свободной международной и соціальной кооперації. Когда войны изсчезнутъ, національная гордость поставитъ памятники мирныхъ побѣдъ рядомъ съ памятниками былой военной славы. И быть можетъ вѣчнымъ связующимъ звеномъ, для всѣхъ народовъ земли, будетъ воспоминаніе о томъ, что мечъ былъ обнаженъ въ послѣдній разъ, въ XX вѣкѣ, у воротъ Іерусалима.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О. 5 лин. 54
СКЛ. ВЛАДИМІРСК. ПР. 4

Аничковъ

Война и Трудъ

М. Ф.